

ВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ

Desmond ♦ Samus ♦ Molfar

Хань Нао, младший сын прославленного генерала, всегда хотел стать героем. Рассекать небеса на летающем мече, обрушивать удары и техники на злодеев и спасать красавиц. Увы, из-за слабого здоровья, не позволяющего культивировать ци, ему пришлось искать утешения лишь в хорошей обильной еде и созерцательных кристаллах, показывающих приключения настоящих героев. Хань надеялся, что когда-нибудь найдёт великого наставника, способного оценить его талант, превратить из отброса и позора рода в героя из легенд. Вот только он не слышал, что своих желаний следует бояться. Потому что они иногда исполняются, да иногда гораздо лучше, чем можно себе представить. Впрочем, даже самые невыносимые страдания — это всего лишь временные трудности!

— Тебе никогда не стать таким, как я!

Меч засиял ослепительным светом, ударил в поток огня и рассёк его пополам. Толчок ногой и молниеносный рывок — знаменитый прыжок Тысячи Вершин вознес Бао Сяо к небесам. Руки его светились от избытка ци, и та стекала с клинка, который сейчас резал даже воздух, и сами небеса дрожали перед его мощью. Дариуш взирал надменно, свысока, как и подобает высокорожденному из рода Цап, и лишь слегка поводил ухоженной рукой с накрашенными ногтями. Слуги, повинаясь его знакам, ринулись вперед на тиграх и драконах, цаплях и фениксах, и каждый из слуг кричал:

— Склонись и признай, что перед мощью рода Цап ты лишь муравей перед горой!

Они швырялись техниками, стрелами и копьями, нападали при помощи клинков, натравливали зверей и птиц. Но Бао Сяо не только стоял несокрушимой горой, но и атаковал — прорывался через сопротивление, прыгал по их головам, рубил копья, стрелы, врагов и животных. Он возносился всё выше и выше, и клинок в его жилистых руках с каждым шагом светился все сильнее. Отточенная Звездная Сталь и столь же отточенное владение ею — Бао рубил и резал всё подряд на своем пути, никто и ничто не могло продержаться против него даже мгновения. Он рычал и рвался вперед, туда, где за спиной Дариуша в клетке находилась возлюбленная Бао Сяо, прекраснейшая Мэй Линь.

— Хо-хо-хо, — раскатился злодейский, сытый смех Дариуша, — а ты неплох, муравей! Но пришла тебе пора узнать мощь горы!

Аль-Цап вскинул руки, с которых сорвался ревущий поток молний, уничтоживший и развеявший не только Бао Сяо, но и все вокруг, включая собственных слуг Дариуша, двух драконов и одного феникса. Воздух устремился в новообразованную пустоту, и губы Дариуша чуть дрогнули, изображая улыбку. Так он и умер с улыбкой на губах, когда клинок Бао срубил ему голову вместе с руками, пока смертельные удары Дариуша бессильно пронзали остаточное изображение и били в место, где Бао Сяо находился мгновением ранее.

Но Бао Сяо даже не обратил внимания на поверженного врага, он прыгнул вперед — клетка Мей Линь разлетелась на миллион кусочков, а сама она оказалась в объятиях героя.

Не отпуская Мэй, Бао Сяо слегка повернулся, проводив взглядом всё ещё летящую вниз голову злодея:

— Мне и не нужно становиться таким, как ты. Я и так хорош.

Он припал к губам Мей Линь, которая вся затрепетала в объятиях своего жениха, отстранилась, а затем изрекла слабым голосом:

— Ты должен знать, стремительный Бао, что я недостойна тебя.

— В моих глазах ты достойна, — ответил тот, готовясь возобновить прерванный поцелуй, — и этого достаточно.

Они снова слились в поцелуе, пока небеса над ними рокотали молниями, а земля внизу пылала и дрожала от мощи приближающихся родичей Дариуша из рода Цап.

Часть 1. Меланхолия скромного философа. Глава 1, в которой герой преодолагает недуги мудростью

Хань Нао моргнул и уставился на лежащий в пухлой ладошке созерцательный кристалл так пристально, словно не мог поверить, что очередная серия «Стремительного Клинка Бао» действительно закончилась. Он отложил кристалл в сторону, зачерпнул горсть орехов с подноса и захрустел ими, всё ещё находясь под впечатлением от увиденного.

— Всё же кристаллы лучше свитков, — изрек он многозначительно в пустоту огромной комнаты.

Его всегда захватывали похождения могущественных воинов, он перечитал тысячи свитков и пересмотрел целые горы кристаллов. И, несмотря на то, что свитки обладали множеством неоспоримых достоинств, например, раскрывали внутреннюю суть героя, позволяя приоткрыть покров над его мыслями и чувствами, но только кристаллы позволяли по-настоящему погрузиться в мир приключений, испытать всё так, словно он, Хань Нао, находился в этот момент там, в самой гуще схватки. Словно он, а не Бао Сяо, спасал красавиц, свергал тиранов, уничтожал разбойников и собственными руками повергал в прах целые могущественные дома, отклонившиеся от праведного пути в пользу пороков — чревоугодия, праздности и корысти.

Что может быть лучше кристаллов? Конечно же, участвовать в приключениях самому! Больше всего Ханю Нао хотелось стать могущественным воином, несущим справедливость и добро своим клинком, способным расколоть горы, разрубить море и пронзить сами небеса! К сожалению, слабое здоровье, которым его одарила судьба, не позволяло идти путём героя. Видать, в прошлой жизни он действительно был могучим воином, совершившим столько славных деяний, что духи предков отправили его в этом перерождении немного отдохнуть. Поэтому Нао бросал вызов судьбе и небесам другим, столь же почётным способом — философы и учёные являлись не менее уважаемыми людьми. А он являлся и тем и другим — количество мудрых изречений, которые он написал с помощью своей безупречной каллиграфии, посрамило бы любого философа, а гора прочитанных свитков (ведь кто в здравом уме скажет, что в сказаниях о подвигах героев не содержится сама эссенция мудрости?) — любого учёного. Впрочем, отказываться от стези героя он тоже не собирался, ведь сдать означало покориться судьбе.

Зачерпнув еще горсть орехов, Хань оперся на нежный ворс ковра и поднялся, отдуваясь. Прошелся до любимого стола с зеркалом и свитками, уселся со страшным звуком.

— Что за негодная мебель, — проворчал он под стоны и скрипы протестующего кресла.

Хань несколько раз хлопнул в ладоши. К сожалению, вышло недостаточно громко, так что он схватил било и изо всех сил ударил в гонг.

— Что изволите, молодой господин? — тут же появился с низким поклоном один из старших слуг.

— Замените кресло, это пришло в негодность! Совсем разучились делать нормальную мебель, скрипы мешают мне сосредоточиться на важном!

— Разумеется, молодой господин, — поклонился старший слуга до самого ковра. — Немедленно все будет исполнено.

Ворс ковров заглушал звуки шагов, но зато трое слуг, заносивших замену, сопели и отдувались. Хань стоял чуть в стороне, хрустя орехами и пытаясь отвлечься созерцанием

своих же творений. «Будь грозен в деле и мягок дома», «Слабый лелеет обиды, сильный — меняет себя и мир», «Только трусы сбиваются в стаю» и прочая мудрость, исполненная безупречным каллиграфическим почерком. Свитки свисали со стен, будто знамена поверженных врагов, и Хань ощутил прилив вдохновения.

Отослав слуг, он упал в кресло, удовлетворенно отметив, что теперь оно было поставлено идеально и даже не шелохнулось, а не как в прошлый раз, когда ему три раза пришлось приказывать переставить. Не слишком близко к столу, иначе садиться неудобно, и не слишком далеко, чтобы не приходилось тянуться. Хань расстелил свиток быстрым движением руки, умело, словно исполнял боевую технику, и выхватил кисть, представляя, что это смертоносный и стремительный клинок Бао Сяо.

Хань обмакнул кисть в чернильницу с красными чернилами, добытыми вручную из особых мидий, обитающих только на дне океана, и устремил свой клинок в бой. Кисть так и порхала, разя врагов, в качестве которых выступали иероглифы. Движения были резки, точны и стремительны, но одновременно плавны — без разлета капель. Ведь он мастер каллиграфии, а значит вполне, не хуже Бао, мог бы управляться и с мечом! «Да, — подумал Хань, — техника уже есть, надо только выбрать легкий меч и начать заниматься. А еще лучше взять и изобрести меч-кисть, чтобы разить им врагов и одновременно рисовать. Да, точно, рисовать картины, которые будут оживать, словно в серии «Непобедимый Художник в поисках Идеальной Кисти!»

— Уф-ф-ф, — закончил он выводить цитату «Если ты достоин, то ты достоин, и этого достаточно».

Вновь поёрзав в кресле и ощутив его прочность и основательность, Хань грустно улыбнулся. Увы, мир катился в пропасть. Современная мебель, как и многое другое, никуда не годилась. Вот умели же делать раньше, не то что сейчас! Оружие, техники ци, мебель, одежду — да всё что угодно! К счастью, подобная напасть пока не коснулась кристаллов с приключениями, но он с ужасом представлял времена, когда и эта отдушина его жизни уступит безжалостному течению времени, когда вместо могучих героев кристаллы начнут показывать бесталанных позёров, чьи приключения станут пресными, как варёная рыба Муныг Ху без тройного лунь-ыньского соуса.

Как бы ни хотелось ещё чуть-чуть отдохнуть, но возникшая мысль требовала увековечивания — он просто не имел права лишать потомков результатов своих раздумий.

Вновь окунув кисть в чернильницу и расстелив новый свиток, Хань Нас стремительными росчерками вывел безупречную цепочку иероглифов: «Течение реки времени ведёт в пропасть». Полюбовавшись на результат своих трудов и удостоверившись в безупречности обеих цитат, Хань тяжело запыхтел.

Ощущая легкую усталость и голод, он хлопнул в ладоши, и в этот раз старший слуга появился без ударов в гонг.

— Повесьте на стену и смотрите, чтобы ровно! Хотя нет, я сам все проконтролирую! Да, повесьте вон туда, над вазами эпохи Дань, как раз отлично будет видно с дивана! Да нет, остолоп, не этот свиток, другой, а этот между копьём и цзянем, — распорядился Хань, проваливаясь в этот самый диван. — Да нет! Не этим копьём, рядом! Всё вам, тупицам, приходится объяснять! И столик сюда перенесите, немедленно, я проголодался!

Приятно будет перекусить нежной певчей уточкой, замаринованной в сливах и листьях столетнего дуба, в меру поперченной и подрумяненной, а вокруг, в качестве гарнира, чтобы лежали новорожденные цыплята в соке островных лимонов. От одних мыслей об этом рот

Ханя наполнился слюной, и он даже упустил момент, когда его бесценные свитки со свежими, едва высохшими изречениями чуть не повесили на разной высоте. Возмутиться этим и тем, что еще не принесли еду, он не успел, в дверях появился слуга.

— Нижайше прошу прощения, молодой господин, — склонился он до самого ковра, — но господин Гуанг требует, чтобы вы приняли участие в семейном обеде!

— Чтобы опять меня отчитывать, — недовольно искривил губы Хань. — Не пойду!

— Молодой господин, — слуга снова упал в ковер, — госпожа Лихуа просит вас снизойти до просьбы господина Гуанга, вашего отца, и принять участие в семейном обеде, ведь господин Гуанг уезжает в столицу!

— Ладно, ладно, — проворчал Хань, — только ради матушки. А вы смотрите у меня! Повесите криво — накажу! Вот как тут тренироваться и вести достойный образ жизни, когда постоянно что-то да отвлекает?

Вспомнив о просьбе матушки не ходить полуодетым по дому, он недовольно поджал губы. К чему вообще выходить, когда и в его покоях есть всё, а чего нет, то слуги всё равно принесут? Да и идти слушать недовольное ворчание отца тоже радости не доставляло. Можно отсидеться и подождать, пока отец уедет, и всё станет как прежде: спокойно и размеренно, без требований, упрёков и криков о позоре семьи.

— Молодой господин, прибыл свежий выпуск «Альманаха героев», — появился еще один слуга.

Вот уж совсем некстати! Альманах с перечислением героев и совершенных ими деяний на благо всей Империи, описанием техник и обстоятельств подвигов, красочными картинками, и к каждому обязательно прилагался созерцательный кристалл с боевой сценой, самой настоящей! Руки и губы Ханя затряслись словно сами собой, окатило желанием никуда не ходить, а просто прилечь и спокойно насладиться чтением, представляя себя на страницах... Нет, не на страницах, а прямо на обложке!

Как Бао Сяо, только лучше!

Но разве тут станешь героем, когда жестокая реальность то и дело тебя отвлекает? Мысль была прекрасной и достойной нового изречения, но увы, из-за спешки не было времени увековечить её в свитке. Впрочем, сегодня он и так уже создал две цитаты, записать третью было бы недостойной философа торопливостью.

— Положи на стол, да ничем не запачкай, — приказал он свысока и всё же вышел из комнаты.

Довольство своей силой воли и духа продолжалось недолго, ровно до двери. Он опять вспомнил просьбу матушки, тяжело вздохнул, развернулся и пошел одеваться. Просто невыносимая жизнь, полная мучений каждую минуту! Но ничего, думал Хань, пока его одевали слуги, вскоре станет легче. Когда не будет отца — спокойно займется тренировками, чтобы никто не подгонял и не портил настроения. Да, вот прямо завтра! Хотя нет, еще же альманах есть и не досмотрен кристалл с могучим Джубой, повелителем камней. Тогда послезавтра, как раз начнется новая полудюжина дней. Да, точно, так будет лучше всего.

— Что такое? — недовольно спросил он, ощущая тяжесть в груди и плечах. — Ах, негодники, опять плохо постирали мой халат?! Он опять сел и сильно давит!

Одни расстройства вокруг! Но на этот раз слугам хотя бы хватило ума не отрицать свою вину. Хань все же вышел из комнаты, размышляя о том, что все это достойно отдельной цитаты на стене. Что-то о том, как благородный и терпеливый муж изменяет обстоятельства

под себя и никогда не отрицает вины.

Довольный собой, он прошел по длинному коридору, наслаждаясь созерцанием картин на стенах и сгибающихся перед ним слуг. Прежние хрупкие вазы из коридора так и не убрали, поэтому одна из них опять упала и разбилась, но Хань уже не стал останавливаться, так как учуял ароматы обеда.

— Трехслойный сливовый пирог, — прошептал он, облизывая губы, — и свинина на ребрышках.

Его любимая свинина на ребрышках! Он прибавил было шаг, даже чуть не свалился с лестницы, и совсем запыхался от волнения и переживаний, что все съедят без него. Скульптуры дрожали при его приближении, насмешливые взгляды стражей в лакированных доспехах скользнули мимо, но Хань их великодушно проигнорировал и, ведомый сладкими ароматами и предвкушением добычи, ворвался внутрь, словно завоеватель в осажденный город.

— И тебе добрый день, сын! — прогремел голос отца.

Хань споткнулся и налетел бедром на край стола, тихо взыв от боли и от вида того, как пирог разваливается на слои. Отец, все такой же седоватый и суровый, с жесткими, безжалостными глазами, смотрел на Ханя, будто хотел испепелить его взглядом.

— Дорогой, не стоит так кричать на бедного Хаоню, — мягко заметила матушка, сидевшая рядом с отцом. — Ты же видишь, бедный мальчик совсем запыхался, так торопился прибыть по твоему приказу. А ведь у Хаоню слабое сердце!

— Слабое сердце тут у тебя! — стукнул кулаком по столу отец, и Хань едва не разрыдался.

Блюда летели прочь, пирог разваливался, что за жестокосердие!

— Стоило ему учуять еду, как он примчался, будто кабан... Нет, как жирный поросенок, полный сала!

— Как ты можешь так говорить, дорогой, — мягко заметила матушка, — у него просто широкая кость, ведь он пошел в тебя.

— Старший Жикианг, вот кто пошел в меня, он уже возглавляет крепость на границе и бьет варваров! Средняя, Сюлань, прославилась на всю Империю своими лекарствами, и она стала женой самого Реншу Тыбао! А младший только лежит и позорит меня, генерала Империи! И люди шепчутся за спиной о том, что как я могу водить войска в бой, если не способен приказать даже своему младшему сыну?

— Ну вот, смотри, до чего ты довел нашего бедного, нежного мальчика, — заохала матушка Лихуа, хлопоча вокруг осевшего Ханя.

Аромат нюхательных солей придал Ханю сил.

— Сын! — провозгласил отец. — Император призывает меня, дабы усмирить подлых хунхунов, и это займет долгое время. Возможно, я даже сюда не вернусь, и тебе предстоит стать мужчиной и защитником нашего дома! Долгие годы я закрывал глаза на твою лень и нежелание заниматься!

— У него просто нет склонности к занятиям ци, — возразила матушка, — зато как замечательно он рисует!

Хань, услышав ободряющие слова матери, собирался кивнуть, но, заметив злой взгляд отца, сдержался. Но даже могучий генерал Нао не мог бы не признать, что у Ханя неподходящее для боевых искусств телосложение. И в этом был виноват именно отец, не одаривший потомка Девятикратным Телом Божественного Демона, или Ци Тысячи Клинков.

— Кому нужны его свитки, когда вокруг полно печатных станков?!

Ароматы манили и дразнили, еда звала Ханя, и от желания встать и спасти уже все эти сокровища от протухания у него слезы прямо наворачивались на глаза. Но отец будто издевался: позвал, лишь чтобы накричать, осыпать упрёками и не дать поесть. Эта пытка была особенно невыносима, перед ней меркло даже неприкрытое оскорбление талантов Ханя и незаслуженная похвала вульгарному и низменному устройству.

— Ну вот, смотри, ты опять расстроил нашего Хаоню!

— Да сколько можно звать его детским именем! Полный цикл, дюжина лет уже прошла с момента наречения взрослого имени, а ты все еще зовешь его детским!

— Потому что он слаб и болен, а твои крики только ухудшают его состояние.

Отец грозно рыкнул, а затем, громко топая, удалился в сопровождении звенящих латами стражей. Испускаемая им в гневе ци окутала тело тёмным багровым ореолом. Как только родитель исчез из виду, матушка тут же помогла Ханю подняться, усадила в мягкое кресло и придвинула лучшие блюда.

— Поешь, поешь, сыночек, тебе надо много кушать, чтобы вырасти здоровым и сильным. Сейчас...

— Завтра, — перебил ее Хань.

— Завтра доктор Пинг тебя осмотрит и пропишет новые лекарства, все будет в порядке. Отец пошумит и успокоится, он всегда такой, но в глубине души все равно тебя любит.

— Завтра думаю заняться тренировками, — поделился планами Хань. — По чуть-чуть, конечно же, ведь главное в тренировках — не навредить!

— Вот, ты же моя умничка! — обрадовалась матушка Лихуа. — А когда отец вернется, ты уже будешь полностью здоров! Представляешь, как он обрадуется?

Хань уже не слушал, под одобрительным взглядом матери накинувшись на еду. Ну как накинувшись? Поедая блюда размеренно и спокойно, как и подобает представителю древнего и славного рода. И даже если какой глупый злопыхатель обвинил бы его в некоторой поспешности — ну и что? Как неоднократно говорили доктора Пинг и Чжао — здоровое тело требует здорового аппетита. К тому же Хань совершил сегодня столько много важных дел, а из-за нелепых нотаций отца обед затянулся на непозволительно длительное время. Вот и теперь Ханю приходится есть, как какому-то жалкому простолюдину — многие блюда уже остыли, пирог развалился, а содержимое бокала с Радужным напитком окончательно перемешалось, превратившись в унылую зелёно-голубую жидкость, вместо радующих глаз восьми отчётливых слоёв лучших вин Империи.

Если бы Хань был таким изнеженным и привередливым, как его обвинял отец, он бы немедленно приказал заменить все блюда и накрыть стол заново. Но он никогда не пасовал перед трудностями, поэтому принялся за трапезу как есть, по-крестьянски. Как ни странно, но испорченные блюда прекрасно оттеняли отвратительное настроение от разговора с отцом, так что, утолив первый голод, Хань принялся за трапезу основательно. Как и положено мыслителю и философу, он нашёл положительные стороны даже в испорченных блюдах. Зажав палочками свиное рёбрышко, Хань задумался над новой цитатой, которую он напишет после обеда. А ещё лучше — после лёгкого послеобеденного сна.

Из глубоких раздумий Ханя вырвал неуместный и несвоевременный голос слуги.

— Генерал Гуанг Нао! — провозгласил тот от входа в зал.

— Мам! Он слишком быстро вернулся! — возмутился такой несправедливостью Хань.

Хань даже не успел еще доесть!

— Потому что небеса и семейные духи ниспослали нам удачу в этот день! — прогремел голос генерала, бесцеремонно оттеснившего растерявшегося слугу от дверей. — Вставай, сын, и радуйся, ведь я нашел тебе учителя! Настоящего наставника, каких у тебя никогда не было!

Хань всегда понимал, что отец, называя его ленивой свиньёй, был предельно несправедлив. Ведь на самом деле учиться Хань хотел всегда! Владеть самыми могущественными техниками и боевыми искусствами, крушить горы, спасать красавиц и парить высоко в небесах на источающем ци мече. И услышав, что отец нашёл ему учителя, Хань сразу же обрадовался. Он неоднократно видел такое в кристаллах: ведь встреча с мудрым наставником — неотъемлемый этап становления героя, превращения из мусора и позора рода в великого воина и алхимика. Учитывая то, что самого Ханя позором рода называли неоднократно, причём не только недоброжелатели из других семей, но и даже родной отец, появление учителя являлось закономерностью — проявлением гармонии Небес и Земли.

Хань всегда подозревал, пусть и не признавался даже самому себе, что его слабое тело — это неспроста. Наверняка он обладает редкой конституцией Несокрушимого Клинка, или же конфигурацией меридианов Бессмертного Пурпурного Феникса, а то и вовсе сразу кровью Яшмового Предка-Дракона и Сапфирового Божественного Цилиня, исконных врагов чья бесконечная битва и являлась причиной плохого здоровья Ханя.

Не вызывало удивления то, что доктора, которых приводила матушка, лишь констатировали слабое сердце. Да, они были прекрасными уважаемыми специалистами, но для того, чтобы видеть не только на поверхности, но и заглянуть глубоко внутрь, в самую причину недуга, нужен был настоящий эксперт. Просто так встретить подобного эксперта не получилось бы и у самого Императора — те вели отшельнический образ жизни, постигая тайны подлунного мира. Поэтому даже могучий и прославленный генерал Гуанг Нао мог надеяться только на удачу. На его, Ханя Нао, удачу, благодаря которой сейчас и произойдёт судьбоносная встреча.

Хань прекрасно представлял, что будет дальше. Седобородый старец с длинными волосами, одетый в белоснежные одеяния, бросит на него пристальный пронзительный взгляд, а потом несколькими стремительными движениями пальцев пронзит акупунктурные точки, открывая в меридианах Ханя правильный ток ци. Он научит его особой тайной технике дыхания, благодаря которой кровь божественных зверей-предков в его теле прекратит свой извечный конфликт и начнёт течь в устойчивой гармонии, делая его теперь не слабее, а многократно сильнее.

Хань знал, что для обретения могущества придётся пойти на большие жертвы. Он не собирался сдаваться — ради силы и своего будущего он готов принимать ванны даже с самыми вонючими алхимическими отварами, глотать горькие пилюли (которые придётся заедать чем-то вкусным) и надолго неподвижно замирать на кушетке, циркулируя ци.

— Я готов, отец! — встав и мужественно выпятив живот, сказал Хань. И впервые за долгое время в глазах генерала мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Ещё бы, попробовал бы ты быть не готовым, — беззлобно проворчал генерал. — Радуйся, твой учитель — самый молодой практик ци в Империи, получивший знак грандмастера!

Хань нахмурился. Слово «молодой» плохо сочеталось с образом таинственного наставника. Впрочем, с другой стороны, для мастера ци — тем более грандмастера, мастера

мастеров! — возраст в сотню лет был самым расцветом юности. Случай, когда учитель героя выглядел как юноша, в свитках и кристаллах тоже встречались, пусть и гораздо реже. Длинные волосы, скрепленные на макушке нефритовой заколкой, не по годам мудрые пронзительные глаза и развевающиеся шёлковые одежды — образ будущего наставника словно сам возник перед глазами. Хань предпочёл бы старца, желающего передать ему все свои тайные знания и техники, но юноша — тоже хорошо.

— Отец, скажите, а насколько хорош мой учитель? Я видел в кристаллах, как Бао Сяо своим мечом смог разру...

— Лучше! — мгновенно перебил его папа. — Этот Бао Сяо — жалкий неумеха по сравнению с твоим будущим наставником!

Хань уважительно склонил голову. Он-то прекрасно представлял, на что способен Бао Сяо, превзойти его являлось невероятным достижением. Впрочем, улыбнулся он, скрывая улыбку, глупо было бы ожидать, что Гуанг Нао, прославленный полководец и великий воин, назначит в учителя своему сыну какого-то деревенского увальня!

Глава 2, в которой герой делает шаг к мечте

— Таким как я тебе, конечно, не стать никогда, — раздался негромкий, чуть насмешливый голос. — Впрочем, это лишь временные трудности!

Хань, услышав за спиной эти слова, от возмущения едва не подпрыгнул. Он ещё не видел говорившего, но с внезапной нефритовой ясностью понял, что этот человек ему уж точно не понравится. И дело даже не в том, что Ханю пришлось поспешно проследовать из трапезной напрямик в малую приёмную, которая располагалась в совсем другом крыле особняка. Нет, это было само собой разумеющимся — не может же младший наследник дома Нао встречать гостя во внутренних покоях или, ха-ха, в своей спальне. И не столько в том, что этот невежда употребил слова сразу двоих совершенно разных персонажей. Хотя о том, что Стремительному Клинку Бао Сяо не стать таким как он, говорил коварный и безжалостный злодей Дариуш Аль-Цап, а вот фраза о временных трудностях являлась любимой присказкой никогда не сдающегося и не страшящегося неурядиц Ледяного Ворона Лю Минфэя. Соответственно, использовать эти фразы одновременно являлось свидетельством предельно дурного тона.

Хань собирался обставить встречу с будущим наставником самым достойным образом. Он, как и положено настоящему Нао, стоял в приёмной спиной ко входу, сохраняя задумчивую и расслабленную позу, взглядом мудреца разглядывая висящие на стенах гравюры, которые, разумеется, не шли ни в какое сравнение с глубокомысленными философскими изречениями, украшающими стены его спальни.

Стоило бы только прибыть учителю, и слуга провозгласил бы его появление, как Хань неторопливо, с благородной выдержанностью повернулся бы, окинул бы гостя внимательным взглядом, тем самым показывая, что каким бы прославленным тот ни был, но и с домом Нао следует считаться очень серьёзно. И это стало бы началом гармоничных отношений учитель-ученик, основанных на достоинстве и взаимном уважении.

А этот грубиян, без спросу заговоривший первым, мгновенно всё испортил!

Хань обернулся, с неудовольствием отметив, что его новый учитель пришёл не в сопровождении слуг, а его привели, словно самого почётного гостя, не только отец Гуанг, но и матушка Лихуа. И на их фоне гость смотрелся словно жалкий воробей рядом с двумя ослепительными фениксами!

Выглядел этот учитель смехотворно. Вместо ожидаемых шёлковых одеяний он был облачён в какую-то кожаную усеянную заклёпками куртку, перетянутую широкими ремнями, и в просторные кожаные штаны. Вместо шёлковых расшитых бисером туфель с загнутыми носками он носил ботинки, словно какой-то простолюдин или солдат. Одеядением он походил на одного из варваров-наемников или шэньцзы из отрядов отца. Даже слуги в доме Нао выглядели получше, чем этот «учитель»! Они хотя бы носили шёлк! Единственное украшение — белая нефритовая табличка на поясе — при всей своей незамысловатой простоте и то выглядела нелепо, словно павлинье перо на вороне!

Не менее разочаровывала и внешность. Вместо аристократической элегантной бледности лицо покрывал совершенно вульгарный загар, который тот даже не попытался скрыть с помощью рисовой пудры. Волосы вместо положенной сложной причёски были острижены коротко, лишь чуть ниже плеч, и стянуты в хвост простым шнурком.

Руки, выглядывающие из коротких рукавов куртки, оказались низменно крепкими и

мускулистыми, нарушающими все каноны тонкости и изящества, ожидаемыми от благородного учителя. Вместо меча с нефритовой рукоятью на поясе из-за его спины торчала какая-то палка, подозрительно напоминающая те, которыми крестьяне в поместье что-то там колотили в своей черноногой суете.

Ну а черты лица... Хань не мог бы назвать его уродом. Наоборот, это лицо было по-своему, по-варварски, привлекательным. Вот только подходило оно не уважаемому мудрому учителю, а разве что грубоватому забавному спутнику героя, который появляется лишь для того, чтобы быть убитым подлыми наймитами враждебного дома в первой трети повествования, дав главному герою повод страшно за него отомстить.

— Дорогой... — заговорила матушка, выходя вперед и остановившись между Ханем и гостем, словно желая закрыть сына ото всех бед своим телом.

Пусть она и знала, с каким нетерпением Хань ждал появления учителя, но чутким материнским сердцем мгновенно почувствовала, что новый наставник совершенно не оправдывает ожиданий сына.

— Довольно! — загремел генерал Гуанг, вскидывая руку. — Два цикла я терпел все эти отговорки и уловки, рассказы о болезнях и слабом сердце. Я долго ждал. Теперь пришел твой черед подождать, моя благородная супруга.

— Но как я могу ждать, если ты собираешься причинять боль нашему ребёнку? — заломила белоснежные руки Лихуа.

Боль? Ему собираются причинить боль? Но ведь так не бывает, так не должно быть! Да сидеть целыми днями в позе лотоса, пропуская ци через дантьянь, не слишком весело и захватывающе, но никто никогда не говорил, что будет больно!

Бесстрашный и могучий, пусть лично не такой сильный, как имперские грандмастера ци, но все равно прославленный полководец, проводивший долгие годы вдали от дома, на границах и в войнах, генерал Гуанг заколебался. Он очень любил свою третью жену, мать Ханя, и казалось, что ее защита сработает и сейчас.

— Наш сынок был таким слабым и нежным, так много болел, а ты явно задумал что-то нехорошее, хочешь причинить ему боль и страдания! — белоснежные руки снова взмыли к потолку. — А ведь у него слабое сердце!

— Простите, госпожа Лихуа, — вдруг выступил вперед тот, кого привел отец.

Он поклонился, приложив руку к груди, и Хань уставился на него, сердито засопев. Если это злодей, то он — Бао Сяо, который поразит злодея своим стремительным клинком!

— Боль приносит не только страдания, но и радость, новую жизнь. Я слышал, ваши роды молодого господина Хань Нао прошли с большим трудом?

— Да, я едва не потерял свою дорогую Лихуа, — тут же прогудел Гуанг, будто боевой гонг.

— А теперь можешь потерять и сына, и меня! Разве смогу я пережить такие страдания?! Разве ты не видишь, дорогой, что нашему сыну уже плохо? Завтра его осмотрит доктор Пинг, назначит лечение, и после него...

— Никаких после! — на мгновение Ханю почудилось, что он на поле боя против полчищ Зла. — Хватит! Твоя любовь ослепила тебя, Лихуа, и ослепила меня, едва не дав свершиться непоправимому! Я бы так и уехал, смирившись, но небеса послали мне знак!

Он указал на приведенного с собой «учителя», а Хань вдруг заметил, что служанки, явившиеся с матерью, и двое гвардейцев, сопровождавшие отца, подглядывают за сценой и обмениваются красноречивыми взглядами. Вместе со злостью накатила и обида. Он и

матушка всегда были добры к слугам и снисходительны к их ошибкам, это отец постоянно их гонял и всё время отчитывал. А они теперь почти смеялись и глумились, разве что не тыкали в его пальцами!

— Поверьте, госпожа Лихуа, воспитание и развитие вашего достопочтенного отпрыска — это благородная забота. Я приложу все усилия, чтобы уберечь изящное дерево вашего сына от влияния несчастий, и не позволю ему засохнуть.

Хань нахмурился еще сильнее, почуяв насмешку. Когда-то он прочел выражение про дом, дерево и сына, и мастерски улучшил его, дополнил словами о том, что надо посадить столько деревьев, чтобы хватило на дом, полный сыновей, да чтобы еще и осталось. Написал красиво на свитке, даже посадил первое деревцо и повесил этот свиток на ветвь, собираясь потом сажать по дереву в день, продвигаясь к горизонту. Но на следующий день пошел дождь, затем бестолковые слуги потеряли саженец, потом привезли новые свитки походов боевого монаха Жу — любителя свинины, а затем первое дерево почему-то стало засыхать, и как-то все забылось.

Вот только откуда об этом знать самозванцу-«учителю»?

— Что-то он не слишком скромн для своего вида, — заявил Хань, твёрдо взглянув отцу в глаза.

Тот в ответ грозно прищурился, так что Ханю пришлось отвести взгляд.

— «Никогда не следует стыдиться своих побед и надо признавать свои промахи и поражения, как и подобает мужчине», — ответил вместо отца самозванец цитатой, которую Хань считал одним из самых удачных своих творений.

— Да ты издеваешься! — вспыхнул Хань, теряя всякое желание следовать этикету. Да и перед кем тут было распинаться? Уж точно не перед этим простолюдином-разбойником!

От переживаний и болезненного разочарования в ногах возникла слабость. Он сделал несколько нетвёрдых шагов к стене и рухнул в кресло, хватаясь за сердце. «Нельзя полагаться на других, достойный муж берёт судьбу в свои руки» — следуя своему же мудрому изречению, вдобавок к жесту с сердцем Хань еще и застонал, показывая, как сильно он страдает от несправедливости жестокого мира.

— Вот! Вот! — воскликнула матушка гневно. — Смотри, кого ты привел! Какого-то черноногого крестьянина, который оскорбляет нашего сыночка! А ведь у Хаоню и так очень слабое здоровье!

— Помолчи, женщина! — рявкнул Гуанг. — Это тебе не какой-то там шарлатан, вроде твоего Пинга, это сам...

Хань так старался придать себе как можно более болезненный и измождённый вид, что в этот момент его сердце и правда что-то кольнуло, поэтому он с ужасом прислушался к себе, позабыв обо всем на свете. Но укол не повторился, и он облегченно выдохнул, возвращаясь в шумную и ужасную реальность.

— ...белой нефритовой эмблемы, самый молодой из грандмастеров ци во всей Империи!

Разумеется, ничего интересного Хань не пропустил!

«Самый молодой» склонил голову, пряча самодовольную ухмылку.

— Дорогой, почему бы тебе не начать учить нашего сына самому? — вдруг вкрадчиво спросила госпожа Лихуа.

Хань воспрянул. Идея была отличной. У отца всё равно никогда не было времени, а подчинённые, которым он поручал тренировать сына, не могли противиться прямым

приказам матушки.

— Потому что я уже много раз пробовал, помнишь? — снова, как на поле боя, загремел голос Гуанга.

Хань убрал руки с сердца и закрыл уши, одновременно с этим ощущая укол тревоги. Обычно все разворачивалось по иному сценарию: стоило ему схватиться за сердце, как матушка кидалась на защиту, а отец отступал. Почему же теперь отец вернулся? Что такого там ему наплел этот наглец, посмевающий не только осуждать дерево Ханя, но и передразнивать его изречения?

— ...сразу по прошествии первой дюжины лет, после наречения ему взрослого имени! И что ты сделала?

— Ты разрушил потенциал нашего сына! Переутомил его и надорвал, теперь он никогда не сможет использовать ци! Если бы я не пригласила доктора Суо...

— Не упоминай при мне этого шарлатана! Единственное, чего он добился, так это вылечил от бесплодия дюжину служанок!

Сопровождавшие маму служанки многозначительно переглянулись, но не посмели хихикнуть. К этому времени в коридоре за спиной родителей теперь суетилась полудюжина слуг, у которых внезапно появилось множество неотложных дел именно в этом крыле особняка, и почему-то исключительно возле Малой Яшмовой Приёмной.

— И ты прогнал их всех! Доктора Нанга...

— Его пилюли из женьшеня оказались подделкой, только чудом никто не отравился!

— Доктора Ао...

— Который едва не убил тебя своим иглоукалыванием!

— Доктора Циньбао...

— Который обворовывал нас до тех пор, пока не получил палкой по пяткам!

— Ты прогнал всех докторов и запугал нашего сына!

Хань все сильнее тревожился — определенно что-то было не так. Ссориться так громко, да на виду у постороннего, гвардейцев и слуг? Нет, попытался успокоить он себя, отец отступит, он — прославленный генерал, ему никак нельзя терять лицо.

— А ты мне не дала забрать его в армию!

— Ему стало плохо на свежем воздухе!

— Потому что он никогда не выходит из своей комнаты!

— Ему трудно после причиненных ему травм! И вообще, вспомни, как тяжело протекали мои роды!

— Это было две дюжины лет назад! Посмотри, что теперь выросло!

Хань вздрогнул, пусть отец и не получил от Императора эмблему грандмастера Империи, но все же прекрасно владел ци, и его намерение ощущалось всей кожей. Отвращение, презрение, желание избить, если не убить — эти чувства не только были написаны у него на лице, но и окутывали фигуру тяжёлым багровым ореолом.

Вот только госпожу Лихуа таким было не пронять — не зря же она являлась третьей супругой прославленного генерала. Вместо того чтобы сдаться, она, чтя заветы из трактатов древних полководцев, контратаковала:

— Вот видишь! Ты презирал нашего сына и поэтому к нему так ужасно относился, сначала подорвал его здоровье, а теперь хочешь окончательно убить! Смотри, у него уже судороги! Нужно срочно позвать доктора Пинга!

— Срубить голову этому шарлатану, если он переступит порог зала, — процедил сквозь

зубы Гуанг.

Отдельного унижения добавляло присутствие этого «самого молодого из мастеров», как-его-там-звать, который вроде скромно стоял в сторонке, но при этом наверняка мысленно насмеялся. Слуги, что-то почуяв своим простолоудинским нутром, начали медленно исчезать, дабы их головы тоже не срубили под горячую руку.

— Я любил нашего сына и тебя, Лихуа, — Гуанг перестал кричать и слова его теперь падали, ударяя по голове, словно тяжелые капли холодного ливня. — Любил и отступал, когда надо было сразу проявить твердость. А он ловко пользовался всем этим и разыгрывал жертву!

Хань тихо всхлипнул от обиды. Ничего он не разыгрывал! Это весь мир ополчился против него и не давал покоя! А он лишь открыто выражал свои чувства!

— Ты всё твердил о шарлатанах, дорогой, — ринулась матушка Лихуа в новую атаку, — но сам-то? Не успел выехать из дома, как встретил непонятно кого и тут же притащил внутрь, уверяя, что из первого встречного выйдет прекрасный учитель!

— Ты хочешь знать, что случилось? Я расскажу тебе! Я выехал из дома, оставляя позади жирдя-сына, которому праздность и еда важнее семейной чести и сыновнего долга, и который пользуется твоей любовью и слабостью, как ты пользовалась моей!

Хань задохнулся от таких обидных слов так сильно, что в ушах страшно зазвенело.

— ...вступил в разговор! Когда я увидел императорскую эмблему, небеса вдруг ниспослали мне озарение! Ведь он ровесник нашего сына, но уже стал могучим грандмастером ци! Это ли не знак небес?

— Может эта эмблема — фальшивка! А он — не тот, за кого себя выдаёт?

Хань убрал руки и мелко-мелко закивал — слова матери, словно лук императорского телохранителя, били точно в цель.

— Ты полагаешь, что я не распознаю фальшивку? — взревел отец. — Думаешь, не узнаю в табличке ци самого Императора, да славится его имя в веках и лунах? Думаешь, я простой солдат, не знающий, что творится в Империи?

Звон в ушах накатил новой волной, желудок свело, и Хань жалобно застонал, не слыша самого себя.

— ...мастера, многократно прославившегося своими подвигами! Вот кем мог бы стать наш сын, если бы ты не позволила ему отожраться в этого ленивого, хитрого и трусливого борова!

Слезы покатились из глаз Ханя, и он снова схватился за живот и сердце. Прекраснейшая еда, от которой его оторвали, будто превратилась в помой, встала колом и начала рваться наружу. Жестокий, жестокий мир! Ну что стоило отцу ехать дальше в столицу, как он и собирался? А этот проклятый, как его, черноногий мастер, все так же стоящий в стороне с наглой ухмылочкой, ну чего он сюда приперся? Не мог, что ли, просто проехать мимо? Если он такой герой, то и катился бы совершать свои подвиги!

Из груди Ханя рвались хрипы и сипы, лицо исказилось. Он даже задержал дыхание, чтобы кровь прилила к лицу, делая его выглядящим особо болезненно и нездорово. Увы, испытанные приемы на этот раз не помогли.

— А знаешь ты, что я сделал, любимая жена моя? — ткнул в неё пальцем Гуанг. Он больше не кричал, но тихий хриплый голос казался намного страшнее.

— Н-нет, — ответила та, в кои-то веки не обращая внимания на Ханя.

От этого сердце пронзили боль и обида. Слезы катились, жгли, срывались прямо на

халат, оставляя на драгоценном шёлке мокрые полосы. И снова никто на них внимания не обратил. От этого становилось еще обиднее, поэтому поток слез усилился.

— Я упал и склонился перед ним до земли, умоляя стать учителем нашего сына! Я не думал о своей гордости и о гордости семьи Нао, о чести, статусе и достоинстве. Нет, я стоял на коленях, касался головой земли и умолял, так как знал, что ниже падать уже все равно некуда. Над нами давно смеются за спиной, рассказывая, что с величиной подвигов генерала Гуанга может сравниться только живот его младшего сына!

— Никто над нами не смеется!

— Это теперь! Так как к нам практически никто и не ездит, только Мэй Линь из соседей, мой соратник старый Цу и... Да и все! Ты же сама всех прогнала!

— Они обижали нашего Хаоню, прямо как ты! Хочешь загнать его в могилу, чтобы спасти свою честь?

— Нет, я хочу спасти его и тебя, так как люблю вас обоих! Если бы меня заботили честь и доброе имя, то я покончил бы с собой, смывая кровью позор! Но нет, я стоял на коленях, умолял и...

Покончил с собой?! Тревога ударила в огромный гонг, в роли которого выступила голова самого Ханя. Без денег отца, без состояния семьи Нао ничего не будет — ни кристаллов, ни вкусных язычков гололобика в соке морского барашка, ни слуг, ни-че-го!

— ...всё-таки согласился! Немедленно кланяйтесь и благодарите, а пока меня не будет, вы должны будете слушаться его во всем!

— Из любви к сыну ты хочешь причинить ему страдания? — вскричала Лихуа, будто выходя из транса.

Хань уже просто тихо поскуливал, держась за живот, но родители так увлеклись спором, что им стало не до его мучений.

— Да! Потому что все зашло слишком далеко! Он мог стать если уж не мастером ци, то кем-то другим, тоже уважаемым: военачальником, учёным, чиновником! Гордостью семьи! А вместо этого стал, — Гуанг повел рукой в сторону сына, словно отряхивал её от нечистот, — вот этим.

— Не стал по твоей вине! Не стоит пытаться искупить свои ошибки жизнью нашего сына!

— Жизнью?! Речь идет о тренировках!

Тренировках? Хань мысленно облизал губы, смеряя взглядом прищельца. Наглый черноногий, да он из одной лишь зависти к Ханю, к семье Нао, загоняет его до смерти. Что выходец из низов понимал бы в жизни благородных? Ему, может, и удалось провести отца, но не самого Ханя Нао с его богатым опытом распознавания скрытых злодеев и предателей в историях из свитков и кристаллов!

— Послушай, ты, как тебя там... — Хань даже встал и обличающе ткнул пальцем в этого придурка. — Я не собираюсь выполнять никаких твоих...

Он осёкся, услышав, как ахнули отец, мать и слуги.

Вспомнив уроки этикета, Хань запоздало сообразил, что, обратившись к уважаемому гостю «эй, ты» и не запомнив его имени, нанёс ему оскорбление. Которое только усугубилось тем, что отец, глава семьи, оказывал гостю высшее почтение, вплоть до поклонов к самой земле. Хань с ужасом вспомнил историю Верного Ветра, благородного разбойника Сунь Ю, которую смотрел два месяца назад. Там при схожих обстоятельствах за гораздо меньшее оскорбление Ю вырезал целый клан!

Кажется, отец называл этого... как его... сильнейшим мастером ци? Значит, сейчас этот может на законных основаниях убить Ханя и его семью?

— Прошу простить дерзость моего сына... — начал было опускаться на колени генерал Гуанг.

Но пришелец поддержал его под руку, не позволяя пасть ниц. Причём проделал это так ловко, что со стороны выглядело, будто учтивый, но равный по статусу младший не даёт споткнувшемуся старшему рухнуть на землю, сохраняя тому лицо.

— Не стоит, уважаемый Гуанг Нао, — хищно улыбнулся он. — Я не заметил никакой неучтивости ни от вас, ни от вашей досточтимой супруги. Что же касается тебя...

Он посмотрел Ханю в глаза, и тот сглотнул комок.

— Изначально я и не рассчитывал ни на твои манеры, ни на твой острый ум. Пока что называй меня «учитель» и никак иначе. Возможно, когда-нибудь ты заслужишь право узнать и произнести моё имя.

— Да будет так! — вскричал отец Ханя. — И чтобы никто не проявил постыдной слабости, я, генерал Гуанг Нао, старейший в нашем роду...

— Дорогой! — вскричала матушка Лихуа, но ее словно не услышали.

Отец Ханя будто окутался ярким алым ореолом и вырос до размеров зала. От испускаемых волн ци полированные доски пола затрещали, а по стенам и потолку побежали трещины. Стоящие на изящных подставках вазы взорвались, брызнув осколками фарфора и нефрита, стол накренился, скульптуры попадали, а свитки с гравюрами полыхнули ярким огнём. Хань не выдержал, зажмурился и выпустил наружу скопившийся в животе тяжёлый водоворот.

— ...перед лицом богов и свидетелей, перед лицом духов предков семьи Нао клянусь, что мастер...

Повеяло леденящим холодом, огонь, пожиравший гравюры на стене, внезапно застыл и осыпался осколками сосулк. Из тёмного провала посреди комнаты с ужасным воем появились духи предков, кружась и извиваясь своими длинными змеиными и драконьими телами. Их появление совершенно неожиданно оказалось во благо: приступ рвоты прервался, и Хань смог отодвинуться, пытаясь прикрыть уши руками. Даже гвардейцы отца у дверей побледнели и сделали по шагу назад.

Но этот мерзавец, требовавший звать его «учителем», стоял как ни в чем ни бывало. Более того, и даже — о боги и духи! — улыбался! Да как он посмел?

— ...вправе как угодно тренировать моего младшего сына, Ханя Нао, и применять к нему любые способы воздействия. Любые!

Матушка Лихуа заломила было руки, но прогремел оглушительный гром, и водоворот духов, подтверждающих клятву, ускорился, превратившись в размазанное, сияющее потусторонним светом пятно. Руки мамы бессильно опали.

— Никто в семье Нао да не помешает этим тренировкам! А если помешает, то будет зарублен на месте, клянусь в этом духами предков!

Те снова замелькали и завывали, а Хань опять прикрыл уши руками. Почему они появились именно сейчас? Почему бы не выползти на свет пораньше, и не затем, чтобы внимать нелепым клятвам отца, а, например, дабы помочь ему стать героем, пробудив древнюю ци или одарив несокрушимым телом?

— ...вправе зарубить такого наглеца на месте! Любого, кто помешает! Любого, вы слышали?

Новый всплеск воя, новая волна холода и новый оглушительный раскат грома. Кружение замедлилось и прекратилось, духи застыли на долю мгновения, обвели присутствующих в зале пронзительными потусторонними взглядами и скрылись в чёрном провале, который тут же бесследно закрылся. Лихуа сглотнула, а у Ханя в животе завертелся новый водоворот.

Духи предков обитали в семейном святилище и присматривали за всем родом, и клятва ими была не просто словами. Теперь отец уже не сможет отступить от клятвы, даже если когда-нибудь захочет. И это означало... Хань перевел взгляд на проклятого как-его-там и вдруг заорал, обиженно взревел и, вывалившись из кресла, помчался на него в атаку, в то же время осознавая, что у него нет ни единого шанса. Если он не может победить грандмастера в сражении, то хотя бы его заблюёт! После такого унижения тот сбежит сам, и клятва нарушена не будет, вот!

— Не так быстро, — спокойным, даже ленивым голосом сказал этот мерзавец и вдруг куда-то исчез.

Пол встал на дыбы, треснув Ханя по лицу, да ещё и пнул в живот, заставляя выплеснуть накопившееся содержимое. Нестерпимо заболели ушибленные руки и ноги, а в спину вдруг вонзилось что-то твёрдое. Больно и... тепло? Но ведь не мог же Хань вот так просто взять и... шупать себя не хотелось, и он опять захныкал от унижения.

— Ци позволяет не только причинять страдания, но также лечить и укреплять тело, — заявил этот гад сверху. — Вся боль во время тренировок — лишь временные трудности.

— Не важно! — резко заявил Гуанг. — Я возвал к духам предков, и они ответили, приняв мою клятву!

Хань заметил сияние и снова застонал, ткнулся лбом в пол, ощутив под собой что-то липкое и вонючее, но в то же время с запахом сливового пирога.

— Этого достаточно, клятва будет исполнена! Знайте, мастер, пока я являюсь главой дома Нао, ваше слово — моё слово! И любое непослушание — личное оскорбление меня, Гуанга Нао, а значит, карается смертью! Хватит на этом, меня ждут Император и войска. По возвращении я жду результатов, любых результатов! Ну а если сердце этого хряка такое слабое, как говорит моя дражайшая супруга, то так тому и быть. Не иметь сына лучше, чем каждый день получать всё больший позор!

Хань мысленно взвыл. Теперь этот «самый молодой мерзавец ци в Империи» может его просто прикончить, и никто ничего ему даже не скажет, просто не посмеет сказать! Хлопок закрывшейся двери прозвучал погребальным гонгом.

Глава 3, в которой герой сталкивается с коварством и жестокостью

Во всех известных Ханю историях герой, попав в подобное положение и получив свою порцию беспомощности и отчаяния, обязательно находил выход. Он использовал секретную технику, получал помощь верного друга или возлюбленной или же умудрялся обмануть врага, прикинувшись не тем, кем является. Но почему-то выход не находился, и тишина повисла в приёмной, словно гуань дао палача над шеей правителя мятежной провинции. Но Хань не отчаивался, ведь у него, как и положено герою, был верный и безотказный соратник — матушка. И кто бы ни предстал перед её пылающим взором — отец, духи предков, боги, демоны, драконы, да хоть сам Император — она никогда не оставит любимого сына в беде. И пусть этот мерзавец, словно западный варвар, незваным явившийся в их дом, получил поддержку отца, но против госпожи Лихуа у него нет ни малейшего шанса. Хань даже с некоторым предвкушением ожидал, как все усилия самозванца разобьются о непреклонность мамы, словно демонический клинок злодея об технику Несокрушимой Железной Рубашки героя. Пусть он осознает тщетность своих усилий!

К сожалению, этот подлец всё и так осознавал. Он почтительно, словно вернувшийся из военного похода сын благородному родителю, поклонился матушке и омерзительно мягким, почти любящим голосом спросил:

— Досточтимая госпожа Лихуа, простите, если я проявляю непочтительность, но буду ли я прав, если предположу, что вы страдаете от болей в почках? И временами у вас сводит шею и ноги?

Мать, приготовившая нахалу гневную отповедь, удивлённо замерла.

— Да, вы правы! Но откуда вы можете это знать? Я понимаю, если бы вы хотя бы проверили мой пульс, как доктор Суо...

Злодей вновь коротко поклонился, словно отдавая должное справедливости и мудрости её слов, и ответил:

— Вы совершенно правы, лучшего результата я бы добился, проверив ваш пульс. Но многое этот недостойный чужак может увидеть сразу, ощутив ток ци в вашем теле!

Матушка качнула головой и слегка улыбнулась. Улыбнулась! От подобного предательства у Ханя перехватило дыхание.

— Вы заблуждаетесь. Нет-нет, не по поводу болей. У меня нет ци.

— Простите, госпожа, при всём уважении к вашей мудрости, осмелюсь предположить, что это вам сообщил кто-то из упомянутых ранее уважаемых докторов.

— Разумеется, — благосклонно кивнула матушка, — меня осматривало множество специалистов.

— Значит, им ещё предстоит продвинуться по пути науки. Они заблуждаются.

Он несколькими стремительными шагами подошёл к стене, легко, словно это была невесомая ширма из шёлка и бамбука, подхватил кресло, тяжёлое, которое слуги носили только вчетвером, поставил его за спиной госпожи Лихуа и, без спросу подхватив её за запястье, помог сесть. При этом он полностью проигнорировал страдания Ханя, пытающегося дрожащими руками подняться из лужи непереваренного обеда.

— Ци есть везде и во всем. Ведь она — энергия жизни, пронизывающая все вокруг, от холодных звезд до самых раскалённых глубин земли под нашими ногами, от вершин гор до

бездны океана. Она есть у деревьев и зверей, у богов и демонов, духов и призраков. И, конечно же, есть она у каждого человека. Да, у некоторых она сильнее, у других слабее, кто-то может ею разрубать горы и крушить врагов, а кому-то не удаётся даже задуть свечу. Некоторые не чувствуют её, ведь им неведомо, что она у них есть, а значит, не могут ею повелевать. У вас есть ци, госпожа Лихуа, чистая и прекрасная, столь же прекрасная, как и вы сами!

Хань от возмущения вновь замычал. Что этот подонок вообще себе позволяет? Лишь плохое самочувствие не позволило вновь кинуться на самозванца и по-настоящему его проучить.

— Если вы, госпожа, позволите этому недостойному коснуться вашего благородного тела...

К ужасу Ханя, мать благосклонно кивнула головой.

Руки злодея замелькали стремительными змеями, лёгкими незаметными движениями касаясь рук, запястий, лопаток, плечей и шеи матушки. Один раз они даже коснулись впадинки между ключицами! Наконец он вытянул палец и коснулся ей середины лба.

— Скажите, благородная госпожа Лихуа, как вы чувствуете себя сейчас?

Матушка покрутила шеей, замерла, словно прислушиваясь к себе, и округленными глазами изумленно уставилась на мерзавца. Несмотря на то, что он, не будучи её мужем, посмел её облапать, она не только не позвала стражу, но и улыбнулась тепло этому мерзавцу, словно собственному сыну!

— Ци есть везде и в каждом, — продолжил разговор самозванец. — Как и обычные мышцы, её можно развивать, усиливать и тренировать.

— Но мышцы можно повредить, — слабым голосом возразила матушка, — и так и случилось с моим Хаою!

— Все, что повреждено, может быть излечено, — самодовольно заявил злодей, отступая от матушки и вновь коротко кланяясь. — Конечно же, при правильном подходе.

— Но доктора...

— ...лечили ваше тело, но не привели в гармонию ток ци, поэтому результат всегда оказывался кратковременным. Я не специализируюсь в целительстве, но умею обращаться с боевыми травмами и ранами, полученными на тренировках. В том числе и с поражениями меридианов и акупунктурных точек.

Ранами? Он сказал ранами? Хань обнаружил, что его тело, словно само, постепенно отползает к испачканному креслу, собираясь под ним скрыться. Да, точно, обрадовался он, проползти возле кресла, заползти за ширму, пробраться к выходу и скрыться, приказав слугам никуда не пускать этого злодея. Ведь клятвы отца касались лишь самого Ханя!

— А ещё я отлично умею разыскивать спрятавшихся, — откуда-то с высоты прогремел ненавистный голос.

Могучий пинок отбросил кресло в стену, и Хань задрожал, глядя на обломки. Ведь чуть левее, и этот пинок пришелся бы прямо по нему!

— Встань.

— Я тебя не боюсь! — заявил Хань, даже не пытаясь подняться.

В голове его это звучало мужественным вызовом неумолимым обстоятельствам, вот только вслух вышло что-то тонкое и писклявое.

— Ты забыл проблеять «учитель», — хохотнул этот мерзавец.

Невыносимая боль пронзила тело Ханя, которое словно само подлетело в воздух,

приземлилось и поскользнулось на разлитых по полу остатках супа. Супа из акульих плавников! Уже однажды съеденного!

— Встань, — прозвучал откуда-то сверху строгий голос.

Тело Ханя еще раз подлетело вверх и опять шмякнулось о пол, в этот раз гораздо гораздо болезненнее.

— Встань.

Слезы текли из глаз Ханя, но он поднялся, не желая повторения боли. Матушка, глядевшая на происходящее влажными глазами, закусилла руку, затем вдруг отвернулась и выбежала прочь непривычно лёгкой и стремительной походкой.

— Где находится тренировочная площадка, ты, разумеется, не знаешь, — этот мерзавец даже не спрашивал, а утверждал!

Хань лишь продолжал сопеть. Отголоски только что причинённой боли занимали все мысли, не оставалось даже сил сетовать на несправедливость судьбы, на жестокосердность отца и духов предков, на внезапное и неожиданное предательство матери, бросившей его наедине с этим чудовищем.

— Не слышу твоего боевого крика, — не унимался самозванец.

— К-к-какого крика? — вырвалось у Ханя.

Он непроизвольно сжался, ожидая нового удара, но мерзавец легко, словно отряхивал пылинку, коснулся плеча Ханя, и тело вновь пронзила невыносимая боль.

Ответ был произнесён любезным и даже добродушным тоном с ноткой укоризны, как когда-то учитель каллиграфии Чень Цзы указывал на помарку в написании сложного иероглифа:

— «Какого крика, учитель».

— Какого кх-х-рика, учитель? — послушно просипел Хань.

— Боевого, состоящего из двух слов «да, учитель!»). Иди за мной.

Хань, замерший в немом ступоре, лишь открывал и закрывал рот. «Учитель» сделал несколько шагов прочь и, не услышав за спиной его сопения, остановился и медленно развернулся. У Ханя внезапно заболел живот и невыносимо захотелось в туалет.

Как неоднократно рассказывали свитки и кристаллы, в тяжёлые и опасные моменты жизни к герою приходит просветление. Чувства обостряются, мысли становятся быстрыми и острыми, словно клинок полководца, а разум накрывает волна понимания. Как оказалось, кристаллы ничуть не ввали. В стремительном водопаде ясности, понимания и интуиции Хань с потрясшей его самого уверенностью осознал, что ещё мгновение, даже доля мгновения — и его снова изобьют.

— Да, учитель! — закричал он.

Вернее, пытался закричать. Из-за сводящей тело боли звук получился жалким, более напоминающим сдавленный сип. Из глаз снова покатились слезы, а в носу хлюпнуло. Мучитель повернулся и отправился прочь, важно вышагивая и больше не оглядываясь, и Ханю больше ничего не оставалось, как поплестись следом.

— Спаси меня, спаси, — Хань вцепился в какого-то парня-слугу, чьё лицо показалось ему смутно знакомым.

Удара он не заметил, лишь мгновением спустя невыносимая боль пронзила тело, а неведомая сила отбросила прочь и покатила по полу.

— У тебя еще остались силы думать, плакать и искать спасения? Это хорошо, значит, можно нагрузить тебя сильнее, чем я рассчитывал, — заявил злодей.

Слуга, на помощь которого Хань понадеялся, как утопающий схватился бы за щепку в водовороте, куда-то бесследно исчез. Он попытался прыгнуть, чтобы, пробив тонкую рисовую ширму, проскользнуть в дверь, ведущую в личные помещения, куда чужакам нет хода. Увы, попытка провалилась — цепкие, словно клещи кузнеца, пальцы ухватили его за ухо и потащили по полу, как нерадивого щенка. Когда Хань решил, что ухо сейчас оборвётся, злодей разжал хватку и несколькими не очень болезненными, но обидными пинками заставил подняться на ноги. Хань оглянулся по сторонам, но слуг нигде не было. Эти трусливые неблагодарные твари позорно разбежались, вместо того чтобы защищать своего хозяина! Ну так хотя бы никто не увидел его унижения.

— Иди вперёд! — приказал самозванец. — Видимо, мне лучше следовать сзади.

— Но я не знаю, куда идти... — пропищал Хань, но, увидев занесенную для удара руку, быстро добавил: — ...учитель!

— Не беспокойся, я направлю тебя куда надо! — засмеялся тот голосом злодея.

И действительно, каждый раз, когда Хань поворачивал не туда, куда надо, следовал обидный пинок, разворачивающий в нужную сторону. Таким образом под градом пинков Хань прошёл через дворцовый сад, мимо гостевых строений и помещений для слуг, вдоль казарм для воинов напрямик к тренировочным площадкам. И во время этого пути на Ханя смотрели, глазели вовсю, как слуги, так и тренирующиеся на плацу и стрельбище воины. Один из стражей, увидав обращение с наследником, даже выпустил стрелу не в соломенное чучело, а себе под ноги, за что тут же получил нагоняй от командира.

Увидав шанс, Хань сделал последнюю попытку сбежать, кинувшись под защиту верной стражи. Но не успел он сделать и пары шагов, как тут же полетел на утопанную тысячами ног твёрдую землю плаца.

— Начнём, пожалуй, с лёгкой пробежки в пятьдесят кругов, — скомандовал сверху ненавистный голос.

Хань застонал и начал барахтаться. Как герой, собирающий последние силы, чтобы поразить неуязвимого противника, он тоже бросился прочь, суча ногами и пытаясь отползти как можно дальше.

Тело вновь поразила боль.

— Похвальное рвение! — зубасто улыбаясь, сказал самозванец, присаживаясь рядом на корточки. — Только ты кое-что забыл. Я сказал не ползти, а бежать. К тому же ты ползёшь в другую сторону. Ну а теперь беги!

Железная рука подхватила его за шиворот и развернула в нужном направлении, а болезненный пинок по заднице придал необходимую скорость. Хань послушно поковылял на подкашивающихся ногах.

— У меня что-то, видимо, со слухом, — вновь раздался за спиной голос, затем последовал новый болезненный пинок. — Ты ничего не забыл сказать?

— Да, учитель! — заорал Хань, подпрыгивая и срываясь, насколько мог, с места.

Когда он бегал в последний раз? Наверное, еще до наречения взрослого имени, но Хань в любом случае сейчас не вспомнил бы наверняка. В голове шумело, отголоски боли гуляли по телу, а в ушах тяжело бил оглушительный пульс. Каждый шаг давался с невероятным трудом, вот только стоило замедлиться, как тут же следовал новый удар.

— Быстрее! Я не говорил ползти!

— Да, учитель!

В голове все путалось, от жалости к себе перехватывало горло, руки не слушались, ноги

заплетались. А этот злодей не только бежал рядом, но и лупил Ханя палкой, стоило тому замедлиться! Той самой палкой, которая совсем недавно висела у него за спиной, или шестом, или гирей — как бы ни называлась эта глупая крестьянская ерунда, сейчас это не имело значения. За каждой остановкой следовали болезненные удары, придающие ему сил на пару шагов, не более.

— Я... сдохсу, — с бульканьем вырвалось у него из горла.

— Учитель! — подлец подкрепил свои слова болезненным ударом ниже спины.

— Я не мо... — Ханя начало шатать, перед глазами поплыли черные круги.

— Есть силы разговаривать и не говорить «учитель», значит, есть силы и бежать!

Хань снова заревел раненным зверем, но этот злодей оказался воистину злодеем и даже не подумал сжалиться! Умру, умру, умру, стучало в голове Ханя в такт тяжёлым шагам. Потом не осталось сил даже думать, он лишь одну за одной переставлял ноги до тех пор, пока сознание не охватила спасительная чернота.

В себя он пришел от того, что его окатило потоком нестерпимо холодной воды. В первый момент для его разгоряченного тела она показалась даже приятной, а затем попала в нос и рот, Хань забарахтался и взвизгнул.

— Ну вот, заодно и от блевотины отмыли, — прозвучал сверху ненавистный голос.

— Ха, ухыхех, — дождавшись ободряющего пинка, прохрипел Хань.

Самозванец отложил в сторону ведро и оглянулся по сторонам. Стражники, всю тарачившие глаза, любуясь бесплатным зрелищем, после нескольких окриков командира вернулись к тренировке. Усмехнувшись под нос, злодей ткнул в заметно потемневшее небо.

— Вон там на нас идет туча, будет гроза, с молниями и проливным дождем, даже градом. Как считаешь, хорошая погода для тренировки? Заодно сможешь и напиться.

— Хухы, — вырвалось у Ханя, перед глазами которого все плыло.

— И слез не будет видно, — добавил безжалостный голос. — Думаешь, что уже умер и попал в подземное царство? Что хуже быть не может, хотя ты пробежал всего семь кругов? Мы еще даже не начинали толком... Не слышу ответа!

— Да, ухытел, — прохрипел Хань, пытаясь подняться.

— За годы своей жизни я усвоил несколько простых вещей, — продолжал вещать голос. — Хотя, пожалуй, для тебя они слишком просты, ведь ты привык к философской мудрости и вычурным цитатам, да?

Хань и правда привык встречать в кристаллах и свитках разные цветистые высказывания, он всегда восхищался их мудростью и красотой вложенных в них образов. Но он не поддался на провокацию и не ответил, так как понимал, что сейчас над ним снова начнут глумиться. Ведь как когда-то писал сам Хань: «Мудрое слово — как чжень серебра, но молчание — это линь золота».

— Всю жизнь плавая в своем уютном теплом пруду, карп так и останется карпом. Только выйдя за пределы этого пруда и оказавшись перед лицом смерти и невысказанных трудностей, он сможет превзойти себя и стать драконом. Рыхлая мягкая руда в болотах ничем не отличается от грязи и камней. Но стоит ей попасть в горнило кузницы и получить тысячу ударов кузнечного молота — и она, бесполезный комок мусора, получает закалку, изменяет свою суть, превращаясь в Звёздную Сталь, в клинок, для которого не существует преград! Тебе, конечно же, интересно, какой смысл кроется в этих высказываниях?

Ханю было интересно только одно: сколько еще восхитительных мгновений он сможет

лежать, не шевелясь. Поэтому он, наученный предыдущим опытом, простонал:

— Уа, уйтэл!

— А смысл здесь очень простой и одновременно очень глубокий. Твое изменение... оно уже началось! Ты тот кусок руды, который я вытащил из застойного болота!

Хань вжал голову в плечи. Он действительно чувствовал себя этим самым куском руды. Ведь за сегодня он получил больше ударов, чем когда-либо в жизни!

— Теперь ты — карп! Хотя нет, слово «карп» для тебя — незаслуженная похвала. Ты головастик, даже икринка, из которой этому головастику только предстоит вылупиться!

Рыбки бы сейчас, тихо всхлипнул Хань. Жирную сочную пелядь без косточек, сваренную в тройной ухе из мелкой рыбешки, со специями из центральных районов Империи! Или хотя бы даже карпа! Хорошего жирного карпа, приготовленного на четырёх огнях, под соусом сянь лю жань!

— А теперь повтори все, что я сказал!

— Карп избил кузнеца и тот утонул в болоте? — проблеял Хань.

Вдалеке раздался смех стражников, но у Ханя не было сил не только одарить их испепеляющим взглядом, но даже обернуться.

— ...учитель! — пинком по заднице напомнил самозванец.

— Учитель, — послушно сказал Хань.

— Значит, повторить не можешь, — ухмыльнулся злодей. — Из-за неумеренного обжорства кровь и ци в твоём теле приливают к животу, а не к голове. Ничего, это не страшно. Чтобы вернуть гармонию тела и разума, все последующие лекции ты будешь слушать в стойке дабу. И не выйдёшь из неё, пока не повторишь удовлетворительно близко к тексту.

— Добу, учитель? — поспешно пробормотал вопрос Хань, не дожидаясь удара.

— Дабу! Смотри внимательно: она исполняется вот так!

Он легко и плавно, безо всякого перехода, присел и оказался в том, что в свитках и кристаллах обычно именовалось стойкой всадника. Только, в отличие от кристаллов, этот негодяй раздвинул ноги шире и присел ниже, стопы его стояли параллельно друг другу, спина оставалась идеально ровной, таз подан вперед, а бедра — строго горизонтальны.

Хань не смог бы это повторить даже в раннем детстве, так что он просто застонал — сначала мысленно, а затем и вслух. Испытать новую боль ему не хотелось, так что он поспешно принял требуемое положение, ну, насколько позволяли толщина ног и размер живота.

— Пойдет... для икринки, — сообщил негодяй, силой вбивая Ханя в подобие нужной стойки, как ни в чем ни бывало прохаживаясь вокруг, и окидывая его оценивающим взглядом. — Итак, ци. Она есть у всех живых существ, но только люди и самые древние и могучие из зверей могут ею пользоваться. Обычно чтобы причинять вред другим. Но иногда и помогать. Сейчас я покажу тебе базовый прием под названием «передача ци».

Хань почувствовал, как из пальца, ткнувшегося ему куда-то под лопатку, вливается мягкий приятный поток, словно в голодный после целого утра раздумий и каллиграфии желудок залили восхитительного теплого супа. Он почувствовал резкий прилив сил, ощутил, словно может голыми руками дробить камни и выворачивать с корнями вековые деревья. Он был всемогущ, а рядом находился подлый обидчик, желающий разрушить его жизнь. Хань прямо из стойки вскочил, бессвязно заорал и ринулся в атаку. Мгновение — и тело пронзила сильная боль, а вместе с нею пришла и темнота.

— Вот, теперь мы выяснили на практике, что тело, укрепленное ци, способно выдержать даже удар головой о каменную стену, — звучал голос сверху.

Камень приятно охлаждал живот и щеку, не хотелось... ничего не хотелось. Только лежать и не вставать, даже злость к голосу сверху уступала этому желанию ничего не делать.

— А если бы ты напрямую управлял своей ци, то смог бы пробить эту стену голой рукой. Что скажешь?

— Ха, учитель, — прохрипел Хань.

Во рту царила сухость, хотя уже надвигалась духота, гроза гремела где-то вдалеке. Хань вдруг понял, что вот так и умрет, прямо на этой площадке, посреди дождя, и никто даже не всплакнет о нем, а этот негодяй еще и приспустит штаны и... и...

От жалости к себе Хань вдруг вскочил, сжимая кулаки.

— Вот! — загремел голос. — Ты оказался перед лицом смерти и превозмог страшнейшего противника — себя!

Кулака, летящего в лицо, Хань даже не заметил и не успел осознать накатившую тьму.

— Встал и побежал, — услышав безжалостный голос, Хань снова заплакал, тихо и безнадежно.

Краем глаза он заметил, что стражники, было вернувшиеся к тренировкам, снова бросают косые взгляды. Он было решил усилить рыдания, но вдруг понял, что у него не осталось сил. Ни рыдать сильнее, ни сопротивляться, ни подниматься.

— Сегодня ты пробежишь пятьдесят кругов, а завтра пятьдесят один, выкрикивая на каждом «я икринка, учитель!». Потому что жизнь — это бесконечное сражение, и человек должен каждый день побеждать самого себя.

Хань, вновь услышав свою же цитату, лишь сцепил зубы. Он не доставит негодяю дополнительной возможности ещё раз унижить его перед воинами дома Нао!

— Человеку не обязательно быть сильным сразу, достаточно становиться хоть чуть-чуть, но лучше. Тебе может показаться, что у тебя нет сил, дабы подняться, не хватает дыхания, чтобы сделать шаг вперёд. Не беспокойся, силы у тебя будут, об этом я позабочусь. А затем у тебя будет и отдых — будешь слушать и повторять мои лекции, стоя в стойке дабу.

— Я стану сильнее, и тогда ты своё получишь! — еле слышно, практически про себя прошептал Хань.

Но тут же получил не слишком болезненный, но обидный пинок по заднице.

— Ты кое-что забыл добавить! И повтори громче!

— Я стану сильнее и убью вас! — прорычал Хань. — Учитель!

К его удивлению нового пинка не последовало.

— Ну, таким как я тебе не стать никогда, — весело расхохотался злодей, повторив фразу другого злодея. — Но попытаться можешь. А для этого... Стойка дабу!

Хань упёрся дрожащими руками в твёрдую землю и попытался подняться на ноги, не дожидаясь напоминаний мучителя, за которыми обязательно последуют новые побои.

— Стойте! Вы кто такой? Что вы делаете! Вы его убьёте! — прозвучал гневный женский голос, при звуке которого радостно застучавшее сердце Ханя тут же оборвалось.

Мэй Линь, как всегда ловкая и грациозная, выпорхнула вперёд, встав между ним и самозванцем. В руках она держала деревянный шест, который, очевидно, ухватила с ближайшей подставки с тренировочным оружием.

Пусть оно и писалось другими иероглифами, но имя соседки совпадало с именем возлюбленной Бао Сяо. Именно поэтому «Стремительный клинок» являлся любимой серией Ханя, именно поэтому он всегда, несмотря на дороговизну, заказывал именно эти кристаллы. Он часто грезил, представляя себя на месте Бао, спасающего от многочисленных могучих злодеев, колдунов и королей-разбойников свою Мэй Линь, роль которой в этих грёзах играла его соседка. Ведь эта Мэй, его Мэй, была намного прекрасней и обворожительней даже героини из кристаллов!

И теперь Мэй увидела его в таком жалком, в таком унижительном состоянии! К счастью, застучали первые капли ливня, скрывая слёзы на лице Ханя. Он удвоил усилия, пытаясь подняться, ведь на него смотрела она, Мэй Линь!

Хань вдруг заметил, что этот мерзавец, которого он даже мысленно не хотел называть учителем, следит за ним, словно коршун за жертвой. Руки его разъехались и подломились, а сам он ударился лицом об утрамбованную землю. Но даже боль в лице не могла сравниться с муками того, что Мэй Линь видела его в таком виде!

— Не переживайте, о прекрасная незнакомка, затмевающая солнце яростным блеском своих глаз, — тут же расплылся в улыбке негодяй, а Хань мысленно взвыл.

Непрошенными скакунами нахлынули воспоминания, так отчетливо, словно это было вчера, а не прошло больше полдюжины лет. Тогда семейство Нао отправилось на прием к новым соседям, которые переехали в эту провинцию после получения отцом Мэй поста инспектора рынков и воды. Члены семьи Нао поздравили его с таким важным назначением и вручили подобающие дары, и даже сам генерал Гуанг общался как с равным. Но Хань смотрел тогда только на Мэй, не веря, что на земле может существовать подобная красота и грация.

Она являлась самым совершенством, такая нереально прекрасная, словно вышла из кристалла. В ходе вежливого разговора Хань очень обрадовался, узнав, что она тоже увлекается боевыми искусствами, знает названия всех техник ци и имена героев. Пусть у Ханя, как у члена семьи Нао, не было недостатка в деньгах, но он предложил выписывать альманах «Герои Империи» вскладчину, и она радостно согласилась. Каждый новый выпуск альманаха давал веский повод встретиться и провести время вместе, и в сердце Ханя расцвела надежда. А потом всё пошло не так. Когда Хань открыл ей свое сердце, Мэй посмотрела с недоумением, которое обжигало хуже Великой Разъедающей Техники Кислотной Ящерицы мастера Жанга, пусть в вежливых выражениях, но отказала.

Несмотря на поддержку и помощь матушки, на все её хлопоты, в итоге ничего не вышло. Тогда Хань даже некоторое время пытался тренироваться, чтобы сравняться с Мэй, которая обучалась владению парными крюками шуангоу и отлично владела коротким гуань дао. Она много раз давала Ханю уроки по основам владения ци, которые, в отличие от наставлений грубых и неотёсанных гвардейцев отца, Хань никогда не пропускал.

Но что-то постоянно шло не так. Однажды обнаружилось, что уже наступила зима, и матушка Лихуа не пустила его сидеть в сугробе, чтобы выработать «внутреннее тепло» и тем самым поразить Мэй, и на этом занятия как-то сами собой сошли на нет. Как-то незаметно пролетело время, и Хань сосредоточился на философии и мудрых изречениях, откладывая тренировки на потом. Но, разумеется, он и не думал сдаваться, он собирался стать величайшим магом и бойцом, и тогда Мэй Линь обязательно стала бы его!

Ведь они до сих пор общались, и она приезжала за альманахом, который они продолжали выписывать, деля расходы, и все это сохраняло в его сердце, где-то очень

глубоко, надежду на лучшее будущее.

— ...всего лишь небольшая подготовка, — продолжал негодяй, не сводя с Мэй Линь подлого взора.

Хань, погружившийся в сладостные воспоминания, вздрогнул.

— В триаде тело-разум-дух все должно быть гармонично и уравновешено, тогда ци и мысли будут течь свободно, а тело двигаться словно само. Возьмём, например, вас.

Он уставился на неё оценивающим взглядом, это было так же неприлично, как если бы он тыкал пальцем.

— Меня? — удивилась Мэй и даже чуть опустила шест.

— Именно вас, — с серьезным лицом заявил самозванец. — Буду ли я прав, если скажу, что вы не только в совершенстве владеете копьём, скорее всего, даже гуань дао, но также используете парные клинки?

Та округлила прекрасные глаза и осторожно кивнула. Тот продолжил говорить спокойным и уверенным тоном учёного, перечисляющего общеизвестные истины — типа того, что вода мокрая, огонь горячий, а Империя будет стоять вечно:

— Как думаете, если бы вы не прилагали столько усилий, если бы не уделяли столько времени тренировкам, могли бы вы стать столь же прекрасной и грациозной? Были бы ваши глаза столь же ясны, а кожа — настолько безупречной? Являлись бы вы тогда таким же воплощением совершенства и гармонии, как сейчас?

У меня тоже все гармонично, мысленно заорал Хань, с ужасом видя, как покраснели щеки Мэй. Неужели она поверила лживым речам этого... этого?.. Или он воздействовал на нее этим своим ци или каким-нибудь демоническим колдовством?

Да, так все и было! И он одурманил матушку, отца, слуг, всех! Оставался только один выход — встать и преодолеть, превозмочь из последних сил, раскрыв всем глаза на обман злодейского злодея! А ещё лучше — поразить его насмерть техникой Восемнадцати Лепестков Бури! Вот только Хань не только не знал этой техники, но и не владел ци! Злодей и это предусмотрел!

— У моего же нерадивого ученика доминирует тело. Оно слишком сильно — ведь его очень много, но одновременно и слишком слабо. Нарушенная гармония подавляет разум и дух, и поэтому её надо восстановить. Я его не убиваю, а лишь учу. Вернее, пока что лишь готовлю к учебе, о прекраснейшая...

— Меня зовут Мэй Линь! — немного потеплевшим и полным искренней заботы к Ханю голосом ответила она.

— Прекраснейшая Мэй Линь. Сейчас его тело не готово, а стало быть, и разум не в состоянии воспринимать сказанное, да и дух неспокоен. Как можно говорить о правильном токе ци? Ученик, принять стойку дабу!

— Да, учитель, — проворчал Хань, сдерживая стоны.

Было больно, но, увидь Мэй Линь, как его избивают прямо у нее на глазах, стало бы еще больнее! Где-то внутри рванула надежда, что Мэй увидит его мучения и заступится, но Хань со вздохом признал поражение. Отец поклялся такой сильной клятвой, что даже матушке пришлось отступить. А даже если Мэй и заступится, то что? Из-за слов отца мерзавец может её даже зарубить, а то и сделать что-то хуже!

— Как видите, госпожа Мэй, стоит он неправильно, и ци циркулирует очень плохо, — указал злодей. — Но не беспокойтесь, это временные трудности!

Мэй Линь кивнула и вдруг встала рядом в ту же стойку. Хань ощутил внутри прилив

тепла. Она его поддерживает, пусть хотя бы и так! Еще не все потеряно, нужно немного выждать и потерпеть, и вместе они смогут справиться с злодеем! Как Цзинь Хэ, которая тоже притворилась кроткой и покорной, чтобы освободить Лин Чжуна и вместе с ним одолеть подлого Гуо Фэна!

— Вот, сразу видно, что вы отлично знаете основы, — кивнул негодяй. — Но даже истинное совершенство может стать ещё совершенней. Вот здесь бедра нужно чуть поправить, а вдох делать немного резче. Вот так!

Делая вид, что поправляет стойку, мерзавец безо всякого стеснения облапал Мэй. Затем встал перед ней в такой же позе и сделал несколько глубоких вдохов и резких выдохов, бесстыдно пялясь на её вздымающуюся грудь!

Хань застонал и повалился на спину, безмолвно вопрошая хмурые небеса, за что они шлют ему такое наказание? Небеса услышали и заплакали в ответ.

— Ученик, принять стойку дабу, — прогремел безжалостный возглас.

Глава 4, в которой герой одолевает преграды, но узнаёт, что кулак сильнее свитка

— Спасайся, Мэй! Беги! — прошептал он с яростной горячностью.

— Нет, я не могу! А как же ты?

— Со мной всё будет хорошо! — мужественно соврал Хань, сжимая её руки. — Бери альманах и уезжай, Мэй!

— Я не могу тебя оставить! — шепнула она в ответ.

— Уезжай, пока этот негодяй до тебя не добрался!

— Но ты мне так дорог! — не сдавалась Мэй.

Хань заглянул в её бездонные глаза, а она смотрела в ответ. Хань склонился ближе, но Мэй не отстранилась, наоборот, подалась навстречу. Её веки опустились, а губы, влажно блеснув, приоткрылись. Хань смело потянулся к её губам для поцелуя. Но призывно приоткрытый рот ещё больше округлился, покрылся чешуёй, а в его уголках возникли короткие усики.

Хань в ужасе отшатнулся от огромной морды карпа, заменившей теперь лицо Мэй, но не смог вырваться — нежные руки, сжимающие его ладони, превратились в костлявые плавники, освободиться из железной хватки которых никак не получалось. Хань собрался закричать, но из открытого рта карпа исторгнулся водопад холодной воды, карп нырнул в этот водопад и поплыл вверх по течению, взлетая в небо и превращаясь в величественного дракона.

Вода продолжала прибывать, попадая в нос и в рот, и Хань закашлялся, быстро приходя в сознание. Он осознал, что лежит на холодных мокрых камнях, а рядом с ведром воды стоит его мучитель. Мэй уехала, оставив его одного! Осознав это, Хань заплакал, ведь на мокром лице не было видно слёз.

— Тебе осталось пробежать ещё тридцать два круга, ученик.

— Да, учитель, — застонал Хань, не ощущая в себе сил сопротивляться.

Все кружилось и плыло перед глазами, дом пошатывался и трясся. Даже боль во всём теле не заглушала дичайшего чувства голода. Всё окружающее казалось ненастоящим и нереальным — даже то, что злодей на время прекратил издевательства и отпустил домой, было воспринято без вопросов и удивления. Хань брёл по дому куда глядят глаза, не разбирая направления и не осознавая, где именно он находится. Он не сразу понял, откуда тут взялась матушка, да и где находится это «тут». Единственное, что имело значение — миска вкуснейшего, если судить по аромату, горячего супа в её протянутых руках. Усталость была столь велика, что он сначала просто таращился на суп, словно на священную императорскую печать. Но ступор быстро прошёл и Хань ринулся к еде, будто дикий и свирепый зверь. Он ухватился за миску, но дрожащие после дня упражнений руки не держали, и та полетела вниз. Хань зажмурился, чтобы не видеть святотатства в виде испорченной еды. Но звука бьющегося фарфора не последовало, и Хань вновь открыл глаза. Рядом в низкой стелющейся стойке стоял невесть откуда взявшийся «учитель», а в его вытянутой у самого пола руке находилась миска. Причём на полу не было видно ни капли разлитого супа!

В этот момент Хань ощутил чувство, напоминающее благодарность. Он безумно хотел

есть, а учитель спас его еду! Он требовательно протянул руки к миске, но негодяй не обратил внимания. Он встал, поднёс миску ко рту и в несколько больших глотков осушил содержимое. Затем низко и почтительно поклонился матушке.

— Спасибо, госпожа Лихуа, это был очень вкусный суп!

Матушка глубоко вздохнула и скрылась, одарив Ханя полным боли и жалости взглядом. Хань уставился на пустую миску и чуть не заплакал.

— Но я же должен питаться! — вышло неубедительно, так что обострившийся разум Ханя тут же придумал несокрушимый аргумент. — Для тренировок нужно много сил! Э-э-э, учитель!

«Учитель» посмотрел на него внимательным взглядом, а затем неожиданно кивнул:

— Ты прав, ученик. Идём!

Хань словно ощутил прилив сил, даже боль словно уменьшилась, и он помчался... заковылял быстрее за учителем, который повел его куда-то прочь. Из-за усталости и расстроенных чувств Хань не сразу сообразил, что его ведут наружу в... куда? Здания слуг? Сил возражать и бороться не было, накатила полная апатия. Да и чего можно было ждать от черноногого простолюдина, который неведомым попусением небес и духов попал в поместье благородного рода?

Не успел он опомниться, как очутился на тяжёлой деревянной скамье, которая под его весом даже не скрипнула, за грубо сколоченном из досок столом, не накрытом не то чтобы шёлком или парчой, а даже обычной тряпкой. Миску, которую злодей бухнул перед ним, тоже сделали отнюдь не из лучшего фарфора, да и не из фарфора вовсе. Слуги, сидевшие по обоим сторонам Ханя, было вскочили, но под тяжёлым взглядом «учителя» вернулись на свои места.

— Что это? — скривился Хань.

— Овощи — вот основа здорового питания, — ответил учитель, садясь вместе со всеми, — как и рис, любой крестьянин тебе это подтвердит. А сегодня, смотри, рисовая лапша — блюдо, достойное богов и духов!

— Я хочу мяса! — искривил губы Хань.

Все за столом ели как животные — отдельный пузатый слуга, стоящий возле двух закопчённых котлов, накладывал им без какого-либо выбора блюд — по черпаку из каждого. Грубая, неприятно выглядящая еда вызвала у Ханя лишь отвращение. Но глупый живот не понимал происходящего, толкался, пихал и бурчал изнутри. Он требовал только одного — заполнить его чем угодно и поскорее.

— Мяса! — захохотал злодей. — Вы слышали — мяса?

Смех его никто не поддержал, слуги опасались последствий, но их взгляды стали резкими и понимающими. Это злило.

— Мясо еще надо заслужить, — наставительно заявил учитель и придвинул миску. — Жри! Хотя можешь не жрать — я отдам твою еду другим.

Хань заметил голодный блеск во взорах слуг и, немедленно схватив миску, начал хватать оттуда еду и запихивать в рот, компенсируя недостаток приправ солёными слезами.

— Стой, — прозвучал голос и Хань остановился.

— Где твои манеры? Ешь палочками, как человек, или жри с пола, как собака. Выбор за тобой.

— Фа, фуфывел, — едва не подавился Хань.

Поспешность в еде всегда считалась пороком, а недостаток воспитания за столом —

признаком низменного происхождения. И если бы его увидел сейчас отец, он немедленно бы отрубил ему голову. Или отрубил бы голову себе — увидав, какой позор на род навлекает Хань, разговаривая с набитым ртом. Но ему было уже плевать даже на вываливающиеся изо рта куски. Воспитание? Достоинство? Манеры? Какие еще манеры, когда он жрёт собачью еду вместе со слугами? Хань плакал и ел, давился и плакал еще сильнее. Дрожащие руки не могли удержать палочки, и еда валилась мимо, прямо на стол и даже на пол, что вызывало новые слёзы, кашель и сдавленные всхлипы. В глазах слуг читались презрение и осуждение.

Хань вынырнул из тяжёлого липкого сна прямо посреди ночи. Всё тело ныло, каждое движение причиняло боль. Неудачно повернувшись, Хань заорал и тут же прикусил руку. Вот он, его шанс! С трудом откинув мысль, что его рука такая приятная, аппетитная и состоит из мяса, он поднялся с ложа и как можно более бесшумно, на цыпочках, прокрался к выходу, приоткрыл дверь, выскользнул наружу и собрался прочь. Сначала следовало пробраться на дворцовую кухню, а потом бежать! Бежать прочь! Что-то запуталось в ногах, и он бухнулся на землю.

— Оно пришло! — сказали прямо в ухо.

— Что? Где? Куда пришло? — слова застряли в глотке подскочившего от ужаса Ханя, и он едва не откусил себе язык.

Учитель смотрел на него сверху вниз, как заправский злодей — на беззащитную героиню, и Хань заплакал от бессилия. Ведь он знал, что на спасение не придёт никакой Бао Сяо, не срубит этому подлецу голову и не поразит его своими могучими техниками!

— Что пришло, учитель? — быстро, пока не случилась беда, поправился Хань.

— Время тренировок! Ученик, встать в стойку дабу.

Что, прямо тут? Он что, не понимает, что личные покои — это священное для достойного мужа место, где не подобает заниматься разными глупостями? И уж точно неприлично глазеть на стены и в тусклом лунном свете разглядывать плоды чужой мудрости, при этом скривившись в насмешке!

— Да, учитель, — жалко выдал Хань в ответ, не дожидаясь новых побоев.

Он становился в стойку, несколько раз падал, снова становился, пока мучителю не надоело, и он не погнал Ханя на полигон, «раз не получается стоять — немножечко разогреться, разогнать кровь и ци».

Бегать ночью, при неверном свете звёзд и лун, оказалось даже хуже чем днём, под раскалённым солнцем.

— Я больше не могу, — заплакал Хань, в очередной раз споткнувшись и валясь лицом в грязь. — ...учитель.

Мягкую уютную грязь, оставшуюся после вчерашнего дождя, а не жесткие землю и камень тренировочного поля.

— Это ты только думаешь, что не можешь, — тут же сообщил ненавистный голос.

Обычно его спокойствие в голосе и ленивый тон бесили до багровых кругов перед глазами. Но сейчас у Ханя не хватало сил, даже чтобы страдать.

— Карп может стать драконом, если поднимется по водопаду. Повторяй за мной — карп может, и я смогу!

— Карп может, и я смогу, учитель! — повторил Хань сквозь слезы.

— Но сейчас я не карп.

— Я не карп, учитель!

— Я икринка. Головастик.

— Вы икрин...

Хань даже не понял, что случилось. Вот он просто бездумно повторяет слова. А вот через мгновение пальцы его руки торчат под противоестественными углами, а тело пронзает такая боль, что он не смог даже закричать, поперхнувшись собственным языком.

Учитель склонил голову набок, оценивая плоды своей работы, как сам Хань когда-то в другой жизни оценивал красоту свеженаписанной цитаты. Затем неодобрительно хмыкнул, схватил рукой Ханя за запястье, а другой начал вставлять пальцы на место.

Хань истошным голосом заорал и попытался вырваться, но не смог даже поколебать эту железную хватку. А через мгновение пальцы учителя окутались неярким светом ци, и Хань понял, что боль уходит, а рука снова может работать. Тем не менее, отголоски этой боли он ощущал очень долго, до конца этого бесконечного дня.

Бежать! Скрыться! Уйти подальше от страданий и издевательств! В очередной раз проснувшись от боли в измученном теле, Хань не раздумывал. Он скатился с кровати и со скоростью, достойной самого Бао, метнулся к окну и нырнул в него «рыбкой», словно карп, ныряющий в бурный водопад. Вот только драконом ему стать так и не получилось — мощный пинок зашвырнул его обратно в спальню.

— У тебя есть силы бегать? Отлично! — заявил учитель, забираясь внутрь следом и присаживаясь за стол. — Но перед пробежкой, которую ты так жаждешь, встань в стойку дабу, ученик.

— Да, учитель, — тоскливо выдавил из себя Хань.

— В руках настоящего воина всё превращается в оружие! — с глумливой радостью ненавистный учитель процитировал очередное изречение Ханя. — Ярость и страх — это тоже оружие! Ну а раз ты так хорошо вооружён — бегом сражаться! Пожалуй, ещё десять кругов! И колени поднимай выше!

— Но моё сердце сейчас выскочит из груди, — застонал Хань. — ...учитель.

— Это перестук радости от осознания будущих перспектив. Сердце не знает лени. Ему не приходит в голову «немного отдохнуть», как тебе. Поэтому сердце радуется тренировке и стремится вперёд. Ты просто бежишь слишком медленно, вот оно и, а-ха-ха, выскакивает, так как мчится быстрее тебя. Не хочешь запечатлеть мудрость этих слов в свитке?

Хань был согласен на что угодно, лишь бы получить передышку. Но он уже достаточно был знаком с учителем, чтобы понимать, что никакой передышки он не получит. Скорее всего, его заставят писать в свитке в стойке дабу, а то и вообще на голове, а за каждую помарку или кляксу ломать по пальцу. Так что он, следуя своей обострённой интуиции, лишь отрицательно покачал головой.

— Да? Жаль. Тогда ускорься, ученик. Следуй за своим сердцем и бери с него пример, совершенствуйся всегда, непрерывно, как оно делает с каждым своим ударом. А чтобы от него не сильно отставать, с этого момента передвигаться будешь исключительно бегом. Понятно?

Хотелось прилечь, нет, вначале принять ванну с облегчающими боль травами. И обязательно чтобы массажист размял спину! А уже потом прилечь, и чтобы слуги сами клали еду в рот! Нет, лучше давали уже разжеванное, пока не появятся силы снова жевать!

— Да, учитель! — тоскливо взревел Хань.

Дни его превратились в один бесконечный кошмар, в котором все сливалось воедино. Он бегал, падал, отжимался, пытался подтягиваться, метал камни и держал их в вытянутых руках, снова падал и пытался огрызаться, а за каждую попытку скрыться или сбежать ему снова ломали пальцы, руки и ноги. Хань и не знал, что в окрестностях отцовского особняка столько оврагов, камней, трещин, рытвин, кустов, ямок, идиотских корней, тупых деревьев и зарослей с колючками!

Воистину, как мудр был он, прежний, не выходивший дальше пиршественного зала!

«Слуги окончательно обленились, — думал он, — не занимаются чисткой и уборкой окрестностей». За это их следовало бы наказать. Но сил не оставалось даже думать, мысль не мелькала в голове, словно карп в водопаде, а трепыхалась вяло, словно головастик, вытащенный на солнце. Хань брел за учителем, собираясь с силами, чтобы высказать слугам всё заслуженное. Но затем вновь увидел еду и накинулся на неё, рыдая и кашля. Он не мог понять, как можно есть что-то такое грубое, жесткое, недоваренное и невкусное? Как можно пить мерзкую тепловатую воду? И вместе с тем он не мог остановиться, съедая всё подчистую и даже вылизывая грубую глиняную миску.

Матушка много раз бросалась на спасение, она пыталась передать Ханю еду либо сама, либо с помощью слуг и служанок. Но этот мерзавец словно чувал всё нюхом, словно видел особняк насквозь и неизменно оказывался рядом! И пока Хань страдал, давился слюной и слезами, он пожирал мамины яства, громко причмокивал, и либо просил слуг передать госпоже Лихуа благодарность за вкусную еду, либо же сам отвечивал ей комплименты! Каждый раз он не упускал возможности её облапать, называя это «массажем акупунктурных точек», и рассказывал, как она похорошела и помолодела.

По ночам Хань не прекращал попыток сбежать, пусть избитое, израненное и измученное тело чаще всего проваливалось в беспробудный сон. Но каждый раз негодяй оказывался рядом и его избивал, называя происходящее таким же «массажем акупунктурных точек», чтобы «разогнать застойную ци», после чего заставлял стоять в разных противоестественных позах и безжалостно гнал на тренировочную площадку. Хань постоянно плакал — как от жалости к себе, так и от сострадания к матушке, вынужденной ежедневно созерцать мучения любимого сына. От невыносимых страданий он отключался до самого утра, а затем всё повторялось снова.

Вначале ещё слуги, те самые слуги, которых он никогда не замечал, пытались помочь, накормить и поддержать, но и здесь злодей-учитель проявил себя самым что ни на есть злодейским образом. Неизменно оказываясь рядом, он осыпал комплиментами радостно краснеющих дур-служанок, а парней гнал взащей. Хань втайне ожидал, что слуги восстанут, объединятся и накинутся на злодея, но случилось прямо противоположное.

Каким-то способом, видать, с помощью того же демонического колдовства, которым он одурманил матушку, подонок втёрся в доверие и к слугам. Он, не стесняясь своего высокого положения наставника наследника рода Нао, помогал слугам поднимать тяжести, кому-то подставлял плечо в работах, кому-то вправлял заболевшую спину, а какой-то восторженной дуре так вообще исцелил парализованного отца. Хань плакал от собственного бессилия, ему казалось, что он попал в искаженный мир, где все наоборот — зло становится добром, добро злом, члены благородных семей прислуживают простолюдинам, а солнце светит ночью.

Подлость и коварство злодея, сворачивающего верных слуг, Хань осознал отнюдь не сразу. Но, видать, его великолепное, терзаемое невыносимыми мучениями тело привыкло,

поняло, что сами по себе страдания не прекратятся, поэтому позволило поработать и голове. Разум прояснился, ведь злодей не ожидал от Ханя такой силы духа и выносливости, допустив оплошность в череде пыток, называемых «тренировками». Он сделал ошибку, типичную для всех злодеев из героических сказаний, забыв, что героя страдания только закаляют! Теперь Хань ему обязательно покажет... но сначала надо справиться с дрожащими палочками для еды.

— «Без крепости духа нет крепости тела...» — прозвучал самодовольный голос.

Ханя всегда бесило использование его же цитат. В устах демона даже этот благословенный фонтан небесной премудрости звучал, словно грязное ругательство или подлая насмешка. Каждый раз Хань дрожал от ярости, стискивая кулаки, пытаясь вызвать в себе поток невиданной мощи, чтобы сразить, а затем безжалостно избить этого... этого... Хань стоял в стойке, на этот раз в позе «стремительного ветра», но могучего потока ци так и не возникало, даже несмотря на поднятые руки и одну ногу.

— «...а без крепости тела нет крепости разума». Как считаешь, не пора ли заняться твоим образованием?

Хань, представив, что сейчас в череде мучений может появиться передышка, даже не сразу нашёл слова.

— Да, учитель, — едва слышно пробормотал он.

— Не слышу. Видать, ты слишком утомился. Ещё двадцать кругов придадут тебе доста...

— ДА, УЧИТЕЛЬ! — взревел Хань, срывая себе горло.

Нежелание снова бежать оказалось таким могучим, что вместе с криком в районе паха выплеснулось ещё что-то. Почувствовав обжигающе-горячую каплю тепла, он испугался, что снова обмочился. Но, судя по тому, что по ногам не стекала влага, а также что не последовали побои за «неподобающее наследнику Нао поведение», Хань понял, что это что-то другое.

— Вот так вот! — хохотнул злодей. — Или, как говорят дикие западные варвары, «уот так уот». Из икринки всё же вылупился головастик!

Он внимательно уставился на Ханя, на которого внезапное повышение от одного ничтожного состояния до другого, не менее ничтожного, совсем не произвело впечатления.

— Теперь ты — головастик. Повтори!

— Я — головастик, учитель!

Спешащие по своим делам слуги, услышав этот вопль, остановились и о чём-то зашумели. Хань попытался прислушаться, не его ли обсуждают, но ничего не услышал — нога подогнулась, он утратил равновесие и свалился на землю.

— Крик — это проверенный способ концентрации воли. Выплеснув свою силу в крике, воин сосредотачивает технику или усиливает удар, делает ци смертоносней, а удары меча — разрушительней. Но тебе, похоже, крик помогает лишь быстрее навалить в штаны. Мы это, конечно, поправим. И кричать ты будешь громко.

Длинная тонкая бамбуковая палка, которую тот использовал, указывая на ошибки, размылась в воздухе и ударила — сначала по спине, а потом и ниже. Испытав невыносимое жжение, Хань действительно заорал.

— Правильно, молодец. В стойку лунхуа, ученик.

— Да, учитель!

Хань расставил широко ноги, низко присел и вскинул руки с пальцами, изогнутыми, как

когти дракона. Несмотря на то, что поза должна была символизировать силу, свирепость и мистическую энергию, он чувствовал только, что сейчас снова бухнется на землю.

— Призвать ци.

— Я не... — прохрипел Хань сорванным горлом. Неужели эта горячая капля и была ци? Он вновь попытался призвать похожее чувство, но добился только того, что по ноге потекла тонкая горячая струя.

Хань не замечал движения раньше, не заметил и сейчас. Бамбуковая палка снова исчезла и вновь появилась, воткнутая ему в щиколотку. Хань, вопя от боли, рухнул на землю, но тут же снова вскочил, испытывая облегчение — ведь учитель мог просто ткнуть туда усиленным ци пальцем и сломать Ханю ногу. Собственно, именно так он неоднократно и делал. Но даже знание того, что Ханя вскоре вылечат, не облегчало боли и страданий.

— Что ждет карпа, выпрыгнувшего из пруда?

— Смерть, учитель!

— Выбирай.

Между сорванным в крике горлом и смертью Хань выбрал горло. Он вновь попытался призвать в животе те же ощущения, и на этот раз у него получилось. Не безбрежный океан, как у героев кристаллов, а лишь малую каплю, ничуть не облегчившую его страданий. По правде говоря, он не мог избавиться от ощущения, что снова сходил под себя, только на этот раз внутрь тела.

— А теперь приступим к занятиям, — с самой неприятной из своих ухмылочек заявил учитель. — Давай начнём с самого простого, для детишек. Расскажи мне о временах года и циклах, способах измерения времени. Если ты отпустишь ци и потеряешь концентрацию... Впрочем, попробуй, увидишь сам.

В отличие от описаний из свитков и кристаллов, удерживать ци оказалось не только сложно, но и больно. Хань направлял силы в эту яркую каплю. Он знал, что её нужно сделать больше, сильнее, но пока что он пытался хотя бы не упустить, не потерять. В свитках никогда не писали о боли! Герои только и сидели в позе лотоса или стояли, замерев в стойке, только складывали руки в различные жесты, а сила приходила со временем сама по себе. Теперь-то стало понятно, что будь всё так просто, то каждый бездельник, не занятый, в отличие от него, каллиграфией, наукой и размышлениями, давно бы стал великим воином.

— Каждый год имеет свое название, от Крысы до Свиньи, — забубнил Хань, пытаясь не потерять обжигающий сгусток энергии, — и их дюжина, священное число, идущее от начала времен. Дюжина лет — это цикл, и существует пять оттенков цвета дюжин — по числу основных элементов, и пять дюжин образуют средний цикл, используемый для измерения секунд и минут, а в сутках две дюжины часов. Дюжина дюжин циклов образуют большой цикл, и год, когда средний цикл встречается с большим, знаменует завершение гигантского цикла летоисчислений. Циклы знаменуют собой круговорот жизни и перерождений, где твои прошлые жизни могут влиять на будущее.

К счастью, из детских занятий он ещё кое-что помнил. К несчастью, ум и великолепная память Ханя стали ещё одним поводом для издевательств. Вместо положенной награды мерзавец-учитель всё вывернул в привычную изуверскую сторону, жизнерадостно заявив:

— Как ясно ты излагаешь, ученик. Пришло время занятий не только тела, но и разума.

☹ ☹ ☹

— Хватит жалеть себя и мечтать о несбыточном, — раздался в ухе голос учителя, а Хань подпрыгнул. — Держи. Вот свиток ядовитых трав. Запомни их названия, изображения, места

произрастания, особенности сбора и использования. Заучишь их наизусть и перескажешь.

— Я не могу-у-у-у, — взвыл было Хань, но тут же прибег к проверенному способу оттянуть мучения. — И вообще, зачем они нужны, учитель? Это же яд!

— Как чистое сочетается с грязным, тёмное со светлым, а ленивый кусок жира — с могучим воином, так и яд с лекарством тоже являются одним целым, одновременно таким разным и таким одинаковым. Как от достойного сына великого полководца Гуанга и прекрасной госпожи Лихуа тебя отличает лишь количество тренировок, так и лекарство от яда отличают лишь доза и концентрация. Понятно?

— То есть если я усердно продолжу, то смогу вас превзойти? — спросил Хань. И на этот раз не только для того, чтобы новым вопросом выкроить ещё несколько мгновений паузы. Его действительно интересовало то время, когда он сможет вернуть этому ублюдочному отпрыску крестьянина и свиньи все причинённые мучения.

— Таким как я тебе, конечно же, не стать, — расхохотавшись, подонок ответил своей любимой злодейской фразой. — Чтобы превзойти меня, тебе сначала нужно превзойти себя. А такое если и случится, то не в этой жизни. Ты сказал, что не «мо-о-о-о-жешь», и это, конечно же, правда. Пока что ты головастик, а головастику не под силу подняться по водопаду. Но, пробуя раз за разом, проливая океаны пота и слёз, он вырастет, наберётся опыта и сил, и тогда сможет одолеть подъём. Вот только тогда его никто не назовёт головастиком, ведь он будет рыбой, благородным карпом. А если станет лениться, не захочет прикладывать усилия, то так и останется ничтожеством, жирной икринкой, вроде тебя. Так что приступай, и помни, за каждое неправильно названное растение будешь отжиматься на острых камнях по десять раз.

По исхудававшему, страшному лицу Ханя, давно переставшему быть восхитительно гладким и круглым, вновь покатались горькие слёзы.

— Госпожа, — сквозь пульс в ушах доносился твердый голос учителя, — Поверьте, я восхищаюсь вами и уважаю, как собственную мать. Вы не только прекрасны, но и добры, и ваша доброта подобна весеннему ручью, несущему в своих водах жизнь и живительную прохладу. Но избыток воды даже у такого ручья может навредить. Даже восхитительный свет солнца может не только согреть, но и обжечь, если его слишком много. Лишая сына испытаний сейчас, не позволяя ему познать трудности и преграды, вы лишаете его и достойного будущего. Неужели вы хотите, чтобы ваш достопочтенный супруг нарушил клятву духами предков и навлек проклятия на все будущие поколения семьи Нао?

— Будут ли, они эти будущие поколения? — смахнула слезу мать.

«А как же мои старшие брат и сестра?» — вдруг подумал Хань. В голове немного прояснилось, словно печаль в голосе матушки действительно оказалась этим самым весенним ручьём.

— Несомненно! — самоуверенно ответил негодяй. — Вот только не будем заранее говорить о будущих поколениях, когда есть текущее!

Матушка лишь сокрушённо покачала головой.

— Наше время уже ушло. Я уже немолода, да и к тому же иметь детей больше не могу.

Учитель в ответ на это лишь оглушительно рассмеялся. Хань даже понадеялся, что в ответ на подобную непочтительность прибежит стража и отрубит этому грубияну голову. Или, скорее всего, попытается это сделать, но погибнет сама.

— Простите, госпожа Лихуа, но это самая смешная шутка изо всех, которые я слышал в

жизни. Вы молоды и прекрасны — и с каждым днём становитесь моложе и прекрасней.

Как бы Хань ни ненавидел этого крестьянского выродка, но с этими словами он был согласен, полностью, словно они являлись эдиктом самого Императора.

— Госпожа, вы же делаете те дыхательные упражнения, которые я вам показал?

— Конечно! Сначала это было трудно и даже немного больно, но теперь мне действительно стало значительно лучше.

— Прекрасно. А теперь возьмите. Это снадобье из хвостового пера Солнечного Жаворонка Шу-Ни и экстракта Лунного Жасмина.

— Матушка! — закричал Хань в отчаянии. — Не слушай его! Лунный Жасмин — это яд!

К его ужасу, учитель не только удовлетворённо кивнул головой, но и задал вопрос:

— Отлично, ученик! А теперь поведай, где он растёт?

— В самых глубинах холодных и влажных пещер! — призрачная боль в костяшках пальцев, которым пришлось неоднократно отжиматься на острых камнях, тут же подсказала правильный ответ.

— Именно, мой ученик, именно. Лунный Жасмин полон тёмной и влажной инь, а Солнечный Жаворонок обитает высоко в горах среди опаляющих пустынь на западе и полон горячей солнечной ян. Госпожа Лихуа, это снадобье не только дополнит ваши упражнения, позволив стать сильнее и моложе, но и вылечит вас от застарелой травмы. И вы сможете подарить генералу Гуангу ещё много сыновей!

А меня уже списали, всхлипнул мысленно Хань, одновременно строя планы, как сбежать, пока мерзавец занят разговором с матушкой. Пойдите, отец? Подарить еще сына? Разве не собирался учитель сам обольстить матушку, воспользовавшись ее слабостью и любовью к Ханю?

Вместо того, чтобы гневно отвергнуть подозрительное зелье, матушка, к ужасу Ханя, благосклонно приняла светящийся изнутри пузырёк.

— Пойдите, госпожа! — послышался новый запыхавшийся голос. — Вам нельзя ничего брать из рук разных шарлатанов! Особенно ломающих кости вашему сыну!

«Да! Наконец-то!» — горячо поддержал Хань появление доктора Пинга. Хань не видел его вечность, он даже опасался, что приказ отца отрубить Пингу голову давно приведён в исполнение. Доктор Пинг был одним из любимых врачей Ханя, он никогда ничего не запрещал, никогда не делал больно во время лечения, а в лекарства всегда добавлял мёд и фруктовый сироп.

— Ну почему же шарлатанов, — жизнерадостно откликнулся мерзавец-учитель. — Вы правы, я ломаю, но я же сам и исцеляю. А вы так сможете, доктор Пинг? Давайте проверим! Как раз время подходящее — все в поместье заснуло, даже Хань, посмотрите, почти совсем не собирается сбежать...

— Сыночка, — укоризненно пробормотала матушка Лихуа, пряча заветный пузырёк.

— ...сломаю вам руки и ноги, а вы ломаете руки и ноги мне. И посмотрим, кто сумеет быстрее себя вылечить, кто настоящий доктор, а кто — шарлатан и самозванец!

— Да как ты смеешь! У меня диплом! Из столицы! С печатью! — взвизгнул Пинг.

— Да, мне такой никогда не получить, я человек очень простой, предпочитаю скучной теории наглядную практику. Ну что, приступим? Кстати, ваше согласие мне вовсе не требуется, ведь почтенный Гуанг Нао дал мне разрешение заранее.

Хань прикусил язык и попятился обратно к себе в комнату. Выучить повадки лесных и степных волков, алхимические свойства их внутренностей, способы охоты, приготовления

мяса и свежевания шкур? Подумаешь! Всего-то два свитка!

Глава 5, в которой герой оценивает красоту дикой природы и познаёт секрет пищи богов

— Таким как я тебе никогда не стать.

Хань взревел, ослепленный ненавистью. Слова, сказанные одним злодеем и повторенные другим мерзавцем, безумно бесили, причем не только смыслом, но и тоном абсолютной безапелляционной уверенности, которой были произнесены. Если раньше он боялся учителя, постоянно ждал боли и побоев, то теперь всё изменилось. Теперь он стал настоящим воином — у него была ци, а значит, не было преград, а лишь... лишь временные трудности.

Как вскоре оказалось, зареветь пришлось снова — на этот раз от боли. Медленный и какой-то ленивый удар ноги попал в грудь и отбросил его прочь, заставив кувырнуться и катиться по плацу. Попади такой удар в стену — та бы брызнула осколками камней. А если бы Хань не собрал свою ци и не попытался закрыться — возможно, матушка Лихуа лишилась бы своего любимого сына. На минутку он даже пожалел, что использовал ци для защиты. Вот умер бы, тогда бы все поняли, какими были глупыми и жестокими, как несправедливо с ним обращались и как мало ценили! И мама, и отец, и эти глупые предки, которые принимают направо и налево клятвы, данные разным проходимцам!

Из печальных мыслей о тяжестих и несправедливостях судьбы Ханя вырвал громкий злодейский смех. Учитель, пытаясь подражать злодеям из кристаллов, явно переигрывал. Это вызвало новый приступ ярости.

— Если головастик будет постоянно вестись на уловки противника, то ему не стать не то что карпом, но даже и мальком, — глумился учитель. — Даже икринка способна запомнить, что подначки, оскорбления и обидные слова во время боя — тоже оружие, призванное вывести противника из себя и лишить душевного равновесия. Ну а раз у тебя такая плохая память, мой долг как учителя её улучшить. И какая стойка лучше всего прочищает мозги?

— Ю-бу, учитель! — буркнул Хань. Он ненавидел эту стойку даже не из-за того, что в ней было трудно стоять — ему часто приходилось застывать и в гораздо более неудобных позах — а из-за сопутствующих стойке поучений.

— А почему именно ю-бу? — спросил учитель. — Расскажи, что она означает?

Хань уже знал, что сначала следует встать в стойку, а уже затем начать пересказывать теорию. Ведь трюк «заболтать учителя» почему-то никогда не выходил, тот сперва любезно отвечал на все вопросы, а потом назначал наказание за «потерянное зря время». Поэтому Хань стал в позу, которая по идее изображала плывущую рыбу, с руками и ногами, принявшими изгибы в теории грациозные, как движения форели, а на практике больше напоминавшие раскоряк крестьянина, подыскивающего местечко в ближайших кустах.

— Ю-бу или шаг рыбы — стойка, символизирующая гибкость, гармонию и приспособляемость. Как рыба, плывущая в изменчивом течении, реагирует на все неожиданности, так и воин, стоящий в этой стойке, ощущает всем телом окружающий мир.

— Молодец, складно! Колени сведи! И не забывай держать повыше, а-ха-ха-ха, плавнички!

Хань чуть было не зарычал, но послушно поднял руки.

— Это ничего, что у тебя не получается, — продолжал злодей. — Ведь ю-бу — это

стойка рыбы. А ты у нас кто?

— Головастик, учитель!

— Но для того, чтобы превратиться в рыбу и исполнить стойку правильно, головастику надо стать хотя бы мальком. Это только в твоих кристаллах простой неумеха может без каких-либо усилий превратиться в мастера ци.

Э-эх, сколько лет, циклов или эпох он уже не смотрел кристаллы?

Слова учителя, произнесённые доброжелательным и мягким тоном, неожиданно ранили. Во-первых, ни один герой не становился мастером просто так! Ему приходилось пройти через множество трудностей, ночевать в гостиницах с подозрительными постояльцами, сражаться с бандитами и выходить против могучих воинов и колдунов. Во-вторых, представить того же Бао Сяо, бегающего сотни кругов, таскающего тяжелые камни и жрущего еду слуг и собак, никак не получалось. Ну и в-третьих, мягкий и дружелюбный тон учителя всегда означал одно — сейчас Ханя будут бить.

— Неплохо, неплохо... как для головастика, — удар обрушился на ногу Ханя сзади. — Вот только ты не слишком-то хорошо «реагируешь на изменчивые обстоятельства».

Колено подломилось, и Хань повалился, не успев собрать ци.

— Принять стойку ю-бу.

— Да, учитель, — отозвался, поднимаясь, Хань с легким вздохом.

— Сконцентрируйся! Ну а раз стойка символизирует гибкость и приспособляемость, тогда гибко приспособься не только к удержанию ци, но и заодно процитируй основные стратагемы трактата «Боевые стратегии неукротимого дракона».

— Да, учитель, — в этот раз он вздохнул громче.

— А потом, раз ты уже головастик, мы поплывём в поход.

— Да, учитель.

☹ ☹ ☹

Давно, вскоре после получения взрослого имени, Хань несколько раз побывал на охоте. Тогда он был восторженным юношей, почти что ребёнком, ещё не набравшимся мудрости и не написавшем тогда ни одного изречения. Он наслушался рассказов отца, отцовских гвардейцев и брата о том, насколько охота — весело и захватывающе, как сильно она будоражит кровь настоящего мужчины. Что только побывав на охоте, мужчина может называться мужчиной, только сразив зверя из лука и собственноручно зажарив на костре и съев, может говорить о настоящем вкусе еды.

Как оказалось на практике — всё это было ложью.

Седло, на котором он ехал поначалу, оказалось жёстким и натёрло его нежные чувствительные бёдра. Кусты и низкие ветви цеплялись за одежду, а иногда и хлестали по лицу. Слуги, сопровождавшие процессию, были неуклюжи и нерасторопны, и когда он, утомившись от верховой езды, пересел в паланкин, не смогли его нести ровно, не укачивая. Они даже спотыкались, да так, что один раз Хань едва не вылетел на землю.

Охотники, включая родных отца и брата, лишь смеялись и говорили, что «ничего, он вскоре сам все поймёт». И он действительно всё понял, когда вместо комфортного кресла или хотя бы мягких подушек ему пришлось во время привала сидеть прямо на накрытой покрывалом земле! Неслыханное дело, но не только члены дома Нао, но даже другие аристократы, попав в лес, становились грубыми и невоспитанными. Они громко смеялись, сквернословили и вели себя со слугами почти как с ровней — позволяя им заговаривать первыми, иногда отдыхать и даже питаться остатками со своего стола!

Вместо «захватывающих погонь» и «противостояния человека и зверя» Хань получил лишь долгую скучную беготню по лесу, смотреть во время которой было не на что, кроме мелькания совершенно одинаковых деревьев. А когда загонщики обнаружили сначала кабана, а затем и оленя, то разочарование пришло с новой силой. Зверей поймали на рогатины слуги, а потом охотники застрелили из луков — зрелище убийства оказалось совершенно неэлегантным и вульгарным. Кровь, бьющиеся в конвульсиях животные, выпущенные кишки, содранные шкуры и окровавленные туши — тогда Ханя долго рвало в кустах. И как вершина разбитых надежд — хвалёное жареное на костре мясо не только не превосходило яства дворцовых поваров, но и оказалось жёстким, местами пережаренным, а местами полусырым. И когда Хань предложил поручить приготовление мяса слугам, отец лишь расхохотался и вновь стал рассказывать о «настоящих мужчинах».

Именно после своей второй охоты Хань ступил на путь философии, написав в свитке: «Будь осмотрителен, за облаками обещаний скрывается ложь».

И вот теперь он вновь вспоминал эту мудрость, изумляясь, насколько он был умён уже тогда, и насколько сейчас всё хуже, даже чем на тех охотах.

— Слуги никуда не идут! — решительный жест мерзавца остановил сопровождающих Ханя двоих рослых парней с большими мешками.

— Но тут же всё необходимое! Учитель, не могу же я пойти в лес без ничего!

— У тебя есть ци, этого достаточно, — заявил негодяй свысока. — Все необходимое ты сделаешь или добудешь самостоятельно, своими руками.

— Но учи-и-тель!

— Впрочем, ты прав! — неожиданная покладистость наставника не только не радовала, но и пугала до мокрых портков.

— Правда, учитель? — не поверил Хань.

— Разве я когда-то тебе врал?

Хань мог целый цикл перечислять, когда этот презренный, лицемерный, подлый и мерзкий самозванец обманывал, лгал и вводил в заблуждение. Вот только он прекрасно понимал последствия правдивого ответа, так что лишь отрицательно мотнул головой.

— Тут, возможно, даже не все вещи, которые нам с тобой будут нужны. Но мы обойдёмся и малым. Ну что идём?

— Да, учитель! — радостно согласился Хань, делая слугам знак следовать за ним.

— Видимо твоя ци, ученик, застоялась, скопилась в районе желудка и отхлынула от головы и ушей. Где в выражении «мы с тобой» говорится об императорской процессии со служанками, евнухами, слугами и паланкинами?

— Но груз, учитель? — удивился Хань. — Он очень тяжёлый!

— «Тяжести и невзгоды лишь закаляют тело и волю», — вновь процитировал свиток Ханя мерзавец. — Так что мешки понесёшь ты сам.

Хань очень хотел спросить, что в это время будет делать учитель, но и так знал ответ.

Предчувствия его не обманули: ему пришлось пробегать через дикую местность, лишенную троп и дорог, спотыкаясь о сучья и проваливаясь в ямы. Он ломился через заросли и переходил вброд неглубокие речки, а ляжки обоих огромных мешков невыносимо впивались в плечи. Приходилось ночевать на голой земле — это стало неотъемлемой частью его жизни, ведь на строительство укрытия не было времени и сил. И пока учитель с комфортом устраивался в шёлковой палатке на мягкой подстилке, он просто проваливался в темноту от усталости и голода. Пить приходилось прямо из ручьев и как дикий зверь

гоняться за добычей, в надежде заполучить кусок мяса. Пока учитель с явным наслаждением съедал заготовленные слугами припасы, Ханю приходилось лишь давиться слюной да смотреть на сырые кишки собственноручно убитого кролика, которого он не мог приготовить, потому что не умел, да и к тому же ему нечем было развести огонь.

— Вот такие подгнившие брёвна — самые лучшие. Если их перевернуть, можно найти много аппетитных насекомых, — сообщил мерзавец, закидывая особо сочную личинку себе в рот и закусывая павлиньим рулетом в листьях лотоса.

Хань согнулся, его бы вырвало, если бы в желудке оставалось хоть что-то, кроме горькой желчи.

Несмотря на то, что учитель съел припасы, мешки легче не стали — мерзавец дополнил недостающее гладкими тяжёлыми камнями с берега ближайшей речки. И Ханю пришлось вновь бегать и прыгать, пробираться сквозь заросли и сухостой. Он вновь сооружал шалаши и мёрз, ведь эти смехотворные сооружения не могли защитить от ночного дождя, а учитель лишь посмеивался и советовал стараться лучше. Он ломал сухие ветки на дрова и трением пытался добыть огонь — только для того, чтобы стонать от боли в покрытых волдырями ладонях. Он искал воду, а потом пытался очистить найденную — чтобы позже ею блевать и валяться в полубреду с больным желудком.

— «Облик воина должен быть чист как внутри, так и снаружи», — вновь использовал учитель ворованную цитату, и Ханю приходилось стирать свою грязную одежду прямо в ледяной воде.

А временами подонок куда-то исчезал, так что приходилось вытаскивать из памяти содержимое свитков о дикой природе, чтобы сориентироваться в лесу и добраться до места предыдущей стоянки, где его уже дожидался учитель, непременно жующий что-то вкусное и аппетитное.

Когда, вечность спустя, лес неожиданно закончился, а вдали показались родные стены поместья Нао, Хань не выдержал, разрыдался и упал на колени, целуя размоченную недавним дождём землю.

— Плохо, очень плохо, — прозвучал сверху голос.

— Но я же справился, учитель, — с обидой поднял перепачканное лицо Хань.

— Справился, но недостаточно хорошо. Едва ли достойно головастика.

От подобной несправедливости Хань зарыдал.

— Не беспокойся, это временные трудности, — утешил учитель избитой фразой. — Мы удвоим тренировки, чтобы усилить твою ци. И будем повторять походы как можно чаще. Ты рад, ученик?

— Да, учитель, — ответил Хань и забился в судорогах прямо в грязи.

☹☹☹

— Что такое ци? — спросил мерзавец обманчиво вскользь, якобы незаинтересованным голосом.

Но теперь Ханя было уже не провести, и он немедленно ответил:

— Энергия, пронизывающая весь мир и особенно живых, учитель!

Хань стоял на голове, руки его упирались в камень дворика, уже изрядно истертый его ногами, а местами надщербленный и разбитый его телом и головой. В данный момент это тело вытянулось в идеально ровную струну — он знал об этом с уверенностью, ведь стоило хоть немного отклониться от идеала, как он тут же получал ненавистной бамбуковой палкой по пяткам.

— Где она находится?

— Везде, учитель! Повсюду, учитель! Во всем, учитель!

— Сконцентрируйся, ученик. Отдели часть ци и направь её в глаза.

— Но они же лопнут, учитель! — едва не заорал Хань. Он прекрасно помнил, как поначалу распухали руки и ломались пальцы, когда он направлял туда ци, чтобы сразить этого негодяя.

— Конечно, лопнут! — мучитель подкрепил свои слова новым ударом. — Только если кто-то — дурной головастик и не понимает слов наставника. Делай, как я тебя учил — медленно, плавно и сосредоточенно.

Хань облизал губы. Ему совершенно не хотелось лишаться глаз, но ещё больше не хотелось снова ощутить боль. Да, учитель много раз исцелял даже сложные повреждения, но глазами Хань рисковать не хотел. С одной стороны, если Хань ослепнет, тогда этот мерзавец оставит его в покое и выберет новую жертву. С другой стороны — тогда Хань никогда не сможет смотреть кристаллы и заниматься каллиграфией. К тому же, даже потеря учеником зрения не обязательно остановила бы этого злодея — он мог просто в очередной раз сказать, что это «временные трудности» и даже удвоить свои любимые пытки и издевательства.

— Стойка тиан гуан, в которой ты находишься, служит начальным упражнением, фундаментом для развития Великой Триады Восприятия.

— Великой Триады, учитель?

— Нюх, слух и зрение — всё, что находится в голове, даже такой тупой, как твоя. Конечно же, будь ты хотя бы мальком, стойка могла бы тебе не понадобиться, но глупым головастикам без помощи не обойтись. И я эту помощь окажу! — учитель подкрепил свои слова новым ударом по пяткам. — Повтори, что ты сейчас делаешь.

— Да, учитель! — закричал Хань. — Я стою в стойке «небесный венец». Я должен стоять прямо, дышать глубоко и размеренно, циркулируя ци. И развивать гибкость, равновесие и концентрацию. И, заставляя меня стоять вверх ногами, вы мне показываете, что истинная сила и мудрость могут быть достигнуты через упорный труд и самоотверженное обучение!

Хань повторял эту ерунду, едва не давась словами. Если бы упорный труд мог в чём-то помочь, он бы давно уже стал величайшим героем в мире! К тому же, истинной мудрости у него хватало и так — даже два десятка мудрецов не смогли бы за всю жизнь написать столько изречений, сколько он создавал за один только месяц!

— Ты мне не веришь, — с внезапной прозорливостью заявил учитель. — Но это и не важно. Именно труд и упорство, именно чёткое следование выбранному пути превращают глупого ребёнка в великого героя, а ничтожную икринку — в божественного дракона. Только так, и не иначе.

— И всё равно вы простолюдин! И таким как я вам никогда не стать! — едко заявил Хань, приготовившись к новым побоям.

Но, к его изумлению, боли не последовало. Учитель лишь поднял голову и задорно расхохотался. И в этот момент, стоя на голове, Хань почувствовал себя особенно глупо.

— Неплохо, ученик! Очень неплохо, — кивнул наконец он. — Да, действительно, я родился простолюдином. Да, действительно, мне никогда не стать сыном великого генерала Гуанга и прекрасной госпожи Лихуа. Да, каждый из нас может быть в этой жизни сыном только своих родителей и иметь лишь то происхождение, которым его наградили боги и духи.

Хань ухмыльнулся, ощущая неожиданно сладкий триумф победы. Этот ничтожный самозванец признал своё низкое происхождение и превосходство семьи Нао! Но тот не закончил:

— Да, моё происхождение действительно не благородно. И что? Конечно, богатство и знатность семьи — великая сила. Вот только эта сила — не единственная и даже не главная. Скажи, мой ученик, имеют ли значение знатность и богатство, если ты собственноручно можешь сокрушить любого противника? Сделать вот так! — учитель поднял с земли большой камень и сжал в ладони. Камень брызнул осколками, а когда учитель перевернул ладонь — осыпался тонким песком.

Хань промолчал. Во всех историях у героев был, конечно, могущественный род, вот только чаще всего именно родственники являлись первым серьёзным препятствием. Они всегда считали героя мусором и ничтожеством, обращались с ним... да почти как учитель обращается с Ханем. Но это только поначалу. Герой становился сильнее, сокрушал подлые побочные ветви, которые собирались его лишить наследства, побеждал в поединке сначала признанного гения семьи — какого-нибудь четвёртого кузена, а потом и хлестал по щекам мерзкого дядюшку, который почти вырвал место главы рода у больного отца героя. Таким образом, справедливость всегда торжествовала.

— Возьмём, к примеру... К примеру, семью Гао. Они не менее знатны и богаты, чем Нао, всегда противостоят генералу Гуангу. Если бы они находились с вами в одной и той же провинции, вы бы бились с ними насмерть, до полного уничтожения одного из родов, а может, сразу и обоих. Но прадед Императора в своей божественной мудрости отдельным эдиктом расположил рода в противоположных концах Империи, так что теперь Гао только и остаётся, как пытаться очернить Нао при дворе да творить мелкие пакости, подходящие лишь слугам и женщинам.

Кроме цветов одеяний и эмблемы рода, знаний, полученных из полузабытых ныне уроков об основных родах Империи, Хань слышал о Гао только от отца, который часто рассказывал матушке, насколько те мерзки, жалки и презренны. Так что учитель не сообщил ничего ни нового, ни интересного.

— Так вот, ученик, есть ли смысл в этой знатности и богатстве, если я просто-напросто могу уничтожить весь род Гао, вывести его под корень?

— Но Император...

— О, Император меня обязательно накажет, — согласился учитель. — Возможно, даже отправит в изгнание. Но наказание окажется не слишком строгим, а изгнание — не слишком далёким. Потому что на моей стороне — сила...

— Вы что, восстанете против Империи? — изумился Хань.

— Ученик, ты что, идиот? Впрочем, не отвечай, я знаю и так. Потому что на моей стороне сила, которая нужна Императору больше, чем любой знатный и богатый род. Так вот, ответь, имеет ли значение то, что величественный дракон, уничтожающий врага по указанию длани Императора, был когда-то ничтожной икринкой, лежащей на дне грязного болота? Имеет ли значение моё происхождение, если я принимаю приказы только от Сына Неба, а все остальные могут лишь высказывать смиренные просьбы?

— Но все равно, учитель, вам приходится проводить свое время со мной! — торжествуяще уличил его Хань. — С тем, кого вы постоянно называли ничтожеством, икринкой, головастиком и мальком!

— Эй! Не забегай вперёд! — ухмыльнулся самозванец. — Мальком я тебя пока не

называл, стать им тебе только предстоит. Что касается бессмысленной и неблагодарной траты времени... Я безмерно уважаю генерала Гуанга за самоотверженную службу Империи и восхищаюсь красотой и добротой госпожи Лихуа. Мне было невыносимо знать об их страданиях, так что я решил помочь. Но решил это сделать сам, просто потому что могу! Ты понял меня, ученик?

— Да, учитель! — проворчал Хань.

— Так что запомни, как для простолюдина, желающего иметь выше себя лишь Небо и Императора, существует только единственный путь, так и ты, чтобы стать мальком, а затем и карпом, дабы прекратить свои мучения, должен обрести достаточную силу.

— Мальком и карпом? А драконом?

— Таким как я тебе никогда не стать! — рассмеялся учитель. — Поэтому начни хотя бы с малька и неуклонно двигайся вперёд. А я, как твой уважаемый и великодушный наставник, обязательно помогу! К примеру, ты потерял кучу времени на бессмысленные разговоры, поэтому в своей снисходительной милости я позволяю тебе пробежать дополнительные сто кругов. Разумеется, поднимая колени до груди.

Несмотря на то, что Хань слышал это «тебе не стать» уже множество раз, на этот раз фраза уязвила особо сильно. Пусть учитель часто врал и лицемерил, но кое-какая правда в его словах была. Ханю требовалась сила. Только имея могущество, он мог не только наконец отдохнуть, не только вернуться к привычному образу жизни, но и отомстить подонку за все унижения. И для этого действительно требовалось стать таким как он, а затем и вовсе превзойти. Но, конечно же, не с помощью тяжёлого труда и страданий — ведь он и так невыносимо страдал и круглосуточно трудился, но результата это не принесло. Нужен был учитель. Но не этот шарлатан, а настоящий учитель — скрытый эксперт и воплощение могущества. И чтобы этот эксперт внедрил в Ханя какую-нибудь особо могущественную технику, скажем Метод Нефритового Крушения Небес и Земли. Конечно, если Хань попросит, то новый учитель этого подонка изобьёт, сломает ему руки и ноги, вырвет из него всю ци. Но эту просьбу Хань, конечно же, никогда не выскажет, ведь колотить своего мучителя нужно только собственноручно!

— А пока что... Ты не забыл мой последний приказ?

— Направить ци в глаза! — сцепил зубы от обиды Хань. — Только осторожно!

— Обещание наказания — ничем не хуже самого наказания! — фыркнул учитель. — И прекрасно прочищает память. Не хочешь записать эту мудрость на каком-нибудь свитке?

Хань совершенно не хотел, сама мысль, что его дар каллиграфии будет использован на слова этого ничтожного негодяя, вызывала злость и тошноту не меньшую, чем от тех лесных личинок. Ещё очень болели шея, голова и пятки.

— Что-то у тебя покраснело лицо. Но это естественно. В этой стойке кровь приливает прямо к голове, угрожая её разорвать. Но эта же кровь несёт в себе и ци, так что используй её, укрепи голову и усиль чувства, используй то, что несет вред, к своей же пользе. Иначе что, ученик?

— Иначе мне никогда не перестать быть головастиком, учитель!

— Вот видишь, удары по пяткам и прилив к голове крови стимулируют твой разум, — голос звучал благодушно. — Потому что что?

— Все в теле взаимосвязано, учитель!

— А теперь приступай! Ощути ток ци, усиль себя, укрепи глаза и только затем принимайся за зрение.

Учитель вдруг подпрыгнул и единым слитным движением встал в ту же стойку, что и Хань. Только стоял он идеально ровно и не опирался на руки, важно сложив их на груди.

— Укрепи макушку, ученик, — последовало пояснение.

— Да, учитель! — слегка обиженно взревел Хань.

Вместо этого длинного и ненужного монолога мог бы просто объяснить. Но нет, надо обязательно издеваться, выдумывать новые способы причинения боли и унижения! Ханю сильно захотелось его ударить или хотя бы пнуть, но он знал, что ничего не выйдет, а он снова получит палкой по пяткам. Той самой палкой, которая так угрожающе лежит неподалёку и которой он отведаёт, если не начнёт выполнять поручение прямо сейчас.

Хань осторожно, словно хватая палочками хрупкий рулетик лючжо цзяо, отделил ци и направил к глазам. Но стоило ему поднять веки, как он страшно заверещал и свалился на землю. Ещё бы не испугаться, ведь рядом с ним в воздухе оскалил огромные острые зубы призрачный дракон!

— И кого ты увидел, ученик? — спросил наставник, всё так же невозмутимо стоя на голове.

— Ду-ду-ду-духа, учитель, — зубы Ханя, словно жили собственной жизнью, стуча в бешеном темпе. Он даже несколько раз прикусил язык!

— Какого именно духа?

— Одного из предков семьи Нао, учитель! — ответил Хань, унимая дрожь.

Он уже видел разок этого предка во время той дурацкой клятвы. И сейчас испытывал сложную смесь чувств: облегчение — ведь дракон не откусит ему голову, и страх — дух предка запросто может наказать за непочтительность.

— Тогда чего ты валяешься? Поприветствуй его, проявив почтение! — приказал учитель.

Сам он все ещё стоял на голове, но сложил руки и имитировал почтительный поклон. Хань торопливо вскочил на ноги и тоже низко поклонился.

— Что ты знаешь про духов предков? — тут же пристал с расспросами учитель. — Чем они отличаются от обычных призраков или демонов?

— Духи предков оберегают семью и присматривают за своими потомками, — ответил он. — А как же перерождения, учитель?

Дух неодобрительно покачал огромной головой с густой гривой, оскалил свою зубастую пасть и улетел прочь, извиваясь длинным змеиным телом. К тому же с таким видом, будто компания Ханя была недостойна его внимания! Хань решил было обидеться, но внезапно сообразил, что учитель до сих пор стоит на голове, причём к нему спиной. Лучшего момента для атаки представить было невозможно! Хань быстро сделал шаг вперёд и изо всех сил нанёс сокрушительный удар по незащитной учительской спине. Вот только нога встретила пустоту, а сам учитель каким-то образом очутился сзади и отвесил ему по заднице обидный и очень болезненный пинок, от которого Хань растянулся на каменных плитах.

— Только самые лучшие, те, кто жил правильно и думал о семье, получают право стать духами-хранителями, и только те, кто хорошо хранил семью, могут потом переродиться в одном из своих потомков, — как ни в чём не бывало ответил учитель, словно и не было коварного нападения. — Таков круговорот душ, их цикл в природе. Если семья жила плохо, несправедливо, у нее не будет духов-хранителей, а если потомки не поддерживали честь семьи, то цепь хранителей прервется. Скажи, ученик, почему ты увидел дух своего предка?

— Потому что он состоит из ци, а та есть во всем живом, учитель? — предположил

Хань, пытаясь подняться.

— Да, но дело в том, что предок уже мёртв. Возобновлять, преумножать и усиливать ци могут лишь живые — будь то люди, звери, боги или духи природы. Предки, несмотря на то, что их зовут духами — скорее призраки, они расходуют свою ци, лишь вмешиваясь в мир живых или спасая своих глупых потомков, вроде тебя. Постепенно развеиваются и снова уходят в цикл перерождений. Благодаря тебе немало их переродится, и вряд ли в семье Нао. Ты понял, что наделал, головастик?

— Да, учитель! — соврал Хань. Ему очень не нравилось, что учитель выставил злодеем не себя самого, а Ханя, который был невинной жертвой.

— Ты сожалеешь, что своими действиями ослабил силу рода? Хочешь искупить вину, стать сильным и овладеть могучими техниками, чтобы в будущем переродиться в защитника и помощника семьи Нао?

— Сожалею, учитель! Хочу, учитель!

Пусть он ни капли не сожалел — так этим предкам и надо, но на второй вопрос Хань ответил вполне искренне. Он действительно хотел стать сильным и спасти семью Нао от этого мерзкого самозванца. Но, разумеется, переродиться не торопился.

— Молодец! Не могу не наградить твоё искреннее раскаяние! Поэтому будешь бежать не сто кругов, а только пятьдесят.

— Спасибо, учитель! — обрадовался Хань.

— Перечисляя имена великих предков семьи Нао!

— Конечно, учитель! — чуть умерил радость Хань.

— И бежать, конечно же, будешь на руках.

☹ ☹ ☹

— Я называл тебя головастиком? — покачал головой учитель. — Похоже, я проявил поспешность. В отличие от икринки, которая лежит где-то в грязном иле, головастик умеет плавать.

Ханя на этот раз сравнения ни с головастиком, ни с икринкой не задели, как не задело бы даже сравнение со свиным навозом. По очень простой причине — Хань старался выжить. Он барахтался изо всех сил, метался из стороны в сторону, пытался выгрести против мощного течения и хоть как-то пристать к берегу быстрой, но глубокой реки, на середину которой его зашвырнул этот подонок. Который, к тому же, беззаботно шёл по поверхности воды, словно это была не бурная стихия, а мощёный каменными плитами императорский тракт.

И когда Хань нахлебался достаточно воды и получил причитающееся количество ударов о камни, он вывернул из себя целый океан воды, словно не человек, а мифический дулун — смесь дракона и рыбы, способный утопить целый город.

— В стойку лоулунг, ученик, — скомандовал учитель, не дав даже отдышаться.

С водой, всё ещё стекающей по подбородку, кашляющий Хань послушно исполнил приказ. Позу, называемую «бременем дракона», он ненавидел даже не потому, что приходилось упираться в землю и, стоя на руках, удерживать тело строго горизонтально, но и потому, что в качестве «бремени» выступал сам учитель. Который тут же запрыгнул ему на спину и поправлял огрехи, когда тело отклонялось от правильного положения из-за приступов рвоты. И делал это с помощью полюбившейся бамбуковой палки.

— Тебе не кажется, что название стойки немного неправильное, ученик? — спросил учитель. — В нашем случае больше подойдёт «лоугаотоу», как считаешь?

— Конечно, учитель, — ответил Хань, скрипнув зубами. Пусть он ожидал любой подлости, но всё равно «бремя головастика» звучало очень обидно.

За что ему такие страдания, почему небеса послали наказание? Видимо, искренние слёзы Ханя разжалобили даже само Небо, так как мерзавец, ударив его ещё разок палкой по заднице, задумчиво сказал:

— Сегодня ты неплохо потрудился, был менее ничтожным и ленивым, чем обычно. Значит на ужин получишь мясо. Ты рад?

— Да, учитель, — ещё сильнее заплакал Хань, — благодарю, учитель.

Мысли о будущем мясе и прошлых унижениях пробудили в нём дикого зверя, поэтому он, не думая, что может лишиться выстрадавшего ужина, примерился, как бы скинуть учителя на землю, наброситься на него с кулаками, раздавить телом и разорвать на куски. Увы, все сладостные мечты вдребезги разрушила палка, чьи удары по пяткам и по заднице посыпались со скоростью дождевых капель. Хань не выдержал и рухнул обратно на округлую и жёсткую прибрежную гальку.

— Такова твоя благодарность, ученик? — разочарованно щёлкнул языком мучитель.

Хань почувствовал, как обещанный ужин уплывает в какое-то дальнее и недоступное царство, уступая место ночной пробежке. В голове даже возникла великолепная цитата: «Только уже съеденное мясо можно назвать своим!», но тут же пропала, сменившись отчаянием.

— Вы меня похвалили! — быстро нашёлся Хань. — Поэтому я хотел вас ударить или хотя бы коснуться! Чтобы вы мною гордились ещё больше и дали больше мяса! Не только сегодня, но и завтра!

Лучшее мясо, которое сейчас ему хотелось видеть — это хорошенько отбитое. И чтобы этим мясом являлся сам учитель. В голове начало возникать, но так и окончательно не оформилось высказывание, что-то насчёт мяса, отбитого у врага в виде самого побитого врага. В былое время Хань обязательно не только сформулировал бы цитату, остроумием и меткостью достойную императорского дворца, но и записал бы её на свитке безупречными иероглифами. Вот только из-за этого изверга и мучителя с каллиграфией было покончено — у него не было ни времени, ни сил, он не мог удержать не то что кисть, но даже палочки для еды. Порой от усталости он засыпал прямо лицом в тарелке, впрочем, ни единого раза не забыв съесть содержимое. Единственная после появления негодяя попытка записать мысль в свитке бесславно провалилась. Он всегда считал кисть своим стремительным клинком, но если бы она действительно превратилась в меч, то он бы отрубил себе руки и ноги.

Тогда учитель отобрал у него кисть, обмакнул в драгоценные красные чернила и несколькими быстрыми движениями создал идеальную надпись на бесценном шёлковом свитке из провинции Цандунь. После чего погнал Ханя заниматься, без видимых усилий исполняя с ним все упражнения, успевая при этом лупить его палкой, помогать слугам и давать советы воинам, а потом ещё и облапать под видом «акупунктуры» матушку Лихуа.

Было бы не так обидно, истратив этот подлец чернила и свиток на какое-то из мудрых изречений Ханя, которые так любил издевательски цитировать. Но нет, на свитке, который он повесил прямо на двери каморки Ханя, красовалась прекрасная, но одновременно омерзительная надпись «Дрожащий головастик».

— ...никуда не годится! — послышался голос учителя.

— Что? — вынырнул из раздумий Хань. Похоже, от усталости и переживаний он на минуту выпал из реальности.

Удара за невнимательность не последовало.

— Я говорю, что цель у тебя отличная, способ ты нашёл тоже подходящий. Вот только исполнение подкачало.

Хань тут же вспомнил про обещанное мясо, про неудавшееся нападение и про свою восхитительную хитрость, превратившую подлость и коварство, в поступок, достойный награды.

— Но в целом, ученик, очень неплохо... — подтвердил учитель.

Окончательно убедившись, что умудрился выкрутиться и ему всё сошло с рук, Хань расслабился. За что тут же получил палкой по пяткам.

— ...для головастика! Кто нападает из такой неудобной позиции?

Дальнейший день превратился в сплошной кошмар. Если кто бы и мог получить новые знания, так это студенты имперских медицинских школ, а то и бывалые многоопытные лекари — столько побоев, ранений и переломов получил Хань на так называемых тренировках. Учитель постоянно что-то требовал, то повторить смысл одной из его пространных речей, в которых он делился «настоящей премудростью, которую не найти и в столичных школах», то пересказывать один из скучных и ненужных трактатов. И когда у Ханя что-то получалось, его снова гнали на тренировочные площадки, ведь «тренировки разума следует перемежать тренировками тела, а тренировки тела — тренировками духа». В итоге получалось, что у Ханя болело всё — голова пребывала словно в тумане, боль угнездилась в каждой мышце и кости, а меридианы, о существовании которых он раньше знал только из кристаллов, жгло огнём.

— Принять исходную стойку для боя! — вновь приказал изувер.

— Такой не существует, учитель! — крикнул в ответ Хань, прекрасно помня предыдущие болезненные уроки.

Стальные пальцы ухватили его за шею.

— Враг уже напал на тебя!

В окровавленной и порванной одежде, избитый, потный и усталый, Хань бездумно брел за учителем, перечисляя способы обнаружить воду в лесу, пустыне, горах и прочих местах без людей. Способов было много, каждый из них отличался от другого и работал в строго определённой местности. Хань всерьёз опасался, что вскоре начнётся «практическое закрепление материала» и этот подонок с помощью какой-нибудь особо изощрённой техники выкинет его прямо в пустыне на другом континенте или посреди океана. И пока Хань будет умирать от жажды, он демонстративно начнёт уминать какие-то яства, пойманные и приготовленные на месте, приговаривая, что Ханю «никогда не стать таким как он», а смерть Ханя от голода и жажды — всего лишь «временные трудности».

— Приветствую вас, мастер, — раздался знакомый голосок.

Хань поначалу подумал, что у него начались галлюцинации, потому что нового визита Мэй он не ожидал. Он не помнил, когда она была в гостях в последний раз — вчера, сегодня, сто циклов назад? Дни давно слились в плотную мутную пелену, состоящую из боли, мучений и разрушенных надежд. Иногда ему казалось, что он уже умер, но не отправился на перерождение, а застрял в подземном царстве, а учитель — какой-то из тамошних демонов, питающихся страданиями Ханя. Он пытался внимательно рассмотреть Мэй, и даже через мутную пелену, застилавшую глаза, она казалась невыносимо прекрасной.

— Ваше появление озарило мой день, о прекраснейшая Мэй Линь, — ответил

демонический мучитель.

— А мне доставило несказанное удовольствие наблюдать за тренировкой, — приветливо отозвалась Мэй.

Хань застыл. Она что, смотрела? Видела все издевательства? Мэй Линь чуть склонила голову, приветствуя Ханя, и одарила его странным взглядом, как никогда еще не смотрела. Пусть ему не хотелось представлять перед девушкой своих грёз в столь жалком виде, но на мгновение вспыхнуло видение, как Мэй бросается к нему, подставляет плечо, помогает измученному и израненному тему опуститься на землю, а потом даже кладёт его голову себе на колени, жалея и утешая.

— Так вот чьё внимание я ощущал! Могу только воздать должное, о прекраснейшая Мэй Линь, столь превосходной маскировке.

— Но вы меня заметили!

— Я заметил «кого-то», но не понял, что это были вы. Если и есть что-то, что может сравниться с вашей красотой, так это превосходные навыки.

Хань даже не подозревал о присутствии Мэй, впрочем, в этом состоянии он бы не заметил появления самого Императора со всей дворцовой свитой. Но каким-то глубоким чувством всё равно знал, что на самом деле учитель не только заметил Мэй, не только узнал её скрытую ци, но и мог точно сказать, сколько ударов совершило её сердце, что она ела на завтрак и какие упражнения делала с утра.

Мэй Линь отвернулась от учителя и внимательно осмотрела Ханя. Но вместо ожидаемого сочувствия и жалости он заметил только кивок одобрения. Хань застыл, а его колени мелко задрожали. Ей нравится? Она не осуждает пытки и изощрённые издевательства, которым его подвергают? Её совсем не трогает, что его бьют и мучают?! От такого предательства хотелось взвыть и расплакаться, Хань едва сдерживался, кусая себя за язык и сжимая кулаки. Он вновь представил всё то, что сделает с учителем, когда станет таким как он, нет, многократно сильнее! Как вернёт каждый удар, каждое издевательство, каждую сломанную кость — всё до последнего маленького синяка! Как заставит его голодать, а сам будет есть вкуснейшие блюда прямо у него на глазах! Как процитирует все свои высказывания, добавляя после каждого удар бамбуковой палкой по пяткам! Он даже хотел поклясться самой страшной клятвой, воззвав к духам предков, что сделает это, даже если для этого придётся умереть!

Но мысли о духах и клятвах внезапно отрезвили. Хань вспомнил, к чему привела последняя такая клятва, вспомнил предательство этих духов, которые, вместо того чтобы беречь Ханя, своего потомка, устроили тому подземное царство прямо в подлунном мире.

Хань мотнул головой, прогоняя сладостные мечты и собрался. Он опасался, что учитель какой-то особой техникой прочитает его мысли и устроит новый цикл издевательства, на этот раз на глазах Мэй. Она, конечно, и без того тайно наблюдала за пытками, но так, не скрываясь, — это совсем другое!

— Не все мои навыки достойны высокой похвалы, — сокрушённо качнула головой Мэй, вновь повернувшись к мерзавцу.

— Не стоит себя недооценивать, — не согласился тот.

— Но и переоценивать не стоит тоже. До вас мне очень далеко. Но я очень хочу стать таким как вы.

Хань не понимал, к чему она ведёт, но понял, если этот мерзавец скажет свою любимую фразу и Мэй, то он накинется на него с кулаками.

— Таким как я, вам... — начал учитель, и Хань зарычал. — ...становиться вовсе не надо. У вас, в отличие от меня, есть множество талантов, а мой путь слишком извилист и беспорядочен, чтобы его кто-то повторял.

— Вы сказали, что у меня много талантов. Возможно. Но мне нужна ваша помощь, чтобы их отточить. Я понимаю, что переступаю грань, ведь у вас уже есть ученик. Но мне бы очень хотелось назвать вас учителем.

Ханя взяла оторопь. Мэй знала об мерзком характере самозванца, о его ужасающих методах, она видела все издевательства и мучения Ханя, но сама хотела пройти через всё это? Добровольно? Нет, это какое-то мерзкое колдовство, воздействие тёмной ци, или же демоническая техника!

— Что ж. Хоть бриллиант и прекрасен, без огранки он похож на булыжник, — сказал негодяй.

Хань закричал зубами. Когда-то отец принёс из похода и подарил маме невзрачный камушек. Хань удивлялся радости и благодарности матушки, но только до тех пор, пока не увидел, во что тот превратился после визита к ювелиру. Хань был настолько впечатлён, что мудрое изречение родилось само собой, кисть так и порхала по свитку, складывая идеально чёткие линии в безупречные иероглифы. И теперь этот подонок цитировал изречение Ханя не кому-нибудь, а самой Мэй! Хань кинулся на учителя, но бамбуковая палка неумовимо мелькнула в воздухе ударила ему в живот, мигом выбив весь воздух. Хань растянулся на земле. Мэй сочувственно покачала головой, но ничего не сказала.

— Как вы видите, прекрасная Мэй Линь, будет очень тяжело. Я буду принимать во внимание, что вы — женщина, но лишь только для того, чтобы выбрать подходящие женскому телосложению упражнения, методы и техники. Если вы не считаете, что готовы к трудностям, поту и боли, то лучше отступите прямо сейчас. Так что хорошо подумайте.

Хань, лёжа на земле, даже затаил дыхание. С одной стороны ему хотелось, чтобы Мэй ушла, бежала отсюда как можно скорее, чтобы ей не пришлось терпеть издевательства от этого чудовища. С другой — она бы была всегда рядом с ним, такая же ученица, он бы мог её видеть каждый день и каждый час!

— Мне не нужно думать, учитель! — звонко ответила Мэй и, сложив руки, поклонилась. — Главное, чтобы не передумали вы.

— Мужчина не отказывается от своих слов, а уж воин и подавно, — ответил мерзавец очередной цитатой Ханя. — Но знай, ты пожалеешь, причем не один раз. Ты поняла, ученица?

Старые обиды, бесстыдное использование одной из любимых цитат, да и ощущение, что свершилось что-то непоправимое — всё накатило на Ханя с такой силой, что не помогло даже прикусывание языка. Внутри клокотал котёл гнева, слёзы сами собой побежали по щекам. К тому же учитель повернулся спиной, руки его были сложены, а тело согнуто в ответном поклоне. Лучшего момента нельзя было и придумать, так что Хань не колебался, он неслышно поднялся с земли и накинудся на учителя, заноса руку над его головой, чтобы раз и навсегда покончить с негодяем, освободив себя и Мэй.

Но удар так и не достиг цели. Перед тем, как в глазах Ханя потемнело, он успел почувствовать, как на него обрушивается целый горный хребет.

Хань стоял на одной ноге, упирая ступню другой в колено первой. Пальцы одной руки, сложенные в жест концентрации, почти касались носа и закрытых глаз. Он удерживал свою

ци, словно коконом окутывая её всё тело. Он делал практически невозможное — отгораживался от всего мира и одновременно сливался с ним, становясь его неотъемлемой частью. Но, конечно, похвалы он так и не дождался.

— Маскировка никуда не годится, ученик, я ощутил бы волнения в твоей ци, даже находясь на другом конце Империи! Поэтому ужинать будешь, стоя в стойке дабу!

Хань на всякий случай сделал расстроенное лицо, но при этом испытал даже облегчение. Всего лишь дабу? Да он и так в ней иногда стоял целыми днями! Главное, что сегодня будет ужин!

Злодей окинул его подозрительным взглядом, словно видел насквозь, а затем повернулся к Мэй и любезно улыбнулся.

— Ученица.

— Учитель, — поклонилась та в ответ.

Хань надеялся, что присутствие Мэй всё изменит. Что впервые за вечность он сможет поесть не в хлеву для слуг, не на дикой природе и не рядом с тренировочными площадками, а дома, за нормальным столом, с матушкой. Может, он даже получит нормальную привычную еду, а не омерзительные помои! Именно ужин дома в присутствии Мэй стал бы по-настоящему прекрасным завершением столь отвратительного дня, уже привычного в своей отвратительности.

Увы, его желания оказались бесполезными фантазиями. К ужасу Ханя, учитель повёл их с Мэй в привычный сарай для слуг, где тот же толстый слуга, по недоразумению считающийся поваром, насыпал им такого же мерзкого варева, как обычно. В те же отвратительные глиняные миски, из которых побрезговали бы есть даже собаки! Так как ему не позволили воспользоваться скамьёй, Хань стоял в стойке дабу. Наверное, со стороны это выглядело смешно — словно он сидит за столом на невидимом стуле. Но слуги не смеялись, они лишь уважительно кланялись и приступали к еде. Ханю было всё равно — всё тело болело и ныло, ему хотелось лишь одного — поесть, чтобы вскоре забыться тяжёлым глубоким сном без сновидений.

Только присутствие Мэй перебивало гадостный вкус еды, и Хань с ужасом ожидал, как она, попробовав блюдо, выплюнет всё на пол и уйдёт, чтобы больше никогда здесь не появиться. Но Мэй не только всё съела, но и умудрилась это сделать, изящно удерживая палочки, перешучиваясь со слугами и делая вид, что ей оказана честь ужинать в таком месте. Она даже похвалила повара, сказав, что овощи получились очень вкусными, а рис — выше всяких похвал, и заявила, что пройдёт путь ученика со всеми его испытаниями полностью — от начала до самого конца, безо всяких уступок и поблажек.

Хань обливался слезами и ел, давился, не смея поднять взгляда.

— К слову о поблажках! — громко сказал учитель. — Сегодня наш Хань особо отличился и заслужил мяса! Он хорошо поработал, как и подобает настоящему мужчине, а значит, получает награду!

Предатели-слуги разразились одобрительными возгласами, а некоторые даже от избытка чувств совсем вульгарно и по-простолюдински захлопали ладонями по бёдрам. Мэй тоже улыбнулась, и у Ханя потеплело на душе. Но тепло тут же ушло, так как она улыбнулась и учителю.

— Так давай же, ученик, возьми палочки, съешь этой вкусной куриной грудки да выпей чаю! — сказал учитель и в качестве примера первым подхватил кусок грудки и отправил в рот. — Настоящая пища богов! Абсолютли!

Хань с недоумением уставился на учителя, бросила удивлённый взгляд Мэй, и даже слуги замолкли, повернув головы.

— Абсолютли! — повторил учитель. — Так говорят варвары с запада, желая выразить наивысшую степень превосходства.

— Абсолютли! — повторила Мэй, вскидывая к потолку палочки с зажатым в них куском грудки.

— Абсолютли! — поддержали остальные слуги.

Хань стоял в неудобной стойке, усталый, избитый и сонный. Он потянулся к грудке палочками, ощущая при каждом движении невыносимую боль. Но стоило дотянуться до грудки и положить её в рот, он почувствовал, что это жёсткое, сухое, пресное мясо с крупными неподатливыми волокнами ему кажется самым вкусным блюдом, которое он когда-либо ел в жизни.

— Абсолютли!

Глава 6, в которой героя предают близкие и слуги, но он находит светлые стороны даже в бедах

Первые лучи солнца коснулись Ханя, и он открыл глаза. Поёрзав на жёстком неудобном ложе, он испытал ставший уже привычным приступ ненависти и обиды. Его лишили роскошных покоев с мягким диваном и подушками, удобной кроватью, столиком для свитков и плотно занавешенными окнами, причём сделали всё это со словами: «Не привязывайся к вещам, ученик!»

После чего мерзавец-учитель взял и заселился в покои Ханя — это было в тысячу раз обиднее, чем если бы он просто пнул его в живот. Ханю же выделили тесную темную комнатку, помещение, которым побрезговали бы даже слуги, но зато выходящее единственным маленьким окном строго на восток. Хань не представлял, как злодей этого добился, как сумел сочетать совершенно противоположные вещи, но, несмотря на темноту и унылость комнаты, первые лучи солнца обязательно светили в глаза, ослепляя и заставляя вставать с постели. Перевернуться на другой бок не получалось — лучи отражались от ближайшей стены, а тонкая рисовая циновка, служившая одеялом, от света никак не защищала!

А уж когда Хань решил завесить окно своей одеждой, то очень об этом пожалел — ведь утром учитель поднял его с кровати безжалостным ударом ноги. Он не только процитировал изречение Ханя: «Воин бдителен всегда, даже ночью», но и назвал происходящее поблажками! Уступками, из уважения к его родителям!

— «Новый день — новые вершины», — прозвучал снаружи ненавистный голос.

Хань скрежетнул зубами. Он знал, что должен хранить ледяное спокойствие и игнорировать все подначки, но как это сделаешь, когда мерзавец использует любимые изречения, напроць выворачивая их глубокий смысл? Поди ещё и подтирается бесценными свитками, а набор любимых кистей Ханя использует для ковыряния в ухе или где похуже! Днями и ночами думает только о том, как бы ещё сильнее унижить Ханя, чтобы не только измываться над телом, не только сломить разум, но и поразить саму душу!

Но как настоящий будущий герой, Хань не поддастся и ему покажет! Ну а пока что...

— Да, учитель! — прокричал он, выскакивая наружу.

Если Хань к чему-то и был готов, так к страданиям и неприятностям. Поэтому, увидев Мэй, стоящую в стойке дабу, он настолько удивился, что даже споткнулся и едва не растянулся на земле. Конечно, стойка ей очень шла, как шло что угодно, но откуда она здесь? Почему так рано? Неужели злодейский учитель заявился к ней в поместье ещё раньше и тоже погнал на мучения, называемые тренировками?

— Очень хорошо, ученица. Приятно видеть, когда твои уроки не пропадают даром, — бросил он в сторону Ханя взгляд, за который хотелось убить. — Как я уже говорил, ученица, у тебя все гармонично, а значит, нет нужды проходить весь путь с самого начала. Если Хань — икринка, жирный головастик, которому ещё только предстоит стать карпом, то ты уже радужная форель из ледяного горного ручья.

Хань снова сцепил зубы. Он, конечно восхищался Мэй, но она, в отличие от Ханя, не прошла через все эти мириады издевательств. Ей никогда не ломали руки и ноги, не бросали тонуть в реке и не заставляли носить огромные тяжёлые мешки по лесным чащобам. Ей никогда не извращали цитаты, не обманывали её маму и не пожирали на глазах любимые

блюда! Эх, если бы Мэй прошла через те же муки, то она бы непременно пожалела Ханя и встала бы на его сторону. А потом они смогли бы вместе накинуться на негодяя, застать врасплох, чтобы в итоге свернуть эту мерзкую шею! И тогда бы они обязательно зажили счастливо! Вместе!

— Но никогда не останавливайся, не становись самодовольной, — продолжал злодей. — Ведь форель — это еще не дракон.

— Да, учитель! — воскликнула Мэй.

Хань ощутил, словно в его сердце вонзили клинок и медленно его провернули. Для него слова «да, учитель» обозначали боль, страх, страдания, ненависть и отвращение. Почему же Мэй выкрикивает их с такой радостью и предвкушением? Почему она так ждёт новых издевательств и мучений?

— Мои искренние поздравления, молодой господин! — вырвал его из размышлений смутно знакомый голос.

Хань встрепенулся, но увидав, что его поприветствовал один из спешащих по своим делам слуг, отвернул голову. Поздравления? С чем его можно поздравлять во время этих унижений? Или эти неблагодарные твари издевались?

По дороге на тренировочную площадку ещё двое слуг внезапно поздравили Ханя, это не только бесило, но и ставило в тупик. Мало того что они не помогли в трудную минуту, не принесли еды, не помогли бежать, и мало того что приняли сторону этого негодяйского негодяя, насмешкой богов и демонов именуемого учителем, так теперь еще и поздравляли! С чем? С унижением? Издёвками? Избиениями? Тем, что теперь всё это увидит ещё и Мэй Линь?

Видать, именно в этом и дело — чернь не ценит хорошего отношения, лишь радуется, когда господин в беде. Вновь на кончике языка завертелась подходящая цитата, а руки зачесались в поисках кисти, чтобы её записать, но этот порыв тут же смыла волна обиды.

— За что? — пробормотал трясущимися губами Хань. — Разве я когда-либо вас обижал?

К несчастью, эти тихие слова услышали отнюдь не слуги.

— Если у тебя есть силы говорить и возмущаться, значит баланс твоей ци смещён в сторону рта. Мы это, конечно же, исправим. Как именно, ученик?

— Наверное заставите меня стоять в стойке, учитель? Или бежать? — ответил Хань.

— Потрясающе! Как видишь, регулярные упражнения сделали тебя очень догадливым. Сто кругов, колени к животу!

— Да, учитель!

Хань привычно вздохнул и побежал, задирая колени, игнорируя боль в мышцах и животе, жжение в меридианах от удерживаемой ци. Он знал, что не было смысла ни спорить, ни жаловаться, оставалось только выстоять, пережив пытку. Но его сосредоточенность едва не дала сбой, когда он увидел, что Мэй, которую никто не заставлял ничего делать, бежит рядом, повторяя его движения с видимым усердием. Мэй вырвалась вперёд, и Хань увидел, как в высоком вырезе её ципао мелькает стройная прекрасная ножка. Ци забурлила, скопившись в точке внизу живота, но из-за изнурительного бега тело даже не смогло отреагировать самым естественным образом. Вместо возбуждения возникло лишь бешенство — ведь рядом с Мэй нёсся учитель и старательно её лапал, делая вид, что исправляет ошибки в движениях. Хань закрыл глаза и побежал вперёд, лишь бы не видеть этих издевательств. Но, увы, это не помогло, даже стало хуже — то ли чувство ци, то ли

воображение позволяли всё ощущать и видеть в мельчайших подробностях. От отчаяния Хань закусил губу, и капли крови закапали на утопанную землю тренировочной площадки.

Хань шёл медленно, закрыв глаза и даже прикусив от усердия до сих пор побаливающий язык. Сгусток ци, скопившийся в животе, передавал энергию в ладони. У него было не так много времени — ведь минуты, когда злодейский учитель давал Ханю передышку и позволял заниматься своими делами, можно было пересчитать по пальцам руки. Именно в эти пальцы направил Хань ци, одновременно пытаясь замаскироваться и раствориться в пространстве. Можно было, конечно, подать ци ещё и в глаза — но не хотелось снова увидеть какого-нибудь безжалостного и бесчувственного предка.

Ладонь скользнула по стене, ци затрепетала и проникла внутрь. В комнате никого не было, так что Хань пошёл дальше, к следующей комнате. К сожалению, особняк был большим, а Хань знал лишь общее направление поисков. Вскоре ему улыбнулась удача — ци, проникнув сквозь стену, ощутила чью-то очень знакомую энергию. Мэй! Хань почти что вскрикнул от радости, но величайшим усилием воли сдержался.

То, что Мэй заняла комнату рядом, недалеко от Ханя, могло иметь лишь одноединственное объяснение — она к нему равнодушна. Приготовившись пригнуться и заблокировать возможный удар в голову, Хань выглянул за угол, но в соседнем коридоре никого не было, и удара не последовало. Он тихо выдохнул, успокаиваясь, и подошёл к двери.

Вновь задержав дыхание, Хань толкнул дверь. К счастью, она оказалась не заперта, очень хороший знак. Чистая и яркая ци Мэй манила, так что Хань отбросил все сомнения и шагнул вперёд. Солнце, светившее прямо сквозь открытое окно ослепляло, но он не стал останавливаться, двинувшись к замершему в тени силуэту.

— Как же я рад, что ты здесь! — сказал Хань, всхлипнув. — Как признателен, что не один, а с тобой!

Он отбросил все сомнения, решил открыть своё сердце и высказать ей всё, что думает. Ведь именно так должны поступать настоящие герои!

— Наконец-то я дождался от тебя добрых слов, ученик! — разрезал тишину самый отвратительный голос на свете. — Но раз ты забыл добавить «учитель», то это значит, что нас с тобой ждёт новая тренировка!

Хань так и не смог потом сказать, потерял ли он сознание сам, от ненависти и разбившихся надежд, или учитель помог ему метким ударом по голове.

Хань не знал, то ли виновато вчерашнее происшествие, то ли мерзкий характер учителя, а то ли всё вместе, но сегодня он придирался к Ханю по поводу и без повода. Постоянно понукал, смеивал и наказывал за промахи. И это вызывало ещё больше промахов, которые приводили к ещё большему количеству наказаний.

Разумеется, с Мэй всё было по-другому. Когда тренировалась она, он её лишь хвалил, обхаживал и облапывал — всё так же под видом корректировки стоек и движений. Хань вопил внутри от отчаяния — негодяй использовал всё те же демонические техники, которыми околдовал родителей Ханя, воинов и слуг!

— Нельзя всё время тренироваться, — вещал учитель, даже не обращая внимания на противоречие своих слов. — Тренировки следует не только прерывать, но и сменять. Перемежать укрепление тела тренировками разума, затем развивать силу духа, а затем

начинать сначала — чтобы каждый аспект великой триады развивался гармонично. Нельзя всё время напрягаться, телу, разуму и духу для восстановления нужен отдых. Но отдых не означает праздности, если эти аспекты не толкать вперёд, до предела возможного и дальше, тогда карп никогда не сможет пройти через драконьи врата. Противоречиво, не правда ли?

— Да, учитель! — машинально ответил Хань.

«К демонам и духам все эти драконы и триады, не хочу учиться, хочу вернуться в прошлое, безо всех этих учителей, духов и жестокости отца! Ну, конечно, не полностью, кое-что хорошее есть и сейчас!» — подумал Хань, кося взглядом на замершую в изящной стойке Мэй Линь. Ханя и без того качало от усталости, а от этого тихого ненавистного голоса прямо тянуло упасть и уснуть на месте.

Но он знал, что не следует поддаваться порыву. Больше не стоит — ведь он уже не раз испытал последствия. Вместо жёсткого лежака в тесной комнатухе он приходил в себя утром тут же, прямо на земле: окоченевший и слабый, с камнями, впившимися в бока и спину, да и к тому же с гудящей головой. И, разумеется, вместо того, чтобы отправить Ханя к доктору, учитель заставлял его бежать ещё больше кругов и таскать ещё более тяжёлые камни. Приговаривая: «Ты ведь так долго спал, значит, хорошо отдохнул!» и «Хорошая тренировка — лучшее средство от любых хворей!». Хань встрепенулся и с особым рвением прогнал по телу ци — лишь бы только не заснуть, лишь бы не продемонстрировать Мэй неподобающее и неприглядное зрелище.

— Именно из таких противоречий состоит всё в нашем мире. Именно так можно подойти к границе мастерства, а потом через неё и перешагнуть. Но у настоящего мастерства есть дополнительная ступень. Когда тренируется тело — свободны дух и разум. Когда тренируется разум — свободны тело и дух. Таким образом, один из трёх аспектов всегда празден и ленив, совсем как наш Хань. Решение этой проблемы простое, но одновременно сложное. Нужно тренировать сразу два аспекта из трёх, давая отдыхать и восстанавливаться лишь одному из них. Заучивать свитки, тренироваться с мечом и копьём, развивать выносливость и стойкость.

— Но я читала, что сосредоточиться лучше на чём-то одном! — сказала Мэй.

Хань был с ней полностью согласен — к примеру, он прекрасно разбирался в каллиграфии и достиг невиданных высот, а после всех этих издевательств не смог бы написать ровно даже самый простой иероглиф.

— Возможно, — неожиданно согласился учитель. — Вот только если кого-то устраивает быть ущербным во всём остальном. Отсутствие движения вперёд — это движение назад.

— Но ведь нельзя быть хорошим во всём! — не сдавалась Мэй. — К примеру, нельзя циркулировать ци сразу во всех...

Учитель рассмеялся, оборвав её на полуслове.

— Ты, конечно, говоришь о трёх точках даньтянь, — всё ещё фыркал он. — Верхнем, нижнем и среднем.

Мэй кивнула.

— Учёный, алхимик или маг сосредотачивает ци в голове, лекарь или целитель — в сердце, а воин — в животе. Так знают все, так повелось испокон веков. Каждый человек, практикующий техники, пробовал развивать две или три точки — и, конечно же, убеждался в медленном прогрессе, он видел, как его обгоняют сверстники и соперники. Развивать только одну точку — больно и трудно, две — невыносимо, а три — суший кошмар. И где

награда? Где движение вперёд? Почему оно такое медленное, словно барахтанье головастика в грязи, по сравнению с быстрым и юрким движением мальков сквозь потоки воды?

Хань закусил губу. Не спать! Он должен не спать! Он должен знать своего врага, только так можно помочь Мэй, которую уже околдовали!

— Вот только может ли считаться сильным глупый и малодушный воин? Может ли считаться умным учёный, превративший своё тело в развалину? Будет ли сопутствовать успех сильному духом, но слабому телом глупцу? Да, увеличивать силу и количество ци очень трудно, да, с тремя точками её требуется гораздо больше, да и результат проявляется во много раз медленней. Ну и что? Непрерывно движущийся к цели головастик в итоге обгонит этих глупых рыб, доберётся до водопада и устремится вверх!

Хань фыркнул. Разумеется, его не раз называли головастиком, но он знал, что рано или поздно что-то придумает, чтобы вырваться из когтей этого злодея самому, вырвать Мэй и матушку! Да, ему приходится подчиняться, но это совсем не значит, что он будет слушать этого подлеца и всё делать добровольно! Не может нормальный человек подвергать себя таким мучениям! И то, что Мэй пришла сама — лучшее подтверждение! Это значит её околдовали, загуманили разум! Впрочем, чего тут удивляться? Злодеи в кристаллах так делали постоянно!

Видать, подлец-учитель использовал колдовство, чтобы получить предсказание будущего. Наверняка сделал это каким-то особо отвратительным способом, например, бросив костяные пластинки, сделанные из черепов невинных людей. Из этого предсказания он выяснил, что только могучий воин Хань может встать у него на пути. Поэтому он и приехал сюда, чтобы не только помешать, но и околдовать всех вокруг: отца, матушку, слуг, Мэй и даже семейных духов-хранителей! Он мучает каждый день Ханя, наслаждается, как и положено, его страданиями, одновременно пытаясь сбить с верного пути! Вот только подонок не учёл, что на самого Ханя эти чары не действуют, что он видит такие трюки насквозь. И да, то что Хань подчиняется приказам этого злодея — это не из-за того, что боится боли и страданий, а это такой хитрый трюк, призванный усыпить бдительность, а потом нанести точный и смертельный удар!

— Но если развивать все три точки так хорошо, почему этим не занимаются все вокруг? — спросила Мэй.

Учитель лишь покачал головой.

— У каждого действия, как и у каждого бездействия, есть преимущества и недостатки. Как я и сказал, развивать несколько точек — долго, больно и трудно. Много ли ты видела людей, практикующих ци? А ведь основы доступны практически каждому, стоит доехать до ближайшего города и посетить библиотеку, которые, милостью Императора, бесплатно открыты хоть аристократу, хоть простолюдину!

— И там есть секретные техники? — оживился Хань. Если он прокрадётся в такую библиотеку, изучит тайный способ манипуляцией ци, тогда сможет не только победить учителя, но и впечатлить девушку своей мечты! В поместье Нао, конечно, была огромная библиотека, и отец неоднократно пытался заставить его читать эти пыльные свитки и книги, но всё, чего он добился — это здоровый сон Ханя, ведь книги были полны скучных диаграмм и картинок. То ли дело Альманах Героев! Вот там всё по-настоящему!

— Нет, мой глупый головастик! — рассмеялся учитель. — Секретные техники на то и секретны, чтобы не быть доступными всем и каждому. Но даже если изучить самые основы,

если практиковать их без усталости, можно получить здоровье, долголетие и силу. Но как видишь, практиков цзи очень мало даже среди тех, кто имеет все возможности, как, например, восхитительная и великодушная госпожа Лихуа.

Хань сцепил зубы — как делал каждый раз, когда этот подонок говорил о матушке.

— Но даньтянь... — напомнила Мэй.

— То же самое касается и их. Практиковать развитие всех трёх точек многократно сложнее, чем одной. Это медленно, не приносит видимых результатов, это больно и тяжело. Я даже не могу сказать, что это действительно настолько уж и лучше. Ведь сосредоточившись на чём-то одном, человек может достигнуть в данной области большего. Тем более, цзи — это цзи, воин может использовать целительские техники, маг или алхимик — воевать, а мастер талисманов — создавать зелья и пилюли. Вот только постичь тонкости мастерства можно, лишь используя подходящий инструмент. И лишь всестороннее развитие позволяет не только постичь такие тонкости, но и узнать нечто новое — просто имея возможность использовать цзи по-другому, взглянуть на препятствие под другим углом.

— Но ведь Хань... — пробормотала Мэй, и сердце Ханя радостно воспарило от такой заботы. — Вы обучаете его использовать только нижний даньтянь.

Ага! Даже будучи околдованной, Мэй раскрыла все злодейские планы!

— Конечно, — легко согласился подонок. — Потому что нижняя точка цзи находится именно в животе. А живот у Ханя очень велик, оттуда начать легче всего. С помощью принуждения можно достичь многого. Но, увы, лишь до определённого предела. Ведь для того, чтобы стать кем-то великим, стремиться к этому следует самому.

— А я? Как насчёт меня?

— В тебе я вижу стремление стать кем-то большим, чем ты есть сейчас. И с тобой моя задача несоизмеримо проще — я не должен заставлять, а лишь просто указать путь и поправить ошибки. Я вижу в тебе стремление к совершенству, а это всё, что учитель может желать от ученика. Кстати, за то, что задавала правильные вопросы, ты заслужила мясо.

— Что? — протяжно взвыл раненым буйволом Хань. — Но за что, почему... учитель?

— Если бы ты слушал внимательно, то понял бы, что разум — оружие не хуже тела, ученик, — сообщил тот с издевкой. — И им тоже можно сражаться.

— Я читала, что в древности, — добавила Мэй, — ученик нередко вызывал учителя на поединок разумов.

— Верно. Чтобы доказать, что превзошёл учителя, он вызывал того на бой в каждом из аспектов. И лишь победив в поединках духа, разума и тела, он мог сделать учителя по-настоящему счастливым.

— Счастливым? — изумился Хань. — Победив?

— Вырастить ученика, который превзошел тебя, не это ли наивысшая честь для любого учителя? — тут же пояснил мерзавец. — Я бы по-настоящему возрадовался поединку разумов. И даже засчитал бы тебе, моему глупому головастику-ученику, как экзамен, но...

Хань не мог поверить своему счастью. Вот он! Вот он шанс сразу прекратить все мучения! Сейчас он вызовет негодя на поединок разумов, где победит сначала своим знанием всех героев и злодеев созерцательных кристаллов, а потом и вовсе разгромит вдребезги с помощью цитат и мудрых высказываний! Ведь не зря этот подлец всегда цитирует только Ханя — сам-то он способен лишь обзывать головастиком и всё время повторять нудную и глупую историю о карпах и драконах!

— Но что, учитель? — нетерпеливо спросила Мэй.

— Если наш Хань выберет битву разумов, мне придётся отказаться от поединка!

— Но почему, учитель?

— Нет чести в победе над безоружным!

Хань сосредоточенно жевал невкусную еду, думая только об одном — трусливый учитель испугался мудрости Ханя и позорно сбежал от поединка. Смысл последней фразы проник в его усталый разум не сразу, он даже возмутился и едва не сделал ошибку, взглянув на содержимое миски, но быстро исправился. Он запихивал в рот еду, стараясь не смотреть и не нюхать, и даже глотать быстрее, чтобы не почувствовать вкуса. И в этом ему помогала Мэй, на которой так легко и приятно было сосредоточить внимание.

Увы, гнусное колдовство учителя продолжало действовать на Мэй, которая почему-то не уставала нахваливать мерзкое варево, называя его «вкусной и здоровой пищей, которая не только насыщает, но и позволяет телу становиться всё сильнее и грациозней». Ханю хотелось встать и заорать, вырвать её из плена колдовской иллюзии, но он понимал, насколько это бесполезно сейчас, когда злодей-учитель сидит рядом на лавке и тоже уплетает эти помои так охотно, словно это блюда с императорского банкета. Впрочем, возможно, для дыры, из которой он выполз, оно так и было.

Когда ужин закончился, слуги разбежались по своим делам, а учитель скрылся, Хань героически превозмог тягу ко сну, задержался и подошёл к Мэй. И на этот раз не просто для того, чтобы побыть в её компании. Нет! Он раскроет ей глаза на подлые козни мерзавца-учителя, заставит её сбросить колдовство и увидеть правду! Вот тебе поединок разумов, негодяй! Получи!

— Ты молодец, Хань, — первой заговорила Мэй, — так усердно занимаешься! И выглядеть стал гораздо лучше!

Ханя почувствовал, словно его стукнули молотом в лоб, и он мысленно заорал. Лучше? Вот это вытянутое худое лицо, складки кожи по всему телу, круги под глазами из-за постоянной усталости? Он заорал бы и вслух, но учитель мог не успеть далеко уйти, а то и вовсе, возможно, специально задержался, чтобы подслушивать и подсматривать. С этого негодяя и не такое случилось бы!

— Наконец-то ты перестал потакать своим слабостям и начал правильно питаться...

Этого Хань вынести уже не мог. Он побежал, истошно воя и распугивая слуг, назад, в свою тюремную клетку. Забежав внутрь, он рухнул на лежанку и зашёлся в рыданиях. Но усталость взяла своё, и он тут же забылся тревожным сном.

Увы, сон оказался недолгим. Что-то холодное и мокрое обрушилось на его голову, и Хань проснулся, отплёвываясь от воды.

— Ты кое-что забыл, ученик, — сообщил ненавистный голос. — тренировка заканчивается не тогда, когда тебе захочется баиньки, а когда так скажу я.

Учитель стоял в дворцовом саду, посреди пруда, прямо на поверхности воды, и держал Ханя за ногу, наглядно демонстрируя разницу между ними: словно между горой и муравьем, прямо как говорил в кристаллах главный злодей. Ханю захотелось заплакать от бессилия — в такие моменты задача одолеть учителя казалась неосуществимой.

— Ты должен помнить, что никогда и нигде нельзя терять бдительности, даже у себя дома. Особенно у себя дома!

— Да, учитель, — булькнул Хань, вновь уходя под воду.

Он попытался встать на поверхность воды, но у него ничего не получилось — он снова

ушёл на глубину. Но даже ледяная вода не могла заглушить огонь обиды и отчаяния от ужасных слов Мэй.

— Эти трудности, конечно, временны, — провозгласил учитель, отставляя шест в сторону, — но таким как я тебе точно не стать.

Хань неоднократно читал о сердечных и внутренних демонах, многие герои в кристаллах тоже подвергались их влиянию. И раньше они казались какой-то не заслуживающей внимания ерундой, а герои в такие моменты — слабаками и неженками, неспособными в решающий момент взять себя в руки, сосредоточиться на бое, а не на переживаниях.

Но теперь, после жгучих слов Мэй, он в полной мере ощутил всё коварство и подлость влияния этих демонов. Несмотря на то, что он и раньше испытывал отчаяние и растерянность, теперь эти чувства навалились неподъёмным грузом. Он не мог сконцентрироваться, движения давались тяжелее, это приводило к ошибкам и промахам. А присутствие Мэй Линь делало всё гораздо хуже.

Копьё в руках Ханя дрожало, он уже не мог отражать удары шеста учителя, лишь отчаянно прикрывался ци, чтобы как-то смягчить избиения. Вскоре копьё вылетело из рук и покатилося по каменным плитам плаца.

— Головастик проплыл долгий путь и уже готов стать мальком, ученик, — сообщил мерзавец, несмотря на серьёзный и даже сочувствующий тон, его слова казались насмешкой, — надо лишь приложить усилия.

— Я... фа, уфифел, — произнес Хань. Прикушенный язык распух и заплетался, слова выходили неразборчиво, но ему было всё равно.

Он чувствовал себя словно в самом начале занятий, словно не было этой вечности пыток, именуемых тренировками — все мучения ощущались ярко, как впервые. Физическая боль почти заглушила душевную, Хань лишь с третьей попытки кое-как поднял копье и пошел ставить его в стойку к остальному оружию.

— Молодой господин, разрешите вам помочь.

Хань поднял глаза и увидел, что привлекательная служанка стоит перед ним в низком поклоне, протягивая полотенце.

— Вас нужно омыть и размять кровь, — добавила вторая служанка, тоже низко кланяясь.

Они смотрели на окровавленного и избитого Ханя не с жалостью, не с подобострастием или страхом. Нет, во взглядах их было что-то жадное, зовущее. Он не был наивным юнцом и прекрасно понимал, что означают эти взгляды, но боль в груди и спине начисто отсекали любое возбуждение. И это выглядело, словно ещё одна насмешка мерзавца-учителя. Этот много себе возомнивший подонок, стоило слугам угомониться с этими издевательскими поздравлениями, казалось, придумал новый способ унижить и оскорбить Ханя.

Трудности? Временные? Скорее бесконечные избиения и страдания!

— Фе фафрефаю, — ответил он, вырывая полотенце.

Но служанка крепко вцепилась в другой конец, и вместе с полотенцем Хань притянул к себе и её. Та радостно бросилась к нему на грудь, и Хань замычал от боли — она попала по особо болезненной ссадине. Хань оттолкнул служанку, а когда заметил неодобрительный взгляд Мэй, гневно удалился. Он ждал в спину каких-то реплик о своём жалком поведении. Но услышал кое-что другое:

— Ученик!

— Фа, уфифел, — развернулся он со вздохом.

Если бы Хань действительно был бы героем из кристаллов, то от давления его ци на землю рухнули бы сами Небеса, а от огненного дыхания всё вокруг превратилось бы в пышущую жаром и потоками лавы пустыню.

— Ты овладел ци, умеешь усиливать тело, но до сих пор не вылечил какой-то язык? В стойку шэньлин!

Хань застонал от боли, но всё же встал на одной ноге, подогнув вторую в колене, вытянул руки вверх, представляя себя деревом, тянущимся к солнцу растопыренными пальцами-ветвями. Несмотря на то, что он чувствовал себя в такие моменты особо глупо, всё получилось. По телу прокатилась волна тепла, она прошла словно от Небес, через вскинутые руки, к самой Земле, через прочно укоренённую ногу. Хань направил это тепло в язык, пытаясь укрепить и исцелить.

К сожалению, душевный раздрай мешал сосредоточиться, так что излишек ци ударил в голову, и Хань рухнул на землю. Его взгляд застлала багровая пелена, окрасившая мир в цвета ярости и ненависти.

☹ ☹ ☹

Хань чувствовал, что слова учителя о великой триаде оказались полной правдой. Его душа, тело и разум сейчас были едины — в великой триаде усталости, лишаящей не только желания что-то делать, но даже испытывать и боль, и саму усталость. Он не помнил куда он идёт и зачем, лишь медленно переставляя одна за другой ноги. В мгновения просветления возвращалась жалость к себе, тогда он ускорял шаг и, глотая слёзы, быстрее шёл к матушке, которую не видел так давно!

Только один человек в подлунном мире его всегда понимал. И, даже несмотря на глупую клятву отца, она всегда пыталась помочь. Поможет и сейчас — она обязательно поговорит с Мэй, разобьёт пелену колдовских чар, и тогда... и тогда... Хань не знал, что будет дальше, но был уверен, что тогда всё изменится к лучшему.

Как и положено почтительному сыну, Хань постучал в дверь. Вернее, планировал, постучать — колени задрожали и подкосились, стукоток ци вышел из-под контроля и выплеснулся горным потоком. Вежливый стук превратился в мощный удар, дверь с оглушительным грохотом распахнулась и сломалась, повиснув на одной петле.

— Хань? — воскликнула матушка изумлённо и немного испуганно.

Хань уставился во все глаза. Мама была не одна. С ней в одной комнате, наедине, без служанок и охраны, находился мерзавец-учитель. И, конечно же, снова нагло лапал матушку!

И вместо того, чтобы испугаться или устыдиться, когда его застали врасплох, учитель лишь слегка перевёл взгляд и недовольно покачал головой.

— Ученик, ученик, — в голосе учителя прозвучало разочарование. — Где твои манеры? Контроль ци? Бдительность?

Тот отчитывал Ханя, но при этом продолжал облапывать матушке спину и шею! Словно не сам занимался чем-то постыдным, а это он, Хань, совершил какой-то недостойный поступок.

— Из уважения к госпоже Лихуа я оставляю вас вдвоём, — в его обжигающем взгляде Хань почувствовал обещание новых наказаний и пыток. — Но завтра... Завтра будь готов, ученик!

Хань не стал дожидаться, пока учитель пройдёт мимо, он подскочил к маме, рухнул

перед ней на колени и взял в руки её ладони.

— Матушка, что он с тобой сделал?

С мучительным грохотом упали выбитые двери, учитель переступил через них и удалился прочь. Хань знал, что тот всё слышал, но сейчас ему было всё равно. Да, завтра будет боль, будут пытки, возможно, он умрёт на тренировке. Но подлец и так каждый день пытался его убить. Так что днём раньше или позже — то какая разница?

— Матушка, как он вообще посмел творить с тобой такое? — повторил Хань.

— Это по моей просьбе, сын, — ответила Лихуа и повела рукой. — Сядь!

Хань вскипел. По её просьбе? Творить непотребства? Ему захотелось немедленно уйти, вновь кинуться на учителя в самоубийственной атаке, но он, как и положено хорошему и почтительному сыну, встал, подошёл к стене, схватил второе кресло и сел напротив мамы. Кресло, несмотря на то, что выглядело надёжно и основательно, оказалось непрочным никчемным новоделом — стоило ухватиться за подлокотники, как они треснули и брызнули щепками.

— Отец возвращается с победой, поэтому я попросила твоего учителя о помощи, — провозгласила матушка.

— Отец... возвращается? — изумился Хань.

Хань соскучился по папе — пусть тот был очень суровым, но всё равно очень любил всех своих детей. Но он тут же вспомнил о глупой клятве — и вся радость мгновенно ушла, сменившись злостью и отчаянием.

— Да. Вчера прибыл гонец. Пока войско с трофеями направляется в столицу, он сможет вырваться и ненадолго заскочить домой. А благодаря твоему учителю я теперь могу встретить отца, как подобает!

— Мама! Он обманул тебя! Он воздействует на тебя! Воздействует своей ци! — воскликнул Хань, ощущая, как все его надежды рассыпаются — как рассыпались в мелкие щепки подлокотники кресла в его ладонях.

— Конечно, воздействует! — улыбнулась мама. — Именно благодаря воздействию его ци я чувствую себя такой сильной и здоровой, как никогда в жизни!

Хань открыл рот, но все слова, которые он хотел сказать, куда-то исчезли. У него получилось лишь мычать, открывать и закрывать рот, как глупый карп... или скорее головастик.

— Милый, я горжусь с тобой, — продолжила матушка Лихуа. — Ты столького добился, даже исполнил свою мечту! Теперь я не могу называть тебя Хаою, ведь ты — Хань Нао, сын, которым может гордиться любая мать! И я так сильно...

Хань не дослушал. Он вскочил из кресла, которое затрещало и рассыпалось, и побежал прочь, не вписавшись и расширяя дверной проём. Он сшиб что-то по пути и что-то поломал — но ни одно препятствие не могло остановить его бега. Кроме стены. Живой стены в виде учителя, который стоял с нахмуренным лицом и руками, сложенными на груди.

— Непочтительность к родителям — очень тяжёлый грех, — качнул головой учитель, — Но то, что ты так рьяно хочешь приступить к тренировкам — это хорошо. Идём на площадку, я придумаю для тебя что-то особое! Следуй за мной!

Хань поплёлся следом за учителем, но предательство матери заглушало даже страх перед предстоящими болью и страданиями. Одно радовало — вскоре приедет отец, которому Хань расскажет всё, не жалея красок! И тогда дни подонка-учителя сочтены!

Глава 7, в которой герой проявляет предусмотрительность, но это не спасает от новых предательств

В этот раз Хань, как и положено мудрому и скромному юноше, положился на уже имеющийся опыт. Пусть отношение слуг изменилось, пусть по непонятным причинам все вокруг на него смотрели по-другому, но он не стал повторять прошлые ошибки и пытаться взять в лес нужные в походе вещи и запас еды. Теперь-то он знал, что слуги в лес допущены не будут, вещи придётся тащить самому, да и к тому же заплечные сумки — прекрасный повод, чтобы засунуть туда что-то тяжёлое.

Хань даже умудрился шепнуть Мэй, чтобы та тоже ничего не брала — с подлого учителя стало бы нагрузить и её.

Как оказалось, предосторожности не помогли. Учитель, увидав Ханя и Мэй, удовлетворённо хмыкнул, достал непонятно откуда кисть и две полоски ткани, в которой Хань с возмущением узнал шёлк своих лучших свитков.

Если бы не предыдущий опыт, и Хань не усилил бы с помощью ци своё зрение, то мог бы ничего не заметить. Но теперь он увидел, как кисть, зажата в пальцах мерзавца, тускло засветилась от наполняющей её ци, после чего легко заскользила по лежащим на его предплечье полоскам, оставляя каллиграфические надписи драгоценными красными чернилами. Затем учитель повязал их на запястья Ханя и Мэй. Хань взглянул на ткань с удивлением — там было написана совершенная глупость: «Объятия болотной трясины».

Он уже давно привык к оскорблениям, сравнениям с икринками и головастиками, рассказам, как ему, Ханю, не стать таким как учитель, и что ему не одолеть водопад. Так что надписи он не удивился — оскорблением больше, оскорблением меньше. Вот только надпись на запястье Мэй была точно такой же — а её головастиком никто никогда не обзывал.

Но стоило лишь двинуться с места, как Хань понял значение надписи. Его действительно словно обхватила трясина — каждое движение стало замедленным и тяжёлым, словно он барахтался в огромном чане с мёдом или патокой. Не слишком помогало даже использование ци — слишком быстро уходили силы. Хань скосил глаза на Мэй — та махала в воздухе руками и, судя по замедленным движениям, испытывала те же самые затруднения. Вот только вместо огорчения от новой подлости наставника на её лице был написан полный восторг.

— Ну что, мои любимые ученики? Отправляемся в поход? — ухмыльнулся негодяй.

— Да, учитель! — хором ответили Хань и Мэй.

Дорога в лес с новыми талисманами оказалась не такой ужасной, как опасался Хань, всего лишь физически изматывающей и пожирающей огромное количество ци — никакого сравнения с камнем на спине или тяжеленными сумками. Ему всё равно хотелось возмущаться и протестовать, но вид Мэй, решительно идущей впереди, заставил проглотить все гневные слова.

День выдался очень тяжёлым — пришлось не только продираться сквозь подлесок, не только преодолевать сопротивление талисманов, перебираться через реку и рисковать сломанными ногами на каменной осыпи, но и потом, когда начались особо густые заросли,

прыгать как белка с ветки на ветку, защищая себя от листьев и сучьев с помощью ци. А затем учитель куда-то исчез, и им с Мэй довелось идти вперёд, попутно выискивая его следы — раздавленный мох, примятую травинку или же обломанную ветку.

Когда Хань неожиданно упал, он не понял, что произошло — ведь они с Мэй шли по совершенно открытой звериной тропе. Он бы устыдился своего позора, если бы Мэй не упала следом. После нескольких падений на ровных местах они поняли, что что-то не так. Хань решил воспользоваться палкой, чтобы прощупывать дорогу, и вскоре обнаружил невидимое препятствие. Последовав совету Мэй, он направил ци в глаза и увидел, что путь преграждает множество едва видимых светящихся нитей, совершенно неощутимых нормальным зрением.

Нити оказались непрочными, они полностью исчезали после столкновения с ногами, так что Хань испытал мстительное удовлетворения, наступая на них и разрушая. Он мог бы даже ощутить что-то романтическое — ведь сейчас не было учителя, а рядом находилась Мэй, но усталость от проклятых талисманов не оставляла сил даже на разговоры, а постоянная резь в глазах от усиления зрения отдавалась тупой болью в голове.

— Ну что, мои ученики! — прозвучал отвратительно самодовольный голос, когда они выбрались на поляну. — Поздравляю. Вы справились. Не слишком хорошо, конечно, но у вас получилось.

Хань оглянулся по сторонам. Несмотря на то, что учитель шёл налегке, на поляне уже стояла большая палатка, а над непонятно откуда взявшейся жаровней висел котелок, в котором уже бурлило варево, судя по запаху, из тех же опостылевших овощей и риса. И что-то подсказывало, что завтра такой роскоши не будет, а еду придётся снова добывать самим.

— Эй, почему «не очень хорошо», учитель? — возмутился, беззастенчиво рухнув на траву, Хань. — Мы же вас нашли! Несмотря на ловушки!

— Я согласна с Ханем! — внезапно поддержала Мэй, и его сердце затрепетало от радости. — Я думала, мы справились неплохо, учитель!

Учитель вздохнул и качнул головой.

— Прежде чем обнаружить ловушки, вы несколько раз в них попались. И вам повезло, что моя задача — вас научить, а не убить. Иначе ловушки не были бы такими безобидными. Да и потом вы стали их намеренно разрушать, вместо того чтобы обойти или избежать.

Хань хотел было возразить по поводу «не убить», так как попыткам его убить у этого негодяя не было счёта. Но он решительно прикусил язык.

— Но как это сделать? — спросила Мэй. — Учитель, не могли же мы всё время ходить со зрением ци!

Хань был с ней полностью согласен, поэтому решительно кивнул.

— Почему это не могли? Признаться, я разочарован. Если с глупого головастика Ханя взять нечего, то ты, Мэй...

Хань немедленно задавил в себе чувство злорадства — как бы он ни был влюблён в Мэй, его раздражало, что её постоянно ставят в пример. Всё должно быть по-другому, как в кристаллах. Чтобы Хань совершал, как Бао Сяо, подвиги, а Мэй восхищалась и смотрела влюблёнными глазами.

— Но учитель, разве не глупо постоянно ходить со зрением ци? Это не только неудобно, но и сильно мешает. Ци природы застилает взор, духи и призраки отвлекают, к тому же использование расходует силы. Зрение нельзя натренировать — если обучился, то сколько его дальше ни применяй, большего никогда не увидишь, оно либо получается, или нет.

— А ещё оно расходует ци! — поддержал Хань и героически выпятил, не вставая с травы, грудь. — Которую можно использовать в бою!

Учитель окинул обоих учеников долгим взглядом. Хань еле удержал желание посмотреть, всё ли у него в порядке с одеждой. О том, что всё плохо, он знал и так — теперь вместо шёлковых одеяний приходилось носить неприглядную одежду отцовских пехотинцев: простые полотняные штаны и халат, а также грубые кожаные башмаки. Если бы не изящество фигуры и прекрасное лицо, то и Мэй, одетая в такие же одеяния, смотрелась бы как крестьянка!

— Вы правы, мои ученики, — наконец, ответил учитель. — Преимуществ в постоянном использовании зрения нет. Поэтому многие, освоив его, на том и останавливаются, ведь недостатки многократно превышают достоинства. Но это только на первый взгляд, это как грузы на руках и ногах — сперва они мешают двигаться, кажутся тяжёлыми и неудобными. Но потом человек привыкает, сживается с ними, перестаёт замечать. Ребёнок поначалу тоже не умеет ходить, но он встаёт на свои маленькие ножки и делает первый шаг. Но он не думает, что достиг вершины, он делает второй шаг и третий. А когда привыкает, ему уже не надо думать о том, как переставлять ноги, он просто идёт, а потом и бежит. И тогда его беспокоит вопрос не «как», а лишь «куда».

Хань скривился. Постоянно бегать со зрением ци было бы так же неприятно, как и с грузами на ногах.

— Видимо, моему ученику это сложно, так что приведу более понятный пример: головастик учится шевелить хвостом и плавниками, чтобы поплыть вперёд. И точно так же происходит со зрением. Да, вы не будете видеть больше, да вы будете уставать, у вас будут болеть глаза, а ци вокруг — мешать. Да, это тяжело. Но эти трудности — временны. Когда ты привыкаешь к новому зрению, оно изменяется и становится частью тебя. Оно перестаёт быть обузой, превращается из просто зрения в способ восприятия реальности, добавляя ещё одно чувство к Великой Триаде. Становится духовным восприятием — взором тигра и дракона, феникса и цилиня!

Хань хотел бы иметь Взор Цилиня — это звучало очень героически, в духе лучших кристаллов Альманаха Героев. Вот только сверхъестественное чутьё, ничуть не уступающее чувствам Божественных Зверей, подсказывало, что способ обучения ему не понравится.

— Ты прав, мой ученик, — рассмеялся учитель, словно прочитав его мысли, — это будет нелегко. Но это отличная тренировка, к тому же трудности временны! И в процессе этой тренировки ты освоишь особую технику!

— Какую, учитель? — с подозрением спросил Хань.

— Несокрушимо Выносливую Задницу Дракона!

Если бы рядом не было Мэй, могло бы показаться, что негодяй все затеял только для того, чтобы мучить его, Ханя. Даже присутствие Мэй могло стать дополнительным унижением, если бы она не сражалась с ним плечом к плечу, чтобы вдвоём одолеть учителя. Но увы, даже объединив силы, им не удалось нанести ни одного удара. Учитель трусливо убегал, прятался за кустами и стволами деревьев, прыгал на ветки и скрывался в зарослях бамбука. И оттуда нападал — подло, коварно, ударяя в спину, по ногам и запястьям. Деревья и ветки мешали, цеплялись за оружие, не давали нанести удар.

Учитель вёл себя словно крыса или змея — но, конечно, не как благородные Небесные Звери, а их мерзкие земные подобию. Он жалил и кусал, отпрыгивая и отступая. И бил он не

оружием, а прозрачным шестом, видимым лишь с помощью этого самого «духовного восприятия», воздухом, обретающим плотность с помощью ци. Этот воздух бил гораздо сильнее даже его излюбленной бамбуковой палки, и, что самое обидное, заблокировать удары не удавалось — мечом, саблями, копьём, щитом, дубиной, топором, молотом, гуань дао и ещё дюжиной различного оружия, стойка с которым, непонятно откуда взявшаяся посреди леса, выглядела совершенно чужеродно. И когда Мэй и Хань пытались отразить и парировать, «палка» утрачивала жёсткость, изгибалась, а иногда вела себя как живая — то наматываясь на руку, то совершала броски, словно змея.

Когда Хань очнулся после очередного подлого удара и сел на землю, учитель сунул ему в руку свиток — один из множества, покоившегося на полочках большого стеллажа, смотрящегося посреди леса ещё более дико, чем стойка с оружием.

Хань даже не стал задавать вопросов — лишь развернул свиток и прочёл заголовок. Он всё ещё ожидал узнать какую-то сверхсекретную могущественную технику, с помощью которой смог бы одолеть этого негодяя. Но теперь он пребывал в отчаянии, его руки мяли свиток, словно хотели разорвать в мелкие клочки.

— Но зачем это мне? — вскричал он.

— Зачем это мне, учитель! — поправил мерзавец.

В этот раз Хань успел вскинуть руку, укрывая её своей ци. Но это не помогло — «палка» утратила жесткость, изогнулась, огибая вскинутую руку, и ударила сначала в лоб, а затем под дых.

— Учитель, — прохрипел Хань, смирившись.

— Боевой дух в тебе есть, этого не отнять. А вот мозгов не хватает, — пояснил подлец. — Так что приходится или их развивать, или искать обходные пути.

— Но это же глубоководные рыбы! Для чего мне их изучать... учитель?

Мерзавец расхохотался. Он перевёл глаза на Мэй и снова на Ханя. И, к пущей обиде Ханя, Мэй слегка улыбнулась.

— Маленький головастик думает, что вся его жизнь пройдёт на мелководье. Для чего ему знать о водопадах или глубинах? Но запомни, ученик, не бывает бесполезных знаний, бывают лишь бесполезные головастики, не желающие становиться даже мальками, не говоря уже о карпах и драконах!

— Не бывает бесполезных знаний, учитель? — переспросил Хань.

Он прекрасно понимал, что это глупость, что есть множество знаний, которые не только не нужны благородному мужу, но даже вредны. К примеру... Ну кому может понадобиться знание о том, для чего там копошатся в грязи крестьяне, или же чем занимаются дикари где-то за пределами Империи? Он рассчитывал, что Мэй его поддержит, но увы — она уткнулась в один из свитков, и внимательно его читала. Возможно, ей досталось что-то хорошее, а не какая-то ненужная глупость.

— Не бывает, ученик, — подтвердил мерзавец. — А ты что, решил порадовать отца и сдать экзамен на дерзкого малька?

В другой раз Хань, может, и промолчал бы, но усталость, дурацкое путешествие через лес, нечестный и подлый поединок, закончившийся проигрышем из-за недостойных воина уловок — всё это навалилось большой кучей, так что Хань решительно шагнул вперёд и схватил со стеллажа случайный свиток. Все равно его ждало наказание, так зачем сдерживаться?

— Зачем мне знание того, как рожать детей, учитель? — спросил он, развернув и

вчитавшись в содержимое.

— Чтобы принять у кого-нибудь роды, ученик? — ответ так и сочился насмешкой. — В следующем перерождении ты можешь оказаться женщиной, и тогда знания тебе ой как пригодятся. Впрочем, когда я впервые тебя увидел, то подумал, что ты женщина и в нынешней жизни. Очень страшная, жирная и беременная женщина!

— Но не ко всем приходит память прошлых перерождений, учитель! — Ханю так хотелось победить учителя в споре, что он даже пропустил мимо ушей очередное издевательство. Даже если этот трус не признает поражение, то Хань будет знать, что одержал в поединке разумов сокрушительную победу!

— Разумеется, она приходит только к тем карпам, кто хочет выпрыгнуть из пруда и стать драконом. Ты же пока не сдал экзамен даже на малька, ученик. Встань в стойку дабу и учи свиток. Вернее, раз ты сразу выбрал два, то обязательно выучи оба!

Хань хотел было сказать, что и так уже в совершенстве изучил стойку, но проглотил слова и взялся за учебу. Глубоководные рыбы! Рожать в следующей жизни! Прямо готовый сюжет для кристалла! И тут Ханя окатило тревогой, неужели он подал мерзавцу новые идеи унижений? Того гляди, и правда заставит принимать роды! А то и рожать! С него станется!

Хань уселся прямо на траве и уставился на тусклый жар жаровни. Неподъемная усталость превратилась в постоянную спутницу его жизни, так что сейчас, в минуты отдыха, не хотелось даже спать — лишь бы посмаковать мгновения ничегонеделания. Мэй, похоже, разделяла его чувства, она тоже растянулась на траве, откинувшись на заведенные за спину руки. Конечно, совсем уж расслабиться бы не вышло — приходилось удерживать зрение ци, чтобы отмахиваться и уничтожать невидимые обычному зрению очень болезненные, но нестойкие сгустки, вылетающие из ладоней учителя. Хоть лениво поднял руку, окутанной ци ладонью раздавил новый сгусток и спросил.

— Учитель, вы постоянно говорите: «Всё, что тебе нужно — это ци!». И даже бьёте меня этой ци! Но тогда для чего героям, чтобы летать, нужны мечи?

— Хань, — жалостливо сказала Мэй. — Мы же столько раз говорили. Всё это не по-настоящему! Истории в кристаллах приукрашают, чтобы сделать более захватывающими! На мече нельзя летать! Это просто невозможно!

Хань взглянул на учителя, перевёл взгляд на Мэй, разрушившую новый сгусток, и рассмеялся.

— Да-да, невозможно! Не бывает! Ты ещё скажи, что Бао Сяо не спасал Мэй Линь, что не бывает особых пространственных колец и не существует колдовства!

Мэй вздохнула, как делала это каждый раз, когда начиналось обсуждение кристаллов и Хань пытался ей открыть глаза на настоящую правду.

— Хань, ну сколько тебе говорить? Это же невозможно! Твой отец очень богат, неужели он бы не добыл такое кольцо, если бы они существовали? Он могуч! Неужели он бы скакал на коне, если бы можно было лететь на мече?

Хань испытал к ней искреннюю жалость. Ему не хотелось так уж легко побеждать её в поединке разумов, но, как многократно цитировал мудрость Ханя подлый учитель: «Если воин сдерживается — он оскорбляет слабого противника!».

— Мэй, ну вот смотри, ты говоришь, что кольца невозможны. А откуда взялось всё это оружие? Палатка? Шкафы со свитками? Вот! — ответил Хань, решительно ткнув пальцем в сторону мерзавца-учителя, попутно окутав палец ци и проткнув мерзкий сгусток, летевший

ему в голову.

— Учитель просто приготовил всё заранее! — отрезала Мэй. — Скажите ему, учитель!

Тот не стал ничего подтверждать или отрицать, лишь загадочно улыбнулся.

— У учителя на руках нет колец! — не сдавалась Мэй, но её голос упал. Она прекрасно понимала слабость аргумента — что-то, а спрятать маленькое колечко было легче лёгкого.

Хань набрал воздуха, чтобы окончательно провозгласить свою победу, но его прервали слова учителя.

— Мэй Линь права. Но и Хань Нао тоже прав. Я мог бы как воспользоваться таинственным артефактом, если бы такие существовали, так и просто принести сюда всё заранее. Я даже мог бы не идти сам, а отдать приказ слугам поместья Нао — полномочия, данные мне генералом Гуангом, такое позволяют. Спор, основанный на незнании и предположениях, глуп и не имеет смысла изначально. И мне очень прискорбно видеть, что мои ученики, вместо того чтобы тренироваться, сцепились, как две деревенские склочницы.

— Но учитель! А артефакты? Мечи? — напомнил Хань. — А вы нас били палкой из воздуха!

— Ты прав, мой пухлый головастик, — согласился мерзавец. — Я бил тебя оружием, созданным из ци. Когда-нибудь ты, надеюсь, тоже так сможешь — пусть это не столь же хорошо, как оружие из подходящих материалов, да и расходует много ци, но является очень неплохим упражнением для контроля. А знаешь, что ещё хорошо для контроля?

К сожалению, Хань это знал. Причём знал на собственной шкуре.

— Да учитель, — ответил он, поднимаясь с земли и становясь в стойку дабу.

Хань многократно слышал, что знакомым делом заниматься гораздо легче, чем незнакомым. Когда-то он мог бы с этими словами согласиться — сам он, постигнув таинства каллиграфии, научился изливать свои мысли стремительно и легко, а палочки, которые доставляли ему столько трудностей ребёнком, теперь являлись продолжением руки.

К сожалению, с тренировками так не получалось. Они всегда изматывали, делали разбитым и усталым, высасывали все силы и волю к жизни. Второй поход в лес оказался даже хуже первого — он снова тонул в речке, лазал по деревьям, ловил кроликов и лис, даже добывал грибы и мерзких насекомых. Но в этот раз рядом была Мэй, она делала то же самое, так что Ханю приходилось прилагать ещё больше усилий, чтобы не отстать. Из-за неё он даже поедал отвратительно выглядящих личинок — ведь Мэй, забыв о достоинстве и происхождении, слушалась указаний подлого учителя, который не стеснялся унижать и её.

Так что когда мучения закончились и они добрались до поместья, Хань ни о чём так не мечтал, как забраться в свою каморку и заснуть — ведь даже жёсткая лежанка сейчас казалась лучше императорского ложа. К этому времени его даже не занимал вопрос, куда делись стеллажи, стойки и палатка, которые просто исчезли с лесной поляны, словно их никогда и не было.

— Не торопись, ученик, — внезапно сказал учитель, когда Хань уже собрался в свою комнатку. — Сегодня вечером тебя ждёт важное дело.

Хань проглотил обиду — он так устал, что даже забыл о терзавшем его голоде, а впереди всё равно ждали новые мучения — ведь других «важных дел» у него никогда не бывало. И даже несмотря на то, что за каждым возмущением следовало наказание, Хань открыл рот, чтобы высказать всё, что думает по этому поводу. И тут же закрыл — ведь негоже благородному мужу пререкаться в присутствии слуг.

Слуга, который появился так некстати, поклонился Ханю и учителю, после чего сказал: — Господин Хань Нао, госпожа Лихуа просила передать, что очень рада вашему своевременному возвращению и просит пройти в её личную трапезную по неотложному делу.

Хань настолько воспрял от слова «трапезная», что до него не сразу дошло, что речь идёт о личных покоях мамы, куда никогда не допускались посторонние, кроме единственной доверенной служанки, а значит, не будет ходу даже учителю! Выходит, он сможет не только рассказать маме обо всех мучениях, не только вызволить её из плена чар, но ещё и хорошенько поесть, а не давиться мерзким рисом, овощами или личинками! Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой, вряд ли злодейский учитель его куда-то отпустит, он скорее отправит его на плац, заставляя стоять на голове или бегать, задирая колени!

— Чего ты стоишь, ученик? — нахмурился учитель. — Не заставляй госпожу ждать!

Хань от удивления даже открыл рот, но тут же его закрыл и бросился вперёд, обгоняя удивлённого слугу. Забегая через центральный вход дворца, он поймал странные взгляды стражников и внезапно понял, что до сих пор одет в ту же грубую, грязную, а местами и порванную одежду. Мелькнула мысль переодеться, но Хань со смехом её откинул — пусть мама увидит, через какие страдания ему приходится проходить! Когда показались двери в покои мамы, он умерил шаг — не стоило её пугать, вламываясь в комнаты с разбегу.

Он мягко положил руку на вычурную ручку покоев и нажал. Дверь распахнулась беззвучно — как и положено дверям в хорошем доме, а не скрипела, как грубое недоразумение в его каморке. Хань с тоской посмотрел на двери женской комнаты, где с ним в детстве так много играла мама, скользнул взглядом по дверям гардеробной и спальни и направился к двери столовой. Шагнув из полумрака гостиной в ярко освещенное светящимися шарами помещение, он не сразу заметил, что мама не одна.

— Ну здравствуй, сын! — сказал ему генерал Гуанг, указывая на стул. — Садись.

Из-за мучительных тренировок предстоящий визит отца совершенно вылетел из головы, так что Хань не столько обрадовался, сколько удивился. Он поздоровался с родителями, сел на свободный стул и поднял глаза. Раньше взгляд отца почти всегда ему казался невыносимо тяжёлым, словно придавливающим неподъемным грузом к земле. Но теперь он с удивлением отметил, что может выносить его без каких-либо усилий. Несмотря на то, что лицо генерала Гуанга оставалось таким же суровым, после всех несчастий, сквозь которые прошёл Хань, оно перестало вызывать страх. Не могло же так случиться, что взгляд отца смягчился, особенно сейчас, когда Хань был столь отвратительно одет?

Впрочем, одежда самого генерала оказалась тоже далека от подобающей. Не было обычных положенных статусом одеяний, внешне генерал не отличался от своих кавалеристов. На нём не было доспехов, и из-за стола Хань видел лишь халат, и разница с его собственным халатом состояла лишь в цвете и чуть более дорогой ткани. Даже волосы на голове отца скрепляла не нефритовая, а простая костяная заколка. И если бы не почти осязаемая аура величия, его было бы легко спутать с обычным воином.

— Ты вовремя, сын, — сказал отец. — Я прискакал совсем недавно, едва лишь успев обнять свою Лихуа.

— Отец, но что с вашей одеждой?

— Прославленному генералу Гуангу не подобает покидать войско, когда оно направляется к Императору. Но моё желание увидеть семью оказалось столь невыносимо,

что я не смог удержаться. К счастью, путь пролегал через нашу провинцию, и пока армия на марше, пока движется не быстрее обоза, у меня есть немного времени — но не больше одного дня. И поначалу я был огорчён, когда оказалось, что тебя не застал. Но духи предков ко мне благосклонны — ты появился.

— Папа переоделся как воин, чтобы его никто не узнал, — добавила матушка. Хань испытал лёгкую обиду — это он понял и сам!

— Вижу, что ты хорошо потрудился, сын, — сказал отец, бросив одобрителный взгляд на испачканную одежду сына. — Не могу поверить, что это говорю я, но поешь!

Хань проглотил слюну и посмотрел на стол. Среди разложенных на столе полотенец, в центре стола стояла большая бронзовая тарелка с рисом. Вокруг неё находились миска с супом, судя по запаху — с овощным, а также тарелки с опостылевшими овощами, тушёным свиным мясом и жареными побегами бамбука. Также на столе пускал пар чайник с зелёным чаем.

Если бы не светящиеся шары, сервировка стола, мясо и несколько видов соусов, ужин мало бы отличался от обычной еды слуг! Обида от обманутых ожиданий оказалась столь велика, что только присутствие отца помешало пустить слёзы.

В любом случае, тут было главное — мясо! Хань налил себе мисочку супа, набрал в тарелку еды, уделив особое внимание жареной свинине, схватил палочки и принялся жадно есть. И впервые за долгое время отец не сказал во время еды ничего обидного или оскорбительного.

— Я вижу, что без дела ты не сидел, сын! — провозгласил генерал Гуанг, оглаживая короткую треугольную бородку. — Ответствуй мне, чего ты добился за это время!

Хань оказался в очень непростой ситуации. С одной стороны, момент сейчас являлся самым подходящим, чтобы обругать учителя и оскорбить. Сделать так, чтобы разгневанный генерал Гуанг прогнал этого самозванца из поместья, приказав всыпать по пяткам тысячу палок! Но с другой стороны, если Хань соврёт хоть в едином слове и эта ложь раскроется, ужас последствий трудно будет представить. Он собрал немного ци и направил её к глазам. Ходить с постоянно активированным ци-зрением будет только полный дурак, но если надо — то оно очень полезно! Так и есть — несколько духов предков кружили по столовой, нетерпеливо поджидая, когда он допустит оплошность.

Хань приуныл. Пауза затянулась, взгляд отца стал нетерпеливым, требовалось ответить хоть что-нибудь. И Хань медленно, выбирая слова, начал свой рассказ. Внезапно гениальная мысль пронзила его голову! Он не будет ничего врать! Он просто расскажет правду! Мерзкую правду и ничего кроме неё! Но расскажет так, чтобы у отца не осталось выбора, кроме как отрубить мерзавцу голову! Ведь не зря когда-то Хань создал гениальную цитату: «Кисть может разить больше, чем Звёздная Сталь!» И пусть сейчас вместо кисти и свитка у него был лишь язык, но именно этим языком он повергнет в прах злодея-учителя! Учитель хотел поединок разумов? Ну что же, получи, негодяй!

Рассказ получился очень долгим. Хань не забыл ничего — ни ранних побудок, ни пробежек по тренировочной площадке, ни оскорблений, ни унижений. Он подробно рассказал о своих сломанных руках и ногах, о боли, которую испытывал ежедневно, о мерзкой еде слуг и ещё более мерзкой еде в лесу. О вкусе шевелящихся личинок и противном привкусе болотной воды. О грубой одежде, натирающей всё тело и заставляющей его постоянно чесаться. О маленькой тесной камерке и жёстком лежаке. О бессмысленных и ненужных свитках, которые пришлось читать прямо во время мучений.

Во время рассказа Хань внимательно смотрел на отца. И, к его полному его счастью, с каждым словом обычно непроницаемое лицо генерала Гуанга мрачнело, а ци, источаемая телом, окутывала его грозовой тучей.

Хань продолжил. Он любил маму, но во время поединка воин не должен сдерживаться — ведь именно это пытался донести ему самозванец? И Хань перестал сдерживаться — он в малейших подробностях расписал абсолютно всё, что мерзавец вытворял с мамой. А когда рассказ подошёл к концу, Хань поведал даже о недавнем ужасном походе в лес, где на них с Мэй воздействовало чёрное колдовство мерзавца, и даже поднял запястье, чтобы показать талисман, к страданиям из-за которого он так привык, что даже забыл перед ужином снять.

Когда рассказ закончился, ци над головой отца так сгустилась, что превратилась в тёмное облако. И воцарившуюся тишину теперь нарушало лишь потрескивание грозových разрядов. Ханю хотелось ликовать — он своего добился, но радость на лице начисто разрушит образ страдающего благородного юноши, так что он сдержался.

— Целый цикл, — наконец сказал отец хриплым голосом. — Полную дюжину лет и ещё полгода.

Хань удивлённо уставился на отца, не понимая, к чему тот ведёт. Какая дюжина лет? Негодяй появился совсем недавно!

— Все эти шепотки, насмешки и сплетни, — продолжил отец.

Мама протянула руку и положила ладонь ему на запястье, в тщетной попытке успокоить.

— Все эти годы... Все эти бессмысленно потраченные годы! Неужели в моём войске не нашлось бы сурового сотника, способного устроить тебе то же самое? Неужели мои полевые костоправы не смогли бы после этого исцелить тебе сломанные ноги? Столько времени потеряно! Столько упущено из-за моей мягкости и малодушия, когда я шёл на поводу у тебя, Лихуа! Воистину, любовь делает мужчину полным глупцом! Ведь стоило бы один раз проявить твёрдость, и мой сын давным-давно стал бы таким, как сейчас!

Хань открыл рот, хватая воздух, словно карп, выброшенный на берег, словно малёк, словно несмышлённый головастик. «Что отец такое говорит? Мама, ну скажи же ему!» — металась его мысли.

— Ты слишком остро реагируешь, любимый, — сказала матушка, и у Ханя отлегло от сердца. Он знал, что она всегда станет на защиту! — Посмотри, как изменился наш Хань и каким красавцем он стал! Если бы он был таким всегда, радовался ли бы ты сейчас подобной перемене?

От подобного предательства Хань не мог сдержать слёз и взвыл:

— Но отец! Этот негодяй постоянно и ежедневно облапывал матушку! И каждый раз воздействовал на неё своей энергией!

Облако тревожной ци пропало, и на лице отца неожиданно заиграла несвойственная ему слабая улыбка.

— О да, о таком везении я не мог и мечтать! Чтобы после всех этих шарлатанов Лихуа встретила настоящего целителя? Видимо, боги и духи действительно хранят род Нао!

— Но он... Он... — зашёлся в рыданиях Хань. — Мучил... Бил... Заставлял есть овощи... рис... куриную грудку!

Улыбка на лице отца расцвела ещё сильнее, волна ци хлынула из его тела, заливая столовую светом и солнечным теплом.

— Куриная грудка? — взревел он, вскочил из-за стола и стиснул сына в

сокрушительных объятиях. — О, да, настоящая еда богов! Абсолютли!

Глава 8, в которой герой узнаёт много нового и интересного, но не испытывает от этого радости

Хань не имел ни малейшего понятия, что изменилось, но на следующее утро, когда отец уже уехал, учитель навалил на него новую кучу пыток, зовущихся по недоразумению «тренировками». Но если раньше мучения были преимущественно телесными, то теперь они переместились в умственную плоскость. И причиной, похоже, послужила обмолвка Ханя, который, немного выпятив грудь, процитировал своё изречение о кисти и Звёздной Стали, пожаловавшись, что негодяй-учитель не ценит самый главный дар Ханя — дарованный Небесами талант к каллиграфии. Если бы он мог предвидеть будущее, то последовал бы другому своему изречению, избрав бы золото молчания вместо серебра слова. Имейся у него доступ на дворцовую кухню, то он бы вообще ничего не говорил, а лучше жевал бы что-то вкусное!

Может быть подлый учитель как-то услышал жалобу, ну а возможно, просто поступил в соответствии со своей злобной природой. Но закончилось всё тем, что местом тренировки стала библиотека, оружием — скверная дешёвая кисть и самые обычные чернильные палочки.

Хань с ужасом уставился на гору книг и свитков, которые учитель выкладывал на ближайшем стеллаже.

— Это твой враг, мой храбрый головастик! — рассмеялся учитель, заметив его взгляд. — Рази его своей кистью! Если ты перепишешь всё до вечера, тогда у тебя будет ужин. Если же справишься до полудня, то на ужин будет мясо.

— Но где же стул, учитель? — спросил Хань.

— Для чего тебе стул, когда есть стойка дабу? — оскалился учитель и ушёл, оставив его наедине со свитками и горой скверной сероватой рисовой бумаги, годящейся разве что писать распоряжения слугам.

Как оказалось, даже любимое занятие может доставлять мучения. Хань старался, он поначалу тщательно выводил каждый иероглиф, но очень быстро понял, что таким образом не получит не только мяса, но и ляжет спать голодным, если ляжет вообще. Он ускорил движения — это привело к помаркам и кляксам, так что Хань ждал наказания. Однако учитель, наскоро его проведая и проверив результат работы, ничего не сказал, лишь заметив, что если Хань во время письма снова перестанет удерживать ци, тогда ему придётся учиться писать сломанными руками.

Хань уже привык относиться к подобным предупреждениям серьёзно — ведь что-что, а такие обещания учитель выполнял всегда. Он стал удерживать ци, прогоняя её по телу, пусть это и отвлекало от письма.

В тот вечер он лёг спать поздно и остался без ужина. Следующий день оказался скверным повторением предыдущего. Хань вновь приступил к ненужной и неблагодарной работе, он писал и писал, пока иероглифы не стали плясать перед глазами. Среди текстов попадались иллюстрации — он пытался перерисовать и их тоже, но это требовало слишком много времени, так что Хань решил их пропустить. Это оказалось ошибкой — учитель лишь приказал «переделать», после чего сжёг свиток прямо в ладони.

Так прошло несколько мучительных и однообразных дней. Почерк Ханя потерял всякую вычурность, но стал стремительным, как никогда ранее. И пусть Хань так и не получил мяса,

но впервые ему удалось поужинать и лечь спать. Ну а затем Хань решил сжульничать.

Он направил ци в кисть, помогая кончику двигаться всё быстрее и быстрее. Он перестал воспринимать текст, который переписывал, теперь лишь следовал линиям на бумаге. Он направил ци также и в глаза — пусть ему не требовалось видеть невидимое, текст переписываемых свитков обрёл ясность и чёткость. Наконец Хань поймал себя на том, что его руки движутся сами по себе и что на бумаге остаются безупречные точные штрихи. Он даже не заметил, как пусть и не идеально, но бессознательно повторил иллюстрацию — схематичное изображение какого-то странного зверя с двумя хвостами и сильно выдвинутой вперёд мощной зубастой челюстью.

Дни шли своей чередой, волшебная куриная грудка на ужин уже маячила перед глазами, а руки Ханя превратились в некое подобие печатного пресса, которые отец так любил восхвалять. А потом появился слуга, сообщив, что пришёл новый выпуск Альманаха Героев со свежим кристаллом.

Руки Ханя ужасно болели, ци обжигала меридианы, глаза слезились и горели от напряжения. Он даже не сразу смог принять в руки Альманах — широкая плоская лакированная шкатулка упала на землю, и Ханя даже не заинтересовало, не разбился ли кристалл и не перепугались ли страницы. Он направился на тренировочную площадку, где застал негодя и Мэй.

Ханю очень хотелось посмотреть с ней кристалл, но ещё больше он желал просто упасть и полежать, ничего не делая и ни о чём не думая. И куриной грудки. Лучше, конечно, мяса повкуснее, но даже куриная грудка — это хорошо.

— Альманах и кристалл, — пояснил он, заметив вопросительные взгляды, и потряс шкатулкой в руке.

Лицо Мэй просияло, а учитель презрительно скривился:

— Только тот, у кого не хватает своих подвигов, будет упиваться чужими!

Хань, чья жизнь теперь являлась сплошным подвигом — бесконечным сражением с величайшим злодеем в мире, был, разумеется, с подобной глупостью не согласен. Но он всё равно ответил:

— Да, учитель.

Этим вечером, закончив со свитками, но всё так же не получив мяса, Хань открыл заветный ларец. Пролистав, не читая, Альманах, он отложил его в сторону и достал из специального углубления кристалл. В этом выпуске продолжались приключения одного из любимых персонажей Ханя — Чжана Чуаня, известного как «Молния во тьме», ловкого и острого на язык пройдохи, благородного вора, чей клан вырезали враги.

Но стоило лишь сконцентрироваться на кристалле, стоило лишь в воздухе появиться огромным огненным иероглифам «Танец молний: крадущаяся справедливость», как Хань провалился в глубокий сон.

Хань считал, что бесконечные переписывания свитков являются специальной пыткой, которую мерзавец придумал, чтобы превратить в пепел одну из важных частей его жизни. Почерк окончательно утратил какую-либо красоту, сменившись голой эффективностью — каждый штрих наносился очень быстро, ложился точно туда, куда надо и расходовал лишь самое минимальное количество чернил. Возможно, дело было в применении ци, но обучился Хань этой «технике» письма очень быстро — ведь с отъезда отца прошло немногим больше месяца, пусть они казались годами или даже десятилетиями.

Если бы Хань счёл за труд вчитаться во время письма в эти книги, он бы, наверное, пришёл в бешенство — ведь приходилось переписывать какие-то глупые и ненужные трактаты — от книжек для маленьких детей до справочников по зверью в богами забытых местах на задворках Империи, куда разумный человек не сунется никогда в жизни. К счастью, заучивать свитки, как на тренировках негодяйского учителя, не требовалось, так что Хань просто впадал в некое подобие транса, и, циркулируя ци, без участия сознания, словно марионетки злодеев-кукольников из кристаллов, открывал книги, перекладывал исписанные листы, размачивал чернильные палочки и орудовал кистью.

Если бы не дополнительные ежедневные тренировки, Хань бы окончательно превратился в пыльного книжного червяка. Но увы, даже тут не получалось отдохнуть или развеяться — ведь от того, что одно мучение сменялось другим, не становилось ни капли легче. Только одна радость скрашивала его страдания — Мэй. Ведь именно она, всё такая же прекрасная и грациозная, являлась единственным светлым пятном в череде бесконечных пыток.

— Едут! Едут! Едут! — раздался неожиданный истошный крик. Один из слуг орал так громко, словно все вокруг были глухими и не могли его услышать с первого раза.

Презрев любые правила и порядки, он проскакал через всё поместье, кубарем скатился с лошади, а оказавшись прямо у ног Ханя, едва не разбил лоб о камень.

— Молодой господин, ваш отец, генерал Гуанг, уже совсем близко!

Да что они себе позволяют? Нет чтобы поставить лошадь в конюшню, а потом подойти и объявить, как положено! Да ещё и поздравлять с возвращением отца, чей последний визит был таким жестоким и бесчувственным! Наверняка все подстроил мерзавец-учитель, чтобы лишить Ханя остатков душевного равновесия и унижить еще больше!

— Тебе следовало бы вначале сообщить свою новость госпоже Лихуа, — почти прорычал Хань.

— Госпожа Лихуа! — метнулся слуга куда-то вбок. — Радостная новость! Ваш муж, генерал Гуанг, уже совсем близко!

Хань открыл рот. Оказалось, матушка тоже была здесь — она стояла в окружении двух служанок и наблюдала за его тренировкой! Здесь что, главная площадь столицы? Не хватало разве что Императора и его министров!

Вместо того чтобы наказать этого нарушителя порядка, матушка одарила его одобрителем взором и медленным благосклонным кивком. Хань попытался взять себя в руки. Но нет, что-то внутри бесновалось, рычало и злилось, словно зверь. Зверь, посаженный на веревку, нет, на прочнейшую цепь из ци и Звёздной Стали, которую не разорвать даже с помощью Техники Крушения Небес и Земли.

— Он победил хунхунов и везет богатые дары и трофеи! С ним следует его гвардия! Над войском реют знамя Императора и флаги рода Нао, а также личный вымпел самого генерала Гуанга! — продолжал надрываться слуга.

— Ничего иного, кроме полнейшего триумфа, от него и не ожидалось, — улыбнулась мама.

Хань фыркнул. Конечно же, не ожидалось, ведь отец заезжал совсем недавно, а значит, всё ей наверняка рассказал. А теперь вернётся по-настоящему, его все будут славить, он снова одобрит ужасные пытки Ханя, которые почему-то до сих пор называют «тренировками». И Хань так и сгинет в неизвестности, умрет во время этих тренировок от голода и перенапряжения, и злодей возьмет верх! А когда его не станет, никто по нему не

проронит и слезинки, может, лишь немножко мама и Мэй.

Он покосился на Мэй Линь, которая уже прервала тренировку. Ханя за такое ждали бы десятки часов пыток, сопровождающихся отжиманием на острых камнях, стоянием на голове, прыжками в холодную воду, ударами по пяткам и лишением ужина. И это ещё в мягком варианте, о жестком же — сломанных руках, ногах и рёбрах — думать вообще не хотелось.

— Надо подготовиться, — кивнул учитель. — Ученица, можешь быть свободна.

— Эй, как это свободна? — закричал Хань, тут же получив бамбуковой палкой по голове.

К такому он привык, так что инстинктивно закрылся ци и сознания не потерял. Ну а боль он научился переносить уже давным-давно, целую вечность назад.

— Как это свободна, учитель? — повторил он. — Вы мне не даёте сделать даже пару вдохов, а ей уже разрешили закончить!

Учитель рассмеялся и указал на Мэй.

— Тебе интересно, почему я её нагружаю не так, как тебя, почему её тренировки приносят меньше боли и страданий?

— Нет, учитель, это как раз понятно. Раз она девушка...

Палка мелькнула в воздухе, Хань вновь защитил голову ци, но было всё так же больно и очень обидно. Даже более обидно, чем когда их избивали палкой из ци и воздуха — тогда это делалось под предлогом тренировки, а сейчас Хань получил вообще ни за что.

— Глупый маленький головастик, — покачал головой учитель, — ты так ничего и не понял. В отличие от тебя, Мэй занимается уже давно. Её не нужно подгонять и заставлять — ведь она сама стремится вперёд. Чтобы достичь совершенства, ей нужно всего лишь знать направление, так что я просто показываю путь. Ты же потратил два цикла на ублажение собственного живота и просмотр глупых кристаллов, несмотря на все возможности, которые лежали перед тобой как одним из наследников великого рода!

Хань обиженно закусил губу. Что этот дурак понимает в кристаллах? Что он понимает в еде — у себя в деревне привык жрать, конечно же, разные помои, так что неспособен оценить вкус настоящего блюда! И что он понимает в мудрости? Он махал своей дурацкой палкой, пока Хань создавал великие изречения и записывал их своим божественным почерком, почерком, который этот негодяй теперь окончательно загубил!

— Пока маленькая икринка лежала в грязи, — продолжал учитель, — и обрастала жиром, вторая икринка старалась. Она сначала превратилась в маленького головастика, потом день за днём неустанно шевелила плавничками, превращаясь сначала в малька, затем в рыбёшку, а потом и в форель. Пока первая икринка всё ещё копошилась в болотном иле, вторая стремилась вперёд, плыла вверх по течению, прямо к водопаду. Возможно, она бы и сама преодолела водопад и прыгнула бы сквозь врата дракона, а возможно, и нет. Но её не нужно заставлять, ей нужно немного помочь и направить. Тебе же приходится навёрстывать всё упущенное время, которое ты провёл в праздности и лени. Даже медленная, но настойчивая улитка может обогнать ленивую лисицу. Но ты — не лисица, а Мэй — не улитка. Поэтому ваши способы обучения и отличаются так сильно. Будь ты женщиной, а она — парнем, ничего бы не изменилось. Понятно?

— Да, учитель, — обиженно засопел Хань.

— Ученик!

— Что, учитель?

— Не думай, что твои тренировки закончены. Но ради почтенного генерала Гуанга я дам тебе еще один шанс себя проявить, доказать, что ты готов стать мальком. Иди, тебя ждут.

— Благодарю, учитель, — поклонился Хань.

Со стороны кто-то мог бы подумать, что такой глубокий поклон исполнен почтения и уважения. Но он лишь помогал скрыть гримасу ненависти и скрежет зубов.

Мальком! Кем потом? Еще какой-то мелкой рыбешкой? Сколько времени он будет карабкаться до этого карпа, которому еще предстоит зачем-то плыть против водопада? Не проще ли было сразу убить Ханя на месте, воспользовавшись разрешением отца? У негодяя были какие-то скрытые мотивы, к примеру, медленно уморить Ханя до смерти, чтобы потом самому занять его место! Или даже что-то ещё более зловещее!

Поразмыслить на эту тему Хань не успел. Вдалеке затрубили гуани, загремели барабаны — звуки приближающейся армии стали слышны даже тут, так что Хань поспешно направился к центральным воротам.

Ждать пришлось довольно долго. В былые времена Хань разъярился бы на слугу, из-за поспешности которого пришлось потратить много драгоценного времени. Но теперь он просто стоял, наслаждался солнцем, лёгким весенним ветерком и блаженным ничегонеделанием. На что тут злиться, если сейчас Хань не стоит в тяжёлых стойках, не занят бессмысленным переписыванием свитков, не потеет, бегая кругами, и уж точно не получает побои и переломы?

Наконец, когда звуки гуаней и рокот барабанов стали совсем громкими и отчётливыми, главные ворота поместья Нао распахнулись. В них въехали двое всадников, один из которых держал знамя Императора, а второй — флаг рода Нао. Затем один за другим начали входить пешие гвардейцы, выстраиваясь по краям площади ровными рядами. Хань смотрел на войско отца с почти забытым детским восторгом — суровые воины были исполнены непреклонности и мощи, выглядели, словно свирепые тигры.

Подъехали повозки обоза, воины и слуги стали выносить добычу, складывая ларцы, сундуки, отрезки шёлка и тканей, ковры и пушистые шкуры неизвестных зверей, оружие и доспехи поверженных врагов. Роскошь трофеев просто била в глаза, и при мысли о том, сколько всего можно купить на эти сокровища, рот Ханя заполнился слюной. Но у слюны был кислый, отвратительный привкус овощей, риса и куриной грудки. Для чего это богатство, если им не получится насладиться, убивая себя на тренировках?

Вскоре прибытие закончилось, гвардейцы сформировали внутри идеальный строй, а солдаты и кавалерия остались за воротами. Затем гвардейцы перестроились, встав почётным караулом, не обращая внимания на горы сокровищ сбоку от них. Несколько гвардейцев схватили роскошные ковры и раскатали прямо на камнях площади.

Группка чиновников, пыжась от собственной важности, прошла через ворота и встала наособицу. Вперёд вышел один из них — в обуви с высокими каблуками, чтобы выглядеть выше, и пышном наряде из лучшего шелка провинции Цаньдунь. При взгляде на шёлковый халат, расшитый золотыми фениксами и драконами, Хань прямо ощущал его гладкость и мягкость. А затем он посмотрел на свои заскорузлые, полные мозолей ладони, на потрескавшуюся кожу, в которую въелась неотмываемая грязь тренировочной площадки, на ободранные костяшки загрубевших от тренировок пальцев и едва не заплакал.

— Великий Владыка Подлунного Царства, — неожиданно громким и гулким голосом

заговорил чиновник, развернув украшенный золотом и шёлковыми лентами свиток, — Безупречный Правитель Тысячи Земель и Городов, Повелитель Дюжины Ветров, Сын Небесного Дракона, его великолепие Император провозгласил свою волю!

Оглашение Воли Императора означало, что сейчас, в эту самую минуту, устами чиновника говорит сам Сын Неба. Поэтому все немедленно склонились до земли: слуги растянулись ниц, воины и остальные чиновники встали на колени, как встал на колени и сам Хань. Только женщинам и детям, не имеющим взрослого имени, позволялось оставаться на ногах, но Мэй и мама тоже склонились, проявляя глубокое почтение. Глава рода Нао, прославленный генерал Гуанг, припал на одно колено — как и положено особе его статуса и положения. И, к полному бешенству и возмущению Ханя, ненавистный учитель не распростёрся на земле, а тоже встал на колено, словно являлся отцу ровней!

Ханю хотелось что-то предпринять, и будь он героем кристалла, вышел бы вперёд, разоблачил бы этого негодяя, сорвал все маски. Или придумал бы какой-то хитрый план, чтобы опорочить его перед ликом Императора, а потом скрытно наблюдал бы за Казнью Девяти Тысяч Мук. Но пока что приходилось только скрипеть зубами и слушать голос чиновника.

— ... проявив невероятные доблесть, выдержку, силу духа и разум, генерал Гуанг Нао не только наголову разбил полчища хунхунов, не только прогнал их до самых стойбищ, но и покори́л их, принудив присягнуть Императору перед ликом их богов! Теперь граница Империи безопасна, впервые за три сотни лет три западные провинции могут вздохнуть спокойно, мирно жить и работать на благо Империи! У Империи на западе теперь появился надёжный щит! И заслуга в этом только генерала Гуанга Нао, чей полководческий талант уступает лишь искусству его дипломатии! Император, да святится его имя в веках и лунах, дарует Гуангу Нао титул «генерал первого класса», нефритовую табличку командира отряда личной императорской гвардии и право ношения Имперского Флага Дюжины Драконов! Теперь ему дозволяется входить к Императору без доклада и отдавать приказы наместникам провинций. Писано сие собственной рукой Императора в пятый день месяца Зайца года Деревянной Обезьяны!

Отец поднялся на ноги и медленной полной достоинства походкой подошёл к чиновнику. Он почтительно принял двумя руками свиток с волей Императора и провозгласил:

— Этот свиток будет повешен на самом почетном месте дома семьи Нао!

Хань закипел от злости. Почему-то ни отец, ни мать не позволяли вешать свитки с его высказываниями в главном приёмном зале. А стоило побить каких-то грязных дикарей и получить от Императора свиток, так сразу нашлось подходящее место! Подумаешь, какие-то там хунхуны! Варвары завидовали богатствам Империи, нападали на неё всегда и со всех сторон, а отец постоянно с ними воевал. Так что если вешать каждый императорский свиток, то на стенах вообще не останется места! И вообще в Империи полно мастеров ци, могли бы разбить всех варваров давным-давно, без помощи отца! А мерзавец-учитель считается целым грандмастером, если он такой могучий, то чего отсиживается в поместье Нао? Почему не пошёл и не показал этим хунхунам сам? Да потому что сражаться со свирепыми дикарями не на жизнь, а на смерть это не трусливо издеваться над мирным учёным и философом Ханем!

Церемонии шли своим чередом, слуги метались, словно ошпаренные собаки, постоянно прибывали гости, над кухней клубился пар и дым, сновали повара и поварята. Хань опасался,

что учитель снова заставит его делать что-то унижительное, опозорив перед чиновниками, гвардейцами и гостями, но тот был явно занят. Когда он тащил на кухню огромную стопку дров из какой-то непонятной синевато-перламутровой древесины, которая, несмотря на то, что была выше трёх его ростов, почему-то не падала, то лишь коротко бросил Ханю:

— До банкета можешь отдохнуть.

Хань не верил в такую щедрость, этот подлец явно задумал что-то коварное, наверняка собирался как-то его мучить или снова подвергнуть изнурительным тренировкам. Но пока было время, следовало его использовать с пользой — а именно: потратить на здоровый крепкий сон.

Он отправился было в свою каморку, как смысл слов учителя дошёл до него с потрясающей душой отчётливостью. Сегодня будет банкет! Торжественный банкет с чиновниками и гостями, на котором подадут нормальную еду, а не помои для слуг. И никто в этом мире, даже сам Император, не запретит участвовать в этом торжестве наследнику рода! Он может хорошо покушать, причём есть любые блюда, хоть свиные рёбрышки, хоть куриные груд... тьфу ты, хоть осьминогов в соусе из чеснока и имбиря или четырёхкрылую утку в грибах баою, да ещё и с фуцзяньской булкой! Хотя нет, тут Хань уже погорячился — такую редкость, как фуцзяньская булка, даже он пробовал лишь два раза в жизни. Её готовили только приглашённые повара, настолько именитые, что их сажали за одним столом с хозяевами как почётных гостей.

Хань не зря гордился своим острым умом. Подлый план учителя он раскусил тут же. И этот план был столь коварен, что сделал бы честь любому из главных злодеев в кристаллах. На встречу войска Хань пришёл прямо с тренировки и до сих пор был одет в солдатские обноски. Во время приезда отца он умудрился не опозориться только потому, что никто не узнал в исхудавшем, утомлённом и истерзанном юноше наследника рода, приняв его за простого солдата. Но на пиру, где он будет, как один из хозяев, сидеть во главе стола, скрыться не получится. Если он не явится на торжество, это станет, к радости подлого учителя, полной потерей лица! Не зря злодей отправлял его отдохнуть — чтобы Хань заснул и всё пропустил! Увы, злодейский план оказался безупречным — явиться Хань тоже не может, у него просто-напросто нечего надеть. Ведь та вся прекрасная шёлковая одежда и великолепная обувь были пошиты на прошлого Ханя, прекрасного, словно рассвет возле горного озера, и округлого, словно полная луна. Что делать, Хань не знал. Он даже не мог приказать слугам приготовить новую одежду — на пошив чего-то приличного оставалось слишком мало времени!

— Хаою... То есть мой храбрый сильный Хань! — раздался родной голос матушки. — Вот ты где, я тебя не могу найти.

Вот! Даже родная мать не может узнать его в этих лохмотьях и с таким изнурённым лицом!

— Милый, тебе следует поторопиться! — продолжала мама.

— Поторопиться? Куда? — удивился Хань.

— На примерку и подгонку одежды! Я понимаю, что ты выглядишь очень мужественно и хочешь это всем показать, но на банкете будет глашатай Императора и другие чиновники. И они могут посчитать твой вид слегка вызывающим.

Хань уставился на маму расширившимися глазами. Мама осталась всё той же матушкой Лихуа, несмотря на всё колдовство и воздействующие на сознание техники, любящей своего сына! Хань готов был поклясться, что вызволит её из цепких щупалец этого злодея, что

станет таким же сильным, как он, а потом и сильнее! Но тут же вспомнил, к чему приводят разные глупые клятвы, прикусил язык.

— Что такое, сынок? — спросила матушка. — Конечно, если ты не хочешь, то можешь приходить и так!

— Хочу! Конечно же, хочу! — закричал Хань во весь голос, вызвав кучу удивлённых взглядов.

Для Ханя происходящее казалось каким-то волшебным сном. Словно и не было всех этих мучений и пыток, словно он был не какой-то там икринкой, мальком или карпом, а вся эта рыба представляла для него лишь гастрономический интерес. Никаких стоек забу, бубу, дабу или прочих прыжков дракона на одной ноге с подземными взлётами феникса. Словно вернулись времена, когда ци была чем-то далёким — уделом отца, брата, гвардейцев и героев из кристаллов.

Наконец-то он сидел. Не пребывал в стойке, не натирал мозоли на грубой деревянной лавке, а восседал в прекрасном удобном кресле, сделанном, совершенно очевидно, в древние времена — ведь оно даже не скрипнуло, когда он сел. Шёлковая одежда приятно ласкала тело, и он чувствовал себя небожителем, облачённым в нежнейшие облака. И блюда! На столах, расставленных посреди сада, освещённого мириадами фонариков, светящихся шаров, магических талисманов или просто сгустков ци, источали божественные ароматы различные миски, тарелки и супницы. Прекрасная мелодия пипы пронзала вечерние сумерки, текла среди цветов, кустов и деревьев, среди жаровен, которые подогревали прохладный весенний воздух. Ханю хотелось бы, чтобы пиршество проходило в главном зале, так бы он чувствовал себя совсем по-старому. Но увы, людей прибыло слишком много, так что пир провели в саду, расставив столы в соответствии со статусом гостей, рангом чиновников и званиями гвардейцев. Хань восседал рядом с родителями, и даже присутствие всё так же одетого в варварские кожи учителя, сидящего на почётном месте на другом конце стола, не смогло испортить его блаженство. Даже духи предков, которых он заметил, усилив зрение, летающие среди сада и кружащиеся над деревьями, вызывали лишь лёгкое раздражение.

Гости тихо говорили между собой или громко перешёптывались. Хань знал, что все разговоры лишь об отце, так что он направил ци в уши.

— ...ожидалось от Гуанга Нао! Великолепный приём...

— ...первого класса! И входить без доклада...

— ...дежда из кожи огненной саламандры. Так бравировать богатством...

Хань озирнулся украдкой по сторонам. Он слышал об огненной саламандре, и даже её видел — этот монстр неоднократно встречался в кристаллах, и героям приходилось приложить изрядные усилия, чтобы его одолеть. Неудивительно, что шкура очень ценилась. Но на всём приёме в кожу облачён был только простолюдин-учитель, ну, может, она ещё встречалась в одеянии и экипировке гвардейцев. Дом Нао был богат, но не настолько, чтобы облачить своих воинов в доспехи из кожи мифических чудовищ, так что Хань решил, что он просто неправильно всё понял, а речь идёт о чём-то другом, каком-то отвлечённом предмете разговора.

— ...огромную добычу! Покорились сами, стоило генералу...

— ...жа Лихуа даже более прекрасна, чем я себе...

— ...великолепные блюда!...приготовил даже фуцзяньские булки...

Услышав о булках, Хань чуть не подпрыгнул. Неужели отец захватил с собой какого-нибудь знаменитого повара? Привезти сами булки он не мог — ведь они славились не только божественным вкусом, но и малым сроком хранения. Он с трудом дождался, пока отец не встанет, не восславит Императора, оказавшего ему честь таким доверием, и не объявит о начале праздника.

Зазвенели тарелки и кубки, раздались щелчки палочек, гости приступили к трапезе. Хань не отставал. Он не стал дожидаться, пока слуги наложат ему еды в тарелку, а накладывал сам.

Кто бы ни был тот повар, который готовил блюда — он оказался настоящим мастером, встретить которого оказалось для отца настоящей удачей. Еда так и таяла на языке, наполняя рот переливами божественного вкуса и ублажая нос небесными ароматами. Хань, привыкший к простому рису, варёным и тушёным овощам, едва не плакал от радости.

Единственным источником раздражения служил учитель. Он не только поддерживал беседу с важными гостями, которые ему вежливо кивали и улыбались, но и умудрялся есть элегантно и изящно, строя из себя не глупую деревенщину, а какого-то аристократа. Как будто знатный человек станет носить дикарские шкуры!

Наконец подошёл слуга с большим подносом фуцзяньских булок, раздавая их так, чтобы хватило каждому. Хань нетерпеливо ухватил булку, сунул в рот и откусил. Раздался характерный хруст, рот наполнил божественный вкус, полный жидкого огня, который не обжигал, а лишь согревал тело и сердце. Хань выдохнул, из его рта вырвался язычок пламени. Огненные всполохи вспыхивали то тут, то там — гости тоже не могли удержаться и не попробовать такой деликатес немедленно. Даже мама деликатно откусила булку, а отец заглотил её целиком и выдал изо рта длинный сноп огня.

— Слава генералу-дракону! — раздался выкрик одного из гостей, и все радостно присоединились.

Крики длились очень долго, пока генерал не встал и не обвёл всех внимательным взглядом. Крики замолкли, воцарилась тишина, нарушаемая лишь стрёкотом цикад, мелодией пипы и похрустыванием фуцзяньских булок.

«Пиры, гвардейцы, гости, повара, — совершенно неожиданно возникла в голове Ханя стихотворная строфа, — напевы пипы, хруст фуцзяньской булки...»

Он на мгновение пожалел, что нет свитка, чтобы увековечить эту великолепную поэзию, но сейчас еда манила гораздо сильнее.

— Почтенные гости, дорогие друзья, а также те, кого милость Сына Неба привела сюда к моему скромному столу, — зычным, наполненным ци голосом вещал отец. — Вы славите сегодня меня, того, кто одолел хунхунов, перед кем они склонили колени и принесли вечные клятвы под ликами своих богов в верности Империи. Но, несмотря на значимость этого события для Империи, я не чувствую в этом особых заслуг. Я бился с хунхунами многократно, но на этот раз они оказались очень покладистыми и покорными. Погибло совсем мало людей, как моих воинов, так и самих хунхунов — новых жителей нашего Подлунного царства! Поэтому для меня особо важно другое — то, что происходило дома в моё отсутствие.

Гости зашуршали, их оживлённый шёпот нарушил тишину. У Ханя вспыхнула надежда, что папа всё осознал, сбросил колдовство, понял, каким негодяем оказался учитель и какие мерзости творил с его сыном и женой. Но Хань отбросил эти мысли — прошлый визит показал, что он не одумался ни капли.

— Все вы знаете о моей проблеме. Мерзкие сплетники при дворе, ничтожные враги моего рода, а также скрытые завистники постоянно шептались о том, какой у генерала Гуанга Нао отвратительный, жирный, мерзкий, глупый и ленивый сын. Что отец, неспособный превратить кусок свиного сала, тупую никчемную скотину и трусливое ничтожество в достойного мужа и подобающего представителя славного рода, не способен привести войско к победе.

Хань сжал кулаки. Хорошо, что отец решил во всеуслышание опровергнуть эту ложь, заткнуть рты всем чёрным языкам, рассказав, как прекрасен и умён его сын, и насколько возмутительна эта неправдоподобная клевета.

— Как вы все знаете, это правда. Вернее, было правдой. Мой сын действительно рос избалованным и ленивым, трусливым и ничтожным. Если записывать все его положительные качества, то хватит и маленького листика бамбука, а если перечислять черты, которые не могут вызвать ничего, кроме отвращения, то потребуется свиток длиной от гор Гуаньцзинь Шань до полноводной и прекрасной Хуншуй Лю!

Хань застыл с приоткрытым ртом. От обиды палочки выпали из его руки и со звоном покатались по столу. От гостей донеслась волна удивлённых вздохов и шепотков.

— Но к счастью, это в прошлом. Теперь у моего сына появился учитель, превративший за столь малое время этого заросшего дурным салом подсвинка в того, кого вы видите перед собой — достойного юношу и истинного наследника рода Нао! Сын! Не порадуешь ли ты взор своих родителей пробным поединком со своим почтенным наставником?

Хань понимал, что у него нет выбора. Отказаться перед лицом гостей — значило опозорить отца и род. Если он скажет: «Нет!», то отец от него отречётся, изгонит, а может, даже прикажет мерзавцу-учителю отрубить ему голову. Поэтому он встал.

— Да, отец!

Генерал сделал знак рукой. Набежала толпа слуг с фонарями и факелами. Слуги выстроились широким кругом, словно образуя большую арену. Учитель поднялся из-за стола и прошёл в центр круга. Хань поплёлся за ним. Они поклонились друг другу, накрыв ладонями кулаки.

— Ну что, ученик, покажешь гостям, каким хорошим мальком ты можешь стать?

— Да, учитель, — процедил сквозь зубы Хань, собирая ци и прогоняя её по телу.

Ударил гонг, и начался бой. Вернее, то, что даже последний забулдыга, перепивший рисового вина и накутившийся сизого лотоса, не мог назвать ничем, кроме избиения. Хань нападал на учителя, кидался как свирепый тигр, жалил словно разъярённая змея, бил как грозный дракон. Он вкладывал в удары рук и ног, не жалея, всю ци, сосредоточил её на слухе и зрении, чтобы хоть как-то уследить и поспеть за учителем. Трескались каменные плиты дорожек, в земле появлялись огромные кратеры, а когда бой перешёл на поверхность дворцового пруда, в воздух взметнулись огромные фонтаны воды. Но все эти усилия оказались безуспешными. Учитель спокойно и как-то лениво уходил от каждого удара, неторопливыми движениями убирал с пути Ханя ноги или отклонял, изогнувшись, тело. Иногда он поднимал руку, сложенную за спиной, и просто уводил в сторону яростный удар Ханя, а тот ничего, совершенно ничего не мог сделать. Ну а когда Хань начал выдыхаться, когда ярость перестала толкать его вперёд, учитель просто перехватил ладонью его кулак и остановил в воздухе, провозгласив:

— Бой закончен!

Хань внутренне завыл от досады. Ему ни единого раза не удалось не то что ударить

учителя, но и коснуться его по своей воле. Бой оказался ещё одним издевательством из долгой череды боли и унижений.

Они снова поклонились друг другу, сжав кулаки, и направились обратно к столам. Гости зашумели и закричали, видать, обсуждали, насколько никчемн был Хань, насколько неспособен нанести даже самый лёгкий удар.

Отец встретил учителя улыбкой, такой широкой, какую он почти никогда не дарил своему родному сыну.

— Почтенный наставник, — сказал он, — если бы не было глупым и бесстыдным вмешиваться в отношения учителя и ученика, то я бы попросил вас удвоить усилия. Но узы ученичества священны, поэтому я просто сгораю от нетерпения в ожидании новых результатов.

Новых результатов? Новых избиений и унижений? Новых пыток и побоев? Хань никогда не имел пристрастия к алкоголю, но теперь ему очень хотелось выпить. И даже не сливового вина или ликёра из лепестков роз, а какую-нибудь дикарскую хлебную настойку из горных трав, чтобы её омерзительный вкус смыл противную горечь, возникшую во рту после слов отца. Также следовало поесть ещё — ведь таинственный повар наверняка прибыл из дворца Императора, а значит, отправится обратно. И возможности попробовать что-то настолько вкусное у него больше не появится никогда, даже без учёта того, что мерзкий учитель заставляет питаться только помоями для свиней, а мечтать позволяет лишь о курятине, причём о самой жёсткой, пресной и невкусной части курицы. Ну ничего! Хань всё помнит! И направив ци в голову, можно подстегнуть память и вспомнить вкус каждого из блюд, особенно фуцзяньской булки — самой вкусной и хрустящей из всех, которые он когда-либо пробовал в жизни!

Учитель медленно встал из-за стола и глубоко поклонился отцу.

— Несмотря на то, что Хань Нао пренебрегал своим сыновьим долгом, несмотря на то, что на него смотрели с отвращением и пренебрежением, истина заключается в том, что из семени дракона не может родиться жаба, только лишь другой дракон. У Ханя Нао безграничный потенциал. И этот скромный учитель приложит все усилия, чтобы он полностью раскрылся.

Хань пребывал в ужасе. Его уже даже не столько злило сравнение с карпами, жабами, драконами и головастиками, сколько ввергало в панику данное перед столькими гостями и чиновниками обещание подвергнуть ещё большему количеству пыток и издевательств.

— Но мы не можем отвлекаться на меня и на вашего сына, — продолжал учитель, — так как сегодня — день именно вашего триумфа, генерал Гуанг Нао. Именно вас чествует Император и именно в вашу честь все мы собрались здесь на этом великолепном празднестве. И этот недостойный не имеет права вести разговоры о себе. Если великий генерал не посчитает за оскорбление, этот незначительный юноша хотел бы подарить Гуангу Нао плод своих скромных умений.

Он подошёл к отцу, почтительно склонился и вытянул руки. На них, словно из воздуха, возник меч. Выглядел меч очень просто — обычный дадао с простой рукоятью, оплетённой кожей и в непримечательных красных деревянных ножнах. На мече не было ни золота, ни драгоценных камней, ни даже эмали с инкрустацией. Не зря негодяй извинялся — такой меч не годился даже обычному пехотинцу рангом выше десятника, не то что генералу. И тем более удивило то, с каким почтением и даже благоговением отец принял из рук учителя этот меч. Торжественную тишину нарушил тихий рокот гостей:

— ...жны из пурпурного дуба!

— ...из кожи чёрной каменной пантеры!

— ...зятая работа!

— ...енное сокровище, достойное двор...

О чём это они? Не об этой же дикарской поделке? Может, гости опять обсуждают что-то своё? Это, конечно, неудивительно, ведь нет повода вести разговоры о подарке какого-то простолюдина. Но есть же какая-то вежливость и правила приличия?

Генерал выхватил меч из ножен и воздел его в воздух. В свете факелов, фонарей и светящихся шаров голубое полупрозрачное лезвие казалось созданным из стекла.

— Дымчатое Ледяное Железо! — не удержался один из гостей, невежливо выкрикнув вслух. Остальные гости дружно ахнули.

Отец взмахнул мечом. Наполнившись ци отца, клинок засветился изнутри, удлинился на дюжину бу и рассёк большой каменный валун, стоящий посреди сада. Камень распался на две половинки, срез блестел, словно зеркало.

— Видят Небеса, мастерство великого наставника может сравниться лишь с его скромностью, — сказал отец, вкладывая меч в ножны. — Воистину, это дар, достойный императорской сокровищницы!

Хань разозлился. Он прекрасно видел, что отец разрезал камень своей ци, а не из-за того, что взял в руки эту поделку! Так почему же он так нахваливает не своего сына, а вот этого отвратительного негодяя? Почему всё, что создавал Хань раньше, удостаивалось лишь скупой похвалы, а всё, что делал учитель — вызывало подобные восторги? Хань знал ответ, и этот ответ ему совсем не нравился. Учитель околдовал отца, воздействовал на него и на гостей своей ци! Может, прокрался на кухню и добавил в еду какое-то зелье или пилюли, которые не подействовали только на Ханя — исключительно из-за его таланта и выносливости. Ну а может, использовал и то и другое — как демоническое колдовство, так и плоды нечестивой алхимии! И даже если ему сейчас никто не поверит, Хань должен раскрыть всем глаза!

— Отец, — закричал Хань, — он был на кухне! И в блюда он добавил...

— Ну конечно же! — пророкотал отец, и Хань удивлённо распахнул глаза. Он не ожидал, что ему так легко поверят. — Пусть достопочтенный наставник и желает остаться скромным, но я не могу препятствовать рвению ученика рассказать о своём учителе. Великий грандмастер не просто был на кухне! Именно его стараниями был устроен этот пир, он не только руководил поварами, но и собственноручно приготовил множество особо редких блюд! Воистину, его таланты простираются от Земли до самых Небес!

Хань опешил. Нет, ему следовало догадаться, почему все блюда сегодня оказались такими омерзительными, почему имели привкус плесени и гнили, а фуцзяньская булка вообще не хрустела и на вкус напоминала прогорклую рисовую лепёшку. Но он и представить не мог, что проблема настолько серьёзна, что всю еду испортил именно учитель!

— У меня есть ещё одна радостная новость, — сказал отец, и Ханя скрутило от дурных предчувствий. — Великий наставник, посланный духами и богами удачи, исцелил мою Лихуа. Сегодня её обследовал личный императорский лекарь доктор Цзяньмин, оказавший великую честь, посетив мой дом. Она не просто ждёт ребёнка, небеса благословили её близнецами, оба — мальчики. Это великий знак Небес, несущий роду Нао удвоенное счастье и процветание!

С внезапной ясностью и отчётливостью Хань понял, что это конец. Его забыли, выкинув, как ненужную сломанную кисть. Теперь у родителей появятся новые сыновья, мама окончательно о нём забудет, а отец... Отец и так никогда его особо не любил, а теперь окончательно отдаст на растерзание изуверу-учителю, ну а может, даже будет смотреть, как тот убивает Ханя прямо на его глазах. И когда Хань погибнет, то никто не проронит ни слезинки. Желание выпить накатило с новой силой, став невыносимым. Хань оглянулся по сторонам, заметил одного из слуг и дал ему знак подойти. Из-за громкого шума восславлений и поздравлений, которыми гости осыпали отца, пришлось почти что кричать.

— Принеси выпивку! Целый кувшин! — орал Хань слуге в ухо. — Или знаешь что? Отведи меня, я выберу сам!

Душевная боль внутри Ханя перекрывала любую физическую, он настолько погрузился в переживания, что окончательно потерял счёт времени. Он тонул в печали, а попытки залить всё вином и более крепкой выпивкой оказались абсолютно тщетными. Как оказалось, книги, свитки и кристаллы были правы, когда показывали, что выпивка может помочь лишь кратковременно. В случае Ханя она вообще не помогала. Он пил дорогие вина как воду, а крепкий варварский горлодёр, привезённый отцом из похода, вливал в себя, словно путник, одолевший пустыню, пьёт холодный зелёный чай. Он потерял счёт кувшинам, бутылкам и горшкам, не заботясь, что выпивка, проливаясь мимо рта, пачкает его единственную приличную одежду и окончательно портит драгоценный шёлк.

Проклятая ци мешала, заставляла оставаться отвратительно трезвым и собранным, не помогали никакие способы подавления. Но Хань не отчаивался — он знал, что упорство и настойчивость преодолеют любые преграды, не об этом ли ему постоянно твердил негодяй-учитель? Так что Хань продолжал налегать на выпивку в надежде наконец-то унять пустоту внутри.

Он не знал, сколько прошло времени, об этом можно было судить лишь по многочисленным пустым горшкам и кувшинам. Внезапная мысль пронзила голову, и Хань поперхнулся вином. Пока он страдает, все остальные веселятся! Продолжают радоваться, обсуждать его позор и славить учителя!

— Я съм выс всех унизу, — заявил он заплетающимся языком и поднялся.

Выйти ко всем ним! Появиться, пока они празднуют, и рассказать абсолютно всё! Разорвать мерзкую паутину лжи, раскрыть предательство! Да, это навлечёт на род Нао позор, ну и что? Разве сегодня род не был и так опозорен? Хань решительно шагнул вперёд. Как оказалось, яд, добавленный злодеем в еду, а также подлые нечестивые техники всё-таки подействовали. Стены изогнулись, земля качнулась, а пустые горшки устремились ему под ноги. Зря стараешься, самозванец! Ничего у тебя не выйдет! Ведь Хань — герой, а герои всегда преодолевают и побеждают!

Преодолевая качающиеся ступени и кренящиеся стены, Хань выбрался из подвала и направился к гостям. Но оказалось, что либо праздник уже закончился и слуги даже успели убрать столы, либо же злодей применил какую-то технику, в попытке помешать Ханю раскрыть глаза на свои злодеяния. В саду не осталось никого, о пышном празднестве можно было судить лишь по примятой траве и по всё ещё висящим в воздухе сгусткам светящейся ци.

Мэй! Надо всё рассказать Мэй! Именно она и только она всегда верила в Ханя, только она обязательно выслушает и всё поймёт. Они убегут! Убегут вместе, как Хуа Лунь сбежал со

своей возлюбленной Сюэ Ши! Но действовать надо скрытно, ведь злодей хорошо подготовился и всюду раскинул свою ядовитую паутину! Хань собрал ци, обернул себя плотным коконом, закрываясь от окружающего мира. Несмотря на колдовство мерзавца, из-за которого ци подчинялась так плохо, всё удалось, пусть и не с первого раза. И хотя скрывая свою ци, он не мог пока чувствовать чужую, что, конечно же, было изначально задумано самозванцем-учителем, Хань знал, что найдёт Мэй Линь безо всякой ци! Он направился на поиски, преодолевая зачарованную злодеем траву, которая цеплялась за ноги, а также деревья и кусты, которые вставали у него на пути. Поместье спало, только бдительно несли свою службу стражи да время от времени тенями скользили припозднившиеся слуги. Хань подавил желание обратиться за помощью. Именно этого и ожидал злодей! Но Хань раскрыл все подлые замыслы, он знал, что все были в сговоре, так что решил всё сделать своими силами. И пусть потребовалось много времени, он справился!

Услышав голоса Мэй и негодяя-учителя, Хань тихо, на цыпочках, направился к неплотно закрытой двери, из-за которой пробивался неяркий свет. Он не отчаивался, ведь о терпении человека, вынесшего все эти издевательства «тренировок», люди скоро начнут слагать легенды! Он прокрадётся как тигр, затаится как дракон, дожждётся, пока учитель уйдёт, а после этого вызволит Мэй из его лап!

Хань подкрался к двери и заглянул в щель. Если выпитое вино до сих пор действовало, то увиденное заставило остатки хмеля улетучиться окончательно. Мэй стояла перед учителем, а обе её ладони находились у него в руках!

— Это решение должна принять ты и только ты, — сказал негодяй. — Но помни, тогда нашим отношениям придёт конец.

Услышав это, Хань возликовал. От того, что у них были какие-то отношения, кольнуло сердце, но теперь их связь осталась в прошлом!

— Я давно уже всё решила, — ответила Мэй. — И прекрасно знаю, чего хочу.

Хань едва не рассмеялся вслух. Молодец, Мэй! Хань пришёл её спасать, но она сама вырвалась из пут колдовства, сама сбросила наваждение! От возлюбленной Ханя иного не ожидалось!

— Это твой выбор, — кивнул учитель. — И не могу сказать, что не желаю того же всем сердцем. С этого дня я не смогу остаться твоим наставником. Теперь я не твой учитель, а ты — не моя ученица. Всё закончено.

Только величайшее напряжение воли не позволило Ханю ввалиться внутрь с криками торжества, чтобы поглумиться над этим жалким червем, и не поздравить Мэй с освобождением от пыток! Только напряжение воли и понимание, что тогда учитель обязательно оторвётся на Хане, а со сломанными руками и ногами сбежать с Мэй никак не получится.

— Не закончено. Наоборот, всё только сейчас и начинается! — лучезарно улыбнулась Мэй. — И я не была так счастлива никогда в жизни!

— Я тоже счастлив, — ответил учитель и улыбнулся в ответ. Это не было ни ухмылкой, ни насмешкой — впервые Хань увидел такую искреннюю и яркую улыбку, которая, не зная он истинную суть подлеца, могла бы обмануть даже его, заставив принять за хорошего человека. — Я мечтал об этом дюжины и дюжины лет!

— Глупый, мы знакомы с тобой меньше года, — усмехнулась Мэй.

— Для меня это — словно целая новая жизнь. И я знаю только одно — я люблю тебя, Мэй Линь. И хочу быть с тобой всегда.

— Я тоже тебя люблю, — ответила она. — И с этого дня мы всегда будем вместе.

Учитель привлёк к себе Мэй и обнял — бережно, словно сжимая бесценную вазу, чей тонкий фарфор можно раздавить небрежным движением пальцев. Он склонился к ней и поцеловал — очень аккуратно, осторожно и нежно. Она прижалась к нему и ответила на поцелуй — пылко, страстно и горячо.

Хань отшатнулся от двери и едва не рухнул на пол. Негодяй и Мэй Линь? Его Мэй Линь? Даже если бы он застал их в постели, увидел, что учитель над ней надругался, не было бы так больно, как сейчас. Ведь тогда это можно было списать на демонические техники, одурманивающие зелья, воздействие ци и на чёрное колдовство. Но нет, Мэй сама отбросила Ханя прочь, полностью о нём забыла. Она выбрала этого негодяя, окончательно предав всё то, что между ними было: годы знакомства, совместные тренировки, увлечения свитками и кристаллами. И как бы Ханю ни было горько и обидно от того, что выбрали не его, на Мэй он злиться просто не мог.

И что самое удивительное, не держал он зла и на учителя. Нет, понятно, он ненавидел этого мерзавца, презирал его и желал скорейшей мучительнейшей смерти, не забыл ни обид, ни боли, ни издевательств. Но за то, что учитель сделал всё, дабы быть с Мэй, осуждать не мог никак. Ведь это же Мэй Линь — самая прекрасная девушка во всём мире, и каждый мужчина, если он не скопец и не дурак, приложил бы любые усилия для её завоевания!

Ведь как гласило изречение, которое когда-то придумал сам Хань: «Воин не знает жалости к противнику лишь в двух случаях — в бою и в любви»!

Если бы только мерзавец и Мэй не встретились, если бы не познакомились, всё бы было совсем по-другому! Все отвернулись от Ханя, все бросили — родители, слуги, знакомые, а вот теперь и Мэй. Впереди его ждала бесконечная боль, причём к постоянной физической добавилась тысячекратно более сильная душевная. И всё из-за чего? Из-за этой дурацкой клятвы, которую подтвердили глупые духи! Во всём виноваты только они!

— Ниччго, — прошептал он, развернувшись и направившись прочь, — я вам всссм покхажу! В-вы у мяя всеы п-по-плачете! Будыты жлеть, шты мяя ны цыныл-лы! Но бдет п-здно!

Стены и коридор начали не только гнуться, но и расплываться, но Хань упорно шагал вперёд. Он уклонялся от дверных косяков, хотя те коварно возникали на пути, получал по лицу от вздыбившегося пола, но упорно вставал, ощущая не физическую боль, но лишь огромную пустоту внутри. Он вышел из дома, как и собирался, но без Мэй сбегать не было смысла — наоборот, если он уйдёт, то они все только обрадуются. Наверное, все, кроме учителя — ведь у того не останется жертвы, которую можно мучить. Мама и отец и так нашли ему замену, Мэй выбрала другого, слугам было всё равно — и если Хань исчезнет, то все вздохнут с облегчением. Нет, он не позволит им отделаться так легко!

Не обращая внимания на обеспокоенные взгляды стражей, он вышел из дома и направился прочь, в глубь территории поместья, к месту, которое посещал раз в год для совершения церемонии почтения к предкам. И вот теперь он проявит настоящее почтение, то почтение, которое они заслужили!

Показался небольшой храм на возвышенности, который выглядел в свете лун очень зловеще. Фонари возле входа как всегда горели, освещая голубоватым светом ци таблички с именами и подвигами предков и бросая зловещие блики на озерцо рядом. Хань шагнул вперёд, сжимая кулаки, его переполняли обида, злость, жажда справедливости и желание отомстить. Ведь духи предков тоже предали его, не защитили, не спасли, наоборот —

именно они навлекли на него все беды! Тогда чего они заслуживали в ответ?

Дверь попыталась уклониться, подставив на пути косяк, но Хань не зря всегда был настоящим героем! Он наполнил тело ци, пробил лбом стену и шагнул внутрь.

Синий свет фонарей окрашивал храм в потусторонние зловещие цвета, но отвагу Ханя такими трюками не сломить! Он окинул взглядом каменные стены, отделанные ониксом и яшмой, постаменты со статуэтками предков, высокие колонны, украшенные тонкой резьбой. Взгляд его остановился на семейном алтаре, том самом, рядом с которым он получил своё взрослое имя, на который столько лет возносил дары и просил у предков защиты и процветания для рода Нао! И что? Помогли они ему? Защилили? Или даже не считали его Нао? Они приняли клятву отца? Значит им нравятся разные клятвы? Что же, они такую получают! Отец, матушка и Мэй Ханя не ценили и смеялись над его бедами. А вот если он умрёт, они всё поймут, осознают, что натворили, но будет уже поздно! Хань расхохотался, представляя их лица завтра утром! Но единственное, о чём он сожалел — что сам этого уже не увидит.

У него не было при себе ножа, но как там говорил мерзавец-учитель? Для чего оружие, когда есть ци?

Он собрал энергию в руку, намеренно делая ци острой, как клинок из Звёздной Стали. Из пальцев хлынула кровь, но не полилась на землю, а зависла в воздухе, формируя кончик большой кисти.

— Будь проклят род Нао и его предки, тот, кто поклялся, и те, кто слышал клятву! Кто смотрел на мои страдания, но не сделал ничего, чтобы помочь! — закричал Хань, волна ци вырвалась из его тела, на мгновение залив святилище ярким светом.

Снаружи завыл ветер, тёмные облака закрыли луны, загредел гром и заблестели молнии, их отблески через проем в стене превращали любое движение в череду застывших картин.

— Я уйду из этого рода! Не хочу иметь с ним ничего общего, ни сейчас, ни потом, в следующих жизнях!

Ослепительная молния ударила прямо перед входом так громко и сильно, что уши заложило, а вокруг брызнули осколки камней.

— Вы меня никогда не ценили, так что я тоже не буду почтительным!

Хань взмахнул рукой, которая сжимала кровавую кисть, и написал почерком столь прекрасным, что каждый иероглиф являлся произведением искусства, размашистую надпись:

«Если Гуангу Нао и Лихуа Нао так нравится учитель, то пусть их сыном будет он, а не я, Хань!»

Родовое имя Хань добавлять не стал — ведь он уже отрёкся от этого рода!

Кровь, наполненная ци, светилась алым, её яркое сияние осветило святилище, подавив свет фонарей. На него нашёл новый приступ вдохновения.

«Кто не ценит своего сына, пусть получит чужого», — написал он на ещё одной стене.

Он окинул обе надписи оценивающим взглядом. Тут же мелькнуло сожаление о содеянном. Ещё бы не сожалеть, ведь он, уходя, незаслуженно оставляет этому роду такие прекрасные шедевры! Он понял, что поторопился, надо было ещё пройти по поместью и сжечь все свои цитаты, чтобы им не досталось ни одной! Но ничего уже не поделаешь. Пусть это будет прощальным даром.

«Предательство родных — как тысяча отравленных кинжалов», — написал он ещё одну

фразу, новый шедевр в долгой череде предыдущих.

Он хотел написать ещё что-то, но решил, что для рода Нао это слишком ценный дар, которого они совсем не заслужили. Он перестал удерживать ци, кисть утратила твёрдость и плеснулась на пол кровавым потоком.

Хань подошёл к алтарю. Окинул последним взглядом статуэтки предков и духов самих предков, которые яростно кружились в воздухе, видимые только с помощью ци, и демонически расхохотался. Вот уж действительно, жаль, что он завтра ни на что не сможет посмотреть своими глазами. Хотел бы он увидеть их лица, насладиться плодами своей мести! Но ничего, возможно, он когда-нибудь прочтёт об этом в трактате: «Падение рода Нао», или даже увидит всё в созерцательном кристалле.

— Хуже смерти только позор, и вам придётся жить с этим позором!

Это тоже было отличной, достойной увековечивания фразой, но записывать Хань её не стал — он и так отдал роду Нао слишком много незаслуженных даров!

Стремительный росчерк ци — и кровь из его тела хлынула бурными потоками, заливая святилище. Было больно, но не больнее, чем на пытках-тренировках, не больнее, чем видеть Мэй в объятиях этого подлеца, не больнее, чем слышать, что родители находят ему замену!

Пусть отец поплатится за свои слова, а духи — за то что приняли клятву. Ну а если им что-то не нравится, то рядом есть мерзавец, который довёл Ханя до подобного! Пусть рухнет род, пусть матушка плачет сколько угодно, а предательские слуги, так ликовавшие при виде его мук, жрут свои помои — ведь раз род падёт, они потеряют работу и сдохнут от голода!

— Кем бы я ни переродился в будущем, все равно будет лучше, чем сейчас, — пробормотал Хань напоследок. — Попробуй, разберись с такими временными трудностями, у-чи-тель!

Он рухнул на алтарь, заливая его кровью. Наконец-то Хань, теперь уже не Нао, ощутил облегчение и внутренний покой.

Часть 2. Заплыв головастика. Глава 9, в которой желания героя исполняются, но не лучшим образом

Сегодня Фенга переполняла радость, почти что ликование. Несмотря на недавний случай, повлёкший получение очень обидной и прилипчивой клички, приемные родители отправили его сегодня стирать одежду и бельё, вместо того чтобы заставлять горбиться на поле. Это было занятием не столь тяжёлым, сколько ответственным — требовалась внимательность и некоторая ловкость. И то, что отправили не родных детей, а его, значило многое. Возможно, дело в том, что по происхождению он был городским, хоть самого города никогда не видел, так как был слишком уж маленьким, чтобы хоть что-то отчётливо запомнить. Впрочем, это не мешало напропалую врать, что в городе хижины строят из лучшего бамбука и кроют не рисовой соломой, а деревом, они бывают такими большими, что в них помещаются сразу столько семей, сколько пальцев на ладонях, и что строят их в два и даже три этажа. Впрочем, ему никто не верил, его за такое даже поколачивали — но так, беззлобно, для порядка. В этой деревне его не обижали — приемный отец Широнг колотил его не слишком уж намного чаще и сильнее остальных членов семьи, а приемная мать Зэнзэн кормила, пусть и остатками после себя, мужа и родных детей.

Происхождение Фенга, которое обычно служило лишь причиной насмешек и злых шуток приемной родни и односельчан, сейчас оказалось очень кстати. Ведь кто лучше может постирать бельё, как не «этот городской»? А то, что для стирки надо много времени — ну так у нас в городе так принято: делать всё тщательно и на совесть.

— Эй, Дерьмофенг, ты чего там застыл? — прокричала издалека старшая сестра Айминь.

Фенг повернулся, обиженно засопел, но ничего не ответил, продолжая стирку. Кто же мог знать, что в тех кустах, через которые он решит срезать дорогу, перед этим кто-то справил нужду? И даже так не было бы ничего интересного — ведь каждый рано или поздно вступает в дерьмо — не попадись он в этот момент на глаза брату Кангу, которого отец отправил проверить, почему Фенг возится так долго. И если бы только у Канга язык не оказался размером с тележную оглоблю и он не растрепал об этом всей округе! Кличка прилипла намертво, её употребляла даже мама! И это получилось намного обиднее прозвища «головастик», которым его называл учитель!

Стоп, какой такой учитель? Фенг, конечно, родился в городе, но всякие учителя — это для богатеев, умеющих читать. В их деревне таковыми были староста и бабка тётушки Жао, преставившаяся ещё до рождения не то что Фенга, а его приемных родителей.

Фенг вздохнул и прогнал глупую мысль. Подобные вещи иногда возникали в его голове с самого детства, а в последнее время случаи участились. Всплывали странные мысли, возникали новые, ранее неизвестные желания, появлялись очень непривычные привычки. Об этом Фенг, которому ни капли не хотелось прослыть чокнутым и получить ещё более обидное прозвище, не рассказывал ни одной живой душе. Он даже решил, что у него действительно не всё в порядке с башкой, как у старика Чуня, который несколько лет назад свалился с дерева и треснулся об камень.

Но, во-первых, головой Фенг бился разве что о затрешины отца, а во-вторых, это никак не объясняло, каким образом он стал обладателем умения читать. Откуда ему вообще знать, что в большой надписи на въезде в деревню «Пусть боги удачи и плодородия защищают

Дуоцзя» допущена ошибка? Но он каким-то образом понимал, что вместо иероглифа «река» стоит иероглиф «лягушка», и таким образом слово «защищают» превращается в «сморкаются». И несмотря на то, что вслух обе фразы звучали одинаково, надпись обретала зловеще-правдивый смысл — боги действительно сморкались на деревню Дуоцзя, давно уже не посылая ни плодородия, ни удачи.

Фенг покрепче ухватил палку и принялся перемешивать бельё в плетёной бадье. Делать такие умел лишь кривой Яо — только он знал хитрое плетение, чтобы вёдра и корыта не протекали. Несмотря на то, что бадья была гораздо легче деревянного корыта, у Фенга никогда не хватало сил дотащить её к реке, всегда приходилось катить.

Бельё в бадье, наполненной водой и золой, сопротивлялось, оно лишь булькало и неохотно сдвигалось с места. Фенгу приходилось налегать на палку изо всех сил. Он не имел понятия, почему, чтобы сделать одежду чистой, её нужно ещё больше испачкать в грязной золе, но каким-то образом это получалось.

«Чистота превращается в грязь, а грязь превращается в чистоту», — подумал Фенг. Красивая фраза вышла настолько удачной, что ему захотелось её тут же записать на свитке из лучшего шёлка!

На свитке? Из шёлка? Писать? Фенг никогда не учился писать, единственный свиток в деревне находился у старосты, а весь шёлк — в праздничной ленточке его жены, которой та очень гордилась. Что за ерунда лезет в голову? Фенг посмотрел на свои руки — они оказались непривычно маленькими, тонкими, мозолистыми и с намертво въевшейся грязью, как будто после тренировок учителя. Может, приказать слугам, пока его нет поблизости, чтобы бельё постирали они?

Фенг мотнул головой и застонал. Опять! Опять это начинается! Снова лезут эти глупые мысли! Он ухватил бельё из бадьи и, надрываясь от тяжести, потащил полоскать в реке. Стекающая вниз вода делала бамбуковые стволы маленького мостка, на котором стирала вся деревня, очень скользкими, так что несколько раз он едва не свалился.

Наклонившись, он прикинул, как лучше всего начать полоскать бельё, но, увидев своё отражение в спокойной речной заводии, удивлённо открыл рот.

Вместо исхудавшего, но, несмотря на тысячи издевательств, прекрасного юноши на него смотрел ребёнок. Маленькое острое лицо, впалые щёки, грустные усталые глаза — отражение принадлежало совсем малолетнему, лет шести-семи, сопляку. И этот мальчик совершенно явно являлся простолюдином — пусть вовсе не злобным и не отвратительным, как выглядел учитель.

Фенг застыл, ошеломлённый совершенно незнакомым и одновременно таким странно привычным отражением. Зачарованно наклонился всё ближе и ближе к воде, пока его нога не поскользнулась на мокром бамбуке и он не рухнул в реку.

Фенг замахал руками, забарахтался в воде, но сделал только всё хуже. Его подхватило медленное, но сильное течение, затянуло в стремнину и направило прочь от крестьянок и других детей.

— Эй, смотрите, Фенг тонет! — закричал кто-то.

— Дерьмофенг тонет!

— Дерьмо не тонет!

— Следи за языком, сопляк! — прозвучал сварливый голос, и раздался звук затрешины.

Фенг хватался за бельё, но оно вырывалось из рук, его тащило течение. Он попытался позвать на помощь, но только ещё больше нахлебался воды.

— Криворукий приемыш! — раздался выкрик Айминь. — Да что ж такое!

— Воистину, городской дурачок!

— К берегу гребни, дурак!

— Дерьмофенг наконец-то помоется!

— Да ты сам дерьмом воняешь!

— Я? Да иди ты сам помойся!

Дети дрались, парочка полетела в воду, но Фенгу было совсем не до возни на берегу — он уплывал все дальше, а бульканье воды и шум реки заглушали удаляющиеся голоса. Наверное, опять чесали языки, что он приемное криворукое говно, порождение городской шлюхи из выгребной ямы, чем, несомненно, и объяснялась его криворукость. Где-то в глубине души Фенг даже был с ними согласен: ну как он мог уронить столько белья, столько важной и нарядной одежды, да ещё когда ему поручили ответственное дело — помочь в подготовке к празднику летнего солнцестояния и дню подношений духам?

Он пытался судорожно ухватить бельё, оно путалось в руках и ногах, а попытки встать оканчивались печально — течение сбивало с ног и волокло дальше на глубину. Страх потерять белье и получить наказание дополнился страхом смерти, того, что его унесет далеко, а то и вовсе из глубин вынырнет речное чудовище и утащит к себе для злых развлечений.

— Духи предков, молю вас! — взвыл Фенг, пытаясь вскинуть руки. Но на руках повисли мокрые тряпки.

Ну и опять-таки, какие духи, какие предки? О предках он знал лишь то, что его мать была блудницей из города, подкинувшей ребенка странствующим монахам, которые и оставили его в этой деревне, а Широнг приютил — ведь в деревне лишние руки нужны всегда. Он не какой-нибудь сын генерала, а безродный сирота, которому не дали помереть от голода и зверья только добрые люди.

Течение увлекло его под воду, он задержал дыхание, с ужасом подумав, что теперь мерзавец-учитель добьётся своего, закончив то, что пытался уже сделать много раз. А матушке и отцу скажет, что Хань утонул, так как был слаб, и весь род Нао может быть спокоен, ведь теперь с флага семьи пропало пятно позора.

Но стоп, какая вода? Он же был на пиру! А потом матушка сказала... И Мэй! А потом... Ханю хотелось завить — большей глупости, чем сделал он, трудно было представить! Он отрёкся от рода Нао, оскорбил духов предков — и что? Теперь он оказался сиротой, приемным сыном в крестьянской семье, в деревне, находящейся где-то в самой мерзкой дыре Империи. Работа и снова работа, грязь, дерьмо, еще грязь, какая-то невообразимо отвратительная еда, подзатыльники от старших за плохую работу, и все по новой, день за днем, однообразно и кошмарно.

И самое ужасное, что до этого дня он, сирота, не осознавал всего ужаса своей жизни: радовался, когда удавалось набить живот жидкой рисовой похлёбкой с травой, морковку считал за лакомство, а маленькое яйцо из разорённого птичьего гнезда — поводом для великого праздника. Его радовало, когда не сильно били, и приводило в восторг, когда удавалось избежать работы и удрать в лес или на болота.

И звали его не благородным именем, а какой-то собачьей кличкой, постоянно что-то требуя:

— Фенг, ты чего не на поле?

— Фенг, неси дрова!

— Фенг, ах ты паршивец, опять убежал на речку? Почему не поймал рыбы?

— Фенг!

Хань барахтался и пытался вырваться, все вокруг кружилось и шумело, воздуха перестало хватать, он уже почти приготовился отправиться на новое перерождение, как темнота сменилась светом, а удушье — таким сладким, вкусным и живительным воздухом. Мир вокруг взорвался запахами и звуками, шумом реки, обжигающим холодом воды, болью в спине и животе, а также руках и ногах, столько бившихся о камни. Голова кружилась, а вода вокруг шла бурунами и пенилась, пытаясь засосать его назад, снова утащить на глубину.

— За что? — заорал он. — Это награда за все мои страдания?

Кто страдал в этой жизни, но не поддавался злобе и зависти, возвысится в следующей. Кто в этой жизни жил праведно, тот в следующей тоже возвысится и продолжит свой путь к Небесам. Так гласили общеизвестные истины, и именно так Хань прожил всю недолгую жизнь! Он жил праведно, ни к кому не испытывал плохих чувств — разве что к злодеям, особенно к мерзавцу-учителю, но тот ведь заслужил! Нет, нет, такого просто не могло быть: ведь он столько страдал! И делал столько добра — дарил миру свою мудрость, иногда хвалил слуг и очень любил маму и Мэй! И если бы под Небесами существовала справедливость, он просто не мог бы получить новую жизнь, полную еще больших страданий и отвратительной еды!

— Это сон, сон, сон, — твердил он, пытаясь не нахлебаться воды.

Но если это и сон, то только настоящий кошмар, состоящий из ничтожной жалкой жизни, холодной воды и близкой гибели. Одна из плывущих тряпок попала на лицо, закрывая рот и нос и мешая дышать, но его сейчас беспокоила лишь мысль о наказании за потерю белья. Вот эти лохмотья, тряпки, которыми Хань в прошлой жизни побрезговал бы даже потереться, в деревне являлись большой ценностью, которую приходится долго шить или покупать за огромные деньги у проезжего торговца, а потом ещё долгими месяцами ждать заказанного.

Что уж говорить о повседневной одежде, которую делали из волокон крапивы — высокого и густого сорняка, который ему столько раз приходилось долго рубить острым камнем, а потом, надрываясь, тащить в деревню? Такое даже не заслуживало права называться тряпками, эти порождения кошмара не надели бы не только сами слуги, но и слуги их слуг! Да и обувь в лучшую сторону совсем не отличалась — лапти, сплетённые из коры и подбитые рисовой соломой, словно их придумал главный палач императорского дворца. Правда, Фенг надевал их редко и только по важному поводу, всё остальное время бегая босиком.

Новая волна накрыла его с головой, и Хань снова ушёл под воду. Сил бороться не было, хотелось просто утонуть, чтобы прекратить эти страдания.

— Ты ничтожный головастик, утонувший в луже! — раздался голове насмешливый голос учителя, звучащий как хохот тысячи подземных демонов.

Он изо всех сил дернулся и начал загребать руками и ногами, пытаясь вырваться из потока. Откуда здесь взялся этот негодяй-учитель? Последовал за ним в другую жизнь? Или это у Ханя продолжались предсмертные видения, кошмары, насланные духами предков?

— Да, это кошмар, — снова начал твердить он.

Внутри вспыхнула надежда — вдруг он еще не умер? Вдруг это какая-то иллюзия, вызванная коварным воздействием ци учителя? Вдруг его спасут, а матушка Лихуа отмолит у духов предков прощение? Надежда рванула к небесам, Хань опустил было руки... и тут же

вскинул их, спасаясь от еще одного удара о речной валун. Все надежды рухнули и пропали, ушли камнем под воду, как едва не ушел он сам.

Какое еще «отмолит», когда отец дал клятву этими самыми духами, а Хань осквернил их святилище? Спасут? Чтобы что? Что после этого с ним сделает мерзавец-учитель?

— Ты не головастик, не икринка, а грязь, в которой эта икринка утонула! — снова зарокотал учитель.

Хань даже повернул голову, но не увидел ничего, кроме реки и камней, хотя голос звучал как наяву. Неужели справедливость существует и учителя покарало, как Хань и мечтал, но этот мерзавец мстительным духом явился за ним следом? Хань взвизгнул, рванул прочь и все же вырвался из потока, ближе к берегу, той части, где вода была мельче и текла слабее. Из-за накотившего ужаса от мыслей о мстительном духе он проскочил почти до самого берега, оказался на отмели и только там уже обессиленно рухнул в воду, ощущая себя полностью опустошенным.

Тело Фенга тряслось и дрожало, и Хань внутри тоже трясся и дрожал. За что ему это? За что ему такой кошмар, он столько страдал в прошлой жизни, почему продолжает страдать и в этой? Встав, он, тяжело загребая воду ногами, направился к берегу.

— Это все он! — взвыл Хань. — Да, ты, мерзавец и негодяй, злодей, притворявшийся учителем, проклиная тебя, слышишь, проклиная и не боюсь, явись сюда и сразись со мной, сыном генерала Гуанга!

Смутное отражение в водной ряби словно поплыло, сменилось, показав вместо незнакомо-знакомого крестьянского ребёнка помолодевшего, но такого же отвратительного учителя. Текущая вода оживила его облик, сделала подвижным и живым. Губы мерзавца шевелились, словно вновь рассказывая о ничтожности Ханя, об икринках и головастиках и о том, кем ему теперь точно не стать.

Хань размахнулся и ударил изо всех сил. Кулак разбил отражение, прошёл сквозь водную гладь, почти не встретив сопротивления. Хань потерял равновесие и снова рухнул в воду.

— Дурачок! — в ответ на его проклятия раздался чей-то голос. — Ты что, совсем голову ушиб?

Хань повернулся — на противоположном берегу стоял кто-то из крестьян. Из-за кошмарного заплыва по реке в глазах всё расплывалось, но какая разница, кто перед ним находится? Не будет же он называть это простолюдинское ничтожество по имени?

— Сам ты дурачок! — заорал Хань в ответ, все же выходя из воды. — Я аристократ и сын аристократа, генерала первого класса, а ты никто! Безродное крестьянское отродье!

— Да как ты смеешь? — раздался возмущенный вопль.

— Я? Смею? Моё призвание — повелевать крестьянами и простолюдинами, я не создан для какой-то грязной работы! — орал Хань-Фенг, приходя в себя.

Он всмотрелся в воду. Мстительный дух куда-то делся, он явно боялся Ханя, а может, был привязан к речным глубинам. И теперь, когда злодейские планы провалились, то он исчез или просто затаился.

— Для тумачков ты создан! Эй, Дерьмофенг, к тебе обращаюсь! — резанул уши другой голос, тоньше, но гораздо пронзительней.

Хань поднял взгляд и обнаружил, что на другой стороне реки теперь стоит старшая сестра Айминь, злая, как сотня дюжин мстительных и голодных духов. Выплыви Хань на неправильный берег, ему бы уже отвесили пару подзатыльников да накрутили уши. Вот

только это порождение кошмара еще не знало, что теперь перед ней новый Фенг! То есть Хань! Герой, который не боится даже духов и призраков, не то что крестьянскую девчонку!

— Иди сюда, я не боюсь твоих тумачков! — крикнул он, принимая боевую стойку. — Я буду порхать как журавль и жалить как змея!

Правда, нога тут же подвернулась на скользком камне и Хань упал, едва не уплыв снова на глубину.

— Ха-ха-ха-ха, — покатила со смеху Айминь. Схватившись за живот, она потеряла равновесие и чуть не улетела в воду сама. — Да ты и правда треснул головой, приемьш! Слышь, ты, дурачок городской! Беги за бельем, да поторапливайся, если не хочешь на ужин каши из тумачков!

Айминь махнула рукой и развернулась, чтобы уйти.

— Стой! — невольно крикнул Хань, протягивая руку.

— Извините, ваше генеральское великолепие, — с крайней язвительностью отозвалась та, имитируя поклон до земли, то есть воды. — Нам, безродным крестьянам, в отличие от вас приходится работать от зари до зари.

Она самодовольно вскинула голову и направилась прочь. Хань долго стоял в воде, пока убедился, что теперь никому до него нет дела, наклонился, взболтнул ладонью воду и негромко спросил:

— Эй, подлый него... учитель, вы здесь?

Ответа, конечно же, не последовало. Хань тяжело вздохнул и посмотрел на «спасённые тряпки». Ими оказались вещи приёмных родителей Фенга: рубаха «мамы» и штаны «отца». Он наморщил лоб, задумавшись. Чуть ниже по течению река разливалась, там была масса отмелей, скоплений мусора. Там крестьяне даже сделали небольшую запруду, чтобы можно было поить коз и отводить воду для рисовых чеков. А значит, у него имелись шансы переловить все белье! Ну или не все, но хотя бы большую часть, чтобы, вернувшись, получить в придачу к каше из тумачков ещё и ужин. Хотя если вспомнить, что тут считали за ужин... Хань скривился и сплюнул в отвращении.

— Да будьте вы про... — Хань начал было проклинать небеса, богов и духов, но тут же прикусил язык.

Хватит! Он уже выказал разок неуважение к духам предков и получил вот это! Чахлае изнемождённое тело приемного ребенка в крестьянской семье, живущей в деревне где-то на краю неба, в углу океана! Может, это наваждение, какая-то иллюзия, но тогда ещё хуже — ведь это значит, что если он очнется, то увидит перед собой мерзавца-учителя.

Хань как наяву увидел, как тот обнимает и целует Мэй, а та отвечает взаимностью. Ноги подкосились, и он рухнул в воду, снова заходясь в безнадежных рыданиях. Хотелось найти ближайшее дерево или камень, чтобы удариться о него головой и биться до тех пор, пока телесная боль не заглушит душевную. Если бы все эти разговоры о колесе перерождений были хоть немного правдой, то он бы сейчас находился в столице и был бы ребёнком наложницы самого Императора! Ну или хотя бы каким-то иноземным принцем, на крайний случай единственным наследником могучего варварского вождя! Он застонал, хватаясь за голову, которая теперь гудела и раскалывалась от свалившихся на него несчастий.

Хорошо было Фенгу! Пока Хань ничего не помнил, пока оставался приёмным сыном грязных крестьян, безысходности своего положения он не осознавал. А выхода действительно не было. Ни сбежать, ни пожаловаться, ни вырваться из этого замкнутого цикла крестьянской работы на износ до самой смерти, которая к тому же наступала очень

рано. Не имел представления Фенг и о том, насколько отвратительна тут еда и беспросветна сама жизнь. Зато Ханю это было предельно очевидно: ведь даже та еда, которую ели слуги в поместье Нао, тут могла считаться лишь праздничным деликатесом, а тяжёлые тренировки мерзавца учителя казались почти что сносными по сравнению с обычной крестьянской работой.

— Мы еще посмотрим, кто тут головастик, — размазал он по лицу слёзы и сопли, после чего громко шмыгнул.

Следовало идти и собирать белье, рискуя снова утонуть, но выбора особого не было, а безысходность ситуации угнетала. Он не мог сбежать и жить в лесу — просто умер бы от голода и холода. Семья Широнга и Зэнзэн, давшая ему приют, оставалась единственным местом, куда он мог вернуться. Но что делать без белья, с вот этими двумя тряпками? Без остальной праздничной, если её можно так назвать, одежды? Да побои учителя показались бы ему легкой игривой щекоткой! К тому же исцелять тут было просто некому, так что смерть после такого могла оказаться более лёгким выходом, чем остаться калекой.

— Духи предков, слышите ли вы меня? — заорал он на всю округу.

Увы, героический вызов судьбе и обстоятельствам, который всегда делали герои кристаллов, в исполнении деревенского малолетки прозвучал откровенно жалко. Тонкий мальчишеский голос сорвался, и Хань зашёлся в кашле. Если что и радовало в этих несчастьях, так это то, что Хань всё больше и больше становился собой — Фенг, проживший очень короткую и безрадостную жизнь, словно растворялся в обширном жизненном опыте Ханя Нао, сливаясь с ним в одну цельную личность. Ещё бы получить назад своё красивое округлое тело... Но тут Хань вспомнил, во что это тело превратил негодяй-учитель, поэтому снова заплакал.

— Духи!

Духи молчали, возможно, они злились или отказались от Ханя или их всех развоплотило, когда он осквернил семейное святилище. Может, его предсмертные проклятия повлекли на род Нао гибель. И пусть Хань считал, что это вполне заслуженно, сожаления всё равно кольнули его великодушное сердце. В любом случае, духи не отвечали, не было здесь ни отца-генерала, ни предавшей, но всё ещё любящей матушки, ни даже слуг. Он был никем, не имел ничего своего, даже имени — вместо него было лишь детское прозвище.

— У тебя есть ци, этого достаточно! — вновь прозвучал в голове голос мерзавца-учителя, наполняя Ханя возмущением и желанием действовать.

Хань задумался и попробовал встать в стойку дабу. Стойка не получалась, и он махнул рукой. Не будет же он сам, по доброй воле, заниматься тем, что раньше делал только после палки учителя?

— Владующий ци — владеет своей судьбой, — пробормотал Хань, валясь оземь.

Но ци не было, да и судьбой своей он не владел. Поэтому Хань поднялся, выбрался на берег и побрел вдоль реки, дабы там вылавливать одежду, которая возможно — возможно! — застряла в запруде. Если не застряла, то его ожидает каша из тумачков, ну а если удастся спасти хотя бы половину, то к тумачкам добавят... Что там дают в этих деревнях?

— Похлебка из травы и риса, — скривился Хань.

Где-то вдали раздался вой каких-то зверей, и тело Фенга напряглось, ноги ускорили шаг, а боль отошла на задний план, сменившись страхом. Хань обнаружил, что кое-какая

выносливость у него всё же имеется — по крайней мере достаточная, чтобы сорваться на бег. Иначе просто не выжить в мрачной крестьянской жизни, полной работы, страданий и очень плохой еды. Хотя, конечно, еды, пусть даже плохой, было совсем не полно.

А может, это всё не зря? Может, как в кристаллах или свитках? Все настоящие герои перед тем, как начать путь к вершине, падали на самое дно. Часто они считались никчемными, бездарями и мусором. Иногда злодеи вырезали их семьи, чтобы в итоге герой преисполнился решимости стать сильным и отомстить. А иногда враги лишали героев ци, разрушали дантянь, но герой находил способ стать сильнее, чем раньше, и страшно отомстить. Случай Ханя объединял все три варианта — его считали жалким и никчемным, он остался без семьи, да и ци совсем пропала. Осталось найти мудрого учителя, скрытого эксперта-отшельника, натренироваться — и можно грозить Небесам!

— Это новый этап становления героя! — гордо заявил он в сторону леса.

Прозвучало очень глупо. Какого еще героя? Если бы тут в лесу обитал старый мудрый учитель, крестьяне бы на него наткнулись в процессе поиска и сбора всего, что можно съесть. Старый мудрый учитель эти места покинул бы давным-давно и перебрался туда, где не бывает людей.

Неудивительно, что мудрые отшельники предпочитали прятаться в глубоких пещерах или собирать энергию Небес и Земли где-нибудь на неприступных горных пиках!

Следовало бы бежать из этой деревни и от такой отвратительной жизни. Возможно, даже покончить с этой жизнью и попытаться заново. Увы, в роду Нао ему не возродиться — он отрёкся от рода и скрепил свою клятву кровью. К тому же неизвестно, сколько лет прошло после его смерти и как быстро его проклятие подействовало бы на род. Скорее всего, рода Нао уже давно нет, а имя генерала Гуанга затерялось в истории. Ну а у остальных великих родов есть свои предки и свои духи, так что перерождение там тоже было под сомнением. Хань не знал, что делать, кроме как продолжать влачить своё никчемное и полное страданий существование. А для того чтобы жить, требовалось есть.

— Все это лишь временные трудности, — сквозь слёзы пробормотал Хань, переворачивая сгнившее бревно, выковыривая и с хрустом разгрызая особо огромную жирную личинку. — Временные.

Глава 10, в которой герой узнаёт изнанку мира, а затем решает вывернуть её наизнанку

Месяц! Целый месяц, дюжиной дней меньше, дюжиной больше, понадобился Ханю, теперь Фенгу, на осознание реальности. Он, как один из великих Императоров прошлого, любивший переодеваться в одежду простолюдина и гулять среди подданных, смог пожить среди обычных, ну разве что слегка более жалких и ничтожных, крестьян. Вот только в отличие от Императора, Фенг не владел крушащими Небеса техниками, не мог взмахом руки в заштопанном рукаве превратить в кровавую пасту банду разбойников, сделать в лесу обширную просеку или превратить в пыль дом продажного чиновника вместе с самим чиновником и шайкой головорезов, которых тот нанял для прикрытия своих делишек.

А ещё у Императора всегда оставалась возможность вернуться во дворец, а Фенг же... Весь месяц голода и тяжёлой работы от рассвета до самого заката он обдумывал варианты. И чем дальше, тем вариант дожидаться следующего перерождения ему более и более не нравился. Как бы это ему ни хотелось отрицать, но в итоге пришлось себе признаться, что там, в святилище, он спорол глупость. Как бы ни была сильна обида, сколько бы несчастий не принесла клятва отца, но не следовало отречься от рода Нао, особенно используя слова «и в следующих жизнях».

Мстительность и мелочность духов оказалась, конечно, смертельно неприятным сюрпризом, но, увы, иного ожидать и не стоило. Хранители семьи Нао являлись существами огромной мистической силы, у них хватало как духовных заслуг, так и излучающей давящую мощь ци. И кто-кто, а уж они-то могли устроить, чтобы несколько следующих перерождений Ханю не светило ничего хорошего. А ещё ему, как бы ни хотелось плевать при этом слове, повезло. Вспомнить прошлую жизнь после перерождения являлось огромной редкостью. Он подозревал, что тут тоже постарались духи-хранители, очевидно, чтобы преподать ему урок — ведь какой толк, если в этой жизни Хань будет страдать, но даже не поймёт, что может быть как-то по-другому? Ну а в следующих жизнях он всё забудет, даже если окажется в месте, где подобная деревня покажется процветающей и богатой столицей Империи.

Не одну бессонную ночь провёл Фенг на своей подстилке из рисовой соломы, уткнувшись в деревянный чурбак, служивший крестьянам подушкой, но никак не мог придумать способ выбраться из текущего положения. Выхода не было никакого. Ни уйти, ни сбежать, ни возвыситься — ведь вершиной мечтаний любого крестьянина являлся пост старосты, а у того хватало и своих детей. Ещё пользовались почётом и уважением горшечник и кузнец — но провести жизнь в кузнице или ковыряясь в мерзкой липкой глине в глазах Фенга ничем не отличалось от работы в поле, пусть кое-какую пользу умение ковать металл могло и принести.

Он сожалел. Сильно сожалел о своём поступке. Ему следовало остаться, сцепить зубы, выждать момент. Возможно, уйти из дому, перебраться в столицу — но не безымянным простолудином, а сыном великого генерала. Увы, говорил ему это холодный разум. От сердца же шло понимание, что жить в мире, где Мэй возлежит в объятиях этого ублюдка, он просто не мог. Сейчас же Мэй уже нет, или же теперь она глубокая старуха, ну а может, столь же молода и прекрасна даже после дюжин и сотен лет использования ци. Но теперь они оказались в разных мирах, и даже если Мэй Линь до сих пор жива, Фенг найдёт себе кого-то получше! В ту ночь Фенг вспомнил, где он очутился и какой уровень «получше» ему

тут доступен. Он закричал и забился в истерике, за что получил от проснувшихся родителей и братьев хороших тумаков, после которых ходил, скособочившись, целых три дня.

Казалось, что может быть хуже беспросветного положения забытого богами сироты в дальней нищей деревушке? Как оказалось, очень многое. После нескольких ночей рыданий и тихих истерик Хань понял, что именно причиняет ему наисильнейшую боль. Как оказалось, даже не потеря семьи, не измена Мэй и не худшая еда в его обеих жизнях. Нет, больше всего ранило...

«Таким, как я, тебе не стать никогда!»

Слова ублюдка оказались пророческими. Хань погиб и стал Фенгом, а Фенг... Фенг был обречён на всю жизнь, которая тут редко длилась более трёх-четырёх дюжин лет, своим примером олицетворяя его правоту. Делая так, чтобы самодовольная демонически-отвратительная физиономия учителя не просто изрыгала оскорбления, а констатировала истину, святую и непоколебимую, как указ Императора. Возможно, со временем Фенг смог бы смириться со своим положением. Но для Ханя это значило, что все страдания, все пытки, через которые он прошёл, теперь оказались зря. Что зло торжествует, а он... а он... а он сам — действительно какой-то там глупый головастик, икринка, лежащая в болотном иле. И что при каждом оскорблении и каждом унижении подонок говорил правду. Днём мысли отступали под грузом ежедневных работ, а вот когда Фенг отправлялся в кровать...

— Я стану таким, как ты! — вскочил он ночью с оглушительным героическим криком.

Увы, в семействе Широнга этого никто не оценил, и тогда Фенг снова получил тумаков. На этот раз его били все — братья, отец, мать, даже сестра Айминь, и та отпустила подзатыльник. Но теперь побои оказались какими-то странно слабыми, осторожными. Очевидно, что суеверные крестьяне опасались бить блаженного — ведь так можно подхватить его безумие.

Избитый, измученный трудом и недостатком сна Фенг лежал на соломе, свернувшись в клубок. Но на этот раз он не плакал, он тихо и безумно хихикал. Ведь в его гениальную голову пришла новая, изумительная мысль. И чем дольше он её рассматривал, тем более привлекательной она казалась.

— Я не стану таким, как ты, — шёпотом, чтобы никто не услышал, квохтал он от смеха, прикрывшись рисовой циновкой. — Я стану тобой! Я украду у тебя всё — техники, навыки, подвиги и умения! И ты... и ты... Ты сам подсказал мне путь!

Он снова закашлялся от сдавленного смеха, стараясь не разбудить спящих домашних. Ты хотел поединка разума, тупой самодовольный учитель? Вот только в своей гордыне и надменности ты сам не заметил, как подсказал мне выход! Да, одним из таких выходов являлась безымянная могила после недолгой мучительной беспросветной жизни. Но имелся ещё один путь — путь силы и могущества, когда ничтожному простолыдину не имел права указывать никто, кроме самого Сына Неба! И этот идиот, этот самодовольный карп, который вообразил себя драконом, не заметил, что не только научил Ханя, как повелевать ци, но ещё и, увлёкшись пытками, позволил увидеть тысячи свитков, среди которых могут скрываться любые, даже самые могучие техники! Более того, ум и талант Ханя в новой жизни соединились со старательностью Фенга и его привычкой к тяжёлой работе, а значит, от этого сочетания содрогнутся сами Небеса! Ну и даже если в тех свитках не окажется ничего полезного...

— У меня есть ци, — прошептал Фенг, — и этого достаточно!

Как оказалось, у него не было ци. Как бы ни заливался учитель, рассказывая, насколько ци пронзает всю Вселенную, как содержится в каждом живом существе и неживом предмете, но мрачная и вгоняющая в пучины отчаяния истина гласила, что одно дело говорить, а другое — действительно этой ци управлять. Фенг считал, что раз у него получалось раньше, в прошлой жизни, то получится и сейчас.

Большая ошибка. Он становился в стойки, использовал жесты концентрации, даже попытался встать на голову. Единственные чувства, которые он испытал — привычный голод, а также туманы от отца Широнга, которому сильно не понравилось, что Фенг занимается ерундой вместо работы.

К сожалению, он плохо помнил, каким образом впервые почувствовал ци тогда, в первый раз. В то время всё, что его занимало — собственные боль и страдания, голод, а также ненависть к злодею-учителю. Впрочем, в этой жизни ничего не изменилось — учителя он ненавидел ещё сильнее, а болью и страданиями в избытке обеспечивала крестьянская жизнь. Он знал, что нужные знания содержались в его голове, вызвать их, пережив всё заново, словно наяву, было даже не очень сложно. Для этого нужно всего лишь сосредоточиться на нужном моменте своей жизни и... циркулировать ци. От этого замкнутого круга хотелось кричать.

И крик являлся единственным, что Фенг помнил из процесса пробуждения. Крик и стойку дабу.

— Ненавижу! Ненавижу тебя, учи-и-и-итель! — орал Фенг.

Он стоял в стойке, полностью погрузившись в внутрь себя, собирая каждую крупицу внутренних сил. Для пущей верности он закрыл глаза и использовал один из жестов концентрации — словно медленно отталкивал от груди невидимый шар руками с оттопыренными вверх указательными пальцами.

— Эй, ребята, посмотрите! Дурачок снова орёт! — завопил кто-то из глупых крестьян.

— Ха-ха-ха! И стоит, будто сейчас наложит кучу! — вторил другой голос.

— Ничего вы не понимаете! Все генералы так делают! — присоединился кто-то третий.

Фенг вновь попытался не обращать внимания на этих идиотов. Он всегда специально выбирал самый укромный уголок, но стоило заняться тренировками, как на зрелище сбегалась вся деревня, словно у них не было никаких дел.

— Фенг, паршивец! — раздался грозный голос отца. — А ну бегом работать!

Фенг вздохнул и открыл глаза. Очередная тренировка окончилась неудачей. И он видел единственную причину. В триаде дух-тело-разум, необходимой для манипуляцией ци, чего-то не хватало. И если дух и разум оставались такими же могучими, как у Ханя в прошлой жизни, то хилое и измождённое тело достались от Фенга. И этой проблемой следовало немедленно заняться.

— Легко сказать, да нелегко сделать, — прокряхтел Хань-Фенг, согнувшийся в три погибели.

Мешок давил и пригибал к земле, капли пота срывались с лица, падали в пыль и впивались в сухую потрескавшуюся землю. Босые ноги, покрытые ссадинами и грязью, выглядели... слишком уж по-крестьянски, а значит, отвратительно.

— Эй, Фенг, чего ты не жалишь, как росомаха? — донесся насмешливый возглас.

— И не порхаешь, как свинья? — поддержал второй голос.

— Пусть лучше покажет свое жало! — присоединился кто-то третий.

Фенг продолжал тащить мешок, пытаясь не обращать внимания на насмешки. Если бы эти цитаты об искусстве боя и философии война услышал кто-то, у кого голова не набита свиным навозом, он бы, несомненно оценил бы их мудрость, принял бы как руководство к действию. Но, увы, первой их услышала не слишком умная старшая сестра и тут же разболтала, причем таким же тупицам как и она сама! Теперь над Фенгом потешалась и смеялась вся деревня. Его такое поведение ни капли не удивляло — чего ещё ждать от тех, кто всю жизнь ковырялся в земле, подобно свиньям? Глупо ожидать, что они поймут всё величие возвышенного вдохновения битвы!

— Великий воин Фенг, мы нашли тебе достойного противника!

И стоило только подумать о свиньях! Раздались хохот, визги детей и хрюканье огромной свиньи тетушки Жао. Хань-Фенг невольно вскинул голову. Ну конечно, это оказались Цу и Му, два неугомонных проказника, и сейчас они, словно герои из кристаллов, покоровившие могучего мистического зверя, бесстрашно восседали прямо на загривке свиньи. Та недовольно хрюкала и неслась на Фенга, словно огромный живой таран. «Свинина на ребрышках», — подумал Фенг, ощущая усилившееся урчание в животе. Но подстегиваемая гибкими прутьями свинья пронеслась мимо, задев его окороком, так что вместо вожделенного свиного мяса он наелся грязи.

— Ах вы бездельники! Ублюдки горного демона и навозной мухи! — донесся визгливый голос тетушки Жао. — Колючек вам под язык!

Влетело всем, включая самого Фенга, что было обиднее всего. Он поднял упавший мешок, вновь взвалил его на плечи и двинулся дальше. Теперь в пыль падали не только капли пота, но еще и слезы обиды. Хотелось жрать так, что живот скручивало от голода, от вони, грязи и пыли гудела голова, а вес мешка на спине гнул к земле все сильнее, этот неподъемный груз словно воплощал в себе всю тяжесть нынешнего положения Фенга.

А оно было совсем незавидным. Приемный ребенок в чужой семье, семилетний вечно голодный заморыщ, проживающий в самом нищем и жалком уголке Империи. В этой деревне мало кто ел досыта, а уж из простых крестьян, к которым и относилась принявшая его семья Широнга и Зэнзэн, точно никто не наедался. Все это дополнялось тяжелой работой, начинавшейся затемно и заканчивавшейся тоже в темноте, с ранней весны до поздней осени. Зимой делать было практически нечего, но эта легкая передышка ничего не давала, ведь ослабление тягот сопровождалось сильной экономией и так скудной еды — воспоминания Фенга говорили об этом с ужасающей отчётливостью.

Ежедневно приходилось прилагать огромное количество усилий — настолько скучных, изматывающих и однообразных, что даже тренировки учителя по сравнению с ними казались почти что приятным времяпровождением. Работать, чтобы хватило еды до следующей весны, посадок и урожая, чтобы не умереть, не заболеть и не протянуть ноги, чтобы посеять и собрать, выплатить налоги, которые, в отличие от всего остального, собирались исправно. Плохо поработал? Получи тумак! Возмутился тумакми и плохой едой? Поешь еще тумаков!

От такой несправедливости и безнадёги хотелось быть не хуже стаи волков. И даже будь Фенг героем, скажем, стремительным Бао Сяо, изменить такую ситуацию он бы не смог. Тут не было врага, которого можно сразить звёздным клинком, чудовищ, против которых сработали бы крушащие небеса техники — только беспросветная нищета и дремучая необразованность. И единственный выход, как в который раз убедился Фенг — выбираться отсюда, бежать прочь.

— Что разлежся? — раздался голос приемной матери Зэнзэн.

Осунувшаяся и морщинистая, преждевременно состарившаяся от постоянных родов, проходивших ежегодно, она обладала скверным сварливым характером. От такой жизни, с постоянной работой и отсутствием лекарств, половина братьев и сестер Фенга умерла — кто в младенчестве, а кто в детстве. И это еще считалось хорошим результатом, мол, семья Широнга — счастливики, столько рабочих рук!

— Тащи дрова, бездельник! — на спину Ханя-Фенга, лежащего на мешке, обрушилась палка.

Раздались хохот и очередные насмешки над «сыном генерала», но мать этого не оценила. Она вновь вскинула палку — на этот раз досталось всем, включая и Айминь. Та взвизгнула и тут же забегала вдвое быстрее. «Вот так вот, — злорадно подумал Фенг. — Нечего тут строить из себя! Подумаешь, получила взрослое имя!»

— Уот так уот! — хмыкнул он, вспомнив присказку ненавистного учителя.

— Эй, нечего тут строить из себя аристократа! — рывкнула мать, нанося новый болезненный удар. — Правду говорят, совсем дурачок стал!

Фенг подхватил охапку дров и потащил, пригибая голову. Возражать было бесполезно, этим можно добиться только новых ударов. Так несправедливо здесь относились не только к нему — грубость, побои, и боль являлись неотъемлемыми спутниками крестьянской жизни. Никто не собирался даже не помочь ему достичь будущего величия, но просто видеть хоть кем-то большим, чем обычным глупым необразованным крестьянином. Все считали, что надо вести себя, как мерзавец-учитель, оскорблять, заставлять трудиться на износ и бить. В сердце Ханя полыхала ненависть — но не к этим глупым ничтожествам, не знающим другой жизни. А к тому, кто стал причиной всех бед, и кто так самодовольно утверждал, что Ханю никогда не достичь вершин! Вот как вырастет, он покажет им всем!

— Иинг, а ты чего там чешешь между ног? — продолжала сварливо орать Зэнзэн. — А ну беги в поле, носи отцу и старшим братьям обед! Ишь, нахватались дурных привычек у нашего приبلудного благородия! Всё, что угодно, лишь бы не работать! И даже не думай приносить в подоле, прибью на месте!

— Пусть Фенг бежит! — огрызнулась Иинг.

Да, подумал Хань-Фенг, нужно бежать. Бежать куда угодно, подальше от этого жалкого существования, зовущегося крестьянской жизнью, от беспросветной и бессмысленной работы, от насмешек и побоев. Но сил нет даже на побег. Замкнутый круг отчаяния: если не трудиться от рассвета до заката — не будет еды, никто не собирался кормить нахлебника и дармоеда. Не будет еды — не будет сил для тренировок, а если трудиться — не будет времени на тренировки.

Воспоминания Фенга подсказывали, что жили в деревне недолго и мерли, словно мухи: летом от тяжелой работы, зимой — от голода и холода. И никого вокруг это не волновало, разве что членов семьи — из-за потери ещё одних рабочих рук, и сборщика податей — из-за снижения количества подушного налога. Когда-то в далёком прошлом генерал Гуанг Нао принёс ту злополучную клятву, поклялся духами предков. Но в этой жизни у семьи Широнга не имелось не то что семейного святилища, но и даже родового имени — ведь грязным крестьянам оно никак не положено. Да и куда смог сбежать бы он, семилетний сопляк, не получивший взрослого имени, слабый и изголодавшийся, неспособный выжить в одиночку ни в незнакомом городе, ни посреди дикой природы?

Мысли эти возникали у него в голове каждый день, снова и снова, лишая сил и подрывая дух. В эти моменты Фенг цеплялся за свою ненависть, как тонущий — за проплывающую мимо палку, а голодающий — за старую заплесневелую рисовую лепёшку.

— Тогда отец порадуетя, — не унималась Иинг, — что обед ему носит целый аристократ! Сын генерала и сам генерал!

Снова раздался смех, обидный до жжения в глазах. Его задевали не слова этих ничтожеств, недостойных даже убирать дерьмо собак в поместье Нао. Каждая такая реплика и насмешка вызывала у Ханя настоящий водопад горьких воспоминаний о былом, потерянном навсегда. Он даже попробовал побить парочку насмешников, но только оказался избит сам. И пусть до ударов учителя местным было далеко, но тут никто его не лечил, а значит, всё заживало очень долго и доставляло постоянную боль. Но переносить физические страдания оказалось гораздо легче, чем душевные, бешеное биение сердца и жжение в груди. Он ведь переродился, а значит, со дня его смерти прошло немало времени — Мэй давно умерла или как минимум стала старухой, а семью Нао настигли последствия его предсмертных проклятий.

— Неча тут! — прикрикнула Зэнзэн. — Услышит староста, как вы отца генералом называете, еще напишет в город, те пришлют стражей, которые запихнут копья в ваши дурные задницы! А ты, Фенг, хватай еду, неси отцу и братьям, да не вздумай съесть хоть кусочек, получишь у меня так, что сидеть не сможешь!

«Не нужна мне ваша гнусная еда», — мысленно огрызнулся Фенг, но рта открывать не стал. Что тут ни скажи — будут смеяться, обидно и долго, да ещё и дадут по спине палкой ни за что ни про что.

— Хоть какая-то польза от него будет, а то ни на что не способен! — фыркнула дура Иинг.

— Потеряет он еду! Одежду вон почти потерял! — подначила Айминь. — Или сам сожрёт!

— Потеряет — получит! Сожрёт — больше жрать никогда не захочет! — оборвала пустые разговоры мать. — Это не ваше дело! А ну, вертихвостки, работать!

Фенг подхватил корзину с едой и сделал вид, что торопится изо всех сил. За деревней он убавил скорость и зашагал спокойнее. Он решил сдержаться и промолчать. Не спорить и не огрызаться, не вступать в бесполезные разговоры. Игнорировать насмешки и оскорбления, не переставая искать способ вырваться из этого замкнутого круга беспросветной крестьянской жизни.

Бежать? Да, бежать! Но делать это не сломя голову, а обдуманно и подготовившись.

Возможно, случись всё по-другому, Хань бы смирился с участью, посланной духами и богами. Прожил бы свою недолгую крестьянскую жизнь, женился бы на какой-то не самой страшной крестьянке, завёл бы кучу детишек. И умер бы от болезни или тяжёлой работы в возрасте, который в былой жизни считался бы даже не средними летами, а молодостью. Но теперь... стоило только подумать о том, что придётся признать правоту учителя, принять все те обидные слова о мальчиках, головастиках и рыбёшках, как в теле закипал гнев. Сердце стучало, перед глазами темнело, а в животе почти что появлялось забытое ощущение яростной ци. Хань вспомнил собственные цитаты, он знал, что воин должен хранить совесть чистой, сердце горячим, а голову холодной, но просто мысль об этом негодяе, громко хохочущем возле его окровавленного распростёртого тела тогда, в прошлой жизни, приводила его в бешенство, сравнимое с одержимостью. И стоило решимости Ханя даже не

притихнуть, лишь умерить яростный напор, как в голове звучал ненавистный голос: «Я же говорил!», и всё вспыхивало по новой.

Озарение, такое яркое, словно сами Небеса сжалились над его судьбой, пронзило голову. Да, у Фенга нет времени на тренировки, ему некогда развивать ци, ведь приходится постоянно работать, работать и работать! Ну и что? Разве это повод, чтобы отступить? Разве хоть один из героев остановился бы перед таким препятствием? Если нет время на тренировки из-за работы, тогда работа и станет его тренировкой! Не ходить, а бегать, не сидеть, а тренировать ци, не лежать, а выуживать из памяти все те знания, которые из-за своего глупого самодовольства позволил узнать учитель! И будет он не просто по-дурацки бегать кругами, как заставлял его учитель, а развивать выносливость и силу, укреплять тело и дух, чтобы в итоге открыть дорогу к вершине! И никто не то что в этой деревне, но и в этой провинции не сможет его остановить! Тогда посмотрим, кто здесь икринка, и кому тут не стать как кто!

Сам по себе сложился план. Сложный, тяжёлый, со множеством препятствий и трудностей. Ему придётся много страдать и терпеть — но разве такие мелочи могут остановить настоящего героя?

Да, над ним будут потешаться и насмехаться, причём не так как сейчас, а в дюжину раз сильнее. Но разве имеет значение, что думают эти глупцы, важно ли мнение жалких необразованных крестьян?

Придётся хорошенько потрудиться и решить массу проблем. Главная из которых — еда, без которой невозможно сильное здоровое тело. И за ней надо хорошенько побегать, причём бегать далеко, ведь вблизи от деревни все давно подъядено — умельцев по розыску птичьих гнезд, гусениц, барсуков, белок и рыбы тут хватало. Всё, что двигалось и росло, собиралось, вылавливалось и пожиралось — жадно, быстро, иногда прямо в сыром виде.

Хань покосился на корзину с едой. Какая тяжёлая, наверняка в ней найдётся немало вкусного! Рука словно сама потянулась внутрь, чтобы развязать узлы на туго привязанной плетёной крышке. Если он твердо решил жрать всякую гадость, то чем еда из корзины была хуже? Наоборот, намного лучше, ее хотя бы кое-как приготовили! Пальцы уже почти проникли внутрь, когда Хань, наконец, одумался и взял себя в руки. Да, он может съесть обед отца и братьев, ну и что дальше? За ним и так числились серьёзные проступки — совсем недавно он потерял часть одежды, да еще в преддверии праздника. А теперь вот собирался съесть еду, приготовленную для работающих в поле.

Сможет ли он после такого заниматься тренировками? Сможет ли начать становиться сильнее и идти к своей цели? Или в него тумачами начнут вколачивать мысли о послушании и поведении, полагающемся головастику, живущему в этом болоте? А то и вообще изгонят из деревни! Пусть этот вариант полностью соответствует намерениям Фенга, но сейчас, когда он не готов, изгнание означает смертный приговор. Ну а ещё они могут решить, что Фенг свихнулся, ударившись о какой-то камень в той реке — тогда его тихо прирежут, чтобы не притащил с собой проклятия.

Но даже в самом мягком варианте он потерял бы больше, чем получил: один раз наестся плохой еды, с непривычки всё выbleвать, а затем минимум месяц отходить от побоев, или вообще получить увечья, забыв о тренировках на время, а то и навсегда. Чтобы выжить и вырваться отсюда, ему необходимо начать думать по-новому. Не так, как размышлял когда-то Хань, и не так, как думал Фенг, если, конечно, тот вообще о чём-то задумывался.

Следует признать, что застрял он здесь надолго — минимум до церемонии наречения, то есть на все пять лет. Да и то, получение взрослого имени не означало, что он сможет вот так с ходу взять и куда-то уйти. То есть формально он смог бы, как смог бы по идее уйти прямо сейчас, ведь никаких законов, требующих крестьянам оставаться на месте, в Империи не было. Наоборот, такое варварство, как рабство, с незапамятных времён преследовалось и каралось особо строго и жестоко. Но как существовали способы привязать человека к месту долгами и обетами, так и обстоятельства могли держать сильнее, чем когти мистического зверя.

«Меня ждёт неизвестность, а значит, я должен быть готов ко всему!» — размышлял Фенг, старательно переставляя ноги. Всё зависит от того, чего он достигнет к тому моменту. Впереди лежат чужие земли и незнакомые люди, среди которых не будет даже таких «родственников», как семья Широнга. Один посреди враждебного мира — это отличный сюжет для свитка или кристалла, вот только те герои обладали кое-чем, чего Фенгу лишь предстояло получить. А именно силой.

К тому же путешествия требовали денег, и очень немалых сумм. Раньше Хань никогда не испытывал данной проблемы, ведь отец был богат! Но теперь кто ему что даст? Семья Широнга, может, и поделилась бы парой потёртых цяней, но какой с этой мелочи толк? Стало быть, вот еще проблема: до ухода из деревни накопить достаточное количество. А на чем, если настоящие монеты тут видели очень редко, вместо этого обменивая вещи на еду и работу? Ограбить торговца, приезжающего изредка и меняющего товары на другие товары? Прирезать сборщика налогов, который везде ходит со стражей, и за смерть которого сравнивают с землей и казнят всю деревню?

Пусть Фенгу не нравились эти люди, пусть их способ жизни, даже прозябания, был ему противен, но и смерти они тоже не заслужили.

Податься в ученики к кузнецу или горшечнику? Научиться у кривого Яо плести корзины? Такие варианты, конечно, были лучше, чем горбиться на поле, но во-первых, Хань испытывал сильное отвращение к слову «ученик», а во-вторых, желанием кого-то обучать те тоже не особо горели, пусть в деревне и хватало людей, за возможность пристроить к ним своего отпрыска в подмастерье готовых убить.

«Убить!» — аж подпрыгнул Фенг. Убить ведь можно не только человека! В окрестных лесах хватало опасного зверья, которое время от времени задирало нерадивого крестьянина или лесоруба. Чем дальше в лес, тем больше еды, но тем больше и опасности. И если Фенг начнёт убивать опасных зверей, то его никто не наругает, наоборот, скажут спасибо! Каждый зверь — это не только ценный мех, но и много цзиней пусть не обязательно вкусного, но такого нужного и питательного мяса! И в этом случае у Фенга будет что предложить кузнецу, чтобы набиться ему в подмастерье, после чего выпросить, а то и самому сковать настоящее оружие!

А вот это уже походило на хорошую идею, пусть и, увы, тоже требующую ци. И вновь получался замкнутый круг — ци требовала выносливости, выносливость требовала еды, а чтобы найти эту еду и добыть, не погибнув самому, требовалось использовать зрение ци и усиливать тело. К счастью, выносливость Фенг мог улучшить и так, по крайней мере, он на это надеялся. А дальше дело за ци, которая, как утверждал подлый учитель, есть везде и во всём.

— Не слишком-то ты торопился, — ворчливо заметил отец, Широнг, расплетая крышку корзины.

Фенг едва удержался от резкого ответа. Он не просто «торопился», он бежал, сколько хватало сил, притащив этот дурацкий обед быстрее, чем смог бы кто-либо в деревне! И такова тут благодарность? Пусть Фенг принял решение не обращать внимания на обиды и насмешки, но претворить такое решение в жизнь оказалось очень трудно.

Отец запрокинул голову и начал жадно пить из кувшина кисловатое пойло из трав и чуть подбродивших ягод. Фенг внимательно посмотрел на него снизу вверх. Жиденьякая бороденка, землистого цвета лицо, морщины, пусть и не такие глубокие, как у «матери» Зэнзэн. Худощавые руки, умеющие отвешивать тяжелые подзатыльники, и желтоватые, местами черные зубы. Этот человек являлся живой иллюстрацией незавидного будущего, которое ожидало Фенга, если тот всё не изменит.

— Прощу прощения, уважаемый отец, — поклонился Хань, проявив уважение к главе семьи, как полагалось младшему сыну.

Несмотря на то, что ци он пока не владел, опыт, приобретённый в попытках избежать ударов учителя на издевательских «тренировках», никуда не делся. Фенг пригнулся чуть сильнее — и нацеленная в голову ладонь просвистела выше.

— Что это еще такое? — прозвучал сердитый возглас. — Ты что, и взаправду вообразил себя аристократом? Сыном генерала?

Два старших брата, Канг и Ганг, покатались со смеху, показывая на Фенга пальцами. Смех не мешал им запихивать в рот шарики риса, давиться, словно их могли отнять в любой момент.

— Нет, — ответил Фенг твердо.

Он действительно ничего не вообразил, а на самом деле являлся сыном величайшего из военачальников, правда, теперь никому ничего доказывать не собирался. Как выяснилось, отвлечься и утратить бдительность оказалось плохой идеей. Снова мелькнула рука отца, и Фенг покатился по земле, хватаясь руками за суховатую траву.

— Это тебе, чтобы не забывал о том, кто ты такой! Ты — крестьянин, вот и будь им! Попробуешь залезть выше и тебя обманут, окрутят, лишат всего, включая твое честное имя, и ты еще останешься должен! Чтобы я больше ничего подобного не видел и не слышал, ясно?

— Да, отец, — ответил Фенг, откатываясь чуть в сторону.

Он хотел пообещать отцу, что в следующий раз побежит быстрее, затем болтливые братья бы всё растрепали, а значит, все в деревне бы подумали, что Фенг носится бегом только из-за боязни тяжёлой руки Широнга. Но теперь завести об этом разговор было бы как-то не к месту. С другой стороны, потёр Фенг саднящий затылок, зачем какое-то обоснование? Занимается он своими делами — какое остальным до этого дело? Насмешки? Он стерпит! Злые ядовитые слова? Не обратит внимания!

Фенг знал, насколько тяжело, практически невозможно скрыть что-то в деревне, где все друг у друга на виду. А значит, решение превратить работу в тренировки оказалось не только хитромудрым, но и очень верным. Ведь если он начнёт тренироваться, как привык в прошлой жизни, его заставят прекратить, найдут новую работу, чтобы «некогда было заниматься ерундой и зря переводить еду». Так что пока он делает, что говорят, Фенга будут считать безобидным и полезным дурачком, а не опасным сумасшедшим, одержимым злыми духами и демонами.

— Побегу и дальше работать, как полагается крестьянину! — всё же крикнул он, удирая прочь.

— Ах ты паршивец! — донеслось в спину вместе с хохотом Канга и Ганга.

Именно то, что нужно! Фенг бежит, но не просто так, а по делу, не вызывая никаких подозрений. Но при этом повышает выносливость, делая новый шаг к пробуждению ци. Пусть он многое забыл, но многое оставалось в памяти, а уж стойки и упражнения, которыми его заставлял заниматься учитель, он вспомнит днём и ночью! Осталось открыть ци, повторить тренировки, приспособить их к тщедушному телу и развить его, а дальше только два пути — либо к величию, либо к гибели, ведь оставаться крестьянином он не собирался!

Нужны свитки, книги и кристаллы — не приключения и подвиги, а знания, техники и обучение! Наверняка за эти годы книги стали ещё более доступными, а кристаллы стали дешевле и позволить себе может не только аристократ или богатый торговец! И даже если нет, то в больших городах есть библиотеки, где можно изучить всё что нужно бесплатно!

Но и покупки и путешествия требуют денег, а значит, всё снова сводится к старосте, заезжему торговцу и сборщику податей. Из них никто не стал бы вести дела с мальцом, не имеющем даже взрослого имени, да и потом, обычный крестьянин тоже никому не интересен. Поэтому следовало повышать свой статус в деревенской иерархии, становиться значимой фигурой. И при этом, не останавливаясь, тренироваться каждый миг. Ведь пять лет, каким бы долгим сроком ни казались Фенгу, пролетят в один миг. И все эти годы будет вроде бы как случайно убивать животных, добывать еду и шкуры. Сами по себе появятся монетки, а там придёт и уважение.

Но это — дела отдалённого будущего, того, где он владеет ци и может за себя постоять.

Глава 11, в которой герой познаёт опасности природы и находит единомышленника

Направляясь к новому месту работы, Фенг мчался со всех ног, подпрыгивая во время бега. Как оказалось, его тренировки имели побочные эффекты — тело стало тратить больше сил, поэтому есть теперь хотелось намного сильнее. Ну и так как с заданиями он из-за своего проворства стал справляться очень скоро, родители тут же придумывали какое-нибудь новое, не менее тяжёлое занятие. Разумеется, имелись и хорошие стороны — Фенг стал быстрее и выносливей, он давно заметил, что те расстояния, после которых раньше валялся на земле мешком, теперь преодолевать — плёвое дело. Без нормального питания он не стал слишком уж сильнее, зато выносливость выросла многократно.

Неожиданной и очень приятной стороной стало то, что крестьяне напрочь забыли про досадный случай с дерьмом, да и о «сыне генерала» вспоминали всё реже и реже. Теперь он получил новую кличку «быстрый Фенг», иногда «дурачок Фенг» — но второе прозвище не только произносилось беззлобно, да ещё и толком не прижилось.

Поводов считать себя дурачком Фенг давал немало. По мере роста выносливости он снова и снова пытался собрать ци, делая это единственным известным ему способом — через оглушительный крик. Каждый раз он рисовал в голове демонический образ учителя и кричал ему, срывая горло, прямо в воображаемое лицо:

— Я стану тобо-о-о-ой!

Как бы он ни ненавидел учителя, как бы ни презирал и не желал иметь с ним ничего общего, но главной и самой важной целью, внутренним демоном Фенга, пожирающим изнутри, являлось опровержение его слов. Требовалось доказать не кому-нибудь, а самому себе, что учитель — глупец, неспособный оценить тот драгоценный камень, которым являлся Хань, и использующий настоящее сокровище, чтобы подпереть им дверь. Ну а потом, конечно, Фенг станет намного сильнее учителя, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, сразиться в эпическом сражении, о котором впоследствии не только создадут кристалл, но и начнут слагать легенды. И Мэй, если она до сих пор жива, будет это видеть, страдать и сожалеть о своей ошибке, причитать, что выбрала учителя, а не Ханя. Но будет уже поздно!

Фраза, которую Фенг придумал для концентрации своей ненависти, не только оказалась очень удачной, но и не вызвала у крестьян никаких подозрений — ведь в ней не было ничего ни про аристократов и генералов, ни про дворцы и учителей. Конечно, орущего такое без устали посчитают дурачком, но дурачком безобидным, а не каким-то сеятелем опасной смуты. Вообще-то фраза являлась только частью цитаты, новой мудрости, придуманной Ханем-Фенгом и достойной занесения в лучший свиток: «Я стану таким как ты, стану тобой. стану лучше тебя». Вот только для выкриков концентрации требовалось что-то короткое, что можно прокричать на единственном выдохе.

Выносливость постепенно росла, и Фенг стал выкраивать время, чтобы начать делать набег в лес, где с трудом, но научился добывать дополнительное пропитание — от личинок и червяков, до яиц из птичьих гнёзд. На что-то более серьёзное катастрофически не хватало времени, так что требовалось доказать свою полезность как добытчика, многократно превосходящую выгоду от ещё одних рабочих рук. Конечно, если бы об этом прознал сборщик податей, пришлось бы туго. Но одним из преимуществ маленькой деревни являлось

то, что, несмотря на внутренние дрязги и мелочные склоки, перед чужаками, которыми считались также и все чиновники, друг друга тут прикрывали крепко.

Так что он бегал и орал, распугивая птиц и мелких животных, до самой осени. А потом во время очередного яростного крика ощутил ту самую тёплую пульсацию, так напоминающую обмоченные штаны. Впрочем, штаны у него в тот момент оказались мокрыми и так — ведь он, стоя посреди реки, решал несколько важных задач одновременно. В стойке дабу тренировал равновесие на скользких мокрых камнях, с помощью самодельной остроги пытался ловить рыбу, а заодно и периодически оглашал округу яростным криком. Полные силы, гнева и отчаяния вопли, вопреки опасениям, рыбу пугали не особо, так что особой помехой ловле такие тренировки не становились.

На этот раз рыбу он ловил, ни от кого не скрываясь. Конечно, обычную работу никто не отменял, но стоило притащить с реки первую крупную рыбку, стоило Зэнзэн её испечь, а потроха добавить для наваристости в привычную пустую рисовую похлёбку, как родители тут же признали, что в занятиях дурачка Фенга всё же имеется хоть что-то полезное. Это значит, что с реки его гнать не нужно, а если и нужно — то не всегда. Фенг не стал разочаровывать и принес ещё несколько рыбин, пусть и заботился в первую очередь о пропитании собственного тела.

Даже не пробудив ци, Фенг обладал твёрдой рукой и верным глазом — чем в деревне не мог похвастаться никто другой. Очевидно, помимо несомненного врождённого таланта, давали о себе знать навыки из прошлой жизни: как прилежные занятия каллиграфией, так многочисленные сражения с негодяем-учителем, во время которых Хань учился не только уворачиваться от ударов, но и точно поражать юркую неуловимую цель. А теперь, когда он, наконец, ощутил свой первый слабый ручеек внутренней энергии...

Фенг отвёл в сторону острогу. Ею являлась вырубленная острым камнем раздвоенная и обожжённая для крепости длинная палка, на остриях которой Фенг сделал обратные засечки, чтобы рыба туша не соскальзывала назад в воду. Он погрузился внутрь себя, собирая почти неощутимые потоки ци в маленький шар. Поначалу он пытался их направить привычным образом — в нижний даньтянь, но внезапная мысль едва не заставила потерять концентрацию. Сила и выносливость, безусловно, важны, они необходимы для реализации главного плана. Но что сейчас нужно больше всего — это разум и память, которые позволят получить доступ к бесценным знаниям, сокрытым в голове!

Так что Фенг быстро, чтобы не дать сомнениям и колебаниям изменить решение, направил ци в голову. Энергия текла по меридианам неохотно, словно сопротивляясь, упрасывая его передумать, отпустить её, дать вернуться на привычное место. Но Фенг оставался непреклонным — от боли ему пришлось сжать зубы, но после бесконечности стараний и героических усилий он всё-таки справился. Преодолев сопротивление, словно пробивая невидимую стену, ци собралась в центре лба и наконец обустроилась, закружившись медленным вихрем.

— Вон там! — завопил кто-то из малышни, так падкой на любые зрелища, даже если это был просто деревенский дурачок, не говоря уж о таком захватывающем процессе, как рыбная ловля.

— Фенг, смотри, плывёт!

Фенг не стал отвлекаться, ведь сейчас его занимало самое важное в жизни дело. Он отделил от жиденького вихря в голове маленький тонкий поток энергии и направил его ко крепко зажмуренным глазам. Почувствовав привычную режущую и обжигающую боль,

распахнул веки.

Мир расцвёл, превратился в мириады красок и оттенков, где всё будто бы двигалось с привычной скоростью, но при этом одновременно очень медленно и плавно — так плавно, что ему удавалось рассмотреть даже взмахи крылышек летающей мошкеры. Сквозь толщу бурлящей воды он запросто заметил не только рыбину, на которую тыкали дети, но и вторую, чуть меньше первой.

— Ха! — выкрикнул он, ударяя дважды, после чего вскинул в воздух свою заостренную палку с бьющейся на ней парой серебристых рыбёшек.

Даже когда он разделявал острой щепой рыбу, Фенг не отпускал зрение ци. И не потому, что ему это было нужно, и даже не из-за всех этих глупых поучений о каких-то «взглядах цилиня» и прочей ерунде от учителя. Используя зрение ци, он, несмотря на резкую головную боль и резь в глазах, чувствовал себя снова сильным. Чувствовал, что стал ближе к цели, сделав хоть и небольшой, но очень весомый и важный шаг. А боль... Она служила превосходным напоминанием о значимости подобного свершения — ранами усталого воина, вернувшегося из битвы гордым победителем, или вечным спутником героя, которому подвластно всё на свете.

К сожалению, вскоре ощущение стихло, мир вернулся к привычному темпу и цветам. Смерч в голове затих и распался — но осталась память о моменте триумфа и гордости, а также чувство, что теперь он сможет всё повторить.

Разделка рыбы, при которой Фенг отрабатывал владение ножом (пусть в качестве этого ножа служила жалкая деревяшка), напоминала о походах в лес с негодяем-учителем. Но на этот раз воспоминания не причиняли боль, наоборот, приносили удовлетворение. Пусть и ненамного, но он стал ближе к цели. Почти что стал таким, как он, подлец, которого Фенг когда-нибудь обязательно превзойдёт!

— Вот так! — крикнул он. — Кто молодец? Я молодец!

— Настоящий рыбный генерал! — крикнул Сопливый Бокин.

Раздался хохот, громкие выкрики, но на этот раз восхищённые, а не оскорбительные. И теперь упоминание «генерала» не вызывало ни малейшей обиды.

— А вот явится настоящий лыбный генелал, — пролепетал мелкий Ксуо, — и утащит тебя взамен лыбы!

— А ну цыц, мелюзга! — Бокин отвесил ему подзатыльник. — Накличешь!

Все мгновенно затихли и зашептались. Кто-то даже сотворил знаки, отгоняющие злых духов, другие забормотали обращения к богам леса и духам реки. Фенг только нахмурился и под тревожное молчание снова полез в реку. Он еще раз ударил копьём, но промахнулся, так как его не оставляли тяжелые мысли о речном демоне. Существует ли он на самом деле, или это глупые предрассудки дремучих крестьян? Можно ли его использовать к своей пользе? Например, объявить на всю деревню, что он не боится хозяина реки, что нырнет прямо к нему в логово и победит. А пока вся округа смеётся над его глупостью и безрассудством, нырять, развивая тело и особенно умение задерживать дыхание. Возможно, даже попутно наловить на дне реки рыбы, но никому об этом не рассказывать, а съесть ее всю самому! И что делать, если хозяин реки действительно существует, да к тому же не прочь полакомиться семилетним ребёнком?

— И вообще! Никто тут никакой не генерал, мы просто ловим рыбу, — добавил Бокин рассудительно.

— Да! Точно! — закивали остальные, и Фенг тоже кивнул.

Последние остатки ци внутри шевельнулись и исчезли, одарив его напоследок неприятным ощущением слабости и опустошённости.

Но это уже не имело никакого значения. Фенг ощутил ци, а это означало, что он на верном пути!

Ци. Такая мягкая и тёплая, одновременно жёсткая и колючая. Дающая ощущение жизни, но одновременно причиняющая боль. Фенг оказался прав — вызвать её во второй раз оказалось гораздо легче, но слишком малое количество не позволяло свершить что-то героическое. Он мог сделать не больше, чем доступно обычному человеку, не идущему по его пути. Фенг запросто смог усилить зрение, но усиление тела давалось с большим трудом. Для подобных дел ци следовало сосредоточить в животе — и сделать это в будущем Фенг тоже намеревался. Но когда-нибудь потом, когда он станет достаточно сильным, чтобы позволить себе циркулировать ци сразу в двух точках даньтянь. Иногда он даже сожалел, что начал пробуждение с головы, ведь попытки вызвать старые воспоминания венчались успехом лишь ненадолго — перед глазами возникал очень яркий отчётливый образ, после чего просто-напросто заканчивалась ци и Фенг долго валялся на земле — обессиленный и опустошённый. И он бы даже махнул на эту затею рукой, признав циркуляцию в голове неудачной идеей, перевёл бы ци в нижний даньтянь, чтобы таким образом мгновенно стать самым сильным парнем в деревне. Вот только это стало бы хорошим решением лишь в ближней перспективе, а в дальней могло превратиться препятствие, сильно тормозящее выполнение главного плана. Поэтому днём он использовал ци на зрение, а ночью, перед самым сном, предавался воспоминаниям — изнурённое от недостатка ци тело засыпало мгновенно, игнорируя все неудобства типа колючей соломы и жёсткого чурбака под головой.

Очень быстро выяснилось, что истощение ци — пусть и крайне болезненное и неприятное состояние, но приносит заметную пользу. Тело, словно пытаясь компенсировать недостаток, создаёт с каждым разом на чуть-чуть, на самую капельку, но больше и больше ци. Которую можно использовать множеством способов! Например...

— Ой, у меня уже в ушах шумит!

— Как вы смешно все вверх ногами ходите!

— Не ходите, а стоите!

— Падай уже!

— Сам падай!

— Давай упадем и уроним Фенга!

— Ты что?!

Фенг внутренне вздохнул, не позволяя себе потерять концентрацию. Благодаря тому, что в жизни каждого крестьянина существовало золотое время — когда он как ребёнок ещё слишком мал, чтобы его заставляли тяжело работать, но уже достаточно велик, чтобы выбираться из дому, Фенга часто сопровождала совсем уж сопливая малышня. И что-то делать, но тихо и молча наблюдать они не умели. А уж упустить такое зрелище — когда деревенский дурачок стоит на голове — они точно не могли. Разумеется, можно объяснить, что это не просто какая-то придурь, а стойка тьян гуан, «небесный венец», предназначенная для развития восприятия, но этого делать Фенг и вовсе не собирался. Во-первых, это никак бы не помогло, его посчитали бы даже ещё более чокнутым, а во-вторых, знать о таких вещах деревенскому приёмышу точно неоткуда.

Крики, возгласы, шум и гам стали его постоянными спутниками. Дети постоянно и упорно следовали по пятам, наблюдали и обсуждали, залезали на все деревья и камни, падали, плакали и снова куда-то лезли. Поначалу Фенг злился, но потом внезапно понял, что выносить детей — тоже своеобразная тренировка. Ведь легко сохранять концентрацию, когда ты, как герой кристалла, медитируешь возле лесного водопада или сидишь на горной вершине. А попробуй это сделать, когда рядом галдят и дерутся несколько соплежувей!

Его руки крепче сжали древко копья. Остриё задрожало. Пусть он окреп, но выросли также количество и тяжесть упражнений, да и работы не становилось меньше. Взвалив на себя дополнительные нагрузки, Фенг каждый день безумно уставал. Но видимый и прекрасно ощутимый на практике результат помогал видеть перспективы, от которых просто кружилась голова и непроизвольно начинала выделяться слюна. Разумеется, слюна-то выделялась исключительно от единственного аспекта этих перспектив — возможности добыть еду, причём, наесться всегда до отвала, да не просто каких-то нехитрых крестьянских харчей, а мяса, рыбы и разных деликатесов. К тому же хорошая еда — необходимый компонент, чтобы стать сильнее физически. Ведь благодаря тому, что Фенг решил развивать верхний даньтянь, укрепление тела и усиление мышц с помощью ци стали выходить очень плохо, намного хуже, чем в прошлой жизни.

Нет, это тоже можно было сделать, но очень слабо и, признаться, разочаровывающе. Фенг не расстраивался — ведь на текущем этапе сверхчеловеческая сила у семилетнего сопляка вызвала бы множество вопросов, а восприятие и способность найти кого угодно и что угодно всегда можно было списать на удачу и талант. Но сила всё равно требовалась, а без соответствующего питания мышцы просто-напросто не росли, Фенг становился лишь более сухим и жилистым. Триада духа, разума и тела, то, о чём так любил говорить ненавистный учитель. Если с разумом у него не было никаких проблем, то тело сильно подкачало. И, делая его мощнее, Фенг усиливал свою ци, становясь таким образом ещё ближе к финальной цели. Ну а неприятности и лишения, насланные учителем и хранителями рода Нао, закалили его дух настолько, что чуть сильнее — и можно будет им рубить врагов безо всякой ци.

Пробуждение верхнего даньтяня мало помогало увеличить силу, но давало кое-что другое, намного более важное. Видеть все живое вокруг, а значит, добывать еду в ещё больших количествах, бить рыбу без промаха, собирать личинок и обнаруживать ягоды, возможно, даже звериные тайники с запасами на зиму и разорять, да мало ли что ещё может сделать обладающий ци-зрением очень голодный парень, способный видеть и чувствовать саму жизнь вокруг! Во время тренировок и монотонной работы Фенг много думал, стараясь тренировать и развивать разум, не только чтобы не отупеть среди крестьянского быта, но и извлечь из памяти важные и полезные для собственного развития сведения. Пусть и запоздало, но для него всё же дошло, как мерзавец-учитель ухитрился быть таким особенно мерзавцем. Да он просто видел и ощущал ци, все живое вокруг! В прошлой жизни, когда Фенг использовал нижний даньтянь, видел гораздо меньше, чем сейчас.

— Он нас слышит! — не унималась малышня.

— Видишь, как он тужится, словно в отхожем месте?!

— А вдруг его прорвет?

— Прямо на вас прорвет, — пообещал Фенг. — И заляпает с ног до головы!

«Или зальет слюной! От этих мыслей о еде как бы самому не захлебнуться», — подумал он. Тужился он, конечно, не просто так. Несмотря на неподходящий даньтянь, он пытался не

только укрепить при помощи ци тело, желательнее, уняв дрожь рук, голову, особенно вихрастую макушку, которая уже болела, но и обострить восприятие, усилив зрение, слух и обоняние, чтобы когда-нибудь достичь этого самого «взора цилиня». И вот в этой области успехи оказались громадными, сулившими просто огромные перспективы. Что до тела... Фенг уже успел неоднократно убедиться, что труднее всего сделать первый шаг.

Встать и начать тренироваться, не откладывая на следующий месяц. Впервые ощутить ци и удержать хотя бы пару секунд. Впервые усилить чувства. В первый раз раздавить в руке камень. В первый раз пробить телом дерево. В первый раз рассечь море и сокрушить гору. И впервые бросить вызов Небесам.

На последнее, конечно, требовалось много времени. Но как путь в тысячу ли начинается с первого шага, так и дорога к победе над мерзавцем-учителем — с непрерывных ежедневных тренировок. Каждая потраченная зря минута — подарок этому негодяю, ещё одно подтверждение его правоты.

— Может нам дать тумачков!

— Это мы ему дадим, когда накинемся все вместе!

— Ты чего, посмотри, каким он стал сильным! Прямо как мастер Йи!

— Да враки, таким как Йи ему не стать никогда!

Фенг понимал, что глупая малышня не имела в виду ничего такого, но эти такие знакомые слова вызвали сильную вспышку злости, сопровождающуюся новой волной решимости.

— Даже не думайте, — скрежетнул он зубами, — я ничего не забыл!

Малышня ничуть не испугалась. Наоборот, восприняла как ещё один повод для развлечения.

— Опять заговаривается.

— Видишь, он встал вверх ногами, и аристократ из пяток потек в голову.

— Из пяток? Разве не из задницы?

— Почему?

— Да отец всегда говорит, что аристократы те еще задницы!

Фенг не удивился, что дети всё поняли по-своему. Главное, что он всё помнил, что хранил в памяти и постоянно перебирал воспоминания обо всех обидах, о всех злых словах и делах. Еды не хватало, но он питался чистой ненавистью, она служила неисчерпаемым источником энергии, дающей силы встать и пробежать ещё сотню шагов, выжать из себя ещё каплю ци, сделать новый взмах копьём или нанести удар камнем. Он станет как учитель! Превратится в учителя, повторив его достижения, все до единого. А затем... Затем он станет гораздо лучше, сильнее и быстрее. Если раньше легенды слагали о Стремительном Клинке Бао Сяо, то теперь весь мир заговорит о... М-да, до получения взрослого имени следовало сс столь отдалёнными планами повременить. А пока что есть время, чтобы придумать себе что-то особо звучное и героическое. Ну и что, что именем нарекает жрец, исходя из каких-то своих непонятных жреческих соображений? Жрецы — тоже люди, а у Фенга есть пять лет, чтобы найти к своему правильный подход. Задобрить, умаслить, оказать важную услугу, чтобы потом справедливо рассчитывать на ответную.

Новая внезапная мысль, пришедшая в голову, заставила громко, не сдерживаясь, расхохотаться.

— Похоже, Фенг совсем чокнулся!

— Видать, в голову натекло много аристократа.

— Надо кинуть камень — всё вытечет!

— А потом Хмурый Широуг возьмёт палку, и у нас всё вытечет! Из задницы!

Фенга настолько захватила новая идея, что он не стал обращать внимания на откровенно угрожающую болтовню малышни, пусть по-хорошему им следовало дать тумаков, чтобы совсем уж не зарывались. Имя! Если он решил полностью стать как учитель, то на церемонии наречения возьмёт его взрослое имя! Этот поденок отнял у Ханя его жизнь, семью, будущее и Мэй. А значит, Хань, став Фенгом, тоже отнимет у учителя всё! Ведь если он станет совершать подвиги, то все в Империи, называя имя учителя, будут на самом деле говорить о Фенге! Да, поначалу его посчитают самозванцем, жалким и ничтожным подражателем, пытающимся погреться в лучах славы имперского грандмастера ци. Но по мере совершения новых подвигов все поймут, что настоящий герой — это именно он, а учитель уйдёт в бездну забвения даже раньше, чем Фенг прекратит его ничтожное существование!

Существовало только одно препятствие — имя учителя Фенг прослушал, да и потом не особо потрудился его узнать. Но у него есть ци — и этого достаточно! С помощью ци, сосредоточенной на этот раз в голове, Фенг сможет вернуть любой момент своей жизни! И не только прослушать снова все разговоры и прочитать все свитки, но и даже снова просмотреть любимые кристаллы!

— Значит, Фенга надо уронить в реку!

— Головой вниз, чтобы аристократ испугался и вылетел у него изо рта!

— Да ты что, тогда у нас в реке поселится еще и дурной аристократ! Зачем нам столько проблем?

— Может, его смоеет течением?

— Или он отравит нам всю воду!

— Наоборот! Отравит хозяина реки!

— Дурак, нельзя такое говорить! Хозяин услышит!

— Сам дурак! Хозяин слышит только у реки! И Фенг уже дважды нырял!

Фенг довольно улыбнулся. План, который он тогда придумал на ходу, между делом, уже давал обильные плоды. Глупые суеверные крестьяне постоянно толпились на берегу, ожидая, пока Фенга не сожрёт речной хранитель. А он тем временем плавал под водой, тренировал подводное дыхание, да ещё и ловил и засовывал в заранее притопленную самодельную корзину пойманных под водой рыб, раков, угрей и миног. Ну а ночью, когда все спали, оказалось совсем нетрудно прокрасться к берегу, вытащить корзину и устроить пир!

— Вон он как похвалялся, что никого не боится!

— Два раза не считается! Два раза и я нырял!

— Ты что, тоже аристократ?

— Дурак, я не перед кем не хвалился! А Фенг ещё раз нырнёт! Или не раз!

— И начнет угаскивать молоденьких девушек!

— Зачем?

— Не знаю, но отец говорит, что аристократы охочи до задниц молоденьких девушек.

— Ну да, ведь они такие мягкие, там, наверное, много мяса или жира.

— Эй! Ты что? — раздался звук подзатыльника и вскрик. — По-твоему, они едят их?

— А что, отец говорил...

В этот момент Фенг не выдержал и упал, едва сдерживаясь, чтобы не начать хохотать.

Разумеется, деревенские знали всё о размножении, с раннего детства они наблюдали за козами, курами и другими зверями, да и в домах тут никто не располагал сотней комнат, чтобы скрываться от членов семьи. Но все равно, из-за возраста дети как-то не соотносили одно с другим, ведь курица и петух — это что-то привычное, прямо здесь, а аристократы — где-то там далеко-далеко, где все ходят, как Фенг, на головах, хрюкают и пищат вместо разговоров, да и едят не палочками, а огромными черпаками прямо с двух рук и целых три раза в день! Эти глупые, но такие серьёзные рассуждения заставили потерять концентрацию. Но все же в последнее мгновение он ощутил что-то необычное, появилось чувство, словно его взгляд пронзает Небеса и Землю, замечая самую мельчайшую пылинку и любое крохотное биение жизни.

— Арга! — выкрикнул он, подпрыгивая и подхватывая бамбуковое копьё.

Оно с размаху воткнулось в мягкую землю, проникая в неё почти наполовину. Рукоять в руках Фенга задёргалась, и он налёг на неё всем телом, погружая ещё глубже.

— Чего стоите, дурачьё! — заорал он на детей. — Быстрее!

Дети кинулись вперёд, сгрудившись возле воткнутого копья. В мгновение ока они содрали дёрн и начали разгребать руками песчанистую землю. Через некоторое время копьё дёргаться перестало, но дети уже выкопали достаточно глубокую яму, открывая спину земляного барсука, который по глупости не проигнорировал громкие вопли и неосторожно подобрался слишком близко. И пусть зверь уже едва шевелился, малышня немедленно забыла про все споры. Каждый схватил кто палку, а кто увесистый камень и начал обрушивать на зверя град отчаянных ударов. Раненный барсук снова задёргался, словно набрался новых сил. Он метался, шипел и рычал, кидался, пытаясь укусить, но сбежать уже не смог — слишком крепко пришиливало его к земле копьё Фенга. Тому даже на минуту стало жалко зверя — не было никакой чести в победе толпы над уже поверженным противником. Но он прекрасно понимал, что стоило бы зверюге вырваться, тот мог бы здорово порвать всех детей, включая и самого Фенга. К тому же барсук оказался крупным, с пушистой полосатой шкурой, за которую у торговца можно выменять что-то полезное, упитанными к приближающейся зиме боками, жир с которых, собранный в горшки, надолго скрасит им стол и поможет выжить зимой, крепкими костями и острыми когтями, из которых можно сделать прекрасное оружие и инструменты, и большим количеством мяса. К тому же можно не заострять внимания на том, что заслуга в убийстве барсука принадлежит не только Фенгу.

— Если вы поможете мне дотащить его к маме, — уверенным, не допускающим пререканий тоном заявил он, — каждый из вас получит миску рисового супа с кусочком мяса!

И лишь оглушительный восторженный вой стал ему ответом.

— Вот так, получай, и еще! — Хань-Фенг увлеченно колот острой палкой в землю.

Несмотря на то, что ни побеги, ни плоды, ни крупный мясистый клубень жёлтой шерстянки никто, даже самый голодный крестьянин, не стал бы есть и под угрозой голодной смерти, это растение здесь всё же выращивали. Фенг не знал, куда идёт шерстянка — применяется ли в алхимии, используется как лекарство или же является ингредиентом какого-то изысканного блюда. Но это был один из немногих товаров, которые торговец не обменивал на другие вещи, а давал за него пусть и небольшие, но настоящие деньги. Монетки служили тут не только способом выплатить налоги, но ещё и украшением — ведь

если продеть через квадратные отверстия шнурок, можно их носить на шее, демонстрируя достаток и богатство.

Увы, шерстянка являлась не только очень прихотливым растением, но и привлекала насекомых, которые охотно пожирали как цветы, так и листья. И единственным способом с ними бороться — собирать тех, что выбирались наружу. Или...

— И ты тоже получай!

Иногда Фенг задавался вопросом, почему у мелкого и жёсткого жука-рогохода такие огромные и жирные личинки? И почему, если сам жук никуда не годится, но его легко поймать, то личинка, которых обычно можно добыть лишь во время вскапывания грядок весной при посадке семян, так хорошо умеет зарываться в землю? Разумеется, подобные раздумья не мешали ему ходить вдоль грядок, вскинув остро заточенную бамбуковую палку.

С каждым новым ударом палка втыкалась в рыхлую землю и непременно находила новую жертву. Насекомые гибли и тут же отправлялись для дальнейшего приготовления в его самостоятельно сплетенную корзинку. Ци помогала видеть гадов даже в толще земли, удары палкой оттачивали точность и сосредоточенность. И стоял Фенг в одной из стоек, выглядевшей в данном случае уместной и не вызывающей подозрений. Да и что может быть странного в том, что во время избавления от насекомых крестьянский мальчик раскорячился над грядками?

Родственники признавали его старания полезными, но всё равно не слишком нужными. И если бы не хоть какая видимая польза, он бы давно был наказан за подобную блажь.

— Сходи лучше рыбы налови, — проворчал Ганг, проходивший мимо с деревянной мотыгой на плече.

— Или дров наруби, — посоветовал Канг.

— Сами бы и нарубили, — огрызнулся Фенг. Несмотря на то, что рубка дров являлась хорошей тренировкой, делать это без железного топора ему никогда не нравилось. Лупить по острому камню деревянной колотушкой, чтобы, потратив целый день, получить жалкую горку не слишком толстых веток и сучьев — не то, что он бы назвал полезно проведенным временем.

— Э, а ну не спорь со старшими!

Фенг уклонился от подзатыльника, подпрыгнул, перекатился и дал деру. Старшие братья пробежали пару шагов и махнули рукой, ведь Фенг мчался легко, при этом подпрыгивал и ловко крутил в руках палку. Сразу заметив отсутствие криков преследования, он нахмурился. Обычно братья проявляли чуток больше настойчивости. Что-то было не так!

Он обернулся и поджал губы, увидав, что Канг и Ганг подобрали забытую корзинку с добычей и теперь манили его пальцем. Фенг развернулся и уныло побрел назад, не сомневаясь, что сейчас ему дадут тумаков за неуважение к старшим. Обычно он умудрялся не попадаться, ведь в присутствии отца братья всегда вели себя прилично, а избить его пытались только оставшись наедине. Поэтому Фенг использовал старших братьев и сестер для развития гибкости, оттачивания реакции и отработки приемов уклонения и бега. Быстрый бег оказывался полезен всегда: хоть в работе, хоть походах в лес и на реку, хоть в улепетывании от опасности или для погони за кем-нибудь слишком много о себе возомнившим.

— О могучие Канг и Ганг, — начал он кланяться еще издалека, — великие и главные столпы опоры нашей Дуоцзя!

Братья заметно расслабились и развесили уши. Они знали — наглеца сейчас всё равно

накажут, а пока что можно позволить ему приступить к унижительной мольбе.

— Канг, что напоминает собой свирепого тигра, и Ганг, чей взор пронзает Землю и Небеса, словно он — великий дракон!

Братья заулыбались и переглянулись. Необразованное дурачье никогда не читало книг и свитков и не видело кристаллов, так что к подобной грубой лести оказалось непривычно.

— Каждый ваш шаг обращает реки вспять! Дыхание испепеляет леса! А когда вы садитесь по-большому...

— ...с гор сходят камнепады? — попытался заполнить паузу довольный Ганг.

— ...небеса шлют гром? — высказал свои предположения Канг.

Фенг убедился, что они достаточно расслабились, а он сам находится в подходящей позиции для рывка вперед. Несмотря на то, что усиление тела работало плохо, оно всё же работало. Так что Фенг подал ци в ноги, сорвался с места и промчался, выхватывая корзинку.

— То всегда измазываетесь в собственном дерьме! — закончил Фенг и, не обращая внимания на возмущённые крики, умчался вдаль.

Умение быстро бегать в который раз пришло на помощь, а свист ветра в ушах заглушил обидные слова и угрозы. И пусть после принятия важных решений обидные обзывалки задевали Фенга всё слабее и слабее, слушать их не хотелось. Братья не обладали особым воображением, так что ругательства у них были скучными и всё время повторялись. А у него хватало и более важных дел. К примеру, на треть заполненная корзинка с жирными и очень питательными личинками.

— Я побежал! — орал Фенг. — Нарублю дров! Если только не засну после вкусного обеда!

— Мастер Йи, — обратился Фенг к деревенскому кузнецу. — Вам, наверное, тяжело самому тут справляться на кузнице? Похоже, навалило много работы?

— Привет, Фенг, — добродушно оскалился Йи, откладывая в сторону молот и вытирая пот. Несмотря на постоянное махание молотом, выглядел он не столько мускулистым, сколько жилистым. — Дай догадаюсь! Мне тут так трудно ковать все эти вещи, что я окажусь полным дураком, если не сделаю учеником тебя — такого быстрого, сильного и умелого. И стоит только взять тебя в кузню, как у меня всё тут же станет хорошо, из Подземного Мира придёт дюжина дюжин демонов с богатыми дарами, а с небес спустится феникс и наградит меня горой денег. Верно?

Фенг и не думал городить сказочки про демонов и фениксов, но слова Йи оказались настолько близкими к его заготовленной речи, что он даже растерялся.

— Но ведь сейчас поздняя осень... — сделал он новую попытку.

— И, конечно же, вся деревня займется починкой инструмента, а те, у кого есть что-то железное, придут ко мне. Меня завалят горой заказов выше, чем вершина Кривого Холма, поэтому если я тебя не возьму, то зачахну от такого количества работы.

Фенг разинул рот. Он и не мог подумать, что в Дуоцзя есть скрытый эксперт, такой могучий, что смог запросто скрыть ци и прикинуться обычным кузнецом! Может, Йи следует какому-нибудь дао кузни, тренируясь и усиливая ци во время махания молотом? А то, что в итоге его работы появляются не мечи из Звёздной Стали или там Кровавого Железа, а скверные и плохо сделанные ножи, топоры и серпы — это всё специально, для скрытности.

Культивирует ци он явно в сердечном даньтяне, что позволяет не только дурачить всем

головы, но и читать мысли других людей, вот прямо как сделал мгновение назад. Ну а может он — беглый демонический мастер, использующий нечестивые техники. В этом случае Йи выбрал правильную деревню — тут от крестьян идёт постоянный сильный поток боли и страданий, сопровождающих их привычную жизнь, а значит, наполненный тёмной холодной инь.

— Эй, не удивляйся и закрой рот, а то залетит дюжина бродячих демонов! — расхохотался кузнец.

Вот! Ещё одно подтверждение, что он прекрасно знаком с Нижними Царствами! Надо как-то побыстрее заканчивать разговор и бежать, бежать без оглядки куда подальше, чтобы сохранить незатронутыми ци и душу!

Кузнец явно заметил его желание дать дёру, поэтому расхохотался ещё сильнее.

— Не удивляйся. Как думаешь, сколько раз ко мне приходили разные сопляки, желающие не только стать сильными, — Йи согнул руку, демонстрируя не слишком впечатляющий бицепс, — но и научиться кузнечному делу? Чтобы не горбатиться на полях, не возиться со скотиной, а просто стоять и махать молотком в кузне, получая кучу денег, почёт и уважение от всей деревни?

— Наверное... много? — предположил Фенг.

То ли Йи оказался слишком уж скрытым экспертом, подготовившим непробиваемую историю для прикрытия своих тёмных дел, то ли являлся простым деревенским кузнецом, уставшим от толпы детворы, пытающейся набиться ему в подручные.

— Очень много! Твои братья тоже были. Даже одна из сестёр постоянно здесь отиралась. Приходили и сами, и с родителями, иногда заявлялись одни лишь родители с просьбами и дарами — чтобы я взял к себе их таких сильных и здоровых детишек, каждый из которых в прошлой жизни был самым Гонгом Бунтао или по меньшей мере императорским кузнецом. И все постоянно просят, и просят, и просят, сулят подарки, обещают работать задаром и даже платить, лишь бы я их к себе взял.

— А вы что?

— А зачем это мне? Иногда, конечно,годились бы дополнительные руки, но я отлично справляюсь и сам. Дуоцзя — маленькая деревня, двум кузнецам делать здесь нечего. Я молод и силён, могу работать очень долго. Для чего создавать соперников самому себе?

Фенг хотел сказать, что уж он-то соперником не будет, так как уйдёт из деревни, но сдержался. Знать о его планах не полагалось никому.

— А если этот кто-то просто захочет научиться ковать железо, но кузнецом становиться не будет? — спросил он. — И не будет забирать у вас заказчиков?

— «Заказчиков» — ишь, какие мудрёные слова ты знаешь, видать, правду говорят по поводу «аристократа». Нет, не выйдет. Тебе вот голову морочить не буду, а сразу скажу: «Нет».

— Но почему? Почему «нет»?

— Ну сам посуди, какая мне от этого выгода? Я и так не особо люблю трепаться с людьми, мне лучше живётся одному. И возиться с шестилетним сопляком — уж точно не моя мечта.

— Мне уже семь! — возмутился Фенг. — И со мной возиться не надо! Я и сам всё могу!

— Да-да, слышал-слышал. Можешь поймать речного духа, обогнать ветер, и, ха-ха-ха, хорошенько постирать одежду!

Фенг надулся от обиды. Он-то считал, что эпизод с бельём давно остался в прошлом.

— Да не обижайся, бывает! А вот речной хозяин — тут ты, парень, прекращай. Сгинешь ведь ни за что ни про что. Дух реки — он не добрый и не злой, но очень не любит, когда его беспокоят назойливые людишки.

Фенг внутренне улыбнулся — с каждым днём, с каждым походом на реку и с каждым нырком на глубину он убеждался, что никакого духа не существует, а есть лишь суеверные крестьянские рассказы. Сейчас, когда сильно похолодало, к тренировке дыхания добавилась тренировка устойчивости к холоду. Возможно, пройдёт немного времени, как он откроет второй дантянь и сможет ловить рыбу даже зимой!

— Если я отступлюсь, — возразил он, — то вся деревня будет считать меня пустозвоном! Хотя если вдруг у меня появится более важное дело...

— ...Например, работа в кузне? Хорошая попытка, да не вышло. Не думай, что я так сильно за тебя переживаю. Ты мне никто, и дела мне до тебя нет. Да и станешь ты совсем не первым из тех, кто утонул, слёг от недугов живота либо же сгинул в лесу. Ну и что касается пустозвонства... Вся деревня тебя считает таким и так. Глупое хвастовство, конечно, но хоть какое развлечение. Особенно, если ты всё же найдёшь свою ожидаемую кончину.

«Для такого нелюдимого затворника, каким хочешь казаться, ты слишком любишь поболтать!» — подумал Фенг.

— Я могу вам помогать! И я всё равно продолжу нырять, скоро сгину, а значит, терпеть меня долго не придётся! — сказал он вслух.

— Да знаю я, знаю, что соперником мне ты не станешь... — засмеялся кузнец.

Фенг аж задохнулся от обиды и приступа ненависти. Эти слова настолько напоминали любимую присказку негодяя-учителя, что желание работать в кузне тут же пропало.

— ...потому что сразу видно, что эта деревня слишком тебе мала. Если выживешь, если твоя дурная башка не приведёт к гибели, не останешься ты в деревне, а захочешь большего. Ты, говорят, городской? Наверное, захочешь вернуться в город!

— То есть вы меня не хотите брать, потому что я уйду? — с облегчением спросил Фенг. — Но я могу пообещать...

— Нет-нет, то, что ты уйдёшь, меня бы полностью устроило. Но подумай сам, для чего мне рядом семилетний сопляк? Да ещё такой, от которого никакой пользы?

Фенг внутренне ликовал. Дело оказалось лишь в малом возрасте, а это штука быстро проходящая. Нужно придумать, как задобрить кузнеца, как доказать свою полезность, втереться в доверие, а потом уж и стать подручным! С родителями проблем не будет — они и сами рады запихнуть кого-то из своих отпрысков на престижное и богатое место, таким образом не только получая почёт и достаток, но и потом, когда сын вырастет, обретая возможность заказывать ценные металлические вещи бесплатно, лишь за стоимость угля и железа.

— Я вырасту и докажу, что достоин стать кузнецом! — заявил он, вскинув в воздух кулак. — И покажу, что очень полезен! А вы пообещайте мне, то тогда обязательно возьмёте!

— Ну-ну, — хмыкнул Йи. — Ладно. Не знаю, что ты хочешь сделать, но если я увижу, что ты достоин, тогда обещаю подумать!

— «Если ты достоин, то ты достоин, и этого достаточно», — сказал Фенг, вспомнив один из своих словесных шедевров.

— Отлично сказано! — одобрительно кивнул кузнец.

— Тогда до скорого! — выкрикнул Фенг и побежал назад.

Его ждали работа, тренировки, и очень светлое будущее. Непонятно, с чего он вообще посчитал кузнеца такой нелюдимо́й злоко́й? Йи оказался не просто отличным парнем, но ещё и тонким ценителем, способным отдать должное мудрой цитате!

Глава 12, в которой герой узнаёт, что один иногда лучше двух, и преодолевает козни врагов

Испокон веков одной из главных проблем крестьянского быта являлась еда. Вечное неустанное сражение в её выращивании, сборе и поедании, где с одной стороны поля битвы стояли тяжёлый крестьянский труд и обильный пот, а с другой — голод, неурожай и сборщик налогов.

Место, в котором располагалась Дуоцзя, было словно создано нерешительными богами, которые никак не могли определиться, какую же местность обустроить в этом забытом уголке Империи. С одной стороны тут имелись поросшие деревьями горы, которые переходили в большие крутые холмы и сопки. С гор стекало несколько бурных стремительных речушек, которые у подножья сливались в одну большую, столь же быструю реку. Далее располагались густые леса, где река, замедляя свой бег, разливалась и образовывала огромные болота.

И даже тут не всё было бы так плохо — бесчисленные поколения крестьян своим упорным трудом создали на холмах каскады террас, на которых они возделывали рис. Поросшие травой склоны вполне подходили для выпаса неприхотливых коз, дающих шерсть и молоко. Имелось также немного плодородной земли, где выращивали сою, травы и овощи. В лесу хватало орехов, грибов и ягод, а в горах, поговаривали, даже когда-то находили железо и медь — но давно и так мало, что не было смысла обустраивать шахту. Ещё тут порой встречались чёрные блестящие куски «горячего камня», который крестьяне частенько называли «дерьмом феникса» за то, что тот горел очень долго и жарко, в отличие от болотного торфа, древесного угля или привычных дров.

Вот только благословенным краем это место всё равно не являлось. Тут не имелось абсолютно ничего такого, чего нельзя было найти в других местах, более близких к крупным городам и оживлённым торговым путям. Ничего достаточно важного и в тех количествах, что могли бы привлечь шахтёров, торговцев или мастеров. Болота, горы и дикое зверьё здесь собирали регулярную дань, унося жизни не только неосторожных детей, но даже опытных дровосеков и углежогов.

Но главной проблемой всё равно являлась еда. Если поздним летом и осенью её всегда хватало и крестьяне изо всех сил старались наесться впрок, то зимой и весной приходилось обходиться лишь пустым рисом, горсткой сои и теми немногими орехами и сушёными овощами, которые удавалось заготовить на зиму.

Также крестьяне добывали рыбу, причём во время сбора урожая риса даже появлялись кое-какие излишки. Вот только сохранить их не получалось — соль здесь считалась драгоценностью, и её никогда не появлялось достаточно много, чтобы позволить себе тратить на засолку. Больших рыбин старались засушить — просто на солнце, а то и окуривая дымом от тлеющих веток и бамбуковой щепы, чтобы отогнать насекомых а заодно и подкоптить. И всё равно рыба постоянно портилась, гнила или в ней заводились личинки мух. Мелкую же рыбёшку в такое время просто употребляли в еду, заранее зная, что оставшаяся всё равно пропадёт. То же самое касалось и зверя, если, конечно, кому-то удавалось добыть его на охоте, оставшись при этом в живых. Жир собирали в горшки, остальное коптили, сушили или набивали, пока было чем, свои животы.

Поэтому каким бы ловким и умелым ни был Фенг, приближающаяся зима собиралась

свести все старания насмарку.

К этому моменту Фенг готовился долго — целый день, с самого утра до позднего вечера. Ему требовалась ци, так много, сколько он сможет получить. Поэтому Фенг перестал использовать зрение ци, что далось ему даже с некоторым трудом, так он привык к постоянному жжению в глазах и тянущему чувству в глубинах черепа. Мир тут же изменился, став каким-то блёклым и размытым, словно на глаза Фенга наклеили по куску промасленной рисовой бумаги. Несмотря на сильное облегчение из-за отсутствия боли и рези, Фенг испытал нестерпимое желание вернуть всё назад, которое, впрочем, удалось быстро подавить. Видать, учитель не врал, вернее, врал не во всё. Фенг действительно свыкся с новым способом восприятия, его «взор цилиня» даже начал находить различия между самыми привычными, видимыми обычным взглядом цветами и потоками природной ци, свечением жизни, блуждающими искорками духов леса, гор или реки.

Ещё Фенг перестал бегать, начал передвигаться обычным темпом. Это требовалось, чтобы к вечеру собрать всю нерастрченную за день энергию и использовать её на реализацию задумки. И результат вышел совершенно неожиданным. Деревенские не только не вздохнули с облегчением, увидев, что дурачок Фенг взялся за ум, перестал выпендриваться и начал вести себя как нормальный обитатель этого глухого местечка, а, наоборот, сильно заволновались. К нему подходили по очереди то родители, то соседи, то окрестная малышня. Корзинщик Яо, гончар Кун, тётка Жао и даже староста Ван интересовались, не заболел ли он и хорошо ли себя чувствует. Разумеется, никому не было дела до его здоровья, из расспросов Фенг понял, что им важно знать, не передается ли эта болезнь другим и не стоит ли выгнать Фенга куда-то в лес, пока тот никого не заразил.

Узнав, что Фенг просто решил сегодня отдохнуть, а завтра собирается начать всё по новой, те лишь кивали и расходились, причём, как ему показалось, с долей разочарования — ведь известие о страшной, желательно смертельной и мучительной, болячке одного из деревенских жителей могло как минимум разбавить монотонность крестьянских будней, в отличие от простого желания местного дурачка перестать дурачиться, да ещё и ненадолго, всего на денёк.

К удивлению Фенга, вместо того чтобы порадоваться желанию «быть таким как все», родители и братья тоже остались недовольны. Слишком уж они привыкли к тому, что Фенг всё делает быстро, что мчится от дома до полей, речки или леса со скоростью ветра. Но, к счастью, это недовольство осталось только на словах, Фенга даже не побили, ну, кроме привычных ежедневных подзатыльников.

Целый день он старался вобрать как можно больше окружающей ци. Вообще-то он делал нечто подобное постоянно, чтобы уверенно и безостановочно растить свою внутреннюю силу, как делают это все мастера, медитируя в горах или пещерах. Но сегодня он вбирал в себя ци через «не могу», пытаясь запихнуть как можно больше, чувствуя, что лишь одна лишняя капелька — и его голова треснет, разлетится на дюжину дюжин кусков, забрызгав всё вокруг.

Укладываясь спать на своей жёсткой колючей соломе, он понимал, что заснуть не получится, и вовсе не от острой, выжигающей череп головной боли. Его переполняла не только энергия, но и сильное возбуждение, жадное нетерпеливое предвкушение. Сегодня он собирался использовать каждую капельку ци, каждую крупицу силы, чтобы нырнуть в глубины памяти и раскрыть все запрятанные там секреты. Сегодня он узнает имя учителя, а

значит, и своё будущее имя! Имя, которому предстоит прославиться тысячей свершений, о котором узнает вся Империя и которое после просмотра кристаллов будут повторять дети, мечтая вырасти и стать такими же, как этот великий герой!

А ещё Фенг пролистает все свитки и книги, которые когда-либо держал в руках, выберет и изучит всё полезное, всё, что может пригодиться тут, в крестьянской жизни, а также поможет наилучшим способом спланировать собственное развитие. Ну и, конечно же, если хватит ци, Фенг воздаст должное любимым кристаллам. И это не потому, что ему так хочется развлечься, вовсе нет! Просматривая кристаллы, Фенг сможет подсмотреть техники Бао Сяо, не только его, но и других героев и злодеев, чтобы потом их воссоздать, воспроизвести и стать ближе к настоящему могуществу! В конце концов, отец когда-то говорил, что негодяй-учитель сильнее героев кристаллов, так что Фенгу нужен подходящий ориентир, видимая цель, которую надо превзойти. Ну а то, что любимая присказка учителя являлась искажёнными словами злодея из «Стремительного клинка», послужит ещё и дополнительным толчком к мотивации! Идея оказалась столь хороша и сулила столько сплошных выгод, что Фенг даже удивился, как она не пришла в голову гораздо раньше?

Фенг зажмурился и сосредоточился. Первым делом он решил взяться за самое важное — своё будущее великое имя. Какое бы отвращение к учителю он ни испытывал, сколь бы болезненными ни были воспоминания, но он вызвал в памяти ту сцену в малой дворцовой приёмной и направил в голову ци.

К счастью, восстановление этой сцены в памяти не принесло ожидаемой душевной боли. К сожалению, этого не случилось только потому, что воспоминания так и не появились. Фенг повторил попытку несколько раз, пока не убедился в полной бесполезности своих действий. Он нахмурился. Очевидно, что мерзкий учитель всё предусмотрел, он применил особо подлую и коварную технику, чтобы помешать узнать своё имя!

На всякий случай он попробовал вызвать в памяти свиток с лесными травами — и тот тут же возник перед внутренним взором так ясно, словно Фенг держал его в руках.

Он тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок. Блокировка воспоминаний оказалась тяжёлым ударом, но пусть учитель ни на что не надеется, его бывший ученик Хань придумает себе новое имя и прославит его в веках!

Из-за вспышки эмоций контроль ослаб, ци забурлила, пытаясь вырваться и затопить всё вокруг, так что требовалось направить её на что-то не только полезное, но и требующее больших затрат энергии. И что могло подойти лучше, чем длительный просмотр любимой серии кристаллов? Фенг вызвал в памяти первый выпуск «Стремительного клинка Бао Сяо», направил ци и... Снова ничего не произошло!

Неужели учитель оказался подлее и коварнее, чем мог представить Фенг в своих даже самых мрачных ожиданиях? Неужели решил лишить Ханя последней радости... то есть самого полезного и важного материала для обретения могущества? Фенг попробовал удачи с другими кристаллами — все самые глубокие опасения подтвердились: на месте кристаллов о Джубе и Чжане Чуане тоже зияла пустота.

От ужаса и волнения Фенг почти что потерял контроль, поэтому, чтобы не оказаться сожжённым собственной ци и не подарить деревенским прекрасную тему для пересудов, он попытался вспомнить ещё хоть что-то. А что может быть более длинным, монотонным и успокаивающим, чем бесконечный процесс переписывания свитков, о содержимом которых он так и не получил ни малейшего представления?

К радости Фенга, воспоминания послушно материализовались перед глазами: он увидел

собственные руки, которые экономными и очень быстрыми движениями кисти переносили текст из одного свитка в другой. Причём текст свитка он сумел совершенно свободно прочитать, да ещё и не один раз!

Может, это не учитель? Может, виноваты во всём духи предков, мстительные старые чурбаны, не простившие Ханю самоволия? Хань попробовал припомнить вкус любимых блюд, чтобы пережить эти моменты ещё разок. Но, увы, снова ничего не получилось. Теория о духах нашла подтверждение, пусть козни учителя списывать со счетов тоже было рановато. Получается, теперь Фенгу ни за что не ощутить вкус ни семислойного сливового пирога, ни жареных свиных рёбрышек в кисло-сладком соусе, ни всего хрустящего великолепия фуцзяньской бул...

Стоило подумать о булке, ощутить желание её съесть, как ци забурлила и материализовала в памяти мгновения последнего в жизни Ханя пира, где он держал в руке булку и как раз делал первый укус. И как оказалось, вкусом, запахом, ощущением драконьего огня и пламени феникса эта воображаемая булка ничем не отличалась от настоящей!

Фенг нахмурился. Что-то не сходилось. Ни учитель и ни духи ни за что не стали бы утруждаться блокировкой памяти, оставив при этом кое-что настолько важное! Он принялся листать воспоминания самых разных эпизодов своей жизни и очень быстро вывел закономерность.

Доступными для воспроизведения оказались лишь те периоды, в которых Хань уже пробудил и циркулировал ци. Причем то же касалось и новой жизни — самым первым эпизодом в Дуоцзя, который удалось ярко вспомнить, оказалась относительно недавняя рыбалка. Поняв, что это не козни семейных хранителей и учителя, а какой-то фундаментальный закон природы, где пробуждённая ци берёт на себя дополнительные задачи и служит хранилищем памяти, Фенг испытал лёгкое разочарование. Ведь чего стоит преодоление подлых козней врага, если сам враг даже не в курсе, что кому-то их строил?

Он вздохнул и окончательно успокоился. Ци тоже уняла своё бурление и закружилась спокойным вихрем. Как жаль, что после появления учителя он не посмотрел ни единого кристалла, да и питался лишь рисом, овощами и куриной грудкой! Но самое главное, а именно большая библиотека разнообразных свитков, у него всё равно осталась. И это означало, что какие-либо препятствия к осуществлению плана Фенга просто-напросто отсутствуют. Фенг сосредоточил ци и нырнул обратно в воспоминания. У него имелись свитки, которые следовало прочитать!

— Раз и два, раз и два, отвалилась голова, — напевал Фенг, работая серпом.

Серп являлся очень дорогим и ценным предметом, так что приходилось проявлять осторожность — если утопить его где-то в грязи, то ничего взамен больше найти не удастся. Ну, кроме живительных тумачков от родни, которые, бессознательно следуя учению о триединстве духа, тела и разума, этот самый разум здорово прочищали, попутно закаляя дух. Фенг достаточно долго прожил в этом мире, чтобы понять ценности крестьян, но всё равно иногда его поражало: как нечто настолько жалкое, убогое и скверно сделанное может иметь столь большую значимость?

Пока ноги месили грязь, руки работали сами по себе. Он оттягивал стебли риса, срезал серпом, собирал и подвязывал в снопы, которые закидывал на спину. После спуска воды земля на чеках так и норвила засосать, но Фенг воспринимал это как тренировку: не потерять концентрацию, работать над точностью реза и силой ног, которые выходят из

земли с громким чавканьем, и циркулировать ци. Потом следовала пробежка, во время которой он укладывал снопы аккуратными горками, а затем наступало время работы с ещё одним орудием, которое запросто могло стать и оружием — большим тяжёлым цепом. Оружием, которым он научился пользоваться сам — безо всякой посторонней помощи!

Также на боку Фенга висела ещё одна корзина. После слива воды не вся рыба, которая заводилась в чеках, имела возможность уплыть обратно в реку. Найти её было трудно, почти что невозможно, так что маленькие рыбные тушки портились и разлагались, служа удобрением на следующий год. Но благодаря зрению ци, которое Фенгу уже получалось удерживать круглые сутки, он видел биение жизни, а значит, мог устроить настоящую рыболовлю. Увы, вся более-менее крупная рыба, которую не переловили остальные крестьяне, уплыла, так что на долю Фенга осталась совсем уж мелочёвка. Но её было достаточно для того, чтобы не только наесться сегодня, но и высушить на солнце, создав запас на зиму для всей семьи!

— Тут подрежем, тут подвяжем и голодными не ляжем, — продолжал напевать он.

Жизнь вокруг все еще оставалась тяжелой, грязной и отвратительной, но все же он кое-что да и сумел. Причём сделал сам, без посторонней помощи, полагаясь лишь на свои смекалку, настойчивость и упорство. Выжил и выстоял, начал путь вперёд и вверх. Не ленился, не сбавлял темпа, не давал себе поблажек ни единого дня и даже часа. Ведь стоило только чуть-чуть замедлиться, лишь решить, что можно отдохнуть и немножко расслабиться, погрязнув в крестьянской рутине, стоило потерять концентрацию на цели, как в памяти тут же всплывал образ учителя, иногда в обнимку с Мэй. Учитель ничего не говорил, он просто смотрел с довольной улыбкой и кивал, всем своим видом как бы показывая: «Ну я же говорил!» Изнутри вспыхивало маленькое яркое солнце, исчезали любые вялость и апатия, приливали энергия и возобновлялось желание двигаться вперёд. Отомстить, доказать, опровергнуть всё, что этот подонок когда-либо говорил о Хане! Руки сами начинали двигаться быстрее, ци яростно бурлила, а ненависть пылала, словно дыхание огненного бога. И продолжала пылать до сих пор, ничуть не утихнув за прошедшее время.

Да и если бы прошла сотня лет, даже тысяча, разве мог Хань такое забыть? Забыть те слова из когда-то любимого кристалла, извращённые, испохабленные мерзким негодяем?

— Мне бы сливовый пирог, я б и не такое смог!

— Вот смотрите, дармоеды, берите пример с Фенга! — сказала Зэнзэн, ткнув в него пальцем.

Фенг поморщился. Раз его поставили в пример перед братьями и старшими сёстрами, значит, те обязательно захотят отомстить, хорошенько отлупив, чтобы не зазнавался.

— Подумаешь, притащил каких-то травок! — фыркнула Айминь, за что тут же получила затрещину.

— Не «каких-то», а нужных! — сказала мать. — Которые помогут тебе не подохнуть зимой!

Несмотря на то, что это сулило болезненные последствия, Фенг выпятил грудь и гордо задрал голову. Его побьют и так, и эдак, тогда почему бы не насладиться моментом торжества?

— А откуда он вообще знает, какие из них нужны? — не унималась сестра

Гордая улыбка Фенга превратилась в кислую гримасу. Происхождение знаний, иметь которые такому сопляку не полагалось, являлось большой проблемой. Если «сына генерала»

все списывали на то, что Фенг — дурачок, то с рецептом смеси подобное не получится. Пусть маме слов: «Я знаю, как можно хранить еду!» и хватило, но у остальных могут возникнуть неприятные и несвоевременные вопросы.

— У нас в городе все это знают! — ляпнул Фенг, приготовившись к дальнейшей перепалке. Ведь не мог же хоть кто-то серьёзно решить, что...

— Слышала? В городе все знают! — сказала Зэнзэн. — И вместо того чтобы крутить задницей перед всей деревней, придумала бы тоже что-то полезное!

— Но это же какая-то отвратительная мерзость! — фыркнул Канг, сунув палец в горшок, обмакнув в содержимое и засунув в рот. Мать схватила большую бамбуковую ложку и треснула его по голове.

— А ну не трогай руками, сопляк! Вот наступит зима, посмотрим, что тогда скажешь!

— Эй, я уже не сопляк! Я взрослый, — обиделся Канг, и Фенг засмеялся.

Канг действительно уже был почти взрослым, осталось только найти подходящую жену, ведь пока что желающих выйти за сына небогатого даже по местным меркам Широнга находилось совсем немного.

— Но это действительно гадость! — поддержала брата Иинг. — Я такое есть не буду!

— Ой, посмотрите-ка на неё! — едко сказала Зэнзан, уперев руки в бока. — Извините, ваше городское аристократейшество, что блюда к вашему столу подаём без нужных церемоний! Фенг! Это ты во всём виноват, заразил Иинг своим аристократством! Теперь эта вертихвостка небось решила, что она дочка городского судьи или тоже какого-нибудь генерала.

Взгляд Иинг, направленный на Фенга, не сулил ничего хорошего. Побои теперь дополнятся царапинами от ногтей — мстительная дура Иинг об этом позаботится. А раз драки не избежать, тогда Фенг примет это её хорошую тренировку — направлять, уж как получится, ци на укрепление тела, уворачиваться от ударов и самому бить в ответ!

— Ну а по мне — жрать хоть дерьмо лесных духов, лишь бы не сдохнуть с голоду! — внезапно вступился за Фенга Ганг. — Ты точно уверен, что оно не испортится? Потому что если мы потратили два дня на бесполезную ерунду, я откручу тебе голову!

Разумеется, Фенг был ни в чём ни капли не уверен. Да, в прошлой жизни он заучивал этот свиток наизусть, к тому же недавно использовал ци, освежил в памяти содержимое. Но иллюстрации лесных растений, выполненные в двух цветах тушью и кистью, сильно отличались от настоящих живых оригиналов, так что возможность ошибки не только сохранялась, но и оставалась довольно высокой.

Но он всё равно собирал требуемых трав, наломал мясистых черешков подходящих листьев, разыскал и выкопал несколько нужных корней, размолот это всё камнями в бурозелёную мерзко выглядящую кашу и перемешал с пеплом от сгоревших стволов бамбука. В свитке было сказано, что таким образом можно хранить еду даже без соли — и действительно, горшок с варёной рыбиной простоял на солнце целую неделю, после чего содержимое оказалось хоть мерзким на вкус, но вполне съедобным.

А когда пришла пора сбора урожая риса, собранную рыбу отварили в одолженном у старосты медном котле, перетолкли со сделанной тем же Фенгом смесью, наполняя варевом большие глиняные горшки, в которых перед этим запасали воду. В конце концов, за водой всегда можно сбежать к реке, которая из-за быстрого течения не замерзает даже в самые сильные морозы, а где зимой найдешь что-то пожрать?

Фенг понимал, что подобная инициатива сулила серьёзные последствия при любом

исходе. Если всё получится, тогда у семьи появится не только запас еды на зиму, но и источник дохода — ведь варево можно менять на другие продукты и даже продавать за настоящие деньги! Ну а если из-за Фенга все зазря потратили кучу времени и сил — он получит хороших тумачков и выслушает кучу ругательств. Но раз тумачки — это тоже хорошая тренировка...

— Всё сработает! — с уверенностью, которую вовсе не ощущал, ответил Фенг. — У нас в городе так делают постоянно! Честное генеральское!

После открытия второго даньтяня он наконец в полной мере понял, о чем говорил учитель. Действительно, использование сразу двух точек имело очень много недостатков, и Фенг прекрасно понимал всех остальных мастеров, которые забрасывали эту затею и сосредотачивались на чём-то одном. Стоило лишь направить энергию в область паха, закрутить спиралью во втором даньтяне, стоило вытерпеть мучения и преодолеть дикое сопротивление ци, желающей вернуться к привычному течению, как он вновь почувствовал себя слабым, беспомощным и жалким. Неудивительно, ведь количество внутренней энергии, доступной для использования, ощутимо, просто катастрофически упало. Фенг после этого попробовал как укрепление, так и усиление тела — их хватило лишь ненадолго, на считанные мгновения, после чего он обессиленно повалился на землю, хватая ртом холодный осенний воздух.

Недостатки использования двух даньтяней чем дальше, тем становились всё очевидней. Ци, которую вырабатывало тело Фенга, а также та, что он получал от окружающей природы, текла теперь в два места, разделяясь поровну. При этом ограничение нижнего даньтяня ограничивало и верхний, не позволяя вобрать и восстановить привычное количество ци. Попытки перенаправить ци из одного центра в другой тоже оказались безуспешными — попадая в даньтянь, внутренняя энергия обретала определённые свойства, которые мешали ей правильно взаимодействовать с другими центрами. Ци из нижнего даньтяня, пущенная в голову, вызвала там лишь боль и кровавые круги перед глазами, хотя, возможно, отчасти было виновато и то, что Хань тут же побежал и врезался в дерево, словно пытаясь выбить «неправильную» ци из головы. Ци из верхнего даньтяня, пущенная в тело, вызвала обострение всех чувств, и даже грубость крестьянского тела не спасла. В тот момент Хань подпрыгнул, заорал и потом еще долго чесался, словно хотел стряхнуть с себя ощущение миллионов невидимых лапок.

Он потратил немало времени, постигая границы и возможности того, что в итоге получилось. И поначалу ему захотелось просто развеять даньтянь в голове, чтобы сосредоточиться на развитии нижнего, который он считал для сражения с учителем всё-таки более важным. Остановило только одно — каким-то внутренним чувством он внезапно и отчётливо понял, что это действие необратимо. И что если он захочет когда-либо повторить, то придётся начинать с самого начала.

Теперь, когда он пробудил и овладел ци, стало понятно поведение героев во многих кристаллах. Раньше он удивлялся, почему герой, которого убили враги и он вернулся назад во времени в своё детское тело, чтобы отомстить, так долго растёт в силе? Ведь у него есть не только знания о попирающих Небеса техниках, но и опыт предыдущей культивации! То же самое касалось героев, которым враги уничтожили даньтянь, но им улыбнулась удача встретить скрытого эксперта или наткнуться на свиток с тайной техникой, что позволило начать заново. Делать что-то по проторенному пути всегда легче, но им почему-то заново

приходилось проходить весь этот путь, шаг за шагом повышая свою ци, вместо того чтобы помедитировать недельку-другую и вернуться прямым к своему старому уровню могущества.

Как убедился Фенг на опыте двух жизней, предыдущий опыт культивации ци почти не помогал. Теперь он бы сравнил культивацию не с умением каллиграфии или навыком рисования картин, а с кропотливым выкладыванием зернышко за зёрнышком пригоршни риса на доске го. Смахнув этот рис на пол, запросто его не вернёшь, придётся заново собирать и снова выкладывать, не менее кропотливо, чем раньше.

Проделанной работы было очень жалко, к тому же Фенгу очень нравился тот уровень восприятия, что давал дантянь в голове. Не настолько нравился, понятное дело, чтобы забросить путь силы и остаться на стезе учёного — ведь помимо умения мыслить, требовалась способность к действию, без этого подлого учителя было не убить.

Не вышло и с развитием только одного дантяня, чтобы использовать второй слабый только кратковременно, лишь по необходимости. Ци, которую получало и вырабатывало тело Фенга стремилась идти в каждый из дантяней поровну. Усилив воли можно было изменить её ток, но до определённого предела, дальше сопротивление возрастало многократно, да и возникающая при этом боль заставляла терять сознание, в чём он пару раз убедился.

Он долго решал и колебался, ходил потерянным цыплёнком и даже несколько раз врезался в дверной косяк, отчего хижина ходила ходуном, а с крыши сыпалась рисовая солома. Родители посчитали, что он заболел, проявив при этом непривычное сочувствие — после положенных подзатыльников Фенгу разрешили работать не слишком тяжело, даже бегать вполшага.

Как выяснилось позже, колебания оказались спасительными. Фенг уже почти принял решение развеять дантянь в голове, пожертвовав что затраченным временем, что обрётённым восприятием мира, как неожиданно выяснилась интересная особенность обладания двумя дантянями.

Ци из нижнего обрела повышенную чувствительность, её стало возможно направлять намного точнее и производить гораздо более тонкие манипуляции. Ну а ци из верхнего неожиданно получила дополнительную силу, благодаря чему, приложив толику стараний, стало возможно проникать взором вглубь земли или даже камня. Эти изменения оказались настолько мягкими и коварно незаметными, что, будь Фенг немного решительней, то он просто не успел бы их почувствовать.

К сожалению, проблема развития силы всё так же оставалась. Ци текла поровну в два дантяня, каждый из которых становился сильнее в два раза медленней. Но и тут у Фенга нашлось решение. Та попытка узнать имя учителя показала, что боль, через которую он прошёл, вбирая ци до предела, оказалась вовсе не напрасной. Да, весь следующий день оказался очень тяжёлым, его выворачивало и шатало, но через несколько дней он ощутил, что количество ци ощутимо возросло! Так что теперь, если он сможет закачивать ци в два дантяня до упора, если будет терпеть невыносимую боль, если не убьёт или не покалечит себя в процессе, то сможет справиться с развитием обоих дантяней не только почти с той же скоростью, что и раньше, но даже немного быстрее!

Он понял, что третий, сердечный дантянь, следует открыть как можно раньше. Ведь третий дантянь — в полезности которого теперь Фенг ни капли не сомневался — добавит какое-то новое невероятное свойство первым двоим. И чем раньше это сделаешь, тем

меньше ущерба себе нанесёшь, и сделаешь тем меньше придётся навёрстывать былую силу!

Если бы Фенга кто-то спросил, чем он занимается, у него бы не нашлось ответа. И даже не потому, что он этого и сам не знал, и вовсе не из-за того, что у него хватало слов — за эти месяцы он много раз спорил с братьями, сёстрами и деревенской детворой, чтобы отточить искусство сражения на языках. Нет, конечно же, никаких «поединков разума» — эти слова будили плохие воспоминания. Но давным-давно он решил воспринимать словесные перепалки тоже как тренировки. Ведь что может быть ближе к упражнениям разума, чем удачно подобранное слово, произнесённое не когда-то потом, может даже в спину уже забывшего о тебе оппонента, а вовремя, в самый нужный момент?

Просто сказать: «Я пробую камни на вкус»? Тогда это бы прозвучало совершенно подурному, в стиле деревенского дурачка. «Делаю это с помощью ци»? Местные не имели понятия, что такое ци. «Выбираю подходящий камень»? Это было бы чистой правдой — но скучной и оскоплённой, не передающей и тысячной доли всей полноты картины.

Фенг действительно пробовал камни на вкус. Он не кусал их, не лизал, не глотал и не грыз. Он сидел на каменной отмели посреди реки, на куче округлых обточенных водой камней, выбирал каждый из них, окутывал своей ци и постигал его внутреннюю суть. И кто знает, почему попытка прощупать камень ци из ладони вызывала именно вкусовые ощущения?

— Эй, Фенг! Чем ты там занимаешься? — раздалось с берега. — Выбираешь, ха-ха оружие против водного духа?

Он закатил глаза. Ну вот, стоило пойти на реку, как тут же начала собираться вездесущая детвора. Он-то думал, что на этот раз никто не придёт — зрелище ныряющего Фенга всем давно приелось, утратило новизну, так что на созерцание его смерти в пасти речного хозяина народу являлось всё меньше и меньше.

— Иди в задницу! — находчиво ответил Фенг.

— Ну и сиди там, дурак! — обиделся Бокин и действительно пошёл прочь.

Фенг ухмыльнулся. Поединок разумов, говорите? Нужно выбирать подходящее оружие!

Один из камней, который он ухватил ладонью, показался отличающимся от других. Фенг закрыл глаза и сосредоточился на нём ещё сильнее. Камень имел очень плотную структуру и словно состоял из множества волнистых, перемешанных между собой слоёв, он вызывал ощущение прочности и надёжности. Фенгу и раньше попадались подобные камни, только либо гораздо меньше, чем ему надо, либо неподходящей формы.

Ухмылка Фенга стала ещё шире, превратившись в довольную улыбку. Похоже, это то, что надо! Он оглянулся — скорее по привычке, а не из необходимости, ведь зрение и ощущение ци показывало всё живое вокруг. Никого рядом не было — Бокин удалился достаточно далеко, а у остальных сидящий на груди холодных камней деревенский дурачок интереса не вызывал.

Поэтому он потянулся к ци и выпустил её сквозь пальцы.

— У меня есть ци. И этого действительно достаточно.

До сих пор он не мог привыкнуть к тому, как легко и податливо подчиняется собственная ци, какой сильной и одновременно гибкой она стала. Из зажатого в руке камня посыпалась струйка песка, причём, чем дальше, тем быстрее и быстрее. Прошло лишь несколько мгновений, как в центре очень тяжёлого и невероятно твёрдого камня возникло круглое идеальное отверстие с блестящими гладкими стенками. Фенг поднял заранее

заготовленную палку и сунул в отверстие. Палка оказалась слишком тонкой и зашла в отверстие слишком глубоко. Можно было, конечно, поискать более толстую палку. Или запихнуть вовнутрь бамбуковых щепок, чтобы расклинить палку и крепко закрепить внутри камня. Ну а можно — просто примотать верёвкой. Фенг выбрал четвёртый вариант.

Камень, в который он направил ци, словно подёрнулся волной и немного сжался, плотно охватывая палку и намертво зажимая её внутри. Фенг посмотрел на получившийся инструмент и довольно улыбнулся. Тот походил даже не на молот, а на тяжёлое кайло, как на иллюстрации в одном из прочитанных свитков.

Фенг взмахнул им и изо всех человеческих, без использования ци, сил, ударил по скальному выступу. Брызнула каменная крошка, больно ударя по голым ногам, а в том месте, куда пришёлся удар, образовалась заметная выемка. Фенг внимательно осмотрел кайло и удовлетворённо отметил, что выбранный с помощью ци камень оказался очень прочным и подходящим для создания самых крепких инструментов.

— Мастер Йи, вы только подождите, скоро у вас появится новый подмастерье!

Ведь как гласила мудрость, изречённая когда-то великим мыслителем Ханем Нао: «Кисть может разить сильнее, чем Звёздная Сталь». А ещё сильнее может разить хорошая тяжёлая каменная кирка!

Глава 13, в которой герой познаёт силу слов, недостатки славы и пользу грибов

Если делать что-то странное один раз, тогда на зрелище сбежится вся деревня. Если пять — зеваки обязательно найдутся, но их окажется значительно меньше. Десять — даже самым нетерпеливым станет скучно, они найдут себе занятие повеселее, чем отрывать задницу от работы, игры, от ещё чего-нибудь нужного или интересного.

Со своими ежедневными ныряниями Фенг давно перестал быть достопримечательностью, а превратился в нечто обыденное, типа заката и восхода солнца. Дождь льёт, Йи куёт, солнце светит, Фенг бегаёт и ныряет, холодный горный ветер дует, а старик Яо плетёт свои корзины — всё привычно и размеренно, как заведено богами с незапамятных времён.

Фенг старался не разочаровывать, предоставив деревенским себя в качестве образца обыденности и постоянства. Поэтому, как только сошёл лёд, он направился на реку, чтобы наловить свежей рыбы, ну а заодно проверить новый гарпун, наконечник которого он сделал из того же камня, что и кайло.

Минувшая зима, несмотря на выворачивающую челюсть скуку, прошла очень плодотворно. Фенг наконец-то открыл третий дантьянь, а потом самоотверженно трудился, чтобы вернуться к былому уровню силы. Как оказалось, затея с опустошением всей ци и с новым сбором её до упора, до кровавых пятен из глаз, оказалась плодотворной выше всяких ожиданий, пусть он сам себе стал напоминать Мо Вэя по прозвищу «Чёрный обрыв» — злодея из кристаллов, который использовал метод культивации ци, требующий регулярного причинения себе боли. Только, в отличие от Мо Вэя, болью Фенг ни капли не наслаждался!

Зато теперь Фенг получил возможность поочерёдно тренировать каждый из дантьяней, до упора утрамбовывая ци в два из них, пока третий отдыхает и восстанавливается. Фенг не знал, то ли он привыкает, то ли сходит с ума, то ли открыл какой-то особый секрет тренировок, но со временем боль притупилась и практически ушла, превратившись в почти приятное тянущее ощущение хорошо сделанной работы.

Хань Нао в достаточной мере пересмотрел кристаллов и перечитал свитков, чтобы знать, что существует двенадцать уровней культивации, имеющих три степени мастерства, низкую, среднюю и высокую. И что для перехода с уровень на уровень требуется не только преодолеть бутылочное горлышко, но и пережить Небесное Воздаяние — поток смертельных молний, которые Небеса слали тому, кто решался сделать им вызов.

Но сколько Фенг ни старался, он не только не мог ощутить это самое горлышко, ему не только не пришлось пробивать невидимый барьер, так и гром с молниями он видел только во время грозы. И это значило только одно — требовалось многократно увеличить усилия. Ведь, по словам отца, учитель был сильнее Бао Сяо, а ведь тот достиг предпоследней стадии Трансформации Души. Это значило, что учитель находится, как и положено грандмастеру, на стадии Вознесения, пока сам Фенг силится одолеть стадию Конденсации Ци, а та всё никак не конденсируется!

— Эй, Фенг! Ты долго там будешь стоять? Холодно! — прокричал знакомый голос.

Фенг поморщился. Совсем без зрителей обойтись не получится. Му и Цу достаточно подросли, чтобы их выпустили на речку, а значит, зрелище ныряния в воду им ещё не приелось.

Что же, смысла ждать не было. Задумка Фенга в полной мере удалась, вареная рыба за зиму не испортилась, так что в семье Широнга никто не только не умер, но и даже толком не заболел. Но всё равно хотелось чего-то свежего и менее противного на вкус. Конечно же, он много раз выбирался в лес, разорял гнёзда и звериные запасы, не брезгуя и живностью — мышами, птицами и личинками, но пока он не разовьёт ци достаточно, чтобы не проваливаться под снег, ни о каком регулярном лесном пропитании не может быть и речи!

Фенг неторопливо снял с себя одежду, оставшись в исподней повязке. Сделав несколько глубоких вдохов, он подхватил копьё и нырнул на глубину. Холодная вода обожгла сильнее огня, но теперь холод не страшил — ведь он наконец получил возможность снова укреплять своё тело! Сердечный даньтянь, несмотря на то, что никак не участвовал ни в укреплении тела, ни в улучшении ци-зрения, помогал намного лучше чувствовать своё состояние, устранить, если надо, любую рану, хворь или просто застарелые последствия болезней и недоедания. Благодаря ему Фенг обрёл ещё один аспект чувствительности — инстинктивное понимание состояния здоровья человека или зверя. Он прекрасно видел, что у его новой родни с этим всё не очень хорошо, и он даже собирался им помочь — не из благодарности, хотя к этим людям он испытывал некоторую долю приязни, а в качестве тренировки.

Фенг плыл под водой, зорко высматривая рыбу. Холодная вода обрела странную кристальную прозрачность — то ли из-за зимнего времени, то ли из-за его новых улучшившихся возможностей. Он охотился за рыбой, но и сам плавал как рыба, даже лучше!

Он не нуждался в каком-то большом улове — никому, даже семье, не следовало знать, что Фенг не просто плавает под водой в безуспешном поиске несуществующего демона, а занимается рыбной ловлей. И хотя теперь под водой он мог находиться очень долго, причём средний даньтянь улучшил результаты многократно, Фенг всё равно на всякий случай выныривал почаще, чтобы зрители не подумали, что он уже утонул.

Как оказалось, новое копьё не принесло ничего, кроме разочарования. Ленивую и медлительную после зимы рыбу оно разило ничуть не лучше привычной бамбуковой палки, но из-за тяжёлого каменного наконечника баланс сместился, поэтому первые пару раз Фенг промахнулся. Из-за этого и плавать с ним оказалось неудобно, или, скорее, непривычно. Фенг решил воспринять это как тренировку, но важный урок вынес: для каждой битвы нужно своё оружие, а для каждого дела — свой инструмент. Это изречение вполне тянуло на мудрость, достойную отдельного свитка, вот только в Дуоцзя не было ни свитков, ни образованных людей, способных её оценить.

Благодаря зрению и восприятию ци, долго рыбалка не продлилась. Фенг быстро насобирал на дне присосавшихся к камням миног, которые пусть и по истечению зимы лишились запасов жира, но всё равно оставались очень вкусными. Затем он одну за другой обнаружил двух крупных рыб, поразил их копьём и засунул в свой самодельный садок к пойманым миногам и нескольким некрупным ракам.

Дело было сделано, еды он запас не только на сегодня, но и на следующий день. Следовало выбираться наружу, отвлечь чем-то Му и Цу, заставив их убраться с реки, а потом тайно вернуться за уловом. Фенг не уставал поражаться, насколько легко и быстро стало получаться добывать себе пропитание. Причем есть не только сытно, но и, используя сушёные лесные травы в качестве приправ, достаточно вкусно. И насколько же это отличалось от тех унылых времён до возвращения воспоминаний из прошлой жизни!

Если бы его цель состояла в обильном и сытном питании, он мог бы и дальше жить тут, в Дуоцзя, кое-как подняться в иерархии, набившись в подмастерья к Йи и став кузнецом,

оставить мучительные тренировки и прожить долго и беззаботно до самой старости. Вот только тогда он бы навсегда остался даже не рыбёшкой в пруду, а головастиком в болоте. Пусть крупным, сильным, даже самым могучим, но всё равно головастиком, живущим в болотной тине! Такой исход не вызвал бы у учителя насмешливой улыбки только по одной причине — тому неоткуда было узнать о его новом существовании.

От воспоминаний об учителе, как обычно, глаза застлало красной пеленой, а ци яростно забурлила. Фенг даже выпустил удерживаемый воздух и едва не нахлебался воды, что стало бы самой смешной и глупой кончиной в мире, заставившей бы духов предков, учителя, Мэй, богов и демонов надорвать животы от смеха.

Фенг торопливо успокоил ци и собрался всплыть, чтобы глотнуть свежего воздуха. Ну а может, и вовсе убраться с реки прочь, занявшись какими-нибудь другими тренировками.

Неладное он не почувствовал до самого конца, до тех пор, пока не стало слишком поздно. Ничего не подсказали ни зрение, ни новообретённое восприятие, ни интуиция. Он почувствовал лишь лёгкое неуловимое изменение фона ци где-то возле самого дна и увидел почти незаметное тёмное пятно, напоминающее чуть более густую поросль водорослей. А потом что-то мягкое и упругое обвилось вокруг его ноги и утянуло на глубину.

Признаться, Фенг испугался. Испугался столь сильно, что забыл обо всём на свете, затрепыхался, выпуская остатки воздуха и прекращая удерживать ци. Расширенными от ужаса глазами он смотрел на широкую плоскую пасть, открывшуюся прямо посреди водорослей у самого речного дна. И то, что обладателя этой пасти заметить не удавалось, лишь усилило страх, делая ситуацию ещё более пугающей.

Фенг не знал, каким образом он умудрился не выронить свой гарпун, видать, от ужаса просто-напросто свело пальцы. Инстинктивно он ткнул в невидимого противника и даже попал, вот только остриё скользнуло по чему-то твёрдому, не причинив врагу ни малейшего вреда.

Фенг понял, что это конец. Что боги опять над ним посмеялись: он, такой надменный и самодовольный в своих фальшивых поисках речного духа, умудрился этого духа всё-таки найти. Теперь он окажется для глупых крестьян, оказавшихся не такими уж глупыми, лишь очередной жертвой водного чудовища, примером назидания детям, источником пересудов и предметом разговоров на ближайшие несколько месяцев, пока не найдётся другая, более интересная или важная тема.

А учитель... А учитель, если узнает, воспользуется ещё одной ворованной цитатой: «Воин должен брать в руки лишь тот меч, который способен поднять», после чего удовлетворённо хмыкнет, развернётся и пойдёт своей дорогой — радуясь тому, что бывший ученик превзошёл все возможные ожидания!

Фенг почувствовал, что у него темнеет в глазах. Причём не только от недостатка воздуха, но и от волны всепожирающего гнева. Он не доставит мерзавцу такого удовольствия, если ему и суждено погибнуть — то он сделает это как герой, с оружием в руках, пав в неравной битве с чудовищем!

Он зажмурился и постарался успокоиться. Сделать это оказалось очень трудно, так как цепкий язык уже затянул его ногу в беззубую широкую пасть. Нога скользнула по чему-то липкому и мясистому.

Фенг сосредоточился на ци. Пусть тварь и обладала невероятной способностью к маскировке, но неужели все его усилия, все страдания и тренировки оказались зря? Неужели обладание сразу тремя дантянями, вся та боль и страдания, через которые он прошел для их

открытия, не способны помочь в трудную минуту? Вместе с вернувшимся током ци пришло и спокойствие. Накатило ощущение звенящей морозной ясности, отодвинув бурлящие эмоции на задний план. Тварь схватила его языком и уже почти что начала жевать ногу — но устоит ли её навык маскировки перед прямым телесным контактом?

Восприятие всё так же молчало. Пусть тело касалось чего-то явно живого, через ци оно ощущалось частью природы, словно камень или песок. Фенг обратился к сердечному даньтяню и направил ци сначала в ногу, а потом и дальше — прямо в тело речного монстра.

Как оказалось, тварь ничем не болела и была совершенно здоровой! Такое знание оказалось бы совершенно бесполезным, если бы при этом ци не показала границы этого здоровья — от очертаний длинного приплюснутого тела, мощного хвоста, широких плавников, мясистых усиков по обеим сторонам морды, и яркой искры бьющегося в глубине сдвоенного сердца! Если бы не размер и не длинный язык, тварь бы ничем не отличалась от обычного сома. Когда-то Хань Нао очень сильно любил кушать молодых сомиков в черном бобовом соусе с белым луком и имбирём. И вот теперь в качестве кармического воздаяния этот сом сам собирался сожрать молодого Ханя!

Не открывая глаз — ведь зрение сейчас ничем бы не помогло — Фенг направил ци напрямиком в копьё, чувствуя, как под действием его энергии начинает разрушаться древесина и рассыпаться камень остря. Он размахнулся изо всех сил, направил копьё твари прямо в пасть и нанёс резкий удар.

Копьё проскользнуло мимо ноги, оставляя на ступне глубокий порез, и нырнуло в нутро чудовища, напрямиком к медленно бьющемуся сердцу. Словно удовлетворившись проделанной работой, копьё окончательно сдалось и рассыпалось на маленькие щепки и осколки камня.

Лишь теперь, когда стало слишком поздно, тварь почувствовала что-то неладное. Язык разжался, выпустив ногу Фенга, и внезапно, словно фигура прохожего из густого тумана, на фоне дна проявилось огромное тело. Фенг сделал несколько мощных гребков, убираясь подальше. И вовремя — туша чудовища забилась в конвульсиях, вздымая песок и потоки воды.

Тело Фенга перевернуло и закрутило, он на мгновение потерял ориентацию, не понимая, где верх где низ. К счастью, состояние спокойствия до сих пор не схлынуло, поэтому он не запаниковал, не стал делать глупостей и не расстался с последними запасами воздуха. А когда его перестало мотать в воде как случайную щепку, он сумел сориентироваться, всплыть наверх и жадно глотнуть свежего морозного воздуха.

— Эй, Фенг, что случилось? — послышался крик Му. — Там было такое! Вода! Прямо фонтан! А ещё...

Фенг не стал выслушивать этот поток слов, а немедленно нырнул обратно на глубину. Он подплыл к облаку ещё не осевшего песка и, ориентируясь на ци чудовища, которая теперь тоже в полной мере проявилась, подплыл поближе. Копьё прошло пищевод и поразило сердце или тот орган, что это сердце заменял. И теперь, если не считать последних конвульсий, тварь можно было назвать мёртвой.

Чтобы не было неприятных сюрпризов, Фенг направил ци в ладонь, укрепляя её и усиливая. Он вонзил руку под жаберную крышку и ухватил хозяина реки, словно обычную пойманную рыбину.

Предосторожность оказалась нелишней, жабры захлопнулись, зажимая руку, словно тиски в кузне мастера Йи, и если бы не ци, Фенг лишился бы пальцев. Он упёрся ногами в илистое дно и потянул неподъёмную тушу напрямиком к берегу.

— Фенг! Фенг! Так что там было? — заорал Му, как только его голова показалась над водой.

Фенг не стал отвечать, сосредоточившись на попытке выбраться на берег. Это потребовало немало времени, и когда он закончил, когда ноги стали проскальзывать на камнях при попытке сдвинуть тело речного монстра хотя бы ещё на шаг, на берегу уже собралась толпа из крестьян, перед которыми стоял Цу и о чём-то бурно жестикулировал широко раскинутыми руками.

— Настоящий мужчина всегда выполняет свои обещания, — сказал Фенг, гордо задрал нос. — Так что вы тут говорили про речного хозяина?

Когда-то раньше, в другой жизни, Хань Нао очень хотел прославиться, стать знаменитым на всю Империю. Отец, генерал Гуанг, говорил, что подобной славы Хань достиг, правда, не в том виде, котором ему бы хотелось. Он мечтал быть великим воином и мыслителем, а слава никчемного обжоры его никак не прельщала.

Фенгу тоже нужна была слава. Но не для того чтобы потешить самолюбие или наслаждаться всеобщим признанием. Он собирался добыть славу, чтобы перековать её, словно скверную руду с болота, в клинок из Звёздной Стали, который поразит дух учителя, в то время как меч Фенга пронзает его тело.

После убийства речного хозяина Фенг свою славу получил. И она здорово раздражала. Закончился пир, во время которого вся деревня набивала животы не слишком вкусным и отдающим тинной мясом. Там ему много раз пришлось рассказывать историю убийства монстра, при этом он не соврал и не приукрасил, наоборот, даже упустил многие моменты, типа даньтяней и ци. Он рассказал правду: что сам сделал копье, что долго тренировался и готовился к этой схватке, и что выжил только благодаря голой удаче.

Как оказалось, каждое большое дело влечёт за собой большие последствия. В деревне перестали считать Фенга дурачком, начали почтительно здороваться, а новое прозвище «генерал Фенг» теперь не использовалось в качестве насмешки, а звучало уважительно. Дома его авторитет, и так высокий после удачной зимы, где благодаря заготовленной рыбе Широнг обзавёлся приятно звянящей связкой красивых медных монеток, вырос многократно. Его мнением стали интересоваться, спрашивать совета, а когда ему хотелось потренироваться или выбраться в лес — без каких-либо возражений отпускали. Одна лишь Айминь вела себя как обычно, постоянно дулась и воротила нос. Но Фенг знал — это исключительно из зависти.

Но были у его свершения и негативные стороны. Теперь, куда бы он ни собирался пойти, чем бы ни попытался заняться, за ним следовала стайка детворы, постоянно глядящая на него полными восхищённого блеска глазами. И если пару дней ему это даже нравилось, то потом стало сильно раздражать.

— Привет, герой! — махнул ему Йи, опуская молот и утирая со лба пот. — Давненько не виделись. Не ждал, что ты почтишь мою скромную кузню своим вниманием.

Фенг улыбнулся и скинул с плеч тяжёлую корзину, которую он самолично сделал из стволов бамбука, лозы и ивовой коры. Он неоднократно подсматривал за работой Яо, а потом пытался сделать также, но его кособокие поделки до сих пор не шли ни в какое сравнение с ровными и даже красивыми плетёными изделиями старика.

— Здравствуйте, мастер Йи! — улыбнулся Фенг. — Я пришёл бы раньше, но, увы, заботы. Они — как тень времени, закрывающая солнце жизни.

— Отлично сказано! — восхитился Йи. — Это ты сам придумал?

Фенг, которому и самому очень нравилась эта цитата, широко улыбнулся. Не зря он увидел в кузнеце родственную душу!

— Нет, это сказал боевой монах Жу после того, как враги подстерегли его в трактире «Лунное озеро», а он их всех одолел.

— Увы, я с ним не знаком, но очень хотел бы познакомиться. Видимо, он не только очень сильный, но и мудрый! А почему на него напали? Что за враги?

Своей повышенной чувствительностью, усиленной сердечным даньтянем, Фенг ощутил сильную жадную вспышку интереса, исходящую от кузнеца. Вопящая во весь голос интуиция подсказывала, что просто так всё рассказывать не стоило.

— Ой, мастер Йи, простите, мне следует спешить. Несу домой вот это!

Он откинул крышку корзины, показывая блестящие чёрные куски вещества, которое он всю зиму добывал в горах своей каменной киркой. Его действия преследовали, как обычно, множество целей. Он ставил себе удар, учась точно и сильно прикладывать усилия, тренировал мышцы, развивал тогда ещё слабый нижний даньтянь и, конечно же, оттачивал чувствительность, позволяющую ощущать тёплую энергию вкраплений «горячего камня» сквозь толщу скал.

— Дерьмо феникса! — с полным восторгом и не сдерживаясь завопил кузнец. — А для чего тебе оно? Где ты взял?

— Говорят, этот камень горит лучше дров. Отнесу маме, пусть готовит еду. К тому же дома холодно, а я люблю жару.

Йи упустил молот, который упал на землю с громким стуком, и запустил пальцы в густые потные волосы.

— Топить очаг? Ты что, сошёл с ума?

Фенг широко улыбнулся.

— Ну а чего тут такого? Я его сам добыл, а когда надо — добуду ещё! Конечно, в горах его немного, но если уметь искать, тогда нам хватит надолго!

Выражение лица кузнеца изменилось, став похожим на подручного злодея из кристалла, который подсаживается за столик к главному герою, чтобы лживой душещипательной историей заманить того в ловушку.

— Скажи, Фенг, а как насчёт того, чтобы отдать этот камень мне? И не только этот, но и другой, что ты сможешь добыть? За маму и дом не беспокойся, у меня есть торф, который тоже неплохо греет! И у меня его много!

Фенг внутренне фыркнул. Торфа действительно в округе было много — достаточно пойти на болото, нарезать из него кирпичей, не утонуть и не стать добычей зверья. Но горел он после просушки лишь чуть хуже хороших дров и добыть его было сильно легче.

— Ну не знаю, горячий камень — лучше торфа, — с деланным сомнением почесал подбородок Фенг.

— Но использовать его для дома — бессмысленно! — не отступал Йи. — Ему самое место в кузне! И я готов заплатить! Деньгами!

— Эй, Фенг! — завопил мелкий Чунь. — Так что там было с монахом?

Фенг окинул взглядом малышню, которая, заметив его, собиралась у кузни, и голосом, от фальши которого, у него самого свело челюсть, ответил:

— Ой, я так занят, я так занят! Очень много дел, папа и мама заставляют работать, некогда чесать языком! Я же не какой-нибудь подмастерье кузнеца, чтобы стоять на одном

месте, помогать, ну а заодно рассказывать не только о монахе Жу, а и о многих других героях и злодеях! Понятное дело, мне бы всё равно пришлось бы отлучаться в горы, чтобы добывать горячий камень, но всё остальное время...

Фенг запнулся, переводя дыхание.

— Послушай, — сказал кузнец не менее фальшивым тоном, — у меня появилась идея!

Фенг взглянул на него исподлобья, пытаясь всем своим видом показать, насколько он не заинтересован в возможных предложениях.

— Идея, мастер Йи?

— Прекрасная и замечательная идея! — подтвердил тот. — Я смотрю, ты вырос крепким и выносливым. Как насчёт того, чтобы перестать растрчивать свой талант на крестьянскую работу и пойти, как настоящий мужчина, работать в кузню! Научишься полезному ремеслу, станешь сильным, от девчонок отбоя не будет! Как тебе, а?

— Ой, мастер Йи, знаете, я так занят, так занят, да и родители могут меня не отпустить в куз...

— Фенг! — оборвал его кузнец, сразу посерьёзнев. — Не наглай. Подобными предложениями я не разбрасываюсь. Горячий камень — это хорошо, но как жил без него, так и проживу. Ну а если мне захочется историй, то пойду к хижине хромого Суня и послушаю, что он рассказывает жене после кувшина настойки из болотных ягод. Я привык работать один и подобными предложениями разбрасываюсь очень редко.

Фенг почувствовал, что раз речь зашла о серьёзных вещах, то дурачиться больше не стоит.

— Мастер Йи, это великая честь для меня, — сказал Фенг, почтительно склонив голову..

— Отлично! Ну раз так, покачай сначала меха. Чуть подрастёшь — и до работы молотом дело дойдёт!

Фенг неоднократно наблюдал за работой кузнеца, так что имел представление, что надо делать. Поэтому он подскочил к большой непонятной штуке, сделанной из дерева и кожи, ухватился за до блеска отполированную руками рукоять и изо всех сил надавил.

Из раструба со свистом вырвался поток воздуха. Угли в горне разгорелись и засветились алым. Йи схватил длинными щипцами лежащий на наковальне продолговатый кусок металла и сунул в огонь.

— Эй, Фенг, слушай, Фенг! — снова завопил Чунь. — Ну так что там с монахом?

— Точно, расскажи про монаха! — поддакнул кто-то из малышни.

Фенг снова несколько раз качнул меха, заем, увидев знак кузнеца, сделал паузу.

— Давай-давай, расскажи! — подбодрил Йи.

Фенг хитро улыбнулся и начал рассказ:

— Однажды на самом закате дня, когда последние лучи солнца отражались в спокойной глади горного озера, возле стоящего на берегу трактира появился усталый путник. Был он высок, широкоплеч и статен, но особо выделялся большим животом, как бы намекавшим на большую любовь к еде. Простые свободные одеяния из грубой ткани и тяжёлый окованный железом посох показывали, что в жизни путник избрал духовную стезю. И звали этого замечательного человека...

Когда-то раньше Фенг боялся, что повышение его статуса в Дуоцзя послужит препятствием на пути к его главному плану — уничтожению учителя, причём не столько

тела, сколько его духа, его личности. Что он станет местной знаменитостью, удовлетворится своим почётным положением, решит, что раз ему и так здесь хорошо, то чего уж напрягаться?

Этого не произошло. Эффект вышел ровно противоположным. Ощувив первые серьёзные успехи, Фенг получил подтверждение, что план работает, а значит, он на правильном пути. Появилось желание удвоить усилия, ведь заветная цель теперь казалась столь близкой, столь достижимой!

Учитель умел ковать мечи — Фенг стал подмастерьем кузнеца. Учитель умел готовить — Фенг тоже принял участие в готовке, пусть в итоге вышла едва съедобная, но тем не менее сытная рыбная масса. Осталось совсем немного — продвинуться по каждому из этих путей и достичь совершенства! Фенг даже стал, пусть лишь в малой мере, целителем. После открытия сердечного даньтяня он не только исправил застарелые проблемы в собственном теле, но и скрытно тренировался на родственниках, пытаясь воздействовать на отца и мать, чтобы улучшить их ужасное здоровье. Тренировки ци и сражения с оружием и без Фенг тоже проводил регулярно, пусть оружием служили крестьянские инструменты типа цепа и серпа. Но раз он теперь работает в кузне, то очень скоро сможет выковать себе и настоящее оружие!

Увы, оставалось лишь одно умение, которое Фенг не только не тренировал, но и даже толком не знал, как к нему подступиться. Талисманы. Учитель определённо умел делать талисманы, которые использовал для их с Мэй мучений. Подобный талисман сильно помог бы Фенгу тренироваться, так что откладывать освоение этого искусства было глупо. Увы, существовал целый ворох препятствий, из-за которых он не знал, как к этой проблеме подступиться.

С чернилами идеи у него имелись. Пусть сейчас и не сезон, но в лесу хватает чёрного глаза — несъедобных ягод, славящихся тем, что оставляют на одежде очень стойкие, ничем не смываемые тёмно-фиолетовые следы. Сажи и угля в деревне тоже полно, так что Фенг мог сделать чернильные палочки, подобрав подходящие ингредиенты. Создать кисть тоже не представляло проблемы. Фенг предполагал, что, возможно, для хорошей кисти потребуются нечто большее, чем примотать пучок шерсти к палочке, но на крайний случай оставалось создание стила из тростника или бамбука.

Главную проблему представляла бумага. Её в Дуоцзя просто-напросто не было ни у кого, кроме, наверное, старосты — только ему требовалось отчитываться перед чиновниками Империи и делать заказы у торговца. И наверняка этот самый торговец ему бумагу и продавал, сдирая несусветные деньги.

То, что Фенг не имел ни малейшего понятия, как вообще подступиться к созданию талисмана, его не беспокоило. Он не умел делать множества вещей, а если не пытаться — никогда и не научишься.

— Мастер Йи, а правда, что в болотах встречается железная руда? — спросил он, налегая на меха.

— Правда, Фенг, — ответил кузнец.

Сейчас, после целого дня работы, он выглядел первым парнем на деревне: полуголым, мускулистым и закопченным. Мимо, словно невзначай, прошла старшая сестренка Айминь, которая за последний год сильно изменилась: перестала выглядеть как тощий деревенский ребёнок непонятного пола, а округлилась в нужных местах и вообще расцвела. Как обычно, увидав Фенга, она бросила на него недовольный взгляд, но тот сделал вид, что ничего не

заметил.

— А у нас поблизости она есть?

— Зачем тебе это, малец? — спросил Йи, не прекращая стучать молотом. — Болотная руда — полное дерьмо, чтобы сделать что-то путнее, нужно потратить кучу сил.

— Если болотная руда попадёт в горнило кузницы и получит тысячу ударов молота, то превратится в Звёздную Сталь! И тогда для неё нет преград!

Фенга несколько не беспокоило то, что он внаглую цитирует учителя. Во-первых, этот подлец украл тысячу цитат Ханя, так что теперь тот лишь сводит счёты. Ну а во-вторых, если уж Фенг решил забрать у учителя всё: имя, подвиги, личность, то цитаты, насколько бы скверными они ни были — и подавно.

— Отлично сказано! — восхищенно воскликнул Йи, опуская молот. — Жаль, что я только чуть-чуть читаю, а писать не умею. Так бы написал прямо на кузнице!

Фенг огорчился, что кузнецу так понравилась цитата учителя, но лишь самую малость — ведь теперь она стала цитатой самого Фенга!

— Я умею писать, — признался он. — И очень неплохо.

— Если так же хорошо, как придумывать фразочки, — расхохотался кузнец, — тогда мне с тобой никогда не расплатиться! А откуда? Ну, в смысле, где научился? Широнг если что и умеет, так это делать детей!

— Так я же из города! — пояснил Фенг без особой надежды, что ему поверят.

— Пламя и демоны, постоянно об этом забываю! — воскликнул Йи. — Ну так что, напишешь?

— У вас есть бумага и кисть? — спросил Фенг с надеждой.

Понятно, что о хорошем шёлке не стоило и мечтать, но уж пару листиков всегда можно выпросить в качестве награды за работу. Ну а потом...

— Конечно есть, как же не быть? — ответил кузнец.

— Правда? — обрадовался Фенг.

— А ещё у меня есть дюжина служанок, лошадь и дворец! — расхохотался Йи. — Ну подумай сам, откуда у меня бумага? Думаешь, чего торговец дерёт за неё такие деньги? Её делают только где-то в городе, а она нужна всем — судье, чиновникам, торгашам, да и по деревням кое-кому пригодится.

Фенг удивился. В прошлой жизни он так привык к обилию книг и свитков, что для него понятия «бумага» и «ценность» являлись чуть ли не противоположностями. Он знал, как делать бумагу — ему пришлось не только переписывать свиток о её создании, но даже перерисовывать иллюстрации. Делали её практически из мусора: коры, тряпок и, самое главное, рисовой соломы. Той самой соломы, которой в Дуоцзя крыли крыши, использовали в качестве постели, плели циновки, а в основном — скручивали в плотные вязанки и сжигали как скверное, но при этом самое доступное топливо.

Процесс создания правильной бумаги состоял из восьми дюжин шагов и требовал множества компонентов. Но для чего-то очень простого хватило бы простой растёртой в кашу соломы, воды и рамки с натянутой тканью!

— Да не расстраивайся ты так! — неправильно понял его задумчивость кузнец. — Не надо никакой бумаги! Я выстрогаю деревяшку, ты напишешь, а потом прибьём над кузней! Сделаешь?

— Сделаю! — заверил Фенг. — Мастер Йи, мне надо срочно сбегать домой, подготовиться!

— Ладно, беги! — покладисто махнул рукой кузнец.

Фенг помчался изо всех сил, успев напоследок заметить довольную улыбку Айминь и хищный блеск её глаз.

Пусть кузня стояла на отшибе деревни, но домой Фенг домчался в мгновение ока. Он ворвался в хижину, едва не сшибая с ног вернувшихся домой отца и братьев.

— Я знаю, как мы можем заработать кучу денег! — радостно завопил он.

— ...и только тогда, когда остриё его клинка, прижатое к шее разбойника, пустило тонкую струйку крови, тот неохотно стянул с себя маску обезьяны, показав изумлённому Бао Сяо прекрасное женское лицо!

Слушатели дружно охнули. Девтора, не стесняясь, громко завопила, крестьяне проявили больше сдержанности, лишь захлопав ладонями по бёдрам.

— «Так как тебя зовут, прекрасная разбойница», — спросил Бао Сяо. «Я не разбойница, — ответила та. — Меня зовут Мэй Линь, и я хочу отомстить за гибель моих родителей!» «В таком случае я помогу тебе! — горячо воскликнул Бао Сяо. — Ведь наши цели совпадают!» «Мне не нужна помощь, — возразила Мэй Линь. — Но я не откажусь от надёжного спутника! Особенно если его клинок столь стремителен, как у тебя!» Так Бао Сяо познакомился Мэй Линь, любовью всей своей жизни!

На этот раз не выдержали и взрослые. Они вскочили с земли и завопили наравне с детьми, высказывая восхищение и искренний, почти что детский восторг.

Несмотря на то, что он мог восстановить последовательность событий до самого последнего мгновения, Фенг толком не понимал, почему всё сложилось, как сложилось. Стоило один раз упомянуть героя из кристалла, а потом кратко пересказать кузнецу и детям его историю, как мягко и незаметно, словно под влиянием чар или особо изошрённой ментальной техники, об этом прознала вся Дуоцзя. Фенг попытался воспользоваться правом деревенского дурачка на чудачества, вот только теперь он больше не являлся ни Дерьмофенгом, ни сумасшедшим приёмышем, возомнившим себя аристократом или сыном генерала. Для деревни он стал уважаемым подмастерьем кузнеца, стоящим в деревенской иерархии почти у самой вершины, да ещё и отчаянным смельчаком, сразившим злобного речного духа и накормившим его мясом всю деревню. И как-то само собой случилось, что однажды данная слабина, словно маленькая дырочка в плотине, расширилась, превратившись в зияющую брешь. Когда возле кузницы стала собираться половина деревни, а вторая половина — толкаться позади первой, стараясь пробиться поближе к рассказчику, Йи не выдержал и прогнал всех, включая Фенга, прочь. И пошёл вслед сам, ведь ему тоже не терпелось узнать, кто именно подложил алхимическую отраву главе клана Ши, чтобы подставить Хуа Луня.

Если в кузне Фенг был занят делом — он учился преобразовывать ци в Воду, быстрее охлаждая заготовки, поддерживая в горне Огонь и воздействовать на Металл в заготовках во времяковки, то теперь всё грозило превратиться в пустую трату времени. Ведь никакого смысла в тренировке глотки и мышц языка найти, как ни старался, он не сумел.

Озарение пришло позже, пронзив, словно ударом молнии. Да, он тратит время на рассказы, но кто сказал, что именно это — относительно спокойное пребывание на одном месте — не одна из важных частей тренировок?

Привыкшие к чудачествам Фенга крестьяне лишь немного потыкали пальцем и посмеялись, когда тот встал сначала в стойку дабу, затем перетёк в тьян гуан, а потом

слился с природой, вытянув руки к небу в стойке шэнлин.

Одним из главных несчастий деревни, помимо неурожаев, бедности и налогов, являлась скука. Именно из-за отсутствия каких-либо развлечений крестьяне могли месяцами, а то и годами обсуждать ничего не значащие события, которые, постепенно обрастая подробностями, искажались настолько, что вскоре терялась первопричина. Именно из-за этого такие незначительные вещи, как соседский мальчик, вступивший в дерьмо или утопивший одежду во время стирки, становились известны всем и каждому. И теперь Фенг дал деревне то, в чём она так нуждалась.

Неожиданно для него самого пересказ любимых историй оказался гораздо труднее, но одновременно гораздо более продуктивным, чем он когда-либо смог бы себе представить. Находясь среди кучи народу, среди десятков слабых источников ци, он учился выделять из большого размытого пятна каждый отдельный огонёк. Сосредоточиться на стойке, на токе энергии по меридианам и одновременно вести связный рассказ тоже оказалось очень непросто — но так он смог тренировать концентрацию и переключать разум между разными задачами.

Совершенно случайно обнаружился неявный, но очень полезный эффект использования сердечного дантяня: Фенг стал ощущать лёгкую неправильность, препятствия тока ци во время выполнения упражнений, что позволило вносить лёгкие коррективы до тех пор, пока стойка не становилась идеальной. Также у Фенга прибавилось пациентов — он смог обследовать кучу хворей и недугов у односельчан, пытаться воздействовать на их здоровье. И крестьяне связывали приступы боли или внезапные обмороки с усталостью после тяжёлого весеннего дня, или с сидением на холодной земле, а не с проделками Фенга.

Ну а то, что «генерал Фенг» кривляется, сидит на невидимой лошади, стоит на одной ноге или даже на голове — ну и что? Сначала нырните в холодную реку и убейте злобного демона, а потом что-то и говорите!

Впрочем, вскоре выяснилось, что Фенг такой не один: детвора, некоторые парни и девчонки постарше, и даже пара взрослых то ли от скуки, то ли из чувства восхищения пытались за ним повторить. И делали это совершенно неправильно!

Изучить хотя бы основы кузнечного дела — это прекрасно. А если к ним прибавить работу молотом, к которой мастер Йи стал осторожно допускать, так вообще превосходно! Отличная тренировка, без толпы зевак, возможность сосредоточиться на практической работе с ци — чего ещё можно желать?

Разве что ещё больше тренировок — на этот раз в шахте. Давно скололось, а потом и сломалось каменное кайло, за ним последовало ещё одно, собрат первого, ну а затем из собранной на болоте руды мастер Йи создал Фенгу железное. Может быть, он так ценил своего помощника, может, был благодарен за регулярные поставки горячего камня, ну а может — так ему нравились рассказанные истории. Надпись: «В яростном горниле под тысячей ударов молота болотная руда становится Звёздной Сталью» теперь украшала вход в кузню, и это тоже вызывало у Йи вспышки хорошего настроения.

Слово «шахта» тоже не являлось преувеличением — на небольшая выемка в скале, с которой Фенг начал добычу, превратилась во вполне приличную пещеру, стенки которой он обследовал ци и укреплял в нужных местах бамбуковыми подпорками.

Фенг мечтал найти в горах железную руду и сковать себе настоящее оружие, а также втихую продать заезжему торговцу парочку ножей, ведь задумка по созданию бумаги пусть и

была воспринята семьёй благосклонно, но требовала времени.

Во время последнего визита Фенг уже пытался наладить с торговцем отношения, но пока безрезультатно, в отличие от остальных жителей деревни, тот пока что Фенга серьёзно не воспринимал.

С настоящим оружием можно попытаться охотиться на опасное зверьё в дальней части леса или пойти глубоко в горы, навстречу неизвестным опасностям.

— Мастер Йи, а вы умеете ковать копья? — спросил Фенг.

— Умею, — ответил тот, вдруг останавливаясь. — И мечи тоже, и топоры, и сабли, булавы и гуань дао, только вот что я тебе скажу, малец, оставь эту затею.

— Какую?

— Ты думаешь, что я не вижу? Думаешь, стал сильным и знаменитым, совершил подвиг, а теперь скуешь себе оружие и задашь деру? Первые же стражники спросят, откуда у тебя оружие, отберут, да еще и повесят за бродяжничество и разбой!

— Какой еще разбой?

— А такой, скажут, что ты вон там двух овец зарезал, старую тетку Пигао убил или путника ограбил. В общем, что на них висит, на тебя переложат, а ты будешь лишь стоять да рот разевать. Особенно широко напоследок, когда тебе петлей горло сдавит!

Фенг непроизвольно потрогал горло. Он хотел возразить, но с губ сам по себе слетел вопрос:

— А тётка Пигао что, умерла? И вообще, кто она такая? Думал, всех в нашей деревне знаю.

— Да какая угодно тётка! Любая! Ты это, не придуривайся! Прекрасно понял, о чём тебе талдычу!

Конечно, после свершения подвига и странного поведения все в деревне подозревали, что с Фенгом что-то не так, но вот вслух о своей ци он никому не говорил. Истинная причина его крепости и выносливости никому в голову не приходила. Да, Фенг мог бы сейчас не только усиливать потоки воздуха из мехов и делать огонь горячее, но и, чуток поднапрягшись, ковать заготовку голыми руками, укрепив их ци. Только зачем? Развивать ци можно и так, мышцы прекрасно тренируются молотом и киркой, а лишнего внимания, поверх и так имеющегося, ему не надо.

— Не собираюсь я давать деру, — буркнул он.

«Пока что, по крайней мере!» — добавил он про себя. Следовало сделать ещё кучу приготовлений, скопить денег, дождаться двенадцатого дня рождения и получить взрослое имя.

— Дождись, пока не станешь взрослым и не получишь имя, — словно прочитал мысли кузнец. — Возьмёшь у старосты подорожную да и пойдёшь куда хочешь — будешь в своём праве.

— А оружие?

— Далось тебе это оружие! — засмеялся Йи. — Ты всегда такой серьёзный, я порой забываю, что ты ещё ребёнок.

Фенг промолчал. Он тоже постоянно об этом забывал, приходилось время от времени себя одёргивать.

— Говорят, ты еду очень любишь, — чуть невпопад продолжил Йи, — прямо такой аристократ в ней, что сил нет. Только поговаривают, что вкус еды, которая тебе нравится, слишком аристократский для наших простецких ртов. Нам-то, крестьянам, ваша еда кажется

мерзкой дрянью.

— Я даже знаю, кто про это рассказал! — насупившись, ответил Фенг. — Кое-кто, кто только и делает, что трясёт тут сиськами да языком чешет!

— Да не сердись ты, — расхохотался кузнец. — Сестра у тебя справная растёт, пока что, конечно, мелкая, но скоро вырастет в настоящую красавицу. И знаю я, что лучше жрать помой, чем с голоду подыхать — было и у меня в жизни всякое. Совет хочу дать, хороший.

Фенг наострил уши.

— Пока ещё, конечно, не сезон, но наступит лето — набери пару корзин грибов Бай Моу Гу. Они очень ценятся, торговец с радостью купит сколько угодно, да и не подумает, что ты у кого-то украл. Да не делай такое лицо, думаешь, никто не видел, как ты возле него отирался? Кстати, я их тоже обожаю, так что если захочешь угостить — ни за что не откажусь. Их все любят, твои родичи тоже!

«Ага, стоит только принести корзины с грибами домой, как сразу всё выжрут и не поблагодарят!» — подумал Хань со смехом. Жизнь не уставала подкидывать ему новые поводы для раздумий, даже там, где вроде бы всё ясно и чётко распланировано.

Столько много дел, столько нового нужно успеть и придумать. Но что эти тёмные крестьяне знали о настоящем искусстве аристократической интриги? Да Хань двенадцать лет отлынивал от учёбы, виртуозно жалуясь матушке Лихуа и прикрываясь ею от гнева генерала Гуанга. Так что справится он и тут. Разве нынешние трудности сравнятся с прошлыми?

— Подходящих корзин у меня пока нет. И Бай Моу Гу я встречал в лесу пока только пару раз. Но я пойду к деду Яо, научусь до лета плести корзины, наберу кучу грибов, чтобы хватило и торговцу и вам, — ответил он. — Ведь это всё временные трудности!

Глава 14, в которой герой осознаёт, что слова влекут за собой заботы, а грибы бывают не только вкусными, но и опасными

В конце концов Фенг просто не выдержал. Сорвался, не в силах смотреть на это издевательство надо всем, что он до сих пор делал и к чему стремился. Эти жалкие неумёхи ничего не делали правильно. Сохранять концентрацию, наблюдая за чужой глупостью или неуклюжестью, оказалось очень трудно, можно было это принять за ещё один способ тренировки. Но Фенг этого делать не стал — ведь внутренний покой и мир с самим собой для настоящего воина тоже очень важен. Поэтому он решил вмешаться.

И как-то само собой получилось, что простые попытки указать на кособокость стойки, неверно согнутое колено или же неправильный ритм дыхания незаметно превратились в полноценные тренировки, на которых Фенг теперь выступал в роли учителя.

Конечно, не того самого негодяя, который издевается над учениками, нет. Если он и покрикивал — то исключительно по делу, ведь эти криворукие идиоты по-хорошему не понимали. Ну а длинную бамбуковую палку пришлось взять только потому, что «учеников» всё прибавлялось, а время объяснять каждому подробно и в деталях просто отсутствовало.

Не хватало его вообще ни на что — Фенгу и так было чем заняться, тренировки, дела и обязанности громоздились, грозя погрести под своим огромным весом. Он бы даже забросил затею, разогнав желающих освоить «городские приёмчики», но неожиданно заметил странный, почти что сверхъестественный эффект. Пока он пытался объяснить, что именно надо делать, почему то, что «ученик» делает сейчас, неправильно, у него случилось несколько небольших озарений. Которые привели к более глубокому пониманию собственного тока ци и позволили его улучшить, сделать эффективнее и чуточку сильнее. Возможно, помогала энергия сердечного даньтяня, а возможно, имел место более фундаментальный принцип, где обучение других обучало и самого учителя — об этом Фенг, к сожалению, не имел ни малейшего понятия. Эффект сохранялся, даже когда он не утруждался объяснениями, а выдавал что-то: «Ноги ставь ровнее, криворукий выкидыш козы!» и лупил нерадивого «ученика» бамбуковой палкой, чтобы закрепить знание.

Теперь он нашёл ответ на вопрос, мучивший Ханя Нао ещё в прошлой жизни. Почему все скрытые эксперты, различные отшельники, главы павильонов в сектах, а также просто таинственные бессмертные так горели желанием найти талантливую ученика? Зачем им, особам огромных силы и могущества, обладателям долгой или даже бесконечной жизни, возиться с по сути жалкими сопляками, помогать им решать проблемы, не стоящие для такого мастера даже движения брови? Ну что же, теперь, в новой жизни, Фенг получил понятный и исчерпывающий ответ.

Первые же тренировки, где Фенг выступил в роли учителя, ясно проявили и главный недостаток обучения: время. Времени Фенгу и так катастрофически не хватало, поэтому тратить его на сопляков было просто-напросто жалко. Во время обучения других из всей великой триады получалось тренировать лишь дух — ведь для созерцания, как эти бестолковые и безрукие дураки не могут даже толком принять правильную стойку, требовалось огромное терпение.

Решение этой задачи долго искать не пришлось. Фенг давно уже привык делать

несколько дел одновременно, совмещать одну тренировку с другой. У него имелось длительное и требовательное ко времени занятие — рассказывание историй, именно во время подобных рассказов, собственно, обучение и началось. Это значило, что рассказы и обучение тоже следовало совместить.

— ...Ао Пэй прибежал к нему с лицом, искажённым от боли от многочисленных ран, и выражением яростного гнева. «Сунь Ю, — прошептал Ао Пэй, — моя семья... они умерли. Умерли из-за этого чудовища, Сяо Чена».

Толпа громко вздохнула и зашепталась. Фенг лёгким движением сменил стойку, опираясь на полусогнутую ногу, а вторую, прямую, отставляя назад. Руки его поднялись вверх, словно крылья журавля. Ему не требовалось смотреть по сторонам, чтобы видеть учеников, которые кто лучше, а кто хуже, повторяли за ним стойку «Журавль во взлёте».

— Сунь Ю схватил друга за плечо, в его глазах сверкала решимость. «Мы найдем Сяо Чена и заставим его ответить за смерть твоей семьи», — пообещал он. Раздираемый гневом и болью, Ао Пэй лишь коротко кивнул. Вместе они отправились на путь мести, в поисках Сяо Чена и его банды злодеев.

Фенг отклонился назад, изгибаясь колесом, почти касаясь вытянутыми руками земли в «Ветре, клонящем бамбук». Ученики неуклюже приняли ту же стойку.

— Ночью они подкрались к укрытию Сяо Чена. Шли то медленно, чтобы не наступить на ветки, то перебежали от тени к тени. Стража была настороже, то ли их злодейское чутье почуяло опасность, то ли перед приходом героев произошло что-то важное.

Руки Фенга сомкнулись над головой, словно клюв хищной птицы. Он подался вперёд в стойке «Сокол ищет добычу».

Фенг продолжал рассказ, меняя стойки и позы, наблюдая, как ученики повторяют упражнения, при этом сам пропуская через меридианы ци и закручивая её в трёх дантянях. Делить внимание одновременно на собственный ток энергии, присмотр за учениками, а также на рассказ, оказалось безумно трудно. В моменты, когда ученики делали особо вопиющие ошибки, приходилось поднимать с земли бамбуковую палку и быстро, не отвлекаясь от рассказа, вразумлять самых отличившихся. Он старался бить резко, больно, но без последствий — целительской практики ему хватало и с семьёй, чтобы излечивать ещё чьи-то увечья.

— «Ты платишь за смерть моей семьи», — сказал Ао Пэй, вскидывая булаву над его головой и резко опуская, — закончил Фенг. — И после того, как Верный Ветер и Ао Пэй расплатились с Сяо Ченом по справедливости, они на этом не остановились. Они присягнули защищать бедных и немощных от злодеев, подняв флаг справедливости и надежды!

Толпа от восхищения заревела. История Сунь Ю по прозвищу Вольный Ветер нашла похожее, особое место в их сердцах, так что они не сдерживали чувств.

Когда восторги утихли и на главной деревенской площади воцарилась относительная тишина, прозвучал чей-то недовольный голос.

— Всё бы хорошо, если бы только это дурачье не махало руками! И ты, Фенг, тоже! Стоял бы себе спокойно и просто рассказывал! Без этих выбрыков!

Раздался лёгкий гул, символизирующий то ли возмущение вмешательством, то ли согласие с горлопаном.

— Для того чтобы стать сильным, ловким, здоровым и жить многие сотни лет, мне нужно тренироваться, — ответил Фенг, его усиленный ци голос перекрыл шум

окружающих. — И если мне придётся выбрать, продолжать ли тренировки или рассказывать вам истории, угадайте, что я сделаю? Если кому не нравится, как я рассказываю, он может сам поехать в город и читать в библиотеке сколько влезет!

Односельчанам угроза показалась нешуточной, все мгновенно замолчали, а над деревней опустилась тишина.

— Фенг, не слушай этого остолопа! — крикнул брат Канг.

— Ты кого остолопом назвал, сопляк? — снова прокричал тот же голос.

— Заткни свой черпак, Цзян! — веско сказал папа Широнг. — Пойдём, Фенг, домой. У тебя есть семья, которой ты всё и расскажешь. И можешь делать при этом что хочешь, хоть снова стоять на голове!

Толпа вновь заволновалась. Угроза потерять главное развлечение последних нескольких месяцев показалась им нешуточно серьёзной. Все прекрасно понимали, что пока Фенг ещё ребёнок, не получивший взрослого имени, то любое слово отца для него закон.

— Не стоит так горячиться, Широнг! — внезапно взял слово староста Ван. — Слова Цзяна — пустой болотный ветер. Я совсем не против, чтобы Фенг махал руками и ногами. Да и остальные пусть машут, чего уж там. Законов это не нарушает, так что, это, пусть себе! Вот!

Фенг ухмыльнулся. Разумеется, если он и задумается над прекращением обучения односельчан, то уж точно не из-за голоса одного-единственного глупца.

— Эй, а чего это Фенг упражняется, — воскликнул чей-то знакомый детский голос и Фенг напрягся, — и только мы за ним повторяем, а все остальные стоят и ничего не делают? Лишь истории слушают, причём даром!

Толпа вновь зашумела, но возмущение теперь оказалось направлено на Бокина, который осмелился влезть во взрослые разговоры. Все зашикали, даже раздался звук отпускаемого подзатыльника.

— Ишь чего удумал, сопляк!

— Тебя не спросили, маленькая зараза!

— Мамкой своей тут будешь командовать!

Возмущённые вопли прервал мастер Йи.

— Малец говорит дело! — веско заявил он. — Если одни трудятся, а другие только слушают да в носу ковыряют — это нечестно.

— Эй, Фенг! — спросил корзинщик Яо. — А эти твои дрыганья, они что, правда помогают? Ты же сказал, «жить долго и быть здоровым». А то у меня со здоровьем совсем нелады, чую, заберут меня подземные демоны если не сегодня, то завтра.

Фенг задумался. Ци в теле Яо действительно текла прерывисто и с трудом, сам он напоминал почти погасший костёр с едва тлеющими углями. Но ци всё равно текла, а значит, не было проблемы, которую та не могла решить.

— Ещё как помогают! — уверенно заявил Фенг. — Но тебе, дедуля Яо, придётся сильно постараться, и я не знаю, захочешь ты или нет. Ведь будет очень тяжело и очень-очень больно!

— Глупый ты сопляк, Фенг! — рассмеялся корзинщик. — Молодой, здоровый, думаешь, что всё знаешь! У меня и так всё болит, особенно колени и бока! Думаешь, новая боль меня остановит? Эй, кто не машет руками — проваливайте отсель! Мы с Фенгом заняты!

— У меня спина что-то тоже подбаливает, — кивнул староста. — Ну и вообще, у нас в деревне всегда было по-простому — ленивым здесь не место. Так что вали отсель, Цзян, мы

заняты, у нас тут тренировки! И все, кто не хочет заниматься, тоже валите!

— Эй, вы чего? — воскликнул Цзян. — Я же только хотел спросить! Я же и сам совсем не прочь стать сильным, как Фенг!

Фенг громко, не сдерживаясь, расхохотался. И смеялся он не над остальными крестьянами, а над собой, неожиданно для себя взвалившим на собственную спину целую деревню. Ну что же, больше учеников — больше упражнений для него самого.

— Таким, как я, дядька Цзян, тебе точно не стать! Я, конечно, что знаю — тому научу, но всё зависит от тебя самого. Солнце ещё не село, так что времени у нас полно. Сегодня я расскажу, как Сунь Ю и Ао Пэй украли нефритовую статуэтку у подлого ростовщика Ляо. И чтобы получше услышать мой рассказ... А ну все встали в стойку дабу, жалкие болотные икринки! Без этого вам не стать карпами и не перепрыгнуть драконьи врата!

Фенг поднял кисть и внимательно осмотрел кончик. Для создания этого «шедевра» понадобилось извести несколько белок и одного бурундука, пока результат не стал напоминать хоть что-то, действительно отдалённо напоминающее кисть, а не мамину метлу, которой та выметала из хижины пыль и мусор.

Он сделал глубокий вдох и выдох и провёл рукой по столешнице своего нового столика. Грубые доски несколько не напоминали полированное дерево рабочего стола Ханя Нао, хотя здесь, в Дуоцзя, ценились намного больше — ведь чтобы их получить, требовалось сначала свалить дерево, а потом разрезать с помощью пилы из железа, выкованной, как и всё остальное, мастером Йи.

Несколько чернильниц, слепленных из грубой глины горшечником Куном, содержали различные чернила — из лесных ядовитых ягод, из отвара болотных трав, и просто из замешанной с водой сажи.

Стопка жёлтоватой бумаги с неровными краями, грубой и бугристой, результат работы всей семьи, лежала рядом с пластинками из дерева, бамбука, обожжённой глины, больших высушенных листьев и даже двумя драгоценными маленькими пластинками из железа и меди.

Взяв ещё один лист, Фенг разгладил его края, обмакнул в чернила и медленно, аккуратно дозируя ци, одновременно представляя себе требуемый результат, вывел два иероглифа: «Тяжёлая ноша». Он видел, что намерение, переданное с ци, действовало. Приподнятые края бумаги мгновенно прилипли к доскам стола, словно придавленные невидимым грузом. Но через буквально пару вдохов произошло то, что и происходило всегда — лист бумаги покоробился, частично рассыпавшись в пыль, а частично — распавшись на мелкие неровные клочки. Фенг вздохнул и ссыпал их в корзину — к куче остальных обрывков, обломков деревяшек и осколков камней.

Как бы ни хотелось этого признавать, но с талисманами вышел провал. Бумага, дерево, глина и камень не смогли выдержать воздействие ци и неизбежно разрушались. С металлами ситуация оказалась похожей, пусть и не совсем. Несмотря на то, что пластинки остались целыми, их сильно покорёжило, а ци, содержащаяся в надписи, ушла, слившись с окружающей природой.

Похоже, Фенгу не хватало чего-то важного, фундаментального. Знаний, позволяющих правильно наносить надписи — ведь его старания напоминали первые штрихи ребёнка, пытающегося повторить сложную трёхцветную гравюру папиной кистью. Понимания, как именно нужно структурировать и формировать ци, чтобы она выполняла задуманное

действие. Материалов, способных выдержать наполнение ци.

Если знания и опыт являлись делом наживным, то без материалов, на которых можно тренироваться, затея обречена на провал. А штук цаньдуньского шёлка в округе почему-то не валялось, как и любимых красных чернил. Не было и глыб нефрита, из которого он бы смог вырезать таблички, вроде той, которыми Император отмечал особо отличившихся подданных.

Чутьём, образованным от сочетания ци изо всех трёх даньтяней, Фенг ощущал, что с имеющейся бумагой ничего не выйдет, что дело не в знаниях, не в контроле и не в силе ци. Бумага была просто-напросто плохой, и ситуацию никак не улучшало то, что остальные материалы подходили ещё хуже. И что продолжать — только портить такой ценный и тяжело доставшийся материал, в создание которого семья вложила столько труда.

Да, затея удалась, да, торговец охотно покупал получившуюся бумагу, какой бы скверной она ни была. Да, Фенг по праву взял свою долю продуктом, отказавшись от заработанных денег, предложенных отцом «на взрослую жизнь». Да, теперь он мог вернуть бумагу и всё-таки получить деньги, что сильно облегчит ему уход из деревни.

Но... Существовало одно «но». Пусть создание талисманов провалилось, вот только сам процесс письма, сколь бы паршивыми ни были кисть, чернила и бумага, принёс неожиданно много радости. Он словно вернул Фенга на время в другую жизнь, когда весёлый и беззаботный Хань Нао, так любимый родителями и слугами, придумывал настоящие сокровища мысли и записывал их каллиграфическим почерком на свитках, делая просто очень дорогие куски шёлка по-настоящему бесценными.

Вся новая жизнь Фенга подчинялась единственной цели, всё время уходило только на выживание и обретение силы. И только сейчас, получив возможность ощутить прошлое прямо на кончиках пальцев, он осознал, чего лишился.

Возможно, забрать у него всю радость тоже являлось частью плана предков и учителя. Но тогда Фенг сделает всё, чтобы эти планы сорвать! И если готовить вкусную еду он научится позже, когда уйдёт из деревни, если кристаллы, дорогие даже по меркам сына генерала — дела далёкого будущего, то каллиграфией он может заняться в любое время!

— Я стану тобой, мерзавец, стану таким как ты, таким же легкомысленным и беззаботным! — прошипел Фенг под нос. — Но эту временную трудность одолею прямо сейчас!

Он взял лист бумаги, обмакнул кисть в чернильницу и вывел неожиданно красивыми фиолетовыми чернилами из лесных ягод каллиграфическую цепочку иероглифов.

В новых проблемах и заботах время летело незаметно. Сменялись дни, месяцы и времена года — и вот уже по лесу шагал не Дерьмофенг, не жалкий приёмыш и сын городской блудницы, а уважаемый член деревни, подмастерье кузнеца, сын зажиточных крестьян и производителей бумаги, у которых есть несколько куриц, корова и даже крыша дома покрыта не соломой, а черепицей!

Целью Фенга были грибы, до которых очень охоч оказался не только мастер Йи, но и сам Фенг. В кузнеце Фенг нашёл родственную душу не только на почве любви к мудрым высказываниям, но и к хорошей вкусной еде. Из него вышел, конечно, не истинный ценитель, каковым был Хань в прошлой жизни, но всё же в каком-то смысле брат. Теперь Фенг не просто качал меха в кузне, добывал горячий камень и рассказывал истории, но и сам лупил молотом, добившись немалых успехов, пусть и на местном, деревенском уровне.

Любовь к вкусной еде их сильно сблизила, Йи подал несколько хороших советов, которые помогли Фенгу лучше постичь искусство готовки.

Да, он давно научился выживать, давно постиг горькую науку добычи пропитания, но теперь пришло время выходить на следующий этап — питаться не только сытно, но и вкусно.

Фенг убавил шаг, глубоко вздохнул и остановился.

— Выходи, — сказал он, разворачиваясь. — Думаешь, ловко скрылась?

— Пф-ф-ф, — из-за дерева появилась, недовольно надувая щеки, старшая сестра Айминь.

Скрылась она и в самом деле очень ловко. Следовала против ветра, не шумела, не хрустела ветвями и листьями — несмотря на крестьянскую жизнь, проявила себя заправской охотницей. И если бы Фенг оставался простым крестьянином, то ни за что бы её не заметил.

Вот только «простым» Фенг перестал быть давно. Усиленные зрение, слух и нюх, расширенное восприятие, позволяющее чувствовать жизнь и ци, не оставляли Айминь ни малейшего шанса. Для человека с его способностями сестра выделялась гораздо заметней любой крестьянки, ведь ци она уже пробудила, а вот скрывать ещё не научилась, так что сияла, словно глаза Тысячелетнего Питона, которого сразил клинок Бао Сяо.

— Хватит мрачно дуться, — весело сказала она, ухватив его рукой за щеку. — Радуйся, старшая сестра пришла тебе на помощь!

— Я не дуюсь, — коротко ответил Фенг.

Несмотря на то, что подобное поведение раздражало, он понимал, что и Айминь пытается уцепиться за остатки былой жизни, где Фенг — не уважаемый всей деревней наставник, не почитаемый сказитель и не подмастерье кузнеца, а просто её младший несмышлёный братик. Понимал, но с раздражением ничего поделать не мог.

Трепание за щеку помешало его концентрации зрения, и Фенг моргнул. Пусть чувства он усиливал давно и бессознательно, но в такие моменты умение давало сбой. Он насупился, развернулся и зашагал дальше в нужном направлении.

— Дуешься, — не унималась Айминь, — ведь я опять раскрыла твой секрет. Все еще воображаешь себя великим воином?

Фенг едва не рассмеялся. Он давно повысил свой статус, сразил чудовище и принёс семье благосостояние. Ему не требовалось доказывать, что он великий воин, так как никого сильнее его в деревне не имелось. Но стоило Айминь увидеть в его руке не заострённую бамбуковую палку, а настоящее копьё, как она снова начала заниматься глупостями.

Копьё Фенг сковал собственноручно, даже без помощи мастера Йи. Он сам добыл руду в болоте неподалёку, с помощью ци её разогрел, выплавив металл и очистив его от примесей. Собственноручно колотил молотом и подавал ци, превращая металлическую заготовку в острый длинный наконечник. Даже сам нашёл подходящую ветвь дерева для рукояти, которую с помощью той же ци подровнял и избавил от влаги. Он пока что не являлся большим экспертом в оружии, но видел, что копьё выглядит ничуть не хуже копий гвардейцев отца, сильно выделяясь из всего, что можно встретить в этой глуши.

Пусть Фенг давно не скрывал тренировки ци, но оружие, следуя совету мастера Йи, не показывал никому, прекрасно понимая, что само его наличие вызовет у любого стражника кучу подозрений. Но несмотря на все свои усиленные чувства, несмотря на то, что засёк Айминь за несколько ли, забылся, не придавал значения и утратил бдительность. И теперь получил её к себе в попутчики. Единственная надежда, что она никому ничего не растреплет

— и не из-за того, что её язык отличается от маминой метлы, а просто потому, что словам: «Фенг ходил по лесу с копьём!» никто не придаст большого значения, посчитав, что у него была обычная заострённая палка.

— А ты все еще бегаешь за мастером Йи? — спросил он в ответ, частично чтобы отвлечь, а частично — чтобы поддеть.

— Эй, как ты разговариваешь со старшей сестрой? — возмутилась Айминь.

Фенг уклонился от подзатыльника, сдерживая руку, рвущуюся нанести ответный удар. Пусть в деревне признавали его силу, но нанесение побоев девчонке, да ещё и сестре, одобрения ни у кого бы не вызвало. Ну да, теперь он сам смог бы надавать тумачков многим, очень многим, может даже всей деревне, но что дальше? И, главное, зачем?

— Или грибы не для него?

— Мал ты еще для таких дел, вот что! — огрызнулась Айминь, снова попытавшись стукнуть.

Фенг опять уклонился и обидно рассмеялся. Благодаря тренировкам движения сестры стали быстрее и сильнее, но с его возможностями не шли ни в какое сравнение.

— Смотри, и правда вообразил себя воином, — Айминь привычно прибегла к насмешкам, чтобы скрыть обиду. — Но не волнуйся, старшая сестра присмотрит за тобой, пока будешь собирать грибы, чтобы ты снова не треснулся головой о камень!

Болтовня, хвастовство и напоминание о промахах далёкого прошлого не раздражали, а наоборот вызывали смех. Если бы Айминь являлась достойным противником, то её выходы можно было бы использовать для тренировок, ведь у него давно вошло в привычку использовать для тренировки все раздражающее и противное, чего в жизни крестьян хватало с избытком. Но для Фенга давно всё изменилось, так что требовалось кое-что получше и повесомее, чем слова обиженной девчонки.

И к его удивлению, словно боги и демоны подслушали мысли, это «лучше» появилось.

— Стой! — вскинул он руку. В естественном фоне леса произошли странные изменения, жизненная сила словно исказилась и притихла.

Кляня себя за беспечность, Фенг восстановил зрение ци. Лес вновь расцвёл мириадами цветов и оттенков, искорками лесных духов и следами живых существ. И некоторые из этих существ очень быстро приближались.

— Мы же еще не пришли, — хихикнула Айминь, желавшая поквитаться за то, что Фенг в открытую заговорил о том, о чём и так судачила вся деревня.

— Уходим, быстро! — сказал он.

— Никуда я не пойду! — капризно сказала Айминь, не понимающая серьёзности ситуации.

— Бегом, дура! — не выдержал Фенг. — Нет времени объяснять!

— Ты кого назвал дурой, маленький сопляк? Думаешь, если стал...

— Тихо, — зло прошипел Фенг, уже понимая, что все равно опоздал.

Некогда заученный свиток об опасных зверях словно сам собой всплыл в памяти, и Фенг тут же опознал вышедших им навстречу животных. Ими оказались волки — буро-серые, пятнистые, самые опасные. Что-то заставило их сюда перебраться, ведь обычно они обитали в более равнинных краях, а от гор и болот предпочитали держаться подальше. Но непривычная местность, конечно, не лишила их ни навыков охоты стаей, ни острых загнутых когтей и шипов на кончиках длинных хвостов, ни клыков, выделяющих парализующий яд,

действующий даже на больших мощных зверей, чего уж говорить о людях.

Как гласил свиток, они окружали жертву со всех сторон, хоть кто-то да и оказывался в выгодной позиции, чтобы рвануть её клыками или хлестнуть столь же ядовитым хвостом. А затем оставалось только ждать, пока добыча ослабеет и потеряет возможность сопротивляться. Звери, живущие неподалёку от больших городов, на собственной шкуре узнали, что с двуногими существами связываться не стоит. Но у этих страх перед людьми отсутствовал полностью.

— Отойди мне за спину и отступай медленно к болоту, — приказал он, не сводя взгляда со стаи.

Если бы волки их успели окружить, всё было бы кончено. Но, к счастью, грибы Бай Моу Гу росли среди болот, которые мешали волкам свободно передвигаться. Да и к лесам твари, похоже, были непривычны.

Фенг смотрел на стаю, стараясь удерживать её в поле зрения, усиливая давление ци. Он не мог сосредоточиться на ком-то одном, заглянуть ему в глаза, чтобы победить на одной лишь силе воли — ведь стоило это сделать, как все остальные накинудись бы разом. Если бы Фенг умел метать из глаз огненные лучи или яростные молнии, как это делали злодеи в кристаллах, он бы, конечно, уничтожил их всех за пару мгновений. Но, увы, убивать взглядом он пока что не умел. Фенг крепче сжал копьё, пытаясь не паниковать и что-то придумать, найти хоть какой-то выход.

— Откуда здесь столько волков? — слегка дрожащим голосом произнесла Айминь. — И почему они так странно выглядят? И это вообще волки?

— Отступай к болоту! Следи, чтобы я не треснулся там о камень! — прорычал Фенг.

Давление ци Фенга замедлило волков лишь ненадолго. Увы, он сильно проигрывал в размерах, так что уstrasшить их всерьёз не сумел. Впрочем, это не удалось бы и одинокому взрослому, не считая, конечно, мерзавца-учителя, который гонял бы волков своей палкой и заставлял их бегать, высоко поднимая колени, или отжиматься прямо посреди болота. Твари боялись лишь больших отрядов охотников, в этом случае предпочитая избежать схватки и найти цель полегче.

Будь Фенг один, забрался бы на дерево и попробовал удрать поверху, перепрыгивая при помощи ци с ветки на ветку. Хотя, возможно, волки гнались бы за ним до самой деревни и стало бы только хуже. Пусть несколько «учеников» Фенга и пробудили уже ци, но боевого опыта пока что не имели. Они бы непременно запаниковали и, вместо того чтобы собраться вместе и дать сражение, разбежались бы по сторонам. В отличие от своих лесных собратьев, эта разновидность волков не брезговала и падалью. Так что, не получив достойного отпора, они бы принялись убивать — взрослых и детей, коров, коз и кур, всех, кто попался бы им в клыки и когти. А потом остались бы пировать в деревне до тех пор, пока бы не явился отряд стражи или просто бы не осталось чем питаться.

Несмотря на то, что Фенг уже один раз сражался не на жизнь, а на смерть, ему стало очень страшно. Захотелось завизжать, как визжал бы ребёнок его возраста, и со всех ног броситься наутёк, прочь от опасности. С возможностями, полученными благодаря ци, убежать было бы очень просто. Однако, все меняло присутствие Айминь. Оно вовсе не придавало храбрости и решимости, как у героя кристалла, и не вызывало глупого детского желания не опозориться перед девчонкой. Он в полной мере знал пределы своих текущих сил и прекрасно понимал, что просто так убежать не выйдет. Даже усиль он тело ци, подними старшую сестру — убежать с таким грузом быстрее волков или скакать по деревьям

было невозможно.

Чтоб её! От этой дуры всегда одни только проблемы!

— Они окружают нас! Это не звери, а демоны! — голос Айминь задрожал ещё сильнее.

Фенгу стало очень обидно. Он столько пережил, так отчаянно тренировался, столько препятствий преодолел — и всё только для того, чтобы самым негероическим образом пытаться сбежать от каких-то глупых шавок!

— Они — мясо! — взревел Фенг.

Увы, даже этот боевой клич волков не напугал. От неожиданности они сделали шагок назад, но тут же снова подступили ближе.

Ци внутри бурлила и кипела, наделяя чувством всемогущества, подталкивающим принять сражение и убивать. Фенг понимал, что сможет проткнуть двух, максимум трех ближайших, но... что потом? Нелегкие годы крестьянской жизни научили его, что надо планировать наперёд, думать о последствиях поступков и слов. Чтобы не подохнуть зимой, следовало смотреть в будущее весной, осенью и летом. И картина, которую показывало это будущее, ему сейчас ничуть не нравилась!

— Держи копьё! — гаркнул он, подпрыгивая на месте.

Ци уже бурлила водоворотом, растекаясь по телу, усиливая его и укрепляя. Он подхватил Айминь словно тюк соломы и рванул со всех ног к болоту, ощущая себя тяжелой и неповоротливой улиткой, жалким слабым головастиком. Айминь визжала и тыкала копьём куда-то назад, а Фенг мчался, ощущая неуклонно приближающуюся и смыкающуюся вокруг ци. Последовало несколько выпадов, но ему удалось уклониться. Увы, тяжёлый ёрзающий груз на спине не только замедлял движение но и лишал равновесия, так что зубы какого-то особо удачливого зверя рванули его ногу.

Айминь полетела вниз и визжащим кулем покатила по прогибающейся под её весом земле, оставшись лежать в болотной луже. Фенг, успевший выдернуть копьё из её рук, снова издал боевой клич. Пусть на самом деле он просто заорал во всё горло, вкладывая в крик свой страх и отчаяние, но называть это боевым кличем было гораздо приятнее для самолюбия.

Отбросив глупые и несвоевременные мысли, Фенг совершил стремительный выпад, словно втыкая вилы в сноп сена. Наконечник пробил тело прыгнувшего волка и обагрился кровью, выходя у того из спины. Тяжёлая туша тут же притянула к земле, и только предельное напряжение мышц и ци в теле помогли удержаться на ногах. Он изо всех сил вздернул копьё и словно тот же сноп сена сбросил, не глядя, волка за спину. Туша соскользнула с древка и полетела точно в цель, сбивая с ног ещё одного зверя. Запах крови ударил в ноздри, а ярость ци, бурлящей в теле, почти застила глаза. С трудом сохранив ясность мысли, Фенг развернулся и ударил, почти не глядя, ориентируясь лишь на ощущение ци. Предсмертный визг показал, что он не промахнулся и достал ещё одного волка. Он присел, пропуская просвистевший над головой хвост и древком копьё блокируя другой. Чья-то когтистая лапа рванула его бок, и он резко ударил рукой, услышав хруст костей и жалобный вой.

Проигнорировав боль, он прыгнул к Айминь, на которую уже накинута два волка. Приземлился одному из них на спину, усиленными ци ступнями ломая тому хребет, а второго ухватил за хвост, раскрутил и отбросил прочь. Зверюга врезалась в своих собратьев, ринувшихся за добычей, и сбила их с на землю.

— Вглубь! — скомандовал Фенг, ощущая, как от перенапряжения и ран у него плывет

перед глазами.

Он не отпускал контроль ци, которая не только усиливала тело, но и сдерживала попавший через укусы яд. Духовное восприятие показывало, что ток ци в теле Айминь нарушен, краем глаза он заметил на её одежде следы крови. Волки уже поднимались, осторожно пробовали лапами воду, скалились и рычали. С кристальной ясностью Фенг осознал, что выбора у него нет. Пусть он еще и не стал карпом и даже на малька тянул с трудом но он либо взберется по этому «водопаду», либо погибнет и погубит Айминь.

Рук не хватало, так что он, не раздумывая, скинул с плеч плетёную корзину, которая, благодаря обучению у дедушки Яо, теперь ни капли не напоминала те первые кривобокие и неуклюжие поделия, словно специально созданные, чтобы одним своим видом как можно сильнее пытаться взоры ценителей прекрасного. Перехватил копьё поближе к острию и закинул за спину, обхватив рукоять своей ци и не давая упасть на землю.

Ци вновь взметнулась, он подхватил Айминь на руки, направляя энергию через стопы в тонкий качающийся слой болотной земли и плещущую под ним тёмную мутную воду. Он умел это делать в прошлой жизни, да и в этой успешные попытки уже предпринимал. Но раньше он всегда был налегке, находился в спокойной обстановке или сражался в учебном поединке, тогда ему не приходилось удерживать ци неудобное древко и тащить на руках тяжёлый шевелящийся груз. То, что сделать раньше он бы побоялся даже попытаться, получилось. Он придал твёрдости воде и решительно шагнул дальше, вглубь болота, туда где и так ненадёжная земля истончалась и переходила в открытую воду.

Фенг тут же пошатнулся и едва не упал, лишь тяжким напряжением ци и тела сумев удержать равновесие. Пусть дело оказалось очень непростым, но в нем все равно вспыхнула радость, торжество триумфа. Ведь он сделал это сам, без посторонней помощи и нелепых наставлений мерзавца-учителя, который ничего не объяснял, предпочитая колотить Ханя по спине палкой и обзывать непотребными словами.

— Жрите, твари! — прорычал Фенг, развернулся и побежал.

Он бы охотно побрел медленно, но вода под ногами прогибалась и расходилась, так и норовя затянуть его в трясину. Удерживать равновесие на бегу оказалось гораздо легче, к тому же волки не смогли вынести вида ускользящей жертвы, так что с воем и рычанием ринулись вслед. Они так не желали позволить уйти такой сладкой, такой доступной добыче, что утратили всякую осторожность.

Несмотря на то, что книга, заучивать которую заставлял негодяй-учитель, касалась сражения воинских подразделений, но описанные в ней уловки прекрасно подходили и для одиночного боя. Поэтому в полном соответствии с трактатом «Боевые стратегии неукротимого дракона» Фенг «показал слабость, чтобы принудить врага потерять силу».

Мимоходом похвалив себя за то, что даже в такой смертельно опасной ситуации не отпустил зрение ци, он ринулся вперёд, к выглядящей весьма крепко, надёжно и безобидно полянке, истинную суть которой выдавали лишь мелкие россыпи таких аппетитно выглядящих красных ягодок, свиток с описанием которых Ханю Нао тоже когда-то пришлось выучить наизусть.

Волки ринулись следом, подвывая и щелкая клыками. Лапы некоторых провалились сразу, другие зашли чуть дальше, и только у одного получилось проскочить и добежать до Фенга. Но тот уже успел добраться до раскидистых корней низкорослого болотного деревца, развернулся, и, удерживая Айминь одной рукой, другой сорвал со спины копьё и выставил его вперёд. Отточенное остриё пронзило волчью грудь и вышло из спины. Фенг отпустил

сестру, ухватил рукоять второй рукой, потянул назад и, проворачивая остриё в ране, сам зарычал ему прямо в оскаленную пасть.

— Тебе никогда не стать таким, как я, тварь! — заорал Фенг. — Я — повелитель ци и мяса!

Он выпустил древко из рук, ухватил большую косматую голову и резким движением усиленных ци рук свернул волку шею. Он наклонился, с дикарской кровожадностью впился зубами в на мгновение открывшуюся шею и вырвал большой клок шкуры, мяса и жил. Остатки стаи дрогнули, попытались развернуться и удрать, но ничего не вышло, они лишь сильнее вязли в трясине. Фенг выплюнул изо рта мясо и теплую кровь, отбросил труп волка, мимоходом подумав, что надо бы его разделать и съесть, а шкуру обработать и продать. Конечно, кроме копья и жалкого ножа, оставшегося где-то в корзине, у него ничего не было, и задача предстояла нешуточная.

— У меня есть ци, этого достаточно, — пробормотал он насмешливо.

Воспоминания об учителе, как всегда, вызвали ненависть и прилив сил. Фенг направил ци в места укусов, выжигая в себе слабость и яд, разгоняя кровь и закрывая раны. Затем вспомнил об Айминь и развернулся, склонился над ней, с облегчением поняв, что та еще жива. Раны выглядели очень скверно, обычный человек давно бы умер. И не владей сестра ци, пусть даже самыми основами, яд давно бы дошёл до сердца, если бы, конечно, потеря крови не убила её раньше.

Но, несмотря ни на что, взор Айминь угасал. Фенг обратился к сердечному даньтяню, направил в руки чистую исцеляющую ци и сунул ладони прямо в раны старшей сестры, спеша передать часть своей силы. К счастью, он вовремя опомнился и, пока не свершилось непоправимое, умерил ток энергии, делая его плавным и равномерным, как когда-то обучал мерзавец-учитель. Выжечь яд, убрать грязь и мусор, ускорить течение собственной энергии и придать жизненных сил: плавно и осторожно, не торопясь и не медля. Прошло совсем немного времени как Фенг заметил, что Айминь оживает, а к её щекам приливает румянец.

— Ты... ты... — пробормотала она, — ты сражался с волками.

— Выхода не было, — ответил Фенг. — И не дергайся, ты ранена.

— Ты, — повторила Айминь, — убил их.

— Не всех, — мотнул головой Фенг в сторону завязших и поскуливающих зверей. — Но сейчас добыю.

Он одолел новых свирепых противников, сделал это даже имея на руках неподвижное раненное тело, использовал в сражении не только силу, но и знания. Можно было порадоваться, возгордиться своим достижением, но победителем себя он не чувствовал. К тому же, кое-что до сих пор не давало покоя.

Несоответствие поведения тварей, непонимание, что они делают в непривычной местности, слишком уж разумное и обдуманное поведение, пусть и не разительно, но всё-таки расходящееся с описанным в свитках.

Фенг не забыл сражение с речным чудовищем, поэтому, несмотря на то, что прекрасно чувствовал всё ещё наполнявшую зверьё жизнь, смешал все три типа ци и пустил её широкой слабой волной, словно вызывая брошенным камнем круги на спокойной болотной воде.

Как оказалось, сделал он это вовремя. Ци мгновенно высветила не только Айминь и волков, не только выявила всю мелкую живность, которую Фенг и так чувствовал краем создания, но и показало что-то большое, сильное и, если судить по «привкусу» ци, очень свирепое и кровожадное.

Почувствовав энергию Фенга, тварь сразу поняла, что её обнаружили, и тут же перестала скрываться. Один из больших кустов вдалеке пошёл волнами, его листва сначала превратилась в отдельные пятна, а потом и вовсе исчезла, показывая такую же буро-серую шкуру, что и у остальных волков. Скрываемая до того ци вспыхнула ярким огнём, излучая вокруг злобу и сосущий всепожирающий голод.

Волки, увидав вожака, радостно завывали и задёргались, но тем самым ещё глубже погрузились в болото.

Получив ответы на мучавшие его вопросы, Фенг ни капли не обрадовался. Вожак оказался огромным, даже больше родительской коровы, обладал, помимо клыков, хвоста и когтей, ещё и двумя короткими острыми рогами, наполненными чуть светящейся ци. Фенг поразился подлости и безжалостности зверюги, которая, не колеблясь, использовала членов стаи, чтобы прощупать противника и провести разведку, в случае успеха намереваясь, очевидно, забрать их добычу, а в случае неудачи оценить врага и решить, стоит ли нападать или бежать.

Фенг собрал ци и пропустил сквозь тело, стараясь казаться как можно более сильным и внушительным, вселить во врага страх или опасение, что противник ему не по зубам, что сейчас лучше отступить и жрать не его, а собственных сородичей.

Увы, затея не сработала, тварь медленно, словно предвкушая предстоящий обед, сделала несколько шагов вперёд, облизываясь длинным раздвоенным на кончике языком.

Оставалась надежда на защиту болота. Тварь весила намного больше остальных членов стаи, а значит, пройти не могла. Но, увы, и этой надежде не удалось оправдаться. Тварь ступила на ловушку болотной трясины, но не только не провалилась, но и, выпустив ци из широких лап, уверенно двинулась вперёд.

Спасения не было, по-прежнему оставался выбор только из двух вариантов: погибнуть вместе с Айминь или всё-таки дать бой. Шансы отправиться на перерождение были высоки и во втором случае, но так существовала хотя бы призрачная возможность выжить.

Фенг ухватил копьё и побежал вперёд. По направлению к твари, но чуть в сторону, чтобы не дать той решить, что Айминь, лежащая на вполне надёжных корнях, — более доступная и аппетитная жертва.

Идти по воде без груза оказалось поразительно легко, так что, пробегая мимо одного из завязших волков, Фенг мимоходом ткнул его копьём в шею. Тот жалобно заскулил и задёргался.

— Слышишь, тварь? — заорал Фенг. — Так будет и с тобой!

Монстр заревел и бросился вперёд.

— Только трусы сбиваются в стаю! — прокричал Фенг свою же цитату из прошлой жизни.

Тварь прыгнула. Фенг до предела напряг ци, ощущая, как всё вокруг стало двигаться неторопливо, словно замедленная сцена из кристалла. Ударом ладони он отклонил когтистую лапу, ушёл от просвистевшего хвоста и щёлкнувших челюстей, оттолкнулся ногами и запрыгнул на косматую спину. Размахнувшись, он изо всех сил вонзил копьё в загривок твари, уже празднуя скорую победу.

Если бы всё оказалось так просто, то тварь ни за что не смогла бы стать вожаком. Копьё ударило об невероятно крепкую шкуру и соскользнуло, словно тренировочный меч по боевым доспехам гвардейца. Свистнул хвост, и Фенг, сделав кувырок, отпрыгнул прочь.

Уклоняясь от ударов и укусов, он усиленно думал. Задача оказалась сложнее, чем

казалась на первый взгляд, приближаясь на пару шагов ближе к отметке «невыполнимо». Он чувствовал, что тварь не использовала ци, что подобная твёрдость являлась свойством самой шкуры.

Словно решив продемонстрировать, что ци нужна ему для других дел, монстр взрыкнул. Фенг согнул ноги в коленях и отпрыгнул прочь, прокатившись по водной поверхности. В то место, где он только что стоял, ударил яркий сгусток огня, возникший прямо между рогов твари, назвать которую «волком» теперь и вовсе не поворачивался язык.

Фенг встал на воду и осторожно повёл остриём копья, ожидая новой атаки. Но, к его ужасу, вожак потерял к нему интерес. Он потянул носом воздух, насмешливо тявкнул, как бы спрашивая: «Ну и что ты мне теперь сможешь сделать?», и повернул голову вбок, туда, где до сих пор лежала Айминь.

К собственной досаде, Фенг понял, что тварь права. Копьё не могло пробить шкуру, поразить в маленькие глазки мешали тяжёлые надбровные дуги, а ударить в пасть, как он когда-то сделал с речным хозяином, было сущим самоубийством из-за огненных техник вожака.

Фенг мог наполнить копьё ци, но ощущал, что простое укрепление эту шкуру не пробьёт, а Огонь, которым он наловчился управлять в кузне, лишь уничтожит оружие, ни капли не навредив твари, принадлежащей к огненному типу.

За время работы в кузне Фенг не только нагревал горн, овладевая Огнём, не только охлаждал заготовки, используя силу Воды, но и научился очищать медь и железо, осваивая Металл. Вот только он не владел этими стихиями в достаточно хорошей степени, да и изо всех металлов тут имелись только его наконечник копья, да маленькие грязные комки руды где-то в глубинах болота. Ни Деревом, ни Землёй, которые помогли бы в подобной обстановке, Фенг не владел.

В голове возникла отчётливая и ясная мысль, продиктованная не трусостью и малодушием, а трезвой оценкой ситуации. Он может просто уйти. Пока тварь занята Айминь, он успеет удалиться на достаточное расстояние, а потом просто побежит изо всех ног, при необходимости двигаясь по деревьям.

Айминь была глупа, надменна и невыносима, она раздражала и бесила, особой привязанности к ней он так и не испытал. В этом бою он просто не мог победить: ведь все обстоятельства оказались против него, да и в деревне никто не знал, что они в лесу вместе.

Уйти. Это было очень хорошее и очень разумное решение, не несущее никаких последствий, ни моральных, ни физических. Да, было обидно, вот только от обиды, в отличие от клыков, когтей, шипов и огненных техник, никто не умирал. Вот только это стало бы решением мудрого головастика, может даже малька, но ни в коем случае не карпа, стремящегося к вратам дракона.

«Слабый лелеет обиды, сильный — меняет себя и мир», мелькнула в голове собственная цитата, и Фенг с облегчением улыбнулся. Да, он может уйти. Но тогда отсюда уйдёт не Хань Нао, стремящийся стать героем и превзойти учителя, а... а просто Фенг, испуганный ребёнок из Дуоцзя, деревни, на которую сморкаются боги. А если выбора не было, тогда для чего забивать себе голову ненужными размышлениями в тот момент, когда предстоит отличная тренировка?

Фенг провёл рукой по древку копья, пропуская сквозь него ци. Он выбрал очень хорошее и крепкое дерево, самое крепкое изо всех, которые удалось найти. Остриё он выковал сам, и пусть оно так и не превратилось в Звёздную Сталь, но ничего лучше не

нашлось бы во всей провинции!

Он вобрал в себя ци, поднял ногу, упирая ступню в колено второй ноги, стоящей на водной глади. В одной руке он сжимал копьё, а вторую сложил в жест концентрации, закрываясь от окружающего мира.

Противник, потеряв его присутствие, заволновался, мотнул головой. Но сладкая аппетитная Айминь манила своим незащищённым телом, в которое так и хотелось побыстрее вонзить клыки, поэтому тварь сделала несколько новых шажков вперёд.

Фенг распахнул глаза, качнулся, наклонившись почти к самой воде, словно распластавшись по поверхности. Всё ещё удерживая жест концентрации, вытянул копьё вперёд, делая его словно продолжением собственного тела. Ци забурлила, но осталась в теле, не в силах вырваться из удерживающих её оков. И единственный выход для неё остался только через руку, в рукоять и дальше — в наконечник копья.

Фенг никогда такого не делал, он лишь читал упоминание об этом в свитках, вскользь, мимоходом. Но разве подобное могло бы остановить героя? Рукоять копья сильно нагрелась и задымилась, не в силах сдержать огненную ци. Фенг осторожно, словно на тренировках по исцелению, добавил в неё ци, преобразованную в Воду. В предыдущей жизни повторить такое ни за что бы не получилось, ведь даже для настоящих мастеров для этого требовались не годы, а десятилетия. Но за пазухой у Фенга имелись, жаль, что не буквально, подходящие спрятанные кинжалы! Ци из верхнего даньтяня и так усиливала контроль, а в совокупности с сердечной ци, помогающей тонко ощущать собственное состояние, превращали задачу из безнадёжной в просто очень трудную.

Две стихии, смешавшись, породили то же, что всегда происходит во время грозы, когда посреди льющейся из облаков воды появляются проблески небесного огня. Остриё копья, раскалившееся докрасна, засветилось ярким голубым светом, на нём зазмеились, стекая на рукоять, зигзаги маленьких молний.

Словно стрела, выпущенная умелым лучником, Фенг полетел вперёд, прямо на монстра. Лишь в последнее мгновение он отпустил концентрацию, перехватил древко второй рукой и вонзил изо всех сил в тело демонического волка. Разумеется, он не стал рисковать и делать ставки, пробьёт ли копьё, пусть и усиленное сдвоенной стихией, прочнейшую шкуру чудовища. Поэтому направил остриё в самое надёжное и уязвимое место — под высоко задранный шипастый хвост.

В последнее мгновение монстр что-то почувствовал, дёрнулся, попытавшись развернуться, но было уже поздно. С лёгкостью скорректировав позицию копья, Фенг вонзил его до середины рукояти.

Тело твари задёргалось в конвульсиях. Разряды молний пробежали по её шкуре, встопорщив дыбом каждый волосок, каждый шип и чешуйку. С рогов сорвался огненный сгусток и улетел куда-то в небо.

Рукоять, не выдержав напора ци, стала рассыпаться прямо в руках, и Фенг дёрнул её на себя, вытаскивая копьё из задницы твари. Даже не думая о брезгливости, он схватил покорёженный наконечник, чудом не слетевший с разрушенного древка, и забежал к боку твари, избегая возможной атаки. Наконечник, крепко сжатый в ладони, оставлял тяжёлый ожог, но Фенг не обращал внимания на боль, направляя остриё на тварь, готовясь отразить новую атаку.

Которой так и не последовало. Зрение ци показало, что жизнь и ци окончательно покинули тело монстра, и теперь оно стало медленно погружаться в трясину.

Трофей! Если Фенг промедлит, то никто не поверит ни ему, ни Айминь, посчитав это глупыми детскими враками. Он сунул наконечник за пояс и, ухватив почти ушедшую под воду тварь за хвост, потянул к берегу.

Наблюдавшие за его действиями волки окончательно осознали свою судьбу, жалобно заскулив.

Фенг оскалился: твари поняли его намерения абсолютно правильно. Дотащив вожака до суши, Фенг неторопливо подошёл к каждому из волков и деловито, словно крестьянка, обходящая коз во время утренней дойки, вонзил наконечник копыя каждому из них в глаз. Вытащив туши на берег, он подобрал свою корзину, вкинул туда верное остриё и повесил её на плечи, после чего вернулся на островок и склонился над Айминь.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами. Её щёки покраснелась и это нельзя было списать на один только румянец. Фенг вдруг увидел, что, спеша вылечить, порвал на Айминь одежду, и та теперь лежала под ним, почти обнаженная. Жалкие обрывки практически не скрывали ее груди и шеи, тоже ставших красными.

Фенг отстранённо подумал, что упражнения и тренировки с ци никому в деревне не пошли на пользу так, как его сестре. Её кожа стала чистой, словно лучший нефрит, ноги построинели, талия стала тоньше, грудь сильно округлилась, а лицо приобрело более тонкие, почти аристократические черты.

Она тяжело дышала и смотрела на него так, словно он вдруг перевоплотился в кузнеца Йи. Фенг немного смутился, ощутив жжение внизу живота, которое точно не имело отношения к нижнему даньтяню!

— Ты убил их всех! — прошептала Айминь своими алыми пухлыми губами.

Тело словно само по себе подалось вперёд, еще сильнее нависая над сестрой. Но он мотнул головой, прогоняя одурь. Ну он-то ладно! В прошлой жизни Хань уже был взрослым, так что его влечение к красивым женщинам понятно и естественно. Но Айминь! О чём думала Айминь? Ведь для неё Фенг был ребёнком, которому не исполнилось и двенадцати лет!

— Убил и убил, — грубо ответил он, поднимаясь, — нечего на меня пасть раскрывать.

Сколь бы красивой ни стала Айминь, но сравниться с Мэй она не могла. Его тело еще пыталось подавать знаки, уверяя, что он и Айминь не кровные родственники, но Фенг, образно говоря, уже взял тело за горло и сдавил, не давая желаниям взять верх. Перед его глазами предстала Мэй в объятиях мерзавца-учителя, и вскипевшая ярость мгновенно помогла прийти в себя. Фенг разогнал бурлящую кровь и ци по телу, направляя на раны и ожоги, ускоряя исцеление.

— Да ты и правда великий воин, — вдруг сказала Айминь и села.

— Стать таковым мне лишь предстоит! — рассмеялся Фенг.

Она прикрыла себя руками, попытавшись закрыть лохмотьями тело, и Фенг облегченно выдохнул. Кажется, миновала очередная проблема, хотя по сравнению со стаей волков все это были мелочи. Он выпустил из кончиков пальцев немного ци и невольно улыбнулся, краем глаза заметив, что Айминь содрогнулась и отодвинулась.

Фенг присел и зачерпнул болотной воды, очищая её от грязи и крошечных демонов, как когда-то показывал учитель. Смывая кровь с лица он подумал, что теперь у него есть чем разделать волков, но стоит ли это делать здесь или лучше дотащить их до деревни? Вот только следовало предупредить Айминь, чтобы поменьше трепалась о подробностях битвы, хотя где-то глубоко внутри Фенг понимал, что это бесполезно. Отойдет от шока и разболтает

всей деревне, заодно приукрасив до неузнаваемости. Немного подумав, он махнул рукой, не запугивать же её до полусмерти?

— Ты — воин! — не сдавалась сестра. — И великий! Никто бы не смог справиться с этими монстрами!

— Нет, — ответил Фенг, — я пока не великий воин, ещё даже не карп.

— Что? — Айминь отодвинулась дальше. — Тебя укусили? Фенг, у тебя опять помутился разум? Или кто-то вселился?

«Угадала», — весело подумал Фенг, все еще глядя в воду, словно любясь отражением, которое в стоячей болотной воде получилось не хуже, чем в самом лучшем серебряном зеркале. Пусть Фенг и стремился стать учителем, но хотел это сделать только в духовном смысле, а не телесном. К счастью, в воде отражалось красивое лицо с правильными чертами, которое уже можно было назвать юношеским, а не детским. И это лицо ничуть не напоминало отвратительную хитрую и самодовольную физиономию учителя! Впрочем, целью Фенга было не только стать как учитель, но и превзойти его. И то, что он превзошёл его внешностью уже сейчас, заставляло заветную цель казаться гораздо ближе.

Да, Хань вселился в Фенга, но и Фенг вселился в Ханя. Они изначально имели одну душу, так что почти сразу же стали единым целым. Вопрос имел два противоположных ответа, каждый из которых являлся правильным.

— Нет, не вселился, — ответил он коротко и, поднявшись, скомандовал. — Вставай, нужно побыстрее убираться отсюда и забрать волков, пока не сбежалось остальное зверьё.

— Но как же мы переберемся обратно через болото?

— Придется еще раз взять тебя на руки или посадить на шею, — проворчал Фенг.

Благодаря ци он мог поднять огромный груз, но это не значило, что его руки стали длиннее, а тело увеличилось до размера дерева. Не годилось бросать столько мяса и костей, но как их тащить? Перенести Айминь, потом вернуться? А если придут новые волки? Перетаскать сначала трупы? Так пока тащишь одного, зверьё растащит остальных и задёрёт Айминь! Ци, конечно, поможет, но уж точно не утащить всех разом. Вот если бы у него было пространственное кольцо, как у героев кристаллов...

Фенг мотнул головой. Разогнался! Не научился ещё делать простые талисманы, а уже размахнулся на такие артефакты! Кольцо, конечно, сделать не получится, только купить у мастера, которые, если судить по кристаллам, имелись в каждом более-менее большом городе. К сожалению, не в ближайшем — Фенг уже расспрашивал торговца, но тот предлагал только украшения, а о настоящих кольцах и не слышал. К тому же Фенг был уверен, что стоит подобная штука должно целое состояние, больше, чем стоит вся деревня! И, несмотря на зажиточность семьи, таких денег у него пока что не было.

Погружённый в размышления, он не сразу понял, что чего-то не хватает. Стояла странная и непривычная тишина. Он обернулся и увидел, что Айминь всё стоит, снова вся красная, прикрывая себя и лохмотья руками.

— На руки? — спросила она странно высоким голосом. — Ты хочешь взять меня на руки?

— Да, пожалуй, лучше вначале зашить твою одежду, — решил Фенг, отводя взгляд.

— Но мы же посреди болота и у нас ничего нет!

Фенг фыркнул, не удержавшись.

— Что я всегда говорил на тренировках?

— У меня есть ци, этого достаточно! — послушно повторила Айминь и неуверенно

добавила: — Абсолютли!

Фенг снова отвернулся и уставился на кучу волчьих трупов, лежащих на берегу. Похоже, он придумал проблему там, где её нет. У него тоже есть ци, а сразу за топами начинают расти высокие деревья. Будет, конечно трудно, но если затащить тварей на деревья и развесить на ветвях, то можно отвести домой Айминь и тут же вернуться, лучше всего с подмогой из лучших учеников. У него в корзине есть даже верёвка, пусть и не длинная, но связать лапы хватит. Одну тварь, лучше всего вожака, можно захватить сразу. Вот только если бы ранение у того было бы хоть чуточку более... героичным.

За спиной раздался громкий всхлип, и Фенг понял, что давно сдерживаемое напряжение готово излиться из Айминь обычными девчачьими рыданиями, к чему он снова-таки пока что готов не был. Он вновь, в третий раз повернулся к сестре и взглянул на неё исподлобья.

— Я ничего не смогла-а сдела-а-ть, — давясь слезами, провыла она. — Хоть и тренеров-а-алась.

— Если бы не ци, ты бы уже умерла, — жёстко сказал Фенг, выбрав момент между всхлипами. — Я бы не успел тебя вылечить. Ну а теперь, как видишь, не осталось даже шрама, кузнец будет доволен.

Айминь услышав о шрамах, зарыдала ещё больше.

— Но ты права, справилась ты плохо, — добавил Фенг. — Так что тебя ждёт наказание.

Рыдания прекратились почти мгновенно, словно в кристалле, когда кто-то активировал талисман купола тишины.

— Наказания? — переспросила Айминь почти нормальным голосом, лишь изредка всхлипывая. — Ты меня накажешь?

— Ну конечно же нет! — бодро сказал Фенг. — Разве можно назвать наказанием, когда кто-то помогает тебе справиться с собственными недостатками и стать сильнее? Извини, я оговорился. Наградой! И награжу я тебя сотней кругов вокруг деревни, высоко поднимая колени! Что позволит тебе стать намного быстрее и выносливей, способной когда-нибудь убежать от любого монстра!

— А можно ты не будешь бить меня бамбуковой палкой? — осторожно, словно изначально не веря в успех своих слов, предложила сестра.

— Но ведь тогда в великой триаде будет недоставать главного компонента: тренировки духа, позволяющего переносить лишения и с ясным взором смотреть в будущее, — задумчиво ответил Фенг.

— Но мой дух и так силён! — не сдавалась Айминь.

— А знаешь, — неожиданно согласился Фенг, — это можно устроить. Но при одном условии.

— Каком же? — не поверила своему счастью Айминь.

— Если в деревне расскажешь, что самого свирепого монстра я поразил в глаз!

Глава 15, в которой герой встречает новую жизнь во всех возможных смыслах этого выражения

Фенг нервничал. Для него, победившего множество чудовищ, сражавшегося в лесу, воде и на болоте, подобные чувства должны были казаться до смешного нелепыми. Но, даже используя все известные способы сохранять спокойствие, унять волнение никак не получалось.

И дело было даже не в том, что близился день летнего солнцестояния, а значит, ему, родившемуся предположительно весной или, может, зимой, уже наступила первая дюжина лет, так что пришла пора получить взрослое имя и перестать считаться ребёнком.

Пусть самого главного и желаемого получить и не удалось, но в этом плане он давно всё уладил. Пришлось потратить немало усилий, чтобы втереться в доверие к жрецу и завести с ним приятельские отношения — насколько вообще возможна дружба между ребёнком и глубоким стариком. Сделать несколько ценных даров, типа горшков лесного мёда и хорошо выделанной с помощью ци волчьей шкуры, «чтобы у вас, дедушка, не мёрзли колени». Со временем жрец осознал, что этот милый, приветливый и такой добрый парнишка Фенг — прекрасный пример для подрастающего поколения и, в отличие от всей этой современной молодёжи, праздной, ленивой и не почитающей старших, хорошего звучного имени более чем заслуживает.

И всё равно Фенг испытывал сожаления. Сколько бы он ни напрягал голову, какие бы способы пробуждения памяти не изобретал, вспомнить имя учителя он так и не смог. К сожалению, в тот злосчастный момент он просто никого не слушал, а выудить из памяти оказалось можно лишь то, что в ней когда-то было.

Самое обидное заключалось в уверенности, что вспомни Фенг, как зовут учителя, от решения взять его мерзкое проклятое имя он бы рано или поздно отказался. Рассмотрел бы идею с разных сторон, нашёл бы в ней кучу недостатков, придумал бы имя во много раз лучше.

Но именно загадочность и недостижимость делали имя учителя столь желанным, населяли сердце множеством демонов, превращая желание «стать таким, как он» в какую-то одержимость. Фенг признавал эту одержимость, научился использовать её силу, чтобы ещё больше и тяжелее тренироваться. Но всё равно отделаться от лёгкого чувства поражения никак не получалось.

В их с учителем битве, о которой тот пока что не был в курсе, царило равенство. Фенг сильно выигрывал во внешности — по мере взросления его лицо обретало всё большую мужественность и волевою красоту, не оставляя отталкивающей физиономии учителя ни малейшего шанса. Вот только учитель с лихвой наверстал утраченное преимущество, украв у Фенга его будущее имя.

Но сейчас, в этот момент, его волновали не имена и не учителя. И не тренировки, ведь он стоял и ничего не делал, просто ждал.

— Волнуешься, Фенг? — спросил отец. — Зря. Всё будет хорошо, а уж теперь — и подавно.

Фенг взглянул на отца, на братьев и сестёр, стоящих или сидящих на траве поблизости от дома, и мотнул головой.

— Не беспокойся, Фенг! — сказал староста Ван, который явно решил, что событие,

столь важное для уважаемых членов деревни не может обойтись без его присутствия. — Почтенная Цзишань — лучшая повитуха на ближайшую дюжину деревень! Я сам, это, значит, привёз её на повозке!

О своих великих заслугах и неоценимой помощи староста рассказывал уже раз пять, и Фенга каждый раз удивляло, насколько за последние годы всё изменилось. Раньше Ван постоянно пыжился и надувал щёки, а отец разговаривал с ним заискивающим тоном и постоянно отводил глаза. Теперь, после получения возможности вдоволь питаться, длительного скрытного целительского воздействия Фенга, пробуждения ци и усиленных тренировок отец перестал выглядеть жалко и тщедушно. Его плечи и спина расправились, движения стали плавнее и величественнее, борода и усы стали столь густыми и шелковистыми, что им позавидовал бы и столичный чиновник! Пусть он пока что не отрастил потерянные зубы, но с оставшихся сошла чернота, и они белоснежно поблёскивали даже сейчас, в свете вечерних факелов. Он больше не выглядел потухшим стариком, максимум, сколько дал бы этому сильному широкоплечему мужчине незнакомый человек — три дюжины лет. И теперь не отец, а староста пытался угодить, чтобы получить расположение и одобрение Широнга и всей его семьи.

Братья тоже похорошели и заматерели. Канг и Ганг слёгкостью нашли себе жён и покинули отчий дом. Обе жены, как и большинство населения деревни, являлись учениками Фенга и даже пробудили в себе ци.

Иинг и Айминь пока что замуж не вышли, но вовсе не потому, что не было желающих. Взять в жёны таких красавиц, да ещё и из богатой семьи, желали очень многие. Но эти дурёхи крутили носом, ведь из рассказанных Фенгом историй они почерпнули не важность тренировок, упорства духа, целеустремлённости и героизма, а то, что «городские» девушки должны демонстрировать недоступность, пока их внимание завоёвывает наследник великого рода или даже принц.

Больше всего изменения коснулись мамы. Та тоже словно скинула несколько дюжин лет, распрямилась и даже стала выше ростом. Её лицо разгладилось и лишилось морщин, глаза заблестели, а губы стали призывными и алыми. Об изменениях, произошедших с её фигурой, ранее напоминавшей очертаниями мешок соломы, не стоило и говорить — завидовать стала даже Айминь, которой жаловаться — только гневить богов!

Вновь обретенная молодость, да красота, о которой раньше она не посмела бы и мечтать, привели к закономерному результату. И вот теперь, через девять месяцев, Фенг стоял перед закрытой дверью и ждал известий. Он не особо хотел присутствовать при родах, но никому из семьи подобной возможности и не дали. Сварливая бабка с властными повадками, куда там наместнику провинции, выгнала их из дому с шипением и криками.

— Конечно, он волнуется! — прогудел Канг. — Это же наша мама! Мы все волнуемся!

Фенг лишь кивнул в ответ на слова брата. И этим кивком соврал лишь частично.

К своей новой семье он испытывал приязнь, желал им только самого лучшего. Подружился с братьями и научился терпеть сестёр. Но он их так и не полюбил, как они не полюбили его. Когда-то он был чужаком, приёмшлем из города, и пусть, к чести Широнга и Зэнзэн, они не выделяли его среди прочих своих детей, раздавая питательные и вкусные тумачи всем поровну, Фенг прекрасно ощущал чёткую границу. Потом, когда удалось преодолеть нищету и ворох ежедневных изматывающих забот, тёплые чувства окрепли, но строились они не на любви, а взаимном уважении.

В обеих жизнях он любил лишь своих настоящих родителей — матушку Лихуа, которая

так не чаяла в нём души, что потакала любимым капризам, и отца Гуанга — с виду сурового и властного, но готового ради счастья сына, как он это счастье понимал, впустить в дом настоящего демона и обречь на уничтожение весь род. Сейчас, с течением лет, Хань всё понял и простил это предательство. У родителей просто-напросто не было ни малейших шансов противостоять демоническому колдовству учителя и его техникам воздействия на разум.

Но, несмотря на отсутствие сыновней любви, мама Широнг тоже стала теперь не чужой. Так что с помощью зрения и восприятия ци Фенг наблюдал за родами прямо с улицы, не пуская ситуацию на самотёк.

Поначалу всё шло неплохо. Ци мамы, лежащей внутри дома, сияла ярким и здоровым светом, сливаясь с ещё одним слабым и теряющимся источником жизни в её животе. Рядом с ней мерцал тусклый огонь, явно принадлежащий повитухе. Когда начались пульсации ци, обозначающие потуги, Фенг увидел, как ци повитухи склонилась над мамой, как от низа маминого живота отделяется тёплый сильный комок. Но потом что-то произошло, и комок стал угасать.

— В дом! — решительно сказал Фенг, направляясь к дверям.

— Но ведь почтенная Цзишань... — начал Ван.

— Сколь бы почтенной она ни была, убить свою маму и её ребёнка я не позволю, — отрезал Фенг.

Он чувствовал, что дверь задвинута на засов, но это не имело значения. Всплеск ци из приложенной напротив засова ладони — и дверь распахнулась, а остатки толстого деревянного бруса осыпались на пол.

Фенг решительно зашёл в родительскую комнату, а за ним ввалились родственники и староста.

— Вы чего припёрлись? — завопила повитуха. — Сейчас важный момент, а вы мешаете!

Фенг окинул взглядом окружающую обстановку. Несмотря на вид обнажённого женского тела, открывшаяся картина не несла ни капли возбуждения. Он прекрасно помнил свиток, тот самый, с помощью которого негодяй-учитель унизил его перед Мэй. И понимал, насколько быстро эта скверная ситуация может стать безнадёжной.

Ребёнок уродился крупным и сильным, вот только положение, в котором он пытался явиться на свет, оказалось совершенно неподходящим. В свитке имелось множество способов решить проблему, но глупая бабка сделала всё только хуже — и теперь внутренним зрением Фенг видел, что обвившаяся об шею ребёнка пуповина вот-вот лишит того жизни. Его удивило, что повитуха не использовала ни золу, ни особую глину, ни отвары трав, чтобы очистить руки. А ведь о важности чистоты в свитке повторялось целых полдюжины раз!

— Убирайтесь! — продолжала верещать Цзишань. — Из-за вас ребёнок может умереть!

— Он умрёт только из-за тебя, — отрезал Фенг. — Уйди, роды приму я!

— Сопляк! Я четыре дюжины лет этим занимаюсь! Что ты вообще можешь понимать?

Фенг открыл рот, чтобы резко ответить, а если нужно — отвесить бабке пинка, но послышался негромкий голос мамы.

— Он из города! — сказала она.

— Из города? — раскрыла рот повитуха и осмотрелась по сторонам.

Дружные кивки отца, братьев, сестёр и старосты, набившихся в дверях, подтвердили, что да, Фенг действительно из города. Так что, отодвинув Цзишань в сторону, Фенг

подступил к маме.

Руки, как предписывал свиток, вымыть было нечем. Даже тёплая вода в деревянной бадье была мутной. Что же, у него имелась ци, и этого было достаточно.

Фенг вскинул руки в воздух, и по ним прокатилась лёгкая огненная волна, столь быстрая, что лишь уничтожила невидимых демонов и опалила волоски на тыльной стороне ладоней.

Он зажмурился, чтобы зрелище мамы его не отвлекало от ощущений жизни, и засунул руку внутрь, обхватывая плод своей ци. Фенг бы охотно рассек пуповину и уничтожил ее, как засов на входной двери, но тогда будущий ребенок задохнулся бы прямо на границе новой жизни, об этом прямо говорилось в свитке. Поэтому Фенг использовал ци, чтобы охватить плод и начать поворачивать его в нужную позицию, попутно сдвигая пуповину, чтобы не мешала. Мысленно он неохотно признал, что был несправедлив к повитухе. Плод действительно находился очень неудачно, вытянуть его даже с помощью ци, не навредив матери и не убив ребёнка, не получалось.

И тогда он прибегнул к ещё одному способу, описанному в свитке как самый опасный и сложный. Он приложил палец маме к животу и, тщательно дозируя силу и глубину ци, провёл по нему, от одного бока к другому, создавая широкий разрез. Плоть разошлась легко, словно ветхая ткань под лезвием кинжала, и Фенг провёл еще один разрез, уже внутри утробы, дабы добраться непосредственно до плода.

Затем Фенг пустил ци, останавливая кровотечение, засунул руки в зияющую рану и достал ребёнка, не сдерживаемого больше плотью матери, и, наконец, отрезал пуповину. Он знал, что ребёнка следует шлёпнуть, дабы тот вдохнул и закричал, но у него имелись способы намного надёжней. Очередной импульс ци — и изо рта ребёнка выскочил комок слизи и жидкости, словно демонстрируя, что даже выйди младенец, как положено, из утробы, все равно возникли бы проблемы.

С запозданием, словно не веря, что всё осталось позади, ребёнок заорал. Фенг подхватил отрез чистого полотна, завернул в него ребёнка и сунул в руки ошалевшему отцу. Затем вновь склонился над матерью, свёл поочередно края ран, проводя каждый раз по разрезам ладонью, словно стирая рисунок на мокром речном песке. Подчиняясь воздействию сердечной ци, раны закрылись, словно их тут никогда и не было.

Отец, получив от Фенга пинок по щиколотке, кивнул и вручил ребёнка матери. Та счастливо прижала его к груди.

— Поздравляю, у нас мальчик! — запоздало и невпопад выпалил Фенг, на которого только сейчас навалилось осознание происшедшего.

В доме воцарилась внезапная тишина, нарушаемая только чмоканьем ребёнка, уже присосавшегося к груди Зэнзэн.

Все уставились на Фенга, словно он являлся воплощением Двенадцати Богов.

— Мне надо попасть в город, — наконец нарушила молчание повитуха Цзишань.

☹ ☹ ☹

— Мир вокруг нас был создан дюжиной богов, и каждый из них произвел столько же актов божественного творения. Каждый из богов сотворил по зверю, птице, человеку, по части земли, воды и небес, и таким образом появились двенадцать первых людей и дюжина божественных зверей, и потому число это священно, — бормотал старенький, наполовину слепой жрец. — В двенадцать раз священнее остальных.

Фенг, стоявший среди других своих сверстников, нетерпеливо постукивал ногой. Он

снова обернулся, словно странствующий торговец должен был появиться точно в момент начала церемонии. Глупость, конечно, ведь измерению времени в крестьянской жизни придавали очень мало значения. Тут не отсчитывали часов, не особо заморачивались точным днем рождения, а взрослыми именами, как правило, нарекали в день летнего солнцестояния, взывая к богам и духам природы.

Днем больше или днем меньше, никого особо не волновало, если только речь не шла о праздниках или начале сева. Да и то дни считал, помимо жреца, только староста Ван — ведь именно ему следовало подготовиться к приезду сборщика податей. Тот тоже не отличался особой точностью, требовал лишь, чтобы к заданному числу налоги были собраны и дожидались его в отдельном сарае. В последние годы количество собранных налогов многократно увеличилось, но на учёте времени это никак не сказалось. Крестьяне до сих пор продолжали считать дюжины дней и сезоны, да и то, на последние смотрели по погоде.

Торговцу Хань заплатил заранее, дал и металла, и шкур, собрал мёд и даже выкопал несколько редких корешков. Он попросил только об одном — чтобы торговец прибыл заранее. И к словам сына уважаемой в деревне семьи, к тому же своих важных торговых партнёров, поставляющих как ценную бумагу, так и не менее ценные запечатанные горшки с рыбой, ему бы следовало прислушаться даже безо всяких даров!

Пять лет назад Хань оказался здесь, в теле Фенга. Пять лет, коротких, как одно мгновение, и одновременно долгих, словно целая жизнь. Хоть он и не терял времени даром, добился и совершил столь многое, но ощущение, что он и так слишком задержался, что следует поспешить, крепло с каждым прожитым днём. Ему не терпелось покинуть деревню, выйти за пределы окрестностей, которые он успел изучить, как пять пальцев каждой из рук и ног нового тела. Поэтому он заранее «дал взятку» торговцу, собираясь пристроиться к нему в попутчики и добраться с повозками до города, чтобы там уже начать строить свою новую жизнь.

— Все проходит и уходит, все в мире циклично и сменяется, за зимой приходит весна, а за ней лето, и потом осень и снова зима, — продолжал бормотать жрец.

Крестьяне почтительно прислушивались и внимали. Для настоящего храма деревня была маловата, лишь на центральной площади, с недавних пор ставшей очень оживлённой, стояло небольшое святилище без посвящения какому-то отдельному богу. Жрец заезжал сюда, как и в другие деревни, и проводил необходимые обряды, вроде наречения взрослых имен или молитвы за урожай, принимал от крестьян дары, а потом уезжал.

Церемония, на которой ради наречения собрались Фенг и его ровесники, уже близилась к концу, но торговец так и не появился!

— Вслед за жизнью приходит смерть, и все подвластны этому циклу перерождения, даже боги, демоны, мистические звери и духи, и никто не в силах его избежать. Возрождаясь в новом теле, мы проходим один цикл, священную дюжину лет, и только потом становимся взрослыми, готовыми к самостоятельной жизни и приходу смерти...

Хань почти не слушал — все равно речь повторялась без особых изменений на каждой из церемоний посвящения, год за годом. Нетерпение всё нарастало. Он обернулся еще раз, благо превосходил ростом всех ровесников, словно сама ци подстёгивала его изнутри. На дороге никто так не показался, ну а остальные жители деревни, включая старосту, собрались здесь и так. Он ощутил на себе взгляды, много взглядов: крестьяне улыбались, махали руками, а девушки тут же стали строить глазки. Поэтому он улыбнулся и кивнул в ответ.

Былой Фенг радостно принял бы такую новую жизнь: уважение и страх, почет и

заискивание, и взгляды молоденьких крестьянок, видевших в нем завидного жениха. Зажиточность семьи, победа в схватках с речным духом и волками, ученичество у кузнеца, почёт от рассказанных историй, непререкаемый авторитет во время тренировок — отношение к нему изменилось столь разительно, словно речь шла о совершенно другом человеке. Молодые крестьянки, обладающие практической сметкой, да ещё и подталкиваемые в спину родителями, видящими в Фенге идеального кандидата в зятя, никак не могли оставить его в покое. К тому же жених, способный таскать бревна и поднимать упавшие деревья, ученик кузнеца и в будущем сам кузнец, герой, одолевший водного демона и стаю волков, действительно словно вышел из рассказываемых им же историй, поражая девичьи сердца. О подвигах Фенга не давали забыть костяки огромного сома и вожака волков, которые вместе с изогнутым и почерневшим наконечником копья теперь занимали почётное место под навесом неподалёку.

Но этот самый былой Фенг и не добился бы такого отношения, остался бы одним из крестьянской массы. Об уважении, страхе и таких вот томных взглядах, призванных, причём, возможно, даже абсолютно искренне, показать страсть и готовность задрать перед ним подол, не посмел бы даже мечтать.

Возвысившись в ходе тренировок, новый Фенг окончательно перерос деревню. Да, ему перестали отвешивать подзатыльники, наоборот, теперь он сам колотил остальных верной бамбуковой палкой — впрочем, исключительно по заслугам. Из мерзкой и скудной пища стала обильной и сытной, но только когда он не стал мириться с голодом, а начал добывать её сам. Куриная грудка, которую в этой жизни он попробовал лишь недавно, и вправду оказалась самой лучшей едой. Даже Айминь отстала от него с шуточками и подначками, лишь смотрела сверкающими глазами и мило краснела.

Не будь у него силы и ци, он не справился бы с волками, да и вообще в лес за грибами бы не пошёл, не встретил бы там Айминь и в итоге не спас. Братья и сёстры над ним бы до сих пор издевались, а родители все так же отвешивали бы подзатыльники и ругали за плохую работу. Ну, а может, больше и не ругали бы, став беззащитной добычей добравшихся до деревни волков во главе с неуязвимым для обычного оружия вожаком.

— ...взрослое имя, как часть перерождения, знак того, что ребенок умер, а вместо него родился взрослый, для которого начинается новая жизнь.

«Да, когда уже она наступит, эта новая жизнь!» — подумал Хань, опять оглядываясь и всё ещё не находя торговца. Мысли его сбивались, тело жаждало действия, за пять лет так привыкнув бегать и работать, что просто стоять, ничего не делая, теперь стало невыносимо. Он мог бы начать тренировку и сейчас, оттачивая сдержанность и терпение, но из-за отсутствия торговца мысли его скакали, словно белки, наевшиеся перебродивших ягод.

Новая жизнь. Старая перестала напоминать пыточную, безрадостный и безнадежный путь из детства в старость. Он с лёгкостью справлялся с работой по хозяйству и с учебой у мастера Йи, охотился и добывал еду, ни на день не прекращая оттачивать умения и усиливать ци. Но снова-таки, следовало признать, что деревня стала слишком мала для его амбиций, для силы, таящейся у него внутри. Словно мелкая тёплая лужа, которая хороша для икринки, но смехотворна даже для головастика.

Провести здесь всю жизнь, пусть даже став первым парнем на деревне? Быть самым главным и важным, следующим старостой, сменив на посту дядюшку Вана? Жениться на крестьянке покрасивей и завести целый выводок детишек? Фенг содрогнулся. Нет, принятое ранее решение было единственно верным. Даже если не учитывать его цель отомстить

учителю, даже если забыть обиды и побои, следовало уходить.

Это томление, терзающее его целый день, выплеснулось, сложившись в слова: «Лучше стать мельчайшей рыбёшкой в бескрайнем океане, чем оставаться самой большой рыбиной в мелком пруду». Но, конечно же, долго быть «мелкой рыбкой» он вовсе не собирался!

Хань вдруг ощутил зуд в пальцах, желание взять кисть и безупречно начерченными иероглифами написать эту цитату, идущую из глубин души, выстраданную трудом, потом, кровью и слезами. Что это? Тоска по прошлому? Или знак, что новая жизнь уже рядом?

— Подойдите ближе и очистите свои мысли! — провозгласил торжественно жрец, вскидывая руки.

Фенгу вдруг вспомнилась сцена из кристаллов, как ученики, вступая в секту, брили себе налысо головы, а затем им на кожу несмываемой краской наносили имена. Их новые имена, которые еще предстояло оправдать. Тех, кто не справлялся, лишали этих имен вместе с кожей с помощью раскалённого клейма.

Холодная дрожащая рука коснулась его лба.

— Нарекаю тебя Ксинг Дуо! — провозгласил жрец.

«Ксинг» было прекрасным, могущественным именем, состоящим из единственного иероглифа, которое, в зависимости от контекста и способа написания, могло символизировать развитие, рост и обновление. В нём содержался намёк как на прошлую жизнь, так и на будущее, в котором обладатель имени постоянно стремился к улучшению себя, увеличению силы и мудрости.

Несмотря на то что это имя он себе выбрал сам, чувство окончательности и бесповоротности сдавило сердце. Всё закончено, теперь, даже если Фенг узнает или вспомнит имя учителя, это не будет иметь ни малейшего значения. Ведь, назвавшись так, он превратится всего лишь в жалкого подражателя, пытающегося присвоить чужую славу. И оно никогда не сможет стать его именем ни в глазах богов, ни духов, ни Императора.

Хань, теперь уже Ксинг, поднялся, складывая перед собой руки. Староста уже заносил его новое взрослое имя в свиток, которому предстояло отправиться в город частью доклада о делах во вверенной ему деревеньке. Ксинг ощутил в ци старосты опасение и краем глаза поймал его недовольный взгляд. Тот никак не мог поверить, что новоиспеченный Ксинг не останется в деревне, полный коварных замыслов занять место главы Дуоцзя.

Если бы Ксингу захотелось, то провернул бы он это запросто. В руках у него хватало силы, в глазах жителей деревни он обладал непререкаемым авторитетом, а после победы над чудовищами его окружал ореол славы героя. Односельчанам даже не пришлось бы к чему-то привыкать, они давно уже слушались Фенга и подчинялись его приказам на каждой тренировке. Им осталось бы лишь свыкнуться с новым именем своего старого учителя и по совместительству нового главы.

Чтобы занять это место, старосту Вана можно было бы подсидеть. Существовала дюжина дюжин неприятностей, которые Ксинг смог бы запросто устроить в окрестностях, чтобы сообщить о них властям, рассказав, как плохо справляется текущий глава деревни. Даже не требовалось это делать через торговца, обещать тому долю в прибылях или какие-то дополнительные торговые привилегии. Достаточно одного лишь письма в городскую канцелярию — ведь в отличие от обычных анонимных склок это письмо было бы написано образованным человеком, что любой чиновник запросто бы понял по каллиграфическому почерку.

И вот буквально несколько малых циклов или даже месяцев — и нет старосты. Ну а кто лучше всего годится на роль нового?

Фенга, то есть теперь Ксинга, крестьяне с радостью выбрали бы в любой момент. Но кандидатуру двенадцатилетнего подростка во главе деревни не поняли бы уже чиновники. Так что, скорее всего, номинальным главой стал бы либо папа Широнг, либо один из братьев. Но приказы, конечно же отдавал бы сам Ксинг, первое время скрытно, а потом, через несколько лет, — в открытую, став к тому времени официальным главой.

Интрига нехитрая, но надёжная в своей простоте. Безотказная, но совершенно бессмысленная. Зачем? Чего так можно добиться? Ведь тогда маленький головастик не поплывёт вверх по течению быстрой реки, становясь по пути сначала мальком, рыбёшкой а затем и карпом. Он останется плавать в своём затхлом болоте, вырастет и раздобрееет, превратившись в самую большую, сильную и жирную, но лягушку. Такое могло привлечь старого Фенга, но никак не Ханя Нао или Ксинга Дуо.

— Какое прекрасное имя — Ксинг, — прозвучало рядом, — такое сильное и мужественное.

Его рука ощутила прижавшуюся тёплую мягкую упругость. Он давно знал, чья это ци, а голову повернул только по привычке. Пей-Жи, одна из тех девчонок, что строили ему глазки во время церемонии, взяла инициативу в свои изящные женские руки. Изю всех остальных она оказалась самой решительной, это вызвало шепотки других кандидаток и явную готовность задать «выскачке» хорошую взбучку.

— А у меня в доме покосилась лежанка, — перешла Пей-Жи в прямую атаку. — Очень нужны сильные мужские руки, чтобы ее починить.

— Так это тебе мастер Йи нужен, — сделав максимально простодушное лицо, ответил Хань. — Он самый сильный в деревне!

Айминь не просто имела на кузнеца виды, но и полностью добила своего. Сейчас в их отношениях царил этап, когда она гордо отвергает его настойчивые ухаживания, с каждым разом постепенно «уступая», чтобы тот видел, что находится на правильном пути. В «Стратегиях несокрушимого дракона» эта тактика называлась «разрушать стену в своей же крепости» и являлось одним из множества дюжин способов нанести врагу сокрушительное поражение, загнав его в ловушку. И то, что сестра дошла до такого сама, неважно, умом или голой интуицией, вызывало немалое уважение.

Чтобы пресечь возможное вторжение на её территорию, она одарила испепеляющим взором сначала Пей-Жи, а потом и Ксинга. При этом позой и повадками сестра так напомнила всем маму Зэнзэн, что вокруг раздались сдавленные смешки.

Ксинг повернулся, выскользнув из хватки Пей-Жи. Он оглянулся по сторонам, увидел, как радуются сверстники, получившие имя, как им вторят старшие, отправившие наконец отпрысков во взрослую жизнь. Как все уже тащат чурбаки и бамбуковые жерди, чтобы побыстрее собрать столы и лавки и начать праздник в своём традиционном крестьянском стиле. Ксинг мог их понять: до того, как он начал свои рассказы, подобные праздники являлись единственным просветом в однообразной работе от рассвета до заката, возможностью поесть, выпить кислого фруктового вина или противного рисового пива, поговорить и обменяться сплетнями.

Он не осуждал такое времяпровождение, но, в отличие от прежнего Фенга, еще не получившего воспоминаний Ханя, оно просто не вызывало в нём никаких положительных чувств. Ещё один знак, что решение верно и делать ему в деревне нечего.

— Нет, Фен... Нет, Ксинг, ты самый сильный, — прошептала Пей-Жи ему в ухо.

Её вызывающее поведение нарушало все возможные приличия, создавало риск получить клеймо «блудной девки». Но Пей-Жи, прекрасно осознавая последствия, похоже, решила, что приз в случае удачи слишком заманчив.

— Нет, — ответил Ксинг, отстраняя ее рукой.

Он сдерживал силу, но всё равно Пей-Жи вскрикнула, когда её протащило по земле, словно от толчка сдвинувшейся с места повозки.

— Друзья! Односельчане! Ученики! Послушайте меня! — сказал он, подпуская в голос, чтобы привлечь окружающих.

Когда все замолчали и повернулись, а Фенг — нет, уже Ксинг! — сделал глубокий вдох, он понял, что испытывает неохоту и даже некоторое сожаление.

«Скоро дойдёт до того, что я начну сожалеть из-за расставания с учителем и тосковать по его тренировкам!» — весело подумал он.

— Все вы знаете, что в семье Широнга и Зэнзэн я не родной. Что они приютили меня, согрели, накормили и вывели во взрослую жизнь, — провозгласил он. — Поэтому я всегда буду почитать их как родителей. Теперь я взрослый, я Дуо — в честь Дуоцзя, нашей деревни, которую защищают боги, и буду с гордостью нести и прославлять её имя.

Все в деревне прекрасно понимали, что накормил и согрел семью именно Фенг, который с помощью своих «городских штучек» вывел их из нищеты. Но бахвалиться и принижать приёмных родителей было бы глупо и бессмысленно. Мстить было не за что, а слова благодарности ничего не стоили, так почему бы не оставить за собой хорошее впечатление? Даже если он оставляет эту часть жизни в далёком прошлом и о Дуоцзя не услышит больше никогда.

Вот если бы он знал название той дыры, откуда выполз учитель, тогда да, там бы он сдерживаться не стал, раздав жителям весь свой запас вкусных сладких тумачков за то, что их предки не удавили мерзавца в колыбели.

Широнг ему широко улыбнулся и крепче прижал к себе Зэнзэн, баюкающую на груди младенца. Стоящие рядом Иинг и Айминь выглядели её сёстрами, причем не настолько уж и младшими.

— А нести своё новое имя и прославлять Дуоцзя я буду по всей Империи, — добавил Ксинг, — ведь деревню я покидаю. Прямо сейчас.

Раздался глубокий дружный вздох, и все загалдели, толкаясь и перебивая друг друга, заговорили разом, пытаясь задать вопросы, уговорить, попросить и посоветовать.

На лица членов семьи, которые давно знали об отъезде, но до сих пор не могли в него поверить, наплзли тучи.

Кузнец, знавший о планах Фенга уже несколько лет, кивнул и вскинул в знак одобрения сжатый кулак.

Горшечник Кун и корзинщик Яо, считавшие Фенга тоже в какой-то мере учеником, одарили беззубыми улыбками.

Староста даже не подумал скрывать облегчения. Теперь, когда Ксинг объявил о решении во всеуслышание, отступить, не опозорившись, он уже не мог. То же чувство появилось на лице некоторых односельчан, особенно молодых парней, которые пусть больше и не смогут слушать захватывающие истории, но зато теперь некому заставлять их тренироваться и лупить бамбуковой палкой по выступающим местам. Незамужние девицы, как и пара вдовушек, наоборот, скисли, словно старое молоко. Помимо богатства и силы,

Ксинг, созревший очень рано, привлекал их не только как выгодная партия, но и как мужчина. Видать, всему стали ранние тренировки ци, которые, если верить прочитанным свиткам, в благородных семьях начинались только после наречения взрослым именем. Именно такую безуспешную и безнадёжную попытку когда-то и предпринял генерал Гуанг.

— Постой, Фе... Ксинг, а как же празднество?

— Ксинг, ты теперь взрослый! Давай отметим это!

— Кси-и-инг, не уходи! Я без тебя не могу!

— Останься, пожалуйста!

Ксинг вновь улыбнулся и медленно покачал головой, отгораживаясь от шума. Он не сомневался, что вскоре внимание переключится на еду, которая пусть и не могла сравниться с лакомствами в доме Нао, но была обильной и сытной. Об этом позаботился Широунг, для которого проявлять скардность во время наречения младшего, пусть уже и не самого младшего сына, было бы неприлично.

Пусть крестьянки, благодаря его тренировкам, стали намного красивей, но им всё равно даже близко не сравниться с Мэй. И шансы встретить кого-то похожего в деревне просто отсутствовали. А значит, чтобы сравниться с учителем и его превзойти, следовало, снова-таки, уходить из деревни прочь.

— Да, я теперь взрослый, — кивнул Ксинг, — и сам решу, что мне делать.

Он поднял корзину, которую собственноручно изготовил заранее. Старик Яо, видимо, уже тогда всё понял, но ничего не сказал. Только суетился и сыпал словами, словно стараясь напоследок рассказать и показать все оставшиеся секреты своего мастерства.

Плоский длинный короб удобно ложился на спину, широкие лямки из коры луговой плакальщицы не натёрли бы плечи даже обычному человеку. Туда поместились запасы еды, бельё и одежда, большая связка денег, которыми перед отъездом снабдили родители, памятные и важные для него вещи. Большую часть поклажи занимала невзрачная кожаная куртка и такие же кожаные штаны, сделанные из шкуры волчьего вожака, над которой пришлось столько потрудиться не только при свеживании, но и при шитье. Делая одежду «на вырост» Фенг надеялся, что та прослужит как минимум несколько лет, ну а слишком свободные места всегда можно подтянуть ремнями.

И всё равно многое оставалось здесь, ведь возьми он чуть больше — понадобилась бы целая телега. И даже если бы торговец приехал всё-таки вовремя, дополнительных вещей Ксинг набирать бы не стал. Вот было бы у него пространственное кольцо, как у нормального героя, тогда ему не пришлось бы сдерживаться!

— Знаю, что ты и сам можешь себе сковать всё, что захочешь, — сказал Йи, почесав в затылке. — Но всё равно, прими это как прощальный подарок!

Ксинг взял в руки протянутый свёрток, размотал ремень и вынул из кожаных ножен длинное, чуть загнутое лезвие. С помощью ци он действительно мог бы создать нож и получше, но всё равно это было хорошее много раз прокованное железо, прекрасная и трудоёмкая работа.

— Благодарю за науку, мастер, — поклонился ему Ксинг, цепляя пояс с ножом. — И очень ценю ваш подарок.

Он ещё раз уверился в правильности решения. Объяви он об уходе заранее, в деревне начались бы пересуды, уговоры остаться, просьбы и мольбы. Девки стали бы носиться, подобно курицам, кто сам по себе, кто ещё и подталкиваемый родителями. Ему вдруг стало смешно и легко. Смог! Добился! Сделал это сам! Пусть девки, раньше воротившие нос от

Ханя, являлись аристократками, а вздыхали по Ксингу и строили ему глазки лишь крестьянки из деревни «на краю неба, в углу океана», он всё равно сделал огромный шаг вперёд.

Огромный шаг для Ханя Нао или приёмьша Фенга, но, увы, только первый из дюжины дюжин дюжин шагов, которые предстоит сделать Ксингу Дуо, чтобы бы сравняться хотя со слабейшим героем из кристалла, не говоря уже об учителе.

— Я хотел выковать тебе оружие, — добавил Йи, и его опущенная рука словно невзначай коснулась руки Айминь. — Но ты сам отказался.

— Нет, мастер, вы были правы, — ответил Ксинг, — парню моего возраста настоящее оружие принесёт больше проблем, чем решит. К тому же...

— К тому же у тебя есть ци, — усмехнулся кузнец в бороду, повторяя любимую присказку Фенга, — и этого достаточно.

Ксинг весело рассмеялся. Ци есть во всем живом, как когда-то говорил негодяй-учитель. Теперь Ксинг, проливший океаны пота, а иногда и крови, признавал его правоту, так как многократно убедился в ней на практике. Но само существование ци ничего не значило без кропотливого ежедневного труда сродни крестьянскому, когда крестьянин ухаживал, удобрял, поливал и защищал от вредителей слабый древесный саженец. Ведь иначе тот навсегда остался бы жалким тщедушным ростком, засохнув, так и не превратившись в раскидистое дерево, дающее, тень, уют и вкусные сочные плоды. Ци — это путь не для крестьян. Ксинг прекрасно понимал, что сколько бы ни приложил он усилий, стоит ему уйти, отложив бамбуковую палку, как всё угаснет и захиреет, вернувшись к исконным, вековым порядкам.

Впрочем, Ксинг сделал, что был должен, а превращать деревню в могучую Секту Тысячи Пиков он никогда и не собирался. Главное, что обучение других способствовало его собственному развитию, которое не только находилось далеко от завершения, но и вообще едва началось.

— Ты всё же береги себя, — добавила Айминь, запнувшись, словно наткнулась на острую косточку в съеденной рыбе, — Ксинг.

— Конечно, я как-то привык к себе целому, — усмехнулся Ксинг в ответ.

Он подошёл к старосте, чтобы раскланяться с ним и попрощаться.

— Моё имя в Империи большого веса не имеет, но, возможно, тебе это пригодится.

Ван протянул Ксингу свиток, тот его развернул. Это оказалась подорожная, писаная кривыми неаккуратными иероглифами, а внизу, придавая свитку статус всамделишного документа, стояла настоящая красная печать. Имя «Ксинг Дуо» было вписано совсем недавно, чернила не успели даже толком высохнуть.

Ксинг открыл крышку корзины и вытянул лежащую сверху толстую пачку исписанных мелким почерком листов рисовой бумаги, прошитой по краю нарядным красным шнуром, который когда-то пришлось купить у торговца, отдав неприятно большое количество монеток. Над надписью на первой странице ему пришлось хорошенько поразмыслить: подписываться как Хань Нао было неуместно, а новое имя хоть и было заранее известно, но случиться могло что угодно: жрец мог передумать, услышав шёпот богов после кувшинчика рисового вина, что-то напутать от старости или вообще отправиться на перерождение. Поэтому в самом верху размашистыми, стремительными и острыми, словно удары клинка, штрихами было написано короткое имя, состоящего из одного-единственного иероглифа: «Фенг». Он не стал расписывать свои регалии и заслуги, чтобы придать себе веса, как

авторы известных ему трактатов. Во-первых, перед кем ему тут бахвалиться? Перед крестьянами? Они всё знают и так. Во-вторых, рассказы о любых заслугах рядом с детским именем смотрелись бы глупо и нелепо. Поэтому большую часть обложки занимала скромная надпись: «Простые тренировки для каждого и на каждый день».

Он немного стыдился своего творения — учитель не научил его ни одной секретной технике, да и прочитанные свитки большей частью касались не ци, а различных бытовых вещей. Поэтому он всего лишь изложил самые основы пробуждения и культивации внутренней энергии, а остальное заполнил полной отсебятиной, перемежаемой высказываниями Ханя Нао из прошлой жизни и состоявшей в остальном из открытий и озарений сопляка в отдалённой деревне, делающего лишь первые шаги по дороге к величию. Он бы вообще продал эту книгу торговцу, вот только, в отличие от использованной бумаги, теперь она почти ничего не стоила. Ведь изначально бумага являлась чистой, и её можно было бы пустить на что-то полезное!

Впрочем, ни Фенг тогда, ни Ксинг сейчас ни о чём не жалели. Ведь ту радость, которую доставил сам факт письма, невозможно было купить ни за какие деньги. Так что он оставлял рукопись с лёгким сердцем — в деревне, где читать могут от силы два человека, его поделку никто не увидит, а если и увидит — никому не расскажет. Это потом, в будущем, когда он станет могучим воином, напишет настоящую книгу, полную мощных секретных техник и особых методов культивации ци. Цитаты же займут достойное место в шёлковых свитках, а не будут ютиться рядом с детскими глупостями на жёлтоватых грубых листиках!

Староста почтительно принял в руки это подобие книжки и робко спросил:

— Э-э-э, значит, это, прямо-таки на каждый день?

— Конечно! Как мы обычно и занимались, — кивнул Ксинг.

— Так никто, это, читать не умеет! — возразил староста.

— Вы, уважаемый Ван, умеете, — не понял проблемы Ксинг. — А там научится ещё кто-нибудь.

— Хорошо, я постараюсь их обучить, — мелко закивал Ван.

Ксинг не понял, чего тот так разволновался, да и ему-то для чего кого-то там обучать? Но, видимо, прощание подзатянулось, и старосте не терпелось, чтобы Ксинг уже ушёл.

— Если не захотят учиться, — расхохотался Ксинг. — Скажите, что я вернусь с новой, более длинной бамбуковой палкой.

— Скажу, — робко улыбнулся староста в ответ.

Спрятав подорожную и вновь накинув корзину на плечи, Ксинг раскланялся с родителями и старостой, помахал рукой односельчанам и зашагал прочь, взглядом останавливая пытавшихся подойти девиц. Ощувив давление ци, ни одна из них так и не решилась разодрать на себе одежды, закричать, что ждет от него ребенка или что готова выйти за него замуж. Многие раскрывали рты, но стоило Ксингу повернуть голову, как замолкали, словно стая пичуг, замерших под взглядом змеи.

— Ци — великая сила, — пробормотал Ксинг под нос в адрес воображаемого учителя. — И я раскрою такие её секреты, о которых ты, мерзавец, даже и не мечтал!

А пока что он будет действовать очень осторожно. Не следовало забывать, что он все ещё малек, если вообще не головастик. А там, за пределами родного крестьянского пруда, его могли ждать опасные зубастые рыбы, способные сожрать не то что карпа, но даже целую акулу.

— Карп, который стал драконом, перепрыгнув через драконьи врата, — криво

усмехнулся Ксинг, выходя через ворота в начале деревни. — Если ты, учитель, стал драконом, то я не остановлюсь и пойду дальше, взберусь на еще один водопад, нет, дюжину водопадов, и стану божественным предком всех драконов!

Он выплыл из болота и стал из икринки мальком, но как же далёк путь до карпа и уж тем более до дракона! Странное сожаление от расставания смешалось с восторгом осознания того, что он сумел сделать. К этим чувствам примешивалось легкое раздражение из-за торговца, который так и не соизволил появиться.

За спиной всё так же раздавались крики, шум, кто-то во весь голос затянул песню, а кто-то громко рассмеялся. Крестьяне не стали горевать из-за его ухода, а начали праздник солнцестояния, где ублажали духов природы своим нарядным видом и песнями, а также съедая всё, что находилось на столах, и запивая содержимым множества кувшинов.

Он оглянулся, окидывая крестьян и такую знакомую деревню последним взглядом, и уже собрался идти дальше, как какое-то странное чувство неудовлетворённости и незавершённого дела заставило его остановиться на полушаге. Он сосредоточился на ощущениях, ускорив ток ци в верхнем даньтяне, а когда понял, в чём дело, — расхохотался.

Ксинг снова присмотрелся к надписи над воротами деревни, настолько привычной, что он давно перестал её замечать. Одним длинным прыжком он вознёсся наверх, приземлился, легко сохраняя равновесие, на самый край верхней перекладины. В корзине имелись и чернила, и кисть, но для надписи таких размеров они не подходили. Поэтому Ксинг приложил ладонь к доске и выпустил ци, стирая злополучную надпись, а заодно укрепляя и восстанавливая подгнившую и потрескавшуюся за долгие годы древесину. Когда несколько рассохшихся досочек срослись в одну, став ровными и гладкими, Ксинг с помощью ци повторил старую надпись. С одним-единственным изменением: вместо иероглифа «лягушка» теперь стоял положенный иероглиф «река».

Спрыгнув вниз, он обернулся, чтобы полюбоваться своей работой. На гладкой полированной поверхности, сделавшей бы честь полам или стенным панелям во дворце рода Нао, каллиграфическими буквами сияла надпись:

«Пусть боги удачи и плодородия защищают Дуоцзя».

Часть 3. Секретные техники Дуоцзя. Глава 16, в которой герой знакомится с прелестью странствий

Пусть даже Ксинг никуда не торопился, но плестись по дороге, как положено одинокому путнику, он не стал. Ведь зачем ходить, когда можно бегать, мчаться вихрем сперва по тропинке, а затем по укатанной дороге, зорко поглядывая по сторонам? Зрение и восприятие ци подсказывали путь и предупреждали о возможных сюрпризах. Одинокий всадник, полудремлющий прямо на лошади, которая неторопливо шагала прямо, никуда не сворачивая. Еле уловимая ци в следах лисы, перебежавшей когда-то дорогу. Птицы на деревьях, орущие о приближении человека. Пара крестьян, явно отправившихся на заработки в город. И жизнь. Жизнь повсюду: от невидимых простым зрением духов природы до всех зверей, личинок, птиц, рыб и червяков.

Крестьяне окликнули Ксинга, но тот, даже не подумав вступать в длинный и бессмысленный дорожный разговор, просто помахал им рукой. Ноги в ботинках из волчьей кожи ритмично топали по наезженной колее, вздымая за собой шлейф пыли. Показалась повозка с сеном, и Ксинг, обгоняя, едва сдержал желание прямо на ходу перепрыгнуть её вместе с копной.

Бурлящая внутри сила и опьяняющее чувство свободы толкали на безрассудства, будили желание похвастаться, показать себя.

Через некоторое время он понял — просто бег для него давно стал естественным, словно дыхание. И бегая даже с тяжёлым грузом, он от этого ничего не получает. Ведь что это за тренировка, если для неё не приходится прикладывать усилий?

Если бы он умел делать талисманы, то создал бы себе что-то утяжеляющее, превращающее бег в настоящий вызов. Конечно, можно было бы взвалить на себя камень потяжелее, но тогда о парне, несущем на загривке целую скалу, будут судачить повсюду. Ксинг не скрывался, но и с подобной славой хотел бы повременить.

Ксинг решил воспользоваться самым простым способом тренировать тело. Он собрал свою ци и, приложив некоторые старания, убрал привычное усиление, возвращаясь к возможностям обычного человека. Затем, подумав, убрал ци из глаз, ведь он слишком уж полагался на дополнительные способы восприятия. «Взор Циляня» полностью не пропал, как это случалось в прошлом, а лишь немного потускнел — ведь зрение ци давно уже стало частью самой сути Ксинга.

Тяжесть корзины сразу же притянула к земле, а темп замедлился. Ксинг рассмеялся — тренировка обещала получиться знатной! Он побежал со всех ног, прямо на ходу стараясь распутать и прочитать все следы, максимально полагаясь на обычное зрение. Хань Нао когда-то изучил достаточно свитков, чтобы иметь представление о теории, теперь же требовалась только практика.

Как оказалось, «знать» и «уметь» — две совершенно разные вещи. Несмотря на отличное зрение, следопыт из Ксинга вышел так себе, ведь свитки и книги просто лежали на задворках памяти мёртвым грузом. Крестьяне мало что смыслили в охоте, а он обычно полагался не на умение читать следы, а на зрение ци. Поэтому в другой раз просто пробежал бы мимо и не заметил бы затертых отпечатков ног, распрямленных кустов и сидящего чуть поодаль тощего и немытого наблюдателя. Но ощущение ци, жизни вокруг, пусть даже подавленное, всё равно давало об окружающем мире больше сведений, чем доступно

обычному человеку.

Ксинг вынужден был признать, что прятался разбойник (а кто иной может сидеть в придорожных зарослях?) просто превосходно. Видать, у него имелся либо природный талант, либо огромный опыт. Ну, а может, просто Хань Нао прочел слишком много историй о героях, спасающих от бандитов принцесс и наследниц великих домов, поэтому возводил хулу на простого крестьянина, присевшего облегчиться возле дороги, как это за время пути неоднократно он делал и сам. Двое сгустков ци неподалёку могли быть просто товарищами «крестьянина», ожидающими, пока их спутник закончит свои дела, а никаким не подкреплением из бандитской шайки.

Ксинг пробежал мимо «засады», немного напрягшись в ожидании нападения. Хоть он и выглядел обычным сопляком, одетым просто и добротно, но огромная корзина на спине прямо так и кричала, что тут можно неплохо пожить. Он сделал вид, что бежит как ни в чем ни бывало, словно его отправили куда-то с поручением, и более беззащитной и лёгкой добычи не сыщешь до самой столицы. Нападения так не последовало.

Снедаемый любопытством Ксинг пробежал чуть дальше, развернулся и свернул с дороги.

— Может, он там облегчиться присел, — сказал он вполголоса.

— Далековато забрался, — ответил он самому же себе.

— А может, он стыдливый! Или грибы там нашел, или ягоды, а то и птичье гнездо.

— Или вовсе беглый преступник, от властей прячется, — согласился с самим собой Ксинг. — С друзьями!

Если сидящий в кустах тут давно или же путешествовал в нужном направлении, то был повод с ним поговорить, спросить, не проезжал ли торговец, и если проезжал, то как давно и куда? Ксинг обошел по большой дуге, затем подкрался незаметно сзади, получив хорошую возможность рассмотреть цель получше. Тощий и немый, в странной разномастной одежде, тот удобно устроился на большом камне, где ёрзал, чесался, харкал и шмыгал носом, тем самым облегчая Ксингу задачу бесшумного подкрадывания. Сбоку от него, прислонившись к дереву, стояло копьё с настоящим железным наконечником.

Ксинг тихо подхватил копьё, удивляясь, как человек, создающий столько шума, мог остаться незамеченным с дороги.

— Не кричи, — посоветовал Ксинг, приставляя наконечник копья к спине тощего.

Тот немедленно пронзительно взвизгнул и отпрыгнул вбок, треснувшись о ствол дерева, перецепился о корень и упал головой прямо на камень, на котором только что сидел. Он разбил себе в кровь лицо и лоб и, похоже, потерял сознание. Ксинг озадаченно почесал в затылке, признавая, что этот момент как-то не продумал. Но что ему еще оставалось? Откуда он мог знать, что вместо того чтобы делать то, что ему велят, тощий устроит смешную сцену из кристалла. Такого типа, где неуклюжие забияки падали, перекидывали столы, опрокидывали на себя миски с едой, путались в собственных ногах или ударялись о дверные косяки под весёлую музыку. Ксинг, конечно, мог подкрасться, схватить его и заткнуть рукой немый рот, но подобным заниматься совершенно не хотелось.

Подлечить его? Пусть стать великим целителем ему только предстояло в отдалённом будущем, но кое-что он умел и сейчас. И убрать такое небольшое кровотечение — проще простого.

— Слышал? — спросил чей-то хриплый голос.

— Ага, явно Харкун опять погадить присел, да прямо на сучок! — ответил второй.

Харкун? Ну что, не нужно быть великим мыслителем, чтобы понять, за что тощий получил такую кличку.

— Признался бы уже, что ему нравится, — загоготал первый.

Ксинг отполз чуть в сторону и затаился, поглядывая снизу вверх. Появились еще двое, которых он ощутил ранее, но на время упустил из виду, сосредоточив внимание на тощем. Досадный промах, у злодея-учителя за такое он бы давно уже отжимался на острых камнях. Пусть сейчас его никто, кроме самого себя, ни к чему не принуждал, но и потерять можно было гораздо больше, чем просто ужин. В деревне он лишь тренировался, но в настоящих опасных схватках бывал не слишком часто. И, как показала встреча с тощим Харкуном, чтобы стать настоящим воином, Ксингу требовалось ещё много чему научиться.

— О, смотри, от страха на дерево прыгнул и убился! — продолжал смеяться обладатель первого голоса.

— погоди, что-то тут не так, — остановил его второй, низенький и худой, даже более худой, чем этот Харкун. — Просто так Харкун бы тут валяться не стал.

Первый на его фоне выглядел мускулистым гигантом, хотя мускулов там не было, их заменял жир. Грязная одежда, густые сальные волосы, всклокоченные усы и бороды — улучшенное зрение Ксинга помогало рассмотреть всё в мельчайших неприятных подробностях.

— Ага, — согласился первый, — особенно когда мы еще даже не начали делить добычу.

— Тихо ты, — злобно рыкнул второй, — забыл, что ли, о словах старшего?

— Да тут нет никого, — отмахнулся первый, но всё равно остановился и начал осматриваться по сторонам.

Оба тревожно переглянулись, вытянули из складок одежды короткие клинки, может, и не слишком пригодные для эпических битв, зато отлично подходящие, чтобы выпускать кишки или напасть из засады, подкравшись сзади, ударить в печень или перерезать горло, пока сообщник удерживает врага на расстоянии копья.

Ксинг выпустил немного ци Древа, объединил с Водой. Дерево тянется ветвями к небу, качает ветвями и шелестит листьями, а облака — это небесная вода, льющаяся на землю. От объединения стихий получается Ветер, именно его и создал Ксинг, вызвав в отдалении завихрение воздуха. Послышался шорох листьев, словно там шаркнула неосторожная нога.

— Туда! — парочка ринулась на звук, даже не озаботившись кровотечением Харкуна.

Ксинг скользнул к дереву, о которое разбился лоб Харкуна, взлетел на него белкой и затаился в тени густой кроны, взяв наизготовку копьё. Если вначале он ещё сомневался — мало ли, вдруг это компания крестьян или лесорубов, один из которых отошёл погадить, то после слов о разделе добыче всё стало предельно ясно. Возможно, он напал на след торговца, ну а может, просто, как и положено герою в кристалле, натолкнулся на бандитскую шайку. Конечно, эти бандиты ничуть не напоминали подчинённых какого-нибудь Короля Разбойников, но и он пока тоже настоящим героем не являлся, а лишь начинал героический путь.

Ксинг никогда не слышал ни от старосты, ни от жреца, ни от торговца, ни от редких проезжих, что в округе орудует бандитская шайка. Но, во-первых, он нёсся быстро и успел пробежать приличное расстояние, а во-вторых, разбойники могли перебраться сюда и недавно.

— Ёж какой пробежал или барсук, — донеслись слова низенького бандита.

— Эх, я бы сейчас съел барсука! Люблю барсучий жир, — облизнулся толстяк.

Возвращаясь, они не особо скрывались. Опять остановившись над Харкуном, низкий пнул того ногой в бок.

— Эй, вставай!..

— Слушай, а может, он испугался змеи? — настороженно заозирался толстяк. — Или она его укусила.

— Или принял за змею собственное дерьмо! — загоготал низенький.

Вопреки всем опасениям, вверх они не смотрели. Ксинг изготвился.

Для сидящих в засаде бандитов не слишком-то они и скрывались. Хотя расстояние до дороги, прикинул Ксинг, и должно было бы заглушить любые разговоры, но всё равно, существовали же какие-то правила и порядки! Тем более что падение Харкуна они прекрасно слышали, а значит, прохожий на дороге насторожиться тоже мог.

Ксинг не стал больше медлить. Он слетел, почти почти что свалился с дерева, ударя низенького копьем в правое плечо, а толстяку впечатывая ногой прямо в зубы. В настоящем бою сдерживаться, как гласила одна из его цитат, было глупо. Ци послушно устремилась в руки, и Ксинг отшвырнул раненного бандита, а второго ударил под дых.

С силой наступив на живот Харкуна и выдавив из того мучительный стон, он прыгнул вперед и принял боевую стойку, приготовившись к настоящему сражению. Ци и кровь бурлили, надевая ясностью мысли и уверенностью в собственных силах. Но, увы, битва закончилась, так и не успев начаться. Толстяк бесформенным мешком валялся на земле и приглушенно стонал разбитым ртом. Мелкий ухватился за пробитое плечо, уставившись на Ксинга в ужасе. Рана выглядела серьёзно, да и ци показывала, что без помощи лекаря этот разбойник не жилец. Но Ксинг никого лечить не собирался, он просто сделал шаг вперёд и ткнул наконечник копья под подбородок разбойника, не давая тому раскрыть рта и издать крик.

Мгновение страха и сомнений — вдруг он напал на мирных подданных Императора? — сменилось ощущением радости победы и уверенностью в своих силах. Да, он допустил немало промахов, но и враги оказались далеко не главными злодеями из кристалла.

— Кто вы такие и что тут делаете? — спросил Ксинг. — Что за добычу вы там собрались делить и кто ваш главарь?

К сожалению, он не слишком хорошо знал законы Империи, но что если отобрать эту добычу себе? Или лучше сдать бандитов властям и получить вознаграждение? В кристаллах и свитках герои делали и так, и эдак, хотя обычно о подобную мелочь рук не марали, просто убивали и шли дальше, не задумываясь о деньгах.

— Я уберу копье, но даже не думай кричать, — предупредил Ксинг.

— Да ты ж еще ребенок! — когда горло перестало колоть лезвием, низкий сумел опустить голову и наконец рассмотреть своего противника.

— А болит у тебя по-взрослому, — ухмыльнулся Ксинг. — Проткнуть второе плечо? Так, чтобы рассеять сомнения?

— Нет, не надо, — испуганно мотнул головой бандит. — Я вижу, что у тебя копье!

— Копье? Для чего мне копье? Смотри, я могу пробить тебя насквозь даже пальцем!

Ксинг вытянул руку и ткнул в ствол многострадального дерева. Брызнули щепки и кора, а рука погрузилась в древесину почти что по запястье.

Демонстрация получилась в достаточной степени наглядной, бандит чуть ли не рухнул на колени и начал сбивчивый рассказ. Ксинг слушал и поглядывал на двух других разбойников, ожидая, когда те придут в себя, и приготовившись к атаке раненого

коротышки.

Но, видать, сила Ксинга хорошенько напугала разбойника, потому что тот так и не напал. Он рассказал всё, что знал, пусть и знал не очень много.

Раньше шайка разбойничала западнее, затем попали под облаву стражи, их разбили, а остатки бежали сюда. Недавно улыбнулась удача, подвернулось первое серьёзное дело — проезжавший мимо торговец, расслабившись из-за привычного маршрута, взял недостаточно охраны. Что позволило захватить обоз, а его самого взять в плен. Стало ясно, почему бандиты не напали на Ксинга — одинокого беззащитного путника, желанную добычу для любого грабителя. Если на дороге начнут пропадать люди, власти вновь устроят облаву. А родня торговца никому ничего не расскажет, если не хочет, чтобы тот расстался с жизнью.

— Мы не виноваты! — голосил разбойник. — Мы честные люди и никогда не хотели никого грабить! Нам пришлось вступить в шайку от нужды! Тебе-то откуда знать, что такое голод и как невыносимо тяжела крестьянская жизнь?

На глаз коротышки набежала почти что настоящая слеза. Но ци показывала, что он испытывает не горечь, а лишь надежду — надежду разжалобить этого богатенького молоденького дурачка и уговорить отпустить под честное слово снова начать жить праведно.

«Интересно, за кого он меня принял? — подумал Ксинг. — За ученика какой-то скрытой секты? Переодетого вельможу, культивирующего ци с пелёнок? Монаха из боевого монастыря, впервые выбравшегося, прикинувшись мирянином, в большой мир?»

— На жалость давишь, мразь? — сказал он зло, сжимая руку в кулак. — Если ты в разбойники подался от невыносимой жизни, то чего портишь ее другим крестьянам? Да, торговец сдирает много денег, но чаще всего берёт их наперёд! Кто теперь привезет им заказанное? Кто вернёт деньги и товары, заработанные кровью и потом? Ты, негодяй, ограбил своих же собратьев, таких же крестьян как ты!

— Это не я, это все старшой! — испугался тот.

Но Ксинг уже не слушал. Именно из-за этого отребья торговец не приехал! Именно из-за них Фенг не находил себе места всю церемонию наречения — главное событие в жизни любого ребёнка! Он сделал быстрое движение, обрушив тщательно рассчитанный удар кулака тому на затылок. Чтобы бандит не подох, Ксинг остановил ему кровь, но рану залечивать не стал — обойдётся. Вырубив остальных, которые потихоньку начали приходить в себя, ухватил их за шиворот и подтащил их к несчастному дереву, мысленно извиняясь перед духами природы, которые здесь обитают. Ещё раз убедившись, что все трое находятся без сознания, он, чуть вскарабкавшись на дерево, поочерёдно поднял каждого из них так, чтобы пальцы ног едва касались земли и прижал их запястья к шершавой коре.

После случая с волками он приложил немало усилий, работая над ликвидацией своих недостатков. И теперь, подчиняясь преобразованной в стихию Дерева ци, древесина потекла, пропуская сквозь себя разбойничьи руки, сковывая их надёжней любых кандалов, заодно и заравнивая дыру, проделанную рукой Ксинга. Убедившись, что вырваться никто из них не сможет, он помчался дальше к лагерю разбойников, пылая яростью и желанием размозжить им все головы.

На бегу ему пришла в голову внезапная мысль: «А может, и к лучшему, что торговцу помешали?» Явись бандиты на месяц позже, кто дал бы им отпор? Власти? Возможно. Но только после длительных бесчинств, насилия и смертей по всей округе, включая Дуоцзя, деревню, в которой Фенг провел пять лет. Эта мысль послужила ведром воды, вылитой в разожжённый очаг. Он успокоился и пришёл себя, вновь обретая возможность размышлять

взвешенно и рассудительно..

Что ему требовалось в новой жизни? Знания и сила. И чтобы это получить, нужны были деньги и возможность действовать и перемещаться без помех и лишних вопросов. И пусть некоторое количество денег у него имелось, но обирать приёмных родителей он не стал, взяв относительно небольшую сумму на дорогу и проживание.

Пленение бандитов могло помочь с деньгами, а их убийство и последующие разговоры со стражей — вызвать длительные разбирательства, на время которых Ксингу придётся задержаться в какой-нибудь подземной тюрьме с капающей с потолка водой и в компании разного отребья: сюжет, который неоднократно встречался в кристаллах.

Даже если предположить, что власти сразу бы поверили, разобрались и отпустили, что вовсе не факт, — все равно потеря времени и сил.

Самое обидное, что даже просто убив всех бандитов и принеся страже их головы, он бы не совершил ничего предосудительного, наоборот, это было бы дело, угодное Империи. И будь он хотя бы на дюжину лет старше, это не вызвало бы у стражи ничего, кроме искренней благодарности. Впрочем, и тогда тоже лучше брать бандитов живьём — чтобы потом они отправились или на каторгу, изнурительным трудом отрабатывать свои злодеяния, или же на плаху — служить примером и предостережением для остальных негодяев.

Приблизившись к лагерю, Ксинг отбросил посторонние мысли, закрыв свою ци, и подкрадываясь с максимальной осторожностью. Как и возле дороги, вокруг лагеря тоже сидели наблюдатели. Вот только они больше интересовались происходящим внутри, вместо того чтобы пытаться угледеть возможного врага.

Несмотря на относительно недавнее пребывание, разбойники подготовились основательно. Возле глубокой ямы, которую закрывала решётка из связанных крест-накрест палок, стояли несколько больших шалашей, крытых густым еловым лапником. Имелась даже одна хижина, сделанная из тонких, толщиной в руку, жердей. Возле хижины сгрудилась ватага таких же невымытых вонючих оборванцев, как и те, с которыми Ксинг столкнулся ранее.

— Пиши! — скомандовал огромный зверообразный бородач.

Вот в его теле жир точно отсутствовал, рубаха с чужого плеча трещала под напором мышц, и Ксинг ощутил, как в нем вспыхивает злоба. Теперь, когда он не понаслышке знал тяжёлый крестьянский труд, корчевал пни, таскал тяжести, стоял, сгорбившись, с семьёй над грядками, до синевы морозил ноги в холодной воде и грязи рисовых чеков или пытался разбить неподатливую землю деревянной мотыгой, то понимал, что бородач, этот «бедный крестьянин, занявшийся разбоем от невыносимой крестьянской жизни» никогда не держал в руках ни серпа, ни цепа. Такая груда мышц требовала обилия еды, причём не каких-либо овощей или риса, а настоящего мяса. Мяса, которого, впрочем, как и любой другой пищи, крестьянам никогда не хватало и потому приходилось жрать все, от личинок до коры. Фенг прожил жизнь, даже не мечтая о куриной грудке, от которой Хань Нао когда-то воротил нос, и частенько засыпал голодным, чувствуя, как от боли сводит пустой живот. Бородач выглядел очень сильным, но это была пустая сила — ведь Ксинг отчетливо видел лишь обычные мышцы. Ци внутри тела бородача дремала и оставалась без развития.

Если отбросить в сторону мысль, что бородач — воин из достаточно зажиточной семьи, способный позволить себе каждый день питаться мясом и тренировать тело, увиденное означало, что он отбирал у других нажитое тяжёлым непосильным трудом и благодаря этому жрал в три горла. Пока он жил за чужой счет, лишая крестьян еды, те надрывались и умирали от непосильной работы в поле.

Торговец Цзин, которого Фенг так ждал и не дождался, сидел на земле, сжимая в руках перо и свиток. Один его глаз полностью заплыл, щеку пересекал длинный порез, а руку обматывала грязная окровавленная тряпка. Над ним, уперев руки в бока, с грозным видом возвышался еще один разбойник. Другой бандит развалился неподалёку и с громким, режущим слух визгом точил паршивый ржавый клинок то ли в безнадежной попытке сделать лезвие острым, то ли пытаясь запугать Цзина.

— Что писать? — спросил торговец с тоскливой обреченностью в голосе.

— Сколько пальцев мы им уже послали?

— Два! — с готовностью отрапортовал тот, что возвышался над Цзином.

— Отруби ему третий. Хотя стой! Пусть вначале напишет, а потом отрубишь.

Ксинг смотрел и ощущал, как скрипят его зубы, а руки сжимаются в кулаки. Он прекрасно понимал, что бандиты встречают своих жертв явно не объятиями, но такого тоже не ожидал.

— Так что писать? — еще тоскливее протянул Цзин, склоняясь над свитком.

— На твое усмотрение, — оскалился бородач, демонстрируя желтые зубы. — Думаю, ты сумеешь найти нужные слова, когда речь пойдет о судьбе твоей дочери. Вы, торговцы, очень ловки со словами, вечно дурите голову нам, простым крестьянам.

Ксингу очень захотелось подойти к этому «простому крестьянину» и забить его до смерти оторванными у него же руками. Он понимал и жестокость, и желание наживы, но не мог вынести это мерзкое лживое лицемерие.

— Так что давай уж, постарайся, задури головы и своим родичам. А если они не пришлют выкуп и на этот раз, то твоя дочка перестанет греть по ночам только мою постель и начнет радовать всех. А уж они не будут так добры, как я, и не станут хранить цветок ее невинности.

— Нет, не станем! — раздался дружный гогот.

— Через заднюю дверь, как старшой, тоже проберёмся!

— Эй, толстяк, ничего не пиши! Будь храбрецом!

— Правильно! Потом напишешь! А сначала посмотришь!

Торговец посерел, по лицу его катились крупные капли пота.

— Я... я постараюсь, — почти проскулил он.

— Сроку тебе, — бородач задумался для вида, — скажем, один цикл дней.

— Старшой, зачем столько ждать?

— Все равно не пришлют!

— Понимаю ваше нетерпение, — добродушно заметил главарь. — Сладкая ягодка, уж я-то знаю, насколько хороша! Но на деньги этого жирного пройдохи все женщины от Жумэня до столицы будут нашими!

«Зачем он потащил сюда еще и дочь?» — застонал мысленно Ксинг. Спасение девиц в беде было обычным делом, героини в кристаллах и свитках подобным занимались почти всегда. Зачастую это оказывалась встреча, predetermined небесами, помогающая найти герою если не спутницу жизни, то хотя бы помощь и поддержку могущественного рода спасённой девушки.

Вот только... Вот только героини кристаллов всегда прибывали вовремя. Бандиты и разбойники убивали или ранили только охрану, никому не резали пальцы, а девицы отделялись разве что аккуратно порванным платьем, демонстрирующим не только незащитность, но и соблазнительную красоту. Да и потом они не дрожали, сжавшись в

запуганный заикающийся комочек, а вспыхивали пламенем истинной любви, встретив предназначенную им вторую половинку.

Ксинг раздражённо сплюнул. Пожив среди крестьян и познав не самую светлую сторону жизни, теперь он к подобным вещам относился с большим сомнением. Браки обычно заключались не по большой любви, а по договорённости родителей, причём ни возраст, ни симпатии невесты, а иногда и жениха, значения не имели. Конечно, бывало, что выбор невесты, родителей и жениха совпадал, как это, похоже, должно случиться с мастером Йи и Айминь, но такое случалось очень редко.

— Эй, старшой! А если она сама? — прокричал чей-то голос.

— Если она влюбится в кого-то из нас и захочет остаться, то мы совсем не против! — загоготал главарь, и разбойники подхватили смех. — Будет кому сбывать награбленное! Да, дорогой тещюшка?

От страха торговец обливался потом, перо так и ходило ходуном в дрожащих руках, а капли с его лба падали на свиток, размывая там чернила. Ксинг, планировавший сначала дожидаться ночи, чтобы действовать наверняка, решил, что пора. В отличие от настоящих героев он, конечно, опоздал, но ещё мог спасти хотя бы палец Цзина, не говоря о жизнях торговца и его дочери.

Строить хитрые планы не имело смысла. Ксинг прекрасно рассмотрел ци окружающих, никто из них не годился ему в противники. Если он укрепит тело, то никто из них даже не сможет его толком ранить, разве что нанести небольшой порез. Харкун и его приятели уже показали на деле, какие из разбойников вояки, так что в данном случае следовало идти простым путём. Да, он ещё не великий воин и наделал тогда множество ошибок, но в данном случае переоценка противника — ошибка тоже.

Ксинг сменил позицию и глубоко вдохнул, концентрируя ци. Жаль, что он пока что ничего не знал и не умел, так как подлец-учитель ничему и не научил. Ведь будь он героем кристалла, то обязательно применил бы технику Трёхкратного Шара Багрового Огня или Великого Водяного Дракона, чтобы выжившие бандиты попадали на колени, не думая о сопротивлении.

Будь у него нормальный наставник... Эх!

Но сожалеть о несбыточном было тоже глупо и неуместно. Поэтому Ксинг просто преобразовал ци в стихию Огня и метнул сгусток в костёр, над которым жарилось какое-то несчастное животное.

Тот взорвался, поднимая большое облако пепла, и под этим прикрытием Ксинг рванул с места. Он подхватил вертел — жареная лисица! — откусил и скривился. Без специй, и даже не посолили, да и выглядела лисица так, словно сдохла от голода!

Сплюнув, он с оттягом заехал полупрожаренным зверем по первому же попавшемуся в клубах пепла и дыма разбойнику.

Ксингу было ещё далеко до истинных мастеров, способных переносить горы, разделять моря и обрушивать огненные ураганы. Но кое-чему на своём сельском и примитивном уровне он научился. И пусть он не знал ни единой техники, придумав только несколько приёмчиков, но у этих слабаков не было даже такого. Он подал ци и преобразовал в Ветер, ещё гуще поднимая клубы пепла и дыма, скрывая себя и лишая разбойников зрения.

Сам он, разумеется, не только видел врагов зрением ци, но прекрасно ощущал их присутствие на любом направлении.

Разбойников было удивительно много — около двух дюжин. И чтобы прокормить такую

ораву, требовалось ограбить немало крестьян. Не хватит же на всех единственной заморенной лисицы! Так что сильно Ксинг сдерживаться не стал.

Его душа жаждала эпического сражения, напряжения на грани жизни и смерти. Чего-то, достойно смотревшегося бы в кристалле. Ничего такого не получилось. Битвы с речным чудовищем и волками оказались в дюжину, нет, в дюжину дюжин раз опаснее и сложнее.

Пока эти глупцы тыкали во все стороны своими ржавыми ножами и кривыми копьями, кашляя и хрипя от дыма, Ксинг просто шёл лёгким неторопливым шагом и наделял каждого из них шлепком ладони, способной протыкать стволы деревьев и крушить камни. Поэтому не прошло и дюжины дюжин вдохов, как всё закончилось.

Напоследок создав выброс Ветра и очистив воздух, Ксинг окинул взглядом свою работу. Картина вышла красивой — пара дюжин валяющихся тел, дрожащая девушка и лицо торговца, кажущееся из-за выпученного здорового глаза совсем незнакомым.

— Господин Цзин, — поклонился Хань.

— Фенг! Или уже не Фенг? — опечаленно вздохнул торговец. — Полагаю, настоящее имя ты уже получил.

— Дуо. Ксинг Дуо, — представился он.

— Я, моя дочь и вся моя семья перед тобой в долгу! — выпалил торговец. — Линьюнь, иди поздоровайся с нашим спасителем! Быстрей!

Дочка, девушка лишь немногим старше самого Ксинга, кивнула. Проходя мимо бессознательного главаря, она на мгновение остановилась, оглянулась и, убедившись, что Ксинг не смотрит в её сторону, изо всех сил обрушила каблук дорожных туфель с толстой деревянной подошвой тому на промежность. Ксингу пришлось приложить немало усилий, чтобы не рассмеяться, тем самым показав, что чувствует ци вне зависимости от направления взгляда. Эта тактика тут же дала плоды — когда он повернулся к девушке лицом и они поприветствовали друг друга, то сумел «не заметить» отчаянное жестикулирование торговца и его пальцев, указывающих на Ксинга.

Менялись персонажи и декорации, но представление в театре оставалось тем же. Только теперь попытки очаровать и привязать к себе молодого и глупого, но очень перспективного жениха предпринимали уже не крестьянки из родной деревни. И торговец торопился, пока Ксинг ещё нигде не побывал, не набрался опыта и ума в большом городе.

Ксинг не стал строить из себя дурачка и прикидываться тупым крестьянином. Его путь с торговцем пересёкся, может, жизнь ещё сведёт их вместе, но, скорее всего, они виделись в последний раз. Но ссориться и самоутверждаться, показывая, как он всех раскусил, Ксинг тоже не стал — во-первых, не стоило затраченных усилий, а во-вторых, так бы он напомнил сам себе мерзавца-учителя. И пусть Ксинг стремился стать таким как учитель, но только не в этом аспекте.

Он просто сохранял невозмутимое лицо, игнорируя все намёки, вёл себя вежливо, но отстранённо. Используя ци, Ксинг починил сломанные телеги, разобрал хижину главаря, сделав из неё несколько волокуш, на которых можно было бы увезти добычу. Лошадей не хватало, за время ожидания некоторых из них разбойники уже съели, но у него имелась очень неплохая замена. Две дюжины замен.

Ксинг вытянул из ямы избитых и охающих возниц, по совместительству охранников, подозревая, что парочка из этой четвёрки уже согласилась перейти к разбойникам — ведь при почти том же роде занятий можно было бы получить, пусть и совсем незаконно, намного большее жалование.

Впрочем, сейчас это не имело значения, так что Ксинг оставил подозрения при себе. Он лишь постаскивал разбойников, включая первую встреченную троицу, а потом, дождавшись пока те придут в себя, запряг их прямо во главе со скрючившимся и охающим главарём в оставшиеся без тягловой скотины нагруженные до предела телеги. Забросив на одну из них свою корзину с поклажей, Ксинг потянул её сам — сражение вышло слишком лёгким, так что следовало наверстать потерянное время, тренируя во время бега выдержку и силу.

— Твоя награда за бандитов и за часть добычи, — сказал Цзин, протягивая ему увесистый кожаный мешок. — Ксинг, а ты точно не хочешь остаться? Чтобы продать всё остальное, требуется время, так что мы могли бы вместе...

— Можете считать, что оплатили свой неоплаченный долг, господин Цзин, — ответил Ксинг, пряча мешок в корзину и вскидывая её на плечи.

— Но вместе мы смогли бы...

— Вы не приехали, господин Цзин, — перебил его Ксинг и, предупреждая возражения, вскинул руку. — Не по вашей вине, знаю. Но это не так важно. Судьба подаёт мне знак, и кто я такой, чтобы с ней спорить?

Цзин, увидев решимость Ксинга, сразу увял, а заготовленная речь так и осталась произнесённой. Ксинг быстро вышел из дома торговца и, пробираясь по кривым улочкам, добрался до ворот. Там он поозирался по сторонам, заметил скучающего стража и вежливо поздоровался.

— Подскажите, пожалуйста, уважаемый господин, ведёт ли дорога, проходящая через эти ворота, к славному городу Жумэню?

— Ведёт, как не вести, — зевнул пожилой стражник. — Я стою тут больше двух дюжин лет, но никогда не слышал, чтобы кто-то называл Жумэнь славным. Не ходи туда один, малец! Последнее время на дороге пошаливают разбойники, вон на днях поймали целую ватагу! Да и зачем тебе такая дыра как Жумэнь?

— Там проживает лучший кузнец провинции, мастер Гонг, — ответил Ксинг.

— Мастер Гонг! — подпрыгнул стражник, словно ему в задницу кольнули его же копьем. — Понимаю, что хочешь заказать оружие, кто же не хочет? Вот только знал бы ты, малец, сколько оно стоит! Вижу, ты не из бедняков, но ни у тебя, ни у твоих родителей не хватит денег, чтобы заказать у него хотя бы нож. Ну и вообще, ты хоть знаешь, где он живёт?

— Нет, не знаю, — признался Ксинг. — Думал спросить в Жумэне.

— Рядом с Лесом Дюжины Шагов! Почти в самом лесу! Прямо на окраине!

— Шагов? Всего дюжины? Такой маленький?

— Башка у тебя маленькая! А Лес Дюжины Шагов назван не по размеру. Это страшное и гиблое место! Деревья там будто живые, качаются, следят за тобой, скрипят и так и норовят ухватить ветками! И среди них воют призраки и злые духи. Воют, видать, с подземными демонами. Хочешь знать, почему дюжина шагов?

Ксинг кивнул.

— Именно столько шагов по лесу успеет сделать неосторожный путник, прежде чем его утащат демоны или съедят тамошние звери! Лучшими мастерами Империи мимо леса проложена дорога, но и то путники всё равно пропадают. Шёл себе человек, шёл, а потом раз, и пропал! Даже косточек не найти! Говорят, даже отряд императорских войск там сгинул. И уж тебе, мальцу, соваться туда точно не стоит!

Ксинг поёжился. Звучало очень страшно, страх навевало даже само название, словно

вышедшее из кристаллов. Бао Сяо когда-то сражался с Аметистой Кровавой Обезьяной в похожем звучащем месте, Лесе Тысячи Воющих Демонов, и даже он, герой из героев, получил там тяжёлые ранения.

Вот только мастер Йи, рассказавший о лучшем кузнеце, о котором когда-либо слышал, ни разу не упоминал о том, что тот такой уж великий воин. И если тот умудрялся не только жить возле леса много лет, но и как-то получать заказы, то имелись способы до него добраться без необходимости пробиваться через оравы демонических зверей и злых духов.

— Благодарю вас за предупреждение, — поклонился Ксинг. — Ни шагу в этот лес не ступлю, а уж тем более целой дюжины!

Он сорвался с места и помчался вперёд, по дороге к Жумэню, чувствуя себя так, словно ему предстояло завоевать весь мир.

Глава 17, в которой герой познаёт недостатки своего великолепия, но показывает, у какого зверя самые мощные лапы

— Пошел вон, оборванец! — раздался сердитый голос.

Ворота поместья, где проживал кузнец Гонг, даже не открылись. Ксинг окинул взглядом свою одежду — ничего не прохудилось и не порвалось, одет он был всё так же добротнo. Видать, даже тут, в глуши, понятия о приличной одежде сильно отличались от сельских.

Ксинг пожал плечами и снова постучал в ворота. У него была масса времени, ведь больше не требовалось с утра до вечера работать в поле или стоять в кузне. Тем более что он прекрасно знал, чем заняться в свободное время и никогда не скучал. После третьего раза ворота все же открылись и Ксинг отпрыгнул, не успев даже сообщить, как его зовут и что прибыл он проситься в ученики. В то место, где он стоял мгновением ранее, ударило остриё копья. И если бы не проворство Ксинга, оно могло ранить или убить. Сверкнув напоследок наконечником, копьё скрылось, ворота захлопнулись, а с той стороны лязгнул засов.

Ксинг решил постучать еще разок, но зрение ци подсказало, что стражник поднимается на стену, собираясь то ли метнуть копьё, то ли выстрелить из лука.

«Разумный муж всегда знает, когда следует отступить», — подумал он и удрал в сторону Леса Дюжины Шагов. Гнаться за ним никто не стал, и Ксинг легко добыл себе еды, нарвав трав и собрав личинок, а затем сумел устроить пиршество, сбив метко брошенным камнем самоуверенную ворону.

На следующий день он пришел снова, и вновь объявил о своем желании стать учеником знаменитого кузнеца Гонга Бунтао. Вновь последовала атака, на этот раз не только копьём, но и несколькими стрелами, две из которых Ксинг поймал в воздухе. Он-то, конечно, разумный муж, но проделать такой длинный путь и просто уйти было бы глупо. К тому же он ничем не рисковал, а то, что кто-то, живущий в лесу, станет считать его невыносимым и невоспитанным, Ксинг как-нибудь переживёт.

Регулярно, как когда-то выходил в поле, он подходил к воротам, усиливал голос с помощью ци и объявлял о желании стать учеником. Когда следовала неизбежная атака, он её отражал, после чего удалялся в сторону леса, на окраине которого тренировался, добывал еду и мылся в глубоком ручье.

Если кузнец или его подручные куда-то выезжали, он кидался под ноги лошадям, снова уходил от атак разъярённых охранников и вновь возвращался на окраину леса. Кузнец Бунтао мог позволить себе очень хорошую стражу, чьи удары не шли ни в какое сравнение с жалким беспомощными атаками разбойничьего отребья. Эта стража владела, пусть и совсем чуть-чуть, даже ци! Так что Ксинг воспользовался их любезными услугами для тренировки. Что их безмерно злило, и если поначалу они сдерживались, стараясь запугать и отогнать, то со временем стали бить насмерть.

Особо троицу охранников разозлило, когда он пробрался внутрь, пристроившись к пышной процессии какого-то важного гостя, приехавшего к кузнецу заказывать оружие — тогда все трое гнались за Ксингом, оставив кузнеца беззащитным, до самой опушки леса.

Со временем Ксинг начал вносить разнообразие в свои просьбы. Крики и стук в ворота

стали для всех привычными, поэтому он принялся кидать камни, завёрнутые в широкие листья лопухов, на которых он каллиграфическим почерком писал с помощью сока ягод прощения взять в ученики. Чтобы не слишком повторяться и не дать кузнецу с охранниками заскучать, он начал закидывать через стену брёвна сваленных им же деревьев, а послания выжигал с помощью ци.

«Только тот карп, что упорно пробует раз за разом, сможет подняться по водопаду».

Время растянулось в привычную рутину. Ксинг докучал кузнецу и охране, убежал, тренировался, осторожно заглядывал в глубины Леса, неглубоко, не дальше этой самой Дюжины Шагов. Добывал пропитание и спал, развалившись на земле или подстилке из веток и лапника, как когда-то делал в походах с учителем. И на следующий день всё начиналось по новой. Дни он не считал, ведь время, проведённое здесь, не пропадало даром — ци природы в округе была очень густой, так что тренироваться получалось превосходно, при этом от занятий никто не отвлекал. Время летело быстро, жаркое лето сменилось осенью, ночи сильно похолодали, а листва на деревьях окрасилась желтизной и багрянцем. Ксинг уже думал готовиться к зиме и планировал вылазку в глубины Леса, но внезапно ворота поместья открылись и на дорогу вышел сам кузнец Гонг Бунтао.

— Ксинг Дуо! — крикнул он. — Ты упорен и настойчив. Это одно из качеств истинного кузнеца, поэтому я готов выслушать твою просьбу!

Ксинг обрадовался, перестал скрывать ци и выскочил из своего укрытия в нескольких шагах от Бунтао. Кузнец вздрогнул.

— Как ты умудрился... Кгхм!

Ксингу, за время ожидания соскучившемуся по общению, захотелось рассказать о мерзавце-учителе, чей взгляд ци видел всё в округе, и о том, как он пытался спрятаться от такого взгляда, сбежать и что-то поесть. О попытках избежать той бесконечности мучений, в которую превратилась его прошлая жизнь. О том, как, став Фенгом, он каждый день тренировал, совершенствуя, свои способы сокрытия от чужих взглядов. Но выливать этот поток мыслей на своего будущего наставника было бы глупо, ведь тогда сильно возрастал шанс этого самого наставника никогда не получить.

— Этот недостойный Ксинг Дуо просит вас, уважаемый мастер Гонг Бунтао, взять его в ученики, — сказал он, кланяясь в пояс. — Испытайте моё мастерство!

Взгляд кузнеца смягчился, и он сделал жест рукой, приглашая зайти внутрь. Там мастер Бунтао провёл его в кузню — просторное помещение, заставленное не только привычными мехами, горном и наковальней, но и множеством устройств и приспособлений, о предназначении которых Ксинг не имел ни малейшего понятия.

— Ты сказал «мастерство», — прогудел кузнец. — Это очень серьёзное слово, таким просто так не разбрасываются. Покажи, что умеешь. Можешь пользоваться всем, что видишь.

Ксинг кивнул, собрал с полок и столов нужные инструменты, подошёл к горну и начал качать меха. Он решил продемонстрировать всё, чему научился у Йи, придерживав при себе лишь стихийные умения. Работа спорилась, меха гудели, мерно стучал молот, и вскоре Ксинг протянул кузнецу лезвие длинного ножа, для завершения которого требовалось лишь приладить рукоять и сделать ножны.

— Неплохо. Ты упорен и старателен, знаешь основы, — признал Бунтао. — Но этого недостаточно. Немало уважаемых семей присылали своих наследников, но я отказывал им всем. И если теперь я возьму тебя, люди начнут спрашивать, что же такого кузнец Гонг

нашел в этом ребенке? И ответа на этот вопрос у меня нет.

Ксинг скривился. Похоже, уцепившись в свои жалкие секреты, он сам отрезал себе путь к ученичеству. Следовало сразу показать всё что умеет, и, может быть, тогда...

— Мне бы очень хотелось помочь вам найти этот ответ, — сказал он. — Я могу попробовать ещё раз...

— Не нужно! — оборвал кузнец. — Главное я уже увидел, ты меня не переубедишь. И интересуют меня не твои навыки — ведь умеи ты хоть что-то, способное меня впечатлить, тебе бы не понадобился наставник. Меня интересуют твои способности!

Ксинг наострил уши. Это нисколючки не напоминало отказ, скорее новое испытание. Из тех заданий, которые давал почти каждому герою таинственный наставник, подвергая того целой куче смертельных угроз.

— Принеси мне из Леса Дюжины Шагов ветку Багрового Дуба и руду Радужного Железа, — не разочаровал кузнец, — сделай из них молот, и тогда я возьму тебя в ученики, даю в том слово!

— Я принесу, мастер Бунтао, — поклонился Ксинг.

Лес Дюжины Шагов оказался не так страшен, как о том вещал стражник, но и безобидным его не назвал бы даже полнейший глупец. Изобилие ци в лесу вызывало изменения в кустах и деревьях, делало зверьё и птиц крепче, выносливее и, следовательно опаснее. Дюжина Шагов оказалась преувеличением — впервые сожрать его попытались лишь на четвёртой или пятой дюжине. Где-то с месяц проводил Ксинг каждый день в Лесу, изучая тропки и повадки зверья, разыскивая среди зарослей деревьев хоть что-то, напоминающее этот самый «багровый дуб», но так ничего и не нашёл. Багровых по случаю осени деревьев было полно, да и дубов он нашёл немало, но ни один из них ничем, кроме чуть более сильной ци, от обычного не отличался. Только почти отчаявшись и добравшись практически до центра Леса, Ксинг обнаружил огромного могучего исполина, выделяющегося своим насыщенным красным цветом коры и тёмно-багровым оттенком скругленных листьев. Только такое дерево и могло быть тем самым «багровым дубом». От радости Ксинг вскрикнул и, похоже, сделал это громче, чем следовало.

Из кустов выметнулось длинное юркое тело какой-то чешуйчатой твари размером с лошадь, с двумя хвостами и мощной, сильно выдвинутой вперёд зубастой челюстью. Как в случае с речным монстром и с вожаком волков, Ксинг ничего не ощутил, сумев увернуться только благодаря настороженности и готовности отразить атаку. Тут в лесу зрение ци и так частенько давало сбой — ведь обилие природной энергии прекрасно скрывало любую живность. И именно эта особенность делала Лес таким прекрасным местом для тренировок.

Ксинг не стал вступать в бой, положившись на скорость ног и силу своей ци. Он бежал, сверкая пятками, на ходу преобразовывая ци в Огонь, чтобы поставить огненный заслон, либо в Дерево, чтобы перекрыть и затруднить путь преследователя. Если бы не одежда из волчьей шкуры, то, пробиваясь сквозь кусты, кроны деревьев и густой подлесок, Ксинг остался бы голым. Но и так ему пришлось вытерпеть немало хлещущих по лицу ветвей с острыми, словно лучшие ножи, листьями.

Тварь оказалась очень упорной, гналась почти до самой опушки и только натолкнувшись на границу, обозначенную вереницей столбов, наполненных сильной ци, окончательно отстала.

Следующую попытку Ксинг предпринял на следующий день. Осторожно скрывая

энергию и до предела напрягая чувства, он добрался до самого дуба, умудрившись не столкнуться ни с одним лесным обитателем. Проблема отыскалась там, где он не ждал никакого подвоха: дерево вовсе не собиралось поддаваться его усилиям. Как он ни напрягал силы и не усиливал руки ци, не сумел отломить даже маленькую веточку, которой не хватило бы даже для мухобойки, не то что для рукояти целого молота! Его возня привлекла ещё одну тварь, на этот раз что-то большое, мохнатое, но с такой же огромной пастью. Так что Ксингу пришлось вновь бежать, петляя и затрудняя путь сначала одному преследователю, а затем и собравшейся стае разномастных зверей. И вновь, стоило добежать до границы леса, как погоню словно отсекло ножом.

Идти к мастеру Бунтао — расписаться в своей несостоятельности. Да и денег у Ксинга хватало, поэтому он пробежался до Жумэня, где хорошенько экипировался. И к следующему походу к Дубу взял топор из лучшего железа, которое только смог купить в этом не самом маленьком городе. Результат превзошёл все ожидания.

Топор, выкованный лучшим городским кузнецом Жумэня, «почти такой же как у Бунтао, только дешевле», обрушился на ветвь со всей силой рук Ксинга, усиленных с помощью ци. Звуки ударов разлетелись на весь лес. И когда, наконец, не выдержала и треснула рукоять, лезвие настолько загнулось, что теперь его следовало не точить, а перековывать в новое. Добрая дюжина зверей, чьи мохнатые мускулистые тела чуть ли не светились от переполняющей их энергии, восприняли стук, как приглашение на вкусный обед. К счастью, зверьё не умело лазить по деревьям. К несчастью, Дуб стоял в центре большой поляны, словно не подпуская к себе другие деревья и кусты, а значит, удрать, перепрыгивая с ветки на ветку у Ксинга никак бы не получилось. Пришлось отсиживаться прямо на Дубе, вступив в серьёзный бой с двумя обитающими в кроне птицами, похожими на воронов, только гораздо больше и свирепее. Ксинг лишь каким-то чудом взял верх, а остался цел только потому, что острые, словно бритва, клювы не могли пробить шкуру волчьего вожака. И, будучи потрёпанным, с ног до головы измазанным едким птичьим помётом, победителем себя он не ощущал. К счастью, схватка с птицами заинтересовала зверьё настолько, что оно собралось с одной стороны дерева, так что Ксинг смог прорваться и сбежать.

На следующий день он вернулся более подготовленным. Чтобы больше не пришлось всю ночь отстирывать верные волчьи доспехи, он натянул сверху ещё один слой одежды из шкур убитых лесных зверьков. На дубу ждали новые птицы, но на этот раз, помимо нового топора, Ксинг прихватил и копьё. Схватка выдалась скоротечной, длина оружия сильно помогла, так что вскоре он сумел предпринять новую попытку добыть ветвь. Снова стук топора привлёк новое зверьё, но Ксинг лишь выпятил в их сторону задницу и несколько раз хлопнул себя по ягодицам. То ли звери в Лесу Дюжины Шагов были умнее своих обычных сородичей, то ли просто реагировали на движение недосыгаемой жертвы, но увидав издёвку, они громко зарычали.

Ожидаемо, второй топор древесину тоже не брал. Ксинг попробовал укрепить его с помощью ци, увеличить прочность и остроту. Но инструмент прослужил недолго — после нескольких ударов лезвие, не в силах сдержать его энергию, при очередном ударе раскололось на части, оставив на ветке неглубокую царапину, которая к тому же затянулась прямо на глазах. Выяснилось, что возникший было план «принести тысячу топоров, наполнять их ци, пока не перерубит проклятую богами ветку» оказался полностью несостоятельным. Да и все остальные способы, что только мог придумать Ксинг, принести

результат не могли.

Чувство гнева, безнадежности и отчаяния так переполнили душу, что Ксинг, не думая ни о чём, треснул лбом о ствол, чтобы хоть так, с помощью боли, прояснить голову. Ци он подал совершенно бессознательно, как делал это уже каждый день несколько лет подряд. И действительно, своего он добился, боль отрезвила. Вот только на стволе, способном выдержать удары самого острого металла, осталась неглубокая вмятина, которая к тому же распрямилась совсем не сразу. Ксинг обрадовался. Он подал в руки как можно больше ци и начал молотить по злополучной ветке. Хоть результат и появился, но Ксинг быстро понял, что добиться так ничего не выйдет. Кулаки оставляли вмятины, а ему требовалось нечто острое, способное резать сверхпрочную древесину, а не пытаться вдавить.

— У меня есть ци, этого достаточно, — сказал он вслух рыскающему внизу зверю.

Вспомнились тренировки с учителем, его слова про подходящее оружие и про то, что можно создать клинок просто из ци, но это будет гораздо тяжелее. Ксинг усмехнулся: именно такое «тяжелее» ему и требовалось. После схватки с разбойниками он, мелкий малёк, почувствовал себя премудрым карпом, решившим, что ему всё по зубам. Теперь реальность показала настоящие границы сил. И если он хочет догнать учителя не через дюжину дюжин циклов, то придётся тренироваться ещё сильнее. Ксинг выпустил из пальца ци, попытавшись сформировать лезвие. Получилось нечто настолько жалкое, что даже рычащее внизу зверьё залаяло и засмеялось. Ксинг ничуть не расстроился. Он увидел ещё одну область, в которой его навыки недостаточны, и, самое главное, — направление, в котором можно совершенствоваться.

Несколько дней понадобилось на то, чтобы жалкий заострённый сгусток ци, выходящий из его руки, превратился в нечто, отдалённо напоминающее острый клинок. Ксинг приставлял его к ветке и словно молотом колотил второй рукой. Надрез на ветке дуба уже обрёл достаточную глубину, чтобы оттуда выступила багровая смола, густая и, похоже, очень желанная для кружащегося внизу зверья. Звери завывали и зарычали, а к дереву стали стекаться другие особи, которых он раньше не видел. И для которых, похоже, высота дерева препятствием не являлась.

— Не так быстро! — выкрикнул он, встречая первого гостя.

Рука-молот ударила прямо в нос запрыгнувшему на дуб гибкому телу, рука-лезвие вонзилась в пушистый бок. Существо, отдалённо напоминающее тигра, такого не ожидало, так что, пронзительно мяукая, полетело вниз. Ксинг с сожалением проводил взглядом его полную мяса тушу и снова принялся рубить ветвь, поглядывая вниз и по сторонам.

Чтобы не тратить зря время, он поселился на ветвях этого дуба, собирая дождевую воду и утреннюю росу с листьев. Делал короткие вылазки, чтобы поймать и съесть, с помощью ци зажав без соли, одного из собравшихся зверей. Но даже так ветвь не поддавалась. На создание и удержание клинка из внутренней энергии требовалась уйма ци, так что когда тот распадался, ему лишь оставалось беспомощно смотреть, как почти что на глазах затягивается столь тяжело сделанный разрез. Ксинг попробовал стихийные преобразования — дуб неохотно поддавался Огню, на него почти не влияло Дерево, а остальные стихии не действовали вообще.

Всё, что оставалось Ксингу — тренироваться, повышая силу и запасы ци, гадить вниз прямо с веток, показывая кружащим зверям, чья это территория, да чистить рот и зубы багровой смолой, которая не только убирала неприятный налёт и освежала дыхание, но и придавала сил.

Ксинг не считал, сколько раз зверьё взбиралось на дерево в надежде его сожрать. Он научился не спать, заменив сон глубокой медитацией, восстанавливающей силы, придающей бодрости и, самое главное, позволяющей тренировать и улучшать циркуляцию внутренней энергии. Ксинг даже испытал надежду, что вскоре совершит прорыв, перейдя на стадию Конденсации Ци, а потом и дальше — на Заложение Основы и Формирование Ядра. Но увы как бы сильно он ни запихивал в себя ци, сколько бы не съел чудодейственной дубовой смолы, бутылочного горлышка, воспетого в куче книг и кристаллов, так и не ощутил.

Со временем зверьё признало, что у дерева появился новый хозяин, могучий зверь, съесть которого не выйдет, а получится, скорее, быть съеденным самому. Зверьё отстало и разошлось. Время от времени Ксинг стал делать вылазки на поиски Радужного Железа, но всё осложняло то, что он не имел понятия, как оно выглядит и где его искать. На всякий случай он подолбил кулаками несколько скал и сразился с обитателями пещер, нашёл с помощью ци несколько многообещающих камней и минералов, но ничего, что могло бы оказаться этим самым железом, не обнаружил.

Ксинг рубил злополучную ветку, так сосредоточившись на цели, что почти забыл, кто он и зачем это делает. Тренировал ци, удерживая лезвие с каждым днём дольше, а разрез — глубже. Пробовал разные варианты, типа вращающихся зубастых дисков ци или огненных клинков. Настойчиво пользовался оставшимися топорами, наполняя их ци и удерживая от распада стихией Металла. Делал новые и новые вылазки в поисках злополучного Радужного Железа, в которых находил всё что угодно, только не его. Он прекрасно теперь понимал, что задание мастера Бунтао выполнить не удастся. Но теперь ему было всё равно.

Для любого из героев свитка или кристалла, не говоря уже об учителе, добыча ветки заняла бы не больше дня, да и то большая часть времени ушла бы на дорогу и поиски. Да чего уж там, они бы принесли кузнецу не какую-то ветку, а весь дуб! Ксинг знал, что когда-нибудь в будущем тоже так сможет, но пока что весь его мир сосредоточился на единственной цели — глубине разреза в неподатливой древесине, зарастающего каждый раз, стоит отвлечься или отдохнуть.

Землю припорошило первым снегом, придорожные лужи подёрнулись льдом. По этому снегу брел, пошатываясь, Ксинг к поместью кузнеца Бунтао. Он выглядел, словно дикий лесной человек: в шкурах из зверья, окровавленный, всклокоченный, с бесконечной усталостью во взгляде. Огромную корзину за его спиной, сплетённую из лозы редчайших и ценнейших деревьев Леса, выбранных за крепость и гибкость, доверху наполняли различные камни. Он тащил за собой здоровенную ветку Багрового Дуба, листья которой оставляли в снегу широкую прореху.

Стоило ему дойти до ворот, как послышались возгласы и крики. Ксинг тяжело качнул головой — чтобы перерезать эту ветку, ему понадобилось трое суток непрерывного воздействия, он очень устал и был зол. Поэтому если кто-то из охранников решил бы попрактиковаться в стрельбе из лука или ударить копьём, Ксинг засунул бы ему и лук, и копьё, и вот эту дубовую ветку прямиком в задницу.

Ворота поспешно распахнулись, лица охранников, выглядывающих из-за створок, выражали лишь изумление, да и их ци не показывала желаний напасть.

Из ворот вышел сам хозяин. Он подошёл к Ксингу и окинул того внимательным взглядом.

Ксинг скинул с плеч корзину и с гулким стуком бухнул перед ногами Гонга Бунтао. За

корзиной последовала ветвь.

— Я не добыл Радужное Железо, — признался Ксинг. — Но это лишь временные трудности.

Он собрался развернуться и снова направиться в лес, пусть и делать так было бы невежливо. Но именно сейчас на любой этикет Ксингу было полностью наплевать. Его остановило только то, что мастер Бунтао склонился над его корзиной и перебирал собранные камни. Может, Ксинг всё-таки нашёл это Железо, просто сам того не знал?

— Удивительно, — наконец сказал кузнец. — Не ожидал.

— Я всё-таки добыл и Радужное Железо? — с надеждой спросил Ксинг.

— Что? Нет, конечно нет! — рассмеялся мастер Бунтао. — Ты и не мог бы его добыть. Как и не мог принести древесину Дуба, прочнейшую во всей Империи, нет, во всём мире! Обычно её получают, когда Пурпурный Дуб умирает, но и тогда требуется целый отряд могучих воинов, чтобы защититься от зверей, пока лучшие лесорубы тупят топоры, полные ци, о древесину. Свежую ветвь я вижу впервые. Признаться честно, я послал тебя на невыполнимое задание только для того, чтобы ты перестал орать каждое утро, мешая работать и отвлекая стражу.

— А Радужное Железо? — спросил с обидой Ксинг. — Его что, вообще не существует?

— Почему же? Существует! — ответил кузнец. — Только не в этом лесу. Добывают его за дюжины тысяч ли отсюда, и каждый слиток у купцов стоит столько, что я иногда раздумываю, не придётся ли для этого продать собственную дочь! Ты принёс очень много интересного, но не Радужное Железо.

Вдобавок к обиде на кузнеца, Ксинг почувствовал злость на самого себя. Ведь чего стоило сходить в библиотеку Жумэня, поспрашивать на рынках, выяснить сначала нужные сведения, вместо того чтобы как дурак мотаться по лесу, собирая пусть и «интересные», но неподходящие камни?

— Тогда я пойду! — сказал Ксинг, разворачиваясь прочь.

— Куда? — удивился кузнец.

— Если Радужное Железо существует, значит, его можно добыть, а значит, я могу выполнить ваше задание!

— А, ты об этом? Не беспокойся, у меня пока есть пара слитков. Оно немного коварное в обработке и требует особых методов, так что тебе придётся хорошо попотеть, пока не научишься работать как с ним, так и с остальными металлами. Так что я очень надеюсь, что в учёбе ты проявишь такую же настойчивость, как с этой дубовой веткой.

— В учёбе? — удивился Ксинг. — Это значит...

— Что? Ах, да! Конечно же, ты принят!

Кузнец Гонг озадаченно поглаживал свою аккуратно ухоженную бородку. Предмет пусть и не специальной гордости, но все же демонстрация того, как он умел и ловок — ведь в бороде отсутствовали подпалины и прочие следы занятий кузнечным делом.

— Что-то не так, мастер Гонг? — спросил Ксинг, заметив озадаченный вид наставника.

— Всё так, твоё творение безупречно, — ответил тот, — как и следовало ожидать от лучшего из моих учеников. Редко встретишь такое упорство и мощь в столь молодом возрасте. Но ты доказал, что достоин учиться у меня!

Лицо Ксинга осталось спокойным, но внутри взметнулась буря воспоминаний. Два года тяжёлой изнуряющей работы, попыток заставить ци воздействовать на металл, кость, кожу и

древесину строго определённым образом. Постоянные вылазки в Лес не только для поиска материалов: шкур и костей животных, камней, минералов, руд и целого десятка сортов различной древесины, но и для тренировок ци в самом сердце чащобы. Представление Ксинга, что быть кузнецом — значит ковать металл, оказалось полностью ложным, пришлось освоить профессии и скорняка, и плотника, ведь броня из шкур местного зверья зачастую посрамила бы любой металл, а с деревянными частями доспехов и оружия не справился бы даже столичный мастер. Ксинг редко когда спал, предпочитая убежать в лес и медитировать, прилагал все усилия, чтобы развить в себе ци до максимально возможного предела.

Увы, таланта ему не хватало, поэтому следующих ступеней культивации он так и не достиг. Не было никаких Бутылочных Горлышек, Прорывов, Небесных Воздаяний, а значит, всё, что оставалось Ксингу — это оттачивать основы, усиливая свою ци и совершенствуя контроль.

— Ты стал нам всем дорог, Ксинг, словно ещё один член семьи. И этим творением показал, что готов стать истинным наследником моего мастерства! Но ради всех богов, почему цеп?

— Полезная в жизни штука, мастер, — ответил Ксинг спокойно, хотя в его душу словно вцепились когти морозного феникса, — хороший цеп всегда пригодится в странствиях.

Кузнец Гонг полностью выполнил свои обязанности наставника, взяв в ученики не только на словах. Ксингу не пришлось годами потеть на подсобных работах, пытаясь подсмотреть и понять процессковки, вырывая крохи знаний. Гонг Бунтао показывал тонкости работы с металлом и частями зверей, которых добывал Ксинг и ради которых, помимо густой ци, кузнец тут и поселился. Это были два хороших года взаимовыгодного сотрудничества, ведь если собрать всё зверьё и минералы, что собрал Ксинг, то кузнецу действительно пришлось бы продать свою дочку Цзе. И не только её, ему пришлось бы для этого завести ещё троих дочерей!

Теперь, по истечению этих лет, Ксинг узнал, как ковать дюжину основных видов оружия и две дюжины вспомогательных, даже научился ими сражаться — ведь плох тот кузнец, что неспособен понять, смещён ли в сабле или гуань дао баланс и удобно ли будет воину рубить и колоть. Ксинг помирился, а затем и наладил отношения с троицей охранников, которые пусть и не достигли больших успехов в культивации ци, зато имели огромный опыт и прекрасно знали, за какой конец брать меч или копьё.

Теперь Ксинг, если вдруг в том возникла бы нужда, легко обеспечил бы себя на всю жизнь. Хорошее оружие ценилось всегда, а уж оружие, способное пропускать через себя ци и не разрушаться, ценилось в дюжину раз сильнее, а иногда и в дюжину дюжин раз! Возможно, у мастера Бунтао и остались секреты, но узнать их можно было, лишь потратив ещё полный цикл лет, заодно наработывая тысячами и дюжинами тысяч повторений собственный опыт. Он повзрослеет, обзаведётся такими же мощными мускулами и такой же сильной ци, как мастер, станет кузнецом, возможно, лучшим в провинции, Империи или даже во всём мире. Вот только тот ли это результат, к которому Ксинг стремился? Тот ли водопад, о котором мечтал этот малёк? То ли препятствие, на которое следовало взбираться будущему карпу?

Да он перековал Звездное Железо, создал из него Звёздную Сталь. Добыв новую ветвь Пурпурного Дуба, сделал себе этот цеп. Вот только он так и не научился создавать пространственные кольца, ведь мастер, так сосредоточенный на своём кузнечном деле, о них

даже не слышал. Не умел он делать и талисманы, а собственные опыты Ксинга, несмотря на обилие самых лучших материалов, окончились ничем — он добивался лишь кратковременного эффекта, а потом ци просто улетучивалась в никуда. Ксингу не хватало знаний, а знания — не то, что найдёшь в окрестностях Жумэня и уж тем более в лесу, будь то Дюжины или Десяти Тысяч Дюжин шагов. Оставаясь здесь и совершенствуя кузнечное мастерство, Ксинг, возможно, и смог бы превзойти учителя. Вот только лишь в одной узкой области, безнадежно проиграв во всех остальных. То, что в «Боевых стратегиях неукротимого дракона» имело своё название — «выиграть малое сражение, проиграв большую войну».

Пауза затягивалась. Ксинг потихоньку начал нервничать. Мастер молчал, лишь уставившись на него взглядом пристальных чёрных глаз. И его спокойная, лишённая эмоций ци при этом не давала ни малейшего повода для спокойствия.

— Странствиях? — наконец, переспросил кузнец, снова касаясь рукой бороды.

— Так я сдал экзамен, мастер? — спросил Ксинг.

— Оружие ты изготовил, да, — уклончиво ответил Гонг, и Ксинг насторожился ещё сильнее.

Кузнец всегда говорил прямо, без жалости, словно бил молотом по заготовке, и такая уклончивость могла быть связана только с одним. Ксинг потянулся чувствами ко второму мощному источнику ци чуть подальше, в одной из жилых комнат — Цзе Бунтао, дочке Гонга. К счастью, та ещё не умела контролировать себя так же хорошо, как отец. Словно почувствовав его внимание, источник сдвинулся с места.

— Но это, ученик, ещё не...

— Значит, я сдал экзамен, мастер, — перебил его Ксинг, хватая цеп одним быстрым движением.

— Да, но...

— Тогда до свидания, желаю вам самого-самого лучшего! Обнимите за меня Цзе!

Ксинг не стал нестись к двери, где уже поджидала дочка кузнеца, а, подав в ноги ци, вознёсся на второй ярус кузни, где распахнутые окна не только выводили не вылетевший в трубу дым, но и пускали внутрь свежий воздух. Свежий, сладкий и манящий воздух свободы!

Ксинг давно знал, что совершил ошибку. Цзе была, несмотря на разницу в дюжину лет и сильные рельефные мускулы, очень привлекательной, а Ксинг чувствовал себя таким потерянным и таким одиноким. Он так сильно тосковал о своей Мэй, которая бросила его, поддавшись на демонические посулы мерзавца-учителя, что дал слабину, сблизился с ней теснее, чем подмастерью подобает общаться с дочкой своего наставника. Цзе, смотревшая на не по годам развитого красавчика и ученика отца хищными голодными глазами, решила, что Ксинг — её избранник. И что только меха Ксинга достойны раздуть её горн, и только его молот — опускаться на её наковальню.

Ксинг не мог сказать, что ему в Цзе что-то не нравилось. Наоборот, он считал её умной, интересной и обладающей теми качествами, которые он очень ценил. Вот только... Только Цзе не была Мэй. Он был даже благодарен Цзе, ведь с её помощью Ксинг осознал силу своих внутренних демонов, понял, как сильно его дух всё ещё тоскует о Мэй, а значит, равновесие в Великой Триаде сильно нарушено. Вот только попытка восстановить баланс, компенсируя терзания духа удовольствиями тела, имела бы слишком уж много необратимых последствий. Но Цзе решила, что между ними возникло нечто большее, чем просто дружеское общение, а наставник Гонг был готов абсолютно на всё, когда дело касалось его дочери.

— А ну стой, паршивец!

Ксинг вынырнул наружу, ввинтившись в узкое окно, пролетев со второго яруса, скользнул по каменным плитам двора и перекатился. Он уклонился от хватки такой могучей и такой нежной руки, не забыв восхититься грацией и силой мало уступающей отцу дочери, и послал ей воздушный поцелуй.

— Цзе! Я буду помнить тебя всегда! — весело прокричал он и прибег к самому отточенному из своих умений, то есть дал деру.

Ускользнув по пути от атаки всё неправильно понявших стражников, Ксинг молниеносно добежал до закрытых на два засова ворот и прыгнул, оттолкнувшись ногой и взлетая выше немалой ограды, после чего рванул по дороге, поднимая столб пыли.

— Вернись! — заголосила Цзе.

— Держи вора! Разбойника! — прогремел голос Гонга.

— Украл самое ценное! — подхватила Цзе слова отца. — Моё сердце!

Ксинг мчался, с досадой уставившись на зажатое в руке оружие. Возвращаться назад, чтобы собрать накопившиеся за два года пожитки, было бы глупо. Всё, что у него осталось — собственноручно созданный цеп да одежда, скроенная из шкур обитателей Леса. У него имелись, конечно, и приличные одеяния, но они остались там, в поместье кузнеца. У этого наряда было множество достоинств — к примеру, его не мог прожечь ни огонь в кузне, ни брызги расплавленного металла, но клочковатый мех не блистал красотой, и Ксинг выглядел в нём, как дикарь и оборванец.

Можно было всё-таки вернуться, чтобы забрать свои вещи, но... Ну не драться же с тем, кто учил его два года, и с той, с кем он так здорово проводил время! Из двух вариантов, «дерись или женись», Ксинг выбрал третий. И на этот раз не степенный, полный достоинства уход, как это было с родной деревней, а позорное отчаянное бегство. Впрочем, «Боевым стратегиям неукротимого дракона» имелось что сказать и на этот случай: «Бесчестье — не в своевременном отступлении, но лишь в бессмысленной гибели». А позволять погибнуть своим амбициям Ксинг не собирался.

Пусть он стал учеником Гонга Бунтао и даже закончил обучение, но объявить об этом во всеуслышание теперь не получится. Ведь наставник так и не вручил ему нефритовую табличку с отпечатком своей ци, ну а на слово четырнадцатилетнему сопляку, пусть он выглядел на все семнадцать, не поверил бы никто в мире. Вряд ли кузнец кому расскажет, что ученик сбежал, не дав себя женить на его дочке, скорее всего огульно обвинит в краже какой-то ценности, которых в его поместье хватало. Вышло очень некрасиво, Ксинг искал славы, но вовсе не такой. Может, выждать, пока наставник не отбросит глупую идею женитьбы и не придёт в себя, и послать какое-нибудь письмо с извинениями?

Ксинг раздумывал прямо на бегу, тщательно скрывая ци, чтобы его не отследили ни кузнец, ни стражники, ни дочка. Он, конечно, совершенствовал свои умения, но кто знает, может, и они не сидели без дела. Ему хотелось то ли похвалить себя за предусмотрительность — после покупки топоров в Жумэне и перед походом к Дубу свои деньги он закопал на хорошей укромной поляне неподалёку от дороги, да так и не удосужился потом выкопать. То ли обругать последними словами — ведь желания Цзе он знал и намерения Гонга мог прекрасно предугадать, но к побегу так и не подготовился.

Сделав несколько петель, чтобы сбить возможных следопытов, пробежавшись по ветвям деревьев и пройдя вверх по течению глубокого ручья, Ксинг сделал крюк через Лес, где выпустил облако специально преобразованной ци, такой привлекательной для лесных

обитателей. За два года походов в лес он придумал немало трюков, но сейчас использовал это нелепое подобие техники не для быстрой добычи еды и не чтобы отвлечь сильных тварей в сторону, не доводя до схватки с ними, а для сбития погони со следа.

Ксинг раздумывал о дальнейшем маршруте, взвешивая имеющиеся варианты. Одно он знал точно: в Жумэнь идти нельзя! Ведь там придётся бросить вызов не Небесам, а городской страже, а затем и гарнизону воинов Императора.

Подбегая к заветной поляне, Ксинг нахмурился. Он не ожидал тут встретить даже одинокого заезжего путника, а уж тем более множественные огни сильной ци. Не то чтобы до поляны неудобно было добираться с дороги, но никто тут, на окраине Леса, в здравом уме останавливаться бы не стал — ведь стоило проехать ещё несколько часов, и путник заночевал бы под защитой стен Жумэня. Прodelки наставника Бунтао и его дочки? Вряд ли, будь у того столько воинов, у Ксинга ни за что не получилось бы сбежать. Новый заказчик, ещё не добравшийся до кузнеца? Опять-таки, не было ни малейшего смысла останавливаться здесь, в двух шагах от цели, ну а если, к примеру, поломалось тележное колесо, то не починить его прямо на дороге. У кузнеца Гонга была масса связей, он мог устроить Ксингу очень невесёлую жизнь, но никто бы не успел прибыть так быстро, да и засаду устроил бы уж точно не здесь.

«Надо разобраться», — решил Ксинг и решительно двинулся к поляне.

Он припомнил, что где-то тут должен течь небольшой лесной ручеек с глинистыми берегами. Найти его не составило труда, так что Ксинг испачкал грязью лицо, обмазал глиной одежду и обвалялся в опавших листьях. В подобной маскировке, конечно, показываться на люди нельзя — те примут его за лесное чудовище, но и являть себя возможным противникам в планы Ксинга не входило. Он ещё сильнее приглушил ци и, не хрустнув ни единой веточкой, прокрался к поляне.

Там он упал на траву и, сливаясь с местностью с помощью стихии Земли, прополз почти к самому краю обрамляющих поляну зарослей. Обострив до предела зрение и слух, выглянул из кустов.

— ...Бунтао не так прост! Знаете, кто у него заказывает оружие?

— Не волнуйтесь, уважаемый Фу! Кто бы это ни был — не влиятельней нашего рода!

— Вашего! Вот именно, вашего рода! А не моего! Если всё раскроется...

— Не раскроется! Ведь позаботиться об этом обещали лично вы. Или с печатью что-то не так?

— Нет-нет, всё в порядке! Это настоящая печать! Но знали бы вы, чего и сколько мне стоило, чтобы отвлечь Второго Яшмового Судью и ненадолго оказаться у него в кабинете!

— А вот это, уважаемый Фу, похоже на настоящий разговор! И сколько? Мы готовы щедро компенсировать ваши тяжёлые труды. Только учтите, мы и так даём вам очень немало. И лишняя жадность влечёт за собой лишние, пусть и очень недолгие печали.

Послышался шелест ткани и характерное тихое позвякивание монет, которое невозможно было спутать с лязгом металла. Ксинг прополз чуть ближе, полагаясь на свою маскировку, хотя стоило одному из людей на поляне сделать десяток шагов, тот наступит ему прямо на голову. Толстяка в одежде чиновника городской управы Ксинг видел несколько раз в ресторанах Жумэня и преисполнился подозрений уже тогда. Ведь не может же человек, смешивающий во время трапезы горную утку в капустной подливке с бирюзовой форелью с Лиловых гор, не оказаться подонком!

Воины, сопровождавшие карету чиновника, не были похожи ни на городских

стражников, ни на воинов Императора, ни даже на наёмную охрану. Хорошие лошади, доспехи, отличное дорогое оружие и знамёна с эмблемами выдавали принадлежность к знатному роду. И эти эмблемы, как и цвета одежды, были знакомы даже не потому, что Хань Нао с детства на память выучил основные рода Империи.

Гао! Подлые презренные Гао, дом, который неоднократно переходил дорогу отцу Ханя, генералу Гуангу Нао. Эти бесчестные негодяи неоднократно пытались воспользоваться славой и победами генерала, плели против него интриги и постоянно пытались облить грязью перед ликом Императора. Хань не знал особых подробностей, ведь отец при их упоминании всегда переходил на брань, но низость и бесчестность этого недостойного рода не вызывали ни малейших сомнений. Хань Нао знал, что они обитают в другой провинции, полагал, что вряд ли пересечётся с ними хоть раз в жизни. И оказался прав, так как судьба свела их вместе только после его смерти.

Чувства бурлили, Ксингу пришлось погрузиться в себя, чтобы не раскрыться вспышкой, скрипом зубов или хрустом кулаков. Пусть он до этого дня не встречался ни с одним Гао, это не мешало ему ненавидеть их всей душой.

— Да, печать в порядке, — подтвердил Фу, лаская пальцами увесистый шёлковый мешочек. — Но...

— Никаких «но»! — резко ответил толстяку самый нарядный и богато одетый Гао. — Многоуважаемый Фу, мне напомнить вам, сколько молодых крестьянских девушек доставил вам мой клан? Или о том, кто именно избавлялся от тел после ваших развлечений?

— Да тише вы! — побледнел Фу. — Не здесь! Не вслух! Если кто-то узнает, что я предаю Императора, то меня освежают и будут посыпать солью пять дюжин дней! Лучшие лекари не дадут мне умереть! И вы все окажетесь рядом!

— Не беспокойтесь, — рассмеялся его собеседник. — Я и мои воины контролируем территорию. На целых два ли вокруг здесь нет никого, даже крупных животных, так что тратить талисманы тишины нет ни малейшей необходимости. Или вы бы предпочли, чтобы я вычел их стоимость из благодарности вам, достопочтенный Фу, от нашего клана?

— Нет-нет, я полностью доверяю клану Гао, — поспешно заверил Фу. — Как можно сомневаться в одном из столпов нашей Империи. Но вы сами понимаете, дело ведь очень деликатное...

— Конечно, но именно поэтому нам и понадобились услуги столь мудрого и учёного человека как вы, господин Фу.

— Я не до конца уверен, что всё работает.

— А напрасно. Кузнец виноват сам. Кому как не вам знать о важности правильной работы с документами.

— Несомненно! — горячо воскликнул Фу. — Многие называют нас, чиновников, чернильными душами, считают, что мы ничего не делаем, только переводим бумагу и тушь да получаем ни за что наше жалование. А ведь на нас, а не на армии, держится вся Империя!

— Вы совершенно правы, господин Фу. Вместо того, чтобы махать молотом, Гонгу Бунтао следовало бы уделить больше внимания счёту и правильному ведению бумаг. И теперь, когда прошло столько лет, пусть сам пожинает плоды своей глупости!

— Вы уверены, что ему не удастся доказать погашение долга?

— Совершенно уверен. Он расплатился за материалы с нашим стряпчим, но поставил подпись лишь в нашей копии расписки об отложенной выплате. Свидетелей, кроме членов клана Гао, тогда не было. И проценты, набежавшие за эти годы, не выплатить целому

купеческому дому!

— Но ведь Гонг Бунтао богат! Он ковал меч самому наместнику! Что если он всё же выплатит свой долг?

— Не забывайте, господин Фу, речь идёт о стоимости девяти чешуек дракона! К тому же, даже если расплатится, чем это плохо? — расхохотался Гао. — Ведь двенадцатая часть всей суммы с процентами будет ваша!

— У него есть множество покровителей, — не сдавался толстяк.

— ...которые ничего не смогут сделать, — продолжал улыбаться Гао. — Договор у нас заверен в имперской администрации, штраф за несвоевременную выплату и проценты по просрочке — тоже совершенно настоящие. Расписки о погашении он тогда не потребовал, свидетелей нет. Мы в своём праве! Свиток с печатью нам нужен лишь для того, чтобы он пошёл с нами без сопротивления.

— А если он всё же будет сопротивляться? Гонг Бунтао — человек, знаменитый силой своей ци! К тому же у него есть умелая стража! Что если он накинется на вас, отберёт договор со своей подписью и уничтожит раньше, чем его остановят ваши воины?

— Именно для этого, уважаемый Фу, нам и нужны вы. Ведь тогда вы сможете не просто поклясться именем Императора, что стали свидетельством подобного злодеяния, но и подтвердить истинность уничтоженного договора, который вы, не последнее лицо в Жумэне, очень тщательно изучили. Вы сможете даже сделать это под воздействием талисмана истины, ведь вам не надо лгать, лишь опустить несущественные детали. Разумеется, вознаграждение мы удвоим.

— Но всё равно, а что если...

— Уважаемый господин Фу! — жёстко оборвал чиновника Гао. — Ещё немножко, и у меня появится ощущение, что вы тянете время и не хотите исполнять свою часть нашей с вами сделки.

— Нет, конечно же нет! — патетично воскликнул толстяк. — Моё слово — самое крепкое во всём Жумэне!

— Вот видите, вы не делаете ничего предосудительного и абсолютно чисты. А дальше все останется между домом Гао и кузнецом Бунтао. Не волнуйтесь, стоит ему попасть на территорию нашего дома, больше вы его не увидите. Там он никогда не сможет отработать свой долг. К тому же у него есть незамужняя дочка, а в побочных ветвях нашего дома достаточно мужчин. После того как она станет женой или наложницей Гао, у него не останется выхода.

Когда-то, слушая отца, Хань Нао ловил себя на мысли, что генерал Гуанг, позволивший ненависти и обиде завладеть своим сердцем, злодеяния клана Гао порядком преувеличивает. Теперь-то Ксинг понял, насколько жизнерадостным и наивным тогда он был, ведь даже отец не знал всей глубины низости и подлости этого презренного рода!

Наглость и беспринципность этого злодеяния вызывали кровавую пелену перед глазами. Не какое-то там жульничество или обман, нет, это было попрание воли самого Императора и по сути попытка порабощения — что тоже являлось подрывом вековых законов Империи.

И несмотря на то, что о подробностях своих мерзких замыслов Гао, уверившиеся в безопасности и уединении, рассказали не хуже главного злодея в любом из кристаллов или свитков, оставался вопрос: «Что делать?» Как бы ни был обижен на наставника Бунтао и Цзе, всё, в чём они оказались виноваты — что кузнец распознал в ученике

выдающийся, бывающий раз в поколение, нет, дюжину поколений талант, а его дочка — не смогла устоять перед несравненным обаянием Ксинга и по уши в него влюбилось. Ксинг, конечно, жениться не хотел, вот только не желал Гонгу и Цзе Бунтао ничего, кроме счастья и процветания.

Какие бы варианты ни обдумывал Ксинг, каждый из них не был лишён кучи недостатков.

Отползти прочь, вернуться, предупредить мастера? Даже если тот и станет слушать, то проблему это не решит — хорошо скрывать ци ни наставник, ни его дочь не умеют, а у погони достаточно адептов, мастеров ци и сменных лошадей, чтобы обнаружить добычу и загнать куда угодно.

Бежать напрямик в Жумэнь? Ему, жалкому простолюдину, просто выпишут бамбуковых палок по пяткам за клевету на уважаемого в городе человека и высокий благородный род.

Просто уйти, оставив кузнеца самому расхлёбывать последствия своих действий? Да это хуже всего! После такого презренного поступка Ксингу следует сразу бросить мечту стать героем. Стремиться превзойти учителя тоже, ведь тогда Ксинг превзойдёт его только в одном — в негодяйской подлости.

Но что мог он, грязный дикарь в звериной шкуре, да с одним только цепом в руках? Гао имели преимущество не только в числе, в экипировке и в силе, у них наверняка припрятано множество разных хитрых талисманов, а может, и каких-то артефактов! Ксинг, конечно, все эти годы усиленно тренировался и больше не похож на крестьянина из деревни, на которую сморкаются боги, но пока ещё и не мерзавец-учитель, а ещё лучше — Стремительный Клинок Бао. Те бросились бы на врага не раздумывая, Бао Сяо — чтобы нести добро и справедливость, а подлый презренный учитель — чтобы ограбить Фу и Гао, забрав все деньги.

Да и нападение на имперского чиновника в случае, если останутся свидетели, означает, что он, простой крестьянин, пошёл против Империи. Клясться именем Императора, призывать в свидетели богов, требовать честного суда с использованием талисманов и дознавательных техник, он бы смог, лишь будучи Ханем Нао, а не Ксингом Дуо.

— Время идёт, — поторопил чиновника Гао, — а мы и так порядком задержались.

— Хорошо, поехали, — обречённо ответил Фу.

Время действительно уходило. Следовало что-то срочно предпринять, но особых идей не появлялось. Поэтому Ксинг вновь обратился к мудрости «Боевых стратегий неукротимого дракона»: «Чтобы выйти победителем против стаи волков, следуй в логово тигра».

Шматок жирной липкой глины ударил чиновнику Фу прямо в лицо и стёк вниз, пачкая его официальные одеяния. Второй кусок, который Ксинг снял со своей шкуры с особым тщанием, залепил глаза главному Гао.

— Предатель Империи Фу и никчемные ничтожества Гао, — загудел Ксинг изменённым голосом, — неспособные на честные победы, только на низость и подлость!

Ксинг старательно направлял ци, заставляя созданный Ветер носить его слова по поляне. Один из Гао сложил руки в затейливый знак, и куст, в котором якобы находился говоривший, вспыхнул зелёным огнём.

— Я всё видел и слышал! — заорал Ксинг. — Видел и слышал, как вы предали Империю и осквернили имя Императора своими грязными языками! Ведь только ими вы и способны сражаться! Бездарные вояки, неспособные удержать меч, только отравленный кинжал, дабы

вонзить его в спину тем, кому вы еще вчера лизали пятки! Вы сражаетесь не на поле боя, а в дворцовых спальнях, видать, потому, что даже грязная трусливая свинья по сравнению с вами — образец чистоты и мужества.

Ксинг не был силён в оскорблениях, поэтому просто повторял любимые выражения отца. Видать, горячие слова генерала Гуанга, шагавшего от победы к победе, оставались справедливыми даже сейчас, спустя многие года и большие циклы. Впрочем, в том, что удел Гао — не поле боя, Ксинг уже убедился и на собственном опыте.

Он тихо пробрался сквозь кусты, выбрался к прорехе в растительности, выводящей на дорогу, приоткрыл на мгновение маскировку ци и закричал:

— Я направляюсь в Столицу, обращусь к судье первого ранга, поклянусь именем рода и духами предков! Пройду Взвешивание Слова и попаду на Суд Императора! Готовьтесь, подлецы, к визиту Имперских Теневых Дознавателей!

Ксинг прекрасно понимал, что после этих слов всё, что осталось роду Гао — это либо преследовать его до самих Девяти Преисподень, либо на собственной шкуре познать, что такое Казнь Девяти Тысяч Мук. К сожалению, существовало очень простое решение всех затруднений — убийство Ксинга. Так что он сбросил маскировку и направил ци себе в ноги.

За спиной раздался оглушительный взрыв, и в стороны расплылось ядовито-фиолетовое облако.

— Идиоты! Как мы теперь пройдем? — крикнул Гао. — Очистить воздух!

Ксинг улыбнулся, поблагодарив глупцов за подаренные несколько лишних вдохов и припустил по дороге. Он вкладывал в бег всё, что имел: годы и годы беготни по деревне, отчаянные рвущие жилы тренировки и попытки выживания в Лесу Дюжины Шагов.

К сожалению, больше такого подарка, как заградительная техника длительного действия, подлые Гао не сделали. Ксинг ушёл от нескольких новых атак, когда заметил, что конная погоня порядком подотстала. Это значило одно — следует рискнуть и сократить расстояние.

Он сделал вид, что стал потихоньку выдыхаться. Картинно хватался за бок, тяжело дышал и спотыкался. За это Гао вознаградили его доброй дюжиной разрушительных взрывов. К счастью, Ксинг прекрасно чувствовал направление, в котором движется ци, и заранее уходил вбок, умудряясь делать вид, что не погиб по чистой случайности. Шкуры зверей Леса показали себя в бою ничуть не хуже, чем в кузне. Одежда запросто выдержала не только осколки камней, но и языки знакомого зелёного пламени. Ксинг побежал прочь, старательно припадая на одну ногу.

— Он ранен! Скорее! — послышалось сзади.

Снова вылетело несколько огненных техник, не отличающихся, впрочем, особым разнообразием, и Ксинг стал метаться из стороны в сторону, неуклонно двигаясь в заранее выбранном направлении.

— Не уйдешь! — раздался злой крик в спину.

Ксинг коротко оглянулся и увидел, что погоня растянулась. Чиновник Фу, бросивший свою карету, сидел верхом, но, видимо, был к этому совершенно непривычен. Он быстро выдохся и отстал. Увы, надежды Ксинга, что погоня разделится, чтобы защитить важного союзника, оказались тщетными — охранять Фу остались лишь два Гао из тех, чья ци светилась слабее всех, а погоню продолжили оставшиеся полторы дюжины.

Гао на скаку вскинули луки и выпустили в Ксинга град светящихся от ци стрел. Он захохотал, вскинул свой цеп и, не глядя, короткими взмахами за спину, посбивал те, что

грозили пронзить его тело.

«То что надо!» — подумал он, увидав, что дорога выходит из леса и огибает склон отвесной скалы, нависающей над лесной чащобой. Несколько техник ударило напрямиком в дорогу, но её, к досаде Ксинга, они не разрушили. Столбы с талисманами, призванные не выпускать из Леса зверьё, похоже, защищали и от обвалов.

— Осторожней, остолопы! — закричал главный Гао. — Иначе он уйдёт!

На этот раз Ксинг не стал уклоняться от летящей в спину стрелы, лишь сделал короткий шаг вбок, пропуская остриё возле руки и зажимая древко под мышкой.

— Вы меня ранили, негодяи! — закричал он, медленно и картинно, словно герой, умирающий в схватке с десятью тысячами врагов, падая с обрыва.

— Он мёртв! — закричал кто-то из подчинённых. — После такого падения не выжить.

— Идиоты! — рыкнул главный Гао. — Он будет мёртв, когда вы принесёте его голову!

Ксингу понадобилось немало сил, чтобы не расхохотаться. Ему бы хотелось почувствовать себя хитромудрым злодеем, тянущим за ниточки паутины, с помощью многоходовых комбинаций и интриг заманивающим врага в изошрённую ловушку. Вот только, увы, в его действиях не было ничего хитрого, так как, раскрыв своё присутствие, он не оставил Гао и Фу никакого выбора. Ведь даже если он погибнет где-то в Лесу, но преследователи не найдут тело и не убедятся в его смерти, то покоя им не видать до конца своих жалких жизней!

Точно рассчитанными порциями выпускал Ксинг ци, преобразуя её то в Землю, то в Древо. Взор Циляня позволял видеть каждое деревцо, каждый куст, каждый скальный выступ, и реагировать с достаточной скоростью. Ветки, трава и скалы подхватывали его тело, смягчая и замедляя падение. Наконец он рухнул у подножия скал, точным выбросом ци накрыв себя лавиной небольших камней.

Сквозь щель между камнями Ксинг удовлетворённо наблюдал, как обрадованные Гао спешили, подбежали ко краю скалы, радостно загалдели и ринулись вниз, оставив наверху коней и припасы вместе под охраной единственного адепта. Они бежали вниз по почти отвесной поверхности, время от времени прыгая с камня на камень. И делали это в открытую, не пытаясь прятаться.

Ксинг ещё раз убедился, что, несмотря на неплохую подготовку, в реальных сражениях они если и бывали, то редко. На такие уловки не поддавалась бы даже местная лесная белка, что уж говорить о зверях посмышлённей. Ну за глупость, их, конечно же, следовало наказывать и немедленно. Так что Ксинг ухватил пару камней и, усилив руки ци, со скоростью пращи метнул их во врагов.

Как ни старались Гао избежать ударов, но вертикальная скала оставляла им очень мало места для маневра. Вот один Гао полетел вниз, а за ним второй и третий. Четвёртого и пятого Ксинг достал тоже, вот только те слишком хорошо укрепили свои тела, чтобы получить серьёзные ранения, а высота оказалась недостаточной, чтобы они распластались у подножия изломанными марионетками, как менее удачливые члены рода.

Ксинг отбежал в сторону, и туда, где он стоял, одновременно ударили знакомый столб зелёного пламени и ядовито-фиолетовая молния. Ксинг, всё так же прихрамывая, кинулся прочь, напрямиком в знакомую чащобу.

— За ним! Он ранен и не может скрываться! — заорал вожак Гао. — Я хорошо чувствую его ци!

«Ещё бы ты не чувствовал, — про себя засмеялся Ксинг, прибавляя шагу, — когда я так

сильно стараюсь!»

Он бежал, всё так же выпуская вкусную аппетитную ци, такую привлекательную для Гао, и не только для них. Он старательно удерживал дистанцию, то давая врагам приблизиться, то припуская вперёд «из последних сил». Добегая до своей территории, до Пурпурного Дуба, Ксинг довольно улыбнулся. Погоня, так старательно следовавшая за ним по пятам, растянулась почти что на целый ли. И, судя по остальным пятнам ци, эта погоня оказалась не единственной.

Ксинг коснулся шершавой коры Дуба, развернулся и уставился на четырёх мастеров ци, подступающих к нему со всех сторон во главе с главарём Гао.

— Пожалуйста, — залепетал он. — Не убивайте меня!

— Это же совсем ребёнок! — воскликнул кто-то из мастеров. — Ему нет и двух дюжин!

— Не беспокойся, — примирительно солгал старший Гао. — Не убьём. Но тебе придётся рассказать всё, что ты услышал. И поклясться на Талисмане Истины, что никому ничего не расскажешь.

Ксинг опять едва не расхохотался. Он прекрасно знал, что у Талисмана Истины совсем другое предназначение, что несмотря на громкое название, истину он не выявлял, лишь позволял узнать, верит ли допрашиваемый в свои слова. И что применяли его только для дознания, ведь заставить кого-то сдержать обещание он никак не мог.

— Вы обещаете? — испуганно сказал он, стараясь выглядеть на свой настоящий возраст.

— Слово рода Гао! — подтвердил главарь.

Он тянул время, ожидая, когда его подручные окружают столь юркую цель. В этом их желания совпадали — Ксинг ждал того же самого, только в отношении самих Гао!

— Но скажите, уважаемый Гао, — заныл Ксинг жалобным голосом, — вы уверены, что слово, данное вашим родом...

Он мгновенно закрыл свою ци, оттолкнулся ногами от земли, взлетая на дерево:

— ...стоит хотя бы свиного дерьма?

Враги были настороже, несколько сокрушительных техник ударили в то место, где он находился всего вздохом раньше. Раздался треск, вспышки, зазмеились разряды странных молний и полыхнуло облако дыма. Ксинг ещё раз похвалил себя за решение избежать схватки. Он пока что не настоящий герой из кристалла, так что подобной атаки ни за что бы не выдержал.

Как бы ни скрывал Ксинг свою ци, но преследователи оказались не дураками. Почти сразу же они направили техники вверх, в крону Дуба, где скрывался Ксинг. Вот только Ксинг прекрасно помнил, сколько пота и крови, пусть даже чужой, пришлось ему пролить, отпиливая одну-единственную ветку. И сколько — чтобы отстирать пятна омерзительного птичьего дерьма со своей, давно уже ставшему маленькой волчьей одежды.

Ксинг, прикрыл веки, сосредоточившись на окружающей ци. Приготовился отбивать атаку, как только кто-то из Гао решится полезть на дерево, когда его родичи прекратят поливать Дуб бесполезным огнём. И вскоре атаки действительно прекратились. Но на дерево никто не полез, ведь у Гао теперь нашлись новые заботы. Дюжины и дюжины новых забот.

Та ци, такая чистая, ароматная, вкусная и аппетитная ци, которую Ксинг непрестанно испускал во время погони, привела за ним не только Гао. Она собрала очень много очень свирепых, очень голодных, и очень сильных зверей. Зверей из того самого Леса, по которому

путнику не стоило делать даже шаг, а уж тем более целую дюжину. И преследователи сделали больше, гораздо больше шагов.

С помощью ци Ксинг наблюдал за развернувшимся сражением. Он видел, как вспыхивали взрывы, как гасли огни набегающих зверей. Как раздавались выкрики названий техник, некоторые, типа «Небесного Пальца Правосудия», звучали так восхитительно величественно и героически, что Ксингу немедленно захотелось выучить нечто подобное и самому.

Время от времени звери, каким-то непонятным образом чуявшие скрывшего энергию Ксинга, забирались в крону, но тот с помощью верного цепа, зарекомендовавшего себя просто-таки превосходно, напоминал им, кто является хозяином этой территории вот уже более двух лет. Некоторых зверей Ксинг лупил лишь слегка, для острастки, хватывая за хвосты, раскручивал, и метал эти злобные увесистые комки клыков и когтей прямо на головы Гао.

Новая тактика дала плоды, и вскоре огоньки сгрудившихся и вполне успешно отбивавшихся Гао стали по одному гаснуть. И, несмотря на то, что врагов становилось меньше и меньше, лесное зверьё тоже подошло к концу, оставив одного-единственного победителя в настоящем царстве смерти.

Ксинг легко спрыгнул вниз и подошёл к окровавленному главе отряда Гао, который стоял, тяжело опираясь на меч, посреди целого кладбища зверей и людей. По его лицу стекала кровь, а через плечо и бедро проходили глубокие раны от звериных когтей. Из-под доспехов тоже стекал алый ручеёк.

— Ты... — прохрипел Гао. — Кто ты такой?

— Слышал ли ты о великом герое прошлого генерале Гуанге Нао? — спросил Ксинг.

— Нао... — засмеялся враг, захлёбываясь кровью. — Этот проклятый род...

Ксинг тяжело вздохнул. Как и следовало ожидать, его предсмертное проклятье всё-таки сработало. Что же, пусть род Нао пал, но и этой бесчестной насмешке над благородным родом тоже не поздоровится. От потери пятерых мастеров ци и ещё дюжины полноценных адептов оправиться очень трудно. Вернее, от шестерых мастеров.

Цеп Ксинга без размаха ударил противника прямо в висок, мгновенно загасив и без того еле тлеющий огонёк ци.

Он осмотрел поляну и вздохнул. Столько ценных трофеев, столько зверей с такими чудесными шкурами и восхитительным мясом. Бросить их здесь? Это мог бы себе позволить только привыкший к постоянному изобилию Хань Нао, а не человек, родившийся и выросший в Дуоцзя, деревне, где боги следят, чтобы еда никогда не пропадала зря!

Ксинг вздохнул и поднял голову, пристально всматриваясь в крону Пурпурного Дуба.

«Нельзя полагаться на других, достойный муж берёт судьбу в свои руки»

Он схватил за хвосты двоих мёртвых зверей и, пустив в ноги ци, взвился в воздух.

Чиновник Фу тяжело развалился на земле и мелко всхлипывал. Обычно аккуратная коса за его спиной теперь была растрёпана, а лицо осыпали бисеринки пота. Охранники, двое адептов из клана Гао, бдительно несли стражу. Время от времени один из них не выдерживал, подходил к обрыву и заглядывал вниз.

— Никаких известий? — в очередной раз спросил Фу.

— Пока нет, — ответил Гао.

— Нам следует быстрее убираться! — сказал чиновник. — По дороге кто-то может

проехать.

— Мы будем ждать остальных, — резко ответил второй охранник.

— Но как долго? — не отставал Фу.

Не услышав ответа, он оглянулся. Оба охранника бездыханно распростёрлись на земле, а над ними стояла не очень высокая, но страшная мохнатая и грязная фигура.

— Кто ты? Что тебе надо? — выкрикнул Фу и попятился. — Забирай всё, деньги, вещи, только оставь меня в живых.

— Документы! — неожиданно молодым голосом сказал монстр. — Остальных я обыскал, никто ничего важного в лес не прихватил.

Фу заколебался. Мохнатая фигура тем временем ловко обобрала трупы охранников, сложив всё оружие и экипировку в аккуратную кучку. Дикарь залез им за пояса и за пазухи, выудив небольшие приятно звякающие мешочки, и ссыпал их содержимое в один кошель, после чего прошёлся по лошадям, обшаривая седельные сумки. Дойдя до лошади главы отряда, он внимательно посмотрел на притороченный к седлу сундучок, приложил к нему руку, и укреплённая и защищённая от воров крышка разошлась в стороны, словно утренний цветок, демонстрируя содержимое. Дикарь засмеялся, на буро-сером покрытом грязью лице блеснули ослепительно-белые зубы. Он схватил один из наплечных мешков покойников, высыпал содержимое и пересыпал из сундука туда все деньги. Под весом металла прочная кожа мешка затрещала, но в итоге успешно выстояла.

— Я сказал, документы! — повторил дикарь.

— Вы знаете, с кем вы разговариваете, юноша? — собрал храбрость Фу. — Нападая на меня, вы предаёте Императора!

Дикарь взвесил в руке свой мешок и слегка его потряхнул. Монеты восхитительно звякнули.

— Как жаль, что пытаюсь отдать эти деньги чиновнику управы Жумэня, — протянул он, — я тоже оскорбляю Императора. Ведь это получается презренная взятка.

Фу облизнул губы.

— Я... Я бы... На вашем месте, молодой человек, — мягким вкрадчивым тоном сказал чиновник, — я бы не делал таких громких заявлений. Разумеется, вы не даёте никаких взяток!

— Но тогда как это называется? — удивлённо спросил дикарь. — Ну, если я даю вам денег, чтобы вы мне вручили документы, обличающие преступные намерения презренного рода Гао, их предательство Империи, надругательство над имперским правосудием. Если я вам плачу, чтобы вы, чиновник Жумэня, помогли очистить честное имя мастера Гонга Бунтао и избавить его от подложного долга?

— Это, конечно же, никакая не взятка! — Фу пришёл в себя достаточно, чтобы встать с земли и отряхнуться. Его голос перестал дрожать, и в нём стали проскальзывать привычные официальные интонации. — Это называется взнос! Добровольный взнос в городскую казну. И не смейте, пожалуйста, называть это оплатой за услуги! Мы, чиновники Империи, получаем жалование, а нести справедливость — это и так наша работа.

— Вот как? — удивился дикарь. — Извините, уважаемый Фу. Я, это, живу тут в лесу и таких тонкостей не знал!

— И зря, молодой человек, зря! Детали — это самое важное.

Он полез куда-то за пазуху и достал продолговатый лакированный футляр. Открыв крышку, он извлёк оттуда свиток. Развернув, показал дикарю.

— Вот это — указ Второго Яшмового Судьи о приведении в исполнение взыскания долга с мастера Гонга Бунтао в пользу клана Гао. И если обратиться в Имперский Реестр Актов и Тяжб, то записи об этом документе вы не найдёте. Что, разумеется, является тяжёлым должностным преступлением. Мне горько признать, что Второй Судья воспользовался своими служебными полномочиями в личных целях. Но, увы, совершенен лишь Император, а некоторые его чиновники иногда дают, как Второй Судья, позорную слабину.

— Отлично! — сказал дикарь. Он наклонился, протягивая руку за документом, и маленький мешочек с деньгами двух обобранных Гао совершенно случайно выпал из его руки и сверхъестественным образом попал за полу халата Фу, больно, но одновременно приятно, ударив того монетами по животу.

Фу поразился, насколько он недооценивал нынешнюю молодёжь. Она ему казалась глупой и безнадёжной, но всё же находились перспективные юноши, понимающие истинный порядок вещей.

— Второй Яшмовый Судья, несомненно, будет наказан! — горячо воскликнул дика... то есть достойный юноша. — И я надеюсь, его место займёт кто-то более честный и неподкупный!

Фу благосклонно кивнул.

— Но что же делать со взносом? — спросил юноша. — Мешок такой тяжёлый, в нём столько монет, что я не смогу его держать долго. А ведь мы до сих пор не выяснили, что делать с подложным долгом Гонга Бунтао и происками презренных Гао.

— О, не беспокойтесь! — поспешно заверил чиновник, лёгким и удивительно пружинистым для такого телосложения шагом направившись к лошадям. Он не стал обыскивать седельные сумки, словно прекрасно знал, что и где лежит. Подойдя к лошади главы, он быстро хлопал руками седло и ловким жестом уличного карманника вытащил откуда-то широкую изукрашенную резьбой шкатулку.

— Не изволите ли, молодой человек? — спросил он, протягивая юноше.

Тот послушно провёл пальцем по крышке и та рассыпалась мелкой древесной трухой.

Чиновник быстро развернул документы, кивнул и удовлетворённо крикнул.

— Вот тут, молодой человек, договор, подписанный достопочтенным Гонгом Бунтао, свидетельствующий о том, что он получил на руки девять чешуек дракона, а взамен обязуется в течение трёх дней внести указанную вот, обратите внимание на вот эту цифру, оплату. Тут же в договоре указана пеня за просрочку и положенный процент. Документ зарегистрирован в канцелярии, но это лишь свидетельствует о его подлинности. И если вдруг договор окажется случайно повреждён или уничтожен, то, считайте, его не существует. Если, конечно, достопочтенный Гонг Бунтао не изволит предоставить в канцелярию свою копию.

Юноша почтительно принял из рук документ, совершенно случайно звякнув большим мешком.

— А вот это гораздо интересней, — сказал чиновник, протягивая второй свиток. — Это расписка господина Гонга Бунтао о том, что долг он погасил. Не представляю, каким образом она оказалась у столь ничтожного и презренного рода Гао и для чего они взяли её с собой, вместо того чтобы хранить в самой защищённой комнате поместья. Передайте, пожалуйста, господину Бунтао, что бумаги очень любят порядок. И расписки о погашении займов следует забирать с собой, а не оставлять у займодавца. Впрочем, эта расписка

вызывает, скорее, умеренный интерес. Потому что если не существует самого договора, то и нет смысла в его погашении.

Юноша вновь широко улыбнулся и Фу, передавая ему расписку, ещё раз восхитился, какая же это восхитительная улыбка. Вот если бы его немножко отмыть...

— Знаете, уважаемый господин Фу, у меня появилось очень стойкое, я бы сказал неостановимое желание внести вот эти деньги в казну славного города Жумэня. Но, к сожалению, мне немного неудобно это делать, так как мой путь лежит в другую сторону. Не будет ли считаться с вашей стороны нарушением служебных полномочий, если я попрошу вас принять этот взнос?

— Ну разумеется нет, молодой человек! — широко улыбнулся Фу. — Я, как заместитель Второго Яшмового Судьи, имею право принимать любые суммы на нужды администрации.

— Ну тогда, пожалуйста, примите этот взнос в свою голову!

Тяжёлый мешок обрушился на голову чиновника, проламывая череп и круша шейные позвонки.

Мастер-кузнец Гонг Бунтао не находил себе места. Паршивец, задуривший голову Цзе и разбивший её сердце, подло сбежал. К сожалению, попытка погони окончилась ничем — за эти годы ученик научился скрывать ци, причём так прекрасно, что даже среди дикого зверья Леса Дюжины Шагов чувствовал себя как дома.

Гонг сожалел о потере ученика, ведь пусть тот был и молод, но одновременно силён и настойчив. Он прекрасно понимал, что у паршивца нет к Цзе особых чувств, кроме, наверное, братских, но это не имело значения. Он сделает для своей дочери абсолютно всё, чтобы та была счастлива. Если даже придётся притянуть гадёныша под алтарь каждого из Двенадцати Богов за уши или гнать молотом на самый край света.

Работа сегодня не спорилась — ведь ци его пребывала в смятении. Причём даже не из-за побега ученика — тот всё-таки сдал экзамен, и Гонг намеревался выполнить свою часть сделки, наведя городскую канцелярию, зарегистрировав там Ксинга Дуо как мастера-кузнеца и отправив нефритовую табличку Имперской Курьерской Службой по имени без адресата. Нет, какое-то тяжёлое предчувствие наливало молот невиданной тяжестью, так что целых три заготовки пришлось выкинуть в переплавку, чего с ним не случалось долгие годы.

Гонг Бунтао оставил работу и провел половину дня, утешая рыдающую дочку. И после окончания утешений ему с новой силой захотелось убить паршивца! Убить, потом ещё раз убить, а потом затащить всё-таки под венец с ненаглядной Цзе.

Внезапно тягостное предчувствие, одолевавшее его целый день, разом пропало, словно отсечённое взмахом одного из им самим выкованных мечей. Он немного побродил по поместью, перекинулся парой слов со всё ещё всхлипывающей Цзе, после чего вышел во двор, полюбоваться последними лучами заходящего за горы солнца.

Не было ни шума, ни шороха и ни всплеска ци. Ничто не насторожило и не предупредило. Просто большое толстое бревно с корой, поблёскивающей очень характерным пурпуром, перелетело через стену и с громким стуком выбило осколки из каменных плит двора.

Кузнец резко мотнул головой, от такого знакомого и все ещё неизменно раздражающего зрелища!

Он вздохнул и подошёл к бревну. К гладкой древесной коре прилипли, защищённые слоем сильной спокойной ци, три листа бумаги. Рядом с ними, примотанный к бревну

поясом с очень характерными цветами, находился окровавленный флажок с эмблемой Гао — клана, с которым Гонг Бунтао пару раз имел дело в далёком прошлом, но прекратил отношения из-за невыносимых докучливых требований ковать оружие только им.

Прямо на бревне Пурпурного Дуба сияла надпись, переполненная ци и выполненная каллиграфическим почерком:

«Мастер! Научитесь, наконец, обращаться с документами!»

Глава 18, в которой герой открывает новые кулинарные горизонты, на деле оказавшиеся очень старыми

Когда-то Ханю Нао, потом Фенгу, а затем и Ксингу Дуо нравились усы и бороды. Конечно же, не косматые и грязные, словно у дикарей, а аккуратные, ухоженные, выдающие во владельце просвещённого, мужественного или искусного человека. Все или почти все учителя в кристаллах носили длинные белоснежные бороды, красивой бородкой обладал отец Гуанг Нао, да и наставник Бунтао выглядел просто превосходно. Даже в прошлой жизни, когда пришло время, Хань последовал примеру отца и брата, и матушка Лихуа утверждала, что бородка подчёркивает его мужественность!

Теперь же Ксинг считал бороду и усы испытанием демонов преисподней, жалким делом тех, кто не познал лучшего в мире изобретения цивилизованного человечества — острой бритвы.

Проблема заключалась в том, что их ему приходилось носить именно сейчас, а те кололи губы, непрестанно чесались и ощущались на лице одной из изошрённых придумок Пыточного Департамента. И, увы, избавиться от бороды было уже нельзя. Не сейчас, когда он столько усилий приложил к её обретению.

После той эпической битвы, во время которой он отсиделся на дереве, сердечно желая победы сразу обеим сторонам сражения, после улаживания дел с чиновником Фу и недобитками презренных Гао, перед Ксингом встала большая проблема. У него оказался, если считать сменных, табун из чуть ли не двух дюжин отличных лошадей, целая гора зверья, а оружия, брони и экипировки достаточно, чтобы вооружить небольшой отряд наёмников. И, по большому счёту, ничего из перечисленного Ксингу не требовалось.

Богатый и знатный Хань Нао, возможно, лишь махнул бы рукой и отправился по своим учёным делам. Но Ксинг, познавший голод, нужду и лишения, не мог допустить и мысли, что столько прекрасной еды просто-напросто пропадёт. Да и как бывший ученик кузнеца, сам мастер-кузнец во всём, кроме признания наставника, не способен был оставить пусть и не выдающееся, но всё же неплохое оружие ржаветь и портиться. Ну а лошади... Лошадок было просто жалко.

Поэтому, несмотря на то, что следовало как можно быстрее отсюда убираться, он решился на авантюру. Всех зверей, что погибли возле Дуба и которые покоились на раскидистых ветвях, он, вполголоса ругаясь и проклиная Гао, перетаскал на знакомую поляну, ту самую, где услышал детали заговора. Предположение, что его острая угрожающая ци отвадит почуявших кровь зверей лишь ненадолго, полностью оправдалось — под конец ему даже пришлось сразиться с огромной ящерицей, чья туша вскоре присоединилась к таким же неудачливым собратьям. После зверей пришла пора лошадей: их он попарно перевёл на облюбованную поляну, привязывая на противоположной стороне от груды мохнатых, пернатых и чешуйчатых тел.

Несмотря на то, что ци, которой он укрыл зверьё, чтобы остановить разложение, полностью блокировала и запахи, кони нервничали и истерично ржали. К счастью, они были боевыми скакунами, приученными к крови сражений, так что единственную серьёзную проблему вызвала лишь упряжная лошадка чиновника Фу, которую удалось успокоить, лишь

вогнав в сон с помощью целительской ци.

Затем Ксинг перетаскал всю приличную экипировку заблаговременно раздетых до нитки врагов, а также выкопал деньги, спрятанные два с лишним года назад. Ксинг понимал, что сейчас, когда он получил казну отряда Гао и деньги взятком продажному чиновнику Фу, эта сумма, когда-то такая огромная, выглядела ничтожной. Но крестьянская рачительность не позволяла оставить даже согнутую монетку.

Он не знал, почему ему показалось такой прекрасной идеей воспользоваться бревном Пурпурного Дуба, но не раз проклинал тот момент, когда она пришла ему в голову. С веткой он провозился почти что до самого заката. И потом, зашвырнув бревно с прикрепленными бумагами и наслаждаясь выражением лица наставника, не мог избавиться от мысли, что любая другая древесина сработала бы ничуть не хуже.

Что могло пойти не так в его плане? Да абсолютно, совершенно всё! Но, к счастью, боги удачи всё ещё смотрели в его сторону, так что по дороге, идущей по краю Леса Дюжины Шагов, никто, как обычно, и не проехал.

Спать Ксинг улёгся очень усталым. Не телом, ибо ци продолжала бурлить как обычно, но духом, который изрядно утомила затянувшаяся на весь день возня с тасканием мертвых зверей и людей, а также мучительное отрезание злополучной ветки. Да и беспокойство в ожидании неприятностей не позволило, несмотря на огромный опыт сна в любых подходящих и неподходящих местах, выспаться нормально.

Ранним утром, как только солнце озарило землю своими первыми лучами, Ксинг отправился в Жумэнь, ведя в поводу целый караван коней, связанных длинной верёвкой. Лошадка чиновника Фу, которой теперь не приходилось таскать тяжёлую лакированную повозку или находиться на поляне с такими ужасными и свирепыми мёртвыми монстрами, изрядно повеселела. Остальные лошади, привыкшие слушаться только хозяев, брыкались и сопротивлялись, поэтому снова пришлось их подгонять с помощью устрашающей и подавляющей ци.

К счастью, торжище Жумэня располагалось за пределами городских стен. Ксинг хоть и не боялся показаться на глаза городской страже, но лишний раз рисковать не собирался. Он обошёл несколько торговцев лошадами, пока выбрал одного, чья ци ему понравилась больше остальных. И теперь стоял и наблюдал, как тот заглядывает лошадям в зубы и осматривает копыта.

Ксинг никогда не был хорошим лицедеем — у него просто-напросто не возникало нужды в изучении театрального искусства. Но сейчас он, облаченный в ненавистные родовые цвета Гао и почёсывая бородку, которую срезал с предыдущего обладателя этих одеяний, мог служить воплощением высокомерного раздражения.

— Ну что, купец! — рявкнул он совершенно искренне. — Берёшь или нет?

— Не могу, — развёл руками торговец. — Откуда я знаю, что эти лошади не краденые?

— То есть ты, презренная душонка, обвиняешь меня, Ханя Гао, в воровстве лошадей? — спросил Ксинг грозно, положив руку на рукоять меча. — Мне кажется, что твой язык слишком подвижен, его надо хорошенько укоротить.

— Я подданный Императора! — закричал торговец.

— Презренный простолюдин, оскорбивший члена рода Гао! — поправил его Ксинг. — Не беспокойся, мой клан выплатит компенсацию твоей вдове.

— Нет-нет, уважаемый Гао! — сразу же пошёл на попятную торговец. — Я ни капли не сомневаюсь в ваших словах. Но вы сами понимаете...

— Ты считаешь меня подозрительным? — вкрадчиво спросил Ксинг.

— Конечно нет! В репутации Гао и всех членов вашего великого рода нет никаких сомнений! Но всё равно, согласитесь, мне придётся дать объяснение, когда кто-то спросит, откуда у этого достойного юноши столько лошадей и почему я их купил.

Ксинг для порядка задумался, пристально уставившись на торговца. От прямого сверлящего взгляда тот стал ёрзать и топтаться на месте, ци его выражала полную панику. Наконец, Ксинг, словно неохотно, ответил.

— Ты видел мой отряд?

— Да, конечно! Вы покинули южные ворота вчера утром! Вместе с уважаемым помощником Второго Яшмового Судьи.

— Хорошо, это избавит от ненужных объяснений. Ты знаешь, кто живёт в том направлении?

— Там Лес Дюжины Шагов! Только идиот посе... Вы имеете в виду достопочтенного кузнеца, мастера Гонга Бунтао?

— Ты умнее, чем кажешься на первый взгляд, — снисходительно кивнул Ксинг, и страх в ци торговца сменился гневом и обидой. — Что ты знаешь о Первом Наследнике клана Гао?

— Ничего, господин. Дела вашего великого клана гораздо выше этого недостойного торговца.

— Недостойного? Хорошо сказал! Ну, ну, не делай такое лицо. Дело не в тебе, ты не хуже и не лучше любого из вашего подлого торгашеского племени.

Ксинг почувствовал, что все опасения в ци торговца ушли куда-то на второй план, их сменила жгучая ненависть.

— Ну так вот, наследник клана Гао пробудил ци! И так как он родился не в грязном хлеву, как ты и жители этой дыры, то и оружия заслуживает самого лучшего! Ты понял?

— Не совсем, господин Гао.

— Неудивительно! Это же не обсчитывать да обманывать честных людей. Оружие! Лучшее оружие! А приличный кузнец почему-то поселился в этом заброшенном богами городе!

— Я все равно не могу понять, какое отношение это имеет к лошадям, — потупив взгляд и пылая ненавистью в ци, пробормотал торговец.

— Оружие наследника клана — гуань дао! — медленно, словно разговаривая с умственно отсталым, сказал Ксинг. — И если о хорошем металле может позаботиться и кузнец, то за Пурпурный Дуб, чья древесина единственная достойна наследника, он захотел содрать... то есть у него вообще нет никакого Пурпурного Дуба! И только мы, великие воины рода Гао, можем его добыть!

Торговец подобострастно кивнул, но вспышка яростного обжигающего злорадства показала, что он прекрасно понял, к чему ведёт собеседник.

— Как одному из лучших воинов отряда мне поручили очень важную миссию! — выпятил Ксинг подбородок. — Охранять лошадей от происков подлых и завистливых врагов! Эх, если бы я пошёл в Лес, мы бы обязательно вернулись с Пурпурным Дубом!

— А чиновник Фу? — почти что перебил торговец. Лицо его выражало почтение и угодливость, но ци выдавала, что он давится смехом.

— Пошёл, конечно же, с отрядом! — подтвердил догадку Ксинг. — Ведь самое безопасное место в Империи — рядом с воинами Гао! Но они не вернулись, видать, отряд попал в засаду врагов! Не могло же стать причиной гибели какое-то жалкое зверё?

— И вы хотите продать лошадей? — направил торговец разговор в деловое русло.

— Конечно! Ты совсем слабоумный, если думаешь, кто-то в одиночку сможет довести две дюжины лошадей до поместья Гао! Оставаться было опасно... для лошадей, да, не для меня, только для лошадей! Я, ха-ха, с лёгкостью мог бы сразить всех зверей, но при этом пострадали бы лошадки. К тому же мне срочно надо домой, доставить вести как можно скорее!

Торговец вновь поклонился, а оттенок его ци вновь сменился. К смеху и злорадству добавилось сильное презрение к этому трусливому никчемному «Ханю Гао», который сбежал, сверкая пятками, стоило отряду сгинуть в Лесу. И Ксинг не будет Ксингом, если на следующий день о позорной гибели воинов Гао и чиновника Фу не будет судачить весь Жумэнь, а послезавтра уже и вся провинция!

— Эй, ты что, оглох? Я сказал «скорее»! Это значит, что ты должен шевелить своей ленивой задницей! Члены рода Гао не торгуются, так что если ты не назовёшь честную цену, я отрублю тебе ноги!

Ксинг был уверен, что его обдерут до последнего чжэня, но получить за лошадей хорошую цену он не рассчитывал и так. Однако то ли подействовала угроза, то ли лошади оказались гораздо лучше, чем он думал, но торговец отсчитал вполне приличную сумму.

Небрежным жестом, показывающим, что члену рода Гао не пристало заботиться об этих презренных деньгах, он ссыпал монеты в наплечный мешок и направился прочь. Дойдя до большой деревянной постройки общего отхожего места, Ксинг зашёл внутрь, убедился, что вокруг никого нет и быстро переоделся. Ненавистные борода и усы, которые всё это время он удерживал на лице с помощью внутренней энергии, отправились в дыру в полу — место, где всем Гао и полагается оставаться навечно. Туда же последовала и одежда — вспыхнув напоследок от выброса огненной ци и мгновенно превратившись в пепел.

Наружу вышел уже Ксинг Дуо — ученик великого мастера Гонга Бунтао, известный всему Жумэню. Он спокойно прошёлся по рынку и купил, переплатив почти вдвое, большую телегу для перевозки строительных тяжестей, запряжённую четвёркой волов. Спокойных, неторопливых животных, управиться с которыми, в отличие от лошадей, смог бы даже ребёнок.

Оказавшись на знакомой поляне и убедившись, что за время отсутствия ничего не произошло, Ксинг загрузил на телегу оружие и припасы, накидал сверху туши зверей и, напоследок, прикрыл всё ветками Пурпурного Дуба, оставшимися после подготовки послания учителю.

После сражения с Гао прошло более суток суеты, постоянной беготни, таскания тяжестей и утомительной подготовки. Так что тронувшись, наконец, в путь, Ксинг подумал: «Каждому герою нужно пространственное кольцо. Абсолютли!»

Ксингу было не привыкать к тяготам жизни. В прошлом это были пытки негодяя-учителя, затем появился полный список невзгод нищего крестьянина, да и выживание в Лесу Дюжины Шагов приятным назвал бы только сумасшедший. Теперь его жизненный опыт обогатился новым мучением. Он, привыкший к совсем другому темпу жизни и действий, просто не мог вынести неспешной походки волов. Путешествие, которое он проделал бы пешком меньше чем за неделю, продлилось целый месяц. И всё это время приходилось удерживать от порчи целую гору мяса.

Для него, обладавшего уже достаточной силой, это было вовсе не трудно, да и обновлять

и усиливать ци, удерживающую туши в свежайшем состоянии, приходилось не чаще, чем раз в сутки. К тому же волю оказались смышлёнными животными, умеющими топтать в указанном направлении даже без погонщика. Их блестящие воловьи глаза светились такой невозмутимостью, что даже целая гора мёртвых хищников никак не повлияла на их поведение, они были выше таких мелочей, как трупы смертельных врагов.

Поэтому, направляясь в другую провинцию, Ксинг не сидел на телеге без дела. Он то убегал вперёд, обследуя округу, то охотился, купался и плавал во встреченных речушках и озёрах. Но всё равно путешествие вышло ужасным, так что он провёл его преимущественно в тренировках, с каждым днём усиливая собственную ци.

Он давным-давно перебрал трофейное оружие и доспехи, с помощью ци и умений кузнеца избавив те от любых намёков на принадлежность к роду Гао. Ничего особо интересного он не нашёл, кроме меча главного Гао, чьё имя он так и не узнал и которое его совершенно не интересовало. Кузнец, выковавший меч, в подмётки не годился наставнику Гонгу, но материал использовал отличный. Пусть это было всего лишь Звёздное Железо, превратить его в Звёздную Сталь Ксинг смог бы в первой попавшейся приличной кузнице. Отложив в сторону этот меч, Ксинг решил всё остальное продать.

И получилось это гораздо легче, чем Ксинг когда-либо рассчитывал. Стража в городах и городках, в которые он заезжал, чтобы пополнить запасы еды для волов, при виде зверья всегда приходила в волнение, но, увидав сияние ци, окружающее туши, и услышав о конечной цели его путешествия, успокаивалась, не удосужившись даже обыскать телегу. Ксинг мог их понять — связываться с человеком, способным не просто справиться со стаей дикого зверя, но и владеющим ци, никому не хотелось. Адепты и мастера ци в Империи всегда были на особом счету, а документы Ксинга — медальон жителя Жумэня — были в полном порядке. Так что он спокойно распродал оставшиеся доспехи и оружие, получив очень хорошую цену, выбить которую помогало ощущение ци, показывающее, до каких пределов купец готов торговаться.

Прибыв в Мыаньтао, столицу соседней провинции, Ксинг поначалу растерялся. Ни в прошлой жизни, ни в этой он не видел такого огромного города с таким количеством пешеходов, всадников и повозок. Признаться, Ксинг, пребывав в замешательстве, не зная, ни куда ехать, ни как передвигаться по улицам, где каждая следующая лошадь, казалось, стояла на голове у предыдущей, а телеги подпирали друг друга, не оставляя места для человека. Впрочем, решить подобную проблему оказалось очень легко. Объяснившись со стражником и получив от него хороший совет, Ксинг окликнул уличных мальчишек, бесстыдно тарашившихся на мёртвое зверье, показал им пару монет, после чего всё случилось будто само по себе. Не пришлось даже управлять телегой — два новых проводника, вырывая друг друга поводья, всё-таки довели его до нужного места — огромного четырёхэтажного ресторана с загнутыми коньками черепичной крыши, на вывеске которого блестели позолотой три гигантских скрещенных тесака.

Ксинг не стал смущать посетителей и объехал заведение с тыльной стороны, туда, где на обширной огороженной территории находились жилые помещения, а широкие ворота явно служили для поставки продуктов.

Он подошёл к воротам и заколотил бронзовым кольцом по огромной морде тигра. Ждать пришлось недолго, в воротах распахнулось маленькое окошко и оттуда выглянул глаз. Ци владельца глаза явно показывала, что увиденным тот не очень доволен.

— Чего надо?

— Скажите, уважаемый, это здесь проживает знаменитый повар Бохай по прозвищу Три Ножа?

— А тебе что с того?

— Мне надо с ним поговорить, — ответил Ксинг, испытывая странное чувство, будто такое с ним в прошлом уже происходило.

— Проваливай, нищоброд, пока тебя копьём не проткнули!

Чувство усилилось. Ситуация настолько напоминала первый визит к мастеру Гонгу, что он даже пожалел, что не прихватил с собой пару брёвен для посланий. Или, может, следовало закидывать внутрь трупы животных?

— Скажите ему, что нищоброд прикатил целую телегу отборного мяса зверей из Леса Дюжины Шагов! — усмехнулся Хань.

— Да хоть десяти тысяч! — ответил привратник. — Проваливай!

Ксинг разозлился. Он потерял столько времени на дорогу явно не для того, чтобы спорить с каким-то остолопом. Если кто его и отправит восвояси, то только хозяин этого места.

— Я предлагаю два варианта, — спокойно, не показывая эмоций, сказал он. — Первый — ты зовёшь господина Бохая. Второй — я действительно проваливаю. Потому что на развалинах этого ресторана мне делать нечего.

— Да что ты, маленький сопляк, себе... — начал заводится привратник.

Ксинг вытянул руку, и с ладони в небо взвился огромный, яркий и очень горячий столб огня. Глаз, всё выглядывающий в окошко, расширился, делая владельца похожим на Жёлтого Филина, туша которого тоже лежала на телеге.

— Я сейчас же позо... — начал поспешно говорить привратник, но его перебил обладатель сильной ци, приблизившийся со стороны ресторана.

— Что там за шум?

— Господин Бохай, этот парень утверждает...

— Кто ты и чего хочешь? — раздался гулкий сильный голос, снова перебивая привратника.

— Меня зовут Ксинг Дуо. А чего я хочу, мы сможем обсудить, пока вы будете осматривать эти свежие и ничуть не испортившиеся тела зверей из Леса Дюжины Шагов.

— Жуань! Ты чего стоишь глиняным горшком! Быстрее открывай ворота!

На огромной площади Мыаньтао стоял тихий гул. Пёстрая толпа жителей города битком наполнила трибуны. За длинным столом, укрытым шёлковой тканью, сидели судьи — дюжина самых уважаемых жителей города. Четыре барабанщика, стоявших у огромных в половину человеческого роста инструментов, застыли изваяниями, вскинув в воздух огромные палочки, размером и формой напоминающие скорее била гонга.

В центре площади полукругом располагались несколько потушенных очагов, стояли столики, заставленные кухонной утварью и бесконечные корзины, наполненные овощами, фруктами, мясом, рыбой, приправами и прочими ингредиентами.

Барабанщики синхронно опустили палочки, и после гулкового удара на площадь опустилась полнейшая тишина, казалось, зрители даже затаили дыхание. Раздался второй удар. Барабанщики, блестя мускулистыми полуобнажёнными телами, начали выбивать медленный мерный ритм.

Друг за другом на площадь стали выходить девушки, одетые в тёмно-синие ципао,

фасоном и цветом знакомые каждому посетителю ресторана “Три Ножа”, и парни, в одежде которых любой узнал бы форму младших поваров. Они синхронно, словно хорошо подготовленные воины великого генерала, занимали свои места, формируя телами длинный коридор.

— Хо! — прокричали официантки и повара, одновременно вскинув в воздух яркие флаги с эмблемой ресторана.

Ритм барабанов ускорился, и на площадь сквозь живой коридор ступила одинокая фигура в ярко-алом шёлковом одеянии старшего повара.

Следуя ритму барабанов, Ксинг прошёл мимо рядов работников ресторана, улыбаясь парням и подмигивая девушкам. Парни улыбались в ответ, а девушки ещё и строили глазки.

Подойдя к столам с ингредиентами, Ксинг дождался окончания барабанной дроби, выхватил из ножен на бёдрах два тесака, ловко провернул их в ладонях, с громким стуком вонзил в разделочную колоду и воздел руки в воздух.

Публика заревела от восторга.

Ксинг, рисуясь, сделал несколько стелющихся шагов в сторону очагов и выбросил вперёд ладони. Столб огненной ци, вырвавшийся у него из рук, воспламенил дрова и разжёт печи.

Публика дружно ахнула.

Барабаны выдали короткую серию из трёх ударов и замолчали.

— Горячо! — нарушили тишину громким дружным возгласом повара и официантки, уже сменившие построение. Девушки застыли, взметнув в воздух флаги, а парни — подняв вместо них вверх острые ножи.

Вновь зазвучала барабанная дробь, Ксинг выдернул тесаки из колоды и приступил к готовке. Ножи так и мелькали в его руках, он рубил, шинковал, резал, протыкал и готовил ингредиенты, которые затем отправлялись во множественные котлы и сковородки незаметными для глаза движениями. Некоторые ингредиенты он резал на доске, некоторые подкидывал вверх, неуловимо быстрыми взмахами ножей нарезаю прямо в воздухе, а некоторые — разрубал с оттяжкой.

— Сладко! — выкрикнул хор поддержки, парни и девушки снова застыли в изящных позах, стоило прекратиться барабанной дроби.

Бохай, сидевший во главе стола судей, одобрительно наблюдал, поглаживая бороду. Зрители дружно охнули, после чего снова зашумели.

Ксинг продолжал работать. Он метался между столами и очагами, резал, кидал новые ингредиенты в котлы и на сковороды, перемешивая и переворачивая, немного жалея, что не может наблюдать за представлением, главным участником которого является он сам.

Шёлковые платья обтягивали стройные тела девушек, чётко обрисовывая каждый волнующий изгиб. И хоть парни, исполняющие танец, Ксинга совсем не интересовали, он признавал, что те тоже выглядят отлично.

— Остро! — воскликнули танцоры, вновь приняв грациозные стойки.

Ксинг, занимаясь готовкой, в который раз поразился, насколько же тут, в Мыаньтао понимают толк в превращении довольно скучного для стороннего зрителя процесса готовки в захватывающее представление. Он подкинул высоко в воздух ножи, схватил несколько бирюзовых головок ледяного лука, положил на доску, вытянул руки, и ножи сами упали в подставленные ладони.

— Горько! — вновь разорвала наступившую тишину группа поддержки.

Новая барабанная дробь изменилась, в неё вплелось гудение духовых инструментов. Под яростную воинственную мелодию на площадь вышли два дракона. Ксинг чувствовал знакомую ци — на этот раз костюмы драконов надели охранники ресторана и подсобные рабочие. Гибкие длинные тела, синхронно топая множеством ног, закружились посреди площади, демонстрируя прекрасную слаженность и подготовку.

— Солоно!

Показательный экзамен мало напоминал настоящую работу на кухне. Если там в распоряжении повара был целый день, он мог планировать время когда и как начинать готовку каждого из блюд, то сейчас приходилось учитывать не только вкус, но и зрелищность, настроения публики и судей, а значит, готовить всё одновременно. Ещё на кухне имелась масса помощников, повару не требовалось всё делать самому, но судьям полагалось оценивать вовсе не работу поварской команды. Впрочем, у Ксинга, предпочитающего полагаться только на себя, эти требования не вызвали особых затруднений. К тому же время готовки каждого из блюд он запросто контролировал своей ци.

Барабанная дробь ускорила ритм, драконы встали на дыбы, а танцоры вскинули вверх ножи и флаги. Вместе с ними воздел ножи и Ксинг, одновременно выпуская изо рта длинную струю огня.

— Вкусно! — прорезал воздух финальный выкрик танцоров.

Трюк, который Ксинг освоил совсем недавно, был немного бестолков, ведь огонь гораздо удобнее выпускать из рук, зато очень эффектен. Увы, несмотря ни на что, назвать подобные придумки «техниками» у Ксинга не поворачивался язык. За два с лишним года ученичества у Бохая он освоил множество способов применения ци, но ничего из того, что он умел, не смогло бы сравниться ни с навыками героев созерцательных кристаллов, ни с умениями учителя.

Учёба у Бохая отнимала немало времени, а на кухне не требовалась большая сила, тут гораздо важнее был тонкий контроль. Поэтому Ксинг усиленно занимался и оттачивал умения, а Имперскую Библиотеку Мыаньтао посетил лишь считанные разы.

Он и раньше знал, насколько учитель подл и коварен, но только теперь осознал всю глубину этой низости. Как оказалось, Хань Нао во время учёбы не изучил ни единой секретной техники, все упражнения и методы, что давал ему мерзавец, лежали в открытом доступе. За умеренную сумму денег (показавшуюся бы в Дуоцзя огромной) библиотекарь даже мог сделать копию с помощью специальной машины, сочетающей в себе как обычный печатный пресс, так и несколько изошрённых талисманов.

Из-за судейского стола поднялся наставник Бохай, и это послужило окончанием драматичной паузы. Раздалась серия взрывов, и в воздух взлетели множественные фейерверки, расцветая в небе огненными цветами. Хоть Ксинг запросто мог бы повторить такое с помощью ци, но признавал — выглядело это очень красиво.

Пока Бохай неторопливой походкой шёл мимо ряда официанток и поварят, направляясь напрямиком к Ксингу, публика ревела и неистовала. Его подтянутая фигура с мощными мускулистыми руками и широкими плечами опровергала всеобщее убеждение, что без огромного выдающегося вперёд пуза хорошего повара быть не может. Тёмно-пурпурное одеяние имело тот же покрой, что и форма Ксинга, лишь цвет и затейливая вышивка указывали на статус владельца.

Бохай вскинул в воздух руку. Публика мгновенно затихла. Трубы выдали последнюю

трель, барабаны стукнули ещё несколько раз и тоже замолкли. Ксинг провернул ножи на пальцах и отработанным движением отправил их в ножны на бёдрах. Эти ножи являлись его гордостью — в таком огромном городе можно было найти любой металл, так что он выковал их сам, заплатив лишь за временное использование одной из лучших кузниц. И теперь, как и положено хорошему повару, он стал обладателем подходящего инструмента, ничуть не портящегося от использования ци.

Ксинг схватил поварёшку, взял миску из высокой стопки, наполнил её из одного из котлов, после чего протянул мастеру, почтительно склонившись.

— Огненная хоньянская похлёбка из трех видов мяса и рыбы, — втянул Бохай носом воздух, — на травах и ци, с ноткой правильного огненного корня с севера.

Ксинг старательно сохранял каменное лицо. Корень в похлёбке, конечно же имелся, но давно выдохся. Так что Ксинг просто добавил своей ци, преобразовав её в Огонь, что мало отличалось от той струи, которую он выдохнул в конце представления. Похлёбка называлась огненной не только потому, что обжигала изнутри и бодрила, возвращая десять лет жизни и продлевая молодость, но еще и из-за того, что при подаче её принято было поджигать.

Простая и надёжная проверка, позволяющая отличить блюдо настоящего повара от жалкой подделки.

— Но такая похлёбка будет неполной без... — медленно, пуская ци в голос, начал говорить Бохай.

— ...хрустящей фуцзяньской булки, мастер, — Хань так искусно вклинился в слова наставника, что даже не возникло ощущения, будто он его перебил.

Поставив миску обратно на столик, он схватил кусок воздушного теста, которое замешивал во время представления, и оторвал небольшой, тщательно отмеренный кусок.

Барабанщики среагировали мгновенно, выдав ритмичную дробь.

Ксинг раскрутил тесто на пальце, превращая в плоский диск, подкинул в воздух и дунул, вкладывая ци, чтобы булка приняла нужную форму. Поймав, перекатил идеальный шар на ладони и вновь подкинул, на этот раз добавляя ци Огня. Поймав уже готовую фуцзяньскую булку, мигом оказался рядом с Бохаем, держа в руках поднос с похлёбкой, булкой, гарниром из голубого риса, четырьмя закусками, подходящим чаем и тремя молодыми побегами бамбука.

— Да, это фуцзяньская булка, — одобрительно сказал Бохай, сжимая её в руке. — Хрустит правильно, и корочка — что надо. А содержимое...

Наставник взял с протянутого подноса палочки и приступил к трапезе. Он неторопливо, демонстрируя уважение к еде и искусству повара, съел сначала похлёбку, затем одно за другим остальные блюда, а напоследок принялся за чай, закусывая его булкой. Как только булка с последним хрустом исчезла у него во рту, он вскинул голову и выдохнул мощный, словно у дракона, язык пламени.

Все вокруг заворуженно внимали, даже Ксинг, в почтительном поклоне удерживающий поднос с блюдами, слегка занервничал, хоть и прекрасно понимал, что причин для беспокойства нет. Он пришел к Бохаю не для того, чтобы получить какое-то признание, ему всего лишь хотелось вернуть себе частичку прошлой жизни и не зависеть уже больше ни от кого. И, конечно же, чтобы догнать и обогнать мерзавца учителя, который, как оказалось напоследок, тоже умел прилично готовить.

— ...содержимое тоже великолепно! — усиленный ци голос наставника разнёсся по площади, и толпа заревела.

Бохай дал зрителям понеистовствовать, после чего вскинул руку. Толпа вновь затихла.

— Свидетельствую о том, что Ксинг Дуо, мой личный ученик, стал достойным поваром. Я, Бохай Ганьтао по прозвищу Три Ножа, могу теперь гордиться не только своими навыками как повара, но и свершениями как учителя. Однако!

На площади, словно зрители почувствовали драматизм момента, воцарилась полная тишина.

— Однако, я — его учитель! Каждый учитель относится с теплотой к своим ученикам, а значит, не способен оценить их умения беспристрастно.

«Ну да, конечно, прямо-таки каждый!» — фыркнул про себя Ксинг. Не знал наставник подонка-учителя, иначе понял бы всю наивность собственных слов.

— Поэтому не мне судить, готов ли мой ученик или нет. Но, к счастью, я здесь не один. Уважаемые судьи, которыми согласились стать почтенные жители славного Мыаньтао, и в честности и беспристрастности которых не сомневается никто из нас, вынесут справедливый вердикт. Достоин ли мой ученик называться мастером-поваром или нет?

Вновь загрохотали барабаны. Ксинг вернул поднос на стол, вновь подхватил поварёшку и быстрыми точными движениями принялся наполнять тарелки, сервируя двенадцать подносов, а напоследок добавляя по свежесозданной булке. К столу подошла шеренга официанток, девушки подхватили по подносу и, шагая грациозной походкой, поставили их перед судьями. Под дыхание притихшей толпы те приступили к трапезе, время от времени издавая довольные вздохи и сладко причмокивая.

Один за другим судьи выпустили по струйке пламени, не шедшей ни в какое сравнение со струёй мастера Бохая. Наконец, один из судей встал из-за стола.

— Достоин! — сказал он громко.

— Достоин! — подтвердил второй судья, встав рядом.

Один за другим вставали судьи, каждый из которых уверенно подтвердил, что да, Ксинг Дуо, ученик Бохая Три Ножа, достоин называться настоящим не просто поваром, а мастером. Сам виновник торжества расплылся в улыбке. И шириной с ней могла бы поспорить только довольная улыбка мастера Бохая.

— Да услышат все жители Мыаньтао и да запишут в свитки с печатью! — провозгласил Бохай громко.

Молодой и тощий, в отличие от мерзавца Фу, чиновник, тут же развернул свиток.

— Седьмого дня месяца Дракона года Деревянной Крысы Ксинг Дуо сдал экзамен на поварское искусство в присутствии множества зрителей и комиссии, состоящей из самых почетных и уважаемых жителей Мыаньтао. Я, Бохай Ганьтао по прозвищу Три Ножа, также свидетельствую, что Ксинг Дуо стал настоящим поваром после двух лет обучения!

Публика заревела. Вновь забили барабаны, повара из ресторана подошли к котлам и сковородкам, начали проворно наполнять новые и новые миски. Официантки их подхватывали и несли в сторону публики — ведь такое замечательное событие было бы неполным, если зрителям пришлось бы лишь глотать слюну.

Публика зашлась в полном неистовстве. Пусть они видели, что на всех блюд не хватит, но уже заметили телеги, подвозящие новые продукты, и виновника торжества, вновь разжигающего в печах огонь и достающего свои ножи.

— Поговорим? — сказал Бохай, указывая рукой на стол в пустующем зале ресторана.

Был уже поздний вечер, представление давно закончилось, как и последовавший за ним

банкет. Страже пришлось немало потрудиться, растаскивая забияк, пытающихся затеять драку за то или иное лакомство. Была работа и для пожарной команды, которая тушила неосторожных любителей фуцзяньских булок или хоньянской похлёбки, умудрившихся подпалить огненным дыханием (а иногда и вовсе не дыханием) себя или соседа.

— Как пожелаете, мастер, — легко ответил учителю Ксинг, присаживаясь за стол.

— Я больше не твой мастер, — заметил Бохай, оглаживая бороду.

— Я перестал быть учеником, но вы навсегда останетесь моим наставником, — покачал головой Ксинг. — Я никогда не забывал своё прошлое, да и сейчас не собираюсь.

О да, некоторые моменты прошлого он помнил так хорошо, что они являлись частью его личности. Работая на кухне, он придавал себе сил образом мерзавца-учителя, представляя, как рубит его ножами и шинкует на мелкие полосочки. Только образ Мэй, с которой Ксинг неосознанно сравнивал любую женщину, помог устоять против чар Нуйинг, дочери Бохая, унаследовавшей от матери свою яркую красоту. Хотя тут немало помогла и память о побеге из сильных, способных гнуть подковы и крошить в ладони камень, руках Цзе, на которой Ксинг, будь хоть немного медлительней, был бы женат вот уже два года. Он так и не поддался на женские чары, но это далось ему с огромным трудом, и до сих пор при взгляде на Нуйинг всё внутри прямо-таки сводило. Таким образом Ксинг, конечно, тренировал выдержку и самоконтроль, но с каждым днём это становилось всё труднее и труднее.

— Это хорошо, — наконец, одобрил Бохай после длительной паузы, — кто не помнит прошлого, у того нет будущего.

Они молча выпили чая, изумительного, бархатного, редкого и очень дорогого чая, обменялись ничего не значащими вежливыми фразами о погоде и набегах варваров на окраины Империи. Погода никогда никого не устраивала — всегда было то слишком жарко, то слишком холодно, то недостаточно осадков, то эти мерзкие дожди, отпугивающие посетителей. На границы варвары набегали тоже постоянно, поэтому эти две темы были уместны всегда и везде.

— Скажи, Ксинг, — заговорил Бохай, — тебе понравилось у меня?

— О да, очень понравилось, — искренне и с жаром ответил он.

— Ты хотел бы называть это место домом? — спросил Бохай, пригубив немного чаю.

— Да я и так... — начал Ксинг и остановился, задумавшись.

— А меня тестем? — добавил Бохай, ощутив слаbinу.

Ксингу не удалось сохранить невозмутимое лицо, он во все глаза уставился на наставника.

Тот открыто предлагал ему свою дочку и место рядом с собой. Для крестьянина, выходца из глухой деревеньки, это было не просто удачей. Восхождение в высший мир, превращение простого смертного в небожителя. Красавица-жена с богатыми родителями, процветающее семейное дело. Работа плечом к плечу с Бохаем открыла бы ему дорогу к знати, если не напрямую во дворец Императора. Мастер такого уровня имел очень высокий статус в Империи, больше всего ценящей заслуги — даже выше большей части аристократии. Унаследовать дело, славное имя, огромное состояние и дом в столице провинции. Стать, в конце концов, знатью самому.

Все в Империи любили вкусно поесть, особенно верхушка. Готовь как следует, радуй глав великих домов и даже самого Императора. Получи должность повара при дворце, и тогда даже таким прославленным и высокородным особам, каковым когда-то был генерал Гуанг Нао, придётся просить об услугах и считаться с твоими желаниями.

В отличие от славного и знаменитого кузнеца, никто не рискнул бы приехать к Бохаю Три Ножа с поддельным долговым свитком или бросить в тюрьму по ложному обвинению. Не пришлось бы никого спасать, наоборот, именно семья Бохая обещала защиту от любых неприятностей.

Главное, что Ксингу даже не требовалось бросать свои текущие устремления. Работая с Бохаем, перенимая тонкости его искусства и всё дальше совершенствуя владение ножами, он мог бы продолжать тренировки, усиливать ци и оттачивать управление ею. Он продолжал бы совершенствоваться и тело, становился все сильнее и быстрее. Когда-нибудь он, может, даже сравнялся бы с учителем. Ну а если бы и не сравнялся — не беда, ведь никто больше не смог бы заставить его отжиматься на камнях или бегать сотни кругов по тренировочной площадке, высоко поднимая колени, в случае чего — ломая ему ноги.

Нуйинг была очень красива и мила. Пусть всё равно и не сравнима с Мэй, но от неё такого и не требовалось. Полная противоположность Цзе Бунтао практически во всём — само её существование символизировало тепло и домашний уют. Ласковая и тёплая, весёлая и беззаботная. Она, как и Ксинг, любила и ценила вкусную еду, а значит, между ними установилась бы то самое родство душ, воспетое в стольких кристаллах и свитках. Она всегда бы слушалась мужа, безупречно исполняла бы обязанности жены, рожала и нянчила детей. Со временем влечение к Нуйинг переросло бы в крепкую любовь, позволив забыть Мэй и оставить мысли о ней в прошлом.

Покой, богатство, интересное занятие, жена, семья, дети и дом. Лучшая в мире еда, которую не купишь даже за деньги. Бохай предлагал ему всё то, о чем когда-то мечтал Хань Нао, избитый и окровавленный наследник великого рода, лежащий без сил на холодных камнях тренировочной площадки, пытаясь отжаться ещё разок кулаками от заботливо насыпанных кучками острых каменных осколков. Ханю вторил Фенг. Ведь тут — не нищая голодная деревня, где круглые сутки приходилось думать о еде, выискивая в земле червяков и личинок. Вернее, тут тоже можно было есть личинок — только специальных зелёных личинок из дальних краёв, миска которых стоила дороже, чем деревня вдвое больше Дуозця.

И делать ведь ничего не надо. Сказать всего лишь один разок одно-единственное слово.

Но почему-то это слово ни за что не ложилось на язык.

— Хотел... — наконец, проговорил он, — бы.

На мгновение Бохай просиял, а потом внимательно присмотрелся к Ксингу и почти незаметно качнул головой. Он вновь окинул Ксинга взглядом — словно встретив того впервые.

— Бы, — повторил Бохай. — Бы.

Ксинг не мог понять, что с ним не так. Почему даже попытка открыть рот наполняет сердце холодной пустотой? Почему при этом неизменно возникает чувство мрачной неотвратимости, совершения чего-то окончательного и непоправимого?

Будь здесь враг, пусть даже тысяча врагов, Ксинг знал бы, что делать. Он бросился бы в сражение, может быть, отчаянно атаковал, а быть может, и отступил бы — ведь в бою у него никогда не бывало такого непонимания, таких мук принятия решений. Были лишь враги — звери, рыбы или люди с одной стороны и сам Ксинг с другой. И теперь, казалось бы, тоже всё ясно, бесконечный список сплошных преимуществ против... против горячечных слов обиженного ребёнка, вспомнившего свою предыдущую жизнь.

— Простите, наставник, я сам не знаю, что со мной происходит, — признался Ксинг после тяжёлой затянувшейся паузы. — Но слова словно застревают в горле.

— Бывает, — неожиданно согласился Бохай. — Не скажу, что не ожидал такого ответа.

Ксинг, зажавший в руках чашку чая и уставившийся внутрь, словно пытаюсь найти подсказку, поднял голову и выпучил глаза.

— Ну, ну, не удивляйся, — рассмеялся наставник. — Хотя... Знаешь, я смотрю на твою целеустремлённость и постоянно забываю, насколько ты ещё молод.

— Этот недостаток когда-нибудь пройдёт, наставник, — слабо улыбнулся Ксинг.

— Несомненно. Но мы говорим о тебе прямо сейчас. Ты знаешь, почему я взял тебя в ученики?

— Из-за зверей? — выпалил Ксинг, удивляясь и радуясь смене темы. — Когда я принёс зверей, а вы вышли, почувствовав мою ци, вы очень обрадовались. И когда я предложил их всех вам в обмен на ученичество, вы даже не колебались.

— Не совсем, — мотнул головой Бохай. — Звери... Я могу их купить и так. Да понадобится много денег, нужно будет заплатить не только хорошим охотникам, но и купить талисманы, чтобы мне не привезли груды воняющего гнилого мяса. Но это всего лишь расходы, за которые в итоге платят заказчики. И при этом не надо брать никаких обязательств.

— Вы увидели, какая у меня сильная ци? — выдвинул Ксинг следующее разумное предположение.

— Отчасти. Да, твою ци я увидел, к тому же привезённые звери мне понравились. И я сразу же решил, что согласиться с твоей вопиюще наглой просьбой, даже требованием, всё-таки стоит. Ведь ты ни за что и ни при каких условиях не смог бы подняться выше помощника на кухне, максимум поварёнка.

— Но ведь моя ци...

— Твоя ци была слишком сильна. Настолько, что закрывала тебе дорогу на кухню. Ты просто не смог бы освоить мои кулинарные техники, проведи за учёбой хоть две дюжины лет. У тебя была ци не повара, но воина или кузнеца. И, честно тебе признаюсь, это было гораздо хуже, чем не пробуди ты ци вовсе.

— То есть вы не собирались меня ничему учить? — обиженно спросил Ксинг.

— Почему же? — качнул головой Бохай. — Я собирался крепко придерживаться взятых обязательств. До тех пор, пока не закончились бы привезенные тобой звери, я обучал бы тебя всему, что ты можешь постигнуть.

— Зверей хватило на полгода, даже больше. Почему вы не выгнали меня тогда?

— И снова неверно. Мое обязательство как учителя не было односторонним. Стоило тебе передумать, понять, что кухня — это не твоё, я отпустил бы тебя с лёгким сердцем. Ну а до тех пор ты избавлял меня от необходимости покупать талисманы, чтобы хранить свежими не только твоё зверьё, но и припасы для ресторана.

— Если бы я ушёл, то мог бы всё рассказать! Все ваши секреты! — не сдавался Ксинг.

— Но дело в том, что у меня нет особых секретов. Да, ты мог бы вызнать пару моих личных рецептов, ну и что? Поваром человека на кухне делает не заучивание наизусть списка ингредиентов, а личные навыки и умения, уж кому это и знать, как не тебе?

— Вы сказали «отчасти». А какова вторая часть? Ведь явно же не моё знание редких блюд и умение их правильно есть?

Бохай не выдержал и расхохотался. Он откинулся в кресле и ухватился за живот. И будь это обычный большой поварский живот, жест смотрелся бы гораздо уместней.

— Ты прав. Не оно. Ты действительно знал множество названий прекрасных блюд и

мог, насколько это в человеческих силах, правильно описать их вкус. Вот только есть ты не умел. Не больше, чем крестьянин из деревни, из которой, как ты рассказывал, пришёл. Дуохао, или как там её.

— Дуоцзя, — поправил наставника Ксинг всё ещё обиженным тоном.

— Да, да, Дуоцзя. Да, ты знал множество названий и ингредиентов, и я действительно был поражён объемом твоих знаний. Но ты совсем не умел есть. Ты не мог оценить вкус блюда, потому что был не настоящим ценителем еды, а... Прости, Ксинг, ты был помойным ведром, в которое сваливалось всё вместе, чтобы в итоге превратиться в дерьмо.

Ксинг потупил глаза, признавая правоту наставника. Сейчас он с горькой усмешкой оглядывался назад, когда, увидав впервые чиновника Фу, испытал к нему презрение только из-за того, что тот неправильно ест. Ведь он сам, Хань Нао, в прошлой жизни питался ничуть не лучше.

— Теперь же ты знаешь, что как готовка еды, так и её поедание — это настоящее искусство. Каждое блюдо — словно прекрасная картина, свиток с каллиграфией или изящная ваза. И что было бы, используй художник для своего шедевра не чистый холст, расписывай мастер-гончар уже расписанную вазу, а философ — записывай свои изречения поверх нескольких предыдущих?

Да, слова наставника содержали великую мудрость. Если все время есть только вкусное, сменяя один деликатес другим, то вкус притупляется и еда теряет свою прелесть. После слов Бохая на Ксинга снизошло озарение, он осознал, что раньше жрал, как свинья. Только переводил бесценные продукты, вместо того чтобы наслаждаться изысканными блюдами и воздавать должное каждому из них.

Что самое смешное: никто в мире не смог бы выразить словами это откровение лучше, чем он сам, когда-то записавший на свитке в доме Нао: «Умеренность приносит уверенность».

Избыток вкусного уничтожал вкус, как избыток тяжёлой работы у крестьян убивал в них любопытство и стремление развиваться дальше. Тот, кто тяжело трудился и не ел ничего слаще побитой морозом морковки, ни за что бы не смог бы оценить трехслойный сливовый пирог, сжирая его, глотая целиком, не распробовав и десятой доли. Но вот только тот, кто ел такие пироги всё время и для кого они стали слишком привычными, тоже был способен ощутить лишь сотую долю истинного вкуса.

Повару, готовящему шедевр за шедевром, было особенно важно не пресытиться, не потерять ориентиры. Ведь он, постоянно пробуя свои же блюда, в этом случае стал бы их, пусть даже бессознательно, считать не произведениями искусства, а ремесленными поделками, несущими не истинное наслаждение, а набивающими живот. Возможно, его бы продолжали называть поваром, да и он сам бы считал себя таковым. Вот только он перестал бы быть мастером, а превратился в ремесленника. Признаком подобного «повара» и являлся большой живот. И гордость Ханя Нао из прошлой жизни — пухлое тело, лишь показывала, насколько он был далёк от звания ценителя изысканной еды, истинного гурмана.

— Вижу, что дал повод для размышлений, — заполнил затянувшуюся паузу Бохай. — И также вижу, что ты пришёл к какому-то важному выводу.

— Рис, — ответил Ксинг. — Рис и куриная грудка.

Ведь именно рис, просто сваренный чуть подсоленный рис, и являлся тем самым холстом, что давал раскрыться кулинарному шедевр. А пресная волокнистая куриная грудка придавала сил, помогала расти натруженным от тяжёлой работы мышцам, но при этом

ничуть не мешала прочувствовать все мириады оттенков вкуса остальных блюд. Настоящая пища богов!

— Именно, — подтвердил наставник. — Как ты там говорил? Ну, такое смешное слово варваров? А! Абсолютли!

Ксинг медленно кивнул. До того, как его настигло озарение, слова о важности простых блюд были пустым звуком. Сейчас же всё выглядело настолько просто и очевидно, что хотелось рвать на себе волосы, как же он не понял этого раньше?

— Так вот, ты спрашивал, что значит моё «отчасти», — продолжил Бохай. — Да, отчасти я хотел использовать твои ингредиенты и умения, дождавшись, когда ты уйдёшь сам, либо же навсегда застрянешь на кухне поварёнком. И тут я ничем не рисковал. Но отчасти я взял тебя потому, что видел твои глаза. Тебя вела цель, жажда свершений, неисполненное желание. И человек с такими глазами может преодолеть все невзгоды, проломить все препятствия, что возникают у него на пути. Для тебя таким препятствием стала слишком сильная ци. Я показал тебе все способы из тех, что знаю, чтобы её обуздать, но мне никогда не попадались столь тяжёлые случаи, и я не верил, что это поможет. Тебе удалось меня удивить, ведь ты, занимаясь днями и ночами, забыв про сон и отдых, всё-таки сумел одолеть неразрешимую проблему. Но знаешь, что самое смешное?

— Что, наставник?

— Остаться тут ты смог бы, лишь оставаясь бездарностью. Ведь та жажда, что заставила тебя преодолеть препятствия, неизбежно погнала бы тебя дальше. Ты отлично владеешь ножами, имеешь прекрасные навыки. Твои руки очень мощны. И такой работник всегда пригодится на моей кухне. Но просто работник никогда не станет моим настоящим учеником, чьё имя я назову с гордостью. Так что я знал, что если ты действительно чего-то стоишь, то однажды уйдёшь.

— Вы правы, мастер, — прошептал Ксинг, осознавая нехитрую истину.

Он действительно мог остаться, но как бы ни утешал себя Ксинг, что превзойдёт учителя, это было лишь ложью для самоуспокоения. Он был бы другим, а значит, ни за что не стал бы как учитель, и тогда все обидные слова, которые мерзавец наговорил в прошлой жизни, оказались бы истиной. От одной только идеи стало тяжело на сердце, а желудок скрутило, словно мысли превратились в испортившуюся похлёбку, вызывающую несварение и рвоту.

— Я мог бы связать тебя обязательствами и посулами, — продолжил Бохай, — принудить отработать ученичество. Отправить под венец с Нуйинг. Но если ты её не любишь, если у тебя не лежит сердце к дальнейшей работе в моём ресторане, то это принесет лишь несчастье. Причём, не только тебе, но и мне, и всему моему роду. От занятий не по сердцу в людях селятся внутренние демоны, и чем человек сильнее, тем больше бед они способны натворить. С твоей силой и навыками это неизбежно привело бы к трагедии. Знаешь, когда-то и я был таким. Нет, я не про демонов. В молодости меня тоже вела дорога приключений, но потом я осознал, что есть на бегу тяжело и опасно для желудка, а уж готовить еду — тем более! Со временем я понял, где моё место, и обрёл настоящий покой. Иди, раз тебя тоже зовет дорога, но не забывай, кто ты и чего добился!

Он протянул Ксингу медальон, сделанный из редкого алого нефрита: три перекрещенных ножа, эмблема самого Бохая, несущая отпечаток его ци. Настоящий знак ученичества.

— Благодарю вас, мастер, — с поклоном принял медальон Ксинг.

— За это не благодари. Ведь ты сдал экзамен и, стало быть, достоин, — ответил Бохай. — Но помни, что ты всегда можешь вернуться. Двери моего ресторана и моего дома открыты для тебя в любое время.

— Я запомню, мастер, — Ксинг поднялся и еще раз поклонился.

Под удивлённым взглядом Бохая он быстро, почти бегом удалился из пустого зала, чтобы вскоре вернуться. К счастью, наставник ещё не ушел.

— Не знаю, сможет ли это хоть на тысячную долю выразить то, что я чувствую, — сказал Ксинг, протягивая мастеру свёрток. — Но я попытаюсь. Пришлось ждать окончания экзамена, ведь иначе я бы не знал, повлияло это или нет на ваши суждения.

Бохай развернул свёрток и уставился на содержимое. Наконец он снял с талии пояс со своими ножами и положил на стол рядом с подарком. В ножнах, сделанных из самых прочных и красивых шкур зверей Леса Дюжины Шагов, блестели рукоятями из Пурпурного Дуба три ножа — пянь дао, цай дао и жужоу дао. Бохай поднял подарок и застегнул вокруг пояса. Он выхватил два ножа и ловко провернул в ладонях. В свете огней ци, освещавших зал ресторана, Звёздная Сталь засияла потусторонним блеском.

Наставник сделал несколько молниеносных взмахов, подкинул один из ножей в воздух, выхватил из ножен третий, сделал им колющее движение, вернул оба ножа обратно на пояс, вытянул ладонь, на которую тут же шлёпнулась рукоять упавшего тесака.

— Баланс, — изумлённо пробормотал Бохай. — Он такой, как я привык! И металл! Ци течёт так легко, словно это часть моего тела!

Ксинг широко ухмыльнулся. Меч подлого главаря Гао, некогда его использовали для злодеяний, но после того как оружие подверглось перековке, теперь когда под ударами молота Ксинга Звёздное Железо превратилось в Звёздную Сталь, этим ножам предстояло верно служить наставнику для добрых дел.

— Мастер, — продолжал улыбаться Ксинг, — я учился у вас больше двух лет. Ну конечно же, я знаю, какие у вас ножи! Поэтому выковал такие, к которым вам не придётся привыкать заново.

— Воистину, дар, достойный Императора! — ответил Бохай. — А теперь иди! А то я стал слишком сентиментальным, ещё немного, и решу, что позволить тебе уйти — худшее решение в моей жизни!

Ксинг напоследок поклонился, снова забежал в свою комнату, нацепил на плечи заранее подготовленную корзинку, сунул за спину цеп и подхватил аккуратную вязанку дров, лишь цветом выдававшую своё благородное происхождение.

Он выбежал на улицу и оглянулся по сторонам. Весь город, кроме мастера Бохая, чья ци показывала бодрствование и сложную смесь эмоций, уже погрузился в сон. Ксинг хитро захихикал, подпрыгнул в воздух, оказавшись на крыше ресторана, возле самой вывески. Он положил руки на вывеску, и прочная лакированная древесина словно превратилась в густую патоку, стекая широкой лужей.

На место уничтоженной вывески бухнулась вязанка дров. Раньше Пурпурный Дуб приходилось лишь резать и рубить, но теперь, после двух лет в ресторане, Ксинг научился управлять ци на новом, недостижимом ранее уровне. Он преобразовал внутреннюю энергию в Древо и направил её на «дрова». Древесина, для обработки которой ранее требовались самые сильные техники и самые острые наполненные ци инструменты, подчиняясь его воле, начала менять форму. Немногим позже, когда Ксинг уже спрыгнул на землю, новая вывеска на ресторане «Три ножа» отличалась от старой лишь более насыщенным и богатым цветом.

Вот только стоила она больше, чем половина вместе взятых зданий в этом далеко не самом бедном квартале.

Глава 19, в которой герой узнаёт, что самые сладкие эликсиры иногда оказываются очень горькими

Последнее путешествие запомнилось ему на всю жизнь. Не из-за того, что оно сопровождалось какими-то интересными событиями, скорее наоборот. Направляясь к Бохаю с телегой, полной убитых зверей и всякого добра, снятого с Гао, Ксинг прочувствовал, что значит обрасти вещами и быть в плену у обстоятельств, что значит, если тебя тянет к земле тяжёлый груз. Правда, тогда «тяжёлый груз» действительно имелся, а не был философской концепцией.

Теперь Ксинг бежал налегке, с единственной корзинкой, как когда-то в старые времена. И снова испытывал от бега истинное наслаждение. Даже крупная сумма денег больше не мешала — в Мыаньтао большую часть имеющихся и заработанных во время ученичества средств он положил в банк. Удивительно, но за хранение денег Имперский Центральный ничего не брал! И получить назад требуемую сумму Ксинг мог в каждом достаточно крупном городе, всего лишь подождав пару недель!

У него было более двух лет, чтобы составить планы и определиться с дальнейшими целями. И теперь новым пунктом назначения являлся южный город Могао, крупнейший порт Империи, расположенный на сильно выступающем в океан полуострове Дулунхай. Полуостров являлся единственным местом на огромном куске скалистого побережья, куда могли причаливать большие корабли, так что в Могао стекались потоки товаров со всей Империи и даже всего света. Включая, конечно же, и свитки, редкие ингредиенты для зелий, и продукты. Именно из-за того, что наставник заказывал здесь ингредиенты для своих кулинарных шедевров, Ксинг знал о городе так много и, пусть и имелось немало других вариантов, выбрал именно его. Вторым в его мысленном списке стояла Столица, где Ксинг собирался поискать алхимика или мастера талисманов. Единственной загвоздкой являлось то, что Ксингу нечего было предложить за обучение, а деньги... мастера именно этих профессий купались в золоте и в деньгах не нуждались. Впрочем, он не отчаивался, планируя разобратся на месте.

Несмотря на то, что тело слушалось превосходно, а ци бурлила и толкала вперёд, на душе Ксинга было тяжело. Являлся ли он настоящим героем, преодолевающим все препятствия и соблазны, либо же полным глупцом, отказавшимся от предложения Бохая ради цели, которую не мог даже толком обрисовать? Он не знал, как выгнать из головы все эти сомнения, поэтому использовал единственный подходящий в голову метод.

— Быстрее, ленивая черепаха, ещё быстрее! — кричал он самому себе и прибавлял ходу.

Мимо мелькали тени людей, лошадей, телеги и деревья, холмы, озёра и реки. Ксинг мчался, вкладывая самого себя в этот бег, будто... будто его подгоняли удары бамбуковой палки. Ксинга снесало нетерпение, ему не хватало мерзавца-учителя. Не побоев и ругательств, нет. Найти и поквитаться, вернуть двенадцатикратно все те обиды и оскорбления, превратить и его жалкую жизнь в настоящую преисподнюю.

Ксинг понимал, что шансов на это пока что нет. Он гордился своими достижениями, но понимал, что надежды отсутствуют, что, несмотря на все тренировки, он до сих пор оставался муравьём перед горой этого подонка. Прежнего Ханя Нао тот мог уничтожить единственным движением пальца, да и сейчас особо напрягаться ему бы не пришлось. Но

Ксинга сжигало нетерпение, ему хотелось доказать, что он давно уже не малёк, что этот карп отрастил огромные зубы и откусит голову любому дракону!

— Быстрее, черепаха! — вновь закричал он.

— Черепаха! — словно эхом отозвался голос вдали.

— Бей черепаху! — вторил ему чей-то истошный вопль.

Дорога, по которой он бежал, обогнула высокий скалистый холм, деревья перестали загораживать обзор, а то скопление огней ци, которое Ксинг ощущал ранее, превратилось в группу вооружённых людей, атакующих огромного монстра.

И, словно продолжая давнюю мерзкую традицию, в зрении ци этот монстр почти не ощущался.

Огромная, словно дом, нет, словно целый дворец черепаха, с уродливыми бугристыми конечностями, пастью, усеянной острыми костяными наростами и панцирем неожиданно красивого бирюзово-зелёного цвета.

Вопреки первому возникшему желанию, Ксинг решил сразу не атаковать, а сначала присмотреться. Пусть черепаха и скрывала ци, но он чувствовал, хоть и очень ослаблено, её жизненную силу. И эта гигантская тварь была здоровой и полной энергии.

Большая рыбацкая деревушка, ну а может, маленький городок, являющийся, судя по всему, пригородом Могао, сильно пострадал. Черепаха выползла на берег в очень неудачном месте — судя по разрушенному причалу, торчащим из воды мачтам небольших шхун и широкой просеке разрушенных до груд камня и черепицы домов. Группа из нескольких дюжин человек умудрилась выманить зверюгу на открытое место и теперь нападала, атакуя копьями и длинными гарпунами единственные возможные места — лапы и голову.

Увы, как конечности, так и голова твари не зря выглядели такими прочными. Лезвия и острия просто скользили по ним, не оставляя даже царапин. А движения твари, вопреки всем типичным представлениям о черепахах, оказались молниеносными.

Но, как бы ни тяжела была ситуация, сколь бы ни были неравны силы, ситуация каким-то образом не выглядела безнадежной. Вместо того чтобы разметать противников парой атак и раздавить бронированным пузом, та топталась на месте.

— Быстрее, остолопы! — кричал молодежово выглядящий мужчина, одетый в грязный, покрытый множеством разноцветных пятен шёлковый халат. — И глаза! По глазам не бейте! Кто повредит глаз, тому вставлю его же собственный глаз в жопу!

Черепаха, услышав эти слова, заревела и вновь двинулась вперёд. Шея её чуть втянулась, чтобы через мгновение выстрелить вперёд головой с силой катапульты. Один из незадачливых копейщиков закрыл лицо руками и бухнулся на задницу. Но пасть черепахи вместо того, чтобы откусить ему голову, словно наткнулась на невидимое препятствие. В воздухе возникло светящееся пятно в виде иероглифа «Преградить».

Несколько флажков, воткнутые перед монстром в землю, засветились ци, а от одного пошёл лёгкий дымок.

— Талисманы долго не выдержат! — заорал тот же неряха, являвшийся, по-видимому, командиром этих разношерстных сил обороны. — Убейте тварь! Но не бейте в глаз!

На плече у командира висела большая прямоугольная сумка, сделанная, судя по всему, из дерева и обитая кожей. Он откинул крышку, залез внутрь и вытянул несколько маленьких шариков, источавших сильную энергию.

— Жрите пилюли! — вновь заорал неряшливый командир. — И убейте же её наконец!

Он быстро раздал подбежавшим воякам по одному шарик, те закинули их себе в рот и

тут же окутались ореолами ци.

Командир вытянул из сумки маленький фарфоровый пузырёк и неожиданно ловко метнул его в черепаху.

Пузырёк беспрепятственно пролетел сквозь невидимый барьер и разбился о черепашую голову. В месте столкновения разлилась тёмная жидкость. Раздалось громкое шипение, и голову черепахи покрыла тонкая корочка льда. Черепаха на время застыла, мотая головой.

— Спасибо, господин Шаолун! — закричал один из копейщиков. — Быстрее! Бьём черепаху!

Ободрённые вояки накинулись на монстра с новой силой. Их движения стали гораздо быстрее, а удары — намного сильнее. Но, несмотря ни на что, повреждений черепахе они так и не нанесли.

— Тяжёлый день? — спросил Ксинг «господина Шаолуна», незаметно появляясь у того за спиной.

От внезапного голоса сзади тот дёрнулся, подпрыгнул и развернулся. Увидев Ксинга и смерив того внимательным взглядом, мотнул головой, возвращаясь к наблюдению за сражением. Руки его рылись в квадратной сумке, которую, как теперь видел Ксинг, разделяло несколько перегородок, и в отделениях светилась ци различных пилюль и пузырьков.

Ксинг не обиделся. В путешествие он, разумеется, не стал надевать костюм повара, а походную одежду покупал, исходя из соображений добротности, а не изысканности. Впрочем, его собеседник тоже явно пришёл не с Императорского приёма, пусть ткань халата и была когда-то очень дорогой.

— Быстрее, болваны! Зелья надолго не хватит! — прокричал «господин» и добавил нормальным голосом: — Не то слово! Не знаю, откуда появилась эта мерзость. Цай Шаолун.

— Что? — удивился Ксинг смене темы.

— Зовут меня Цай, — медленно, словно разговаривая с ребёнком, пояснил собеседник, — из рода Шаолун.

— А! Ксинг Дуо, — ответил Ксинг. — Рода у меня нет.

— Понятно, — вздохнул Цай. — Спрашиваешь, плохой ли у меня день? А ты как думаешь? Тварь развалила пристань, потопила шхуны, те, что сейчас не в море, да ещё и раздавила единственный приличный ресторанчик на всю округу. Видимо, всё-таки придётся переселиться в Могао или дальше. Больше в этой дыре делать нечего. Да бейте же, ленивые уроды! Чего вы её гладите?

Он достал ещё пузырёки и метнул в черепаху. Те снова приземлились точно, попав на коленные суставы передних лап. В месте, где разлилась жидкость, повалил ядовито-зелёный дым. Черепаха подняла голову, с которой уже почти сошёл лёд, и заревела.

— Где вы купили такие штуки? — поинтересовался Ксинг. — Выглядят полезными.

— С тем же успехом я мог бы швырять мешки с золотом, — вздохнул Цай Шаолун. — И это было бы даже дешевле. Да бейте её в колени, остолопы! Быстрей!

Черепаха оправилась от первого пузырька, снова выстрелила головой. Вновь в воздухе вспыхнул символ, а один из флажков ярко вспыхнул и осыпался пеплом.

Один из вояк высунулся, похоже, дальше, чем это следовало делать. Щёлкнул костяной клюв — и незадачливый копейщик оказался зажат в огромных челюстях. Черепаха вскинула голову и проглотила бедолагу. Копьё, словно последний бастион обороны, продержалось ещё мгновение, но тут же сломалось с громким треском.

— Третий талисман, — вздохнул Шаолун. — Теперь, похоже, придётся смириться и уходить. Даже если они как-то умудрятся убить тварь, то глаза, печень и сердце едва покроют расходы. А жаль, хорошие ингредиенты. Трудно такие достать.

— Так вы алхимик? — удивился Ксинг. — А почему вы не в Столице?

— В Столице? — грустно рассмеялся Цай Шаолун, не отрывая от черепахи глаз. — Чтобы каждый идиот, которому понадобилось вывести прыщ на жопе, стучался ко мне в дом, рассказывая о веренице своих славных предков и количестве золота, которым он меня осыпет? Нет, тут значительно лучше. Было.

— И что, сюда не ходят? — спросил Ксинг.

— Ходят. Но так приходится проделывать длинный путь, а значит, совсем уж по пустякам не беспокоят. Есть, конечно, идиоты и среди местных, но им-то я хоть смог пригрозить, так что теперь они ведут себя прилично. Опять-таки, Могао — большой порт, иногда попадается кое-что интересное. В колена колите, безрукие бездари! Даже жалко отсюда уходить. Но придётся.

— А зачем? — удивился Ксинг. — Если тут так хорошо, то отчего бы не остаться?

— Ты что, идиот? — уставился на него Цай Шаолун. — Сейчас эта тварь уничтожит последние талисманы, пожрёт этих безруких выкидышей ленивой обезьяны, разрушит Лунцзы, а потом пойдёт бесчинствовать дальше. Может, её остановят в Могао, может, и нет. Гарнизон там, конечно, хорош, да и флот есть. Но только они привыкли гонять пиратов, а не вот таких образин.

— А армия? Адепты и мастера ци? — удивился Ксинг. — Кто-то же должен справиться?

— Армии, чтобы сюда добраться понадобится как минимум пара дней. А мастера... Не знаю, не знаю. Знаком только с двумя из них — потрясающие красотки. Пообещали мне оторвать самое дорогое и сунуть в мою же алхимическую печь. Эх, какие женщины! Настоящие хули-цзин! Может, конечно, и справятся, но бед эта тварь натворит немало. И глаза ей точно попортят!

— Ну а может...

— Да всё равно уйду! Смысл здесь оставаться? Старик Тяньхэ был единственным приличным поваром на всю округу. Рыбу и осьминогов готовил лучше, чем в Столице. Теперь, — огорчённо махнул Цай Шаолун рукой в сторону города, — сам видишь.

Вспыхнул ещё один флажок.

— Ладно, мне пора, — вздохнул алхимик. — Собраться все равно не успею, а тварь быстрая. Ничего, сделаю пару пилюль, вылечу кому-то геморрой и сведу прыщи, там и на новый дом с алхимической печью хватит. У меня, конечно, деньги есть, но знал бы ты цены в Столице!

— А кольцо? — спросил Ксинг.

— Что, «кольцо»?

— Ну пространственное кольцо! В которое можно засунуть всё, что угодно и носить куда хочешь!

— Эх, жаль, что у меня нет такой штуки! Да я бы в обмен на него делал пилюли хоть дюжину лет! Бесплатно! Хотя нет, бесплатно только работу, а уж ингредиенты этот жадный ублюдок пусть тащил бы сам!

Ксинг задумался. Он, конечно, планировал найти алхимика значительно позже, но очень уж удачно складывалась ситуация. Он не знал, насколько искусен Цай Шаолун, но ему

и нужны были пока что лишь основы. К тому же у Ксинга имелось, что тому предложить.

Судьба вновь послала Ксингу знак и кто он такой, чтобы спорить с судьбой?

— Так уж получилось, что я повар. И очень неплохой, — расплылся в улыбке Ксинг. —

Что, если мы заключим сделку?

— Сделку? Ты ни обо что не бился головой? Какой повар? Не видишь, тут монстр! Огромный, свирепый и непобедимый монстр!

— Я обязуюсь вас кормить, и кормить очень вкусно! — на истерику собеседника Ксинг решил внимания не обращать. — А взамен вы дадите мне пару ориентиров. Меня давно интересуют алхимия и талисманы. Итак, как вы говорили? Глаза, печень и что там ещё? Сердце?

— Монстр! Чудовище! Зверь! Демон! — махал руками Цай. — Огромная! Черепаха!

Ксинг неторопливо скинул корзинку, вытащил из-за спины цеп и снял пояса один из ножей. Ци, больше не сдерживаемая его волей, ярко засияла.

— Именно, — подтвердил он. — Именно черепаха! Уважаемый Цай Шаолун, как вы относитесь к черепаховому супу?

— Какая чушь, — зевнул Ксинг и, подавив желание отбросить созерцательный кристалл прочь, аккуратно уложил его в выемку лакированного чехла, — если бы я так дрался, меня бы давно уже сожрали. Как жаль, что я так часто оказываюсь прав!

Теперь, спустя три года, как он поселился поблизости Могао, Ксинг решился выложить немалую сумму, чтобы, купив кристалл, вновь предаться когда-то любимому делу. Он предпочёл бы купить какой-то знакомый выпуск, пусть за него, как за антиквариат, пришлось бы отдать больше. Но, увы, даже здесь, на пересечении тысяч торговых путей, выбор оказался ограничен, так что пришлось брать то, что купцы могли предложить.

«Течение реки времени ведёт в пропасть», — придуманное когда-то высказывание в данном случае оказалось пророческим. Подчиняясь неизбежному течению времени, рухнули в пропасть и кристаллы. Нет, они и сейчас точно так же сверкали полированными гранями, как и прежде содержали тонкие потоки ци, только Хань Нао тогда еще не умел их ощущать. Их точно так же, как и раньше, продавали в изысканных шкатулках из полированного дерева, хоть бессовестный торговец где-то и затерял прилагающийся Альманах Героев. Всеобщий упадок и увядание коснулись только содержимого.

Теперь настоящих героев, ловких, умелых и смертоносных, сменили какие-то жалкие позёры. Неловкие и неуклюжие движения, жалкие кривые стойки, имеющие кучу уязвимостей и дарящие противнику идеальную возможность для контратаки. Битвы с врагами выглядели скверным выступлением малышни, пытающейся отыграть эпизод из настоящей героической истории. Да и то, в Дуоцзя даже малолетки, ещё не открывшие в себе ци, двигались гораздо лучше. Ксинг был полностью уверен, что одна только тётка Жао смогла бы, схватив метлу, внести решающую перемену в финальную битву, поколотив что героя, что злодея, что его приспешников, и заставив бы их всех вместе убирать хлев и готовить еду для свиней.

Но самое печальное касалось техник. По балансу и складкам на одежде Ксинг видел, что персонажи (назвать их ни героем, ни злодеем теперь не поворачивался язык) не прыгали сами, что их поднимала за пояс почти незаметная нить типа паутины Железного Паука из Леса Дюжины Шагов. Огненные заклинания тоже оказались фальшивкой, простыми фейерверками, вспышками огня от рисового вина пятикратной перегонки, а также, что

вызвало особое возмущение, простым пламенем факела, расположенного так, чтобы огонь казался больше в несколько раз. О техниках героя и говорить нечего! Громкие выкрики техник, которые в других случаях звучали бы мужественно и величественно, теперь казались каким-то вопиющим издевательством, изощрённой насмешкой и оскорблением. Если бы Ксинг не знал, что торговец ни в чём не виноват, он бы вернул кристалл назад, затолкав его вместе с ларцом тому в плотку. Увы, ци торговца показывала, как он счастлив угодить своему уважаемому заказчику, к тому же в Могао существовало негласное правило — сделка священна, и сколько бы стороны ни осыпали друг друга оскорблениями во время торговли, умаляли или превозносили достоинства товара, после совершения обмена пути назад нет. Ведь для того боги и дали глаза, чтобы видеть, что именно покупаешь!

Ксинг, конечно, мог бы попытаться продать кристалл какому-то простофиле, потеряв на этом кучу денег. Но при этом чувствовал бы себя настоящим жуликом и негодяем, что сразу бы поставило его в один ряд с мерзавцем-учителем, а значит, пойти он на такое не мог.

Он вздохнул. Можно, конечно было бы попытаться купить ещё один кристалл из тех, старых, настоящих. Дела рестораника «Под панцирем» шли вполне неплохо, да и сбережения у Ксинга имелись. Но, откровенно говоря, было жалко денег. Эксперименты с рецептами требовали немалых затрат, так что куда деть заработанные собственным трудом монетки, он знал и так.

Забывать прошлое не стоило, но и попытки его вернуть приносили странные результаты. Сначала Фенг начал стремиться к трудностям, да так, как Ханя Нао не могла заставить даже палка учителя. Потом пропало желание постоянно есть вкусные блюда — пусть, перемежая рис, овощи и куриную грудку с приготовленными собственноручно деликатесами, Ксинг испытывал от еды гораздо большее наслаждение. Теперь и кристаллы полностью разочаровали, выродившись в какую-то ненастоящую ерунду. Понятно, у всего была крепкая и ясная причина, но всё равно! Вот во времена Ханя Нао всё было лучше!

— Что за жалкое бездарное дерьмо, — вздохнул Ксинг. — Ладно, к демонам! Эй! Каждый посетитель «Под панцирем» может смотреть это недоразумение совершенно бесплатно. Если, он, конечно, что-то заказывает, а то знаю вас, дармоедов!

Посетители издали восторженный рёв. Похоже, они так и не поняли, что Ксинг с лёгким сердцем отдал на растерзание то, что счёл настоящим мусором. Для них это была недоступная простым смертным забава высшей аристократии. Что же, слова негодяя-учителя о том, что «смотрит на чужие подвиги только тот, у кого нет собственных», содержали крупицу истины. У Ксинга хватало и своих приключений.

— Уж ты бы им показал, Ксинг! — завопил один из посетителей.

— Нарезал бы им парочку историй! — поддержал другой.

— Но вначале напоил бы своими смесями! — захлёбывался смехом третий. — Особенно «Пьяной сливой»! Крепкой, как пламя Преисподней!

— Разделал бы, как черепаху!

Не в силах больше киснуть из-за несправедливости мироустройства, Ксинг широко улыбнулся и сам. Ведь эту черепаху он действительно разделал! Да, пришлось изрядно потрудиться, ведь крепкую шкуру не пробивали даже его усиленные ци ножи, панцирь отражал любые атаки, а броски огромной пасти, настигни атака своей цели, могли привести к мгновенной смерти. Впрочем, в жизни Ксинга бывали схватки и посложнее. В этот раз он, в отличие от предыдущих сражений, был вооружён не жалким самодельным копьём с наконечником из камня или простого железа, нет, у него имелось настоящее оружие. А там,

где не помогает меч, всегда сработает хорошая дубина. Ксинг крутился под ударами огромной зверюги, словно шестипёрый вьюн на сковородке, но стоило ему уловить нужный момент и, усилив удар ци, наконец-то обрушить верный цеп на бугристую голову, как черепаху повело. Теперь атаки её головы напоминали движения Хромого Суня после выпивки, так что Ксингу не составило труда нанести сначала второй удар, а затем и третий.

После этого сражение с опасным монстром стало напоминать простое избиение. Если бы не столько погибших людей и разрушенных зданий, ему стало бы черепаху даже жаль. В конце, когда ошарашенная зверюга втянула голову в панцирь, Ксинг даже почувствовал себя каким-то злодеем, издевавшимся над безоружным. Добить черепаху не составило особого труда, гораздо больше пришлось потрудиться, извлекая тело. Опасения повредить панцирь оказались напрасными — прочностью тот мог поспорить с любой крепостной стеной.

Как и условились заранее, глаза, сердце и печень черепахи достались Цаю Шаолуну. Забрал алхимик также и некоторые оставшиеся внутренности, из тех, что не требовались для готовки. К скучному и утомительному делу разделки удалось привлечь как местных жителей, так и подоспевший из Могао гарнизон, и поэтому работа спорилась.

По священным законам Империи добыча принадлежала охотнику, если речь, конечно, не шла о браконьерстве на чужих территориях. Поэтому в ответ на требование отдать трофей Ксинг лишь смерил командира гарнизона презрительным взглядом. После длительной торговли, оскорблений и угроз они всё-таки пришли к соглашению. Скелет черепахи ушёл двум мастерам ци, настоящим феям, чьи красоту и надменность алхимик ни капли не преувеличил, а прочная ороговевшая шкура, почему-то исписанная странными и полными ци письменами на неизвестном языке, досталась городской страже в качестве материала для доспехов. За это, помимо денег, Ксинг получил не только помощь в разделке и значительную сумму денег в виде банковской расписки, но и содействие властей со всеми формальностями по открытию ресторана и улаживанию процедур с налогообложением.

Пустой, очищенный от содержимого панцирь Ксинг перетянул к самому берегу, чтобы в любое время иметь хороший вид на океан. Рядом с названием он разместил эмблему Бохая — и вовсе не для того, чтобы воспользоваться славой учителя, наоборот, для прославления его имени здесь, где о «Трёх Ножах» никто и не слышал.

Изначально Ксинг не планировал оставаться здесь надолго. Он собирался просто осмотреться, затем планы изменились, и Ксинг решил побыть здесь до тех пор, пока не выznaет у алхимика самое главное, дополнит своё поварское искусство умением варить зелья и эликсиры, может, узнает пару нюансов создания талисманов.

Но панцирь черепахи, который Ксинг изначально посчитал неплохим способом привлечь клиентов, преподнёс немало сюрпризов. Ци черепахи, неощутимая снаружи, внутри сгущалась так, что подавляла собой любые другие воздействия. Готовить тут и направлять ци оказалось так же трудно, как когда-то таскать огромные камни под ударами негодяя-учителя. И это означало только одно — лучшего места для тренировок как силы ци, так и управления, было не сыскать во всей Империи! Прошло несколько лет, недавно Ксинг отпраздновал круглую дату — полторы дюжины, рубеж, со времени пересечения которого подросток начинал считаться юношей.

Он не только посещал Цая Шаолуна, где учился различным алхимическим премудростям, но и принимал мастера в своём заведении. Тот обожал прикинуться простачком, а когда его начинал задирать какой-то из заезжих моряков, ввязаться в драку, чтобы, пользуясь силой, дарованной ци, хорошенько отмутузить обидчика. Ксинг эти драки

никогда не разнимал, лишь требовал переносить за пределы ресторана — сначала просто потому, что это помешало бы обучению у обидчивого алхимика, а потом из-за того, что это оказалось отличным развлечением, привлекающим постоянных посетителей.

Впрочем, отбоя от последних никогда не было и так, ведь Ксинг готовил очень вкусно, а цены не задирали. Он не планировал что-то зарабатывать: просто совершенствовал умения варить зелья, усиливал ци, жадно слушал истории о морских приключениях и тренировался. К его собственному удивлению, денег оставалось поразительно много: моряки, возвращающиеся из многомесячного плавания, любили заказывать не только дорогие блюда, но и крепкий алкоголь. Выпивка оказалась неожиданным дополнением к эликсирам, ведь помимо алхимической печи Ксинг обзавёлся и перегонным кубом, сначала одним маленьким, а затем несколькими большими. И больше всего подобное дополнение ассортимента понравилось самому Цаю Шаолуню, который дал несколько дельных советов по производству новых видов этих «особых зелий».

— ...Ксинг, эй, Ксинг! — вырвал его из размышлений чей-то голос.

— Чего? — недовольно буркнул тот.

— Мы тут как раз говорим о «Волосе бессмертия»! — раздался выкрик откуда-то с дальнего столика. — Ну помнишь, когда ты решил отрастить бороду, потом её сбрить, и уронил волосок... Ха-ха-ха-ха!

Ксинг расхохотался вместе с посетителями.

Конечно, никаких волос он никуда не ронял, но бороду отрастить, пользуясь тем, что на лице появилась растительность, всё же попытался. Как оказалось, своя борода — даже хуже, чем срезанная с мертвеца, и колет губы гораздо сильнее. К тому же, растительность на лице у Ксинга росла жидкими клочками, получившаяся бородёнка выглядела очень смешно. И некоторые посетители забыли простую истину: «Не насмехайся над человеком, который готовит тебе еду».

— Что, болваны, — раздался голос Цай Шаолуна, — весело? Скажите спасибо, что это был Ксинг, а не я. У меня бы вы так просто не отделались. Вы бы у меня с отхожего места не вставали не три дня, а месяц. Нет, год! Ладно, Ксинг, налей... А, давай «Волоса», чего уж там!

Ксинг кивнул, заглянул в кладовку, выбрал горшок с нужным напитком и налил в кувшинчик, проследив, чтобы внутрь обязательно попал ком водорослей. Удивительно, но инцидент не только не отпугнул посетителей, даже наоборот. Ну а созданная по этому поводу выпивка с добавлением морских водорослей, действительно напоминающих волосы, пользовалась огромной популярностью.

По дороге назад он бросил взгляд в большое бронзовое зеркало, висевшее на стене. В полутьме от единственного ци-светильника его отражение выглядело гораздо старше. «Я и так хорош!» — вспомнил он цитату Бао Сяо из любимого, такого старого и правильного кристалла. Он мысленно представил рядом со своим отражением образ учителя и вновь улыбнулся. И так хорошее настроение стало ещё лучше: пусть Ксинг не гнался, как многие изнеженные дворцовые лизоблюды, за привлекательной внешностью, но осознавать, насколько учитель, с его отвратительной перекошенной физиономией, остался в этом аспекте далеко позади, было приятно.

— Держите, мастер, — он подставил перед алхимиком кувшинчик и фарфоровую чашку.

— И нам налей! Мы даже за тебя выпьем! — закричал капитан Тай, недавно

вернувшийся из плавания.

— За Ксинга! — подхватили посетители.

— За Ксинга Дуо!

— Слава лучшей выпивке на всем побережье!

— Да-да, хвалите меня, — картинно выпятил грудь Ксинг. — Но скидок не будет! Кому нужна дешёвая сливовая бормотуха, тому к тётушке Зу.

— Её дешёвый самогон обходится слишком дорого! — заявил капитан Тай и оскалился щербатым ртом. — Мастер Цай, зря вы ей показали эти ваши алхимические шутки!

— Ты ещё скажи, что вам, идиотам, не нравится! — усмехнулся алхимик.

— В том и дело, что нравится! Выпьешь кувшинчик — и всё нравится, даже сама тётушка Зу. А ведь столько обычного вина или пива простому смертному никогда не выпить!

Снова грянул смех, посыпались солёные шуточки, с тётушки Зу переключились на девочек в её заведении, сошлись во мнении, что друг друга они отлично дополняют — после дешёвого самогона сразу становятся красавицами хоть куда!

Пока посетители болтали, Ксинг вернулся на кухню, подхватил свежую рыбину и кинул на разделочную доску. Проведя рукой по блестящему серебристому боку и выпустив ци, он избавил рыбу от чешуи. Выхватив оба ножа, он мгновенно распластал рыбу вдоль, отделяя хребет. Лезвия ножей мягко засветились, оставшиеся в рыбе кости и внутренности прилипли к ножам, так что Ксинг запросто смахнул их в мусорную корзину и молниеносными движениями ножей превратил рыбу в набор идеально одинаковых кусочков, довольно отметив, насколько всё вышло естественно и гладко.

Концентрация здесь, в куполе панциря, уже не пропадала. Он делал сразу несколько дел — занимался не только готовкой, тренировал силу ци, усиливая разум и память, но и пропускал сквозь все три даньтяня внешнюю энергию, наполняя ею тело и делая её своей. Ксинг мог, конечно, проделывать такое и раньше, но лишь в изобилующем ци месте и без подавляющего внешнего воздействия.

Это ведь не просто укрепить руки и ноги, чтобы прыгать по отвесным скалам либо ходить по воде. Усилий тут требовалось гораздо больше! Увы, до действительно чего-то стоящего Ксингу было далеко, он не достиг даже уровня героев кристаллов — разумеется, тех правильных и настоящих. Чего уж тогда говорить об уровне учителя? Он не отчаивался: дорогу осилит идущий! Упорная улитка... Нет, упорная черепаха обгонит лисицу! Безо всяких там мальков, карпов и водопадов!

— ...дурачьё! Я говорю, не бывает! — вновь на что-то взъелся мастер Цай.

— Но ведь... Ведь было! Прямо тут, в кристалле! Ксинг сам дал посмотреть!

— Ну ты точно идиот! Там всё не по-настоящему! — рассмеялся алхимик. — Поглощать ци природы, да под подавляющим талисманом, при этом сражаться сразу двумя кинжалами, используя техники? Всё это враньё!

Ксинг был полностью согласен. Там действительно всё не по-настоящему. И всё враньё! Он вскинул ножи, лёгкое свечение ци прокатилось по металлу, очищая лезвие, и Ксинг сунул их в обратно в ножны.

— Две хрустящие фуцзяньские булки каждому! — провозгласил громогласно Кривой Зэнжон, вваливаясь в заведение. — Почувствуем себя аристократами!

— Да, я бы аристократочку сжал за ее хрустящие булки!

— А потом тебя самого... сжали бы!

— Болваны, — издал привычный желчный смешок мастер Шаолун, — не знаете своего

счастья! Аристократки! Назойливые, как голодные утки! «Ох, алхимия — так интересно! Не покажете ли вашу лабораторию? Только вы и я, моя ступка и ваш пестик!» К демонам их!

— Эй, господин Цай, чего сразу к демонам? Лучше к нам шлите! Покажем и пестик, и гарпун, и мачту!

— Не надо тебе это, Зэнжон, — скривился Шаолун. — У каждой девицы всегда есть толпа родни. Ещё более назойливой!

— Ничего, вот однажды возь... будем проплывать мимо, а там девица одна на острове! Безо всякой родни!

Кривой Зэнжон промышлял пиратством, все об этом знали, но никто не мог или не пытался доказать.

Раздался новый смех, гогот, шлепки друг друга по плечам, выкрики предположений, чем именно расплатилась бы девица за свое спасение.

— Гуляй, братва! — и Зэнжон швырнул мешочек на стойку.

Тот раскрылся, покатались блестящие монеты, разные, не только имперские.

— Спас аристократа? — голос Ксинга заледенел. — А тот сам совал тебе деньги, да?

Смех и разговоры мгновенно прекратились. Посетители переглянулись, некоторые даже вжали головы в шеи. Те времена, когда заезжие моряки пытались указать этому наглому повару его место, давно прошли. По самым что на ни есть естественным причинам.

— Эй, Ксинг, ты чего! Честно заработал! Мы за море ходили, продавали наши железки ихним варварам, они там в цене чудо-оружия ходят. Если бы ты им меч сковал, то сразу смог бы у них остров купить, а и то вовсе непобедимым героем заделаться! — Зэнжон попятился, слегка побледнев. — Ты не обращай внимания, столько времени в море, конечно, парням нужно расслабиться, а русалок в этот раз ни одной не попало!

Зловещая тишина висела до тех пор, пока Ксинг не кивнул благосклонно в ответ на такое объяснение. Зэнжон облегченно выдохнул, а ресторан взорвался шумом и выкриками.

— Так вам русалки и дали!

— Русалки! Я вчера такую рыбу поймал, сзади вылитая русалка! Могу продать!

— Зэнжон, для чего тебе русалка? Понюхать, га-га-га, у неё под хвостом?

— Зачем им на дне твои деньги?

— Лучше вымани их на берег!

— Чем их выманишь?

— Булками Ксинга!

Ксинг одарил посетителей благосклонным взглядом и вернулся на кухню. Убрав защитную ци с куска заранее приготовленного теста, он принялся делать фуцзянские булки. Ведь требовалось приготовить две. На каждого.

В отличие от мастера Бохая, алхимик Шаолун больше всего ценил рецепты своих пилюль и зелий. Делился он ими неохотно, даже самыми простыми. Конечно, за эти годы у Ксинга установились с ним доверенные, почти что дружеские отношения (насколько только это возможно с человеком, обладающим таким скверным характером), но всё равно лишь до определённого предела. Ксинг мог бы его назвать кем угодно — знакомым, источником сведений, даже деловым партнёром, но ни в коем случае не наставником.

Цай Шаолун не особо скрывал способы обработки и комбинаций ингредиентов, за это Ксинг был благодарен. Но когда дело касалось рецептов... Изрядную долю Ксинг узнал, сосредоточившись на потоках ци внутри лаборатории Цая, да покупая в порту свитки,

большую часть из которых ждал прямой путь в печь.

К счастью, после битвы с черепахой алхимик пребывал в полной уверенности, что Ксинг культивирует нижний даньтянь. И это являлось истинной правдой, хоть и всего лишь её частью. Общеизвестная истина гласила, что культиваторы воинского даньтяня не способны на серьёзные успехи в алхимии, это значительно снизило подозрения Шаолуна, пусть он и считал Ксинга идиотом, пытающимся проглотить кусок больше собственного рта.

Тихо гудела алхимическая печь, которую вместо редких и очень дорогих дров Бесцветной Липы Ксинг топил с помощью огненной ци. Он сидел за широким столом заставленном множеством фарфоровых мисочек и пузырьков, и задумчиво помешивал «отвар молодости», как это именовалось в закреплённом в держателе свитке. Неплохая прибыль, приносимая «Под Панцирем», изрядно съедалась свитками с техниками и рецептами различных пилюль и эликсиров, пусть эти затраты и не сравнялись по цене с одним-единственным кристаллом. Ресторан сегодня Ксинг не открывал, чтобы не отвлекаться от важных опытов по алхимии.

— Чего-то не хватает, — задумчиво заметил он, окунув палец и пробуя каплю отвара языком.

Как эти рецепты, так и техники являлись по большей части мусором, обманками, призванными то ли выдурить у доверчивых простофиль последние деньги, то ли запутать и направить в неправильную сторону всех, желающих по ним учиться. Если с рецептами всё было понятно, то что мешает пойти в Имперскую библиотеку, чтобы получить заведомо настоящие, официально проверенные доверенными мастерами методики, Ксинг не знал.

Такое его никогда не останавливало. Заведомую фальшивку он был способен распознать с первого взгляда, а вот те свитки, в которых скрывалась хоть крупица чего-то настоящего, чей смысл исчез, затерявшись при многочисленных пересказываниях и переписываниях — другое дело. Ксинг пробовал рецепты и улучшал их, делал рабочими, и точно так же поступал с техниками. Почти всегда он убеждался, что техника либо выдумана, либо кошмарно неэффективна, что авторы и переписчики утопили настоящее знание под слоями мистической и философской шелухи. Тем не менее, движения и концепции наталкивали его порой на интересные идеи. Он пробовал их, применял к сражению цепом, ножами, гуань дао, мечами и прочими видами оружия, выкованными за эти годы, встраивал в свой боевой стиль. Вернее, в то жалкое недоразумение, названное «боевым стилем», ведь настоящих боевых искусств и техник, в отличие от любого героя настоящего кристалла, Ксинг так и не узнал.

— Ну так чего, мастер? — спросила Сифэн, преданно заглядывая ему в лицо и изгибаясь так, чтобы максимально выпятить немалые дары, которыми её наградили боги. — Получилось? Как и ожидалось от моего почтенного наставника!

Ксинг в раздражении закатил глаза. Не то, чтобы ему не нравилось разговаривать с красотками, но некоторые проявляли настоящее бесстыдство, пытаясь добиться целей любыми методами.

— Сколько раз говорить, я не твой мастер! И что нельзя входить сюда просто так!

Первая наследница Дома Симынь, одного из основных родов Могао, надула прелестные губки, но даже не подумала принимать виноватый вид. В Лунцзы, поблизости от Могао, Ксинг поселился только для того, чтобы иметь доступ к товарам из порта, особенно к редкостям типа свитков, ингредиентов и эликсиров, которые в обычной продаже появлялись редко. И поначалу он не имел выхода, кроме как воспользоваться внезапно образовавшимися

связями. А теперь, когда его знала вся округа, когда многие капитаны с радостью выполняли просьбу расспросить знакомых знакомых или шепнуть кому надо словечко, Ксинг просто не мог избавиться от этой целеустремлённой и довольно назойливой девушки.

— Но вы мой мастер! — снова взялась за своё Сифэн. — Я так много узнала от вас, мастер!

Ксинг ни за что не смог бы сказать, что она его не привлекала. Он даже не взялся бы утверждать, что бандитский и бесцеремонный характер не имел какого-то особого шарма. Нет, понятно, с Мэй она не могла сравниться ни красотой, ни внутренней целостностью, ни характером, но какая женщина вообще могла? Ксингу нравилась Сифэн — основная причина, по которой он и терпел её выходки, хотя вся подоплёка такого поведения лежала на поверхности.

— От того, что ты сто раз назовёшь меня мастером, я им не стану, — проворчал Ксинг, чуть уставший от этой навязчивости.

— О да, мастер! Ещё одна божественная цитата, которую нужно записать! — вскричала Сифэн, доставая из поясной сумки кисть и взмахивая ею, словно ножом.

Глядя на неё, Ксинг постоянно думал, что совершил ошибку, почти как тогда, когда он, будучи Фенгом, вступил в дерьмо, что на долгое время определило его судьбу. Только став Ксингом, он вступил в одну и ту же ситуацию дважды, и как отмыться, пока что не знал. Первой была Цзе Бунтао. Но тогда у него не было особого выбора, он буквально жил с дочкой наставника под одной крышей. И вот теперь Сифэн. И тут никаких оправданий не было.

Ксинг прекрасно понимал, что дело вовсе не в том, что Сифэн находит его таким неотразимым. Нет, возможно, ей очень нравилась его внешность — он же не учитель, которому приходилось прибегать к различным низким трюкам, чтобы урвать хоть крупицу женского внимания. И не в том, что Ксинг такой выдающийся боец, искусный кузнец или повар. Дело было в алхимии.

Дом Симынь много раз пытался найти подходы к Цаю Шаолуну, подсылая к нему то Сифэн, то иных дочерей что главной, что побочных ветвей наследования, а то и вовсе смазливых служанок. Возможно, что попытки отбиться ото всех этих женских атак и закалили мастера Цая, выработав попутно столь скверный характер. Дому Симынь понадобилось много времени, чтобы понять, что никакие женские чары не способны поколебать чёрствое и циничное сердце Шаолуна. Цай недвусмысленно намекнул, что последующие попытки закончатся для дома Симынь плачевно, так что те наконец поняли: пусть алхимик седьмой ступени и равен небожителю, но придётся поискать кого-то более доступной. Ксинг, чьи успехи в алхимии тянули если не на четвёртую, то уж точно на третью ступень, показался им именно таковым. И захомутать настоящего алхимика не отказался бы ни один дом в Могао, лучше, конечно, женив на ком-то из побочных ветвей, но уж если не получается — то пойдёт и наследница.

Ксинг терпел Сифэн до сих пор, ведь, несмотря на победу над исполинской черепахой, устрашающей репутации, положенной высокоранговому алхимику, у него не было. А дом Сифэн, несмотря на многие новые связи, обижать не стоило — это бы перекрыло возможность продажи неудачных или условно-удачных эликсиров и пилюль через их лавки, покупки и заказа свитков или ингредиентов, ну а если обида оказалась бы достаточно велика — тогда влияния дома с лихвой хватало, чтобы никто в Могао с Ксингом не имел дела. Он готов был держать рестораны только ради одного Цая Шаолуна, которому на дом Симынь

было наплевать, или вообще перетащить панцирь во двор его особняка и работать личным поваром. Но Ксинг решил до таких крайностей не доходить, а одну-единственную взбалмошную девчонку просто потерпеть. В конце концов выдержку и терпение следовало тренировать тоже, а Сифэн одним лишь своим присутствием отгоняла девушек из других домов, тоже пускавших на Ксинга слюни.

Вот у подлого мерзавца-учителя подобных проблем никогда не было! Ещё бы, попробуй хоть в чём откажи грандмастеру ци, если ты стоишь ниже самого Императора! Любые свитки, ингредиенты, техники — всё само шло к мерзавцу в руки, когда Ксингу приходилось вырывать у судьбы и окружающих самую мельчайшую возможность!

Сифэн, почему-то решившая, что Ксинг обязательно станет её учителем, оказалась очень настырной и бесцеремонной. Помимо самозваного ученичества она пыталась употреблять морские словечки, приставала к посетителям и даже хвасталась, что станет королевой пиратов. До плохого никогда не доходило, защищать её не приходилось, ведь о репутации дома знали все, и даже самая крепкая выпивка не могла заставить завсегдатаев «Под панцирем» потерять голову настолько сильно. И, разумеется, подобная вседозволенность не могла не испортить характер избалованной Сифэн ещё больше.

— Ах, мастер, — в очередной раз захныкала девушка, — в этом панцире я чувствую себя, как в могиле! Ци совсем не подчиняется!

— Ничего, — отмахнулся Ксинг. — займись чем-то другим. Каллиграфией, например. А ещё лучше — иди домой.

Каллиграфия была самым безотказным способом её отвлечь, ведь, склонившись над свитками, девушка всегда сосредоточенно молчала.

— У меня нет с собой чернил! — вновь хныкнула она. — Я лучше буду наблюдать за вашей работой!

Она снова заглянула Ксингу через плечо, ненароком прижавшись к нему упругим полушарием.

— Хм, точно, — сообразил Ксинг. — Добавить жёлтых горных чернил и прелестей русалки!

Два жёлтых кристаллика вобрали в себя ядовитую часть отвара, усилив омолаживающую, а кусочек морской губки, названной так моряками из-за сильного внешнего сходства с женской грудью, замедлил реакцию, заставил её протекать плавно и спокойно. Никакого возвращения лет, конечно, зелье не давало, для этого требовалось культивировать ци. Но все же отвар помогал укрепить кожу, разгладить морщины, чуть дольше побороться с безжалостным течением времени.

Он направил ци, контролируя реакцию. Жидкость забурлила, выбросила большой клуб дыма и сменила цвет на изумрудно-зелёный. Сифэн закашлялась, глотнув дыма, и Ксинг скривился. Нет ничего глупее, чем отравиться во время варки эликсира, когда можно защититься ци или хотя бы закрыть нос плотной повязкой.

Талисманы, развешенные возле входа в лабораторию и окна, расположенного там, где когда-то торчала задняя лапа черепахи, мягко засветились. Дым быстро развеялся, сменившись свежим воздухом. Ксинг победно улыбнулся — уроки у мастера Цая дали плоды, теперь он мог не только тренироваться, обвешавшись увеличивающими вес талисманами, но и проветривать закрытые помещения, такие как спальня, лаборатория и кухня.

— Получилось, — удовлетворённо кивнул Ксинг, изучая содержимое сосуда.

Прозрачное стекло, созданное им собственноручно из переплавленного и очищенного с помощью ци песка, не только выдерживало высокую температуру, но и сопротивлялось воздействию компонентов эликсиров, способных иногда проплавить столешницу или растворить железо.

— Да, мастер, вы лучший! — заявила раскрасневшаяся Сифэн, пытаясь отдышаться.

— А вот ты — нет, — строго сказал Ксинг. — Если уж пытаешься похитить мои секреты, то постарайся быть внимательной. Сама знаешь, насколько ядовитыми бывают испарения и смертоносными случайные капли.

— О, мастер, — простонала Сифэн, что-то делая со своей одеждой, — мне кажется, я плохо себя чувствую! На тело попали капли, если вы меня не спасёте, я могу умереть!

Ксинг, пытающийся записать изменения рецепта в свиток, даже не сразу сообразил, что та делает. Несмотря на привлекательность Сифэн, он давно перестал смотреть на неё, как на женщину, настолько она раздражала. Если бы не дом Симынь, он бы давно перекинул её через колено и отвесил бы столько шлепков по её упругим ягодицам, что она не смогла бы сидеть полную дюжину дней. Мысль мелькнула и пропала, ведь пока он записывал результаты эксперимента, то продолжал попутно думать о визите Зэнжона несколько дней назад. Следовало ли заняться истреблением пиратов, как он поступал с разбойниками? Жизнь на одном месте была хороша для тренировок, но возникало ощущение неудовлетворённости, будто Ксинг сидел и заплывал жиром, не стремился к цели. Или лучше наняться к Зэнжону и самому сплавать в дивные края за морями?

— Ксинг Дуо! — загремел голос снаружи. — Выходи, негодяй, и ответь за то, что ты сделал с нашей сестрой!

Ксинг сцепил зубы. Ресторан сегодня не работал, об этом гласила специальная табличка на двери. Ци этих идиотов он почуял давно, пусть и панцирь черепахи её здорово пригасил. И вместо того чтобы сказать, что хотят, они уже приличное время толкались снаружи.

— Кто бы там ни стоял — проваливайте! — крикнул Ксинг зло. — Не умеете читать сами, найдите того, кто умеет!

Раздался оглушительный стук во входную дверь. Ксинг разозлился ещё сильнее. Несмотря на то, что панцирь черепахи был очень прочен, все двери, окна и перегородки он сделал из обычного дерева, а значит, любой болван, владеющий хоть капелькой ци, мог их поломать.

— Уходи, Чан, — заорала Сифэн неожиданно громко, — Все уходите! Не мешайте нашей любви!

Ксинг бросил на неё подозрительный взгляд. Сифэн захлопала глазами и чуть выпятила губы. Ксинг зло сплюнул. К сожалению, содержимое плевок попало в сосуд со свежесваренным отваром, который тут же зашипел, пошёл синей пеной и окрасился в отвратительный бурый цвет. Ксинг сплюнул ещё раз, гораздо злее.

Раздались гневные крики, стук усилился, послышался треск дерева.

Ксингу, конечно, приходилось считаться с домом Симынь, но и тем следовало считаться если не с Ксингом, то хотя бы с обычными правилами вежливости. Во многих кристаллах и свитках упоминались надменные молодые наследники великих домов, которые творили, пользуясь отдалённостью от столицы, что только хотели: задирали торговцев, избивали замешкавшихся горожан или приставали к красивым девушкам. Ксинг никогда не думал, что столкнётся с похожей ситуацией лично.

Что же, в кристаллах подобных негодяев ставил на место главный герой, а Хань Нао

всегда мечтал быть героем. Он быстро вышел из лаборатории и распахнул дверь.

Увидев выражение лица и ощутив подавляющую ци Ксинга, незваные гости отпрянули. Ксинг окинул их внимательным взглядом. Тут были Чан и Гуоджи — старшие братья Сифэн, сильные адепты, чья ци всё-таки не дотягивала до мастера. За спинами братьев вскинул мечи и копья отряд воинов в цветах дома Симынь — каждый из них тоже владел ци. В другое время — устрашающая сила, ненамного слабее того отряда подлых Гао, которых пожрало зверьё Леса Дюжины Шагов. Сейчас же... Ксинга беспокоила не сила, а их статус. Он, конечно, раздумывал об уходе отсюда, но чуть позже, через несколько месяцев или полгода. Видимо, планы придётся здорово сдвинуть.

— Негодяй! — закричал Гуоджи. — Ты остался наедине с Сифэн, чтобы делать с ней неподозволительные вещи!

— С каких пор варить эликсиры — «неподозволительно»? — нахмурился Ксинг.

— Он сам признался, что опаивал нашу сестру зельями! — выкрикнул Чан.

Ксинг стал закипать. Он, конечно, мог бы вступить в спор, попытаться опровергнуть наветы или что-то объяснить, но такое подошло бы для философской беседы между двумя учёными, а не для уличной перепалки высокородных с простолюдином.

— Вы, наверное, чувствуете себя очень смелыми, — оскалился Ксинг. — И очень влиятельными.

— Дом Симынь самый могущественный дом во всём Могао! — тут же подтвердил Чан. — И не пытайся нас одурачить! Ты участвовал в сражении с этой черепахой, но там был мастер Шаолун и множество воинов! Такую черепаху мог бы одолеть любой из рода Симынь даже в одиночку! И если ты думаешь, что жалкая победа над глупым зверем позволяет тебе накинуться на нашу сестру...

— Да! Накинуться, как дикий зверь! — раздался сзади женский голос.

Ксинг повернул голову. Сифэн стояла в одном лишь нижнем белье, её немалая грудь так распирала баофу, что грозила порвать тонкий шёлк. Он невольно залюбовался. Хороша! Как же хороша! Конечно, пусть не настолько хороша, как Мэй, но в некоторых аспектах Сифэн превзошла даже её!

— Обесчестил! Надругался и обесчестил нашу сестру! И сделал это при множестве свидетелей! — торжествующе воскликнул Гуоджи.

— За такое расплатой — смерть! — добавил Чан. — Или женитьба! Дом Симынь столь благороден и великодушен, что примет даже тебя, простолюдина!

Для Ксинга с самого начала было очевидно, к чему всё идёт, а сейчас он лишь получил окончательное подтверждение. Вновь повторялась ситуация с Гонгом Бунтао и его дочкой Цзе, но на этот раз в гораздо худшем варианте. Между домом Симынь и наставником Бунтао существовало очень важное отличие: Ксинг не испытывал к этому дому ни благодарности, ни уважения. Ну а попытка привязать его через брак, таким образом заполучив в своё распоряжение пусть и не слишком высокоуровневого, но очень перспективного алхимика, в корне отличалась и от предложения мастера Бохая добровольно стать членом семьи. Поэтому, несмотря ни на красоту Сифэн, чей вид будоражил кровь даже в этот миг, ни на влияние и ресурсы дома, Ксинг не колебался ни мгновения. То, что Симынь пытались проделать сейчас, ничем не отличалось от мерзкой попытки дома Гао заполучить в своё распоряжение мастера Бунтао, разница заключалась лишь в способе. Поэтому способ решения проблемы был тоже похож.

— Дом Симынь велик? — спросил Ксинг.

— Очень велик! Сильнейший и величайший во всём Могао! — задрал подбородок Чен. — Нет, даже во всей провинции!

— А в нём есть хорошие доктора?

— У нас всё самое лучшее! Сильнейшие воины! Связи! Деньги и товары! Влияние!

— А доктора? — повторил вопрос Ксинг.

— У нас есть всё! А если чего-то и нет, мы можем купить! — Чен, казалось, сейчас лопнет от самодовольства.

— А почему ты спрашиваешь о докторях? — с подозрением спросил Гуоджи.

— Чтобы знать, лечить вас потом самому, или можно оставить и так?

Реакция у братьев оказалась очень хорошей. В их телах вспыхнула внутренняя энергия, и они отпрыгнули в стороны. Вперёд, воздев мечи и копья, кинулись адепты. Клинки и острия засветились от ци. Дом Симынь действительно был богат, если мог позволить воинам, пусть даже и элитным, такое вооружение. Сам Ксинг, конечно, сковал бы что-то получше, но на материалы и металлы эти идиоты не поскупились. Поскупились они на мозги.

Ксинг не стал кидаться в дом, чтобы взять верный цеп, ножи или любое другое оружие. Он сделал пару быстрых шагов вперёд, отбил устремлённые на него копья, схватил ладонью за лезвие и отшвырнул прочь чей-то меч. Тщательно контролируя усилия, чтобы кого-то действительно не убить, отвесил несколько смачных пинков. Поднял одного из воинов за броню и швырнул в кучу других, решив, что если те ненароком проткнут товарища копьями, то его это уже их заботы.

— Полёт Красного Феникса! — послышался громкий выкрик, и с ладоней Чена сорвался длинный язык пламени.

Ксинг остановился и закатил глаза. Для такого грозного названия этой, с позволения сказать, технике не хватало... да вообще всего. Он даже не стал уворачиваться, лишь вытянул руку, поймал пламя и раздавил в ладони. Ксинг, конечно, знал, что во владении ци и близко не стоял с уровнем героев и учителя, но по сравнению с подобным убожеством его навыки были карпом рядом не с головастиком даже, а просто икринкой!

Недовольно качая головой, он прошёлся по воинам Симынь, стараясь, по старому обычаю Дуоцзя, раздать всем и каждому таких хороших и аппетитных тумачков, никого не оставив обделённым. Отразил ещё пару «техник», заботясь лишь о том, чтобы случайно не испортить повседневную одежду, которую он давно носил вместо шкур. И когда через пару дюжин сердцебиений он закончил, то гордость великого дома из Могао лежала большой стонущей кучей, которую венчали братья Чан и Гуоджи.

Он повернулся ко входу в панцирь. Сифэн ойкнула, почему-то прикрыла руками грудь и забежала внутрь. Ксинг, чья злость до сих пор бурлила, направился следом.

Он злился так, как не злился со времён встречи с кланом Гао. И даже больше — если к уходу от мастера Гонга он был полностью готов, то теперь предстояло на лету корректировать планы и поспешно уходить в неизвестность. Если ранее он планировал заблаговременно договориться с каким-то из капитанов, собрать вещи и приготовить запасы, то теперь надо бежать вот так, как есть. Особо жалко было бросать панцирь черепахи — единственное место в этой жизни, которое он по-настоящему мог назвать домом. Конечно, будь он героем кристалла или книги, он бы поместил всю черепаху вместе с припасами в пространственное кольцо. Но, увы, с кольцом не смог помочь ни один торговец в Могао, сколько бы Ксинг их ни спрашивал.

Он зашёл внутрь и захлопнул дверь с твёрдым намерением отловить Сифэн и

вышвырнуть вон, уложив завершающим штрихом на избитую кучу членов её дома. Сифэн это намерение тоже уловила, так что взвизгнула и попятилась прочь.

Черепаша, конечно, была огромной, но лишь только по меркам живого существа. Дворцом с тысячей комнат она точно не являлась. Так что вскоре Сифэн упёрлась спиной в лесенку, ведущую на второй ярус, в комнату, где Ксинг хранил припасы и откуда не было выхода.

Он схватил её за волосы, и потащил прочь. Сифэн снова взвизгнула.

Не хотелось ничего говорить, лишь сплёвывать и ругаться. Теперь не имело значения, действительно ли он совратил и обесчестил красотку из благородного дома или же нет. После того как Сифэн вышла из его жилища в неподобающем виде, и это увидело множество свидетелей, вину Ксинга признал бы любой судья. Теперь выбора не осталось, придётся делать лишь одно — бежать прочь от Могао, где влияние дома Симынь так велико. Какая-то мысль вертелась в голове, колола острой занозой. И Ксинг даже остановился, усилив циркуляцию ци в верхнем даньтяне, чтобы её вернуть.

Открытие ошарашило. Ведь действительно, не имело значения, делал ли что-то Ксинг или не делал, надругался ли над Сифэн или нет. Более того, именно то, что он ничего не сделал, что приходится страдать ни за что, оказалось самым обидным.

Он ещё раз окинул взглядом Сифэн. Огромные широко распахнутые глаза, приоткрытый в удивлении рот, длинные стройные ноги, большие упругие полушария, проглядывающие сквозь съехавшие набок нижние одеяния. Как же она была хороша!

Ксинг попытался ухватиться за память о Мэй, напомнить себе, что стремиться быть героем. Это не помогло. Мэй давно осталась в прошлом, а что касается героизма... На текущем этапе целью Ксинга являлось не становление героем, вовсе нет. Поначалу он собирался стать таким, как учитель, а большего негодяя не сыскать в целом свете.

Ксинг рассмеялся, поднял ойкнувшую Сифэн на руки и потащил в комнату с широким окном и большой удобной кроватью, купленной, что придавало ситуации ещё большей пикантности, в мебельной лавке дома Симынь.

— Ксинг! Что ты... То есть, мастер! Учитель! Что вы делаете? — закричала Сифэн.

— Говоришь, накинулся, как дикий зверь? — засмеялся Ксинг. — Разорвал одежду... вот так?

Он вытянул руку, и тонкие потоки ци, вырвавшиеся из пальцев, коснулись остатков её одежды. Через мгновение маленькие кусочки шёлка осыпались на пол. Ксинг грубо привлёк Сифэн к себе, чувствуя под пальцами нежную гладкую кожу. Рука прошла по стройной ноге, закончив путешествие на упругой ягодице.

— Мастер! Мастер, пожалуйста! — испуганно прошептала девушка.

— Когда я жил в Мыаньтао, — ухмыльнулся Ксинг, — то посещал Императорскую библиотеку. Тут, в Могао, я тоже прочитал немало свитков. И знаешь что?

— Что, мастер? — спросила Сифэн, пятясь до тех пор, пока её ноги не упёрлись в край кровати.

— Не все из этих свитков были с рецептами. И не все — с техниками. Хотя, знаешь, техники там всё-таки были, просто совсем не боевые. И действенность этих техник мы с тобой сейчас проверим.

Ксинг сделал ещё один шаг вперёд и Сифэн, ойкнув, упала, рухнув прямо на мягкий матрац.

Несмотря на имеющиеся оправдания, Ксинг чувствовал себя настоящим негодяем. Да, он стремился стать учителем, да, дом Симынь попытался его подставить, да, он отплатил за подлость и бесчестность той же монетой. Но всё равно, то, что Ксинг совершил, настоящий герой никогда бы не сделал! Во многих историях герои поддавались влиянию внутренних демонов, творили неприглядные поступки и даже настоящие злодеяния, чтобы потом преодолеть себя и вернуться на сторону справедливости и гармонии. Но при этом они никогда не совершали насилия над женщинами, а ведь ничем другим случившееся назвать было нельзя.

А Ксинг совершил! И не просто совершил! Он тщательно проверил на практике достоверность трактатов «Восемнадцать сливовых лепестков», «Нефритовая ваза» и «Плоды персикового дерева». Некоторые позиции, казавшиеся совершенно невозможными для человеческого телосложения, всё-таки удалось повторить с некоторыми неудобствами, для других — пришлось использовать ци. Ксинг совершенно не щадил Сифэн, не считался с её чувствами и желаниями, вымещал на ней своё раздражение, о чём теперь, когда эмоции поутихли, сильно жалел.

Отдельно злило то, что сейчас, когда всё закончилось, когда его одолевали сомнения и душевные терзания, она не выглядела особо несчастной. Наоборот, махнув рукой на уничтоженное бельё и надевая платье на голое тело, она соблазнительно изгибалась и пыталась представить свою красоту в самом выгодном свете. И это работало! Ксинг чувствовал, как было успокоившееся тело наливается жаром, поэтому злился на себя ещё сильнее.

— Ну что, дорогой, — прощбетала Сифэн, — ты действительно был, словно дикий зверь!

— «Дорогой»? — с подозрением спросил Ксинг. — Больше не «учитель»?

— О да, учитель! — тут же поправилась она. — Ты научил меня очень многому! И научишь ещё большему!

— Научу?

— Ну конечно же! Теперь, после того что между нами было...

— Я принудил тебя! Заставил! И ты говоришь, что тебе понравилось?

— Ну, было немного больно, и горло... пару раз я подумала, что задохнусь, но... Эй, ты чего?

Ксинг вскочил с ложа и принялся быстро одеваться. Получается, все эти терзания зря? Все эти сожаления, муки совести, ощущение себя грязным бандитом, типа главаря банды, которого он встретил, только покинув Дуоцзя — всё это беспокоило только его самого.

Ксинг подошёл к окну и сквозь прозрачное стекло, сделанное им из того же песка, бросил взгляд на океан. Тихо шумел прибой, волны мерно бились о скалы, а свободный и не связанный никакими обязательствами ветер гнал по небу редкие облачка. Простор манил.

— Красиво! — сказала Сифэн, встав рядом и бесцеремонно ухватив его под руку. — Только мы найдём место ещё лучше. У моего рода много земли, так что выберем что-то в самом Могао. И дом построим попросторнее — тут места не больше, чем в хижине простолюдина. И надо, чтобы ты осмотрел новую лабораторию. Дом Симынь купил всё, что надо, но раньше у нас настоящего алхимика не было, так что могли что-то да и упустить.

— Стоп! — сказал Ксинг. — Какой дом, какая лаборатория?

— Ну дом! Вместо этой черепахи! Нет, черепаху мы тоже заберём, поставим, чтобы все могли видеть могущество дома Симынь. Но вывеску, конечно, выкинем — готовить самому

тебе больше не надо, искусных поваров у нас хватает и так!

Последние сомнения, тяготившие сердце Ксинга, окончательно улетучились. Он посмотрел на Сифэн и улыбнулся — той широкой беззаботной улыбкой, которая возникает, когда проблема, мешающая спокойно жить, неожиданно исчезает.

— Пойдём, — сказал он. — Твои братья ждут.

Пятна ци, скопившиеся перед черепахой, до сих пор никуда не делись, лишь немного рассредоточились. Подкрепление к ним не прибыло, не примчался городской гарнизон и даже не появилась стража, вызванная, чтобы наказать преступника, надругавшегося над наследницей великого дома. Ксинг вышел рука об руку с Сифэн и окинул взглядом бывших противников. Те уже не валялись большой кучей на траве, они достали из-под навеса стулья и расселись за столиками, отличаясь от обычных посетителей ресторана лишь подранной одеждой и заплывшими синяками лицами. При виде Ксинга и Симынь Чен и Гуоджи вскочили на ноги. Они вопросительно взглянули на Сифэн и та ответила медленным утвердительным кивком.

«А то они сами не слышали, чем мы тут занимались полдня!» — фыркнул про себя Ксинг.

— А ты силён! — радостно осклабился Чен, подходя и хлопая Ксинга по плечу. — Не ожидал!

— Мой Ксинг — самый сильный! — самодовольно воскликнула Сифэн. — У него столько сил, что дом Симынь сможет возвыситься ещё больше, заполучить весь Могао!

— Да уж, — улыбнулся разбитыми губами Гуоджи. — Сначала я думал, что разговоры о черепахе и каком-то поваре преувеличены, но теперь ощутил всё на собственной шкуре!

— Эй, а вас не смущает, что я вас немножечко самую малость побил? — удивился Ксинг.

— Какие обиды могут быть между родственниками?

— Между родственниками — никаких! — ухмыльнулся Ксинг. — Отличная у вас сестра! Гибкая, словно дракон, яростная, словно тигрица! Буду когда-нибудь в ваших краях, обязательно навещу снова!

— Снова? — воскликнули все трое.

— Снова! — подтвердил Ксинг. — Ну а пока что — мне пора! Дом настоящего моряка — это океан! А я всегда мечтал быть моряком! Смотрите внимательно!

Он подошёл к панцирю черепахи, разгоняя энергию в дантянях. Руки его засветились мягким белым светом, сияние стекло с ладоней и обхватило весь панцирь. Ксинг крикнул от усилия, присел и с силой поднял весь свой дом, переворачивая его и сбрасывая с обрыва в воду.

Он бросил быстрый взгляд на членов дома Симынь — те стояли, выпучив глаза глаза, не в силах поверить в увиденное.

Ксинг сделал пару быстрых шагов к Сифэн, совершенно неаристократично и попростолоудински шлёпнул её по упругой заднице.

— Ты была просто великолепна, — весело сказал он, — твоему будущему мужу очень повезёт! Ну а мне пора! Когда-нибудь встретимся и обязательно повторим!

— Я поплыву с тобой! — опомнилась Сифэн. — Вместе! В закат!

— Ты поплывёшь домой! — захохотал Ксинг. — А я плыву один.

Он легко оттолкнулся от земли, взвился в воздух, слетел с обрыва прямо в океан, где, приземлившись на морскую поверхность, побежал догонять подхваченный течением

панцирь. Он не успел подготовиться, у него не было ни мачты, ни паруса, на хвосте оказался большой и влиятельный благородный дом. Все деньги остались на банковском счёту, и возвращаться за ними было бы очень опасно.

Но его ци осталась с ним, и этого было достаточно.

Глава 20, в которой герой узнаёт цену всем рассказням моряков

Если что-то и можно сказать о плавании на огромной черепахе, пусть даже от этой самой черепахи и остался один-единственный панцирь, так это слово «суматоха». Сначала Ксинг с помощью ци вытолкнул панцирь как можно дальше от берега — ведь нет ничего глупее, чем так самодовольно уйти, чтобы тут же быть настигнутым погоней.

Потом, когда берег полностью скрылся из виду, пришлось заниматься содержимым собственного дома. И тут его поджидала куча очень неприятных сюрпризов — мало что смогло выдержать переворот вверх ногами и последующее падение с большой высоты. Многие вещи попадали, переборки проломались, пробирки разбились, а в верхней комнатке, бывшей когда-то складом, всё перемешалось и перепуталось. Несколько дней пришлось потратить только на то, чтобы привести всё в порядок — с помощью стихии Дерева срастить и починить все переборки, Землёй и Огнём соединить и вновь сделать целыми побитые стёкла, постоянно использовать Воду, чтобы ликвидировать последствия множественных течей.

Хуже всего оказалось то, что мореходные качества черепаший панцирь оставляли желать лучшего: его болтало, словно щепку в водовороте, или словно другую субстанцию, которую некоторые крестьяне любили пускать по реке, считая это отличной шуткой. К счастью, Ксинг, постоянно ощупывающий путь своей ци, обнаружил песчаную отмель. Оттуда он поднял достаточно песка, чтобы не только добавить в панцирь балласта, но и сделать из стекла новые окна, которые на странном жаргоне моряков почему-то назывались «иллюминаторами», вроде того, как стены они именовали «переборками». Всё равно полностью ликвидировать последствия не удалось, большая часть продуктов для ресторана и ингредиентов для алхимии оказалась испорчена морской водой — ведь ци Ксинга защищала их лишь от гниения.

Закончив спасение дома и преобразовав часть деревянных переборок в большой руль, который теперь торчал из задней части черепахи, Ксинг добавил дополнительный штрих — из последних отрезков шёлка создал талисманы, чтобы откачивать просачивающуюся в трюм воду. Оставался лишь вопрос мореходности. И если срастить деревяшки, сделав из них мачту, не составило бы труда, то подходящей ткани у Ксинга не было, а значит, и поставить парус он бы не смог. Впрочем, под парусом он ходить не умел, так что его отсутствие мало бы что меняло. Поэтому пришлось по старинке использовать единственный ресурс — собственную ци.

— По реке плывет моряк, не поймать его никак, — напевал под нос Ксинг, покачиваясь в такт корпусу своего корабля — черепаший панцирь.

В «Панцире» он наслушался достаточно историй и морских баек, чтобы знать, что моряки, дескать, ходят, а плавают одно лишь дерьмо, но на подобные тонкости ему было наплевать. К тому же сам-то он по воде ходить умел, в отличие от тех, кто так любил по этому поводу надувать щёки.

— Всё он сушу не найдет, только рыбу жрет и жрет, — продолжал он.

Как найти сушу, он действительно не знал — вокруг раскинулся океан с волнами, ветрами и течениями, несущими панцирь черепахи. Ни с едой, ни с водой проблем не было. Морскую воду он сделал пригодной для питья, для этого пришлось потрудиться, пока не

научился использовать стихии Воды и Земли, чтобы убирать лишнюю морскую соль. А вот с едой оказалось значительно хуже. Нет, дело не в том, что он голодал, наоборот, ел вволю, но питание состояло лишь из рыбы, различных морских обитателей и водорослей. К сожалению, запасы риса оказались тоже испорчены, а попытки очистить их ни не принесли желанного результата.

Вот если бы у него было пространственное кольцо! Он бы сложил туда достаточно разной вкусной еды, чтобы ни в чём себе не отказывать месяцами, нет, даже годами! Чтобы хватило до самого края мира, а то и дальше!

Ксинг слышал, что у моряков есть какой-то «компас», правда, что это такое и как его сделать с помощью ци, он не имел понятия. Поэтому приходилось ориентироваться лишь днём по солнцу, а ночами по звёздам и лунам, пытаясь придерживаться единственного случайно выбранного направления. Сочинял глупые песни, ловил рыбу, глушил кулаками акул, бегал по воде и то тянул свой черепаший корабль на буксире, то, сидя на «палубе», направлял его вперёд с помощью ци.

Поначалу Ксинг пытался беречь силы на случай неожиданностей, но вскоре изменил решение. Панцирь всё так же блокировал ци, так что заставлять его плыть было очень тяжело, и если бы не три с лишним года постоянных тренировок, Ксингу бы не удалось его сдвинуть ни на шаг. В Могао он ингредиенты не только покупал, но и некоторые редкости добывал сам, плавая по океану и ныряя на невиданные в Дуоцзя глубины. Он научился направлять ци даже там, на глубине, среди полной жизни и потоков энергии бездны, так что сейчас эти мучения окупились многократно. У него получалось толкать свой корабль вперёд и в штиль, и в шторм, не давая потокам развеяться и раствориться в окружающем водном пространстве.

Так что теперь, управляя панцирем, он продолжал свои тяжёлые тренировки, с каждым днём увеличивая силу и контроль над своей ци, приближаясь если не к берегу, то хотя бы к своей цели превзойти учителя!

— Я в Могао не вернусь, на Сифэн я не женюсь, — завел Ксинг новый заунывный куплет, поправляя широкополую коническую шляпу, собственноручно сплетённую из водорослей.

В небе блеснула искорка ци, и он по привычке из старой жизни приложил к глазам загоревшую на опаляющем солнце руку. Солнце стояло в зените и слепило, но он всё равно вскоре обнаружил обладателя жизненной энергии — большую белую птицу с чёрными перьями на хвосте и кончиках крыльев.

— Где-то рядом либо есть берег, — пробормотал он, — либо это птица, способная летать через моря. Вот бы поймать такую!

Поймать и научиться на ней летать, как делали не только многие герои кристаллов, но и злодеи, разные главы сект, руководители альянсов и просто могущественные культиваторы. Ну а если не получится, тогда птица — это мясо, в особенности грудка, ничуть не хуже куриной! Рыба, даже акулы и осьминоги, смертельно надоела.

Ксинг поймал себя на том, что причмокивает и пускает ртом слюну, так что мотнул головой, прочищая сознание.

— К тому же летать можно и на мече, как настоящий герой! — решил он. — Только сначала нужно этому научиться!

Ксинг вытащил верный цеп, покрутил в руках, почесал в затылке и снова заткнул за пояс. Нет, летать на цепи, наверное, было бы не настолько героически. Ничего! Осталось

недолго! Он доберётся до берега, найдёт подходящее железо и выкует себе специальный меч, которым можно будет не только резать врагов, отрубать голову мерзавцу-учителю, но и рассекать на нём небеса!

Ксинг решил последовать за птицей — хороших идей у него не было, а птицы всегда летают возле берега. Если, конечно, ему не попалась какая-то особая птица, предпочитающая летать над океаном — с его везением, когда позорно сбегать пришлось от двух наставников из трёх (причём от первого — так вообще с помощью реинкарнации), такое вполне могло бы и случиться. И пусть он всё-таки получил звание мастера-кузнеца, когда прямо в ресторане его нашла Имперская курьерская служба, передав нефритовую табличку с такой знакомой ци мастера Бунтао и короткое письмо с единственным словом: «Спасибо!», меньшим побегом это не являлось!

Птица улетала, поэтому Ксинг направился на корму — так он лихо, по-моряцки, называл заднюю часть черепахи — ухватился за рулевое весло и, выпуская изо всех сил ци, помчался за ней в погоню. Сил хватало, теперь он мог не только чувствовать всё внутри панциря черепахи, не только ощущать окружающее пространство, но даже заглядывать в глубины океана, сколь бы тяжелым и невозможным это раньше ни казалось.

Неладное он заметил заранее, просто не смог понять, что это такое. Большая сфера, размером в два или три раза больше черепахи, была незаметна обычным взглядом, но в зрении ци ощущалась очень странно. Потоки жизни, пронизывающие окружающее пространство, тут искажались, изламывались, текли непредсказуемо и хаотично. Ксинг мог бы с лёгкостью забрать в сторону, обогнуть это странное место по широкой дуге, но тогда бы птица, которую он преследовал уже полдня, окончательно бы улетела. Поэтому он принял решение — сменить направление лишь ненадолго, пройти рядом и продолжить погоню. К тому же было очень интересно — ничего подобного Ксинг не видел ни в одной из жизней, так что очень хотелось рассмотреть эту странную штуку поближе.

Не прошло много времени, как он проклял своё любопытство: вода в океане оставалась спокойной, но какая-то сила, имеющая привкус совершенно незнакомой ци, подхватила корабль и потянула внутрь сферы.

Ксинг среагировал быстро. Он заскочил внутрь корабля, подхватив едва не слетевший с пояса цеп, и закрыл (на морском языке это называлось «задраить») все двери и окна. Конечно же, это не помогло, очень скоро все стёкла раскололись и осыпались, а дерево затрещало и стало превращаться во всё более и более мелкие щепы. Ксинг охватил черепаху своей ци, пытаясь остановить разрушение. Но сила, сдавливающая корабль, оказалась столь велика, что даже не заметила его усилий. Он вобрал ци и до предела защитил тело, даже свернулся в клубок, вцепившись в цеп, словно это было единственное средство выжить.

Панцирь черепахи, прочный и способный выдержать атаки любых врагов, застонал, будто в нём до сих пор скрывались остатки жизни, и пошёл трещинами. Наконец, не выдержав, сдался и он — осколки костяных сегментов полетели во все стороны, некоторые из них ударили в его тело, не причинив, впрочем, никакого вреда. Страшная сдавливающая и скручивающая сила, не сдерживаемая никакой защитой, обрушилась на Ксинга. Он лишь сцепил зубы, крепче ухватил цеп и до предела усилил собственную ци.

У него появилось ощущение, будто он — яичный желток, который эксцентричный повар для чего-то пытается продавить сквозь жестяную воронку, подпихивая для надёжности пальцем. Его завертело, когда этот же повар попытался взбить желток венчиком из особо жёстких перьев, и выбросило куда-то прочь. Тело полетело со скоростью снаряда из пращи,

да так, что он запрыгал по водной поверхности, как плоский камушек, брошенный умелой детской рукой.

Непонятно откуда взялись глыбы камня с острыми зазубренными краями, и Ксинг сжался ещё сильнее, не только укрепляя тело, но и укрывая его слоем ци. Каменные шипы пытались пробить защиту, уступы — рухнуть на голову, а скалы — перетереть в мелкую кровавую кашу.

Ксинг пытался раскинуть ци, чтобы зацепиться за скалы и воду, остановить движение, чтобы потом просто встать и пойти по воде, осматриваясь, куда его занесло. Но вода и камни были так сильно наполнены энергией, что требовалось хоть на мгновение отпустить защиту, а это означало мгновенную смерть.

«Вот ещё одна возможность тренировки!» — мелькнула шальная мысль, и Ксинг, несмотря на опасность, ухмыльнулся. Даже в такой ситуации он мыслил, как настоящий герой! Сначала требуется выжить, а потом он тут обязательно потренируется! В конце концов, если бы не все эти годы тренировок, Ксинга давно бы уже превратило в мошань жок из головастика в кроваво-красном соусе!

Ещё один новый удар сотряс тело так сильно, будто исполинская нога отвесила размашистого пинка. Его понесло вперёд, прямо на огромную скалу, торчащую, к искренней радости Ксинга, у кромки воды, возле настоящего берега! Он сжался ещё сильнее, до предела напрягая мускулы и ци. Раздался громкий треск и во все стороны полетели осколки камней. Движение остановилось и послышался сильный удар. Вода вновь подхватила Ксинга, но теперь, когда опасность миновала, он на ней удержался, и, выпустив ци, встал на поверхность, перепрыгивая до сих пор набегающие волны.

Обернувшись, Ксинг увидел, что такой большой скалы из прочного вулканического камня больше нет. Столкновение снесло её начисто, оставив лишь изломанное основание и верхушку, рухнувшую в воду рядом. Наконец-то получив передышку, он смог осмотреться. Он оказался в тихой спокойной заводи, казавшейся бы совсем мирной, если бы не изломанные кости огромных рыб, источающие остатки сильной ци, как разрушенный ныне черепаший панцирь.

Ксинг вздохнул. Он не слишком привязывался к вещам, но в уничтоженном домекорабле хранилось немало запасов. Оружие и ингредиенты эликсиров, деньги и одежда. Почти все средства Ксинг держал в банке, так что много не потерял, но теперь и они оказались полностью недоступны.

Он внимательно себя осмотрел. «Тело, укрепленное ци, крепче каменной стены, — зазвучал в его голове издевательский голос мерзавца-учителя, — особенно если у него такая твердолобая голова, как у тебя, головастик!» И тело действительно выдержало столкновение, вот только результатом Ксинг вовсе доволен не был.

От одежды остались жалкие ошметки, предплечья пересекали несколько царапин, которые под воздействием ци сердечного даньтяня затягивались прямо на глазах. Он провёл рукой по голове. Волосы, ранее стянутые в пучок простым кожаным шнурком, теперь оказались растрёпаны и всклокочены. На одном из пальцев обломился кончик ногтя, отросшего за время путешествия.

Ксинг тихо вздохнул, злясь на себя и собственную беспомощность. Если бы на его месте был герой кристалла — не этих новомодных поделок, а настоящего! — он бы прокатился на гребне такой волны, покорила бы стихию, и не пришлось бы стряхивать с белоснежных одеяний даже пылинку. Про мерзавца-учителя и говорить нечего, этот просто размолотил бы

все вокруг, а затем заставил бы скалы и волны принять стойку дабу, угрожая бамбуковой палкой и заставляя плавиться и кипеть от своих занудных нравоучений.

— Земля! — воскликнул Ксинг, пытаясь найти в ситуации хоть что-то хорошее.

Он оглянулся, решив, что следовало бы радоваться суше под ногами и сосредоточиться на положительных моментах. Он наконец-то добрался до земли! Такой постоянной и устойчивой земли, к которой не надо прилипать с помощью ци, земли, на которой водится что-то съестное, и это не рыба! На берегу есть мягкий песок, чуть дальше — полные жизни густые заросли. Орущей, беззаботной, такой вкусной и аппетитной жизни, похоже, даже не знающей, что такое человек и почему его надо бояться. Ци показывала, что он находился на острове, причем, очень немаленьком.

— Земля, — повторил он упавшим голосом.

До того как он сюда попал, до самого горизонта не было никакой суши. Подобного острова он не упустил бы ни за что на свете, даже если бы его скрывал какой-то барьер или маскирующая техника. Следовало принять, что он внутри загадочной сферы, а значит, она изнутри гораздо, во много-много раз больше, чем снаружи. Концентрация ци тут намного превышала даже таковую в Лесу Дюжины Шагов, а значит, и твари тут водились сильнее и свирепее. То, что он не чувствовал ничего, кроме простых зверей и птиц, ни капли не успокаивало. Во-первых, тут имелось несколько источников той странной искажённой ци, из которой состояла сфера, или барьер, или чем бы эта штука ни являлась. А во-вторых, если он не чувствует могучих монстров, способных щёлкать гигантских черепах словно орехи, значит, что эти монстры преуспели в искусстве маскировки! Ксинг сжал в ладони такое крепкое, такое успокаивающее древко цепа.

— План очень прост, — сообщил Ксинг берегу и разрушенной скале, — найти самого главного злодея, дать ему цепом по носу, перебить всех слуг, подручных и прирученных зверей, спасти и вызволить красавицу. А уже потом, когда я стану тут самым главным, думать, как отсюда выбраться!

Ксинг мотнул головой. Даже сейчас, попав в смертельную опасность, он до сих пор думал о женщинах. После расставания с Сифэн мысли эти не отпускали даже во время плавания. Теперь он прекрасно понимал моряков, согласных даже на встречу с русалкой, несмотря на, если верить свиткам и книгам, чешую и рыбы хвосты. О чём он думает? Какие женщины, какие русалки? Тут полный опасностей остров, а он — не герой кристалла или приключенческого свитка!

Пусть не свитка и не кристалла, но всё-таки герой. А значит, вместо того чтобы забиться в угол и дрожать, следовало идти навстречу опасности. Ведь как гласили «Боевые стратегии неукротимого дракона»: «Напав на тигра, воин с копьём может пасть, но не напав, падёт обязательно». Ксинг собрался с духом, пару раз для успокоения махнул цепом и направился вглубь острова, туда, где ощущалась наибольшая концентрация энергии. Разглядывая исполинские деревья, он размышлял, что мог бы их повалить, создать с помощью стихии Древа себе корабль и убраться восвояси. Нет, настоящие корабли он строить не умел, максимум, на что бы его хватило — это плот. Если тут есть большие птицы, следовало задуматься над их поимкой и дрессировкой, чтобы улететь отсюда прочь. Или найти какое-то редкое железо, выковать, как в настоящих историях из кристаллов, особый меч, и лететь безо всяких птиц. Он мотнул головой. Для того чтобы плыть, ему не нужны никакие корабли. Проблема заключалась в том странном засасывающем барьере, который уничтожил панцирь его черепахи. Неудивительно, что он ничего не слышал о таком острове,

все, кто попадал сюда, погибали еще в скалах, не достигнув берега!

Живность вокруг скакала и бесилась, орала и трещала, Ксинг пробирался сквозь заросли и глазел по сторонам, ожидая скорого нападения. Походя он сдернул со странного широколиственного дерева пару продолговатых загнутых плодов и попробовал на вкус. Под зелёной шкуркой, сползшей, словно кора с ветки молодого деревца, обнаружилась терпковатая, но сладкая мякоть. Яда во фрукте не было, ну а если бы и был, Ксинг бы запросто вылечил себя с помощью ци сердечного даньтяня, так что он жадно накинулся на плоды и проглотил их в мгновение ока. Плоды показались ему самым вкусным из всего, что он ел в жизни — ведь в них не имелось ни малейшего привкуса рыбы! После этого путешествия Ксинга так и тянуло устроить бойню, не разбирая, кто это — птицы, насекомые, звери или даже монстры, а потом набивать живот всей не-рыбой до тех пор, пока не влезет ни кусочка.

— Ничего, это временные трудности, — подбодрил он свой забурчавший желудок. И тут же сам разозлился из-за этой мерзкой присказки, прилипшей к нему даже в следующей жизни.

Подбираясь к центру острова, туда, где собиралась особо сильная энергия, Ксинг удвоил осторожность, до предела усилив маскировку и сокрытие ци.

Он пробрался сквозь кусты и осторожно раздвинул ветки, выглядывая в просвет.

Похоже, он слишком долго плавал по морю, слишком долго пребывал в одиночестве, ну а может, во время черепахокрушения слишком сильно бился макушкой об камни. Потому что воспалённое сознание явно отыгрывалось за все это время в море, ведь ему чудилось не просто круглое озеро с мягким песчаным берегом и ярко-голубой водой, но и прекрасная девушка, плавающая в озере совершенно обнажённой.

Ксинг мотнул головой и усилил циркуляцию ци, пытаясь прояснить сознание и скинуть наваждение, вызванное памятью о долгих и разнообразных забавах с Сифэн, длительным одиночеством и ударами о скалы. Ничего не изменилось, девушка не превратилась в какого-то тюленя, не исчезла, рассыпавшись мириадами искорок, и даже не потеряла красоту, как девочки тётушки Зу на следующее утро после её самогона.

Она оставалась столь же прекрасной и обворожительной. Рыжие, почти что красные волосы, яркие голубые глаза, длинные стройные ноги. Девушка плыла на животе, так что всё остальное скрывала вода, но, судя по всему, там тоже было всё более чем в порядке. Ци на острове закручивалась огромным смерчем и вливалась в озеро, которое словно светилось изнутри. Энергия красоты тоже была очень немалой, приближающейся к сильному адепту, а то даже и мастеру.

Он подавил сильное желание выскочить из кустов, прыгнуть в воду, чтобы схватить эту девушку. Сколько бы он ни провёл в море, как бы его ни будоражил образ Сифэн, но он ни за что так не поступит! В отличие от наследницы дома Симынь, эта девушка не сделала ему ничего плохого. Как бы он её ни желал, он ни за что не поступит бесчестно, не предаст самого себя.

Девушка доплыла до берега и выбралась на сушу. Она подошла к какой-то кучке листьев и стала одеваться. Теперь Ксинг отчётливо увидел, что девушка обладала прекрасной фигурой. Пусть и спереди она одарена не так сильно, как Сифэн, но назвать маленькими эти сочные округлые плоды персика не посмел бы и заправский лжец. Вот только отчётливо выпирающий живот показывал, что красавица была беременна, причём довольно давно.

Ксинг прекрасно знал, откуда берутся дети — даже без чтения свитков негодяя-учителя

и приёма родов у Зэнзэн жизнь в деревне не оставляла шансов остаться в неведении, да хотя бы на примере скота. Но он никак не мог понять, что тут, среди опасного и безлюдного острова, вдруг делает голая, к тому же еще и беременная красавица.

Ксинг вспомнил своё желание огреть владельца острова цепом в нос и усмехнулся. Он сложил цеп и вновь сунул за свой подранный и потрёпанный пояс.

Тем временем девушка окончательно оделась, и Ксинг не смог сдержать гримасу неодобрения. Одежда, сплетённая из травы и листьев, была ужасной, а работа настолько неумелой, что корзинщика Яо хватил бы удар, заставив раньше времени отправиться в следующую жизнь. Девушка сделала несколько нетвёрдых шагов, и Ксинг нахмурился ещё больше: на ноге, которую она тщательно берегла при ходьбе, багровело большое безобразное пятно ожога.

Ксинг отбросил сомнения и вышел из кустов, отпуская маскировку.

Увидев его, девушка округлила прекрасные глаза и вскинула руки.

— Мин ант, йа шаб джамиль гаир маруф? — воскликнула она.

[Кто ты, о незнакомый прекрасный юноша?]

— Э-э-э! — многозначительно ответил ошарашенный Ксинг.

— Хал арсалк альшарир Шариф? — продолжила девушка. — Лакинни балфил тахт сайтаратих!

[Тебя прислал злой Шариф? Но я и так в его власти!]

— Я не понял ни слова! — ответил Ксинг, смущаясь. Он слышал, что в дальних странах существуют другие языки, но привык, что все вокруг говорят на имперском.

— Ана ла афхум ай шайя калту! — воскликнула она, вскинув руки, словно попытавшись от него отгородиться. — Мин фадлик ла тактариб!

[Я не понимаю, что ты говоришь! Пожалуйста, не подходи!]

— Не знаю никакого ни калту, ни тактариба, — признался Ксинг, — но тебе помогу.

— Ла афхум! — ответила та.

[Я не понимаю!]

Приняв это за знак согласия, Ксинг шагнул к ней, и не успела она даже попятиться, подсёк ей ноги, подхватил на руки и мягко, стараясь быть как можно более аккуратным, опустил на песок.

Девушка распахнула глаза и приоткрыла губы. Ци показывала, что она очень испугана, а Ксинг, как назло, не знал, чем её успокоить — ведь языка он не знал! Поэтому Ксинг просто положил руки на рану на ноге и усилил циркуляцию сердечного даньтяня. Целительная ци потекла через ладони прямо в безобразный ожог. Результат проявился мгновенно. Кожа посветлела и разгладилась, а ужасный рубец растворился, словно перо золотого воробья в эликсире для снятия головной боли. Не успела девушка толком испугаться, как Ксинг уже вскочил на ноги, сделал пару шагов назад и поднял ладони в примиряющем жесте.

— Ла шайя йузм! — удивленно сказала она, вставая и ощупывая совершенно здоровую ногу.

[Ничего не болит!]

— Конечно! — подтвердил Ксинг. — Я же обещал помочь!

Девушка сделала несколько осторожных шагов, приближаясь к Ксингу. Она вытянула ладонь и сделала вопросительный жест. Ксинг не имел понятия, что она хочет сделать, но утвердительно кивнул. Она положила прохладную ладонь ему на лоб и спросила:

— Аль-ан хал тафхумни?

Её ци коснулась его сознания, и Ксинг внезапно понял смысл её слов.

«Теперь ты меня понимаешь?»

— Ещё как понимаю! — радостно ответил он.

Одежда девушки, сделанная ей самой из имеющихся в округе материалов, была ужасной. Ксинг не мог вынести этого вида, причём, не только как ученик корзинщика Яо, но и просто как мужчина — ведь там было столько прорех, вид мелькающих прелестей так будоражил, что Ксинг не знал, сколько сможет выдержать, прежде чем на неё накинется. Пусть навыков по созданию одежды у него не было, зато он хорошо умел делать броню — занятие пусть и отличающееся, но тем не менее схожее. Он набрал длинных волокнистых листьев, с помощью ци убрал лишнюю влагу, размягчил, отделил волокна и сплёл, как когда-то плёл корзины, юбку и нагрудник.

Результат вышел совершенно не таким как он ожидал. Вместо того, чтобы прекратить возбуждать и смущать Ксинга своим непристойным видом, девушка стала ещё соблазнительней и желанней. Ему даже пришлось срочно убежать на охоту — и на этот раз не для того, чтобы разнообразить рацион чем-то не рыбным, а лишь бы оказаться чуть подальше.

А затем они сидели на берегу озера, ели птичьи грудки, сваренные на огненной ци в стеклянном горшке из песка, и разговаривали тем странным разговором, поразившим Ксинга чуть ранее. Он изучал потоки ци, пытался понять, как она это делает, ухватить суть самого способа..

Девушку звали Альмирах. И она оказалась русалкой. Ксинг уже жалел о тех насмешках, которыми осыпал моряков в «Под панцирем»: ведь не требовались долгие месяцы в море, чтобы возжелать кого-то столь прекрасного, как она. Альмирах оказалась дочерью морского царя, похищенной злым магом по имени Шариф. Ксинг не слишком хорошо понял, что имелось в виду под «он меня сделал такой» — то ли сменил ей облик, то ли одарил животом, но именно этот живот и был главной целью злодея. Шариф хотел, чтобы Альмирах понесла ему детей, для этого и создал этот остров, окружив его смертоносными барьерами и расставив стражу, чтобы жертва не смогла сбежать. Ужасный ожог на ноге и являлся следствием одной из таких попыток — чародею были важны лишь дети, а не здоровье мамы. Всё что оставалось пленнице, неспособной долго жить без воды — лишь это озеро, ведь путь к морю пресекали стражи.

По дороге Ксинг не увидел ни одного из них, а ведь, по словам Альмирах, они обязательно уничтожили бы любого, кто пришел ей на помощь.

— Это неудивительно, — ответил ей Ксинг. — Я скрыл свою ци и продолжаю скрывать до сих пор.

Ксингу не до конца было понятно, взял ли этот Шариф девушку силой либо же провёл над ней какой-то нечестивый ритуал вроде тех, которыми мерзавец-учитель околдовал весь дом Нао. Чтобы не будоражить её болезненными воспоминаниями, Ксинг уточнять не стал. Он узнал самое главное! Этот огромный остров находился внутри относительно маленькой сферы, а сила, сокрушившая его корабль, не являлась неотъемлемой частью пространственного искажения, а лишь внешним барьером, призванным уничтожить любого, кроме самого мага. И это могло означать только одно!

— Этот Шариф знает, где взять пространственное кольцо! — радостно воскликнул Ксинг. — Эх, как бы мне хотелось поскорее с ним встретиться!

Встретиться, выбить все нужные сведения, создать своё пространственное кольцо и навсегда забыть обо всех лишениях. Носить всё с собой, иметь столько риса и куриной грудки, сколько может себе представить, а если уж и придётся убежать от очередной женитьбы — то не мучиться сожалениями по брошенным при побеге вещам!

Язык, на котором разговаривали девушка и маг, Ксинг начал изучать не только потому, что общение с помощью ци доставляло неудобство. Маленькая изящная ладошка на лбу и касание к этой гладкой коже будоражили и заставляли кипеть кровь. Ксинг не знал, сколько он выдержит перед тем, как накинуться, словно грязное животное, словно какой-то злодей из кристалла, на невинную жертву, к тому же ещё и беременную. К счастью, ци из верхнего даньтяня помогала запомнить каждое слово, а требуемая для разговора концентрация отвлекала от похотливых мыслей. Так что в перерывах между охотой и готовкой еды, строительством на берегу уютного домика и культивацией в самом сердце столь насыщенного ци места, Ксинг учился.

Альмирах охотно помогала в учёбе, ведь общение с помощью ци давалось ей тоже нелегко. Но вскоре Ксинг суть её способа общения всё-таки ухватил и взял затраты энергии на себя. Вот только когда её нежного лица стала касаться его рука, сдерживаться, чтобы на неё не накинуться, стало в десятки раз тяжелее.

Дул ласковый прохладный ветерок, еда, накрытая на террасе домика Ксинга, источала приятный аромат, солнце, которого внутри сферы вообще не было, не опаляло. Альмирах сидела напротив него и ела, изящно накалывая жаркое из неизвестной птицы на затейливый столовый прибор с двумя острыми зубцами, который Ксинг специально создал ей вместо привычных палочек.

— Ты столько для меня сделал! — сказала она, запивая еду соком, выдавленным из продолговатых сладких фруктов. — Прости, что не могу ничего дать в ответ.

Ксинг едва удержался, чтобы рассказать, что именно Альмирах может дать. Подобный ответ подходил бы не герою, а негодяю.

— Нйичехо стхашнохо, — ответил он, но тут же понял, как плохо получилось выговорить эти слова. Он усилил циркуляцию в верхнем даньтяне и повторил. — Я говорю, ничего страшного!

— Ты даже сделал мне кровать! — возразила русалка. — Прости, но мне привычнее спать в воде.

Заходя в воду, она всегда раздевалась, так что Ксинг ничуть не возражал.

— А ты научила меня своему языку, — ответил он, тщательно выговаривая каждое слово. — И я тебе тоже очень благодарен!

— До сих пор не знаю, как у тебя это получилось всего за пять дней. И дом! И еда! И одежда! У тебя очень необычная магия. Ты не произнёс ни единого заклинания, я слышала, на такое способны лишь самые могущественные колдуны!

Насколько понимал Ксинг, под «заклинаниями» на этом языке, который, как и в Империи, назывался просто «язык», подразумевались выкрики названий техник. Ксинг не стал рассказывать, что ни единой техники, в отличие от мерзавца-учителя, героев кристаллов и даже воинов домов Гао и Симынь, он не знал. И дело не в том, что он что-то скрывал, просто не хотелось упасть в глазах девушки, показаться ей деревенщиной, которой он в этой жизни на самом деле и являлся.

— Ничего! — сказал он. — Я продолжу культивировать ци, стану достаточно сильным,

чтобы выбраться отсюда самому и вызволить тебя тоже!

— Не слышала, чтобы аль-таага аль-дахилия чародея могла стать сильнее, — мотнула головой Альмирах, растрепав свои прекрасные рыжие волосы. — Но и таких чародеев, как ты, я никогда не встречала! Не знаю, почему стражи Шарифа на тебя до сих пор не напали, но не забывай, сколь они свирепы и опасны! Шариф не только могуч, но и очень коварен! За пару лет до моего пленения он сумел втереться в доверие к отцу, улестил его сладкими речами и дарами, а потом неожиданно исчез, похитив Джабала — самую большую и могущественную салхафата мукатилия, боевую черепаху!

Ксингу пришлось до боли сжать кулаки, так сильно ему хотелось отбросить стол, сжать Альмирах в объятьях, бросить на широкое ложе в хижине или даже прямо тут на песок. Теперь он наконец узнал, кто стоял за нападением на Могао, но сейчас это его ничуть не волновало. Пришлось напоминать себе о Мэй, которая, несмотря на всю красоту русалки, всё равно была прекрасней и обворожительней, и о том, что Альмирах беременна, а значит, её не тронул бы и пальцем даже самый низменный негодяй.

Похоже, сколь бы хорошо в этом месте ни происходила культивация ци, следовало что-то делать. Ведь натренировать самоконтроль до уровня, достаточного чтобы противостоять подобному искушению, не смог бы и достигший полного просветления мудрец.

— Стражи — не проблема, — сказал он, чуть выпятив грудь. — Не беспокойся, я тебя защищу! Укройся в озере и жди!

Он бросился в прямиком в заросли, вызвав у Альмирах удивлённый взгляд. Прыгнув и взвиваясь высоко в воздух, он раскрылся, отпустил ци, дал ей сиять так ярко, как не позволял вот уже многие годы.

Странные пятна энергии, казалось, только того и выжидали. Стоило им почуять ци и они со скоростью летящей стрелы бросились прямиком к нему.

Ждать пришлось недолго, первый противник появился всего лишь через шесть дюжин сердцебиений. Высокая окутанная пламенем фигура, созданная из камня и металла и усеянная такими же странными горящими письменами, как и кожа давным-давно поверженной черепахи. Письменами, которые Ксинг до сих пор не научился читать.

Жар и пламя, исторгаемые стражем, оказались очень непростыми. Ксинг чувствовал напор и ярость содержащейся в них ци, там, где великан ступал, кусты и деревья вспыхивали, чтобы мгновенно превратиться в пепел. Ксинг посмотрел на огромные каменные ладони и со злости сцепил зубы — размер и форма точно повторяли форму ожога на бедре Альмирах.

Ксинг подал ци в ноги и помчался прочь, увлекая за собой стража, чтобы заманить его подальше от девушки. Как и следовало ожидать, глупая марионетка колдуна кинулась прямо за ним. Ксинг бежал к берегу, выбирая направление так, чтобы максимально затруднить преследование. Он перепрыгнул через большую скалу, но страж даже не стал её огибать — лишь ударил массивным телом, частично проплавливая, а частично разбивая скалу на куски.

Ксинг выбежал на берег, взвился в воздух и полетел вперёд, приземляясь на воду. Достав из-за пояса цеп и взмахнув им в воздухе, он показал стражу неприличный жест.

Тот, встав на берегу, продолжал таращиться на Ксинга своими светящимися глазами, затем сделал пару осторожных шагов в воду. Взметнулись клубы пара, и ноги, касавшиеся воды, заметно потемнели. Страж не стал идти дальше, а попятился на берег. Его ноги вновь налились огнём.

Ксинг расхохотался. Если марионетки боятся воды, значит, и беспокоиться нечего. На

берег один за другим стали выходить остальные стражи, не священная дюжина, а всего лишь десять. Каждый из новоприбывших полез в воду, но вернулся на берег, как и первый.

— Ну что, жалкие куклы, — рассмеялся Ксинг. — Настоящий герой — это вам не беззащитных девушек мучить!

Словно услышав его слова, стражи вскинули руки, и с них сорвались ослепительно яркие шары пламени.

Ксинг отпрыгнул прочь, взмахивая цепом. Столкнувшись с наполненной ци древесиной Пурпурного Дуба, один из шаров взорвался, а остальные пролетели мимо. Ксинг укрыл себя огненной ци, защищая тело и одежду, так что пламя от взрыва бессильно стекло вниз, вызвав новые клубы пара.

— И это всё, что вы можете? — насмешливо заорал Ксинг. — В Дуоцзя вам не доверили бы охранять даже свинарник тётушки Жао!

Марионетки не были живыми, но, казалось, слова Ксинга вызвали в них ярость. Они вновь вскинули руки и обрушили на него целые вереницы огненных шаров. Ксинг прыгал, крутился, отбивал шары цепом и принимал на собственную ци. Вокруг раздавались громкие взрывы и в воздух вздымались целые гейзеры пара. Увы, чтобы ни двигало стражами, что бы ни служило источником их силы, оно никак не заканчивалось.

Ксинг ухватил цеп за нижний сегмент, пропустил за спиной, перехватил за центральный, сделал круговое движение, отбивая два огненных шара, и бросился в атаку. Одним прыжком он перенёсся к самой крайней марионетке, пользуясь мудростью Неукротимого Дракона: «Позволь лишним врагам превратиться в союзников, не дай лишним союзникам превратиться во врагов».

Новая вереница шаров полетела в Ксинга, но тот уже подобрался вплотную к противнику. Шары ударили в спину стражу, и тот покачнулся. Ксинг взмахнул цепом, зажатым в одной руке, а вторую сжал в кулак.

Герои в кристаллах обычно орали в такие моменты названия техник, но Ксинг техник не знал, ну а всё, что приходило в голову, звучало глупо. Ну, не будешь же, круша врага, орать «Фуцзяньская булка ярости», «Свирепая ковка клинка» или «Крушащий цеп обмолота риса»? Поэтом он просто ударил, вкладывая в удар всю злость осознания того, какой длинный путь ему еще предстоит пройти, чтобы хотя бы догнать героев и мерзавца-учителя!

Окутанный ци кулак обрушился на голову стража. Во все стороны брызнули раскалённые осколки камня и металла. Взмах цепом — и голова смялась, вдавившись в плечи, а тело, закрывающее Ксинга от целого ливня огненных шаров, развалилось надвое. Ксинг ушёл в сторону и преобразовал ци в стихию Воды. Из моря поднялась большая волна и залила две огненные фигуры. Во все стороны ударили облака пара. Ксинг вломился в эту густую, горячую стену, ориентируясь на ци, а не на обычные чувства. Оказавшись рядом с раскаленными болванами, начал он начал месить их цепом и кулаками, будто заготовку в кузне, рис на току или тесто на кухне.

— Техника тумачов Дуоцзя! — смеясь, завопил он. — Сияющие пинки справедливости!

К сожалению, болваны оказались неспособны оценить хорошую шутку, так как просто развалились.

— А ведь могли бы просто поговорить! — продолжал он кричать, окончательно превращая одного стража в бесформенную глыбу, а второго швырнув навстречу уцелевшим собратьям.

Пока те пытались отреагировать на новую опасность, заливая своего бывшего товарища

огненными шарами, Ксинг вновь скрыл свою ци и, пока не развеялся пар, нырнул в море. Там он проплыл под водой и вынырнул позади противника. Семь истуканов стояли и противоестественно размеренно крутили своими глупыми головами, не в силах обнаружить врага. Ксинг пустил новую волну, но на этот раз соединил Воду с Металлом. Морская вода внезапно затвердела, превратившись в лёд. В местах, где кристаллы льда коснулись ещё троих противников, зазмеились трещины. Лёд тут же начал плавиться, так что он добавил побольше ци.

Ксинг попытался воздействовать на врагов Металлом, но увы, металлические компоненты марионеток не поддавались, так что он поступил гораздо проще. Он прыгнул вперёд, обрушивая удары цепа на скованных льдом истуканов, снося им головы и ломая тела. Четыре оставшиеся марионетки снова выпустили огненные шары, но, похоже, они хуже видели сокрытую ци, так что атаки получились неточными, а снаряды, случайно полетевшие в нужном направлении, Ксинг сбил цепом.

Вновь бегать от врага к врагу и молотить их цепом показалось Ксингу немного скучноватым. Он понимал, что такой способ мышления ведёт к недооценке противника, и поэтому сосредоточился, решив разнообразить арсенал приёмов на случай, если в будущем настоящий враг сможет когда-нибудь заблокировать его атаки. К тому же он сам когда-то сказал: «Жизнь — это бесконечное сражение, и человек должен каждый день побеждать самого себя», а что может стать более блистательной победой, чем использование непривычных способов нападения?

Земля под ногами у стражей разверзлась, образовав четыре большие ямы, те рухнули вниз, покачнувшись и почти что по-человечески замахав руками, стараясь сохранить равновесие. Земля вновь сомкнулась, погребая их по пояс, а с моря накатила новая волна, накрывая стражей и застывая ледяными кристаллами.

Ксинг прислушался к своей ци. К его собственному удивлению, даже такое масштабное воздействие стихиями Воды, Металла и Земли на нём совершенно не сказалось, а ведь раньше он бы лежал, выдохшись от намного меньшего!

Подойдя к пытающимся проломить лёд истуканам, Ксинг просто и незатейливо оторвал им головы и принялся разглядывать остатки. Как кузнеца его более всего интересовал металл.

Он долго осматривал неподвижные остовы, разложив в ряд подальше от прибоя, изучал их с помощью ци. Увы, ничего интересного не обнаружилось — тут использовались привычные виды металлов, которые, пусть и при продаже принесли бы хорошую монету, но сейчас, когда у него отсутствовало подходящее средство транспортировки, оказались бесполезны. Кристаллы, являвшиеся сердцем каждой марионетки, заинтересовали его больше, так что он вырвал и сложил их отдельно. Камень оказался обычной вулканической породой, такую можно было найти везде, так что Ксинг оставил его в покое. Единственно важными показались письмена и какая-то непонятная субстанция, выглядящая как фиолетовый полупрозрачный камень, но при этом не откликавшаяся на стихию Земли. Ксинг попробовал воздействовать на неё всеми стихиями по очереди, и удивился, когда та, пусть и с немалым сопротивлением, отреагировала на стихию Металла. Тонкие ажурные сеточки этого непонятного металла-не-металла обрамляли кристаллы марионеток, поэтому Ксинг решил, что вещество очень ценное, собрал и преобразовал его в небольшой браслет, который тут же нацепил на руку. Подумав, он покрыл браслет слоем меди — не потому, что собрался от Альмирах что-то скрыть, а чтобы не позволить этой непонятной штуке надолго

касаться кожи. Оставшиеся металлические части истуканов он всё-таки превратил в слитки и сложил неподалёку — на случай, когда придумает, как отсюда выбраться.

Наконец, он забрался в заросли и сплёл себе из прутьев и листьев новую наплечную сумку, в которую и сложил уцелевшие кристаллы. Решив, что больше здесь делать нечего, он ухватил голову одной из марионеток и понёс свой трофей обратно к Альмирах. Идти оказалось очень легко, ведь почти к самому озеру вела выжженная и всё ещё дымящаяся просека.

Ци девушки выражала сильную тревогу: Альмирах буквально разрывало от страха и беспокойства. И боялась она явно не за себя. Так что Ксинг подавил мысль устроить сюрприз, зашвырнув к озеру голову или выскочив из кустов, а просто заранее окликнул девушку и вышел на берег.

Увидев его живым и здоровым, Альмирах с облегчением выдохнула. Её ноги подкосились и Ксинг, отбросив эту глупую ненужную голову, подскочил к ней в мгновение ока и ухватил, удерживая от падения, за талию.

Это оказалось большой ошибкой. После кораблекрушения одежда Ксинга и так не отличалась особой целостностью, бой ей крепости тоже не добавил. Тонкий нагрудник на Альмирах вообще был сделан из травы, так что через мгновение Ксинг понял: её грудь и чуть выдающийся живот напрямую касаются его тела!

— У тебя получилось! Ты смог! — выдохнула она, ещё не осознав, в каком положении очутилась.

Стражи, в отличие от монстров из кристаллов, с которыми героям приходилось сражаться часами, оказались полными слабаками, так что кровь, разгорячённая этой короткой битвой до сих пор бурлила в жилах. Ксинг прижал девушку к себе ещё крепче — и на этот раз его ничуть не волновал её живот.

Собрав всю оставшуюся выдержку, Ксинг попытался от неё отстраниться — и сделать это оказалось труднее, чем сразиться со всеми зверями Леса Дюжины Шагов. Но Альмирах лишь улыбнулась и сама забросила руки ему на шею. Ксинг ухмыльнулся в ответ и прильнул к её губам.

В первый раз, когда Ксинг познал женщину, он чудесным образом избежал главной проблемы, описанной в каждом из свитков и трактатов. Ему было совершенно наплевать на чувства Сифэн, ровно в той мере, насколько той — наплевать на его нежелание на ней жениться. На её телесную боль, как ей — на его боль сердечную. Поэтому он не испытывал никаких колебаний или неуверенности. Ведь что с того, если у него что-то не получится или получится не так? В Могао он возвращаться и так не собирался!

Ну а теперь, несмотря на беременность Альмирах и то, что Ксинг относился к ней бережно, опасался, в отличие от Сифэн, сделать больно, у него уже имелся опыт, причём немалый. Поэтому, увидав, что Альмирах ничуть не против, он действовал осторожно, но уверенно. Ксинг испытывал к русалке самые нежные чувства — пусть не настоящую любовь, так как Мэй, похоже, навсегда осталась в его сердце — но как минимум дружбу, тепло и привязанность. Альмирах являлась первой девушкой в новой жизни, вызвавшей в нём не просто похоть и желание обладания, а те чувства, которые герой должен испытывать к своей избраннице. И если бы не груз из прошлого, тяготивший его душу, кто знает, может, Ксинг и сам бы отправился к морскому царю, чтобы просить руки его дочери, а если понадобится — даже сразиться со всем его воинством. И то, что она живёт в воде, а он на суше, его бы не

остановило — он покори́л бы самую стихию!

Но, как говорил наставник Бохай, мешало это самое «бы». Так что в будущем Ксинг желал Альмирах счастья, добра и самого лучшего, а в настоящем — не только самому отлично провести время, но и доставить удовольствие ей. Они накинулись друг на друга, как моряки после длительного плавания — на куриную грудку. Опробовали созданную Ксингом кровать, мягкую шелковистую траву выше по склону и даже песчаный берег — с его ужасным, лезущим куда угодно песком, от которого пришлось избавляться с помощью ци.

Поначалу Ксинг осторожничал, боясь навредить ребёнку, чьи потоки ци ощущались очень необычно, совсем не так, как у сына Зэнзэн, его приёмной матери. Списав это на особенности русалок, Ксинг воспользовался другими методами, в изобилии описанными в свитках и не раз опробованными на Сифэн. Только на этот раз он ничуть не чувствовал себя главарём разбойников, встреченным сразу после ухода из Дуоцзя!

Альмирах, вскоре узнав о его опасениях, лишь рассмеялась. К будущему ребёнку, зачатому ненавистным негодяем, она не испытывала ни капли материнского тепла, так что вскоре Ксинг перестал сдерживаться и тут.

А затем настал черёд родной стихии Альмирах — того самого озера, куда стекались все потоки энергии на этом острове, и возле которого так легко было культивировать ци. И в перерывах между приступами страсти Ксинг наконец ухватил терзающую его мысль, угнездившуюся на краю сознания.

Он понял, что сейчас, сжимая в объятиях русалку, занимается чем угодно, но не тренировками. И что если так и будет продолжаться, он забудется, отдавшись столь захватывающему и сладостному занятию до тех пор, пока окончательно не забудет о своей главной цели — обрести настоящую силу.

К счастью, если он чему-то и научился в Дуоцзя, так это делать несколько дел одновременно.

— О чём задумался, Ксинг? — спросила его Альмирах, делая возле него круг, ныряя, обхватывая его руками и прижимаясь таким упругим и горячим телом.

— Боюсь, что этот Шариф может появиться в любой момент, — ответил он, разворачиваясь и привлекая девушку к себе. — Ведь я уничтожил его стражей, так что он может привести подкрепление.

— Ты его победишь! — уверенно сказала Альмирах. — Ты очень сильный!

— Может оказаться, что недостаточно!

Альмирах обиженно надула губки, и Ксинг не удержался от поцелуя.

— Ты хочешь всё прекратить! — неохотно отстранившись, она обвиняюще ткнула ему в грудь пальцем.

— Ничуть! — расхохотался Ксинг. — Но и бросать тренировки не намерен. Ты когда-нибудь слышала о парной культивации?

Ксинг, увидев отрицательный жест головой, попытался объяснить ей об энергии инь и энергии ян, о женском и мужском началах, о том, о чём сам имел самое смутное представление — ведь эту тему упоминали лишь в некоторых свитках, да и то вскользь, а в тех немногих кристаллах, где герой и его избранница этим занимались, на самом интересном месте гас свет, и тут же наступало утро.

— То есть мы будем делать всё то же самое, только ещё более затейливо? — прервала его сбивчивые объяснения Альмирах. — Так чего же мы ждём? Давай попробуем!

И они попробовали. И попробовали снова. И сделали это ещё не один раз. Ксинг не

сразу нашупал правильный путь, но в итоге помог способ, которым русалка учила его языку. Ксинг вбирал энергию из озера, пропускал через все три дантьяня, после чего отдавал её Альмирах, а та быстро научилась, пропустив её через себя, возвращать Ксингу. Поначалу дело шло не очень хорошо, они время от времени забывались, сбивались или просто ломали ритм, но постепенно всё наладилось — энергия текла сквозь них, словно через единый организм, делая не только сильнее, но и позволяя ощущать все чувства и эмоции партнёра, словно свои собственные.

Прерывая столь желанные тренировки только на сон, охоту и еду, они вновь и вновь ныряли в озеро, чтобы снова их продолжить. Один раз Ксинг столь увлёкся культивацией, что пришёл себя только тогда, когда, погрузившись на глубину, понял, что забыл сдерживать дыхание. Но его ци усилилась настолько, что даже дыхание под водой теперь не причиняло ни малейших неудобств!

Ксинг потерял счёт дням, он тренировался и культивировал, культивировал и тренировался, они делали это до тех пор, пока вода в озере основательно не поблёлкла, утратив большую часть разлитой в ней энергии.

Ксинг знал, что стал намного сильнее, при этом ощущал и многократно возросшую силу Альмирах, чей уровень энергии теперь равнялся ци как минимум полудюжины мастеров.

И если бы во Вселенной существовала справедливость, Ксинг не просто перешёл бы на стадию Конденсации Ци, он бы давно преодолел Создание Внутреннего Моря и сейчас бы бросал вызов Небесам, прорываясь на Кристаллизацию Ядра. Но увы, никакого бутылочного горлышка он не достиг, а яркое безоблачное и лишённое солнца небо не обрушивало на него смертоносные потоки молний.

Однако за неимением молний Небеса решили обрушить на него другое испытание.

— Ксинг! — испуганно закричала Альмирах. — Кажется, я рожаю!

— Ты уверена? — спросил он, подплывая к ней поближе.

— Нет! Я ни в чём не уверена! — заплакала она. — Это для меня впервые!

Ксинг вздохнул. Именно сейчас, похоже, во второй раз пригодится тот заученный в прошлой жизни свиток. Вот только роды придётся принимать не у человека, а у русалки, и о таком столь почтенные лекари и учёные ничего не писали!

Ксинг проверил тело Альмирах с помощью ци. По потокам энергии, отдалённо схожими с потоками Зэнзэн, он понял, что она не ошиблась и роды вот-вот начнутся. Следовало вывести девушку на берег и уложить на кровать, вот только ей привычной была вода, да и к тому же, насколько Ксинг мог прочувствовать, крошечных демонов в этой воде почти не было. Он решил рискнуть — в конце концов, новообретённая сила Альмирах позволила бы той выжить даже в жерле вулкана, да и Ксинг, в случае чего, мог излечить любые ранения. Что же касается ребёнка... Ксинг, конечно, не собирался бросать его умирать, но за судьбу отродья колдуна переживал ничуть не больше будущей мамы.

Энергия, текущая внутри Альмирах, внезапно начала хаотично изменять направление течения. Девушка громко закричала.

— Спокойно! — сказал Ксинг, ни капли не испытывая спокойствия. — Вернее, кричи! Кричи и тужься!

Он чувствовал, что всё идёт не так, как надо, ни капли не похоже на роды человека или животного. Ци стала стремительно вытекать из Альмирах и скапливаться внизу живота. Щёки русалки побледнели, а на лбу помимо воды выступили обильные капли странного, источающего неприятный запах гнойно-мутного пота.

— У меня всё болит! — кричала Альмирах. — Ксинг, помоги! Помоги, пожалуйста!

Ксинг и сам видел, что если не вмешаться, девушка умрёт. Он наполнил её целительной энергией, чувствуя, как разрушаются, но тут же восстанавливаются органы, как слабо бьющееся сердце вновь начинает свой размеренный ритм. Как множество маленьких, но очень злобных скоплений ци рвётся наружу, пожирая Альмирах изнутри. Ксинг добавил ци, защищая утробу матери от того, что ни в коем случае не являлось будущим ребёнком, одновременно исцеляя Альмирах и наполняя её энергией. Маленькие чудовища не сдавались, стараясь пробиться наружу, но единственный выход, который им оставил Ксинг — тот, через который на свет появляются люди и животные. И, словно почувствовав, что больше тут ничего не добиться, твари хлынули наружу целым потоком юрких мальков.

Ксинг скривился от отвращения. Он хотел уничтожить тварей, вскипятить всё озеро или превратить в лёд. Но ему было не до того — следовало спасти Альмирах. И Ксинг сосредоточился на самом главном, вытаскивая столь дорогую ему женщину с самого порога Девяти Преисподен.

— Я жива? — удивлённо спросила Альмирах на следующее утро, когда вновь обрела ясный рассудок.

— Конечно, — ухмыльнулся усталый Ксинг, который все это время ни на мгновение не прекращал лечения. — Ты потратила бездну ци, но не беспокойся, это не навсегда. Пара дней — и ты вновь станешь такой же сильной, как и раньше. И даже сильнее — теперь твою ци не будут пожирать эти... мальки?

— Мальки? — удивилась Альмирах.

— Ты бы меня предупредила, а то я чуть не помер от беспокойства, — вздохнул он. — Не знал, что вы мечете икру и что мать, рожая, должна умереть.

— Икру? Какую икру! Я что, похожа на какую-то рыбу? — закричала русалка. — Русалки рожают одного ребёнка! Реже двух! Больше — очень редко!

— Прямо как женщины.

— Как женщины? А я кто, по-твоему? Рыба? Устрица? Черепаха?

— Тихо-тихо, — попытался успокоить Ксинг, направляя ей в тело ещё ци. — Значит, это козни Шарифа, именно он всё подстроил. Отдохнёшь, восстановишь силу и подумаем, что с ними делать.

— Шариф! — закричала Альмирах.

— Да, именно он! — кивнул Ксинг, до предела сосредоточившись и завершая исцеление.

— Ксинг, ты не понял! — крикнула девушка в отчаянии. — Шариф! Он пришёл!

Ксинг поднял голову и увидел, что в небе над ними парит одинокая фигура в странном головном уборе и в фиолетовых расшитых золотом одеяниях. И в руках гость сжимал жезл со светящимся кристаллом в наверху.

— Кто ты? — спросил Ксинг, выходя вперёд и закрывая Альмирах своим телом.

Разумеется, он отлично понимал, кто перед ним находится. Ксинг не только прекрасно слышал, кем назвала его девушка, но и мог бы запросто догадаться и без этого. Но Ксингу требовалось хоть немного времени, чтобы прийти в себя после столь длительного и тяжёлого исцеления, по затратам ци достаточного, чтобы поставить на ноги всю Нефритовую Гвардию Императора.

К тому же герои всегда закрывали избранниц телами, загоразивая от опасностей.

Раньше Хань Нао считал, что они поступают глупо, но теперь Ксинг владел ци и понимал, насколько надёжной и непробиваемой является подобная защита.

Увы, от героя из кристалла его сейчас отличало вовсе не отсутствие дюжин и дюжин техник или там недостаточная стадия культивации. В данный момент Ксинг был вымотан, безоружен, да ещё и вовсе без одежды.

Колдун молчал. Он лишь висел в воздухе, с презрением осматривая голого Ксинга, а тот в ответ рассматривал его. Первое впечатление оказалось бы неприятным, даже не зная Ксинг о том, что перед ним злодей и негодяй. Дурацкая объёмная шапка с кристаллом и торчащим пером, прищуренные глаза с тёмными кругами под ними, тонкие усики и крючковатая борода. Колдун, очевидно, хотел казаться сильнее и внушительней — только для этого и могли быть нужны такие широкие наплечники с заострёнными концами. Более всего Ксинга интересовал жезл в руках мага, а также множество перстней, усеивающих его пальцы. Жезл, очевидно, — это оружие, а одно из колец могло оказаться пространственным! Первоначальный план «побить этого мага и выпытать о способе создания такого острова» тут же пополнился пунктом «отобрать кольца».

— Презренный червь, который не падает ниц при моём виде! — загрохотал голос чародея, и Ксинг скривился.

Кто угодно умел усиливать голос с помощью ци, орать-то так зачем?

— Я наблюдал за тобой и видел, что ты сделал! — продолжал маг.

Идея, что за их с Альмирах забавами кто-то наблюдает, вызвала лишь отвращение.

— И я даже благодарен тебе!

— Благодарен? За что? — не удержался Ксинг.

— Мой замысел! Мой великий замысел! — с готовностью, столь характерной для каждого злодея из кристалла, Шариф начал делиться своими планами. — Сколько сил мне пришлось потратить, для того, чтобы попасть ко двору морского царя! Сколько редких даров я преподнёс и сколько чар сотворил! Но я добился своего, сумев заполучить в свои руки её! Такую сильную и богато одаренную талантами, полную магии, жизни и здоровья!

— И что, трудно было? — спросил Ксинг, бросая косой взгляд на берег, где лежала одежда и, главное, оружие.

— О, несведущий глупец! Ценнейшие ингредиенты, которые не встретишь ни в одном уголке этого мира! Чары, о которых не мечтал даже ночной ветер! Я преуспел! Как думаешь, найти такой остров — простая ли задача? А поместить его в аалам мастур, создать чары, направляющие сихир в одну-единственную точку? О, несчастный, это не просто трудно, это невозможно! Невозможно для любого, кроме меня, величайшего из чароделов Ахрибада!

— Ну да, неплохо вышло, — согласился Ксинг, приготовившись кинуться за цепом.

— Неплохо? Всего лишь «неплохо»? О видело ли небо, видели ли звёзды такую бездну невежества? Ну что же, я и не ожидал, чтобы ты, варвар из Подлунной Империи, смог осознать всё величие моего свершения!

Ксинг, конечно, немного обиделся на «варвара», но препираться по этому поводу не стал. Он выпустил тонкие, почти незаметные потоки ци, протянул их к берегу и обернул вокруг цепы.

— А для чего всё это? — спросил он. — Нет, я понимаю, Альмирах прекрасна и желанна, но твоя затея провалилась. У вас родился не настоящий ребёнок, а какие-то маленькие чудища. И они едва не убили мать!

Услышав слова Ксинга, Шариф запрокинул голову и расхохотался. Ксинг не стал терять

время, он потянул потоки, и привычная рукоятка цепи легла в ладонь.

— Это было так смешно, что я почти что решил оставить тебя в живых. Почти. Ты, жалкое отродье пустынной гадюки, так ничего и не понял. Не печалься, мало кому удаётся понять величие моего замысла. Ребёнок? Великому чародею, живущему вечно, не нужны наследники! Мать и так должна была умереть! Сердцем моего замысла являлось создание могущественной армии! И я благодарен тебе, варвар из Империи! Я не чувствую в тебе силы, это значит, ты использовал мусавар. И когда ты отправишься к шайтанам, я обязательно его исследую.

— Мусавар? — искренне удивился Ксинг. — То есть артефакт?

— О, варвар, пытающийся притвориться невеждой, твои попытки тщетны! Даже полный глупец мог бы догадаться, чем является браслет на твоей руке! Ты мне сильно помог, поэтому я тебя одарю!

— Помог? Я? — удивление Ксинга сменилось полным изумлением.

— Ха-ха-ха-ха! Ты настолько невежественен, что даже не понял, что именно сделал твой мусавар! Все мои расчёты показывали, что родов придётся ждать ещё долго, как минимум три года! Но ты, из-за собственной ограниченности неспособный понять, что за сокровище попало тебе в руки, истратил его, чтобы быстрее исполнить мой план! Ты сказал «ребёнок»? Нет! Тысячи, сотни тысяч, миллионы моих детей! Моё великое и могучее воинство, сильнейшее не только в морях и океанах, но и способное, благодаря чарам, наложенным на мать, выходить на сушу! Моя совершенная армия, не подчиняющаяся никому, кроме своего создателя!

Ксинг удивлённо выпучил глаза. Получается, занимаясь с Альмирах двойной культивацией, он действительно помог этому негодяю!

— О, я вижу, ты всё осознал! — захохотал Шариф. — Ну что же, пришёл черёд обещанной награды!

— И что ты мне подаришь? — спросил Ксинг.

— Я подарю быструю и безболезненную смерть не только тебе, но и русалке!

Время разговоров прошло. Шариф, похоже, не сумел преодолеть привычное сокрытие ци Ксинга, а поток энергии, которую он называл «сихир», посчитал действием того самого браслета из останков стражей, о котором Ксинг в порыве страсти просто-напросто забыл. Ему снова захотелось вскипятить озерцо, чтобы уничтожить армию мальков, пока они не выросли и не стали монстрами, но сделать этого не мог по двум причинам: Альмирах всё ещё находилась в озере, да и отвлекаться от противника было опасно, не говоря уже о том, что в предстоящей драке любая капля ци могла оказаться решающей!

Ксинг оттолкнулся от песчаного дна и в фонтане воды взвился в воздух стремительным прыжком. Он с размаху ударил цепом, раздался гулкий звон и Ксинга отбросило прочь. Злодей поднял жезл, и с него сорвались вереницы молний. Ксинг отпрыгнул в сторону, стараясь отбежать подальше от Альмирах, чтобы та не попала под случайную атаку. Пробегая по берегу, он подхватил сумку с кристаллами, служившими некогда сердцами стражей острова.

Попытка уйти не удалась, молнии изогнулись в воздухе и ударили ему в спину. Он принял их на щит из ци, приготовившись, если останется в живых, срочно себя исцелить. Но, как оказалось, защита с лёгкостью выдержала. Ксинг вытянул свободную руку, сплёл стихии и ударил молнией в ответ. Снова раздался звон.

— Твой мусавар даже лучше, чем я думал, — рассмеялся Шафир. — Постарайся его не

сломать, пока будешь умирать!

Ксинг не сразу сообразил о чём он, потом понял, что молния вылетела из той руки, на которой до сих пор болтался браслет. Он не собирался ни способствовать заблуждениям Шарифа, ни рассказывать тому правду. Ведь он заметил самое главное: во время атаки камень в странной шапке колдуна немного потускнел, пусть и через несколько сердцебиений вновь налился ярким светом.

Колдун взмахнул жезлом, и на этот раз с наверху сорвался поток огня намного сильнее, чем огонь уничтоженных стражей. Ксинг отпрыгнул в сторону, и пламя прожгло в песке и земле длинную глубокую борозду, испепелив построенный им дом. Расплавленный камень на краях борозды светился алым.

Убегая от новых потоков пламени, Ксинг размышлял. Можно, конечно, атаковать снова, но имело ли это смысл? Камень, очевидно, являлся артефактом, защищающим колдуна. И, похоже, пусть энергия камня и восстанавливалась, но происходило это не мгновенно. Нужно нанести множество быстрых и сильных ударов, тогда удастся перегрузить артефакт, как когда-то атаки черепахи перегрузили талисманы алхимика Цая Шаолуна. Следовало либо опустить колдуна на землю, чтобы хорошенько поколотить, либо прыгнуть в воздух. К счастью, у Ксинга имелся третий вариант.

Он засунул руку в сумку, выхватил одно из сердец марионеток и, вложив в бросок ци, метнул его в колдуна. Снова одновременно с сильным взрывом раздался громкий звон сработавшей защиты. Не дожидаясь, пока развеется огненное облако, Ксинг метнул следующий кристалл, а за ним ещё один.

Когда пламя последнего сердца наконец-то опало, Ксинг удовлетворённо заметил, что кристалл Шарифа почти полностью погас. Так что он выпустил в колдуна ещё одну молнию, взвился в воздух, обрушивая на того кулак и одновременно ударяя цепом.

Кристалл сдался и раскололся, рука Ксинга преодолела невидимый барьер и ухватила негодя за бороду.

— Сдохни! — без привычной вычурности прокричал Шариф, попытавшись направить на Ксинга жезл.

— Сам сдохни! — ответил тот, ударяя колдуна головой в лицо, а цепом пытаясь отвести жезл в сторону.

В отличие от кристаллов со зрелищными техниками, молниями, миньонами и фениксами, драка с Шарифом выходила какой-то скучной и мало чем отличалась от потасовки двух крестьян в родной деревне за кувшин сливовой наливки. Этот мелкий и неинтересный злодей, строящий столь унылые зловещие планы, был бы смешон, если бы не одно «но». Даже от такого жалкого противника Ксингу пришлось убегать, прежде чем нашлась возможность для атаки. Он скрипнул зубами.

От одной мысли, что мерзавец-учитель, Бао Сяо или любой из героев кристаллов прибили бы Шарифа в первую дюжину вздохов, хотелось взвыть от отчаяния. Ксинг не стал сдерживаться и закричал Шарифу прямо в лицо. Чародей от неожиданности отшатнулся, а воспользовавшийся моментом Ксинг умудрился захлестнуть цепом жезл и вырвать его из рук колдуна. Жезл полетел, кувыркаясь, и скрылся в глубинах зарослей.

— Рамз Аль-Нар Аль-Халида! — прокричал Шариф и его тело окуталось обжигающей огненной аурой.

Ксинг усилил циркуляцию ци, дополнительно защищая тело, захлестнул шею чародея цепом и, удерживаясь за рукоять, стал сдирать у того с пальцев перстни. Одно из колец

наверняка и было тем самым пространственным хранилищем, о котором Ксинг так мечтал все эти годы. Ну а раз пламя не обжигало, отчего бы не исполнить заветную мечту?

Земля стремительно удалялась, они летели куда-то вверх, чародей пытался вырваться из захвата и сбросить Ксинга. Тот хватал его за руки, пытаясь содрать вожделенное пространственное кольцо, не обращая внимания ни на трепыхания колдуна, ни на лижущие тело языки пламени.

Ксинг умудрился перехватить запястье чародея и сильно сжать. Увы, какая-то из защит всё ещё работала, так как вместо того, чтобы брызнуть кусками мяса и осколками кости, рука лишь засветилась голубым и сломалась в запястье.

— А-а-а-а-а-а! — закричал Шариф. — Фавхат Аль-Барк Аль-Лаамтинаки!

По его телу зазмеились разряды молний, и Ксинг грустно вздохнул. С этой атакой его ци не справлялась — он всё-таки ощутил неприятные покалывания. Ну ничего, он всё равно продолжит тренировки и когда-нибудь перестанет быть таким слабаком!

Наконец, Ксинг сумел сомкнуть руку на кисти колдуна, и тут же, радостно оскалив зубы, начал сдирать с пальцев Шарифа кольца. Однако кое-чего Ксинг не учёл. Рука колдуна, защищённая неизвестными чарами, послужила наковальней, а его пальцы, сжимающие перстни, — молотом. И кольца не выдержали. Камни, не в силах сдержать давление, пошли трещинами, а металл колец стал лопаться. Ослепительная вспышка озарила противников и раздался новый звон, словно голову Ксинга сунули в гигантский колокол. Небо пересекли огненные изломы, похожие на трещины в фарфоровой вазе.

— Что ты наделал, червь? — закричал колдун.

— Червь? — переспросил Ксинг, ударяя колдуна в живот. — Нет, я икринка!

Трещины в небе расширились, небо искривилось.

— Я головастик! — добавил он, ударяя снова.

Вдалеке раздался какой-то гул.

— Я малёк! — нанёс Ксинг новый удар. — Я карп!

Что бы ни защищало колдуна, оно поддалось, тот резко выдохнул и согнулся пополам.

— Я дракон! — победно завопил Ксинг. — Поцелуй мой блестящий чешуйчатый хвост!

Колдун пытался что-то сказать, но ему не хватало воздуха. Ксинг перехватил цеп и попытался снять перстни с другой руки колдуна. Увы, те тоже оказались очень хрупкими, так что как бы Ксинг не осторожничал, они тоже сломались.

— Хг-г-гх-лупец! — прохрипел Шариф. — Что ты нха-аделал!

— Надрал тебе твою бороду, — рассмеялся Ксинг.

— Нет же, о жалкий червь! Посмотри!

Ксинг бросил взгляд за спину колдуна и удивлённо округлил глаза. Невидимой мерцающей стены, окружавшей остров, больше не было. Зато имелось кое-что другое — большая, высотой с самую высокую пагоду Мыаньтао, широкая волна.

— Ты сломал мусавар, который удерживал этот аалам мастур! Остров вернулся обратно в океан!

Теперь Ксинг по-настоящему испугался. Там внизу где-то была Альмирах. Она, конечно, умеет плавать, но удастся ли ей выдержать удар этой волны?

Он изо всех сил стукнул чародея, сдёрнул свой цеп и, оттолкнувшись, решительно ринулся вниз. Земля стремительно приближалась, Ксинг преобразовал ци в стихию Древа. Ветки густых зарослей выстрелили вверх, принимая его в свои объятия и гася падение. Он кинулся вперёд, расчищая путь ударами цепа. Волна приближалась, времени оставалось всё

меньше и меньше. Ксинг выпрыгнул на берег озера, где увидел Альмирах, замороженно наблюдающую за приближающимся валом воды.

— Ныряй! — закричал он. — Немедленно!

Девушка не стала задавать вопросов, лишь кивнула и скрылась в глубине.

Ксинг погрузил руки в озеро и, зачерпнул как можно больше ци, преобразовал её в стихию Воды. Поверхность озера вспучилась, собираясь в огромный упругий шар, внутри которого Ксинг чувствовал не только русалку, но и мириады мелких, но ярких огоньков ци — будущую армию Шарифа. Если бы у Ксинга имелось хоть пара мгновений времени, он бы выжег этих тварей, уничтожил всех до единой. Но именно времени сейчас и не хватало. Поэтому он, убедившись, что сфера прочна, развернулся и побежал навстречу волне. Конечно, придётся хорошенько побегать по поверхности воды, но это всего лишь стихия — ничего особо опасного. Не то что у настоящих героев!

— Не так быстро, червь! — послышался хриплый голос.

Ксинг повернул голову и увидел Шарифа, парящего от него неподалёку. Он вздохнул. Ему сейчас было вовсе не до сражений с этой жалкой подделкой под настоящего злодея. Придётся разобраться с ним быстро. Ксинг вскинул цеп и крутнул им пару раз в воздухе.

— Ибаад Ила Аль-Уфук Аль-Баид — успел прокричать Шариф, прежде чем цеп обрушился на его тело.

Неведомая сила подхватила Ксинга, он почувствовал, словно его протягивает через что-то вязкое и неприятное, а потом раздался хлопок и ощущение исчезло.

Он оглянулся по сторонам и увидел красивые пушистые облака. Вот только эти облака почему-то находились под ногами. А когда они сменились густым туманом и исчезли, он увидел огромную раскинувшуюся во все стороны пустыню. И эта пустыня стремительно приближалась.

Глава 21, в которой герой грозит небесам своими чреслами

Падение было страшным. К сожалению, на спасение Альмирах как во время родов, так и при попытке защититься от огромной волны, Ксинг истратил почти всю ци. Поэтому, всё, что ему оставалось — лишь подготовиться к удару и укрепить тело. К его искреннему удивлению, скорость падения увеличивалась лишь до определённого не слишком большого предела, поэтому, рухнув, словно мешок с рисом, на землю и взметнув целое облако песка, он даже не ушибся.

Горько и обидно было совсем от другого. Ксинг оказался слаб. Он не только не смог ничего поделаться с техникой колдуна, отправившей его непонятно куда, но и оставил наедине с ним Альмирах. Понятно, из-за побоев, сломанных артефактов и бушующего океана Шарифу стало не до русалки, но лишь на этот раз. И чтобы подобное не повторилось в будущем, Ксингу требовалось стать гораздо сильнее: не только увеличить объёмы ци, не только ещё больше отточить контроль, но и сделать крепче тело.

Он лежал на горячем песке и думал, перебирал подробности такой недавней схватки и исходил ядом от злости. Имейся у него хотя бы одна-единственная идея, как вернуться назад на остров, он бы бросился, не раздумывая ни мгновения. Сейчас же, помимо отсутствия идей, у него отсутствовало всё остальное, даже одежда. Остались только верный цеп, да браслет из странного металла, скрытого под слоем обычной меди.

Ксинг закрыл глаза и усилил циркуляцию ци в верхнем даньтяне, вспоминая столь краткий бой. Не сказать, что он так уж плохо справился, но и назвать это словом «хорошо» язык тоже не поворачивался. Ему повезло. Повезло, что колдун оказался слабаком, что не ударил, пока Ксинг спасал девушке жизнь, что его кольца оказались такими хрупкими и так легко ломались. Да, Ксинг, конечно, нечаянно испортил и вожделенное пространственное хранилище, но вместе с тем наверняка лишил злодея кучи артефактов, или как тот их называл? Мусаварами? А без этого исход битвы мог выйти любым.

Он ещё раз задумался о пространственных кольцах. Неожиданно бой показал, что кольцо — не самый лучший предмет для создания этого самого, ха-ха-ха, мусавара. Ксинг, конечно, сражался цепом, умел биться всеми известными ему видами оружия, но при этом любил помахать и кулаками. Ведь руки и ноги — то, что у человека всегда при себе, а значит, безоружным он никогда не останется. И сколь бы прочным ни было кольцо, но при ударе в, скажем, скалу, его можно повредить, так что требовалось что-то другое. Ксинг поднял руку и задумчиво осмотрел свой браслет. Сколь бы бесполезным и бестолковым тот ни был, но бой, полный ци и рукопашных схваток, запросто пережил. Конечно, в отличие от пространственного кольца пространственный браслет звучал, как полная чушь, но и Ксинг пока что оставался недостаточно силён, чтобы не допустить поломки кольца посреди горячего сражения.

Имелась ещё одна проблема, которую Ксинг ощущал сейчас буквально своей задницей. Одежда, вернее, её отсутствие. Все обычные наряды, снова-таки в отличие от нарядов героев, в бою быстро приходили в негодность. Раньше у него имелись шкуры различных демонических зверей, одежда из которых держалась намного лучше. Но, увы, из тех одеяний Ксинг давно уже вырос, спокойная жизнь возле Могао его слишком расслабила, а на острове с Альмирах он занимался чем угодно, только не поиском сильного зверья. Проблему

следовало срочно решать, а до тех пор, пока Ксинг не обретёт настоящую силу, ходить только в прочной одежде.

Огоньки ци, отделившиеся от большого скопления вдалеке, приближались. Ксинг знал, что это трое мужчин, не владеющих внутренней энергией, они сидят верхом на животных, чья ци схожа с лошадиной, но не до конца.

Он не стал вставать, чтобы их встретить: лежалось ему совсем неплохо, вбирал окружающую энергию и прогонял сквозь три даньтяня, быстро восстанавливая истраченное в схватке и спасении Альмирах.

Лишь когда чья-то тень закрыла солнце, он неохотно поднял голову.

Перед ним на странных горбатых лошадях с тонкими ногами, длинными кривыми шеями и словно в насмешке выпяченными губами сидели три всадника, в просторных белых одеяниях. На головах у них красовались пёстрые платки, опускающиеся на плечи и наполовину закрывающие лица. Средний из всадников подъехал ближе, спешился и открыл бородатое загорелое лицо.

— Кто ты, о великий воин, грозящий небесам своими чреслами? — спросил он.

— Великий воин? — удивился Ксинг.

— Мы видели, как ты свалился с неба! — пояснил бородач. — И выжить, упав с такой высоты, изнеженное отродье пустынного суслика просто не сможет.

— Меня зовут Ксинг Дуо, — представился Ксинг, вставая на ноги. — Но лучше просто Ксинг.

— Мир тебе, Касим! Меня зовут Тарик Рахман Кадир ибн Насим. Встретить путника в пустыне — дар небес. И именно небеса, с которых ты упал, определили нашу встречу. Добро пожаловать в мой дом.

— Ахрибад! — Тарик сказал это слово с такой ненавистью, словно сплёвывал яд. — Город презренных сынов шайтана, мерзких колдунов и их ничтожных приспешников! Не ходи туда, Касим. Ты великий воин: живуч, как шипастая пустынная ящерица и силён, словно чёрный верблюд. Но колдуны никогда не сражаются честно, эти отродья марида и ифрита лишь насылают подлые презренные чары! Не ходи в Ахрибад, Касим, заклинаю тебя именем Шадура!

Ксинг, развалившись на подушках и прихлёбывая терпкий чай из пустынных трав, ответил:

— Но ведь я тоже колдун! Я ведь владею ци... то есть этим самым сихиром!

Тарик запрокинул голову и громко расхохотался. Остальные гости его шатра подхватили смех, даже жёны и дочери тихо захихикали.

— Ты умеешь хорошо пошутить, Касим, — отсмеявшись, Тарик вытер набежавшие слёзы. — Где ты видел колдуна, который сделал что-то хорошее для народа пустыни? Где ты видел чародея или мага, или другое отродье полуденного солнца, который бы разговаривал с другими не так, словно они — жалкие колючки под ногами его верблюда?

— Ты дал нам воду! — добавил Ясир, один из двоих всадников, бывших с Тариком при первой встрече. — Достал её прямо из-под песков. Если ты колдун, тогда такого колдуна я готов назвать своим братом!

Добыть воду не составляло никакого труда — ведь Ксинг не только чувствовал её под землёй, но ещё и видел духов воды там, где она подходила ближе к поверхности. Оставалось совсем ничего — просто создать колодец, соединив землю и песок, преобразовав их в

камень и стекло. Понадобилось чуть больше сотни дюжин сердцебиений, а благодарили они его, словно он — один из Двенадцати Богов.

— Вы дали мне одежду, — возразил Ксинг. — Приняли меня, подозрительного голого незнакомца, чужеземца и инородца. Накормили меня и дали кров. Разве мог я не отблагодарить хотя бы такой мелочью?

— Мелочью? Ты сказал мелочью? — вновь хохотнул Тарик. — Твои шутки как всегда смешны и хороши! Касим, для народа пустыни вода — дороже золота и алмазов, это жизнь не только для людей и женщин, но и для верблюдов и баранов! Одежда? Еда? Кров? Ты гость! Пусть звёзды и луны отвернутся от нас, сменившись палящим солнцем, если мы когда-нибудь не проявим подобающего гостеприимства.

— Хотел бы я посмотреть на колдуна, — добавил Халид, третий, самый младший из всадников, — который умеет не только так драться, как ты, но ещё и как ты создавать оружие! Таких сабли и кинжала, которые ты мне выковал, нету даже у эмира!

Ксинг пожал плечами, чувствуя себя обманщиком. Среди бадави мало кто владел ци, поэтому результат потешного сражения, в котором он принял участие, был предопределён заранее. Нет, Ксинг не жульничал: он не усиливал тело и не использовал внутреннюю энергию, но даже без этого годы тренировок дали о себе знать. Он просто-напросто был более быстрым, умелым и, конечно же, сильным. Даже разрешения воспользоваться кузницей он попросил отчасти потому, что хотел загладить вину, пусть эти гостеприимные люди никакой вины и не видели.

— Но девушки и женщины... — начал он.

— О да! Ты могуч не только в бою, о Касим! — довольно огладил бороду Тарик. — По ночам они были, словно стая голодных гиен! И теперь, надеюсь, понесут здоровых и сильных детей!

— Детей? — переспросил Ксинг, краснея.

Бесконечные ночные визиты красавиц, среди которых были как дочери, так и жёны Тарика, Ксинга поначалу сильно разгневали. Ведь разделить ложе с женой или дочерью хозяина, оплатив за гостеприимство такой чернейшей из неблагодарностей, не посмел бы и полный негодяй! Но, как оказалось, у бадави были свои обычаи, тут очень ценили новую кровь, в особенности кровь сильных воинов.

— Да, детей! — подтвердил Тарик. — Когда мои дочери понесут, а женихи прибегут к ним, словно верблюды к оазису, я потребую огромный мехир, самый большой на всю пустыню! И поверь, они ещё как заплатят! Жаль, хотел бы я отдать всех своих дочерей за тебя!

— Я... — замялся Ксинг, подбирая слова.

— Оставь, Касим! Я понимаю, насколько несбыточна эта мечта. Ты — воин, идущий к своей цели. И ни одна женщина не должна стоять на твоём пути! Ты почтил наше племя, оказал нам великую честь, и буду я презренным подлым скорпионом, если попытаюсь опутать тебя обязательствами! Но все равно, прошу, не ходи в Ахрибад! Сколь бы великим воином ты ни был, все твоё мастерство не имеет значения. Ведь колдуны не вступают в честный бой, их удел — чёрные чары, яд или отравленный кинжал за спиной!

— Прости, Тарик, — мотнул головой Ксинг. — Ты прав, я иду к своей цели. Моя цель далека, высока и, возможно, даже несбыточна.

— Как и полагается настоящему мужчине! — воскликнул Ясир. — Близкие цели и маленькие радости — удел женщин и трусов!

— «Тяжести и невзгоды лишь закаляют тело и волю», — процитировал Ксинг.

— А-ах! Как хорошо сказано! — охнул Халид. — Кто мудрец, что изрёк эти великие слова?

— Его звали Хань, сын Гуанга Нао, — честно ответил Ксинг, лучась самодовольством.

— Великий человек, этот Кхан аль-Нав ибн Гуанг! — согласился Тарик. — Ни я, ни моё племя, ни эти женщины не помешают тебе достичь желаемого! Наоборот! Ешь, пей, Касим, а как только сядет солнце, мы дадим тебе лучшего верблюда и проведём до самих Чёрных Песков. Ну а дальше, прости, путь не знает никто! Ни один из храбрейших и сильнейших воинов оттуда не вернулся!

С женской половины шатра послышались всхлипы, причитания и тихий плач.

— Тише, глупые женщины! — рассердился Тарик. — Смерть — вечная спутница настоящего мужчины! И только тот, кто неустрашим, словно пустынная буря, может оттолкнуть её палящие объятия! Но знаешь что, Касим? К Чёрным Пескам мы лучше отправимся завтра!

Плач мгновенно прекратился, и с женской половины раздалось игривое хихикание.

На следующий вечер они так и не пошли, как и на следующий за ним. Понадобилась целая дюжина дней, по истечению которых Ксинг отправился в путь в сопровождении пятерых всадников. В племени Тарика не осталось ни одной достаточно молодой женщины, что не навестила его ночью. Красавицы и дурнушки, стройные и полные, низкие и высокие — Ксинг, как гость, не отказал ни одной из них. Днём он время от времени использовал передвижную кузницу, чтобы ковать оружие, а всё остальное время говорил. Он рассказывал мужчинам и женщинам бадави о ци, о способах культивации и развития, о том, что узнал за все эти годы, постигнув через боль и пот. И в бадави он нашёл очень прилежных учеников. Пусть никто из них пока не открыл ци, которую здесь называли «рух», но Ксинг знал, что это лишь вопрос времени.

Чёрная Пустыня оказались вовсе не чёрной. Тёмно-серый песок пронизывали ярко-алые потоки чего-то, что Ксинг, зачерпнув ладонью, определил как очень мелкие непрозрачные кристаллы. Любой бы отличил Чёрные Пески от обычной пустыни — и вовсе не по цвету. И так большая пустынная жара возрастала здесь настолько, что плавился даже воздух. Больше всего Ксинга поразила пустота. Яркие пятнышки духов огня, столь обильные в пустыне, тут, где, казалось, лучшее место для их обитания, почти полностью пропали, и лишь редкие огоньки показывались на поверхность.

Распровавшись со спутниками и отказавшись брать с собой верблюда, Ксинг закинул на спину сумки и бурдюки, поправил цеп и саблю, после чего отправился вперёд.

Идти по пустыне, сколь бы сметроностой та не являлась для животного или человека, оказалось очень легко. Песок, конечно, пытался уйти из-под ног, но Ксингу, умеющему ходить даже по воде, это не доставляло ни малейших трудностей.

После расставания с бадави у него появилось немало времени на раздумья. И сколько бы он ни размышлял, способа ликвидировать зияющую брешь в своих способностях Ксинг не находил. Колдуны умели летать. Парить в воздухе, словно птицы, насылая на врагов смертоносные чары, недостижимые для честного воина. Ксингу далеко было до Бао Сяо, он не владел техникой Прыжка Тысячи Вершин, да и требовалось тут что-то другое.

Пробираясь сквозь песчаную бурю, закрыв лицо не только ци, но и запахнув шемаг, он думал. Да, у него получалось прыгать, он смог подскочить достаточно высоко, чтобы достать

Шарифа, но даже так никто не назвал бы подобное боем в воздухе. Ксинг нуждался в крыльях. Разумеется, не в каких-то птичьих крыльях за спиной, а в способе покорить не только землю или воду, но и воздух.

Дрессированные птицы, летающие выше облаков? Меч, наполненный ци, на котором Ксинг рассечёт небеса, словно герои из кристаллов? Какой-то артефакт? Нет, всё не то. Птицы и мечи хороши, чтобы преодолеть большие расстояния, а артефакты, как показало сражение с Шарифом, оказались не самыми надёжными штуками. К тому же, он воин, а значит, необходимо двигаться быстро и непредсказуемо, чтобы ошеломить врага натиском, словно Бао Сяо. Требовался Прыжок Тысячи Вершин. Увы, ступать на воздух не получалось. Воздух не являлся одним из Пяти Элементов, ступать на него, в отличие от воды, не выходило — потоки ци просто проваливались, не в силах за что-то уцепиться.

Но если Ксинг что-то и осознал, падая с огромной высоты, так это то, что воздух не настолько пуст, каким кажется. Что он способен удерживать тело, не давая ему двигаться быстрее определённого предела, ускоряясь до бесконечности. Оглядываясь назад, Ксинг понял, что это знание было с ним всегда. Ведь именно воздух мешал при быстром беге, становился препятствием, которое требовалось преодолеть, и, чтобы бежать по-настоящему быстро, ему приходилось раздвигать его с помощью своей ци. И если птицы и насекомые, не умеющие культивировать, способны летать, то чем хуже он, будущий герой?

Да, он занят поиском Ахрибада, ему приходится двигаться по этой странной, наполненной изломанной и искажённой энергией пустыне, но если у него что-то сейчас и есть — так это время. Следующий шаг, который сделал Ксинг, пришёлся уже не на песок, а на воздух. И, конечно же, ничего не получилось, нога провалилась, а он споткнулся, едва не покатавшись по бархану. Ксинг лишь усмехнулся, настолько это напоминало его первые попытки овладеть ци. Он сделал следующий неудачный шаг. А затем ещё один.

Шло время. Ксинг двигался очень медленно, всего в два-три раза быстрее бегущего верблюда, пытаясь овладеть новым способом передвижения. Попутно он культивировал ци — тут в пустыне это получалось очень плохо, но тем лучшая тренировка выходила! Днём он открывал своё тело палящему солнцу, делая его выносливей и устойчивей к огню, а в безумно холодные ночи собирал из воздуха влагу, наполняя опустевшие бурдюки, либо же создавал узкий колодец и поднимал воду из глубин.

Каким бы пустынным и безжизненным это место ни казалось, время от времени Ксинг встречал огоньки обитателей. Насекомые, змеи и ящерицы умудрялись выживать даже здесь. То же касалось и растений — колючие уколистые кусты и травы тянулись корнями на глубину, чтобы достать до залегающей там влаги. Это позволило питаться почти как во времена Дуоцзя, когда он поедая личинок и червей, для того, чтобы выжить.

Давно закончились все припасы, Ксинг бежал, добывал еду, тренировался, медитировал, восстанавливая ци во время короткого отдыха, после чего вновь продолжал свой путь. Путешествие всё длилось и длилось, но Ахрибад так и не появился. А потом Чёрные Пески закончились, сменившись обычной полной жизнью и ци пустыней. Это было странно и непонятно, ведь он бежал прямо, никуда не заворачивая. Раскалённый воздух Чёрных Песков был чистым и прозрачным, он просматривался на многие ли вокруг. И даже когда поднималась песчаная буря, Ксинг всё равно чувствовал окружающую ци и не терял направления. Пропустить такую мелочь, как огромный город, стоящий на горе, он не смог бы, даже если захотел. Поэтому Ксинг решил поступить по-другому. Он отправился вдоль границы Чёрных Песков, чтобы получить представление об этом месте, понять его не только

разумом, но и сердцем.

Идти вдоль границы оказалось намного легче и быстрее, да и постоянные тренировки принесли результаты. Ксинг скользил, едва касаясь земли, а своей ци раздвигая набегающий ветер. И дорога, пока он не сделал полный круг, вернувшись, откуда начал, заняла чуть более дюжины дней. Ксинг нахмурился и усилил циркуляцию ци в верхнем даньтяне, погружаясь в раздумья. По его прикидкам выходило, что сколь бы огромными ни были Чёрные Пески, их размера не доставало, чтобы скрыть не просто город, но ещё и «гору, чьи чёрные скалы полны нечестивого огня». Можно было бы решить, что, как Шариф поместил остров в «аалам мастур», то есть в «тайный мир», так и колдуны Ахрибада отрезали город от пустыни. Вот только кое-что не складывалось. Во время путешествия, он не ощущал той странной изломанной ци, да и места, где Ксинг впервые зашёл в Чёрные Пески и то, из которого он вышел, оказались одно от другого слишком близко, словно в какой-то момент он просто свернул в сторону.

У него имелась идея, как проверить эту теорию, пусть изначально она и принадлежала не ему. Ксинг преобразовал ци в элемент Земли и раздвинул лишний песок до тех пор, пока не добрался до твёрдого скального основания. Положив ладони на камень, Ксинг выпустил поток ци, повелевая ей не растекаться в пространстве, а держаться вместе. Ци оказалось столь много, что земля засветилась ярким зелёным светом. Разумеется, сколь бы прочным ни был камень, он не мог вынести такого напора и тут же начал разрушаться. Но для целей Ксинга это значения не имело.

Он повернулся спиной к тому, что моряки в «Панцире» называли «маяком», и понёсся напрямик в центр Черных Песков, чувствуя собственную ци в «маяке» так явно, словно она до сих пор находилась в его теле.

Когда пустыня закончилась, он вышел, разумеется, совсем не там, где намеревался. Вновь сориентировавшись, и выяснив, куда именно попал, Ксинг обустроил новый «маяк», с твёрдым намерением повторять это до тех пор, пока не определит область, где даже его усиленные тренировками чувства давали сбой. От знакомых капитанов Тая и Зэнжона Ксинг знал, что для построения «курса» зачем-то требовалось три точки, но в подробности тогда так и не вник. Как выяснилось вскоре, третья точка тут и не понадобилась.

Два «маяка» ощущались очень отчётливо, Ксинг запросто мог определить направление с любого расстояния. Поэтому момент, когда маяки резко ушли в сторону, он определил сразу. Ксинг попробовал сменить направление, удаляясь в сторону невидимой области, но его снова увело прочь.

Ксинг громко рассмеялся. Пусть он и не знал, как попасть внутрь, но теперь это стало лишь вопросом навыков и усилий.

— Привет, Шариф! — продолжал ухмыляться Ксинг. — Не забудь приготовить все свои кольца и свитки!

Невидимый барьер, разумеется, не ответил. Впрочем, Ксинг на это и не рассчитывал.

Знания о существовании препятствия и возможность удерживать нужное направление, помогли преодолеть это препятствие всего лишь за несколько часов непрерывных попыток. В итоге Ксинг выпустил ци, «уцепился» ею за пространство вокруг, и, не полагаясь на зрение и чувства, втолкнул себя туда, где его энергия натыкалась на невидимую стену. И с не слишком сильным сопротивлением, словно пробирался через густой болотный ил, Ксинг продавил себя сквозь барьер.

— Что-то это мне напоминает, — нахмурился он при виде стены песчаного вихря,

закрывающей всё небо.

Он вновь запахнул шемаг, защищая лицо не только с помощью ци, но и тканью, и бросился вперед.

Ощущение узнавания накатило с новой силой, он почувствовал, как его тело сжимает и растягивает, скручивает и ломает, словно он снова, плыл на черепашьем панцире, пробиваясь к острову, где нашел Альмирах. Но на этот раз он не только был готов, но и стал намного сильнее. Он укрыл бронёй из ци не только тело, но и одежду, защитил бурдюки и сумки. И пусть даже защитный барьер здесь оказался намного смертоносней, Ксинг вышел победителем абсолютно безо всяких героических свершений.

Он не поддался невидимой силе, попытавшейся протащить его сквозь гребни острых зубцов вулканического стекла, отогнал назойливый ураган, пытавшийся сдуть с него одежду вместе с кожей, и принял на тело десяток разрядов молнии, не позволив той бесполезно стечь по защите в землю, а вместо этого вобрал в себя её ци и пропустил через даньтани.

Уровень энергии тут оказался настолько велик, что Ксинг, покидая барьер, даже испытал некоторое сожаление — если бы он не спешил, это оказалось бы прекрасным местом для тренировок, где неплохо было бы задержаться на несколько месяцев, а то и на годик.

Но его вела цель, так что он решительно помчался вперед. Вскоре буря закончилась, исчезла, словно её отрубили взмахом меча. Ксинг пробежал чуть вперед и оглянулся. Как выяснилось, смертоносная стена не только резко обрывалась, но и поднималась вверх не очень высоко — всего лишь на пару дюжин человеческих ростов. И если бы он, как положено настоящему герою, умел летать, пересечь её не составило бы никакого труда.

Ксинг вздохнул и махнул рукой. Именно для того, чтобы исправить собственные недостатки и слабости, он сюда и пришел. Он сделал шаг вперед, туда, где посреди чёрного песка пустыни вверх вздымалась огромная гора, чья вершина скрывалась в густых облаках; противоестественный, чуждый вид для этой местности. Но не менее чуждой казалась и сама гора. Её каменные крутые склоны вместо чёрных безжизненных камней покрывали густые леса, среди которых время от времени мелькали разноцветные заплатки возделанных полей. А один из могучих уступов венчали мощные стены, за которыми небеса пронзали высокие белые башни. Через скалы, поля и леса к городу вела тонкая ниточка дороги.

Ксинг нашёл его. Нашёл Ахрибад — город магов и колдовства. Город, через который пролегла не только эта дорога, но и путь к его мечте.

Чёрные стены и такие же ворота, словно поглощающие сам свет. Глубокий обрыв с облаками, клубящимися внизу, и подъёмный мост, кажущийся таким тонким и ненадёжным. Две фигуры гигантских чёрных львов, сидящих по обе стороны ворот, блестящих на солнце боками из прочного полированного камня. Редкие путники входящие и выходящие через врата и ещё более редкие повозки. Ксинг наблюдал за Ахрибадом очень долго, словно пытаясь отсюда, из леса, постичь все его тайны. Увы, что бы ни происходило в городе, оно оставалось внутри, отсекаемое стенами, создающими невидимый купол, сквозь который не проникал даже взор ци.

Где-то наверху, словно в самом сердце горы пылала и уходила внутрь ослепительная энергия, самая сильная ци с привкусом Огня, которую он только встречал в жизни. На лугах паслись коровы и овцы, но в лесах почему-то не было больших зверей, загадка, которую Ксинг планировал разгадать позже. Где-то в небе время от времени пролетала гигантская

птица, и Ксинг каждый раз при виде её тут же представлял на спине маленькую человеческую фигуру. В этом видении у фигуры были белоснежные одеяния — почти такие же, как те, в которые он был одет сейчас, только из шёлка. Волосы, конечно же, гораздо длиннее — до самой поясицы, и чтобы они красиво развевались на ветру. И, конечно же, цеп, с которым он не расстанется, даже когда изловит эту птицу, а потом с помощью секретных методик Дуоцзя заставит слушаться и носить на себе, рассекая ветер и небеса!

Ксинг не знал, чем эта птица питается, но был уверен, что ест она очень много, а значит, следовало позаботиться о запасе еды, то есть опять-таки, идти в Ахрибад за пространственным кольцом.

Подумав, он решил отправиться к воротам в открытую, выбрав лишь время, когда там будет поменьше народу, а желательно и вовсе ни единой живой души. И такое время настало после полудня, когда палящее солнце вошло в зенит.

Будь Ксинг в Империи, он бы постарался проскользнуть, проникнуть тайно, смешаться с толпой, чтобы не попасть на глаза возможным врагам. Но тут он оставался чужаком, выделялся не только одеждой, но и чертами лица. Пусть на первый взгляд открытое проникновение казалось безрассудством, но если в чём он и был уверен, так это во владении двумя секретными техниками Дуоцзя: Увесистыми Тумаками и Быстро Сверкающими Пятками.

Врата города гостеприимно манили своими распахнутыми створками створками, так что Ксинг ступил на откидной мост и уверенно двинулся вперёд.

— Что привело тебя в Ахрибад, незнакомец? — раздался грохочущий голос.

Каменные львы, стоящие возле ворот, прыгнули вперёд и теперь преграждали путь, распахнув широкие крылья. Их чёрные каменные глаза теперь сияли ярким светом, напоминающим хорошо раздутые угли в кузне.

«Каменный летающий лев! Даже лучше той птицы!» — мысленно восхитился Ксинг, тут же представивший, как мчится на таком под облаками и сражается с Шарифом. Хотя нет, Шарифа он побьёт и так, так что лучше с негодяем-учителем, прямо на глазах Императора и всех жителей Столицы!

Он придал своему лицу одновременно ошарашенное и восхищённое выражение, и для этого не пришлось даже особо притворяться.

— Так я это... урожай риса обмолачивал, — показал он кончик верного цепы, — а тут налетел вихрь! Я в дом побёг, а его вихрем, бух, и прочь утащило! Затем дом об камень бах, а меня в песок! И пёсик! Куда-то делся мой милый пёсик! Так что, я больше не в Империи?

— Ты в Ахрибаде — городе Владык! — прорычал второй лев. — Чужакам сюда ходу нет!

— Но мне очень-очень надо! — сказал Ксинг, делая шаг вперёд.

Львы припали на лапы и тихо зарычали. Ксинг сосредоточился, пытаясь ощутить внутри львов потоки энергии. Ци, текущая в их телах, была похожа на энергию в марионетках Шарифа. Но если с теми он расправился запросто, ведь не приходилось задумываться о последствиях, то идея размолотить цепом стражей города, в котором хочешь остаться надолго, показалась не самой лучшей.

— Уходи, незнакомец! — взрычал лев. — Тебе здесь не место!

— Но вокруг страшно, пустыня, бури и молнии! — притворно задрожал Ксинг, чувствуя себя довольно глупо, ведь свои и так невеликие актёрские способности приходилось демонстрировать не людям, а глупым марионеткам.

— Уходи, незнакомец! — зарычал второй лев.

Ксинг вздохнул. Следовало бы, конечно, перебраться через стену, но он не знал всех свойств барьера над городом, а значит, не мог сказать, удастся ли проскользнуть незамеченным или же поднимется всеобщая тревога. Впрочем, этот вариант он отбрасывать не стал, просто отложил на потом. А пока Ксинг потянулся ци ко львам, нащупывая энергию в укрытых под слоем камня кристаллах и затем резко потащил её к себе.

Глаза львов немного потускнели, движения замедлились, а потом стражи и вовсе застыли безжизненными статуями. Он пожал плечами, протиснулся между раскинутыми крыльями и спокойно вошёл в ворота. Ксинг, планировавший заполучить себе такого льва, немного расстроился — маги, похоже, слишком сэкономили на материалах и чарах, чтобы создать что-то достаточно крепкое, на чём можно было бы летать и оно не развалилось бы от случайного порыва ветра.

Он прошёл сквозь длинную каменную привратную арку, так напоминающую узкую пещеру, и резко остановился.

— Вот это да! — вырвалось у него помимо воли.

Рот опять приоткрылся будто сам собой. Ксинг осознавал, что стоит с видом глупого крестьянина, первый раз приехавшего в столицу, но ничего не мог с собой поделаться. Ахрибад, казавшийся снаружи таким мрачным, внутри оказался очень светлым и нарядным, тут было полно высоких зданий и зелёных деревьев. Несмотря на пустоту снаружи, внутри сновали толпы людей.

Не приближаясь к воротам, словно тут их ждал яд или проклятие, жители ходили по прилегающей к площади улице, что-то несли или катили в тележках, орали друг на друга, пытались что-то продать, купить или украсть. Ксинга, попытавшегося влиться в эту пёструю толпу, толкнули, наступили на ногу, два раза попытались обворовать, предложили купить овец, драгоценности, самую точную карту знаменитого клада Магра, спелых фиников, чистой воды, «чародейских амулетов, совсем как настоящих» и какую-то печать, предназначения которой он так и не понял.

Раздался громкий звук, похожий на гонг, и шум мгновенно стих. Толпа застыла и спешно расступилась, пропуская пятёрку стражников, восседающих на оживших статуях, выглядящих, как двуногие бескрылые птицы с женскими лицами.

— Враги подобралась к Ахрибаду!

— Сторожевой камень разрушен!

— Кто-то из них проник в город!

Ксинг ещё сильнее скрыл ци и двинулся к толпе, решив с ней смешаться. Увы, ничего не вышло — белые одеяния бадави, пусть и припорошенные пылью путешествия, выделяли его среди остальных, словно золотую монетку в кошеле, полном меди. Толпа при его приближении расступилась, так что он сам пожал плечами и направился вперёд к стражникам.

— Стой! — закричал командир на самой большой статуе. — Ты кто такой, что ты тут делаешь?

— Меня зовут Касим! — ответил Ксинг. — И я не знаю, где это «здесь»!

— У тебя лицо чужеземца! — обвиняюще ткнул в него копьём один из подручных. — Это ты разрушил камень?

— Камень? — удивился Ксинг, не понимая, о чём речь. — Чужеземца? Для меня чужеземцы — это все вы.

— Как ты сюда попал, чужак? — грозно спросил командир. — Кто ты?

— Я — простой парень из деревни, — ответил Ксинг, опять демонстрируя цеп. — А попал... Я не знаю! Сначала я был дома, а потом р-раз, появился этот чародей, и я оказался здесь.

— Чародей? Следуй за нами, чужеземец, — приказал командир. — С таким должны разбираться Владыки!

Ксинг пожал плечами и направился за командиром, два всадника окружили его по бокам, а ещё двое замкнули процессию, наставив копыта ему в спину.

Он шёл, глаза по сторонам, осматривая здания и улицы, внутренне улыбаясь от вида того, как быстро, словно под действием какой-то техники или чар, убираются с дороги горожане. Наконец, Ксинг и стражники добрались до массивного здания из серых каменных валунов, в котором все маленькие окошки оказались затянуты толстыми металлическими решетками. Ксинг проверил здание ци, убедившись, что в случае чего сможет отсюда убраться без особых трудностей, после чего исполнил приказание зайти внутрь.

Ксинг ожидал, что его поведут в тюремную камеру — именно так в свитках и кристаллах часто обращались с героями. Дальше в камере на него напало бы бандитское отребье, он бы их всех побил, затем бы выбрался и сбежал, перед этим собрав нужные сведения о городе.

Ничего этого не произошло. У Ксинга отобрали цеп, бурдюки и сумы, а затем провели в просторную комнату со стенами, украшенными деревянными панелями. У одной такой стены стоял массивный каменный стул, у другой — удобный диван и пара кресел. Посредине комнаты находился постамент со стеклянным шаром, в котором Ксинг ощутил тонкие потоки ци.

— Сядь! — приказал командир, указывая на каменный стул. — Когда придут Владыки, оставайся сидеть! Не вздумай кланяться, падать ниц или делать резкие движения — иначе сразу умрёшь. Не смей с ними заговаривать, отвечай только на вопросы. Ты меня понял?

— Кто такие Владыки? — спросил Ксинг.

— Ты понял, что я сказал, глупец? — повторил командир.

— Сидеть на стуле, не вскакивать, руками не махать, — повторил Ксинг. — И честно отвечать на вопросы!

— Можешь солгать, — хохотнул командир, — но я бы сильно посоветовал так не делать.

Он вышел из комнаты, оставив Ксинга наедине с самим собой. Тот принялся изучать артефакт, ци находящийся в здании и идущих по улицам. Но ждать пришлось недолго, вскоре дверь открылась, пропуская за собой двух мужчин, одетых в пышные одеяния. На головах их были почти такие же шапки, как у Шарифа, только поменьше.

— Кто ты? — без каких-либо предисловий спросил первый маг, усаживаясь в кресло. Второй маг присел на диван.

— Меня зовут Касим! — ответил Ксинг.

Тонкие, почти незаметные потоки ци, выходящие из сферы в центре, протянулись к его телу, пытаясь проникнуть вовнутрь. Чем-то они напоминали технику Альмирах, позволившую им общаться, но только гораздо грубее. Движимый любопытством, Ксинг не стал их блокировать, а позволил сделать своё дело.

Шар внезапно засветился красным светом, и тут же из стула в тело Ксинга ударили множественные разряды молний. Никакого вреда они не причинили, но Ксинг не знал, что

ему делать. Затрястись, словно в припадке или упасть на пол? Вспомнив слова командира стражников, он решил остаться на месте, лишь громко захрипев. Как оказалось, поступил он правильно.

— Низшие создания всегда одинаковы, — печально, словно сокрушаясь несправедливости мира, сказал маг. — Всегда пытаются лгать и изворачиваться, словно навозные черви!

— Этот вроде покрепче, — заметил второй маг, глядя на Ксинга с одобрением. — Даже не облевался. Ненавижу, когда они так делают.

— И каждый раз сжигаешь их дотла вместе с блевотой, — бросил осуждающий взгляд первый. — И на этом допросы всегда заканчиваются.

— Зато не приходится тратить много времени, — парировал второй. — Тем более, что интересного может рассказать подобное животное?

— Ты, может, и прав, — согласился первый, — но всё равно, на нас лежат обязанности, возложенные Кругом. Эй, ты, очнулся? Больше врать не пытайся, может ты и переживёшь второй раз, но на третий останавливается сердце даже у самых сильных.

— Лучше ещё раз соври, — посоветовал второй маг, и оба, переглянувшись, хохотнули.

— Но ведь это правда, — прохрипел Ксинг, всячески показывая, насколько он слаб и беспомощен. — Меня зовут Ксинг, но все меня называют Касимом. Им так легче выговаривать.

Вновь потянулись потоки ци, но шар продолжал светиться мягким голубым сиянием.

— Ничтожество говорит правду, — с безграничным удивлением в голосе сказал первый маг. — Откуда ты?

— Из деревни! — ответил Ксинг честно. — Но я не какой-то там крестьянин! Я ученик кузнеца!

— Где находится твоя деревня? — настаивал маг, совершенно не впечатлённым голосом.

— Возле горы! Мы зовём её «высокой горой»! А с другой стороны — лес с болотом, мы называем его «гиблым болотом»! И холм! Мы его называем «кривым холмом»!

Шар продолжал гореть синим, показывая, что Ксинг говорит истинную правду.

— Оставь это! — сказал товарищу второй маг. — Все они тупее баранов, мы тратим зря время! Давай я его просто сожгу и пойдём по домам.

— Не торопись, Малик, — поднял руку первый. — Стража доложила, что ты упоминал одного из Владык. Расскажи о вашей встрече!

— Он летал в небесах! — начал рассказ Ксинг. — Исторгал огонь из жезла! Разрушил мой дом!

— Имя! Как его зовут! — рявкнул первый, внимательно вглядываясь в сферу, словно пытаясь увидеть хоть крупицу лжи.

— Он сказал, что его зовут Шариф, и он величайший чародей в Ахрибаде! А потом он сказал какие-то странные слова, и я очутился здесь!

Под «здесь» Ксинг старательно подразумевал всю пустыню, вместо находящимися в ней горой и городом, и, похоже, артефакт согласился с его словами, так как цвет не сменил.

— Величайший чародей, а как же! — сплюнул второй маг. — Был бы, если бы стал достойным Владыкой, оставался бы в Ахрибаде, а не таскался по чужбинам и не возился с такими ничтожествами!

— Но Шариф силен, — осадил второго первый маг. — Так что не стоит его поносить,

особенно при свидетелях.

— Ты, надеюсь, не о нём? — хохотнул второй, указав на Ксинга. — Уж его-то жалкое существование — точно не проблема.

Ксинг сжался, приготовившись к бою. Он прощупал обоих магов: у них, как и у Шарифа, ци скапливалась в центре лба, неподалёку от того места, где у него самого располагался верхний даньтянь. Оба мага были слабее Шарифа и серьёзной угрозы не представляли. Ксинг бы запросто убил обоих, выбрался бы сквозь стену, а потом затерялся бы на улицах, предварительно оглушив бы и раздев какого-нибудь из жителей. Но решил не начинать первым, выждать немного.

— Не стоит, — мотнул головой первый маг. — Самое главное мы и так узнали, так что можем идти.

— Может этот червь лжёт?

— Лжёт так искусно, чтобы обмануть дознавательный мусавар? Или ты хочешь поговорить с ним ещё чуть-чуть, узнать все его тайны и секреты? Хочешь забрать себе его грязные сумки и крестьянские приспособления? А может узнать, где он прячет свои несметные сокровища?

Маги переглянулись и прыснули со смеху.

— Эй ты, ничтожество! — сказал первый маг. — Ты сказал правду и будешь вознаграждён. Это действительно похоже на Шарифа. Доставить в Ахрибад варвара и сломать сторожевой камень — не самая громкая из его выходов, и даже не в десятке самых громких! Поэтому мы даруем тебе возможность уйти целым и невредимым, и даже забрать свои жалкие пожитки!

— О великие Владыки, — заголосил Ксинг, игнорируя совет командира стражников «не заговаривать первым», — но я же тут никогда не был и ничего не знаю! Куда мне идти?

— Давай я его всё-таки сожгу! — оскалился второй маг.

— Оставь, Малик! — улыбнулся первый. — Хочешь, чтобы наш маленький ничтожный Касим отделался так легко? Или ты полагаешь, что ему удастся пережить ночь?

Смеясь, словно над какой-то удачной шуткой, маги покинули комнату.

Ахрибад жил, торговал и дышал магией, которую Ксинг не понимал. Пока не понимал, ведь зрением ци он все же видел вихри и потоки энергии вокруг, а значит, рано или поздно разобрался бы, что к чему. Он ходил по улицам, заглядывал в сады, изучал город и подслушивал разговоры. Пытался понять, что же тут происходит, и куда идти — как в первые дни ухода из Дуоцзя. Впервые за долгое время у него не было чёткой цели, его не вела цепочка обстоятельств и случайных встреч.

Главной проблемой Ксинга стало то, что он не имел ни малейшего представления о городе и царящих здесь порядках. Вторая проблема, вытекающая из первой — горожане косились на его руки и либо разговаривали враждебно, либо уходили, словно от усыпанного язвами нищего, а иногда даже покрывали его бранью. О причине такого поведения Ксинг догадался быстро — у каждого встреченного им человека, кроме совсем уж детей, на тыльной стороне одной из ладоней стояла затейливая татуировка, наполненная тонкими, присущими всей здешней магии, потоками ци.

Ну а может дело было еще и в том, что Ксинг был чужаком и не выглядел похожим ни на одного из местных жителей ни одеждой, ни лицом. Это тоже являлось проблемой, с которой требовалось разобраться. Скорее всего, самым простым способом было завести

нужные знакомства, но мешало вот это всеобщее отчуждение.

Удивительно, но городские патрули,двигающиеся либо пешком, либо на таких же двуногих статуях, на внешность и отсутствие татуировки не реагировали, пусть и в разговоры тоже не вступали, глядя на Ксинга, словно он — пустое место.

Он не особо возражал — запас мяса ящериц и змей, высушенного с помощью ци, у него имелся, воды хватало как в бурдюках, так и в уличных колодцах, да и на крайний случай её всегда можно было извлечь из воздуха. Так что Ксинг потратил остаток дня на знакомство с городом.

Центр города был занят богатыми кварталами, на окраине, ближе к стенам, располагались дома победнее, но совсем уж бедняков или нищих Ксинг не увидел. Некоторые дома пустовали, будучи совершенно целыми, так что проблем с ночёвкой не ожидалось.

Но Ксинг не собирался ночевать ни на улице с риском обнаружения патрулём, ни в заброшенных домах — в данный момент важнее было найти собеседника, кого-то из местных, кого можно было бы хорошенько расспросить, поставив выпивку. Деньги у него были — как медь, так серебро и даже золото: все возражения Ксинга прошли мимо ушей Тарика, который просто заявил, что любой из созданных Ксингом мечей или кинжалов стоит намного больше, а зания, переданные им бадави, вообще не оценить деньгами.

Вот только тут его поджидала неожиданная неприятность: в Ахрибаде обычные деньги не ходили, ни одного из трактирщиков не заинтересовало даже золото.

— Плати настоящие деньги или проваливай, — заявил надменный тип с завитой бородой, с незначительными вариациями повторяя слова своих собратьев. — Ну а лучше просто проваливай, чужак!

Ксинг едва удержался от намерения расплатиться с владельцем гостиницы любимыми деньгами Дуоцзя, то есть попросту звонкими полновесными тумачами. Он и так был у стражи на заметке, так что не следовало отягощать себе жизнь.

— Могу отработать, — предложил Ксинг. — Я отлично готовлю, умею ковать железо и лечить болезни.

— Тогда вылечи себе бедность! — захохотал бородач и захлопнул дверь у Ксинга перед носом.

Ксинг сплюнул, вновь выпустил запястья из широких рукавов тауба, в которых скрывал отсутствие метки, развернулся и направился прочь.

Наступал вечер. Над главными улицами сами собой зажглись фонари — висящие на натянутых между домов верёвках небольшие сгустки ци. Но, несмотря на освещение, улицы стремительно пустели, а припозднившиеся путники разбегались по домам, подхватив полы халатов и позабыв о любом достоинстве. Ксинг не столько удивился, сколько обрадовался — так он сможет ещё лучше узнать город, не привлекая лишнего внимания. Поэтому он побежал, петляя по улицам, чтобы избежать встречи с патрулём стражи или редкими прохожими.

«Меня, наверное, примут за какого-то призрака!» — со смехом подумал он о случайных зрителях, бросающих взгляды сквозь щёлочки в плотно занавешенных окнах или захлопнутых ставнях.

Наконец, оббежав город, Ксинг решил устроиться на ночлег. Для этого он выбрал один из пустующих домов, не слишком большое, но уютное здание в два этажа, с запущенным двориком, где слишком разросшаяся вьющаяся трава расползлась по каменным плитам, а

маленький пустой фонтан был наполнен мусором и сухими листьями, налетевшими с растущих здесь деревьев.

С помощью ци Ксинг открыл запертую дверь и зашёл вовнутрь. В совершенно пустых комнатах лежал толстый слой пыли, от которого он избавился, преобразовав ци в элемент Земли.

Закинув сумки и бурдюки на пол, он положил на них голову и тут же заснул, на этот раз вместо медитации решив дать телу полноценно отдохнуть.

Настоящий герой из кристалла проснулся бы от тревожного чувства, от ощущения опасности или вспышки интуиции. Но, увы, несмотря на развитое чутьё, Ксингу до героев оставалось очень далеко. Поэтому почувствовав, как его тела касается что-то мерзкое и холодное, он лишь перевернулся на другой бок, отмахнувшись, словно от назойливого болотного комара возле родной деревни. Помогло это лишь на короткое время, не успел он заново задремать, как ощущение, словно прижимаешь к себе гигантскую лягушку, снова повторилось. Ксинг ещё раз взмахнул рукой, вновь неосознанно покрывая её слоем ци, и вновь попытался заснуть. Увы, кто бы это ни был, он своего добился, Ксинг проснулся.

Он встал и прислушался к ощущениям. Город крепко спал, спокойное мерцание источников внутренней энергии среди жилых кварталов невдалеке казалось полностью тихим и безмятежным. Но вот только что это за странные пятна холодной неприятной ци, не просто движущихся по улицам, но даже летающих над ними? И что за одинокий огонь, слишком яркий для обычного человека, но тускловатый для культиватора?

Ксинг решил выйти и разобраться, ведь, похоже, именно эти летающие паразиты попытались испортить ему сон.

Он выскочил наружу и запрыгнул на крышу дома. В воздухе парили два бестелесных создания, чем-то напоминающие обычных духов, только, в отличие от хранителей рода или духов природы, они имели человекообразный облик. Оба выглядели как голые по пояс мускулистые мужчины, чьи руки оканчивались длинными загнутыми когтями, а из глаз и полных острых зубов ртов вырывались язычки мертвенно-голубого пламени. Ног у них не было, ниже пояса бестелесные гости истончались, превращаясь в изгибающуюся струйку дыма.

Призраки вытянули свои руки и ринулись на Ксинга, покачивая когтями. Он ради интереса поднял с крыши сухую веточку и подставил под взмах. И без того мёртвая ветка стала, если так можно сказать, ещё мертвее. В местах касания когтей древесина почернела и стала осыпаться пылью.

Ксинг не на шутку испугался. Эти твари оказались очень опасными. Если он проявит неосторожность, они могут испортить его новый дом, и придётся вновь шарахаться среди ночи, отыскивая место для ночлега и занимаясь уборкой. Поэтому, вместо того, чтобы изучить странное явление, Ксинг уничтожил этих призраков, по-быстрому развеяв парой взмахов ладони.

Снизу раздался тихий рык, так что Ксинг вздохнул и спрыгнул на улицу к последнему участнику этого представления.

Тварь выглядела омерзительно: словно известный по Дуоцзя демонический волк решил, что ему надоело ходить на четырёх лапах, поэтому стоит превратиться в человека, имея очень смутное представление, как этот человек выглядит. Шкуру твари покрывало множество покрытых язвами плешей, шерсть торчала неопрятными клочьями, а выпученные глаза и вытянутая пасть выглядели так, словно тварь больна неизлечимой болезнью.

Волк оттолкнулся задними лапами и прыгнул на Ксинга — очень быстро, почти как его ученики в Дуоцзя, отведавшие бамбуковой палки. По сравнению с демоном-волком тварь оказалась довольно тщедушной, да и шкура... Представив, что он свежует эту тварь, чтобы сделать из шкуры одежду, Ксинг скривился. Не хотелось пачкать даже цеп, поэтому он вытянул руку, создал из ци несколько тонких плоскостей и отступил в сторону, позволив кускам этого недоволка рухнуть на мостовую, а плеснувшейся крови запачкать стену дома. Зрелище получилось очень коротким и неаппетитным.

«Почему в кристаллах никогда не показывали героев, заляпанных кишками и дерьмом зверей?» — мысленно простонал он.

Сам-то он, конечно, остался чистым, но жить рядом с такой помойкой больше не собирался. Похоже, пришла пора подыскать новое место для ночлега.

Он развернулся и направился в дом — собирать вещи.

С первыми лучами солнца Ксинг вновь отправился на улицы, на этот раз имея перед собой чёткую цель. Ни больших запасов продовольствия, ни денег, чтобы их купить, но его это ничуть не смущало — в городе имелось достаточно богачей, из которых многие, наверняка, являлись полными негодьями. Он стремился стать героем, а герои не грабят и не воруют. Но если всё ради благородной цели, да ещё и жертвами являются мерзавцы — тогда другое дело. Именно этим занимался один из героев, которыми так восхищался Хань Нао — Чжань Чуан по прозвищу Молния во тьме.

Оставалось одно препятствие — отсутствие сведений. Ведь Ксинг тыкался в Ахрибаде, словно слепой котёнок, не зная, в отличие от имперских городов, ни порядков, ни правил. Он не мог прочитать даже вывески, так как эту письменность, похожую на затейливые узоры, так и не изучил.

Несмотря на раннее утро, улицы были полны народу. Но не случайных прохожих: все они были облачены в грубые потрёпанные одежды, за спиной носили заплечные мешки, а при себе имели молоты и кирки. Кто-то шёл пешком, а кто-то ехал на забитой людьми телеге. Ксинг, который научился махать киркой ещё в Дуоцзя, прекрасно понимал, чем будут заниматься эти люди, вот только для шахтёров их было многовато.

Он затаился в одном из узких переулков и стал выжидать. Долго стоять не пришлось — по самому краю улицы, чтобы не быть сметённым толпой, шёл мужчина. Даже без ци сердечного дантяня Ксинг бы запросто определил, что со здоровьем у него нелады — так сильно он подволакивал ногу.

Ксинг запахнул шемаг, закрывая лицо и затаился, а как только мужчина поравнялся с узким проходом между двумя домами, ухватил его за шиворот, затащил в проулок и зажал рукою рот.

— Ты отвечаешь на мои вопросы быстро, чётко и не виляя, понятно? — спросил он самым злодейским голосом. — Если понял, кивни.

Мужчина, округлив глаза, кивнул. Ксинг опустил руку.

— Ты кто? Отпусти меня! Знаешь, что с тобой сделают Владыки? — залопотал мужчина.

Ксинг улыбнулся, ухватил его за край робы и поднял на вытянутой руке над землёй.

— Они — где-то там и далеко. А я вот тут, здесь. К тому же, ты уверен, что тебя хватятся?

— Уверен, что не хватятся, — обречённо сказал пленник. — Но дело не во мне. Сегодня

погиб один из них, так что они в ярости.

— Погиб? — удивился Ксинг.

— Владыка Малик! Я не знаю подробностей, но ночью обнаружили его тело, так что стража лютует.

Ксинг едва удержался от улыбки. Может это и совпадение, но из трёх колдунов, которых он знал, включая Шарифа, одного тоже звали Малик. Пусть тот не сделал Ксингу ничего плохого, но и особых симпатий не вызывал, так что Ксинг ничуть не расстроился.

— Отпусти меня, добрый человек! — заголосил пленник. — Моя печать скоро совсем исчезнет, и если я не заработаю денег, чтобы её обновить, то всё пропало! Мне надо торопиться, а меня дома ждёт жена и четверо маленьких...

— Стоп! — приказал Ксинг. — Меня не интересует ни твоя семья, ни твоё имя. Ты назвал меня добрым человеком, но это ошибка, особой доброты за мной никто не наблюдал. Чем быстрее ты ответишь на мои вопросы, тем быстрее уйдёшь, ни убивать тебя, ни калечить я не стану.

— Калечить меня бесполезно, — с горечью возразил пленник. — После обвала в шахте я и так калека. Но вы добрый, я вижу это по глазам.

— И стану ещё добрее, когда ты ответишь на мои вопросы. Настолько добрым, что дам тебе спокойно уйти. Что за печать? Почему ночью никто не ходит по улицам? Что за шахта? Отвечай!

— Но это же знают все! — удивился мужчина. — Даже маленькие дети!

— Вижу, тебе так понравилась наша беседа, что ты решил поболтать подольше.

— Нет, что вы! Мне надо как можно скорее...

— Тогда просто ответь на эти проклятые вопросы!

Осторожно, чтобы не сильно раскрывать маскировку, Ксинг выпустил ци, придавливая собеседника, давая волю раздражению из-за беспокойной ночи. И, похоже, перестарался — из-под грубого ботинка с деревянной подошвой начала разливаться лужа.

Пусть Ксинг в этот момент почувствовал себя злодеем, но дело сдвинулось с мёртвой точки, пленник начал говорить. И по мере разговора Ксинг всё больше мрачнел. Тарик был прав: чародеи Ахрибада оказались теми ещё негодяями. Впрочем, Ксинг пришёл сюда с единственной целью — получить своё пространственное кольцо, так что заводить дружбу и обниматься ни с кем из них не собирался.

Тут царила жестокая и мрачная система, ещё раз показывающая, насколько хороши и честны порядки в Подлунной Империи, насколько пристален и справедлив взор Императора. В Ахрибаде не имело значения, честный ли ты труженик или законченный лентяй, богач или бедняк, взрослый или ребёнок. Все склонялись перед могуществом колдунов, которых тут называли «Владыками». И называли их так не зря — чародеи действительно повелевали жизнью и смертью. Особенно смертью.

Каждый житель города платил им дань — деньги, которые здесь назывались «касба» делались не из привычных металлов, а являлись маленькими шестиугольными плоскими кусочками камня. Тот, кто заплатил, получал на руку особую печать, позволяющую проходить мимо каменных стражей, заходить во внутренний город, покупать артефакты и заклинания, и даже просить Владык о милости. Впрочем, у невольного собеседника Ксинга никогда не было достаточно денег для второго и третьего уровня печати, не говоря уже о покупке чар. Но самое главное — обладатель печати мог пережить ночь, не став жертвой маридов и блуждающих во тьме чудовищ. Печать со временем тускнела и исчезала: если

вовремя не заплатить денег, чтобы один из Владык её обновил — участь такого человека становилась незавидной. Тот, у кого не хватало денег на печать, либо же не мог заплатить за ночлежку, где хозяева покупали у Владык особые амулеты для защиты всего дома, однажды просто-напросто исчезал. Его бездыханное тело либо находили утром, либо не находили вовсе. Человек без печати звался «матруд» — отверженный, находиться с таким рядом ночью было опасно. Ведь нередко случалось так, что мариды, пришедшие за отверженным, выпивали жизнь у всех в доме, даже если у тех имелась печать.

— Самый верный, пусть и непростой способ заработать достаточно касба, — говорил пленник, — это работа на шахте. Но если у тебя нет печати, ты не выйдешь из города и не войдёшь назад. Те, кому приходится спать в ночлежках — уже мертвы, пусть пока ещё дышат и ходят. К этим мертвецам скоро присоединюсь и я, если ты меня сейчас же не отпустишь.

— А если отпущу? — поинтересовался Ксинг.

— Тогда... Да чего уж там! Тогда я всё равно мертвец, но, возможно, протяну немного дольше, — склонил голову пленник. — После того, как камни рухнули мне на ногу, идти на работу приходится слишком долго. Много руды я добыть не успеваю, да и домой надо попасть до темноты, а значит, и выходить тоже раньше. Когда я умру, умрёт и моя жена. Надеюсь, дочерей заберут в достаточно богатую семью, а сыновей направят в стражу. Старшему через год исполнится десять, возраст получения печати. Он у меня старательный, не пропадёт, в отличие от своего глупого отца.

— А что за шахта? — поинтересовался Ксинг. — Что вы там добываете?

— О, шахта — гиблое место! — ответил пленник. — Она находится возле самого Лахиб Шаид, и поверь, незнакомец, нестерпимый жар вулкана чувствуется даже там. Но хуже всего Шу-Ни, мерзкие маленькие птички, готовые выклевать глаза любому, кто потревожит их покой. Иногда из самого жерла Лахиб Шаид выбираются саламандры, они живут в глубинах пламени, но не прочь искупаться в горячей воде, что бьёт из-под горы, и ещё больше не прочь перекусить нерадивым шахтёром или даже надсмотрщиком. А ещё может налететь птица Рух, которая способна убить даже саламандру, не то что человека! Ты спрашиваешь, что мы добываем? Никто не знает, кроме Владык. Но говорят, что в руде, которую мы сдаём в течение дня, содержится азрак!

— Азрак? — удивился Ксинг.

— Марвахат азрак! Волшебный металл, который Владыки ценят больше всего на свете! Он стоит больше, чем все наши жизни вместе взятые!

Ксинг засунул руку под шемаг и, коснувшись подбородка, задумался. Многие вещи, произошедшие за последние сутки, обрели ясность. Пленник сначала бросал отчаянные взоры на улицу, а потом просто опустил голову и поник.

— Всё, незнакомец, — наконец, сказал он. — Моё время ушло. Я сегодня не успею добыть достаточно руды, а значит, не получу свои деньги. Моих сбережений хватит, чтобы обновить печать жены, надеюсь, над ней смилостивится Видад, и она найдёт себе нового хорошего мужа. Если же нет — ну что же, мы прожили тяжёлую, но счастливую жизнь.

— Вытяни руку! — приказал Ксинг. — Да не эту, болван! Ту, что с печатью!

Пленник не стал спорить — его глаза погасли и, судя по ци, ему стало уже всё равно.

Ксинг сосредоточился до предела, изучая очень сложные и затейливые потоки энергии. Этот «сихир» пусть и несколько отличался, но всё равно был похож на ци. И пусть Ксинг не понимал, как работает эта печать, зато осознал всю подлость её создателя. Сихир, ци, энергия, что бы это ни было, медленно вытекала через намеренно проделанную брешь. И

пленник был прав — осталось совсем чуть-чуть, максимум, пара дней, пока потоки окончательно не рассеются.

— Когда ты обновляешь печать, колдуны что-то записывают? — поинтересовался Ксинг. — Ну, в какую-то книгу, или свиток, или ещё куда? Чтобы знать, кто заплатил, а кто нет?

— Для чего? — без интереса спросил пленник. — Кто не заплатил — умрёт. Просто платишь и подставляешь руку, свою и жены. Я уже не заплачу никогда. Даже если бы и хватило на этот раз, с такой ногой работник из меня निकудышный.

— Это хорошо! — рассмеялся Ксинг.

Несмотря на обречённость и безразличие пленника в ци его промелькнула искра обиды. Ксинг не обратил на это внимания, а покрепче ухватил его ладонь, преобразовал внутреннюю энергию в нечто, максимально схожее с энергией печати, после чего направил изменённую ци прямо в руку. Тусклая, почти стёршаяся печать сразу же налилась красками и ярко засияла. От безразличия пленника не осталось и следа, он уставился на Ксинга, словно на одного из Двенадцати Богов.

— Ты мне здорово помог, — улыбнулся Ксинг. — Поэтому я помогу тебе.

— Но вы уже мне и так помогли, о Влады...

— Заткнись, идиот, — раздражённо оборвал его Ксинг и пленник тут же подчинился.

Поправив напоследок структуру печати, чтобы остановить утечку энергии, Ксинг обратился к сердечному дантяню, зачерпнул ци и направил её через руку пленника тому в тело. Повреждённое и неправильно зажившее колено, горевшее перед духовным взором Ксинга тревожным гнойно-жёлтым цветом, стало приходить в порядок: кости и хрящи ломались и срастались заново, воспаления стихали, а кровь легко побежала по исцелённым жилам. Не прошло и двух дюжин вдохов — и нога стала вновь здоровой, как подозревал Ксинг — гораздо лучше, чем была когда-либо раньше.

Пленник, чьё тело перестала терзать боль, понял всё сразу. Он, не раздумывая, спустил свои мокрые штаны и уставился на совершенно здоровую чистую кожу. Видимо, решив свести насмарку всю работу Ксинга, он рухнул на свежеисцелённые колени и коснулся лбом каменной мостовой.

— О великий Владыка, почтивший ничтожного и презренного Адиба своим бесценным вниманием! Простите, что я сразу не догадался кто вы! Простите! Простите! Я не знал, что круг Детей Равды — не глупые легенды невежественных простолюдинов, что вы действительно существуете и помогаете нам, простым смертным! И если я когда-нибудь смогу вам чем-то...

Ксинг уже не слушал, он вознёсся на крышу и помчался прочь, довольно ухмыляясь. Пусть он ничего не понимал в чарах, но прекрасно запомнил структуру этой печати, а значит, теперь повторить её не составит ни малейшего труда!

Целый день понадобился Ксингу, чтобы воссоздать эти чары у себя на руке. Как оказалось, знать и видеть структуру и воспроизвести заново — задачи совершенно разных уровней сложности, под конец у Ксинга даже мелькнула мысль, что гораздо лучше и проще просто жить в Ахрибаде, а назойливых маридов прихлопывать по мере необходимости. Наконец, он настолько вымотался, восстанавливая плетение, что без затей заснул — напоследок погрозив кулаком пролетающим где-то там злобным духам. И те то ли испугались угрозы, то ли печать оказалась в порядке, но до утра он проспал безо всяких

помех.

Утром на самом рассвете он направился к воротам, контролируя ци окружающих, чтобы случайно не столкнуться со своим вчерашним знакомцем Адибом, способным опознать его по глазам или одежде.

Отстояв длинную очередь в городских воротах, Ксинг направился следом за многочисленными шахтёрами по хорошо утоптанной дороге. Львов либо до сих пор не починили, либо печать всё же работала правильно, но через врата он прошёл безо всяких происшествий. Идти оказалось довольно далеко, на дорогу ушло больше часа. И это серьёзно бесило — ведь если бы не пришлось притворяться простым человеком, он бы домчался в мгновение ока.

В своём воображении Ксинг рисовал шахту в виде змеящегося прохода в недра скалы — по образцу того, что он когда-то сам выкопал возле Дуоцзя. Но это представление оказалось в корне ошибочным. Словно пчелиные соты, гору усеивали множественные входы, усиленные деревянными крепями, и в каждый из них направлялась вереница людей. Из некоторых вели деревянные обитые железом рельсы, на которых стояли большие ящики на колёсах. Неподалёку от шахт, прямо у края обрыва громоздилось длинное и уродливое здание, внутри которого, судя по ци, находилась пара магов, и работало не менее десятка амулетов. Прямо в эту огромную каменную коробку вела ещё одна пара рельс, на этот раз цельнометаллических, на которых стоял не просто ящик, но целая здоровенная телега.

Ксинг последовал за шахтёрами и подошёл ко входу в одну из шахт, где стоял надсмотрщик с большой глиняной табличкой, если судить по содержащейся в ней ци, явно являющейся артефактом. Каждый из шахтёров прикладывал к табличке руку и проходил внутрь. Голова Ксинга лихорадочно заработала. Печать, что сейчас светилась на его руке, являлась точной копией другой такой же. Он не имел понятия, каковы будут последствия для этого Адиба, но заниматься проверкой и не хотелось. Ксинг прикрыл глаза и очень осторожно, чтобы не встревожить колдунов, выпустил ци, изучая печати остальных шахтёров. Он быстро выяснил, что в их структуре есть много схожего, отличаются они лишь одним незначительным узором. Поэтому он чуток торопливо изменил узор в своей печати, стараясь сделать его одновременно как похожим, так и отличающимся от остальных.

— Эй ты! — вырвал его из раздумий окрик надсмотрщика с табличкой. — Да, ты, болван! Ты что тут, заснул? Печать, быстрее!

Ксинг подавил раздражение и неожиданное даже для себя самого желание ударить крикуна, так что молча протянул руку.

— Новенький, что ли? — спросил надсмотрщик. — Ладно, не отвечай! В сторону, пропускай других! Ряд, тут новенький! Объясни ему всё!

Под недовольный ропот толпы Ксинг вышел и подошёл к маленькому и чуть дёрганому человечку, который появился откуда-то после окрика.

— Новенький? — ухмыльнулся тот ртом с кривыми зубами. — Ну, ну не стесняйся, все когда-то были новенькими! Кирки нет?

— Нет, — признался Ксинг.

— Пф, да не кисни! Поначалу ни у кого не было! К счастью, Владыки обо всём позаботились, будет тебе кирка! Стоимость вычтем из твоего заработка.

— И сколько она стоит? — спросил Ксинг.

— А тебе не всё равно? — оскалился надзиратель. — Вот скажу тысячу касба, что ты сделаешь? Хватило бы у тебя денег на кирку, ты бы сюда не пошёл!

— Я...

— Да не бойся! Будешь отдавать только половину заработка! Но пока не расплатишься, кирку будешь оставлять тут. И это к лучшему, не надо тащить такую тяжёлую штуку в город!

— Я никогда не работал здесь на ша...

— Можешь не объяснять! Ты у меня не первый и даже не сотый. Ты не знаешь, что надо делать, не знаешь, сколько руды добыть, куда её девать и сколько денег получишь. Я прав?

— Прав, — признал Ксинг.

— У нас тут всё добровольно! — фыркнул надзиратель. — Сколько хочешь — столько работаешь. Видишь тележки? Мы зовём их «вагонетками». Пригоняешь полную тележку — прикладываешь руку к табличке. Не хватает вагонеток — берёшь корзины в том сарае. Но с корзинами ходить придётся чаще!

— А что, если...

— Будет в корзине или вагонетке меньше, чем положено — не засчитаем ничего! Насыпешь в корзину больше — лишнее тоже не засчитаем, тут с этим строго! Да ты не волнуйся, никто не обманет! Всё под контролем Владык, а им главное, чтобы хватало руды, и её поток не прекращался. Меня спрашивай, других не трогай — всё равно не ответят, им самим руду добывать!

— А какую...

— Какую руду? Руби всё, что видишь! Никто не знает, что мы тут добываем. Вернее, Владыки-то знают, но не скажут, а остальные и рады приврать, так что их не слушай. А то начнут тебе рассказывать, что тут добывают азрак! Чушь всё это! Вернее, может и не чушь, может и на самом деле азрак, а может и что угодно. Может Владыкам вообще просто нравится скидывать лишние камни с обрыва — нечего тут гадать.

— А монстры...

— Наслушался рассказней? — хохотнул надсмотрщик. — Ерунда всё это. Если у тебя хватит ума не лезть в Лахиб Шаид, то и монстров не увидишь! Птиц, главное, не трогай, всё будет в порядке. И купаться тоже не ходи!

— Купаться?

— Выше по горе. Бьёт там горячая вода фонтаном, а потом стекается в озерцо. У тебя умное лицо, хоть и какое-то странное, нездешнее. Так что верю, что ты туда не полезешь. Если не сожрут саламандры, тогда просто сварись, как последний глупец. Саламандры, бывает, и сюда забредают, но не бойся, тут рядом Владыки, если что, отгонят. Да и убивают обычно твари ну одного, ну двух. А ты сам видел, сколько вас тут таких бедолаг. До тебя точно не доберутся!

— А...

— Да бери уже кирку, корзину и иди! Думаешь, ты у меня один такой? Вон глянь — уже трое стоят, ждут. Давай уже, проваливай!

Ксинг подхватил протянутую кирку, взял одну из корзин возле входа и направился в шахту, ощущая себя снова маленьким Фенгом, живущим в деревне, на которую сморкаются боги.

Дни шли за днями, Ксинг работал в шахте, присматривался к обстановке и зарабатывал свои первые деньги. Сколь бы ужасной ни была кирка, из какого бы скверного железа ни сделана, стоила она, словно меч наместника. Но Ксинг работал в поте лица и полностью расплатился всего за два дня, вызывая удивление надсмотрщиков и неприязнь собратьев-

шахтёров. Дальше пошла чистая прибыль. Ксинг часто изучал камни, которые здесь добывал, и кое-какое непонятное чувство заставляло его хмуриться. В этой руде что-то было, что-то одновременно странное и знакомое. Лишь на утро второго дня Ксинг наконец понял, что в камнях содержатся мельчайшие частички того странного металла, из которых он сделал браслет. Это требовало проверки, так что ночью в город он не вернулся.

Как оказалось, ночёвка в лесу ничуть не защищает от маридов. Более того, здесь они лютовали особо, так что пришлось уничтожить всех, кто попался ему на глаза. Он проведаль огромное здание, где нашёл странную, полную механических частей и различных заклятий машину, производившую непонятно что, а отходы сбрасывающую с обрыва. Он спрыгнул вниз, на целые горы пустых отвалов породы, где с помощью ци обнаружил, что пусть эта руда и бедна, но кое-какие остатки чародейского металла в ней имеются всё равно. И что они прекрасно извлекаются с помощью элементов Металла и Земли. Таким образом, Ксинг получил в своё распоряжение два больших, размером с кулак, слитков того странного фиолетового материала, что он когда-то достал из сердец марионеток на острове.

А затем он проверил вулкан. Ксинг ожидал увидеть там лаву, облака дыма и искр. Однако, тут была ци и только ци — агрессивная, яростная и безжалостная. Ксинг не стал забираться далеко вглубь, так как понял, что дальше пришлось бы идти голышом — ведь иначе все вещи, кроме, наверное цепа, обратились бы в пепел.

Саламандры оказались огромными ящерицами размером с лошадь. Они ничуть не боялись огня, но при этом любили нежиться в водичке — исходящих паром озёрах с водой, мало отличающейся от кипятка. Купаться Ксинг тоже любил, так что с помощью цепа показал наглым тварям, что еда из него совсем неподходящая, а вот неприятностей нажить можно запросто. Отпугнув их напоследок своей давящей ци, Ксинг, наконец, смог расслабиться, помыться и отдохнуть.

Ему нужен был дом. Место, где получилось бы не только жить, но и работать, снова обрасти вещами и знакомствами. Место, в которое он сможет возвращаться и называть его своим. Можно было бы, конечно, возвести свой дом тут в лесу, либо на берегу одного из кипящих озёр, или же прямо в жерле вулкана. Много времени на это бы не понадобилось, к тому же у подобного дома имелась масса преимуществ. Тут, в сосредоточении огненной энергии, можно было бы ежедневно культивировать и закалять тело, с каждым мгновением обретая всё большую силу. Можно устроить тут мастерскую и кузню, купаться в приятной горячей воде, а питаться саламандрами либо мелкой живностью. Многие герои из кристаллов в один из периодов своих жизней делали то же самое — уединялись в горах, становились отшельниками, изобретали новые техники и обретали новое просветлённое понимание старых. Даже знаменитое Рассечение Небес и Земли, которым Бао Сяо сразил столько врагов, тоже родилось в подобном месте. Тут, в жерле вулкана, Ксинг мог бы стать намного сильнее и, может, через несколько лет сравниться даже с учителем!

Вот только имелись у подобного жилища и недостатки. Ксинг не слишком боялся колдунов, но те могли обнаружить подозрительное здание, разрушить его и осквернить. Отсюда было слишком далеко от города, от источника сведений и знаний, к тому же Ксинг понял, что немного устал от одиночества за время путешествий. И, самое главное — его интересовало колдовство: ожившие статуи и огненные марионетки, барьеры и скрытые пространства. Он мечтал о полётах, не только на летающем мече или огромной птице, хотелось уметь парить, как Шариф, в воздухе, или же переноситься сквозь пространство на дальние расстояния, только на этот раз по своей воле. И для этого следовало быть как можно

ближе к сердцу этой магии — к Ахрибаду.

Обе цели, сила и знание, были одинаково важны, но достижение их противоречило друг другу. Вот только если Ксинг и научился чему-то за эти годы — так это как раз совмещению несовместимого.

— Привет, Касим! Наконец-то ты снова открылся! Вот чего бы тебе не открывать «Фенг» каждый день? Много касба бы заработал, богатым бы уже был!

— Прости, Махуд, но не только в деньгах счастье! Эй, не стойте, проходите! Сегодня открыто до обеда, время есть, но его не так много!

Небольшая очередь, стоящая перед воротами, быстро просочилась внутрь двора, расселась за длинную стойку и по столикам. Ксинг подошёл к доскам, на которых уже лежали ингредиенты и принялся за шинковку. Заранее разожжённые печи и плиты пылали, Ксинг для вида подкидывал дрова, но готовил, конечно же, с помощью ци.

— Эй, Касим, ты обещал...

— Конечно, Бахар, твой кинжал готов! — улыбнулся Ксинг, вытягивая из под стойки клинок без ножен, подкидывая его из-за спины, перехватывая в воздухе и протягивая за лезвие будущему владельцу.

— Ох, какой хороший кинжал! Даже лучше, чем у Мазлума! Он своим, я видел, перерубил гвоздь, а на лезвии ни царапинки! Великий ты кузнец Касим!

— Тогда может дашь мне великие деньги? — ухмыльнулся Ксинг. — Ладно, давай, расплачивайся, и либо заказывай ещё что-то, либо не мешай другим!

Ксинг кивнул на стоящий на прилавке большой горшок, куда посетители кидали деньги. О поваре, лекаре и кузнеце, который не торгуется, уже начали ходить слухи. Как оказалось, в местной мифологии существовал то ли демон, то ли бог по имени Раи аль-Ваджиб, который выполнял желания путников, но стоило его обмануть, тогда на обманщика обрушивались тысячи несчастий, от которых даже смерть не становилась избавлением.

После того, как Ксинг показательно прогнал пинками пару идиотов, решивших надуть его на несколько касба, о Ксинге начали шептаться. Ксинг, усиливая слух ци, неоднократно слышал, что его называют «Касим аль-Ваджиб».

— Готов наш заказ? — спросил один из посетителей.

— Конечно! Две утки в собственном соку и тушеные грибы, забирай!

Ксинг молниеносно наложил еду на глиняные тарелки и отправил одну за другой в конец гладкого прилавка.

— Ксинг...

— Твоё послание уже доставлено, Махуд, — заверил Ксинг. — Вот ответ.

Огромный, мускулистый скорняк, посмотрел с признательностью. Физическая мощь странно сочеталась с робостью в делах сердечных, и Ксинг уже скоро как месяц, почти с самого открытия «Генерала Фенга» таскал записки девушке, о которой вздыхал Махуд, и передавал от неё ответы.

Первые деньги, что он заработал на шахте, пошли на оплату дома. Этот дом был достаточно большим, имел просторный двор и находился в неплохом месте. За него пришлось бы отдать гору касба, если бы не одно «но»: дом считался проклятым, ведь в нём подряд погибло четыре семьи, найдены были лишь окровавленные и обезображенные тела, да и то не всех. Хозяин, седой трясущийся бородач, принимая у него деньги на полгода вперёд, пытался его отговорить, поискать другое жильё и не губить молодость. Разумеется,

Ксинг не послушался.

На всякий случай ночью он пробежался по округе, уничтожил с десятков маридов и ещё двух плешивых двуногих волков, которые, как и первый, рыскали по улицам. Но ничего опасного и сверхъестественного он так и не заметил.

Он не планировал работать по-настоящему, с утра до вечера. Большие средства для существования ему были не нужны, всё свободное время он собирался культивировать и заниматься исследованием Ахрибада. Так что открывал он своё заведение изредка и нерегулярно, цены выставял выше среднего, да ещё и не торговался — именно для этого и поставил на прилавок глиняный горшок.

Ксинг думал, что мрачная репутация этого дома отпугнёт посетителей, ну а странности хозяина ресторана разгонят оставшихся, но, к его полному удивлению, после первых робких посетителей народ повалил толпами, причём, выстраивался у ворот с самого рассвета, стоило над воротами появиться жёлтому флажку — знаку, что сегодня заведение будет открыто.

Основными делами Ксинг занимался не тут — он всё-таки выстроил домик неподалёку от вулкана, где оборудовал кузню и лабораторию. Но отсутствие горна лишь укрепляло посетителей в мысли, что Касим — свирепый, но вполне доброжелательный дух, и что если его не злить, можно уйти с большой выгодой: сытым, довольным, с хорошим оружием или чудодейственным эликсиром.

Ксинг готовил еду, варил зелья из ингредиентов заказчиков, занимался кузнечным делом, рассказывал истории из свитков и кристаллов, а также просто давал советы. Все остальное время он либо носился по Ахрибаду, знакомясь с жителями и заведениями, либо культивировал в жерле вулкана, куда заходил голышом, чтобы не пожечь новую одежду, которую он купил взамен подистрепавшимся таубу и шемагу, доставшимся от бадави.

Он хищно поглядывал на саламандр, заходящих в пламя даже дальше, чем пока что мог он, прикидывая, какие ингредиенты понадобятся для выделки их шкур и насколько прочной получится одежда. Время от времени он отлавливал мелких агрессивных птичек, которых тут называли «Шу-Ни». Это название было смутно знакомым, но помедитировать и вспомнить откуда как-то не доходили руки. Мясо и перья этих птиц содержали очень много тёплой энергии ян, так что Ксинг не только их ел, но и пробовал использовать в эликсирах.

К сожалению, пусть Ксинг неплохо освоился и ознакомился с Ахрибадом, но самого главного пока не достиг. Все чародеи жили во внутреннем городе, соревнуясь между собой в высоте башен. Вход во внутренние ворота преграждали статуи гигантских воинов, которые внутрь Ксинга не пропускали. Он, конечно, мог прорваться, но решил этого не делать — ведь если поднять тревогу, как он сделал в первый раз, придётся сражаться серьёзно, сказочкой о Шарифе, забросившем в город бедного иноземца, теперь не отделаешься. Если бы у кого-то из его посетителей имелась печать высоких уровней, проблема сразу же отпала бы. Но увы, скопировать печать было не у кого, поэтому Ксинг и собирал деньги, чтобы заказать её о колдуна. Подделывать здешние касба, создав из их камня и внедрив слабое плетение ци, не составило бы ни малейшего труда, но ни один герой не занялся бы презренным фальшивомонетничеством!

— ...до сих пор ищут!

— Ещё бы! Сначала погиб один Владыка, а потом и ещё двое!

— Так месяц прошёл! Поверь мне, это всё неспроста! Как думаешь, может Дети Равды ещё...

— Да заткнись, идиот! Нас всех погубишь!

Ксинг не стеснялся подслушивать разговоры посетителей, ведь именно из них он узнал столь много интересного. Он выяснил, что в былые благословенные времена тут не было никакой пустыни, город, несмотря на отдалённое положение, процветал. А потом что-то случилось, схлестнулись две то ли секты, то ли церкви, эти самые «Дети Равды» и «Слуги Талама», после чего вмещались боги и возник барьер из песка и молний, уничтожающий всё живое. И что если бы не Владыки, защищающие от маридов и прочих несчастий, город давно бы вымер.

— Привет, Адиб! — окликнул Ксинг нового посетителя. — Как нога?

— Эй, Касим, чего ты слушаешь этого дурака? — рассмеялся кто-то из гостей.

— Сейчас он и тебе расскажет, что встретил Владыку, вылечившего его, не взяв денег!

— Или что бесплатно обновил печать.

— Эй, Адиб, а может это был не Владыка? Может это кто-то из демонов или духов?

— Джинн! Ты встретил джинна! Или ифрита!

— Зубоскальте, дуралеи, зубоскальте! — беззлобно рассмеялся Адиб. — Может, конечно, и не Владыка. Может дух. Я видел только глаза, и они у него были добрыми, как у... Как у Касима. Да и акцент...

Смех мгновенно утих, словно отсечённый топором. Все посетители уставились на Ксинга и зашептались между собой, многозначительно кивая.

— Что закажешь, Адиб? — спросил Ксинг. — И чего сегодня не на шахте?

— Да я как раз туда и бегу. Слышите, болваны, бегу! Бегом! На своих ногах! А месяц назад и ходить не мог! Ну так вот, Касим, пробежал мимо, хотел поблагодарить за кирку. За неё ты, конечно, взял немало, но зато теперь все мне завидуют! Колет камень, словно нож халву, а острая — как взгляд моей жены, когда я ненароком посмотрю на соседку!

Посетители словно вышли из ступора. Послышался смех, разговоры, выкрики и советы. В основном шутки крутились вокруг темы, что надо делать с соседкой, как глубоко заходить в шахту, и какую именно породу долбить этой самой киркой.

Ксинг тоже улыбнулся. Настроение было прекрасным — денег почти хватало, так что ещё пара дней — и он сможет пойти к колдунам, чтобы поставить новую печать. Ну а дальше... Маг, к которому он очень скоро нанесёт визит, у него на примете уже имелся.

Глава 22, в которой герой тоскует по дому и встречается со старым знакомым

Изначально после получения улучшенной печати и, следовательно, доступа во внутренний город Ксинг намеревался прокрасться в ночи, вызнать, что творится в башнях магов, получить новые знания, после чего заняться созданием вожеленного кольца. Вот только пока что он даже не знал обычной письменности жителей Ахрибада, не говоря уже о ни на что не похожих колдовских символах с марионеток Шарифа и кожи гигантской черепахи. Поэтому начинать всё же следовало с чего-то более основополагающего.

Ксинг, конечно, мог научиться читать и писать у кого-то из посетителей своего заведения, но тут имелось несколько серьёзных препятствий: во-первых, большая часть из них не умела читать, во-вторых, ко всем странным слухам о нём добавился бы новый, ну а в третьих... В третьих ему просто не хотелось ждать, его снедало нетерпение, и хотелось действий. Настолько хотелось, что он был готов рискнуть большой суммой денег в случае если печать отличается настолько, что её не удастся ни исправить, ни повторить.

Чародей, рассматривал руку удивлённым взором, то ли ему чем-то не понравилась старая печать, которую Ксинг привёл в подобающий потрёпанный и почти распадающийся вид, то ли никак не мог поверить, что хоть кому-то в этом городе настолько понадобился высший уровень, что он готов отвалить за это гору денег.

Изучив печать, Ксинг убедился, что она мало чем отличается от старой, осталась даже брешь, из которой всё так же вытекала ци. Добавился лишь один не слишком сложный узор, который Ксинг повторил бы даже во сне.

Залатав брешь в печати, он вернулся в «Генерал Фенг» и принялся за готовку. Закончив, Ксинг подхватил корзинку, и направился во внутренний город. На первый взгляд идти напрямик в логово неприятеля было бы опрометчиво, но, как говорил Неукротимый Дракон: «Если тебя ждут со стороны гор, обойди и нападай из долины», а кто Ксинг такой, чтобы игнорировать этот источник мудрости?

Врата во внутренний город, одни из них, охраняли каменные истуканы. Когда Ксинг пересёк тонкую завесу ци, печать на его руке коротко блеснула, но стражи остались неподвижными. Ксинг мог, конечно, попытаться пройти и без печати, скрыть свою ци или даже пробраться под землёй. Но решил пока этого не делать, воспользовавшись самым простым и законным вариантом. В будущем он, конечно, испытает охрану на прочность, но пока что в этом просто не было смысла.

Он побродил немного по городу, осмотрел несколько дорогих лавок с зельями, амулетами и талисманами, взял на заметку башни чародеев, включая самую огромную в центре, чей шпиль с бьющим в небо потоком ци, казалось, пронзал сами небеса. Ну а потом направился на окраину, почти что к самой стене, где стояла одна из самых обветшалых и потрёпанных башен, которую он заметил уже давно, ещё до получения печати. Владелец башни, видать, знавал и более хорошие времена, именно поэтому Ксинг его и выбрал.

— Остановись, незнакомец! — сказала одна из статуй, когда Ксинг попытался пройти сквозь незапертые врата в высокой ограде. Стражи, выглядящие как высокие воины с птичьими головами, горящими глазами и загнутыми клювами, выступили вперёд, грозно вскинув кривые короткие сабли. Вернее, это выглядело бы грозно, не знай Ксинг, что сможет разломать их в любой удобный момент.

— Привет! — жизнерадостно помахал он рукою.

— Уходи, незнакомец! — зарокотала вторая статуя.

— У вас всегда такой маленький запас реплик? Или вы платите по касба за каждое новое слово?

— Уходи, незнакомец! — повторила статуя.

— А разве вам не следовало вначале спросить, для чего я сюда пришёл?

— Для чего ты пришёл, незнакомец? — послушно спросила статуя.

— Я ваш новый очень приятный и искусный сосед! И по обычаю добрососедства принёс хозяину башни подарок: вкусные, ароматные и аппетитные фуцзяньские булки!

— Уходи, незнакомец!

— Фуцзяньские булки! Лучшие булки в мире! От хруста которых лопается стекло, а от огненной энергии даже ты, каменный болван, можешь превратиться в дракона!

— Уходи, незнакомец!

— Скажи, а кто ты такой, чтобы решать, уйти мне или нет?

— Уходи, незнакомец!

— Позови лучше хозяина, а уж он-то решит сам!

— Кто ты таков, незнакомец?

— О, очень рад, что ты спросил! Я — Ксинг, но меня все зовут Касимом. Из мастерской, ресторанчика и кузни «Генерал Фенг». И принёс в подарок живущему здесь Владыке фуцзяньские булки!

— Уходи, незнакомец!

Ксинг скривился. Кто бы не создал этих марионеток, они оказались довольно тупыми, гораздо более примитивными, чем стоящие на воротах города. Он проверил башню и нашёл там один-единственный источник ци, магом, похоже не являющийся. Судя по всему, это была женщина. Может служанка, а может жена или наложница.

— Эй, хозяин! — воскликнул Ксинг, чуть усилив ци голос. — Булки скоро остынут и перестанут хрустеть!

— Уходи, незнакомец! — вновь хором повторили стражи.

— Очень вкусные булки! Самые вкусные на весь Ахрибад! Нет, вкуснейшие в мире!

— Уходи, незнакомец!

Стражи раздражали, но желание разломать их на куски Ксинг подавил. Возможно, он это и сделает, но чуток попозже.

Внезапно дверь распахнулась, и из неё вышла девушка. «Всё-таки служанка», — подумал Ксинг. Она была одета в простую блузу с закатанными рукавами и тёмные шаровары из хлопка. В одной руке она до сих пор держала небольшое деревянное ведёрко, а во второй — тряпку.

— Эй, ты! Ты чего орёшь? И вообще, ты кто такой?

Ксинг уставился на девушку и застыл. Она была очень красива — не как Мэй, конечно, но всё равно, обладала ослепительной красотой, ничуть не уступающей Альмирах, и даже мешковатые одеяния не могли скрыть стройной гибкой фигуры. Видать, владельцу этой башни требовалась не только уборка, но и кое-что гораздо более приятное. Для порядка Ксинг вновь проверил её ци — на случай, если вдруг она и является владелицей башни, но для чего-то решила замаскироваться. Но нет, пусть уровень энергии и немного отличался от уровня посетителей «Фенга», но изрядно уступал даже самым слабым из встреченных им колдунов.

— Меня зовут Ксинг Дуо, но ты, красавица, можешь звать меня, как и все остальные, Касимом.

— Очень интересно! — притворно улыбнулась служанка. — На самом деле нет, не интересно. Гораздо интереснее, чего ты орёшь, и почему не проваливаешь вон, как тебе говорят хранители?

— Хранители? Эти болваны?

— Из вас троих я вижу только одного болвана! Ты так и не ответил на вопрос!

— Просто забежал в гости, — улыбнулся Ксинг. Эта бойкая и острая на язык девушка нравилась ему всё больше и больше. — Ну и принёс булки. Лучшие фуцзяньские булки, такие не купишь за все касба мира.

— Конечно, не купишь! — фыркнула девушка. — Я вот тоже не куплю, потому что мне твои булки не нужны!

— Ты уверена, красавица? — засмеялся Ксинг, открыв крышку корзинки и помахав над ней ладонью, направляя на девушку аромат.

— Конечно же уверена! Не нужны мне никаки... — служанка осеклась, дёрнула носом и приняхалась. — Пахнет очень неплохо!

— А на вкус ещё лучше! Съешь этих мягких фуцзяньских булок да выпей чаю — и ты словно окажешься в горячем сердце Лахиб Шаидид, но не испепеляющем, а согревающим! В своём ресторанчике я прошу за них огромные деньги, и поверь, желающие все равно дерут друг друга за бороды, чтобы заполучить их как можно раньше!

— Ну так и шёл бы продавать в своём ресторанчике, — ответила девушка, но гораздо мягче, совсем без былой уверенности. — Денег у меня почти нет. Бороды тоже.

— Видимо, так и придётся сделать, — притворно вздохнул Ксинг. — Я-то хотел угостить хозяина этой башни, но встретил только свирепую служанку и двух куриц, у которых даже нет нормальной грудки.

— Куриную грудку я тоже люблю, — улыбнулась девушка, вызвав у Ксинга новый прилив симпатии, — но ты прав, у каменных хранителей она чуток жестковата. Увы, Ксинг, сейчас кроме меня в башне никого нет, да и когда будет — неизвестно.

— Хозяин умчался по делам, — понимающе кивнул Ксинг, польщённый, что его назвали настоящим именем. — Не беда! Признаюсь честно, гораздо приятнее разговаривать с такой красоткой, а не с зарывшимся в свитки старым пердуном. Ладно, просто потому, что твои глаза столь прекрасны, забирай! Было очень приятно познакомиться!

Девушка колебалась, о чём-то задумавшись.

— Не бойся, красавица! Булки не отравлены. Можешь кого угодно спросить во внешнем городе — в «Генерале Фенге» всегда подают только самое лучшее!

— Но деньги...

— Не беспокойся! Такой богатей, как я, — Ксинг взмахнул рукой, показывая свою печать, — может себе позволить угостить понравившуюся девушку. Особенно если эти булки он испёк сам.

Девушка звонко засмеялась, кинула тряпку в ведро и выхватила корзинку из рук Ксинга.

— Шадия!

— Что, «шадия»? — не понял Ксинг.

— Зовут меня Шадия, болван, — рассмеялась девушка. — Ну ладно, заходи! Я поставлю чай.

— Но...

— Его пропустить! — приказала она болванам. — Это гость!

Статуи развернулись и отошли, вновь встав по обе стороны ворот.

Ксинг ухмыльнулся и последовал за девушкой, любясь вовсе не высотой башни или ухоженностью маленького садика во дворе.

Что в Жумэне, что в Могао, что в Мыаньтао, не говоря уже о Дуоцзя, Ксинг часто встречал таких женщин, как Шадия. «Таких» не внешностью — девушек, способных соперничать с ней красотой Ксинг мог бы пересчитать по пальцам одной-единственной руки. «Таких», словно тётка Жао или базарные торговки — ведь подобно им Шадия была в курсе всего или почти всего, и по каждому поводу имела своё мнение. Как-то само собой получилось, что после первого визита к ней в гости последовал второй, а за ним и третий.

Шадия очень много знала и была интересным собеседником, поэтому общение с ней доставляло немало удовольствия. Ксинг спросил у неё совета, как лучше научиться писать и читать, и она сама предложила заняться его обучением. Разумеется, Ксинг согласился. Он бы, конечно, с большим удовольствием изучал с ней совсем другие трактаты, причём, не только теоретически, но и со всей полагающейся практикой, но не хотел своей напористостью испортить отношения, отравив зарождающуюся дружбу.

Девушка оставалась полной загадкой. Для простого человека у неё был слишком высокий уровень ци, но для мага — слишком уж низкий. Её образованность и глубокие познания в сложных темах никак не подходили для служанки, но вместе с тем, будь она всё-таки магом, пусть даже слабейшим из слабейших, ей бы не пришлось столько работать самой, бегать на рынок и заниматься готовкой. А ещё у неё совсем не было печати, причём, любой, а не только высоких ступеней. То есть она, по сути, являлась пленницей, не имеющей возможности выйти во внешний город и вынужденной ночевать только тут в башне с амулетами, защищающими от маридов.

Ксинг несколько раз помогал ей с покупками, заодно посетив и рынок внутреннего города. Цены тут были несколько выше, чем во внешнем, но, на удивление, не так уж и много, но при этом попадались интересные продукты и редкие вещи. А потом Ксинг помогал готовить, показывая на небольшой кухне колдовской башни своё поварское мастерство.

— Мне бы хотелось обучиться магии! — заявил он однажды, когда посчитал, что их отношения стали достаточно крепкими и близкими, чтобы выдержать даже серьёзную бестактность или нарушение какого-то неизвестного запрета. — Как это сделать?

— Магия... — задумчиво ответила Шадия. — Да, ей можно научиться. Вот только для этого нужны две вещи. Даже три.

— Какие же? — спросил Ксинг.

— Нужно найти хорошего учителя, который не только захочет тебя учить, но откроет тебе Марказ аль-Кувва — центр силы или, как его зовут, око разума. Ещё нужно иметь достаточный дар, ведь без дара любая учёба бесполезна, как сильно ни старайся. И, самое главное, для этого тебе должно быть не более девяти лет. Прости, Ксинг, даже если твой талант самый яркий не только в Ахрибаде, но и на всём континенте, даже если ты найдёшь способ пройти инициацию, покорив хрустом и вкусом своих булок величайшего из Владык, всё равно ты слишком стар и сможешь получить лишь жалкое подобие ока разума, которое будет выглядеть, словно насмешка!

Чёрная тягучая волна затопила разум девушки, боль, горечь и отчаяние вспыхнули в её

ци так сильно, что Ксинг, не раздумывая, встал, отбросил в сторону столик с чайным сервизом и заключил её в крепкие объятия. Сейчас ему было наплевать на её красоту, на стройное упругое тело в его руках, и даже на то, как она потом отреагирует на разбитую посуду.

— Когда-то я хотела... Я была... — всхлипнула Шадия, но Ксинг её тут же прервал.

— Можешь ничего не говорить. Я всё понимаю!

Не требовалось лишних слов, чтобы представить себе её историю. Историю девочки, желавшей изучить магию так же сильно, как Хань Нао когда-то мечтал стать героем. Девочки, правдами или неправдами нашедшей учителя, пусть и не такого мерзкого, как тот, что достался Ханю, но всё равно — не лучшего из людей. И теперь этот колдун взвалил на неё, как когда-то мерзавец-учитель на Ханя, всю чёрную и грязную работу, бросая её здесь одну и надолго отправляясь по своим недобрым делам.

Шадии пришлось воспользоваться своей красотой, чтобы достичь цели, но при этом она получила, как когда-то Хань, лишь горечь разочарования. У Ханя было слабое здоровье и больное сердце, ну а Шадия... Пусть она и обладала ярким острым умом, но, увы, боги или не наградили её достаточным даром, ну или просто оказалось слишком поздно, и в итоге вместо настоящего «ока разума» получилось пробудить лишь его жалкое подобие. Она отчаянно училась, поглощая все доступные книги и свитки, выискивая крупницы знаний, способных помочь осуществить мечту — прямо как когда-то он сам наизусть заучивал свитки и трактаты.

Но всё оказалось зря. И теперь Шадия оказалась запертой здесь, во внутреннем городе, без печати не имея возможности выйти наружу и вернуться потом назад.

Ксинг хотел рассказать, что есть другой путь, зависящий не от таланта или других даров богов, а от упорства и настойчивости. Путь силы и могущества, позволяющий даже крестьянину из глухой деревни достичь сияющих вершин. Открыть ей настоящую ци, показать все способы культивации, что он знает. Но... Было «но». Именно сейчас, в момент её максимальной уязвимости, дать новую надежду — значило воспользоваться положением, разбередить застарелую рану. Ну и к тому же, чему он кого-то собрался учить, если сам до сих пор не то что не сравнился с героями, но даже не перешёл на стадию Конденсации Ци?

Ксинг вздохнул и ещё крепче привлек девушку к себе. Он обязательно ей всё не только расскажет но и поможет. Но не сегодня, а чуть позже, когда она придёт в себя.

Если и есть занятие, при котором человек будет находиться в центре событий и первым получать все новости — так это работа либо торговцем на рынке, либо владельцем трактира, либо же, как Ксинг, забегаловки. О том, что в окрестных кварталах творится что-то неладное, он узнал сразу. Той ночью были найдены растерзанные останки сразу трёх семей, члены которых, кроме, разумеется, детей, имели работающие печати.

О случившемся посетители «Генерала Фенга» судачили даже не со страхом или обречённостью, а просто с недовольством, словно о неурожае или о периоде плохой погоды — чём-то плохом, но привычном, что не нравится, но поделать с этим ничего нельзя. Как выяснил Ксинг, такое уже бывало и раньше, причём не раз, поэтому горожане не столько боялись, сколько надеялись, что уж с ними-то ничего не случится.

Надеяться на обстоятельства Ксинг не собирался, поэтому не пошёл, как обычно, в жерло вулкана закалять тело и усиливать ци, а посвятил ночь прочёсыванию улиц города. И, конечно же, виновников он нашёл. Ими оказались всё те же недоволки.

Увы, обитателей одного из домов спасти не удалось: когда Ксинг прибыл на место, сразу три омерзительных плешивых создания терзали тела несчастных жертв. Ксинг даже не стал марать свой цеп, просто испепелив тварей на месте элементом Огня. Ещё одного волка он успел уничтожить до того, как поддался крепкий дверной засов, так что обитатели этого дома отделались лишь бессонной ночью и новыми седыми волосками.

В следующие две ночи Ксинг уничтожил ещё трёх тварей и не меньше десятка маридов, которые пусть и не имели отношения к этим смертям, но приятными созданиями вовсе не являлись.

Днём Ксинг продолжал забегать к Шадии, чтобы учиться. Но теперь в их отношениях что-то сдвинулось, девушка бросала на Ксинга странные взгляды и надолго впадала в задумчивость. Это Ксингу очень не нравилось. Ведь кому, как не ему, знать, насколько тяжёлыми могут быть душевные раны и к каким непоправимым последствиям они могут привести?

Поэтому, чувствуя себя последним подонком, шпионящим за другом, Ксинг подкинул в башню талисман, сделанный в виде маленькой пластинки из азрака — того самого металла, что добывали на шахте и который так ценили маги. Как оказалось, этот материал, как бы он ни назывался на самом деле, пусть и был слишком мягким для создания оружия, но не разрушался под действием ци.

Следующие два дня прошли спокойно, и Ксинг решил, что все его тревоги напрасны — внутренняя энергия девушки, которую он теперь ощущал не только из «Генерала Фенга», но даже будучи возле вулкана, оставалась сильной и здоровой, а значит, ничего непоправимого та с собой так и не совершила. Её настроение тоже пришло в порядок, и всё вроде бы стало как раньше, поэтому Ксинг решил выждать ещё дюжину дней, после чего забрать и уничтожить талисман, перестав заниматься презренным шпионажем.

Ночами он вновь выходил на улицы, но на этот раз без особого успеха — кроме нескольких маридов удалось уничтожить только одного волка — видать у того, кто выпускал их ночью на улицы, а днём прятал в месте, защищённом от ци Ксинга, таких тварей оставалось не так уж и много.

А потом поздним вечером, во время вечернего похода к вулкану, когда городские ворота уже закрылись, а мост был поднят, Ксинг почувствовал в ци Шадии страх и боль, а рядом с ней засёк два новых источника силы, принадлежавших, без сомнения магам.

Представить более неудачное время было сложно, разве что если бы он в этот момент культивировал в вулкане голышом. Но Ксинг не стал проклинать судьбу или обстоятельства, сосредоточившись на решении возникшей задачи. Он помчался изо всех сил, чувствуя, как от быстрого бега начинают поддаваться деревянные подошвы сандалий. Тратить время на выбор дороги он не стал, пробежав напрямую через лес и поля. Когда перед ним возникла пропасть, за которой показались стены города, Ксинг прибавил ходу, усиливая циркуляцию ци во всех трёх данъянях. Наконец, он оттолкнулся и взлетел вверх, наступил на воздух, оттолкнулся от невидимой опоры и вновь прыгнул, на этот раз намеренно падая вниз, чуть ниже стен. Столкновения не произошло, прочные камни расступились под его телом, словно он погрузился в вязкий густой мёд. Направляя ци, преобразованную в элемент Земли и проклиная себя за задержку, Ксинг поплыл вперёд, пока не вынырнул далеко за стенами. Он вскочил на ближайшую плоскую крышу и снова ринулся в направлении внутреннего города, понимая, что на счету каждое мгновение. Всплески энергии Шадии указывали на ужасную боль, которая могла убить ее в любое мгновение. А затем ци девушки вспыхнула таким

отчаянием, что Ксинг сразу понял — опоздал. Сжав зубы, он помчался ещё быстрее, уже не ступая на крыши, а прыгая с одной воздушной ступени на другую. Наконец, до предела скрывая и унимая ци, он пролетел сквозь барьер внутренних стен и рухнул неподалёку от башни, где жила Шадиа. Подбежав к воротам, он увидел, что статуи-хранители разрушены, а прочные металлические решётки ворот теперь лежат на полу лужицами застывшего металла.

Тело Шадии всё ещё сводило сильной болью, но огонь ци пока не погас, а значит, ей все еще можно было помочь. Смертельных ранений она не имела, поэтому Ксинг, перехватив цеп, решил проявить осторожность и не стал вламываться сквозь стену, а, сохраняя маскировку, прокрался по следам магов.

Дверь в башню, сделанная из прочного обитого железом дерева, дымилась, её покорёженные остатки висели на одной петле. Ксинг бесшумно взбежал по лестнице на второй этаж, где чувствовал ци Шадии и обоих магов. Осторожно выглянув в дверной проём, он увидел очень неприглядную картину. Некогда уютная гостиная, в которой они с Шадией так приятно проводили время, теперь была разгромлена, вся мебель превратилась в обломки, а в коврах зияли большие опаленные дыры.

Толстые, с запястье взрослого человека светящиеся шнуры удерживали девушку в воздухе, растянув, словно на дыбе. Одежды на ней почти не осталось, жалкие обрывки ткани не могли скрыть ни её восхитительной фигуры, ни ран и кровоподтёков, усеивающих её тело.

— ...договорённости! Думаете, это вам просто сойдёт с рук? — прохрипела Шадиа, сквозь магические путы охватившие горло.

— Уже сошло! — рассмеялся один из двоих магов.

— Ты, наверное не слышала, — фыркнул второй, — о недавних смертях нескольких Владык? Как думаешь, кто-то обратит внимание на твою?

— Чтобы хоть что-то услышать, — глумился первый, — нужно иметь для этого возможность. А для прогулок по городу, нужна печать. И чтобы её поставить — нужны деньги.

— И даже если бы у тебя наскреблась горстка касба, — расхохотался второй маг, — печать пришлось бы ставить во внешнем городе, в который ты просто не смогла бы выйти.

— Вам это с рук просто так не сойдёт, — упрямо повторила Шадиа.

— А то что? У тебя не осталось даже того жалкого подобия Марказ аль-Кувва, что имелся ещё сегодня утром. Ты не представляешь, с каким удовольствием я выжег это надругательство над правильным порядком вещей. Кто придёт к тебе на помощь? Кому ты вообще интересна?

Ксинг внезапно осознал, что именно изменилось в Шадии. Теперь он ощущал её самым обычным человеком: не было ни малейшего огонька пробуждённой ци, той странной замены верхнего дантяня, что чародеи называли «оком разума».

— Э, не скажи, Сирадж, она интересна мне и ещё как!

— Убейте меня! — крикнула девушка.

— Убьём, обязательно убьём! — хохотнул первый маг. — Но сначала...

Он подошёл к Шадии, провёл рукой по её красивой полной груди, ухватил за сосок и больно ущипнул. Девушка вскрикнула.

— Хороша, очень хороша! — ухмыльнулся маг. — Даже жалко, что не выйдет оставить себе.

— Хаким, у нас впереди вся ночь, к тому же твои наложницы никогда не живут

достаточно долго. Поторопись, не забывай, ты здесь не один, я тоже жду своей очереди!

— Но зачем ждать? — расхохотался первый маг и повёл рукой.

Светящиеся путы натянулись, выволакивая девушку в центр комнаты и заставляя принять вертикальное положение.

— Бросим монетку? — спросил второй маг.

— Зачем? — удивился первый. — Я и так знаю твои предпочтения. Ну а я — старомоден, сделаю всё как обычно.

Ксинг понял, что смысла ждать дольше больше не осталось, вряд ли он теперь услышит хоть что-то важное. Тем более, что Шадиа до сих пор страдала, а злость Ксинга требовала немедленного выхода.

— Я тоже старомоден, — сказал он, заходя в комнату. — И очень старомодно ненавижу насильников и подонков.

При виде Ксинга глаза Шадии округлились. Маги среагировали мгновенно: выкрикнув что-то неразборчивое, они вскинули руки, с которых сорвались длинные разряды молний.

— Разочаровывает, — сказал Ксинг, изгибая ци молний, собирая их в потрескивающий шар, парящий над его ладонью. — А сколько было разговоров о могуществе Владык, об их искусстве, и силе...

Колдуны застыли, приоткрыв рты.

— Ты кто? — наконец, спросил первый маг. — Чего тебе надо?

Ксинг стремился стать героем, а значит, рассказывать злодеям о своих планах не собирався. Поэтому он быстро скользнул к магу и обрушил на него шар из молний, испепеляя тому голову. Затем подскочил ко второму и, пропустив через цеп ци, нанёс удар. Раздался звон, движение на мгновение замедлилось, но оружие, преодолев невидимую преграду, вмяло голову мага в плечи.

— Ксинг! — закричала Шадиа, когда светящиеся шнуры исчезли.

Она рухнула бы на пол, но Ксинг подхватил её на руки и бережно опустил на остатки ковра.

— Что с магом? — спросил он, кладя руки на её обнажённое тело, и пропуская сквозь ладони исцеляющую ци.

— С магом? Каким магом? — отрешённо повторила Шадиа, глядя, как быстро исчезают раны на её теле.

— Ну, владельцем твоей башни.

Глаза девушки наполнились влагой, и Ксинг выругал себя за бестактный вопрос. Если колдуны сюда всё-таки пришли, то ответ очевиден.

— Я... У меня... Больше ничего нет, — сквозь всхлипы подтвердила Шадиа догадку. — А ты... Почему... как...

— Тише, — погладил Ксинг её по щеке, прилагая немалые волевые усилия, чтобы продолжать смотреть ей в лицо и не опустить взгляд ниже — на вновь полностью здоровое и такое соблазнительное тело. — Время поговорить у нас ещё будет, а пока что отсюда нужно убираться.

Видать, хозяин башни был всё же лучше остальных колдунов. Шадиа его либо любила, либо испытывала сильную привязанность. И теперь, когда его убили, девушка осталась одна. Ксинг повернулся, резким движением сдёрнул с одного из магов плащ и протянул Шадии. Та благодарно кивнула, встала, и накинула себе на плечи, ни капли не смущаясь тому, что этот плащ мгновение назад находился на мертвеце.

— В башне ты не останешься, слишком опасно, — решительно заявил Ксинг, — Не возражаешь, если я заберу отсюда все книги и свитки?

— Конечно не возражаю, — обречённо сказала девушка, — забирай всё, что угодно. Теперь всё равно. Око разума вернуть невозможно.

Ксинг прекрасно понимал её боль. Вот только Шадиа не знала одного — героев кристаллов частенько калечили, уничтожая даньянь. Но те всегда находили способы не только восстановить казалось бы безвозвратно утраченное, но и стать намного сильнее.

— Хорошо, тогда переоденься, собери свои вещи и пойдём.

Девушка горько усмехнулась и вытянула руку, показывая тыльную сторону ладони.

— Ты о чём забыл. Я никуда не пойду. Марида не...

— Марида? Ах да, хорошо что напомнила, — перебил Ксинг, ухмыльнувшись. Немного рисуясь, он коснулся её руки пальцем.

На гладкой смуглой коже возник замысловатый узор печати.

— И кстати, — расхохотался он, глядя на её ошарашенное лицо, — не знаешь, случайно, где находятся башни этих двух болванов? После прихода гостей правила вежливости требуют нанести ответный визит!

☹ ☹ ☹

Жить под одной крышей с прекрасной девушкой, оказалось поразительно сложно. И проблемы заключались вовсе не в её характере — как раз с этим всё было более чем в порядке. Ксинг ладил с ней отлично и раньше, а теперь, когда предстал перед ней в образе героя в белых одеждах и со сверкающим мечом — так и подавно.

Сила духа Шадии поражала, узнав, что потеря «ока разума» — всего лишь досадная неприятность, она тут же вспылала энтузиазмом и приступила к изучению другого пути, пути ци и культивации.

Главной проблемой совместного проживания стала её красота. Ксинг не считал себя особо порядочным и безгрешным человеком, достаточно припомнить, как он поступил с Сифэн. Но и для того, чтобы воспользоваться уязвимостью девушки, потерявшей дом, силу, наставника и, возможно, возлюбленного, следовало бы быть полным подонком, таким, как негодяй-учитель.

Поэтому Ксинг просто заставлял её принимать различные стойки и носить тяжести, а также гонял по улицам Ахрибада бамбуковой палкой, заставляя при беге высоко поднимать колени. Но при этом он страдал и покрывался потом каждый раз, когда она совершала омовение во дворе, купаясь в большом фонтане — покрытом стеклом бассейне с водой, поднятой из-под земли и нагретой с помощью талисманов.

Посетители «Генерала Фенга» восприняли пополнение персонала любимой забегаловки с горячим энтузиазмом. И Ксингу ещё раз пришлось воспользоваться своей бамбуковой палкой, чтобы донести до них намёк: строить предположения, чем Касим и Шадиа занимаются наедине, да ещё с натуралистическими описаниями — это очень вредное для здоровья и болезненное для пяток и задницы занятие. Они быстро уяснили, что восславления красоты Шадии с использованием всего арсенала поэтических сравнений, пусть даже на грани приличия, будут встречены благосклонно, а вот любые пошлости и непристойности — немедленно покараны, вплоть до полного запрета посещений «Генерала Фенга», а также покупок изделий из кузницы и эликсиров.

От Шадии Ксинг ничего не скрывал — он рассказал о своём происхождении из маленькой деревни, о своём пути и своих навыках, о мечтах и о главной цели. И девушка

очень высоко оценила такое доверие, правда при упоминании о некоторых методах культивации хихикала и краснела.

Постепенно в Ахрибаде улёгся шум, вызванный сначала убийством множества Владык, а потом серией дерзких ограблений их башен. Наглый вор прокрался в башни, лишившиеся хозяев, уничтожил хранителей, усыпил слуг и домочадцев, после чего ушёл, оставив за собой пустые библиотеки и сокровищницы, а также свою особую метку — символ с лунами, молнией и подписью «Джан Шаван». Количество ограбленных башен, сражений со стражей, стремительных погонь, соблазненных женщин и прочих проделок ахрибадского вора росло с каждым днём. Вскоре стало известно — что он ребёнок настоящего джинна и прекрасной девы, получивший дар от одного из великих Владык, что он сражается за то, чтобы искоренить зло и несправедливость.

Ксинг, слушая рассказы посетителей, даже немного обижался — во-первых, те нагло перевернули имя Чжана Чуаня, одного из любимых героев, во-вторых, придавали ограблениям слишком уж романтический ореол, в-третьих, даже не упомянули скуку, с которой приходилось бороться, совершая дюжины рейсов между каждой башней колдуна и подземным хранилищем, которое Ксинг создал с помощью ци под собственным домом. Ну а в-четвёртых, и самых главных, слушая о постельных похождениях Джана Шавана, Шадиа бросала на Ксинга слишком уж недовольные взгляды.

После того как Ксинг забрал всё ценное из башен двоих убитых колдунов, а потом прошёлся по остальным пустым башням, воспользовавшись тем, что барьер внутреннего города не реагирует на полностью замаскированную ци, он решил затаиться. Но слухов это не остановило — пока отважный Джан Шаван с каждым днём совершал всё более и более дерзкие ограбления, Ксинг в поте лица изучал тайную магическую письменность, тренировал Шадию и культивировал в жерле вулкана.

Шло время. На деньги, награбленные у колдунов, Ксинг выкупил свой дом, заплатив на этот раз бесстыдно завышенную цену. Он занялся охотой на саламандр, снял с них поразительно крепкую шкуру, напоминавшую по прочности древесину Пурпурного Дуба, и создал из неё, воспользовавшись навыками, изученными у Гонга Бунтао, костюм, состоящий из просторных штанов, куртки и тяжёлых ботинок. Для дополнительной крепости он усеял куртку и ремни множеством заклёпок из Радужного Железа, найденного в запасах убитых колдунов. Каждая заклёпка не только являлась талисманом, но и была зачарована магией Ахрибада, с которой Ксинг наконец-то свёл поверхностное знакомство.

Он добился своего! У него появилась одежда, способная выдержать самые суровые испытания, которая не развалится и не рассыпется не только в свирепом огне, не только переживёт столкновения со скалами и камнями, но которую не возьмёт даже меч! Одежда, почти приблизившаяся по крепости к собственной коже Ксинга! Оставалось совсем немного — получить пространственное кольцо, научиться летать и победить мерзавца-учителя.

С достижением каждой из целей возникло немало сложностей. Ксинг отловил птицу Рух, самую большую из всех, что кружили вокруг вулкана. Ей пришлось очень долго объяснять, что он — не добыча, а хозяин. После долгой цепочки уговоров и последующих исцелений глупая тварь поняла, что возражения бесполезны и покорно склонила свою огромную голову. Её большие глаза так блестели, словно в них стояли слёзы.

Увы, полёт на птице, как бы величественно и гордо ни выглядел со стороны, оказался полным разочарованием. Глупая курица летела так медленно, что Ксингу каждый раз хотелось соскочить вниз и двинуться на своих двоих, либо же просто пробежаться по

воздуху. А ещё она много жрала, так что вдалеке от вулкана, где кишели саламандры, в основном питающиеся ци из недр земли, ей бы понадобилось целое стадо баранов или даже коров. И выносливость тоже оказалась никудышной — после дюжины кругов вдоль пустынного барьера она выбивалась из сил и приземлялась отдохнуть. Так что, скрепя сердце, Ксинг отвесил своему скакуну несильного пинка по пернатой заднице и отпустил на свободу, вновь завидуя героям из кристаллов, умудрившимся найти и приручить что-то более приличное.

С летающим мечом тоже возникла огромная куча сложностей. Ксинг, разумеется, запросто выковал клинок, воспользовавшись награбленными у колдунов слитками редких металлов и добытым собственноручно азраком. Увы, какие бы чары Ксинг на него не накладывал, меч толком не летал. Ксинг мог держаться в воздухе, даже кое-как передвигаться — пусть меч норовил постоянно перевернуться или уйти вниз, сохранить равновесие удавалось без труда. Препятствием стала сама форма лезвия, мешавшая правильно направлять ци и набирать достаточную скорость. В итоге Ксинг научился вызывать призрачную увеличенную копию этого меча, и даже лететь, как герой из кристалла. Вот только с такими затратами ци намного легче было летать самому, безо всяких там мечей.

Ксинг принялся дорабатывать конструкцию, улучшать, наращивать и перековывать, пока не добился удовлетворительного результата. Меч не только летал, не только делал это быстро, но и потреблял совсем немного энергии. Вот только было одно «но». Длина получившегося оружия вышла в полтора роста Ксинга, ширина клинка — в две его ладони, у меча оказалось две рукояти, а лезвие усеивала дюжина отростков из Дымчатого Ледяного Железа, напоминающих небольшие крылышки. Представив себе сражение с учителем на глазах у всей Империи, когда жители и Император не только не чествуют нового героя, но тычут в него пальцами и падают со смеху, Ксинг со злости уничтожил меч, превратив его обратно в слитки металла.

Идею летающей лодки он отклонил тоже — но по более прозаическим причинам. Деревья Ахрибада оказались самыми обычными, а «необычные», растущие возле Лахиб Шаид, не отличались особой прочностью и недостаточно хорошо проводили ци. Пурпурного Дуба в запасах колдунов оказалось очень мало — даже удивительно, что он вообще там имелся. Так что Ксинг с сожалением отложил создание лодки до тех времён, пока он не вернётся в Жумэнь и не добудет себе древесины получше.

Отчаявшись, он почти что случайно взялся за верный цеп, раскрутив его над головой. Ксинг ни на что не рассчитывал и ничего не предполагал, он просто подал в древко ци, как делал это десятки, сотни и тысячи дюжин раз. Но быстро выяснилось, что если подать энергию особым образом, усиливая вращение и создавая плоскость из ци на вращающейся части древка, то можно было летать не только быстро и экономно, но и вполне удобно. Верное, испытанное оружие, сделанное из прочнейшей древесины и стали, проводящей ци, никогда не подводило его раньше, не подвело и теперь! Но проблема осталась всё та же — настоящий герой должен летать стоя на мече, а не на чудовищном недоразумении с кучей лезвий или крестьянском орудии, которое ещё к тому же требовалось постоянно вращать!

А вскоре свершилось долгожданное событие — Шадиа пробудила в себе ци и создала верхний дантянь, причём, почти в том же месте, где находилось ранее уничтоженное око разума.

В честь старательности и чтобы отпраздновать успех, Ксинг добавил в ужин Шадии куриную грудку. Та, наколов её на странный местный столовый прибор, зовущийся здесь «вилкой», даже закрыла глаза от блаженства, смакуя каждый кусочек.

Затем Ксинг отправился на кухню заниматься готовкой впрок, чтобы Шадии было что продавать в «Генерале Фенге», пока сам он занят экспериментами и культивацией. Провернуть подобное позволили новые талисманы в кладовой, где продукты теперь не только не портились, но даже не остывали.

Руки мелькали в воздухе, занимаясь привычной работой, тело вбирало ци, прогоняя сквозь все три даньтяня — это давно не требовало сознательного контроля, став естественным, словно дыхание, или даже сердцебиение.

Его мысли блуждали далеко — он не только сосредоточенно обдумывал конструкцию, энергетическую структуру и чары на будущем пространственном кольце, но и ломал голову над другим, более житейским вопросом.

«Генерал Фенг» из полезного и важного приобретения, позволившего обжиться в городе и осмотреться, превратился в настоящую обузу. Ксинг, конечно, с радостью помогал людям: готовил, ковал оружие и инструменты, варил эликсиры. Но теперь ресторанчик стал отнимать слишком много драгоценного времени. Да, у него была Шадия, которая брала на себя заботу о ресторане, но она нужна была ему вовсе не как разносчица и не помощница повара. Ей самой требовалось время на культивацию, да и её знания и помощь в постижении магии были неоценимы. Именно она помогала ему с пространственной магией, являвшейся самой тайной и сложной из магических наук, которой, по словам Шадии, не владел почти никто.

Можно было бы, конечно, нанять работника, да чего уж там, целую толпу поварят. Сделать тут ещё одни «Три ножа», ступив на стезю мастера Бохая. Но Ксинг чувствовал, что его сердце к этому не лежит, что для него нет ничего важнее силы и магии, позволяющих приблизиться к мечте.

Не прошло и года после открытия «Генерала Фенга», но теперь его, похоже, следовало закрыть.

Ксинг загончил с готовкой, отнёс горшки и кастрюли в кладовую, добавив ци в талисманы из азрака. После чего вышел во двор и присел возле фонтана немного помедитировать и привести мысли в порядок.

Существовала ещё одна проблема, решением которой по-хорошему следовало бы заняться немедленно. Этой проблемой была Шадия. Она, конечно, была не только прилежной ученицей, но и отличным учителем, способным разъяснить хорошо знакомую ей тему и помочь понять незнакомую, высказав разумные предположения и натолкнув на интересные идеи. Корень проблемы лежал в её красоте. И то, что Ксинг решил помедитировать здесь, возле фонтана, в котором она, купаясь, так сильно напоминала ему о Альмирах, оказалось большой ошибкой. Мысли ни капли не упорядочивались.

Будь он подлецом и негодяем, как мерзавец-учитель, он бы обязательно воспользовался уязвимым положением девушки, её зависимостью от его помощи. Он бы накинулся на неё, как те два колдуна, которых он тогда убил в башне, довёл бы до конца начатое ими дело. Но так поступить он не имел права — и тут дело даже было не в их отношениях учитель-ученица или учительница-ученик. Пусть Шадия этого не показывала ни внешне, ни в ци, проявляя оптимизм и жизнерадостность, но душевная рана после гибели хозяина башни и после почти удавшейся попытки колдунов её изнасиловать и убить никуда не делась, и

только ждала неосторожного слова или жеста, чтобы раскрыться и закровоточить с новой силой.

Ксинг сколько угодно мог закалять и укреплять дух, тренируя выдержку и хладнокровие. Но при этом ни на минуту не забывал, что ему давно уже исполнилось полторы дюжины, а в этом возрасте, как значилось в многих свитках и трактатах, ян в мужчинах особо свирепа и непокорна и требует своей инь, заставляя бросаться на всё, ходящее на двух ногах и имеющее женский пол. Можно было найти женщину в Ахрибаде, но на примете у него никого не было, а искать случайную или тем более продажную встречу он не желал. Оставались женщины бадави, до которых Ксинг смог бы добежать, преодолев барьер, всего лишь за пару дней, а долететь с помощью цепа — так и вообще в мгновение ока!

— Ты уже закончила? — спросил Ксинг, не открывая глаз, чувствуя приближающуюся ци девушки. Наступила ночь, но с тех пор, как Ксинг принялся регулярно истреблять двуногих волков и маридов, первые окончательно вывелись, а вторые стали встречаться очень редко, так что Шадиа частенько выходила на улицу купаться или любоваться звёздами.

— Конечно нет! — ответила девушка. — Я стояла в стойке дабу, а теперь решила встать в другую стойку.

— И в какую же? — спросил Ксинг, оставляя глаза закрытыми.

— Лоулонг, которую ты назвал «бременем дракона».

— Но Шадиа, ведь я же рассказывал, лолулонг — это стойка...

— ...в которой учитель садится на ученицу сверху!

Ксинг приподнял веки и тут же удивлённо распахнул глаза. Шадиа стояла прямо перед ним, её обнажённое тело мягко сияло в свете взошедших лун. Длинные чуть курчавые каштановые волосы густым водопадом рассыпались по её плечам, а ярко-зелёные глаза светились колдовским блеском. Тяжёлые упражнения, которыми она занималась последние месяцы, ощутимо очертили рельеф мускулов длинных ног и изящных рук, но это её ничуть не портило, наоборот, придавало вид хищной грациозной пантеры.

— Впрочем, — рассмеялась Шадиа, наслаждаясь его реакцией, — сейчас я бы предпочла стойку, где ученица садится сверху на учителя!

Впервые в новой жизни Ксинг проиграл, оказавшись не готовым к нападению. Но, как говорил Неукротимый Дракон: «Даже разгромное поражение может стать опорой для успешной контратаки». И этой ночью Ксинг неоднократно доказал правоту великого стратега!

Несмотря на то, что Ксинг каждый день как усиливал ци как в вулкане, так и занимался парной культивацией с Шадией, равновесие в Великой Триаде оказалось нарушено. И на этот раз оно сместилось в сторону разума. Столько разных сложных свитков, книг, деревянных дощечек и каменных пластин Ксинг не читал никогда в жизни.

Даже мерзавец-учитель не смог бы, сломай он об спину Ханя весь бамбук провинции, заставить того столько читать. Ну а потом медитировать, циркулировать ци в верхнем даньтяне, пытаться осознать и осмыслить все эти знания, чтобы с их помощью создать что-то новое, о чём никто, включая Шадию, даже не имел представления.

Как оказалось, с созданием того, что было нужно Ксингу, ничем не могли помочь ни вся эрудиция Шадии, ни весь её острый ум и глубокие знания. Она слышала об аалам мастур, скрытых пространствах, но те были привязаны к месту, требовали от создателя немалой

магической мощи, редких ингредиентов и огромного запаса сихир для установки, а также множества сложных мусаваров для поддержания. И стоило лишь уничтожить ключ, на котором сходились все потоки, как содержимое «скрытого мира» вновь раскрывалось, выталкивая из себя всё наружу. И, увы, для пространственного кольца это не подходило.

По просьбе Шадии Ксинг изменил решение закрыть «Генерал Фенг». Заведение продолжило работу, но теперь открывалось всего лишь пару раз в месяц. Ксинг полагал, что окончательно растеряет посетителей, но к его искреннему изумлению случилось ровно наоборот. Теперь к открытию ворот улицу заполняла очередь, возникали ссоры и драки, которые Ксингу приходилось разгонять бамбуковой палкой. Наконец всё как-то наладилось, откуда-то появились таблички с номером в очереди, кто-то платил за них кому-то большие деньги, но Ксинга уже это интересовало мало. Они с Шадией жили в домике возле вулкана, который теперь обзавёлся вторым этажом, большой тренировочной площадкой, отдельной лабораторией для алхимии, ещё большей кузницей и, главное, огромным, укреплённым различными чарами и талисманами помещением, в котором Ксинг занимался магией и зачарованием артефактов, или, как тут говорили мусаваров.

Первое кольцо вышло огромным, оно налезало только на большой палец, да и то, своим размером мешало ладони сжаться в кулак. Кольцо вмещало не так уж много предметов, а чтобы что-то достать или извлечь уходила просто бездна энергии. Процесс извлечения выходил неудобным, из скрытого пространства вываливались не только вещи, которые Ксинг нащупывал своей ци, но и другие, расположенные неподалёку от требуемых. И, самое главное, вес никуда не девался: Ксинг ощущал его, словно нёс всё сам. И пусть для него не составляло труда поднимать даже серьёзные тяжести, всё равно оставалось чувство неудовлетворения. Для тренировок тела он и без того постоянно использовал талисманы, а смещение баланса на руку, пусть и усиливало удар, но могло помешать в бою.

Следующие артефакты становились всё меньше и меньше, теперь они не напоминали большие куски азрака, превратившись во что-то, похожее на кольца из кристаллов. Но всё равно Ксинг не останавливался, пытаясь сделать структуру чар всё компактнее, уместить её на тонкой полоске металла, охватывающего палец.

Он выяснил, что не имеет значения, каким языком написаны чары, важны лишь структура и чёткое намерение, запечатлённое в ци или сихире. Да и сам сихир оказался лишь особым образом структурированной ци, что со временем доказала Шадия, сумев повторить колдовское заклятие из книги одного из Владык, используя верхний даньтянь. В тот день они занимались парной культивацией столь рьяно, что Ксингу потом пришлось восстанавливать как разрушенные стены дома, так и бортики бассейнов с горячей и холодной водой.

Наконец в порыве вдохновения Ксингу удалось создать структуру, которую он внедрил в толстое кольцо из азрака. Новый артефакт оказался шедевром, в него получалось засунуть вещи, размером в обхват рук Ксинга, прятать и доставать, не затрагивая других предметов, иметь объем хранения размером с комнату, да ещё и не чувствовать веса. Как и в кладовой «Генерала Фенга» тут не ощущалось течение времени, так что свежие продукты не теряли свежести месяцами — дольше проверять у Ксинга не хватило терпения. И пусть это оставалось жалким подобием колец настоящих героев кристаллов, которые умудрялись хранить там летающие корабли и целые здания, но Ксинг всё равно гордился — ни один из известных ему героев, даже Бао Сяо, не сделал своё кольцо сам.

Гордость Ксинга продолжалась ровно до тех пор, пока он не забыл снять кольцо перед

занятием культивацией в огненном жерле Лахиб Шаид. Было жалко не столько хранившихся в кольце вещей, пусть там и хватало ценностей, сколько проделанной кропотливой работы. Так что он, сцепив зубы, пошёл делать новое кольцо, гораздо прочнее старого.

Бесчисленные эксперименты показали, что до настоящего мастера вроде тех, что создавали кольца для героев, ему далеко. Он решил проблему с пространством хранения не мастерством, а грязной уловкой — поместив часть артефакта внутрь себя самого. В итоге вышло словно две «комнаты», одну из которых, «большой зал», получалось сделать такого размера, на сколько хватит ци, а вела в него маленькая «прихожая». Это вызывало некоторые неудобства с извлечением, ведь помещённое в «зал» приходилось извлекать в два этапа, но всё равно, являлось настоящим прорывом, так что проблему объёма хранения Ксинг кое-как решил. А вот с крепостью и прочностью кольца так ничего и не вышло. Существовали материалы и чары, способные придать мусавару достаточную прочность, заминка оказалась совсем в другом: эти чары следовало наносить на ту часть, что находилась в реальном мире, и Ксингу просто-напросто не хватало умений, чтобы уместить их на кольцо вместе с чарами пространства. Можно было пробовать дальше, делать новые и новые попытки, потратить ещё год, пару лет или дюжину. Но он уже не смог вынести такого, оказавшись всего лишь в шаге от заветной цели.

Поэтому, скрепя сердце, забросил идею с кольцом и создал себе браслет — жалкое подобие артефакта настоящего героя. Тут размер позволял как увеличить «прихожую» до ранее недостижимых размеров, так и запихивать внутрь хранилища предметы любых размеров, лишь бы удалось охватить их своей внутренней энергией. Сердцевину из азрака Ксинг сумел усилить Радужным Железом и Звёздной Сталью, прокованными и укреплёнными с помощью ци, а потом ещё и зачарованными — не только самыми сильными из известных заклятий, но и некоторыми изобретёнными именно на этот случай. Ксинг провёл сотни дюжин испытаний, окуная артефакт в огненное жерло Лахиб Шаид и обрушивая на него самые сильные удары кулаками, цепом и даже специально созданным оружием, и новое творение с честью выдержало все испытания.

Ещё во время наложения заклятий браслет потерял блеск, а теперь и вовсе превратился в невзрачную закопчённую безделушку, но Ксинга расстраивал не внешний вид — он делал артефакт вовсе не для красоты. Браслет теперь можно было снять или надеть, лишь изломив кисть руки, а потом вылечив её обратно, но это тоже не имело никакого значения. Браслет просто-напросто не являлся кольцом, как у настоящего героя, а ведь Ксинг привык идти до конца, но не смиряться с неудачей.

Шло время, Ксинг всё лучше узнавал Ахрибад, выживая по крупицам его настоящую историю. И с каждым днём всё больше и больше ненавидел колдунов. После нескольких дополнительных вылазок во внутренний город, когда он умудрился не только прокрасться в несколько башен, расплести потоки заклятий и проникнуть в библиотеки, ему удалось пролистать книги и просмотреть свитки, а затем уйти незамеченным. Там он натолкнулся на ворох мерзких и леденящих душу тайн.

К примеру, для создания ожившей статуи, как оказалось, требовалась человеческая жизнь. Людям причиняли невыносимую боль, а когда их души уходили на перерождение, колдуны заточали оставшуюся ци в камне и металле.

Своё количество колдуны восполняли, отбирая обладающих даром детей у простых людей, при этом не только не считались с желаниями родителей, но и зачастую устраняли

источник столь неудобной привязанности.

Подозрения Ксинга о происхождении маридов тоже подтвердились — колдуны защищали жителей печатями от своих же творений, созданных для поддержания этой ужасной, но странно эффективной системы. Ну а волки... Ими тоже оказались сами колдуны, использующие чары превращения, чтобы ощутить вкус охоты и власти над жизнью и смертью. При этом они ничем не рисковали — ведь оружие простых людей не было способно причинить им никакого вреда. К тому же для создания марионеток им постоянно требовались жертвы, а пропавших во время резни людей никто бы не хватился.

Когда-то, циклы и циклы лет назад всё было не так. Круг магов считался большой и процветающей организацией чародеев Ахрибада, а глава этого Круга занимал место в городском совете, наравне с правителем города, главами торговых, ремесленных и шахтёрских гильдий. Маги являлись важной частью города, но всего лишь частью — к примеру, родителей будущих учеников им приходилось не только уговаривать, но и частенько осыпать дарами, но даже так успеха получалось добиться далеко не всегда. Их сила и влияние были ограничены — ведь в городе, стоящим неподалёку от пересечения важнейших торговых путей, достаточно богатый человек имел возможность купить артефакт или эликсир у торговца, а не заказывать у слишком жадного чародея.

А затем случилось кое-что важное и бесповоротное.

Азрак, редкий металл, добываемый на шахтах наравне с остальными рудами, здесь ценился и раньше, но лишь как материал для украшений. Но это длилось до тех пор, пока кто-то из магов не открыл его секрет, изобрел способ внедрять в неподатливый металл магические плетения и соединить их с известными чародейскими материалами. Азрак оказался способен хранить очень много сихир, что позволяло чародею, использующему специальные артефакты, обрести невиданное до тех пор могущество. Баланс сил в городе сместился.

Существовала фракция чародеев под названием «Дети Равды», избравшая своим символом богиню природы и земли, члены которой поддерживали текущий порядок вещей. Ей противостояли «Слуги Талама» — фракция, несущая на знамёнах имя бога возмездия и боли. «Слуги» считали, что править городом должна сила — и с амулетами из азрака эта сила оказалась за магами.

После долгих сражений, принёсших потери обеим фракциям, «Слуги Талама» победили, а оставшиеся из «Детей» либо были уничтожены, либо покорились. Затем был создан гигантский артефакт, использующий бездонное море энергии Лахиб Шадид, с помощью которого колдуны отрезали город от окружающего мира барьером и создали Чёрные Пески — безжизненное и жестокое место.

Ксинг новыми глазами посмотрел на погибшего наставника Шадии. Судя по библиотеке в его башне, он когда-то принадлежал к «Детям Равды». Статуи хранителей его дома, глупые и неуклюжие, это подтверждали — они являлись почти пределом того, что можно было создать без использования жизней других людей, требуя при этом немалого искусства и глубоких познаний. Шадия унаследовала дух своего почившего мастера. Она горела желанием мести и с каждым днём становилась всё сильнее и сильнее.

Ксинг, узнавший правду о прошлом Ахрибада, намеревался помочь ей в этом начинании. Ведь у него теперь имелось пространственное хранилище, способное вместить не только содержимое сокровищниц их башен, но и сами башни. Молниям Чжана Чуана или, как говорили местные жители, Джана Шавана, вновь предстояло блеснуть во тьме.

С каждым новым днём, проведенным в Ахрибаде, у Ксинга росло и крепло чувство, что он здесь сильно задержался. Да, тут у него до сих пор имелась магия, которую можно было бы изучить, опыты, которые следовало бы провести, и артефакты, которые он мог бы попытаться создать. Был Лахиб Шадид, в который он уже погружался на самую глубину, не испытывая теперь испепеляющего жара. Шадия за эти годы тоже обрела силу и теперь ничуть не напоминала ту слабую служанку, запертую в башне вечно отсутствующего чародея.

Вот только странное чувство грызло Ксинга всё сильнее и сильнее, заставляя надолго останавливаться и смотреть вдаль, повернувшись на восток, в сторону Империи.

Тут, в Ахрибаде, ему было хорошо и комфортно. У него имелся дом, теперь напоминающий целый дворец, рядом находилась прекрасная женщина, интересный собеседник и надёжный друг, к которой он со временем стал испытывать не только привязанность, но и нечто, похожее на любовь. У него хватало важных дел, не дающих скучать или предаться праздности.

Но на сердце всё равно возникала тяжесть, сердечные демоны терзали душу, не позволяя спокойно остаться на месте, гнали дальше и вперёд. Несмотря на то, что и Шадия, и Альмирах, занимали важное место в его жизни, он всё чаще и чаще думал о Мэй, вспоминал её лицо, фигуру и походку, улыбку и звонкий смех, отвагу и целеустремлённость. Не имело значения, жива она или умерла несколько циклов назад, оставалась ли всё ещё молода и прекрасна, или же превратилась в сморщенную старуху. Ксинг хотел или её увидеть, или хотя бы посетить могилу.

Пусть он так и не выучил ни единой техники — ведь, несмотря на всю схожесть, колдовские заклинания техниками не являлись а подходили лишь злодеям вроде Дариуша из рода Цап, — Ксингу не терпелось сразиться с учителем. Несмотря на годы культивации в вулкане, Ксинг не только не преодолел барьера Конденсации Ци, но даже отдаленно не приблизился к таковому. Это значило, что пока что рано, что сражение с мерзавцем-учителем он обязательно проиграет, но и бездействовать дальше уже просто-напросто не мог. Из Ахрибада следовало уходить. Вот только это сделать он хотел не тихо, как вор, крадущийся в ночи, а как настоящий герой.

— О чём задумался? — спросила его Шадия.

— Думаю, пора! — сказал Ксинг. — Больше ждать нет смысла.

На лицо Шадии набежала тень.

— Я знала, что когда-нибудь этот момент настанет, но боялась, — сказала она. — Ксинг, я должна тебе кое в чём признаться.

Ксинг посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

— Ты же не о том, что та башня, в которой мы встретились, была твоей?

— Ты знал, что я когда-то была чародейкой? — распахнула она глаза, отступив на шаг.

— Догадался, пусть и не сразу. Ты слишком многое знала, много умела и слишком уж быстро сумела сплести ци из верхнего даньтяня в чары.

— Но...

— Но мне всё равно, — рассмеялся Ксинг. — Мне важно кто ты сейчас, а не то, кем была когда-то.

Он сделал к ней быстрый шаг, привлёк к себе и нежно поцеловал, тут же испытав совершенно неуместное в данный момент желание содрать с неё одежду и приступить к

своему любимому способу культивации.

— Что будет дальше, Ксинг? — спросила она, когда они неохотно оторвались друг от друга.

— Пойдёшь со мной? — предложил он. — Я покажу тебе Империю, познакомлю с учителями, покажу родную деревню.

Шадия неохотно покачала головой.

— Нет, милый. Ты мне очень дорог, дороже всего, что находится под солнцем и лунами. Но твоё сердце принадлежит не мне, я это чувствую. К тому же этот город слишком долго пребывал в беспорядке. И теперь, когда твоя любимая служанка обрела силу, именно ей предстоит заняться уборкой.

— Частичка моего сердца навсегда останется с тобой, — возразил Ксинг.

— Не сомневаюсь. Со мной и с твоей русалкой. Найди свою Мэй! Такой целеустремлённый человек, как ты, сумеет её завоевать. И пусть ты сомневаешься, зато не сомневаюсь я — в поединке с твоим бывшим учителем победа останется за тобой.

— Когда-нибудь...

— Не когда-нибудь, а очень скоро. Я знаю, что ты добьёшься своего. И тогда приходи. Познакомь меня с той, что забрала сердце человека, которого я так любила.

— Шадия, я простолюдин. У меня нет ни славного имени, ни благородных предков, ни поместья. И я не смогу...

— В вашей Империи странные обычаи. Но мне не настолько важно, стану ли я младшей женой, или же останусь любовницей. Я знаю, что тебе встретятся другие женщины, и не одна. Не отталкивай их — подари им то же, что подарил мне. А я буду ждать. Но сначала...

— Сначала надо победить, — улыбнулся Ксинг, с сердца которого упал тяжёлый груз.

— Нет, дуралей! — рассмеялась Шадия. — Сначала мы займёмся повторением всех твоих любимых трактатов!

Невиданная и неслыханная волна ограблений потрясла Ахрибад. Башни Владык укрытые чарами и окружённые охраной, оказались не так неприступны, как о них ходила молва. Искусный вор, посещавший каждую из башен, не только подчистую вычищал содержимое сокровищниц и библиотек, но не брезговал и оборудованием заклинательных покоев или лабораторий, поднять и унести которое, порой, не смог бы и десяток носильщиков. Некоторые особо крупные приборы были изготовлены прямо в башнях, так что вынести их через окна или лестницы, не разрушив стены и потолки, казалось невозможным. Но вор, всегда оставляющий за собой знак с лунами, молнией и именем «Джан Шаван», совершать невозможное умел.

Стража носилась по городу, врывается в дома и хватала случайных прохожих, Владыки допрашивали с дознавательными мусаварами всех, на кого падала хоть тень подозрений, но следов огромной преступной организации, члены которой смогли повернуть столь грандиозные дела, так и не обнаружила.

Куда-то пропал владелец знаменитого ресторана «Генерал Фенг». Ворвавшаяся внутрь стража обнаружила, что наглый вор побывал и тут, украл всё хоть сколь-нибудь ценное, убил или похитил не только хозяина, но и его прекрасную жену.

Ксинг, носивший теперь большой пышный тюрбан и густую курчавую бороду, слушал рассказы торговцев на рынке и цокал языком, соглашаясь, что действительно, времена нынче пошли уже не те, и что раньше всё было лучше и спокойнее.

Маленький домик возле внутренних стен, в котором они с Шадией сейчас жили, позволял не только удобно совершать ночные вылазки, но и давал им возможность быть в курсе событий. Ксинг этим пользовался, болтая с соседями и случайными прохожими, уличными торговцами и даже стражниками.

Шадия, закрывшая лицо вуалью, дёрнула его за широкий рукав халата.

— Дорогой, нам пора!

Ксинг ещё раз согласился с собеседниками, что мир катится в пропасть, что раньше было совсем не так, а намного-намного лучше, что стража ленива и продажна, и что подрастающее поколение бестолково и из них ничего путного не выйдет. Он с готовностью поддакнул утверждению, что Владыки разберутся, и добавил, что именно они и только они знают, как со всем справиться. Затем распрощался и, взяв Шадью под руку, направился ко вратам во внутренний город. Неторопливой походкой они отправились туда, где небо пронзал высокий шпиль башни Круга, и откуда, видимый только духовным зрением, из-под земли в небо бил мощный поток ци, растекаясь на высоте огромным куполом.

— Не боишься? — спросил Ксинг, когда они оказались у самой башни.

— Боюсь, — призналась Шадия. — Но ещё сгораю от нетерпения. Я так долго этого ждала, так представляла этот день, что теперь, когда он настал, до сих пор не могу поверить.

— Мы могли бы проникнуть тайно, — напомнил Ксинг.

— Ксинг Дуо, которого я знаю — настоящий герой. А герои не крадутся в ночи!

— Как раз я-то ещё как крадусь!

— Я — та, кто лучше всех в мире знает, что ты умеешь делать в ночи! — звонко рассмеялась Шадия, но тут же посерьёзнела. — Ксинг, если я не... Если меня...

— Замолчи! — приказал Ксинг. — В этом городе нет никого сильнее тебя, ты справишься и останешься не только живой, но и не получишь ни царапинки! Ведь твоими тренировками занимался будущий герой!

Шадия улыбнулась и начала раздеваться. Вместе с ошарашенной охраной башни Ксинг наблюдал, как та скидывает просторные шаровары, тонкий шёлковый плащ и цветастую блузу, оставаясь лишь в обтягивающем тело и подчёркивающем каждый изгиб тёмно-сером костюме из кожи саламандры. Она вытянула руку и брошенная одежда исчезла, скрывшись в одном из браслетов, украшающих её запястья. Шадия повернула ладонь и на ней возник магический жезл, ничуть не напоминающий орудия прочих колдунов. Длинная рукоять из Звёздной Стали, увенчанное шипом и окружённое острыми лезвиями ребристое оголовье — ни один человек в мире не назвал бы этот предмет магическим инструментом, а принял бы за оружие воина. И жезл, одно из творений Ксинга Дуо, лучшего из учеников мастера-кузнеца Гонга Бунтао, с этой ролью тоже прекрасно справлялся.

— Стой! — запоздало воскликнул один из стражников. — Кто вы такие?

Охрана словно вышла из транса. Они опустили копья и выхватили мечи, многочисленные статуи, окружавшие башню, ожили и ринулись вперёд.

Ксинг улыбнулся и сложил руки на груди, ободряюще кивнув Шадии. Та повела жезлом, и из наверхия вылетела ослепительная молния, разветвляясь и ударяя в стражников. Те рухнули на землю, неподвижно замерев, и если бы Ксинг не чувствовал их ци, то решил бы, что они мертвы, а не просто валяются со сведёнными судорогами телами, толком даже не пострадав. Шадия бросилась вперёд, замахиваясь жезлом. Её стройная фигурка заметалась между статуями, избегая огненных шаров, молний, разноцветных лучей и вылетающих из рук статуй стрел и кинжалов. Каждый раз, когда жезл соприкасался с марионеткой, та либо

оставалась стоять неподвижным изломанным изваянием, либо же рассыпалась грудой камня.

Ксинг неторопливо следовал за Шадией, лениво отмахиваясь от случайных снарядов, изгибая или отражая назад магические атаки, или разрушая случайно уцелевшую марионетку. Время он тратил лишь на то, чтобы извлечь из обломков всё ценное, справедливо решив, что колдунам это никогда больше не понадобится.

К огромной двери в башню они подошли вместе, держась за руки. Похоже, из-за действий Шадии колдуны объявили тревогу, так огромные двери из тусклого красноватого металла теперь были захлопнуты и загорожены упавшей сверху большой решёткой. Шадия замахнулась булавой.

— Подожди! — остановил её Ксинг. — Выглядит довольно интересно, похоже на Огненную Медь.

Он коснулся рукой дверей и решётки, и направил ци. Огромные створки мгновенно исчезли в пространственном браслете на его руке. Из срезанных петель ударили ослепительные разряды молний, которые без каких-либо последствий стекли с ци, защищающей тела Ксинга и Шадии.

Шадия зашла внутрь башни, в огромный и пышно украшенный приёмный зал. Вновь прыгнув вперёд, она начала крушить жезлом ожившие статуи.

— Ты же маг! — немного осуждающе сказал Ксинг, наблюдая, как во все стороны летят осколки камня. — Не хочешь использовать магию?

— Не сейчас, — рассмеялась она, откидывая за спину толстую косу. — Это же так весело!

Ксинг ухмыльнулся и кивнул. Действительно, в подобной оргии разрушения всегда было что-то особенное. И не ему, тоже любившему помахать цепом, Шадию осуждать.

— Наверх? — спросил Ксинг, указывая на лестницу, расположенную вдоль центральной шахты, за стенками которой он чувствовал пылающую ци Лахиб Шадид.

— Потом, — ответила Шадия. — Для начала спустимся в подземелье. Если за эти годы ничего не изменилось, мы можем найти много, как ты говоришь, «интересного»!

И она оказалась права, интересное они нашли. Оружейную, тюрьму, склады, библиотечное хранилище, несколько укрепленных лабораторий — в каждой из комнат имелось немало вещей, достойных помещения в пространственный браслет, чтобы изучить на досуге. С пленниками и заключёнными Ксинг морочиться тоже не стал — посрывав решётки и кандалы, он отпустил всех скопом. Ксинг не думал, что пленники являлись ни в чём неповинными людьми, был уверен, что среди них хватало подлецов и негодяев, но с этим следовало разбираться страже.

Наконец, когда со всеми делами оказалось покончено, Ксинг с Шадией двинулись наверх.

Они неторопливо, словно при посещении рынка, шли от этажа к этажу, не пропуская ни одной комнаты. Некоторые помещения были скрыты и защищены от обнаружения тем же заклинанием, что и весь город. Но Ксингу, способному охватить восприятием всю башню, пустоты и искажения служили цветастыми вывесками с просьбами всё здесь обязательно проверить, написанными большими иероглифами.

На каждом этаже имелись ловушки, полчища марионеток и дюжины боевых мусаваров, призванных остановить нарушителей. Но почему-то кроме нескольких перепуганных слуг и служанок, не встретилось ни одного человека.

— Они готовят встречу, — сказал Ксинг, с наслаждением наблюдая, как стройная затянутая в кожу фигурка Шадии прыгает, соблазнительно изгибаясь, между статуями стражей, оставляя за собой лишь искорёженные неподвижные остовы.

— Думаю, на самом верху, — согласилась Шадия, вытянутой рукой останавливая поток огня из стоящего на постаменте светящегося кристалла, а затем выламывая этот кристалл из крепления и пряча в пространство браслета.

Ксинг вытянул руку, преобразуя ци в элемент Металла. Из обломков марионеток вылетели маленькие кусочки азрака и легли на его ладонь, собираясь в один слиток.

— Пойдём, — нетерпеливо сказала Шадия. — Мне не терпится поболтать со старыми знакомыми.

— Им тоже не терпится поболтать с нами, — улыбнулся Ксинг. — Но это не повод пропускать что-то ценное.

— Ты и так уже набрал больше добра, чем понадобится в жизни, — мягко укорила его Шадия.

— Уж кто бы говорил! — парировал Ксинг.

— Девушки любят ходить за покупками! Особенно когда на этом рынке все товары бесплатны.

— Ну а я — из Дуоцзя! И у нас не принято оставлять вещи бесхозными.

Этаж сменялся этажом, но башня, казалось, никогда не закончится. Ксинг начал серьёзно опасаться за ёмкость своего браслета. Пусть он и создавал хранилище с огромным запасом, но оно тоже имело пределы. Он даже немного укорил себя за жадность, но оставить нетронутым какой-нибудь сундук или шкапулку было просто выше его сил. То же касалось и вещей, созданных из редких металлов и материалов — но тут в нём говорил кузнец. Как алхимик он не мог оставить в стороне лаборатории и шкафы с ингредиентами, а как учёный — стеллажи со свитками, полки с книгами и табличками. Ну а как воина его интересовало оружие. Это у подлеца-учителя всегда всего хватало, а Ксингу приходилось бороться в жизни за каждый чжень. Так что выбора просто-напросто не было, приходилось оставлять за собой практически голые стены.

— Это последний этаж, — отметила Шадия, констатируя очевидное. — Я думаю, нас ждут тут.

— Неплохой барьер, — кивнул Ксинг. — Но и не самый лучший. Им пришлось оставить брешь для потоков ци из артефакта. Воспользуйся этим.

Шадия кивнула и закрыла глаза, сосредотачиваясь. Бамбуковая палка возникла в руке Ксинга и обрушилась на затянутые в кожу округлости.

— Ой! Да поняла я, поняла! — сказала Шадия. — Я не должна закрывать глаза в бою, нужно использовать все чувства. Но это пока не бой!

Ксинг одарил её тяжёлым взглядом.

— «Воин бдителен всегда, даже ночью», — покорно согласилась девушка. — Там тридцать семь Владык.

— И я задаюсь вопросом, как они все туда попали, — ухмыльнулся Ксинг. — Не могли же они там стоять несколько дней.

— После ограблений всех башен? Нетрудно предположить, что знаменитый ахрибадский вор рано или поздно придёт за главным сокровищем города. Но ты прав, ждать они не могли. Наверное, использовали либо чары, либо мусавар.

— Шариф тоже перенёс меня сюда с помощью чар, — напомнил Ксинг.

— И я ему за это очень-очень благодарна, — лучезарно улыбнулась Шадия.

Ксинг спрятал палку, привлёк к себе девушку и поцеловал.

— Постарайся убивать их не всех, — предложил он. — Возможно, в библиотеках, которые я...

— ...ограбил! — подсказала Шадия, прижавшись к нему ещё крепче. — Твоя борода ужасна!

— В библиотеках, которые я ещё не изучил, найдётся что-то на эту тему. И борода мне не нравится самому. Но вор должен быть скрытным! А ты не только показала своё лицо, но и всё остальное!

— Ещё скажи, что тебе не нравится! — рассмеялась Шадия. — По глазам не скажешь.

— Такой костюм следует объявить вне закона, — ответил Ксинг. — а меня за его создание бросить в темницу.

— И ты оттуда украдёшь все решётки! Потому что они сделаны из металла, «а я кузнец, мне надо с чем-то работать!» — лицо Шадии стало серьёзным. — Когда найдёшь эти чары, тогда ты же сможешь... Сможешь в любой момент...

— Я вернусь даже без чар, — ответил Ксинг. — Но...

— Знаю. Учитель и твоя Мэй. Ты победишь его. Я это тоже знаю. А ей по-настоящему завидую.

— Что-то слишком похоже на прощание! — сказал Ксинг и, чуть наклонившись, поцеловал её в нос. — Я пока никуда не уйду, у нас ещё есть время.

— Ну тогда не будем его терять! Пойдём!

Они поднялись по ступеням и остановились возле большой двери из металла, в котором Ксинг с удивлением узнал довольно редкое Кровавое Железо.

— Ксинг, дверь можно просто открыть! — подсказала Шадия. — Она тебе совсем не нужна!

Но было поздно, дверь уже исчезла в короткой вспышке ци. Они зашли внутрь, глядя на магов, выстроившихся полукругом и наставивших на них жезлы.

— Джан Шаван! — закричал один из колдунов, судя по особо пышным одеяниям — самый главный. — Мы знали, что ты, презренный вор, сюда обязательно придёшь! Это конец! Тебе не победить в сражении! Мы подвергнем тебя таким мукам, что твоим примером будут пугать детей десять тысяч лет!

— Победить? Мне? — удивился Ксинг. — Но я не собираюсь сражаться.

— Ты решил сдаться? Не знаю, мудрое это решение, или глупое. В бою тебе могла улыбнуться удача, и ты смог бы погибнуть почти без боли.

— Сдаться? Нет, что вы, — засмеялся Ксинг. — Сражаться буду не я, а моя ученица.

Шадия, словно ожидая этих слов, бросилась вперёд. Из её жезла ударили молнии, обрушившись на колдунов, но не пробив защиты. Колдуны ответили целым ливнем заклятий, но не смогли попасть по юркой фигурке. Посыпались осколки стекла со стеклянного купола, закрывающего верхушку башни, но даже падая на головы, не причинили никому вреда. Шадия сократила дистанцию, ударила одного из колдунов кулаком в лицо, а на голову второго обрушила жезл. Оба упали. Вновь послышались выкрики заклинаний, полыхнули вспышки, но Шадия разрушала структуры чар до того, как они успевали формироваться.

— Почему ты не колдуешь? — спросил Ксинг.

— Потому что так лучше! — выкрикнула Шадия, совершая высокий прыжок. — Я давно мечтала сделать вот так!

Мелькнул кулак и впечатался в челюсть нового колдуна. Ксинг одобрительно кивнул — он и сам любил поработать кулаками, предпочитая их даже верному цепу.

Несколько магов странно изогнулись, их тела пошли волнами, одежда лопнула, не в силах сдержать рвущуюся наружу плоть. Ксинг впервые видел процесс превращения, так что даже замер, стараясь ну упустить ни единой подробности.

— Глупые шавки! — расхохоталась Шадия, хватая одного из волков за лапу и, размахивая им как дубиной, обрушивая тяжёлое тело на других магов. — Попробуйте что-нибудь другое!

Ксинг удовлетворённо отметил хорошее управление внутренней энергией — она с лёгкостью компенсировала свой небольшой вес, притягивая себя к полу.

У Шади всё было под контролем, так что Ксинг, лениво отмахиваясь от шальных заклинаний, осмотрел зал. От купола почти ничего не осталось, но артефакт, стоящий в центре, оставался нетронутым. Ксинга удивило поведение магов, решивших устроить бой именно здесь — ведь судя по количеству протекающей внутри ци Огня, если бы что-то пошло не так, вспышка смогла бы уничтожить весь город. Но потом увидел, что лучи магии, подлетающие к огромному кристаллу, при приближении изгибаются и уходят вверх, растворяясь в закрывающем город магическом пологе. Похоже, этому артефакту никак не смог бы навредить даже самый свирепый бой. Чтобы проверить догадку, Ксинг подскочил к ближайшему колдуну, ухватил его за шиворот и швырнул на артефакт.

Полыхнула вспышка, и от колдуна не осталось и пепла.

— Ксинг! — обиженно закричала Шадия, прикрываясь от заклинания телом одного колдуна и круша жезлом череп другому. — Ты же обещал не вмешиваться в мой бой!

— Ну извини! — развёл руками он. — Он просто первым попался под руку.

Ксинг подошёл к артефакту и присмотрелся к потокам ци. Просто разрушить артефакт, чтобы убрать купол, не получалось. Ведь в этом случае Ахрибад, действительно бы освободился от гнёта колдунов, исчезнув с лица земли вместе с этими колдунами. Они с Шадией, конечно же, выжили бы, но девушка бы сильно расстроилась. Просто засунуть кристалл в браслет Ксинг тоже не мог — вырвавшиеся внутри потоки ци могли попортить его столь кропотливо собранные запасы. Оставалось только одно — расплести чары, перенаправить ци из Лахиб Шадид, отрезав их от артефакта, а потом... Ксинг не знал, для чего ему этот кристалл, но был уверен, что для чего-нибудь пригодится.

— Шадия, — крикнул он, — тебе нужна помощь? Я некоторое время буду занят!

— Развлекайся, — усмехнулась девушка. Её жезл теперь находился на ремне, а врагов она крушила двумя волками. — Я уже почти закончила!

Ксинг на всякий случай убедился, что у неё действительно всё под контролем, и повернулся к артефакту. Он вытянул руки и принялся расплестать потоки, идущие через кристалл. Занятие оказалось неожиданно тяжёлым и кропотливым, требующим полного сосредоточения. Приходилось удерживать огненную ци, идущую из недр земли и разветвляющуюся в артефакте, вытаскивать и перенаправлять каждый ручеек энергии, распутывать их пучки и по одному заглушать. Он прекрасно понимал, что стоит сейчас ослабить внимание, и всё — городу конец. Не то, чтобы он по Ахрибаду как-то скучал, но Шадии этот город был дорог. К тому же, даже если бы тут жили одни только негодяи, гибель даже единственного неповинного человека тяжким бременем легла бы на душу Ксинга. А ведь он мечтал стать героем, а не идти по злодейской стезе!

— Я закончила! — послышался выкрик Шадии. — А что у тебя?

— Мне ещё надо немного времени, — ответил Ксинг.

— Ну тогда я соберу всё ценное, — предложила Шадия и тут же склонилась над распростёртыми телами.

Ксинг кивнул и вновь занялся артефактом. Он ухватился за особо сильные потоки и осторожно, чтобы не вызвать взрыв, отогнул их прочь от кристалла. Теперь можно было спокойно выдохнуть. Даже в самом крайнем случае город останется целым, вспышка сможет разрушить лишь верхушку башни, максимум её половину. А учитывая, что башня Совета — самое высокое здание в Ахрибаде, то наибольшее, что сделает взрыв — свалит пару башен колдунов и сорвёт несколько крыш.

— Так-так-так, — раздался новый голос. — И кто же это у нас тут?

Ксинг, удерживая вырывающиеся потоки, повернул голову. В противоположном краю зала над огромной прорехой в куполе, парил старый знакомый.

— Амира Аль-Шадиа Ясмин Аббади, — сказал Шариф, с ненавистью уставившись на Шадию. — Мой драгоценный учитель! Сколько раз я говорил этим ничтожным глупцам, что тебя следовало уничтожить! Но нет же: «Надо соблюдать договорённости! Она сейчас слаба, неопасна, ничего сделать не сможет!»

— Учитель? — удивился Ксинг, бросив на Шадию вопросительный взгляд.

— Прости, Ксинг! — потупила глаза Шадия. — Я тебе не всё рассказала! Я действительно была учителем Шарифа Имада Аббаса Аль-Мазруи, именно я нашла его в городских трущобах и именно я ответственна, что не разглядела его гнилую суть! Именно я нарекла его этим именем, и именно на мне лежит вся вина.

— Ну что вы, учитель! — издевательски захохотал Шариф. — Обязанности главы Круга Чародеев отнимали у вас слишком много времени, чтобы заметить, что ученик вырос и у него появились свои амбиции!

— Главы Круга? — воскликнул Ксинг.

Шадия потупила взгляд, и в её глазах мелькнула боль.

— О, незнакомец! Или лучше я буду называть тебя Джан Шаван? Ты что, не знал, кем является твоя спутница? Именно она была главой Круга Чародеев, именно она представляла нас в Совете города. И именно она открыла свойства азрака, что позволило нам обрести беспредельное могущество!

Шадия молчала, её плечи поникли, а тело сотрясала мелкая дрожь.

— О, это её жалкое лицемерное чистоплюйство! «Наше дело — магия! Править должны правители, а не маги!» Глупо и недальновидно. И ведь нашлись глупцы, что послушались этих слов! Которые последовали за ней, направив чары на своих собратьев и подняв на них жезлы! Мы просто хотели получить своё! Занять положение, которого достойны!

— И ты, Шариф, послушался ядовитого шёпота Талама! — тихо сказала Шадия. — Ты ударил мне в спину!

— Я просто ухватился за свой шанс! С тобой во главе Дети Равды побеждали. А кому больше всего доверяет учитель, как не своему любимому и единственному ученику?

Шадия перевела умоляющий взгляд на Ксинга:

— Я... ты... ты мне всё рассказал, а я... Я не смогла!

— Ой, что это у нас? — оскалился Шариф. — Милая семейная ссора? Знай, Джан Шаван, что встав на её сторону, ты обрёк себя на смерть! Думаешь, если вы победили этих слабаков, то справитесь и со мной? В те времена я был намного слабее, поэтому уступил большинству и позволил ей жить. А они... Чтобы ублажить остальных Детей Равды и

заткнуть возмущённые рты, они сохранили её Марказ аль-Кувва, не разрушив, а лишь запечатав, оставив самый минимум для поддержания жизни и юности. Но теперь я эту ошибку больше не совершу!

— Ксинг! — закричала Шадия. — Я...

— Да-да, понятно. Тебе больше трёх сотен лет! — ответил Ксинг, беззаботно махнув рукой. — Эй ты, Шариф или как тебя там, а тебе не говорили, что очень грубо и неприлично намекать женщине на её возраст?

Шариф пришёл в бешенство:

— Глупец! Ничтожный червь! Ты что, так и не понял, что я сказал?

— Ты сказал, что девушка, которая мне так дорога, немного меня старше. И что она, может быть, даже старше Мэй. Прости, Шадия, но это ничего не меняет. Место старшей жены уже занято, так что...

Шадия подняла глаза и её заплаканное лицо озарила яркая улыбка.

— О боги, демоны и духи! Я трачу своё время на разговор с ничтожествами! Ну что же, пришло вам время узреть всю...

— Шадия, милая, — скривился Ксинг. — Ты можешь его заткнуть?

Девушка звонко засмеялась, выхватила из-за пояса жезл и бросилась на Шарифа.

Как бы ни хотелось Ксингу присмотреть за сражением, у него имелись и более насущные задачи. Поэтому он вернулся к потокам ци, которые до сих пор так и норовили вырваться из-под его контроля. Лишь краем глаза он наблюдал мелькающие фигуры, выкрики словесных формул и вспышки заклинаний. Слышал знакомый звон разрушающихся защит и глухие удары чего-то тяжёлого. Бросив быстрый взгляд, он убедился, что пусть и Шариф времени зря не терял, обвешавшись новыми артефактами, но Шадия уверенно побеждала.

После одного её особо увесистого удара, Ксинг даже почувствовал сродство с Шарифом: они оба являлись учениками и мечтали победить учителя, оба получали от учителя оплеухи. Чувство мелькнуло и пропало — сколь бы похожими они ни были, герой не станет жалеть злодея!

— Джан Шаван! — воскликнул Шариф. — Выслушай меня!

Ксинг вновь отвлёкся от артефакта и повернул голову. Шадия тоже прекратила атаки и замерла в боевой стойке, подняв жезл.

— Ты вор! Ты ищешь славы и богатства! Ты искусен и умел, твоё имя гремит на весь Ахрибад! Ты владеешь сихир и искусно справляешься даже с самыми сильными потоками! Почему ты принял её сторону?

Ксинг притворно задумался:

— Она весёлая, умная, славная и красивая. А ещё у неё просто потрясающая фигура, ты можешь это увидеть и сам!

— Если ты станешь моим союзником, то все женщины мира станут твоими! Я осыплю тебя не этими жалкими ничтожными касба, а настоящим золотом и драгоценностями! Подарю тебе дворцы и даже города! Настоящую силу и власть!

— Шадия, позволь нам поговорить! — попросил Ксинг, и девушка кивнула. — Города? Не давай обещания, которые не сможешь выполнить. Даже если ты мне подаришь Ахрибад, это всего лишь один город. К тому же, он вовсе не в твоих руках!

— Ахрибад? — расхохотался обнадёженный Шариф. — Кому нужен этот жалкий затерянный городишко среди голой пустыни? О, эти глупцы, толпа мягкотелых трусов,

неспособных идти до конца!

— «Только трусы сбиваются в стаю», — вставил Ксинг свою старую цитату.

— О да, тысячу раз да! Как хорошо сказано! Эти трусы сбились в стаю и вместо того, чтобы выжечь пылающим огнём всех несогласных, пошли на уступки! Я знал, всегда знал, что, даже лишённая силы, она опасна! И что рано или поздно они поплатятся. Я осознал, что мне не по пути со столь жалкими ничтожествами, что должен сделать что-то для себя! Поэтому решил наведываться сюда лишь изредка, а взор направил далеко, за море! Там находится Подлунная Империя, где города богаты, словно сокровищница падишаха, а женщины прекрасны, как лунная ночь! Вот что я тебе предлагаю!

— Целую империю? — усмехнулся Ксинг, но на сердце стало тревожно. — Ты уверен, что сможешь её завоевать?

— Воины Империи сильны и свирепы, — согласился Шариф. — Но я и не планировал с ними сражаться. На южном побережье есть огромный полуостров, где находится самый крупный город-порт во всём мире. Несколько лет назад я почувствовал их силы. Укрощённое мною чудовище было побеждено, но помогло получить представление, чего ожидать в будущем. У меня есть настоящая армия, способная захватить весь полуостров!

Шадия бросила на Ксинга умоляющий взгляд, качнув жезлом, как бы спрашивая: «А теперь я могу его стукнуть?» Ксинг качнул головой, попросив подождать чуть дольше.

— Ты сказал, что воины Империи сильны. А что помешает им уничтожить эту армию?

— Моя армия способна воевать и в море и на суше! У меня есть сотни сильных Хранителей, величественных и устрашающих огненных стражей, каждая из которых сильнее джинна и ифрита! И самое главное! Сильнейшая из армий Империи будет очень занята другим сражением. А когда она вернётся, я уже помещу весь полуостров в аалам мастур!

— Аалам мастур? Но ведь что толку во владениях, отрезанных от мира? — спросил Ксинг.

— О, я в тебе не ошибся! Ты не только знаешь о столь сильной магии, но и имеешь немалые амбиции! Этот полуостров огромен, он расположен в ключевом месте и слишком важен для торговли и мореплавания! И он не будет отрезан от мира окончательно, туда попадёт и оттуда выйдет лишь тот, кто получит моё соизволение! Империи придётся смириться, у неё не останется выхода, кроме как признать существование новой страны и вести с ней торговлю!

— Звучит очень заманчиво, — сказал Ксинг. — Но нет. Шадия, теперь можно!

— Но почему? — закричал Шариф. Шадия, бросившаяся в атаку, остановилась, тоже ожидая ответа.

— Потому что именно я убил твою черепаху, — захохотал Ксинг. — Из неё вышел очень славный суп!

Он отпустил потоки ци, удерживающие бороду и сдёрнул тюрбан, открывая Шарифу своё лицо.

— Ты? — закричал Шариф. — Ты-ы-ы-ы-ы-ы?

— Приятно снова встретиться. Кстати, Шадия — моя ученица, а ты — ученик моего ученика. Так что можешь называть меня просто: «почтенный старейшина».

Ксинг собрался вернуться к артефакту, но увидел, что лицо Шарифа исказилось от гнева. Он взлетел в воздух и вытянул руки:

— Ты! Ты мерзкое порождение пустынной скверны! Жалкий червь, презренная личинка! Я вернусь в твою Империю и закончу начатое дело! А ты останешься навсегда на

краю света в вечных льдах, откуда никому нет возврата!

Шадиа сорвалась с места и взвилась в воздух, замахиваясь кулаком и исторгая из жезла мощный ослепительный луч.

Но Шариф вновь успел прокричать знакомые слова:

— Ибаад Ила Аль-Уфук Аль-Баид!

В другое время Ксинг запросто сумел бы разрушить заклинание, но сейчас, как назло, его внимание было занято кристаллом. Поэтому он отбросил потоки, обхватил артефакт ци и отправил его в свой пространственный браслет.

Мир поглотила яркая вспышка, но Ксинг едва успел её заметить, так как тело затянуло в чёрную пустоту.

Глава 23, в которой герой не только ступает дважды в ту же реку, но и ест при этом куриную грудку

Гнев, душивший в этот момент Ксинга был столь силён, что мог крушить камни. Собственно, он эти самые камни и крушил — Ксинг даже не пытался обуздать свою силу, позволив ей выплеснуться наружу, не сдерживаемую больше никаким самоконтролем. И сила ответила, подчинившись бурлящим эмоциям.

Второй раз! Это случилось во второй раз, и оба раза по вине одного и того же человека! Хотя... Как раз Шарифа Ксинг ни в чём и не винил — тот делал, что предписывал ему злодейский путь, и не было ничего неправильного в том, чтобы вырвать победу у судьбы и обстоятельств. Именно Ксинг оказался либо слаб, либо не готов, либо и то и другое вместе.

Кто бы мог представить Лю Минфея, Ледяного Ворона, проигравшего Хуан Цзи по прозвищу Пылающий Демон? Или же Бао Сяо, которого бы постоянно побеждал даже не Дариуш аль-Цап, а Гао Юн, один из главных подручных Дариуша? Правильно, никто! Потому что герой может проиграть один раз, но никогда дважды!

Шариф, чьё полное имя Ксинг даже не потрудился запомнить, не просто победил Ксинга, не просто дважды — дважды! — разлучил его с любимыми женщинами, так ещё и оба раза сделал это с помощью одной и той же техники!

Да, оба раза обстоятельства складывались так, что Ксинг оказывался занят: в первый истратив почти всю ци на спасение Альмирах, а во второй — полностью сосредоточившись на обезвреживании опасного артефакта. Вот только если после этих всех провалов и просчётов Ксинг всё ещё планировал становиться героем, то ему следовало бы сосредоточиться на преодолении препятствий, а не на жалостливых оправданиях.

Ксинг разрушил заклинание Шарифа сразу, спустя считанные мгновения разорвал плетения с помощью своей ци. Но и этих мгновений оказалось достаточно, чтобы забросить его в место Никуда, находящееся в стране Нигде. Можно было утешиться лишь тем, что, каковы бы ни были цели Шарифа, он их не достиг. Но Ксинга не интересовали утешения.

Он представил на своём месте негодяя-учителя и едва сумел сдержать смех. Уж с ним-то ничего подобного никогда не случилось бы! Ему бы даже не пришлось побеждать Шарифа, ведь нет никакой победы в том, чтобы гонять противника бамбуковой палкой, обрушивая удары на спину, задницу и пятки, читая при этом нравоучения мерзким занудным голосом!

Немного успокоившись, Ксинг огляделся по сторонам. Вокруг царила кромешная темнота. Зрение ци показывало большое количество духов Земли, а руки нащупывали лишь гладкие каменные стены.

Ксинг сосредоточился. Где-то далеко выше он ощутил в камне какие-то пустоты, но внизу, насколько позволяли охватить чувства, находились слои и слои камня или других твёрдых пород.

Он вытянул руку и преобразовал ци. В руке вспыхнул огонёк, осветивший окружающее пространство. Ксинг знал, что в глубоких шахтах, закрытых помещениях и других замкнутых непроветриваемых пространствах огонь опасен тем, что он выжирает из воздуха силу жизни, наполняя мёртвой пустотой, после чего гибнет и сам. Но это не касалось элемента Огня, ведь для своего существования тот использовал собственную энергию Ксинга.

Мягкое ровное сияние пламени высветило большую сферическую пустоту, которую

Ксинг ненароком создал, дав волю своей ци. Похоже, на этот раз заклинание переноса забросило его не на высоту, а куда-то под землю, где вспышкой ярости он высвободил себе немного свободного места.

Ксинг слышал, что некоторые люди боятся закрытых или замкнутых пространств, но это касалось лишь других — для него Земля, Металл, Вода, Огонь и Древо являлись родными стихиями. Поэтому Ксинг изменил форму пустоты, вырастив из камня массивное кресло и присел, чтобы подумать.

Как бы ни хотелось ему вернуться в Ахрибад, чтобы убедиться, что с Шадией не произошло ничего плохого, но теперь появились более насущные задачи. Шариф, думая, что перетягивает на свою сторону знаменитого вора, представителя профессии, славящейся своей беспринципностью и продажностью, раскрыл часть планов. И не следовало быть главой столичной академии, чтобы понять, что в разговоре о самом большом порте Империи речь идёт о Могао. Ксинг любил своих женщин — оба расставания с Шадией и Альмирах помогли разобраться с чувствами — но как и у всякого жителя Империи у него имелся долг перед родиной и Императором.

Осталось только определиться, где находится Могао, как можно туда попасть, и, главное, откуда. Ведь о месте, в которое Ксинг попал, он не имел ни малейшего представления.

— Ничего! — сказал он сквозь зубы. — Это временные трудности!

Ксинг встал с кресла и шагнул в стену, поплыл сквозь камень наверх, туда, где чувствовал несколько больших пустот. Как и предполагалось, этими пустотами оказались пещеры. Ксинга то ли закинуло глубоко под землю, либо впечатало внутрь горы, в обоих случаях действовать следовало одинаково — для начала выбраться на поверхность, уточнить своё местоположение и выбрать правильное направление — если не к конечной цели, то хотя бы приблизительно в сторону Империи. Следовало найти людей, но никакого наличия достаточно крупных живых существ зрение ци пока что не показывало.

Ксинг не считал времени, сколько бродил по этим пещерам. Сейчас, когда разница между днём и ночью стёрлась из-за отсутствия солнца и лун, приходилось ориентироваться на ощущения тела. Поэтому Ксинг шёл вперёд, когда ему хотелось — спал, пил, или ел, извлекая из своего браслета еду и напитки. По дороге он нашёл немало интересных вещей — светящиеся кристаллы, руды редких и даже неизвестных металлов, грибы и травы, полные тёмной холодной подземной ци. Если что и заставляло его улыбаться и оставаться довольным собой — так это то, что теперь он мог идти налегке, но при этом не бросать ничего ценного. Поэтому он собирал кристаллы, использовал элемент Металла для извлечения металлов из руд, а также срезал растения.

Одно из этих растений, светящиеся мертвенно-голубым цветом кусты с бледными большими цветами, он даже узнал — это был смертельно ядовитый Лунный Жасмин. Увы, в старом свитке указывалось несколько районов его произрастания, причём, находились эти районы в разных уголках мира, так что установить своё положение по цветку не получилось. К тому же, существовала вероятность, что этот случайный перенос забросил его в место, о существовании которого автор свитка даже не подозревал. Ксинг старательно срезал, как предписывал свиток, все кустики, спрятал их в свой браслет и направился дальше, туда где ци показывало новую просторную пещеру.

В отличие от обычного человека, не владеющего внутренней энергией, Ксингу было гораздо легче. Ему не требовалось следовать всем изгибам пещер, он чувствовал их

структуру, а значит, всегда мог сократить путь, пройдя сквозь камень. Но всё равно, путь через эту гору занял немало дней, пусть отсчитывать эти дни у Ксинга получалось только очень приблизительно.

Как бы глубоко и пусто тут ни было, но всё равно, даже на этой глубине кишела жизнь. Различные ящерицы, слизни, огромные многоногие насекомые с ядом, проедающим даже камень. Тут на глубине были особо сильны энергия инь и ци Земли, так что в другое время он бы остался на пару месяцев, чтобы покультивировать. К сожалению, именно времени сейчас и не хватало. Поэтому Ксинг упрямо шёл вперёд, собирая травы, кусты, колючки, светящийся мох, огромных насекомых, змей, ящериц, гигантских жрущих скалы червей и прочую растительность и живность, которые когда-нибудь потом можно будет использовать для создания эликсиров.

Выход на поверхность он поначалу принял её за ещё одну огромную пещеру, границ которой не смогло охватить даже его чувство ци. Но стоило разойтись густым облакам, образовав просвет, в котором мелькнуло лунным светом, как Ксинг осознал: выбрался!

Несмотря на то, что в браслете у него имелось не только немало продуктов, но даже свежие готовые и исходящие паром блюда, Ксинг решил отправиться на охоту. Ему было нужно не мясо, он хотел посмотреть на зверей, чтобы по внешнему виду определить, где же всё-таки оказался. Горы здесь обрывались, заканчиваясь бескрайней степью. Но эта степь могла находиться как на западе Империи, так и на севере, либо же далеко на востоке. К сожалению, знания Ксинга о мире пусть в некоторых случаях и могли бы поразить своей глубиной, но в целом являлись отрывочными и неполными. В прошлой жизни, будучи Ханем Нао, он не проявлял должного прилежания в скучной учёбе, а в нынешней, как у Фенга, так и у Ксинга Дуо, настоящее образование отсутствовало. Поэтому самым лучшим способом сориентироваться было найти кого-то из местных жителей и расспросить.

Почувствовав впереди достаточно крупный источник жизни, Ксинг прыгнул, наступил на воздух, совершил новый прыжок и ещё один, приземлившись на другой стороне глубокого ущелья. Он недоумённо нахмурился. Чувство жизни и восприятие ци подсказывали ему, что неподалёку находится достаточно большое живое существо, но обычное зрение видело лишь усеянный валунами горный склон. Не в силах унять любопытства, он подошёл поближе.

Большой валун, ничем не отличающийся от остальных таких же, шевельнулся и взлетел в воздух, на лету отрачивая толстые короткие лапы, усыпанный шипами хвост и голову с оскаленной полной острых зубов пастью.

Ксинг неторопливо вытянул руку, поймал тварь за горло и, поворачивая к себе то одним, то другим боком, внимательно осмотрел.

Маскировка с твари давно слетела, теперь в ярком свете двух лун она казалось тёмным провалом в пространстве. По гладким бокам, густо покрытым короткими тёмно-синими щетинками, пробегали редкие красные искры. Тварь брыкалась, била хвостом и лапами, щёлкала челюстью. Длинные загнутые когти передних лап полосовали его предплечья, а задние — били в живот.

— Почему тебя называют пантерой? — спросил Ксинг, наклонив голову. — Ты же совсем не похож на кошку!

Тварь только рыкнула и усилила атаки.

— Я люблю кошек! — продолжил Ксинг. — Они очень милые. И пантеры милые. А ты — нет!

Он чуть сжал пальцы, и тварь заскулила.

— Ты больше похож на ящерицу. Или на волка, — продолжил осмотр Ксинг. — Или на потомка волка, который зачитывал ящерице «Восемнадцать сливовых лепестков».

Из пасти беснующейся твари начала идти пена. Ксинг решил, что увидел всё, что хотел, поэтому просто сжал пальцы. Раздался громкий хруст позвонков и тварь обмякла.

— Забавно, — заключил Ксинг. — Чёрная каменная пантера, оказывается, не чёрная, не пантера, да ещё и не каменная!

Висящее в его руке тело не ответило. Ксинг бросил тушу на землю и тяжело вздохнул. Встреча с этим чудовищем ни капли не помогла. Да, он прекрасно знал, как оно называется, получил возможность увидеть живую и даже потрогать. Вот только составитель «Книги о тварях свирепых и зверье опасном» проявил поразительную небрежность, вместо точного места обитания чёрных каменных пантер указав только «в горах». И пусть эти сведения были абсолютно точны, но в то же время абсолютно бесполезны.

— Абсолютли! — констатировал Ксинг, улыбнувшись хорошо подзабытому словечку.

Он опустил взгляд и осмотрел свою одежду. Шёлковые халат и рубаха теперь зияли дырами — рукава висели ключьями, а грудь и живот пересекало множество прорех. Ксинг сосредоточился — он не любил настолько кропотливые занятия, но никогда их не избегал, так как они прекрасно помогали с тренировкой контроля ци. Нити и волокна потянулись друг к другу, разорванные края начали сходиться, а затем смыкаться, оставляя за собой целую ткань. Вырванные пантерой клочки шёлка, застрявшие в когтях или рухнувшие на землю, взлетели, встали на свои места и тоже воссоединились с тканью. Ксинг осмотрел проделанную работу и решил, что, всё-таки, следовало бы переодеться ещё в пещерах, ведь сколь бы прочным ни был шёлк, он все же не выдержал ударов когтей монстра, наполненных смертельной энергией.

Шкура каменной пантеры оказалась неожиданно приятной на ощупь. Попытка погладить шершавый бок показала, что короткие волоски препятствуют скольжению. Свойство, не самое удобное для брони, но Ксинг решил, что найдёт ему применение когда-нибудь позже. Снятие заняло чуть больше времени, чем надо — прочностью шкура мало чем уступала коже саламандры, так что пришлось задействовать ци. Закинув тушу и шкуру в пространственный браслет и отправив их в дальнейшее хранилище, Ксинг переоделся в походный кожаный костюм и двинулся далее.

Вдалеке в степи, видимые даже отсюда, мелькали отблески огня, а также на пределе чувствительности ощущалось много пятен человеческой ци.

Там, похоже, находился город и, судя по количеству жителей, немалый.

Первым поначалу возникло желание раскрутить цеп и полететь напрямик к городу, чтобы побыстрее найти какого-нибудь человека, выяснить, на каком языке он говорит, узнать, где находится Подлунная Империя, а если повезёт — так и сам Могао. Ксинг уже даже сделал первый взмах, когда лёгкое чувство недовольства внутри заставило остановиться и прислушаться к себе.

Он понял, что уходить так, сейчас, ему вовсе не хочется. Да, терять времени не следовало, но и излишняя поспешность до добра тоже не доведёт. Если он, добыв только одну чёрную каменную пантеру со столь ценной шкурой, уйдёт восвояси, над ним будет смеяться вся Дуоцзя, взрослые осуждающе качать головами, а малышня — кататься по земле и тыкать пальцами.

Место, в которое он попал, было очень богато ци Земли. Пусть и несравнимо с Лахиб

Шаид, но культивировать во время путешествия сквозь горы у него получалось очень неплохо. И за время своих странствий Ксинг хорошо уяснил одну вещь: сильная природная ци означает сильных зверей, редкие минералы и особые растения. Шариф, конечно, планировал напасть на Могао, но после схватки с Шаидией ему потребовалось бы некоторое время, чтобы зализать раны. Ну и в самом крайнем случае, если Шарифу удастся добиться своего, Ксинг пробы́ется в установленный аалам мастур силой, правда до такого лучше не доводить.

Ксинг потратил остаток ночи на обследование местности. Он нашёл на горных склонах странный лес, полный диковинных деревьев, больше похожих на каменные изваяния. Собрал немного неизвестных растений, источавших сильную ци. Извлёк из-под земли интересные кристаллы, минералы и руды металлов, прибавив их к своим и так обширным запасам. Нашёл стадо горных коз, одну из которых забил для приготовления ужина из свежего мяса, пусть в этом не было особой необходимости — мяса у него хватало. Обнаружил ещё двух каменных пантер, которых прибил ради шкуры.

Обследовав странные деревья, Ксинг обнаружил, что их древесина очень хороша: пусть и не до конца способна сравниться по крепости с Пурпурным Дубом, да и не имеет столь полезной и целебной смолы, зато прекрасно удерживает ци, нисколько не разрушаясь. Так что Ксинг не поленился и заготовил её впрок — на случай, когда у него появится время и желание всё-таки сделать себе летающий корабль, как у настоящего героя. Увы, нужных деревьев он обнаружил не так уж много. Для создания гордо парящего дворца с десятками мачт с парусами, способного увезти целую секту, их никак бы не хватило — максимум на плоскодонный корабль береговой охраны. Поэтому Ксинг засеял побольше жёстких, похожих на ромбовидные деревянные шкатулки плодов и помог им пустить ростки, сплетая элементы Земли и Древа, на случай, если когда-то сюда вернётся. Для этих же целей он применил исцеляющую ци, зарастив срезы на пнях, и заставил их пустить новые побеги.

Стоило солнцу выглянуть из-за гор, осветив степь первыми тусклыми лучами, как Ксинг ухватил свой цеп, раскрутил его над головой и полетел вперёд — к странному городу.

Со временем у полёта на цепи обнаружился небольшой недостаток — если быстро лететь в нужную сторону, то мерцающий перед носом диск из ци сильно затруднял обзор, что ничуть не мешало обычному зрению, но ограничивало духовное восприятие. Так что когда вместо города впереди показалось огромное скопление шатров, лошадей, телег, людей и домашней живности, Ксинг немного удивился.

Три всадника на небольших юрких конях заметили Ксинга в небе и начали тыкать в него пальцами. Ксинг опустил на землю и, широко улыбаясь, побежал к им навстречу. Теперь-то он прекрасно знал обычаи кочевых племён, о том, что гостя следует накормить, напоить и дать кров, так что остановился лишь тогда, когда услышал предупреждающий гортанный выкрик на неизвестном языке.

— Меня зовут Ксинг Дуо! — крикнул он, приветственно подняв руку. — Я из Подлунной Империи и ищу дорогу домой!

Всадники, внутри которых он чувствовал ци на уровне адепта, переглянулись, один из них направил на Ксинга копьё, а двое вскинули короткие луки.

— Та нартай байсанда угуй, бид хунхунудын гэрт орж ирлэ, империйн ухэр!

[Ты пожалеешь о том, что пришёл в дом к хунхунам, имперская свинья!]

Из всей фразы Ксинг понял только два слова: «Империя» и нечто, похожее на «хунхун». И если это не случайное созвучие, тогда Ксинг и так уже дома, в Империи!

— Так вы хунхуны? — радостно спросил он.

Лица всадников исказились гневом. В Ксинга полетели две стрелы, одна в голову, а другая в сердце. Он мог отскочить, отбить стрелы цепом или же просто остановить с помощью ци, но остался на месте, позволив им достичь цели — чисто из вежливости. Одна стрела ударила в лоб, а вторая — в грудь. Шкуры саламандры проявили себя выше всяких похвал, не получив ни царапинки. Ну а чтобы нанести ему рану на коже, требовалось нечто гораздо серьезней простых стрел.

Всадники, увидав, что атака не достигла цели, закинули луки в чехлы на сёдлах, выхватили кривые сабли и поскакали вперёд.

— Дулаар! — кричали они, размахивая саблями.

[В атаку!]

Бровь Ксинга дёрнулась. Теперь-то он был уверен, что это точно хунхуны — их внешний вид вполне соответствовал описаниям отца. То, что они восстали против Империи, атаковав её жителя, было не очень-то удивительно, видать, после падения дома Нао некому оказалось призвать их к порядку. Ну а может, прошло слишком много циклов, столько, что о победах отца просто-напросто забыли. Что же, если они решили, что Нао больше не осталось, то совершили большую ошибку!

Ксинг бросился навстречу всадникам и, подскочив к копьеносцу, стащил того с седла, ухватил голый ладонью один из клинков, выдернул его из руки владельца и рукоятью отбил саблю второго. Сдёрнув всадников на землю, Ксинг поднял копьё и, тщательно контролируя силу, чтобы никого не убить и не покалечить, обрушил древко им на задницы и пятки.

— Вы — жители Империи! — приговаривал он. — Ведите себя как полагается подданным Императора!

Наконец, отбросив ненужное оружие он повернулся к троице спиной и направился в сторону стойбища. Он не жалел, что пришлось применить силу, но присмотром за поведением жителей Империи следовало заниматься имперской страже! Работая в ресторане, Ксинг заплатил немало налогов, так что теперь кипел от негодования.

Послышался стук копыт, но нападения не последовало. Хунхуны, похватав оружие и оседлав лошадей, помчалось в сторону стойбища. Ксинг остановился и сложил руки на груди в надежде, что сейчас придёт кто-то достаточно стоворчивый, желательно умеющий разговаривать на имперском и способный разрешить это недопонимание.

На этот раз на встречу с Ксингом отправился отряд из трёх дюжин всадников. Издав тот же самый клич, они кинулись в атаку.

Ксинга очень разочаровало поведение хунхунов, столь разительно отличающееся от искреннего радушного гостеприимства бадави. Поэтому он высказал своё раздражение немного сильнее, чем это следовало бы. Прошло немного времени и отряд ускакал назад, многие всадники держались за бока, а большинство скакало в стременах стоя, чтобы сберечь отбитые задницы.

Он вновь шагнул вперёд, теперь прекрасно представляя, что его ожидает дальше. И хунхуны не подвели. Раздался гулкий грохот барабанов, затрубили рога, над стойбищем поднялись громкие крики. И когда Ксинг неторопливо преодолел треть расстояния, в его сторону уже направлялось целое войско. Ксинг чувствовал суету в стойбище, огромное количество ци людей и лошадей, они собирались в отдельные отряды и выстраивались, готовясь к атаке. Хань Нао многократно слышал от отца, какой это свирепый, умелый и многочисленный враг, а теперь смог воочию убедиться и сам.

Многие из хунхунов владели ци, пусть не так, чтобы совсем хорошо, но владели, и поэтому были сильнее и быстрее обычного человека. Где-то позади конных отрядов виднелись сильные огоньки ци, видимо, те самые шаманы, о которых рассказывал отец.

Ксинга, как повара, на мгновение заинтересовал вопрос: чем же питалась вся эта толпа, по численности не уступающая населению крупного города типа Могао? Женской ци среди собравшихся было очень мало, дети практически отсутствовали, зато взрослых сильных мужчин насчитывалось почти сто тысяч. Огромная, просто ошеломляющая цифра.

По рассказам отца Ксинг знал, что время от времени хунхуны собираются для нашествия, оставляя жён и детей в стойбищах. В походах участвуют только воины и шаманы, причём, шаманы тоже умеют скакать на конях, чтобы поспевать за войском. Каждый хунхунский воин прекрасно владеет саблей, копьём и луком, а в седле сидит, словно там родился. Среди них не так много мастеров, но владение ци — вовсе не редкость.

И пусть сейчас в бой выдвигалась не вся армия, а лишь чуть больше дюжины отрядов, Ксинг знал, что остальные готовы вскочить в седло и атаковать в любое мгновение.

На этот раз он не собирался быть вежливым и позволять стрелам хунхунов находить цель. Так что, слушая яростные крики несущегося противника, он просто стоял на месте и ленивыми ударами цепы сбивал снаряды, летящие в него с похвальной точностью и силой.

На этот в атаке приняли участие и шаманы. Несколько безоружных всадников схватили бубны и, ловко управляя лошадьми лишь с помощью ног, начали издавать ритмичные звуки, дополняя их заунывным камланием. Ксинг с интересом смотрел, как духи земли собираются вместе, как слетаются к нему под ноги и как из-под земли выстреливают острейшие шипы, чтобы пронзить его тело. Маленький кружок степи, на котором он стоял, остался нетронутым, духов под ногами Ксинг разогнал лёгким всплеском внутренней энергии. Чтобы получше рассмотреть остальные шипы, он даже присел на корточки.

— Интересная техника! — широко улыбнулся он. — Только немного медлительная.

Из рассказов отца он помнил, насколько сильны шаманы хунхунов, насколько большой ущерб способны нанести войску, но, похоже, сытые и спокойные годы в составе Империи сказались на хунхунах плачевно. Под безжалостным течением времени в пропасть скатились как сила и искусство шаманов, так и боевые качества воинов, ведь иначе так легко их Ксингу одолеть бы не удалось. Теперь-то он понял, почему хунхуны решили восстать — ведь только в постоянных сражениях они смогли бы вернуть былую силу и доблесть, утраченную за многие циклы, прошедшие со времён смерти Ханя Нао. Сытые циклы в составе Империи позволили им достаточно расплодиться, чтобы собрать столь огромную армию. Вот только они не смотрели кристаллов — тех, старых, настоящих, не то что современные поделки — и не понимали, что один настоящий герой может одолеть любое полчище подручных злодея, даже если их — целая армия.

Быстро, чтобы не тратить лишнего времени, Ксинг развеял ударивший из-под земли фонтан, разорвал степные травы, которые зашевелились змеями, оплетая ему ноги, подскочил к всадникам, сделал цепом широкий замах и замер.

Какими бы грубыми и невежливыми ни были эти варвары, сколько бы они не бунтовали против Императора, но все равно являлись подданными Империи, вся вина которых заключалась в желании обрести былую силу. Ксинг мог понять побудившие хунхунов причины, но всё равно, за попрание воли Императора их следовало наказать. К счастью, хунхуны не успели натворить ничего серьёзного, и наказание должно быть соразмерным. Даже не наказание — он собирался их лишь немного вразумить, всё ещё лелея надежду, что

среди хунхунов найдётся достаточно сильный «баатар», о которых рассказывал отец и с которыми Ксингу не терпелось сразиться. Поэтому цеп подёрнулся ци, скрывшись в браслете, а в руке возникла бамбуковая палка — из того самого крепкого бамбука, который Ксинг в последний раз брал в руки в Ахрибаде, обрушивая на мягкие места Шадии. Вспомнив о Шадии, Ксинг погрузился, а сердце вновь кольнуло тревогой.

— Чи ухэх болно, муу эзэнт гүрний доройтол! Ухэхэд бэлд! — закричал предводитель одного из отрядов, вскинув саблю.

[Ты умрёшь, подлый имперский выродок! Готовься к смерти!]

— Ээлэ! — подхватили остальные хунхуны.

[Вперёд!]

Ксинг мог бы обрушить на них ци, сбить с коней Ветром, устроить под ногами пропасть с помощью элемента Земли, утопить, применив Воду, или просто сжечь Огнём. Даже, используя Металл, обрушить на всадников их же клинки. Но это было бы так же бесчестно, как если бы мастер Йи всерьёз влез в детскую драку, нанося удары своими большими кулаками, вместо того, чтобы отвесить несильных вразумляющих затрецин и разогнать детвору по домам.

Бамбуковая палка заплясала в воздухе, хунхуны начали валиться с коней, словно стебли риса под серпом умелого крестьянина. Ксинг старался сдерживаться, но если кто свалится с коня и сломает шею, он переживать точно не будет!

Если бы Ксинг использовал ци, потребовалась бы пара мгновений. Но процесс воспитания, как он прекрасно уяснил в Дуоцзя, гоня нерадивых учеников, всегда требует немалого времени. Так что возился Ксинг долго, почти две дюжины сотен вдохов. За это время остальные силы хунхунов успели вскочить в сёдла и броситься в атаку. Шаманы вновь забили в бубны и закамлали, новые потоки духов обрушились на Ксинга, пытаясь пронзить шипами, задушить травами и сжечь огнём. Целое облако стрел взлетело в воздух, чтобы превратить Ксинга в диковинного зверя по имени «дикобраз» — усеянного длинными иглами свирепого монстра, накалывающего на эти иглы не только мелких животных, но даже не очень крупных людей, чтобы потом сожрать.

На этот раз Ксинг по-настоящему разозлился. Ему-то столь жалкие атаки причинить вреда не могли, но вокруг него находились как другие хунхуны, так и их лошади. Послышались вскрики раненых людей и истошное лошадиное ржание.

Ксинг всегда по натуре был одиночкой, как и все многочисленные герои, похожим на которых он мечтал стать. Но у каждого из героев имелся или когда-то был род или клан, верные друзья и любимые женщины. Поэтому Ксинг очень ценил дружбу и взаимовыручку, то самое прославленное в песнях и сказаниях чувство товарищеского локтя. Некоторые герои остались живы только потому, что их спасли верные друзья, закрыв от вражеских мечей и техник своими телами, именно это гнало героев вперёд, чтобы стать сильнее и отомстить.

Так что такое поспание всего самого светлого и дорогого Ксинг вынести не мог. К тому же, то, что творили хунхуны, являлось убийством подданных Императора, и остановить такое являлось его прямым долгом.

Ксинг перестал удерживать ци, отпустил её во все стороны, раскинул на войско и позволил выплеснуться своим чувствам. Мгновенная тишина обрушилась на степь, затихли крики людей и замолчали лошади. Осталось только слышно стоны раненных, завывания ветра и шелест травы.

Всё ещё кипя гневом, Ксинг прошёлся среди хунхунов. Не все воины и лошади остались

живы — некоторых насмерть пронзили стрелы, кто-то умер от каменных шипов, кто-то сгорел, а кто-то неудачно свалился с запутавшейся в травах и корнях лошади. Тем, в ком ещё теплилась искорка жизни, Ксинг помогал, направляя ци из сердечного даньтяня и исцеляя раны, переломы и ожоги. Закончив с людьми, он занялся лошадьми. Наконец, оставив тех, кому помогать уже было поздно, Ксинг развернулся и, легко скользя над поверхностью степи во воздухе, направился к группе воинов, обладавших самой сильной ци и даже оставшихся стоять, несмотря на духовное давление.

Воинов было не очень много, всего лишь три дюжины. Во главе стоял высокий хунхун в шапке, отороченной пышным мехом, длинной, спускавшейся ниже колен броне, набранной из усеянных заклёпками кожаных пластин, с небольшим круглым щитом в одной руке и с копьём в другой. Воин тяжело опирался на копье и не упал на землю, в отличие от остальных, даже когда Ксинг подошёл ближе. Взгляд прищуренных глаз на его бородатом лице говорил, что он лучше умрёт, чем уронит честь. И, если понадобится, это «умрёт» Ксинг мог с готовностью организовать.

Они стояли друг напротив друга и молча обменивались взглядами. Ксинг не хотел воевать с другими жителями Империи, но и просто так уйти не имел права.

Предводитель хунхунов уронил на землю щит, медленно, сохраняя достоинство, опустился на колени и, продолжая глядеть Ксингу в глаза, протянул на вытянутых руках копье.

— Батулган гар Дархан толгож хуучин хана ирж золо!

[Батулган из Дархана склоняет колени перед своим ханом и приветствует его!]

Ксинг не понимал, что ему говорят, но его это не особо и интересовало. Он хотел лишь найти хоть кого-то, кто понимает язык Империи и может указать направление домой. Но даже без этого он владел, благодаря Альмирах, ещё одним способом общения. Так что он просто вздохнул, обуздал свою ци и убрал духовное давление. Вновь заржали лошади, послышался скрип кожаных доспехов и звон оружия. Ксинг сжал сильнее бамбуковую палку, приготовившись преподать новый урок. Но воины не нападали, они все дружно встали на колени, держа в вытянутых руках свои сабли, луки и копья.

— Байрын ээн Сэнгэн-ханы эрдэнэ хурэл! — закричал Батулган, вскинув в воздух рог с выпивкой.

[За здоровье и силу нашего великого Сэнгэн-хана!]

— Баярлала! — раздался громкий дружный вопль, и все хунхуны подняли чаши, рога и кубки.

Ксинг поправил меховую шапку, которую ему для чего-то дал Батулган, тоже поднял рог и опрокинул содержимое в рот.

Вкус оказался ужасным, но очень знакомым. Когда-то в прошлой жизни на своём последнем пиру Хань Нао пил нечто похожее.

— Хунхун собрать-ла трава, ходить на гора-гар, хунхун хийх вино из травы и зерно! Хороший вино! Крепкий! — крикнул тумэн Наранбат, один из командиров войска, умевший немного говорить по-имперски.

Ксинг мог поспорить со словом «крепкий». По сравнению с его прошлой жизнью, даже выпивка хунхунов пришла в упадок. Раньше она сбивала с ног и обжигала горло, словно расплавленный металл. Теперь же пилаась легко, словно вода, и если бы не травы, немного скрашивающие омерзительный привкус, пить это было бы невозможно.

— Зерно? — удивился Ксинг. — Я не знал, что вы засеиваете поля.

— Сеять-ла зерно? Хунхун? — засмеялся Наранбат. — Наранбат понимай! Сэнгэн-хан шутить! Хунхун воевать! Зерно забрать, у! На кумыс или айраг менять, ар! Вино-ар делать!

Разговор через переводчика был медленным и доставлял немало трудностей. Но, увы, попытка беседы с Батулганом, используя метод, которому когда-то научила Альмирах, вышла пусть и не полностью провальной, но и успешной её назвать тоже не получалось. Батулган являлся самым сильным воином среди хунхунов, которые, как оказалось, собрались на «курултай», где должны выбрать «хана» — самого сильного и доблестного воина. И этим самым ханом обязательно бы выбрали Батулгана, если бы не появился Ксинг. Так что теперь Батулган звался «жиргэмом», а шапка — символ самого сильного воина, досталась Ксингу. Он успел выяснить самое главное — направление в сторону Империи, а потом у Батулгана покраснели глаза и пошла носом кровь. Ксинг его, конечно же вылечил, но общаться дальше пришлось более традиционным способом. Напоследок, преодолевая боль, Батулган успел спросить, что великий Сэнгэн-хан желает отведать на пиру. Вопрос Ксинга безмерно удивил, но он всё равно ответил, что ему не надо ничего особого, достаточно куриной грудки: священного хунхунского блюда, без которого не обходится ни одно важное начинание. После этого Батулган вытер кровь из-под носа и что-то выкрикнул своим подчинённым на хунхунском. И те, похоже, перестарались, занявшись истреблением кур, бегающих между шатрами или сидящих в деревянных клетках.

— Пей-эр вино, кушай-эр куриный грудка, у! — сказал Наранбат. — Сэнгэн-хан есть великий баатар, ар!

Ксинг взял длинный кинжал, наколол на него кусок куриной грудки и подставил рог, в который Наранбат налил выпивку из большого кожаного бурдюка. Ксинг, чувствуя торжественность момента, встал с лошадиного седла, на котором сидел, обвёл взглядом хунхунов и сказал:

— Наша первая встреча вышла не очень удачной. Нам пришлось сражаться, и я очень скорблю по погибшим. Я считал, что пролитая кровь встанет между нами и вы будете считать меня врагом. Поэтому такого приёма, такого гостеприимства, такого роскошного пира не ожидал абсолютно!

— Сэнгэн-хан илтгэгэ хамгийн сайн байна, та биднийг ашигтай идэд, — громко выкрикнул перевод Наранбат, — болон тиймэс ямар че агулгар ойлгож чадагуй «абсолютли»!

[Великий Сэнгэн-хан говорит, что на нас не злится, что он доволен угощением, и что-то ещё, но я не понял слово «абсолютли»]

Хунхуны зашумели и зашептались друг с другом. Усиленный слух Ксинга чётко разобрал многократно повторяемое слово «абсолютли». Он довольно улыбнулся — всё оказалось именно так, как рассказывали мерзавец-учитель и отец. Хунхуны действительно обожали куриную грудку и действительно восхваляли богов этим странным словом.

— Знать-сказать, великий Сэнгэн-хан, что значить «абсолютли»? — шёпотом спросил Наранбат, когда Ксинг выпил, съел грудку и снова сел.

— Конечно! — всё ещё довольно улыбаясь, ответил Ксинг. — Я знаю, что для вас куриная грудка — священное блюдо, еда богов. И что каждый раз, когда вы её едите, говорите слово «абсолютли», вот так вот выражая наивысшую степень превосходства!

Наранбат удивлённо поднял брови, видать, удивляясь осведомлённости Ксинга.

— Юу хэлэв их нартай хан? — нетерпеливо спросил Батулган.

[Что сказал великий хан?]

Наранбат склонился и что-то зашептал тому на ухо. Батулган выслушал своего тысячника, о чём-то ненадолго задумался, наконец, приняв решение, твёрдо кивнул головой. Он встал, вскинул богато украшенный коровий рог и, усилив голос с помощью ци, воскликнул:

— Их Сэнгэн-хан хотол, ки бид онодрийн баярда маха зогсо, болог таны бурханд эрхэмлэнэ!

[Великий Сэнгэн-хан желает, чтобы мы на пирах всегда ели куриную грудку, и этим славили его богов!]

Хунхуны затихли, затаив дыхание.

— Бид ургэлж «абсолютли» болон «уот так уот» гэж ярилцаж байх юм!

[Мы всегда должны говорить «абсолютли» и «уот так уот»!]

Среди хунхунов поднялся гул. Они громко приветственно закричали, вскинули кубки, выкрикивая «Абсолютли!» и «Уот так уот!». Ксинг расплылся в улыбке — а ведь он поначалу решил, что подлец-учитель обманывает их с Мэй, и если бы не отец, подтвердивший позже эти слова, Ксинг так считал бы и до сих пор. Впрочем, один раз сказанная правда не делала учителя меньшим мерзавцем и подлецом!

— Харарай! Сэнгэн-хан харц байна! — крикнул Батулган, и хунхуны разразились громкими воплями.

[Смотрите! Сэнгэн-хан доволен!]

Ксинг удовлетворённо кивнул головой и продолжил трапезу. Он пил перебродившее кобылье молоко, ел конину, баранину и сыр, провозглашал тосты, которые никто не понимал, но все громко приветствовали, и, наоборот, выслушивал тосты хунхунов, которые добросовестно переводил Наранбат. Ксинг чувствовал, что время уходит, ещё один день потрачен зря, но бросить всё как есть и отправиться в Империю было бы не слишком правильно.

— Ты сильный воин, Сэнгэн-хан! — перевёл Наранбат слова Батулгана. — Хунхун не знай Империя сильный воин! Хунхун думай слабая, как кобылья сыр, ар!

Ксинг, получив похвалу, взгрустнул. Да, он победил хунхунов, но сделал это не совсем честно, не по-геройски. Нет никакой доблести, чтобы воздействовать на ослабевших за циклы и столетия хунхунов своей ци. По сравнению с настоящими героями и мерзавцем-учителем, Ксинг всё равно пока оставался слабаком. А уж по сравнению с отцом, который не только владел ци, но и умел управлять огромным войском, вообще являлся младенцем: пусть уже не икринкой и не головастиком, но пока ещё и не карпом.

— Помните генерала Гуанга Нао? — спросил он. — Ну конечно же помните! Так вот он был по-настоящему силён! И когда-нибудь, когда я обрету настоящую силу, стану таким же!

Наранбат быстро зашептал на ухо Батулгану. Тот шепнул что-то в ответ.

— Гуанга Нао сильная? — наконец, спросил Наранбат. — Сильней Сэнгэн-хан, у?

— Сильней! Сильней настолько... Насколько взрослый сильнее ребёнка! — ответил Ксинг, погрузившись в воспоминания. — И его воины тоже не слабаки!

— Ребёнок-сын, у? Аах! Понимай! Отец твоя, Сэнгэн-хан, сильный баатар, ар! — кивнул Наранбат.

Ксинг попытался поправить Наранбата, но тот уже повернулся к Батулгану и начал быстро пересказывать содержание разговора. Так что Ксинг просто махнул рукой — преподавать варварам уроки истории у него не было ни времени, ни желания.

Хунхуны собирались продолжать пир ещё долго: девять солнц и девять лун, но время поджимало. Вновь осмотрев, раскинув ци, войско и лошадей, убедился, что, если не считать играющего в крови хмеля, все здоровы, и собрался прочь.

— Мы всегда ждай Сэнгэн-хан, у! — заявил Наранбат.

— Я тоже рад, что с вами встретился! — ответил Ксинг, сильно покривив душой. Встреча вышла глупой. Пусть она и принесла результаты, но отняла слишком много времени.

Он снял меховую шапку, повертел в руках и вернул удивлённому Батулгану, нахлобучив тому на голову.

— Ну я пошёл, — сказал, наконец, Ксинг, в последний раз окинув море шатров, лошадей и пирующих хунхунов. — Больше не бунтуйте и всегда оставайтесь верными подданными Императора!

Он покрутил в руках кусок кожи с нарисованной на ней грубой картой, сверил направление и извлёк из браслета верный цеп.

— Их хан хэнэ сонсож гэж байна у? — спросил Батулган.

[Что сказал великий хан?]

— Сэнгэн-хан манай импери гэж бидэ магтад байна! — ответил Наранбат дрожащим голосом.

[Сэнгэн-хан сказал, что нам придётся покориться Империи!]

— Тийм болчихло, бид зорилтож, туний уг хуль! — печально склонил голову Батулган.

[Что же, мы были побеждены, его слово — закон!]

Ксинг удивился, чего они так грустят, ведь знакомство с ним длилось менее суток. К тому же, пусть он и старался никого не убить, его появление среди варваров всё равно привело к смертям. Но потом пришло понимание: исцеляя хунхунов, Ксинг не разбирал, где свежая рана, а где старая, исцеляя в том числе и неправильно сросшиеся переломы, глубокие шрамы, потерянные пальцы и конечности, и даже выбитые зубы. Да, в будущем исцелённым хунхунам придётся съесть много мяса и сыра, но это лишь временные трудности. Хороших лекарей ценили везде, а Ксинг, пусть так и не сравнился с героями или учителем в бою, но исцелять научился просто отлично!

— Прощайте! — крикнул Ксинг, раскручивая цеп и взлетел в воздух под восторженный вопль тысяч глоток.

Несмотря на то, что летать на цепи оказалось очень легко, все равно такой полёт доставлял немало неудобств. В отличие от культиватора, парящего в небесах на летающем мече, у Ксинга постоянно была занята рука, вращающаяся плоскость всё так же продолжала частично сбивать восприятие ци, да и со стороны это выглядело не очень героически. Так что, долетев до морского побережья, Ксинг приземлился на берег, уселся на песок и крепко задумался, уставившись на карту.

У него было два варианта действий: полететь вдоль морской кромки, следуя изгибам береговой линии, либо же отправиться напрямую, срезав огромный кусок пути. Полёт вдоль берега являлся простым и надёжным выбором, гарантирующим, что рано или поздно Ксинг достигнет сначала границ Империи, а потом, продолжая лететь возле воды, найдёт Могао.

Но имелся и более рискованный вариант — лететь напрямик через море. Да, его карта была грубой и приблизительной, на ней отображались только степные ориентиры, так что заблудиться с ней не получилось бы лишь потому, что нужный путь она не показывала и

вовсе. Да, он не знал точного направления и мог залететь совсем не туда. Но при этом полёт напрямик мог сократить дорогу в два, а то и в три раза, а время сильно поджимало.

И, несмотря на наличие надёжного варианта, Ксинг решил рискнуть. Вернуться, потеряв время, можно всегда, но в случае, если улыбнётся удача, Шарифа он обязательно опередит!

Вот только перспектива многодневного полёта над водой его совсем не вдохновляла. Можно было бы просто побежать по волнам, но из-за постоянной изменчивой поверхности моря имелись все шансы заблудиться и бегать кругами. Требовалось нечто третье.

Ксинг, конечно, мог бы сделать новый меч для полёта, заново воссоздав то оскорбляющее чувство прекрасного чудовищное приспособление, но, к счастью, у него имелся вариант получше.

Ксинг вытащил из пространственного браслета заготовленные каменные деревья и принялся за работу. Подчиняясь преобразованной в элемент Древа ци, стволы зашевелились. Ветки стали укорачиваться и исчезать, кора плавиться, словно кусок масла на сковороде, сливаясь с древесиной. Наконец, перед взором Ксинга предстала гора идеально круглых деревянных цилиндров.

Проживая в Лунзцы и частенько навещая Могао, Ксинг постоянно видел в порту корабли, но только снаружи. На верфях Могао время от времени строили новые суда и ремонтировали старые, так что общее представление об их строении Ксинг имел. Поэтому вскоре несколько брёвен зашевелились и начали формировать каркас, преобразуясь в толстые брусья. Ещё тройка брёвен ушла на создание поперечных похожих на рёбра частей, о названии которых он не имел ни малейшего понятия. За ними потянулись другие куски дерева, расслаиваясь на относительно тонкие доски и прилегая к будущим бортам. Когда доски, изогнувшись, застыли, их края сомкнулись, а щели исчезли, бесследно зарастая. Ксинг ходил вокруг корабля, сосредоточенно следил, чтобы всё встало на свои места: надстройка на «корме», просторная комната под названием «каюта», пол сверху, который моряки называли «палубой». Ксинг засмеялся вслух — его знание морских словечек могло поразить кого угодно!

Последние куски дерева он пустил на три мачты, из которых теперь жёстко торчали поперечины, делая мачты похожими на обглоданные рыбы плавники. На плоской носовой части он вырастил рельефную демоническую морду, призванную отпугивать непогоду и недобрых духов — всё, как на настоящем корабле, только лучше. Напоследок он добавил по бокам корпуса два дополнительных «плавника» — это сделало судно действительно похожим на рыбу со злобной оскаленной пастью.

Закончив приготовления, Ксинг осмотрел готовый корабль — пусть тот и был относительно небольшим, но смотрелся неплохо. Широкие полукруглые бока, высокое ограждение вокруг палубы, обрубленный нос с выдающимся далеко парпетом, «корма» с комнатой, где можно поставить хорошую кровать, и даже «трюм» в который вела крутая лесенка, пусть при наличии браслета ничего хранить там не предполагалось. Ксинг не стал делать ни вёсел, ни руля ведь такой корабль предназначался не для плавания, а значит, за манёвры отвечали «плавники» по бокам. Так что на парпете, нависающем над обрубленной носовой частью, он поставил толстую палку, призванную служить подобием рулевого весла. Подумав, он её раздвоил, сделав похожей на рукоять того ужасного меча — чтобы было удобнее хвататься двумя руками.

Осмотрев своё творение и оставшись довольным увиденным, Ксинг нащупал в браслете свёртки ткани, украденные в башнях колдунов, и вытащил их наружу. Прикинув размеры, он

также извлёк и халаты, платья, плащи и накидки — всю шёлковую одежду, разобраться с которой до сих пор не доходили руки.

Дальше пришлось хорошенько потрудиться, объединяя разрозненные куски ткани в большие полотнища, соединяя нитку с ниткой, волокно с волокном. В итоге у него появились три больших куска шёлка и два куска поменьше. Ткань взлетела вверх и в стороны, развернулась на мачтах и плавниках, намертво прирастая к поперечинам, делая «кости» наконец-то похожими на настоящие мачты с парусами. Скреплять мачты и рей канатами он не стал — во-первых, у него не было подходящих канатов, а во-вторых, даже если крепчайшая, составляющая с корпусом одно целое, укреплённая ци мачта сломается — он всегда может вернуть всё в исходный вид с помощью капельки ци.

Внешний вид парусов оказался ужасен: цветные пятна разномастных тканей делали их похожими на полную заплаток одежду нищего, так что Ксинг потратил ещё немало усилий, вычищая их от краски и делая идеально белыми.

Теперь настала пора талисманов. Ксинг достал несколько слитков азрака, с помощью элемента Металла разделил их на пластины и, используя как магию колдунов, так и навыки, изученные в Могао у Цая Шаолуна, принялся покрывать их надписями.

Закончив, Ксинг отправил каждый талисман в свою часть корабля, где погрузил их прямым в древесину. Вынув ещё один слиток азрака, он превратил его в мелкую пыль, а затем отправил эту пыль к парусам, где она осела большими иероглифами «движение» красивого голубого цвета.

Последнее действие Ксинг совершал с максимальной осторожностью, отбежав подальше от корабля и скрывшись за холмом. Он вытащил огромный кристалл, что напоследок стащил из главной башни Ахрибада, и тут же накрыл его своей ци. Огненная энергия плеснула во все стороны, прокатилась по его телу и оплавилась землю, превратив растения в пепел, а землю под ним в чёрное потрескавшееся стекло. Одежда из кожи саламандры прекрасно выдержала жар, так что Ксинг улыбнулся, взял из кристалла оставшуюся ци и, пропустив через даньтани, медленно выпустил наружу.

Он осмотрел кристалл, удовлетворённо отметив его чистоту и прочность, а затем убрал решётку из азрака, в которую тот был заключён, собрав её в слиток. Размер кристалла оказался слишком уж огромным, поэтому Ксинг отделил небольшую часть, сделал из неё шар, размером с человеческую голову, после чего отправил остатки обратно в браслет.

Вернувшись на корабль, он создал ажурную оправу из азрака, и поместив в неё шар, прикрепил его в трюме прямо к главной мачте.

Следовало испытать творение. Ксинг посмотрел на солнце, с неудовольствием отметив, как долго провозился, потратив немало времени.

Он взошёл на палубу, поднялся на нос корабля, взялся за рукояти рычагов управления и направил в корабль ци. Энергия потекла через дерево, собралась в талисманах и парусах. В глубине корабля ярко запылал, прекрасно видимый отсюда в духовном зрении стеклянный шар — сердце корабля.

Ксинг почувствовал лёгкий толчок в ноги — корабль оторвался от земли и завис над ней на высоте нескольких человеческих ростов. Он потянул рычаги управления на себя и корабль, набирая скорость и высоту, полетел в море.

Ксинг вздохнул. Он и не думал, что конструкция идеальна, но обнаружить столько недостатков прямо в первом полёте тоже не ожидал. Он круто развернул корабль к берегу, после чего бросил рычаги, оставив его висеть на месте. Затем, спустившись в трюм, подошёл

к самому носу и приложил руку к обшивке. Древесина разошлась в сторону, открывая рёбра корабля и центральный брус. Подумав, Ксинг убрал большую секцию бруса, создавая ничем больше не закрытую дыру в корпусе. Он извлёк остатки кристалла и, преобразовав ци в элемент Земли, превратил его часть в плоский лист, напоминающий стекло. Этот лист закрыл дыру, превратившись в огромное окно, позволяющее смотреть не только вперёд или вверх, но и даже под ноги.

Ликвидировать главный недостаток — капитан корабля не может увидеть землю, над которой летает — оказалось довольно просто. Поэтому Ксинг убрал рычаги управления с палубы и перенёс сюда в трюм. Подумав, он создал переборку, а в ней дверь, отделяя комнату управления кораблём от остальных помещений.

Далее он создал рядом с рукоятями управления постамент, в котором устроил ещё два рычага — один для управления высотой, а второй — для скорости. Главный рычаг он тоже изменил, преобразовав его в круглое колесо, словно на телеге, только с торчащими из него удобными ручками. Немного пришлось повозиться с изменением управляющих талисманов, но усилия того стоили: испытания показали, что всё работает как надо.

Сколь бы большим ни был «иллюминатор», но зрение он всё равно ограничивал. Но Ксинга это не сильно беспокоило, он и так чувствовал окружающую корабль ци. Как таковой необходимости смотреть обычным зрением не было, капитанский иллюминатор он создал лишь исходя из пылающего в сердце чувства прекрасного.

По сути, корабль вышел полной противоположностью цепа: если полёт на цепе ограничивал духовное зрение, то корабль ограничивал обычное, если цеп делал это спереди, то корабль — со всех остальных сторон. И всё равно, оно того стоило.

Теперь он мог как гордо стоять на носу корабля, подставляя лицо набегающему ветру, так и находиться здесь, в комнате управления, чтобы лучше видеть дорогу. Конечно, корабль остался без демонического лица, но всех злых духов Ксинг мог отпугнуть и сам, а непогода — о ней следовало позаботиться отдельно. Он извлёк ещё один слиток азрака, создал новую пластину талисмана и прикрепил её к главной мачте, прямо напротив светящегося голубым светом сердца.

Управление на верхней палубе Ксинг всё же сделал, повторив управляющее колесо с рычагами и здесь. Он вновь поправил потоки ци и снова совершил пробный полёт. Получилось хорошо, но снова не идеально. Невидимая сфера, созданная талисманом, окутывала корабль со всех сторон, не только не давая ветрам и штормам сбивать его с курса, но и защищая от дождя и капель воды. Вот только защита вышла слишком уж плотной, так что теперь, с какой бы скоростью Ксинг не летел, волосы, как это происходило с героями в кристаллах, на ветру не развевались. Наскоро решив проблему, установив ещё один талисман, призванный давать небольшой ветерок в зависимости от скорости, Ксинг, проверил работу и, скрепя сердце, всё-таки решил удовлетвориться столь неизящным, мягко говоря, решением.

Сейчас не было времени изучать содержимое ограбленных ахрибадских библиотек, иначе он бы создал марионетку, способную стоять у управляющего колеса и держать правильный курс. Колдуны, конечно же, использовали для их создания смерть и мучения людей, но Ксинг знал, что марионетки попроще можно создать и самому, как это когда-то делала Шадиа. Воспоминания о Шадии не только кольнули сердце беспокойством за девушку, но и напомнили о его собственной беспомощности. Следовало как можно быстрее закончить дела в Империи, чтобы вернуться в Ахрибад и проверить, всё ли с ней в порядке.

Ксинг тосковал о Мэй, хотел снова увидеть Шадию, но никак не мог забыть и об Альмирах. Все три девушки были дороги Ксингу, а настоящий герой никогда не бросит ту, кто ему дорог!

Он покрепче ухватил управляющее колесо, поднял корабль в воздух и направил его в сторону Могао. Вернее в место, где, как надеялся Ксинг, Могао находится.

Вспоминая своё первое плавание на черепашьем панцире, Ксинг широко улыбался. Тогда его качало на волнах, приходилось есть одну лишь рыбу и прочих морских обитателей, и довольствоваться лишь теми вещами, что не сломались и не испортились при падении панциря с обрыва. Теперь всё было по-другому: у него имелись не только огромные запасы еды, но и немалое количество различных материалов и мебели. Ксинг установил курс полёта, после чего прошёлся по кораблю, заканчивая внутреннее убранство — проделал отверстия в бортах, устанавливая в комнатах большие иллюминаторы, устроил себе небольшую алхимическую лабораторию, оборудовал отдельную кухню, которую моряки называли странным словом «камбуз», маленькую кузницу и отхожее место под названием «галюн». Для всего этого пришлось до предела сократить размер трюма, но так как в нём необходимости не было вообще, Ксинг не очень переживал.

Теперь, после лет проведенных в Ахрибаде, городе, стоящем посреди пустыни, Ксинг понял, что соскучился по рыбе. Там, конечно, по склонам стекали ручьи и маленькие речушки, но желающих отведать рыбки имелось гораздо больше, чем самой рыбы, так что рыбных блюд никто не видел целые циклы и столетия. Поэтому Ксинг решил воспользоваться тем, что находится над морем. Когда он увидел небольшой пустынный скалистый островок, то опустил корабль, оставив его висеть над скалами. Ци океана в данном месте была довольно сильной, так что он рассчитывал полакомиться чем-то экзотическим.

Ожидания полностью оправдались. Стоило нырнуть под воду, как на него накиннулись две огромные ящерицы, напоминавшие саламандр из Лахиб Шаидид всем, кроме цвета шкуры — небесно-голубой и, как выяснилось во время свежевания туш, красиво переливающейся на солнце. Ловить рыбу, владея элементом Воды, всегда являлось простейшей задачей, так что Ксинг быстро пополнил запасы и полетел дальше.

Поставив возле управляющего колеса удобное кресло, Ксинг начал изучать свитки в поисках способа создания марионеток, планируя в будущем выяснить у моряков, что такое этот самый «компас» и сделать так, чтобы не требовалось самому управлять кораблём, которому он поначалу хотел дать название «Свирепый Феникс». Увы, столь грозное имя подходило, скорее, кораблю настоящего героя, поэтому Ксинг, поколебавшись, решил назвать его «Солнечным Жаворонком», в честь отважных и свирепых птичек из Лахиб Шаидид с таким нежным и полным огненной ци мясом.

Океан всё также растворял и рассеивал ци, но за годы, проведённые, культивируя в Лахиб Шаидид, Ксинг стал немного сильнее, так что теперь мог засекал морских обитателей даже на глубине. Поэтому он летел вперёд, тщательно обшаривая не только горизонт, но и морское дно — не столько в ожидании каких-то опасностей, сколько в расчёте найти что-то вкусненькое.

И этот расчёт полностью оправдался! Ксинг не только нашёл множество видов рыбы и осьминогов, он даже обнаружил глубокую расщелину, где, нырнув на дно, увидел целую кучу огромных мидий. Захватив парочку и вернувшись на корабль, Ксинг с нетерпением раскрыл

створки одной из них. Увиденное его потрясло настолько что он, оставив мидий на столике, вновь бросился в воду и ушёл обратно на глубину, собирая всех мидий, которых смог найти.

Этот цвет он не перепутал бы ни с чем на свете! Именно из этих мидий были созданы его любимые красные чернила, которыми он писал свои гениальные цитаты в прошлой жизни. Пришлось, конечно, немало повозиться, но в итоге он стал обладателем огромной стеклянной бутылки с жидкостью тёмно-красного, почти чёрного цвета.

Ксинг вышел на палубу и поднял бутылку вверх. Из узкого горлышка вырвалась тонкая струйка жидкости, разделилась на три части и полетела в сторону парусов. Ксинг сосредоточился до предела, пропуская наполненный ци краситель сквозь шёлковую ткань, пропитывая её, заставляя окраситься на всю глубину. На главные паруса ушла почти половина бутылки. На боковые плавники ушло совсем чуть-чуть, так что Ксинг зарастил горлышко и убрал остатки в браслет. К сожалению, в пяти дюжинах раковин нашлась лишь только одна ярко-красная жемчужина. Как оказалось, этот жемчуг был полон сильной ци, его можно было использовать как для создания артефактов, так и в качестве компонента эликсира. Но увы, на поиски нового жемчуга не было времени. Поэтому Ксинг напоследок оглядел ярко-красные паруса, делавшие корабль действительно похожим на солнечного жаворонка Шу-Ни, и полетел дальше.

Он мчался вперёд, тщательно исследуя океан, ощупывая ци дно и встречающиеся острова. Он не собирался тратить времени, но и упустить воспетую в кристаллах и свитках «удачную встречу» или же «выпадающую раз на поколение возможность» тоже не собирался.

И эта возможность появилась рассвете следующего дня, когда огненный диск солнца уже поднимался из-за края моря, а луны на светлеющем небе прятали своё сияние. Ксинг не сразу понял, что произошло — где-то там за горизонтом, на многие и многие ли в стороне от курса, он почувствовал слабый, едва уловимый отблеск знакомой ци.

Не раздумывая, он круто заложил набок рулевое колесо и направился в сторону этого источника, выжимая из «Жаворонка» всю скорость, которые могли дать обновлённые и усиленные красными чернилами заново зачарованные паруса.

Несколько раз ему показалось, что он ошибся, что ему мерещится, что коварный океан в который раз сыграл дурную шутку, растворив и исказив свою могучую энергию. Но по мере приближения уверенность Ксинга крепла, так что он, оставив висеть корабль над поверхностью океана, решительно нырнул под воду.

Морская вода, затекая в лёгкие, неприятно пощипывала ноздри, но Ксинг не обращал внимание. Дыхание его участилось — то ли из-за спешки, то ли из-за плещущейся в теле воды, покидающей нос маленькими пузырьками. Тонкий слой внутренней энергии отталкивал воду от глаз, позволяя видеть на глубине ясно, а не так, как когда-то в Дуоцзя, и Ксинг, ускорившись до предела, направился в глубокую расселину. Элемент Воды ласково обнимал тело и толкал вперёд со скоростью летящей стрелы, так что вскоре Ксинг достиг дна, а затем, петляя через узкие изгибы между кораллами, уступами, растениями, зубастыми рыбами и какими-то страхолюдными монстрами с саблями и трезубцами, приблизился к одиноко плывущей фигуре, налетел на неё и обхватил руками.

Большая серая рыба с шершавой кожей, красно-рыжим гребнем на голове и мощным чешуйчатым хвостом умудрилась развернуться. Её выпученные глаза и приоткрытый полный острых зубов круглый рот придавали безносой морде выражение искреннего удивления.

Дёрнувшись несколько раз в его хватке, рыба обмякла. Она наклонила голову и

коснулась своим широким лбом лба Ксинга.

— Ксинг! — прозвучал в его голове знакомый голос. — Это действительно ты!

— Ну здравствуй, Альмирах! — улыбнулся Ксинг, выпустив цепочку пузырьков. — Я по тебе скучал. Мне так тебя не хватало!

Яркие лучи солнца пробивались сквозь толщу воды, белый песок, покрытые кораллами, подводными растениями и цветами скалистые уступы, снующие тут и там яркие цветастые рыбы — всё это придавало окружающему пространству сказочный, почти нереальный вид. Но Ксинг не смотрел по сторонам, его даже не интересовали дюжины и дюжины окруживших его вооружённых существ, обладающих сильной ци.

— Нравлюсь? — спросила Альмирах, игриво кувыркнувшись в воде.

— Нравишься! — ответил Ксинг, ничуть не кривя душой.

Тут, на глубине лишь дюжины человеческих ростов — почти что на самой поверхности, Ксинг смог рассмотреть её во всём великолепии. И Альмирах была красива, пусть и нечеловеческой красотой. Красива, словно дельфин, или косатка — с матовой прочной шкурой, блестящей чешуёй, перепонками между пальцами четырёхпалых нечеловеческих рук и хищной гибкой грацией мурены. В её теле ничего не напоминало женщину — плоская серая грудная клетка не имела никаких выпуклостей, а женские бёдра заменял чешуйчатый хвост. Монстры, которым Альмирах приказала остаться в стороне, были на неё похожи, но не совсем — в их пропорциях было что-то неприятное и дисгармоничное.

— А как тебе наши детки? — хищно улыбнулась Альмирах.

— Что? — изумился Ксинг. — Наши?

Тут под водой приходилось общаться с помощью ци, так что он даже на мгновение решил, что что-то неправильно понял.

— Может и не совсем наши, но ты-то уж точно поучаствовал в их рождении!

Она вновь покатила в беззвучном смехе, продемонстрировав зубастый оскал. На Ксинга накатило странное оцепенение — он знал, что где-то среди бадави у него, возможно, есть ребёнок, к тому же и не один, но никак не ожидал занять в качестве детей целый косяк рыбы!

Альмирах, увидев его замешательство, ещё сильнее рассмеялась — её ци несла лукавство и искреннюю радость. Наконец, она решила перестать его мучить.

— Мне и самой не по сердцу эти отродья семени Шарифа. Но они сильны и полезны, их очень много и они беспрекословно меня слушаются. Даже сейчас, столько лет спустя, мне не верится, что теперь я мать. Мать тритонов!

Ксинг подплыл к ней ближе и заключил в объятия. Её тело было прохладным, чуть теплее окружающей воды.

— Что случилось с тобой после нашего расставания? — спросил Ксинг, вкладывая в ци беспокойство и заботу.

Альмирах обмякла в его руках и ответила:

— Мне было очень больно и страшно, но ты пришёл и забрал мою боль. А потом... Во время вашей битвы я оставалась слабой и беспомощной, не смогла ничего сделать. Но ты пришёл снова и защитил. Накатила волна, тот шар выдержал удар, лопнув потом, уже в море. Большая часть отродий Шарифа смыло, но часть осталась со мной, с той, кто её породил. До сих пор не знаю как, но я почувствовала, что каким-то образом могу отдавать им приказы.

— Шариф не рассчитывал, что ты выживешь, — пояснил Ксинг, припоминая подробности многих украденных и прочитанных колдовских книг. — Ему нужна была армия, послушная, сильная и исполнительная. С её помощью он хочет захватить часть моей родины — весь полуостров Дулунхай и главный порт Могао. Поэтому...

— Могао? — удивилась Альмирах. — Но там же столько кораблей и моряков!

— ...поэтому он и наложил чары, заставляющие воинов беспрекословно подчиняться. Для этого ему и понадобилось использовать своё семя — это создало нерушимую связь ребёнка и родителя. Вот только он никак не рассчитывал, что выживешь ты — их мать, чья связь с детьми, вышедшими из её чрева, плоти от её плоти, а значит и сила магии подчинения, намного сильнее.

— Это было ужасно! — сказала Альмирах, её ци несла отголосок застарелой боли, страха и печали, если бы русалки могли плакать под водой, она бы рыдала. — Я не понимала, что происходит. Мне было больно, боль выворачивала моё тело, когда его изменяло магией. До тех пор у меня никогда не было ног, но каким-то я образом знала, как этими ногами ходить! Люди мне всегда казались странными розовыми мягкими созданиями, лишь ненамного плотнее медузы, но я начала их воспринимать, словно они — моё племя! Даже Шариф, Шариф! Тогда он показался бы мне привлекательным, если бы не ужасные дела, которые творил! Моя голова болела, мне казалось, что она сейчас расколется и разлетится на тысячи осколков, но я стала понимать его язык! Человеческий язык, эти непонятные колебания воздуха! Тогда я стала человеком по-настоящему, не только телом, но и разумом!

Ксинг ещё сильнее прижал её к себе, глядя безволосую шершавую голову и ненароком касаясь гребня.

— Но хуже всего стало потом, — продолжала девушка. — Каменная плита, исписанная непонятными символами, на которой я лежала, прикованная за руки и за ноги. А потом он! Его руки, жадно щупающие моё тело, все выросты, которых у меня раньше не было, но которые теперь ощущались столь же естественными, словно хвост, гребень или перепонки на пальцах! И боль! Не сильная, намного слабее той, что я перенесла чуть ранее, но такая унижительная! И его омерзительный довольный смех! Моё детство и юность прошли при отцовском дворе, я была избалованной принцессой, привыкшей только ко всему хорошему. Тогда мир для меня рухнул. Так что когда Шариф запер меня на том острове, я отчаялась. Я делала попытки уйти, выбраться с острова. Но меня каждый раз останавливали стражи. Да и если бы мне удалось уйти от стражей и нырнуть в море — куда бы я поплыла? Из этого маленького мирка не было выхода.

Ксинг молчал. Несмотря на то, что теперь Альмирах была похожа на рыбу, внешность не имела значения. Как бы она ни выглядела — это была его Альмирах, его прекрасная русалка, девушка, которая, как и Мэй, и Шадия, заняла прочное место в его сердце. И когда он слушал этот рассказ, сердце разрывалось.

— Больше года я пробыла заключенной на этом острове, мой мир ограничивался лишь маленьким озерцом и окружающим лесом, а еда — лишь фруктами и рыбой, которую я могла поймать. А потом появился ты — такой добрый, ловкий и умелый. Ты уничтожил неуязвимых стражей, и, пусть я оставалась запертой на острове, но почувствовала, что границы моей клетки рухнули, что ещё чуть-чуть — и я получу свободу. Именно тогда я тебя и полюбила. И ты... Ты сделал меня сильной, во много раз сильнее, чем я когда-либо была, поделился со мной частичкой своей силы. Тогда, несмотря на плен, несмотря на то, что

оставалась на острове, я была счастлива. А потом... потом он появился опять и снова отобрал у меня всё!

Мощная волна ци, несущая злость, гнев и ярость выплеснулась из Альмирах, ударяя во все стороны, испаряя воду, разрушая камни и кораллы и взметая песок. Поток воды сорвал замерших неподалёку «деток» с мест и откинул прочь, закрутив, словно листья на ветру. Ксинг легко удержал её в руках, наклонился и мягко поцеловал в прохладную щеку.

— А что ты делала, когда меня унесло прочь? — спросил он, частично из искреннего интереса, а частично — чтобы отвлечь её от мрачных мыслей.

— Поначалу я оказалась в океане прямо в человеческом теле. Но затем, когда ко мне вернулось немного сил, я умудрилась покорить чары превращения, вернула себе свой обычный вид, собрала оставшихся мальков и поплыла домой. Ловила рыбу и кормила их — с той силой, что я получила от тебя, это было слишком легко. Я очень хотела тебя найти, но не знала как. Поэтому я отправилась домой. А там... Воссоединение с семьёй произошло не так, как я это представляла.

— Тебя не приняли? — догадался Ксинг.

— Не совсем. Приняли, но... — в ци Альмирах мелькнула горечь. — Не всякая русалка рождается с даром, но у меня он был. С детства я имела дар понимания — я понимала других живых существ: как рыб, так и остальных морских обитателей, к примеру, черепах и могла с ними говорить. Я считала, что морские боги надо мной посмеялись, одарив столь бесполезным и ненужным умением. Лишь когда мы с тобой встретились, когда я смогла с тобой общаться, то поняла, насколько мой дар — настоящее благословение. Ну так вот, благодаря тебе, я стала сильнее. И дар мой тоже усилился. Я понимала. И я поняла... Поняла, что они считают, что это моя вина. Они меня не презирали, но считали глупой девчонкой, совершившей ошибку, хотя ничего из произошедшего не случилось по моей воле. Они были столь добры, столь снисходительны к этой дурочке, пустив её обратно домой, позволив жить там, где она и так прожила всю жизнь! И отец, и мать решили не позволить мне больше эту ошибку повторить. Найти мне тритона из хорошей семьи, чтобы я уняла водоворот в голове, вышла замуж, успокоилась и остепенилась. Но каждый из женихов мне показался таким жалким, таким глупым, таким слабым, что выдержать дальше я просто не смогла!

— Альмирах, я видел много как людей, так и других живых существ, — сказал Ксинг. — Ты сильна, сильнее почти всех, кого я когда-либо встречал. Я не знаю, что произошло при морском дворе, не имею представления о силе остальных морских обитателей, но уверен, что при желании ты смогла бы одолеть их всех, если не сама, то с помощью вот этих твоих «мальков».

Альмирах упёрла ему руки в грудь, чуть отстранилась, запрокинула голову и захохотала беззвучным смехом. Потoki ци, несущей смех и веселье, прокатились по Ксингу тёплыми ласковыми волнами.

— Когда-нибудь я перестану удивляться тому, насколько сильна твоя интуиция, — отсмеявшись, сказала она. — Ты прав, терпеть после всех испытаний я больше не собиралась. «Мальки» к тому времени подросли. Они с самого начала были сильны, а потом стали ещё сильнее. Тупые, как последний тунец, почти неразумные, но бесстрашные и очень исполнительные. Нужда в них просто-напросто не возникла. Сихир, или как ты его называешь, ци, во мне стал настолько силён, что я запросто одолела не только отца, не только женихов, но и всю отцовскую гвардию. Произвела узурпацию власти, став морской

правительницей.

— То есть ты теперь — императрица моря? — изумлённо воскликнул Ксинг, выпустив изо рта цепочку пузырьков.

— Была! — рассмеялась Альмирах. — Я продержалась несколько месяцев. Не знаю, что в этом находит отец, но я вернула ему трон и даже попросила прощения. Более скучного, бесполезного и неблагоприятного занятия мне не найти, даже если я решу когда-нибудь пересчитать все песчинки на дне, либо оборвать один за другим каждый лепесток океанских анемонов. Трон отцу я вернула. Но они поняли намёк, больше выдать замуж не пытались. А потом мне просто стало скучно, я собрала «детей» и отправилась путешествовать. Ведь во стольких местах я ещё не бывала, столько не видала! К тому же, я искала тебя. И как видишь, нашла.

— Это я тебя нашёл! — засмеялся Ксинг. — Ты ещё не знаешь, но я сделал корабль, и он летает! Хочешь посмотреть?

— Конечно! — быстро ответила Альмирах. — Почему-то я совсем не удивлена, что ты получил крылья!

— Ты говорила о моряках и кораблях Могао, — напомнил Ксинг. — Откуда ты об этом знаешь?

— Откуда русалка, живущая в море, знает, откуда и куда больше всего ходит кораблей людей? — переспросила Альмирах. — Конечно же я знаю! Наши девчонки любят дразнить ваших моряков, так что частенько плавают рядом. И ты не поверишь, но, похоже, ваши моряки принимают их за человеческих женщин! Ну, если судить по тому, какие они делают жесты и как свистят.

Ксинг вспомнил про многочисленные разговоры про русалок в «Панцире» и вновь рассмеялся. Похоже, они возникли не на пустом месте.

— Плавания длинные, одинокие, к концу привлекательным покажется даже осьминог. А ты можешь показать мне путь к Могао?

— Я же дочка морского царя! Конечно могу! Только заплыл ты далеко. А зачем тебе туда? Ты же говорил, что в Империи что-то случилось, когда тебя хотели принудить к женитьбе.

— Шариф, — ответил Ксинг. — Он планирует нападение на Могао.

Альмирах оскалилась и вновь ударила во все стороны волной ци.

— Я иду с тобой, — наконец, когда успокоилась вода и улёгся песок, сказала она.

Ксинг задумался. С какой бы стороны он не смотрел, это было прекрасной идеей. Если Альмирах сможет постоянно показывать направление, тогда он попадёт в Могао в кратчайшие сроки. Пусть она выглядит как рыба, но Ксингу-то важна вовсе не внешность, он соскучился и хотел бы побыть с ней как можно дольше. К тому же Альмирах может управлять тритонами, а значит, сможет отобрать у Шарифа немалую часть войска. Недостатки тоже были — в этой форме Альмирах не может жить без воды. Но какой же из Ксинга герой, если он не сможет обустроить на верхней палубе достаточно большую ванную? Да, для этого придётся хорошенько укрепить конструкцию «Жаворонка», но ничего такого, на что бы ушло больше тысячи дюжин сердцебиений.

— Пойдём! — улыбнулся Ксинг. — Хотя подожди! А как же твои тритоны?

— Дети поплывут следом, они найдут меня где угодно. Но одного, самого смышлёного, давай возьмём с собой.

Ксинг удивился, но кивнул. Ванную, конечно, придётся сделать побольше, но это и все

сложности. К тому же еды у него хватало даже чтобы некоторое время прокормить всё её войско.

Он ухватил Альмирах за перепончатую руку и потянул наверх, туда, где ярко горело в восприятии ци кристаллическое сердце корабля. Следом за ними поплыл самый крупный тритон с трезубцем в руке. Добравшись до поверхности моря, Ксинг подхватил Альмирах на руки, взлетел в воздух и опустился на палубу парящего над морем «Жаворонка». Затем, подчиняясь его воле, море вспучилось и заключило тритона в шар воды, который поднялся на палубу, выбросил своего пленника и выплеснулся за борт.

Тритон, к удивлению Ксинга, не стал биться, словно рыба, выброшенная на берег. Его тело окутало невидимое сияние ци, хвост раздвоился, превратившись в перепончатые лапы. Тритон встал на ноги и уставился на Ксинга блестящими стеклянными глазами.

— Удивлён? — спросила Альмирах, её ци несла толику веселья.

— Если честно, да, — задумчиво ответил Ксинг. — Но если так подумать... Шариф планировал вторжение на сушу, а значит о том, чтобы его армия была в том числе и сухопутной, позаботился ещё когда... В то время когда он... Когда он тебя...

— Когда он погрузил в меня своё мерзкое семя! — жёстко поправила Альмирах. — Я думаю, именно для этого он и превратил меня в человеческую женщину, чтобы мальки унаследовали не только морской облик. Вот только знаешь что, Ксинг?

— Что?

— Помнишь, я сказала, что у меня был дар понимать других живых существ? И что, очутившись снова в океане, сумела подчинить чары превращения?

— Конечно, — ответил Ксинг, — а что?

— Главное тут, что этот один-единственный дар у меня только «был», и что превращение удалось не сломать, а «подчинить». А «есть» теперь у меня целых два дара!

Её тело охватило сияние ци и Ксинг почувствовал, как чешуя и шершавая акулья шкура изменяются, превращаясь во что-то шелковистое и мягкое. Лёгкий ветерок, постоянно овевающий палубу, всколыхнул пышные длинные красно-рыжие волосы, возникшие на месте головного гребня. Альмирах довольно наблюдала за его изумлением бездонными голубыми глазами и улыбалась полными алыми губами, демонстрируя красивые белые зубы. Затем извернулась у него в руках, обхватив длинными стройными ногами, и прильнула к нему в долгом страстном поцелуе.

Вскоре Ксинг понял, для чего хитрая Альмирах попросила взять одного из своих детей. Как оказалось, она, словно прилежная ученица Неукротимого Дракона, всё спланировала заранее. Она, конечно, не имела никакого представления о способах управления «Солнечного Жаворонка» и считала, что слово «корабль» означает поднимать и опускать паруса, а также поворачивать руль. Она решила, что если Ксинг это делает в одиночку, значит, его может подменить и тритон. Альмирах вовсе не желала, чтобы хоть одно из столь ценных мгновений, которые они могли бы провести вместе, Ксинг тратил не на неё, а на корабль.

Она оказалась совершенно права по факту, пусть и ошиблась в предположениях. Создавая рычаги и колесо управления, Ксинг руководствовался лишь смутными желаниями, чтобы всё было «как у настоящего героя», ведь ничего не стоило управлять «Жаворонком» откуда угодно с помощью ци. Когда-то он планировал создать и поставить к рулевому колесу марионетку. Теперь же с появлением Альмирах, появилось кое-что гораздо лучше.

Пусть теперь русалке не требовалась для жизни вода, но воду она всё равно любила, так что Ксинг всё-таки устроил на палубе большой стеклянный бассейн, а ещё один, совсем маленький, установил в комнате управления для их чешуйчатого рулевого. Ксинг где-то слышал, что строители больших домов, башен и кораблей должны специально учиться, делать какие-то расчёты и учитывать нагрузки. Но ему это не особо потребовалось — у него имелась ци, а этого, как показал многолетний опыт, всегда достаточно.

Ксинг не знал, каким образом так получалось, но рыбчеловек действительно знал, куда следует двигаться, и уверенно показывал перепончатой лапой в одном и том же направлении. И он действительно оказался достаточно смышлённым: стоило показать, как пользоваться колесом и рычагами, и проконтролировать, как внезапно высвободилась куча времени, которое теперь, когда с ним вновь была Альмирах, Ксинг прекрасно знал, как провести. Они много болтали, рассказывая друг другу о времени, проведенном с момента расставания, усиленно занимались парной культивацией, используя для этого каждый уголок «Жаворонка», включая верхушки мачт, на которых пришлось удерживаться с помощью ци.

Пусть Ксинг и пустил весь имеющийся шёлк на создание парусов, в глубинах браслета оказалось достаточно других тканей и одежды, так что он создал для Альмирах несколько нарядов. И пусть большую часть времени они не использовали, девушка оказалась очень благодарна. Также Ксинг сделал для неё ещё один браслет, используя при создании ту самую алую жемчужину.

Как и браслет Шадии, он являлся не только пространственным хранилищем, но и помогал накапливать дополнительную ци. Как и браслет Шадии, Ксингу пришлось надевать его собственноручно, изменяя размер, чтобы внутрь пролезла кисть девушки, и чтобы он потом достаточно плотно обхватил запястье. Как и Шадия, Альмирах очаровательно покраснела, а потом накинулась на него в жарком порыве страсти.

Ксинг не знал, имеет ли символическое значение подарок браслета женщине мужчиной, либо же был важнее процесс собственноручного надевания, но о символическом значении такого подарка смог бы догадаться даже последний глупец. Ксинг себя глупцом не считал и был готов принять на себя все требуемые обязательства. Но сначала следовало вернуться в Империю, разобраться с Шарифом, найти Мэй и сразиться с негодяем-учителем.

Путешествие на панцире черепахи заняло не один месяц, полёт на летающем корабле продлился всего лишь полдюжины дней. «Жаворонок» с честью выдержал все испытания — когда снаружи бушевал жестокий шторм, шёл сильный ливень и били молнии, так похожие на Небесное Воздаяние, здесь внутри всё так же дул лёгкий ветерок, а капли дождя обтекали невидимую сферу. Ксинг и Альмирах несколько раз выходили на носовой помост полюбоваться непогодой. Альмирах любила стоять, раскинув в стороны руки, подставляя лицо искусственному ветру, ну а Ксинг становился сзади, обнимая или просто придерживая её за талию.

Где-то вдалеке стала виднеться полоска побережья, количество духов воды там значительно уменьшилось, вместо них появились духи земли и древа. Они практически прибыли в Империю, так что Ксинг метался по палубе, сторя от нетерпения.

— Что-то здесь не так! — нахмутив брови, сказала Альмирах. — Мы уже должны быть над Могао.

— Может мы где-то не там завернули? Или рыбий воин неправильно понял твои желания?

Альмирах на этот раз была настолько серьёзна, что даже проигнорировала сравнение с рыбами, на которые обычно надувала губки.

— Скажи, Ксинг, — сказала она, — ты смог бы заблудиться в своей Дуоцзя? Или раньше, в поместье рода Нао?

— Конечно нет! — ответил он. — Я понял, к чему ты ведёшь. Океан — твой дом. И в собственном доме никто не блуждает. И то, что ты не можешь найти Могао, означает только одно.

— Да, — кивнула Альмирах. — Мы опоздали!

Ксинг сцепил зубы. Он слишком много времени потратил на блуждание в пещерах, потерял почти что целый день на не особо нужную возню с хунхунами, на постройку корабля, а также на полёт в неправильном направлении, который, не встретив он Альмирах, мог закончиться вообще на другом краю мира. Ксинг понимал, что несправедлив к себе, что без точного знания, куда следует идти, быстрее справиться бы не получилось. Но для героя важен результат, а не оправдания, почему этого результата не удалось достичь.

— Ещё ничего не потеряно! — заметив его мрачное настроение, сказала Альмирах и поцеловала в щеку. — Ты справишься. Мои воины сильно отстали, они придут сюда только через пару дней. Мы можем подождать. Они обшарят всё дно и берег, найдут этот город, чего бы это ни стоило.

Ксинг тряхнул головой. Действительно! Как бы ни торопился Шариф, он не мог быть намного быстрее Ксинга. И если даже он умудрился захватить Могао, ну и что? Дариушу тоже удалось захватить Мэй Линь в плен, но Бао Сяо не предавался глупым терзаниям, а просто выхватил свой Стремительный Клинок и прорубил путь к её спасению!

— Спасибо! — ухмыльнулся он и поцеловал Альмирах в губы. — Но мы не будем никого ждать. Если Шариф захватил Могао, то это — временные трудности!

Ксинг ухватил Альмирах за талию и посмотрел ей в глаза. Она кивнула. Рыбий рулевой выбрался из трюма и, одарив их стеклянным взглядом, перелез через ограждение и прыгнул вниз, ничуть не беспокоясь из-за большого расстояния до воды. Ксинг, удерживая Альмирах, прыгнул следом. Он не стал сразу нырять в воду, а создал под ногами воздушную опору и вытянул свободную руку в сторону «Солнечного Жаворонка». Корабль окутался невидимым сиянием ци и исчез в браслете. Альмирах последовала примеру, поместила в браслет свою одежду, после чего приняла русалочью форму.

Ксинг сосредоточился и закрыл глаза, ощупывая окружающее пространство. Теперь, после Ахрибада, он знал, чего ждать и что искать, поэтому быстро нашёл место, где выпущенная им ци уходила в сторону, следуя линиям невидимого искажения. Ксинг до сих пор не знал, как это сделано — возможно, ответ до сих пор находился среди книг и свитков в его браслете. Но для того, чтобы что-то сломать, не обязательно точно знать внутреннее устройство, нужно лишь иметь достаточно большую кувалду. И такая кувалда у Ксинга имелаась. Прижимая к себе Альмирах, он рухнул в океан. Вода закружилась вокруг их тел, охватывая плотным коконом, который сверху укрыла оболочка из внутренней энергии.

Кокон сдвинулся с места и приблизился к невидимой границе, оставляя одинокого тритона далеко позади. Невидимая сила попыталась отклонить его с пути, но Ксинг был к этому готов, поэтому, как и когда-то в Чёрной Пустыне, не дал такому случиться. Пространство треснуло и исказилось, пытаясь смять, разорвать и уничтожить кокон. Но теперь, после стольких лет культивации в Лахиб Шаид, эта когда-то ужасающая атака казалась попыткой младенца убить взрослого воина в броне, используя бамбуковый меч.

Поэтому Ксинг легко преодолел барьер и оказался в спокойном море.

Перед духовным зрением вспыхнуло множество огней, как людей, некоторые из которых оказались хорошо знакомы, так и не менее знакомых сгустков ци, характерных для рыбьих отродий Шарифа.

— Настоящие герои не опаздывают и не приходят слишком рано! — широко улыбнулся Ксинг и поцеловал Альмирах в твёрдые рыбы губы. — Настоящие герои всегда появляются вовремя!

Глава 24, в которой герой доказывает, что число три — ничуть не хуже священной дюжины

Могоа горел. Тут и там в воздух вздымались языки пламени, раздавались взрывы, слышались боевые выкрики и стоны раненых. Возле каменных пирсов догорали остовы кораблей, а в воде плавали мёртвые тела. Ксинг почувствовал, как сердце сжимает болью — в происходящем имелась немалая толика его вины. Ведь именно он не сумел остановить Шарифа, ведь именно он упустил его во второй раз, да и к созданию армии завоевания, чьи рыбки тела блестели между портовых строений, приложил руку непосредственно он. Вернее, вовсе даже не руку — и это делало ситуацию ещё ужасней.

Далеко в городе над домами возвышалось несколько огромных боевых человекообразных марионеток — похоже, Шариф сделал выводы из предыдущей неудачи, сделав этих болванов ещё сильнее.

— Иди, — сказала Альмирах. — Ты им сейчас нужен!

— А ты? — спросил Ксинг. — Тут очень опасно.

— Мне очень нравится, как сильно ты обо мне заботишься, — оскалила зубастый рот русалка. — Именно за это я тебя и полюбила. Но кое о чём ты подзабыл!

Она подняла руку и показала свой браслет с ярко горящей жемчужиной. Ксинг понимал, что Альмирах сильна и сама по себе, ну а теперь, имея дополнительный запас ци, стала многократно сильнее. Но тревога не отпускала.

— Ты теряешь время, — напомнила Альмирах. — У меня есть своя задача. Именно я породила их своим чревом, а значит, именно на мне и лежит ответственность за это. Это мой долг — лишить Шарифа его армии.

Ксинг кивнул, признавая её правоту.

— Ещё есть стражи. Постарайся их избегать.

— За меня не беспокойся, — фыркнула русалка. — И ещё, Ксинг...

— Да?

— Тебе встретятся мои дети. У тебя может возникнуть мысль, что их нужно пощадить — не важно, из жалости к ним или из любви ко мне. Ты можешь подумать, что раз я могу перехватить контроль у Шарифа, то каждый убитый тобою тритон — это ещё один погибший воин моей армии. Оставь такие идеи. Я не считаю себя их матерью, в первую очередь для меня они — отродья Шарифа. Я даже не знаю, что буду с ними делать, когда всё закончится. Так что поступай, как считаешь нужным.

Ксинг не стал удивляться пронизательности Альмирах, словно прочитавшей его мысли. Он лишь коротко кивнул, выхватил цеп и взлетел в воздух, направляясь к гигантской фигуре ближайшей марионетки.

Часть солдат городского гарнизона держала оборону, но силы были на исходе. Кто бы ни распорядился армией, он подошёл к делу серьёзно — в воздухе вспыхивали иероглифы, показывающие работу защитных талисманов, в тварь летели алхимические составы, которые, попав на каменное тело, либо взрывались, либо проедали камень. Похоже, предыдущее нападение черепахи послужило неплохим предупреждением, так что городской глава на снаряжение скупиться не стал. И если бы марионетка была одна, этот отряд имел бы все шансы её если не одолеть, то хотя бы обездвижить, расплавив или оторвав одну из ног.

Но, к несчастью обороняющихся, великана сопровождало целое полчище рыболодей. В

отличие от Альмирах, Шариф не утруждался их экипировкой, каждый из них имел единственное копьё с наконечником из скверного железа. Но сила любого тритона, получившего когда-то ци самого Ксинга, равнялась адепту. Пусть они, как и сам Ксинг, не знали не единой техники, но были сильны и свирепы. И их было много, намного больше, чем защитников.

Марионетка вновь вскинула руку и выпустила в обороняющихся огненный шар. Вновь вспыхнул талисман и, не выдержав нагрузки, осыпался пеплом. Солдаты Могао лишь сомкнули строй, крепче ухватили щиты, выставив вперёд мечи и копья. Их лица и ци выдавали мрачную решимость продержаться как можно дольше, пусть пасть, но продать свои жизни подороже, защитить жителей, выиграв им хоть несколько сердцебиений времени. Ксинг знал, что жителям ничего особо не угрожает, что Шарифу нужны живые подданные и целые здания, а не бездыханные тела среди обугленных руин. Но героизм и решимость солдат Могао впечатляли и вызвали немалое уважение.

К сожалению, именно из-за городской застройки, из-за горожан, чью ци он до сих пор чувствовал внутри домов, не получалось применить достаточно серьёзные стихийные воздействия. Так что Ксинг поступил по-простому, по старинке — обрушился на марионетку сверху, съёс её голову цепом, расколол прочное тело, вырвал пылающее кристаллическое сердце в ажурной решётке из азрака и спрятал его в браслет. Затем, под изумлёнными взглядами горожан и солдат, Ксинг подхватил рыболодей с помощью ци, поднял их высоко в воздух и, создав элемент Огня, превратил в пепел. На крыши и каменные плиты улицы посыпались рыбы конечности со всё ещё зажатыми в них копьями. Некоторые особо отважные горожане выскочили из-под защиты талисманов и вооружились, схватив оружие рыболодей. Ксинг легко спрыгнул со всё оставшегося стоять на ногах неподвижного остова марионетки и подошёл к линцзяну защитников Могао.

— Я тебя знаю! — закричал один из солдат. — Ты тот повар! Ой, простите! Вы очень похожи на одного из...

— Прости, Шэн, — ухмыльнулся Ксинг, — но мой ресторан закрыт! Возникли временные трудности!

— Ты... Вы меня помните? — удивился солдат.

— Я помню всех своих посетителей. Но сейчас, похоже, немножко не время для разговоров о кулинарии.

— Господин Ксинг Дуо, — сказал седоволосый линцзян, командовавший дюжиной. — Пожалуйста, помогите! Я вижу, насколько вы сильны, а ситуация серьёзна. Не знаю, выстоим ли мы с вашей помощью, но без вас Могао точно падёт!

— Линцзян, вы могли бы этого и не говорить. Если бы я не собирался оказать помощь, то и не пришёл бы. Не знаю, поможет ли вам это, но...

Ксинг вытянул из браслета несколько бутылочек эликсиров, которые упали на камни с громким стуком, но усиленное стекло не разбилось. Солдаты и линцзян округлили глаза.

— Усиливают ци, ускоряют заживление ран, делают сильнее, — пояснил Ксинг. — И кстати о ранах...

Он поднял руку, ускоряя циркуляцию ци в сердечном даньтяне. На расстоянии лечить было гораздо труднее, да и для тонких манипуляций требовалось непосредственное касание, а ещё лучше — иглоукальвание. Но с ожогами, колотыми и резаными ранениями можно было справиться и так. Послышались громкие возгласы солдат и горожан, чьи раны стали затягиваться и исчезать. Ксинг не стал выслушивать благодарности, а заскочил на крышу

ближайшего дома, оглядел Могао и задумался.

Идеальным способом действий было бы убийство Шарифа. Конечно, это бы вторжение не остановило: как марионетки, так и тритоны продолжили бы действовать в соответствии с выданными ранее приказами, это он знал от Шадии и Альмирах. Но Ксингу хотелось, в первую очередь, решить главную проблему, а со всем остальным разбираться уже потом. От поисков Шарифа он решил отказаться по двум причинам. Первой из них являлось то, что Шариф мог заготовить новый сюрприз, вновь отправив Ксинга на край неба и угол океана — это оставило бы город полностью беззащитным. А второй, и главной — что герои всегда продираются через полчища миньонов, чтобы сразить главного злодея последним.

Так что Ксинг бросился дальше, перепрыгивая и перелетая от сражения к сражению, убивая рыболодей, разрушая марионеток, забирая их сердца и ценные компоненты, излечивая горожан, стражников и солдат, мимоходом выращивая из земли каменные стены, чтобы затруднить атаку и продвижение новым волнам рыболодей.

— Привет, учитель! — весело закричал он, расправившись с очередной марионеткой и уничтожив группу тритонов. — Вас ещё не женили?

— Вот кто бы говорил о женитьбе! — фыркнул ничуть не изменившийся Цай Шаолун, ни капли не удивившись его появлению. — Это не я сбежал из города от глупой девки с ветром в голове!

— Зато нашёл себе двух других! — рассмеялся Ксинг, вываливая перед Шаолуном ворох бутылочек. — Внутри находятся...

— Я алхимик! Разберусь! — отрезал мастер Цай. — Неужто нашёл своё кольцо? Я думал, ты мне морочишь голову.

Ксинг не стал уточнять, что не кольцо, а браслет, и что не нашёл, а сделал. Лишь помахал бывшему наставнику, вновь подлечил солдат, стражей и горожан, и помчался дальше.

Почувствовав, что один из двоих знакомых источников ци ослабел и мерцает, Ксинг бросился в ту сторону. На небольшой площади с развалинами фонтана он увидел остов разрушенной марионетки, более трёх дюжин мёртвых рыболодей и две фигуры, одна из которых склонилась над второй, возложив на неё руки.

Ксинг узнал их обоих — это были те две надменные красавицы, что жили в Могао и имели ранг мастера ци. Но почему-то за прошедшие годы они не только не увеличили силу, но и стали слабее — с дрожащей и нестабильной внутренней энергией, списать которую на ранения не получалось.

Шёлковые ципао обеих были обагрены кровью, причём, не только кровью тритонов. Виднелись открытые раны, у той, что лежала на земле, из живота торчал обломок копья.

— О прекрасные феи Сюэ Линцзянь и Пэйпэй Майронг, — жизнерадостно воскликнул Ксинг, приземляясь рядом, — не требуется ли вам моя помощь?

Сюэ одарила его усталым взглядом.

— Это ты? Как видишь, нам сейчас не до еды.

— Что случилось? — спросил Ксинг и, предупреждая готовую сорваться гневную отповедь по поводу вопросов, не требующих ответов, быстро добавил: — Да, я понимаю, что вы обе ранены. Но именно поэтому и удивлён. Учитывая вашу силу...

— Силу! Нет больше нашей силы! — зло сказала Сюэ Линцзянь. — Он был таким предупредительным, таким вежливым, таким гостеприимным. «Не желают ли великие мастера Линцзянь и Майронг выпить чаю? Дело, по которому я вас пригласил, важно для

всего Могао!» И ведь, мерзавец, не до конца соврал.

— Яд? — догадался Ксинг. — Кто-то вам подлил что-то в чай?

— Что-то алхимическое, — кивнула Сюэ, — оно совершенно не чувствовалось, на вкус чай был очень неплох. То, что наша ци почти не подчиняется, мы почувствовали лишь на следующее утро, когда вторжение уже началось.

Ксинг задумался. Зелье, нарушающее ток ци, он прекрасно знал. И не просто знал, именно он его когда-то и сделал! Этот эликсир, не имеющий ни вкуса, ни запаха, являлся одним из тех неудачных побочных продуктов алхимии, десятков пузырьков которых он когда-то продал дому Симынь. Сам он пробовал пить этот эликсир в тренировочных целях, чтобы ослабить свою ци и тем самым увеличить нагрузку на тренировках, но увы, вскоре организм привык, и стал преодолевать действие даже раньше, чем он допивал пузырёк.

— Мы обе уже мертвы, — сказала Сюэ. — У меня пробита печень и селезёнка, а у Пэйпэй рана в животе, повреждён позвоночник и задето сердце. К тому же эти твари смазали копья ядом. Пожалуйста, Ксинг Дуо, или как тебя зовут на самом деле, сообщи бинрену стражи или, если не получится, кому-то из вышестоящих, что Ли Вэй — предатель.

— Ли Вэй? — удивился Ксинг. — Я не знаю такого имени.

Ксинг немного кривил душой. Кое-кого по имени Вэй он знал. Но это был злодей из кристалла — демонический культиватор, получавший силу от причинения боли не только другим, но и самому себе.

— Хотя бы про род Вэй ты слышал? — раздражённо спросила Сюэ. — Хотя стой, тебя же давно у нас не было. Ли из рода Вэй несколько лет назад женился на Сифэн из рода Симынь. И позиции рода Симынь, породнившись с главным инспектором по дорогам и водоснабжению, с тех пор сильно поднялись. Ладно, забудь о моей просьбе. Тебе всё равно никто не поверит.

— Вам-то уж точно поверят! — засмеялся Ксинг. — Расскажите чуть позже сами!

В ци Сюэ снова полыхнуло раздражение, но она не стала тратить силы на споры. Пэйпэй была столь слаба, что не ответила вообще ничего, лишь издала слабый стон.

Ксинг не стал больше терять времени на болтовню — он видел, что обе плохи, и продержатся недолго, особенно Пэйпэй. Он подошёл к Сюэ и положил руку ей на плечо.

— Что ты себе позволяя...

— Молчи! — приказал Ксинг. — Может быть немного больно.

Алхимический яд в крови Сюэ мешал исцелению, так что Ксинг, по-быстрому закрыв самые серьёзные раны, переключился на её подругу.

Он провёл рукой, и окровавленное ципао раскрылось, разрезанное на несколько кусков, открывая пусть и израненное, но всё ещё прекрасное тело. Выдернув обломок копья, Ксинг направил сердечную ци, не давая выплеснуться крови, убирая грязь и сращивая ткани органов. Сюэ смотрела на это изумлёнными глазами, не в силах вымолвить ни слова. Убедившись, что её подруге ничего не угрожает, Ксинг подхватил всё ещё пребывающую в прострации Сюэ и уложил на землю рядом. Та была столь ошеломлена, что не сопротивлялась, даже когда Ксинг разрезал ципао и ей, полностью оголяя тело.

— Не беспокойтесь, я лекарь! — на всякий случай попытался он успокоить девушек. Затем положил руки им на крепкие мускулистые животики и пустил через ладони энергию.

Бледное лицо Пэйпэй снова стало обретать цвет, а щёки Сюэ заалели. Она не стала ничего говорить, лишь внимательно вглядывалась в лицо Ксинга, пока тот водил руками по её телу и телу её подруги.

— Сейчас я сделаю то, что вам может очень не понравиться! — предупредил Ксинг.

— Теперь-то ничего такого, что бы мне не понравилось, ты сделать не сможешь, — внезапно раздался глубокий чуть хриплый женский голос.

— Пэйпэй! — воскликнула Сюэ и дёрнулась, попытавшись встать, но рука Ксинга удержала её на месте.

— Двигайся осторожно, — предупредил он. — Лечение ещё не закончено.

Дождавшись утвердительного кивка, Ксинг отпустил руку. Сюэ привстала, села рядом с Пэйпэй, наклонилась и легко поцеловала ту в лоб.

— Я... я... я думала, что уже всё, — сказала она, всхлипнув. — И что мы встретимся только в следующей жизни. Или не увидим друг друга больше никогда.

— Сюэ, — прошептала Пэйпэй, — мы столько пережили вместе! И даже после смерти...

— Пока я рядом, — перебил её Ксинг, — о смерти говорить глупо! Помолчите обе, мне нужно сосредоточиться!

Он положил руки на ступни ног Пэйпэй и повёл вверх — по лодыжкам, коленям, а затем и бёдрам. Ци его сердечного даньтяня собирала яд и все нечистоты организма, удерживая их и не давая вновь разойтись по телу вместе с кровотоком. Ладони прошлись лону Пэйпэй, по её животу, поднялись на рёбра, а затем накрыли большую полную грудь. Чуть задержавшись на сосках, они скользнули выше, к ключицам, а затем и к плечам. Ксинг свёл ладони и Сюэ вскрикнула, увидев на коже подруги вздутие, похожее на чёрно-синюю опухоль. Одной рукой удерживая эту опухоль на месте, Ксинг провёл второй по голове и рукам Пэйпэй, сгоняя оставшуюся мерзость в одно место. Наконец, он ткнул в опухоль пальцем — кожа разошлась и наружу плеснулась отвратительная чёрная кровь. Капля крови размером с перепелиное яйцо поднялась в воздух и полыхнула ярким огнём, исчезая в облаке пара. Порез, возникший на месте опухоли, мгновенно закрылся.

Несмотря на сосредоточенность, требуемую для исцеления, Ксинг не мог не отметить ни красоту Пэйпэй, ни гладкость её кожи, ни упругость мышц, ни полноту груди. Так что, почувствовав к концу исцеления, как бешено циркулирует ци в нижнем даньтяне, Ксинг возрадовался тому, что совсем недавно культивировал с Альмирах, так что удержать себя в руках всё-таки смог. Вспомнив о русалке, Ксинг проверил её ци. С девушкой всё было в порядке, судя по количеству огней тритонов вокруг неё, дела двигались неплохо.

— Ну как? — спросил он у Пэйпэй. Она сильно покраснела и теперь тяжело дышала. — Ничего не болит?

Та лишь мотнула головой. Из-за неуместного возбуждения Ксинг ухватил Сюэ чуть грубее, чем намеревался, разложил её на земле и тоже принялся избавлять тело от ядов и загрязнений. Сюэ была чуть выше ростом, имела немного более крупную грудь и была столь же прекрасна, как и её подруга. Лица обоих покраснели от смущения, и Ксинг усмехнулся — теперь они ничем не напоминали тех надменных небожительниц с ледяными взглядами, которыми пытались выглядеть в прошлом. Если бы не поджигающее время и не беспокойство за Альмирах, Ксинг бы приступил к гораздо более тщательному исцелению, не пропустив ни единого уголка, где может затаиться хворь — ни спереди, ни сзади. Тем более, как он теперь прекрасно видел по вставшей на ноги Пэйпэй, «сзади» тоже всё выглядело превосходно, а значит требовало самого тщательного лекарского обследования.

Ксинг ещё раз смерил обнажённые тела взглядом, после чего достал из браслета два платья более-менее подходящих размеров. Изящные брови обеих девушек поползли на лоб,

но они ничего не сказали, а начали быстро одеваться. Увы, украденные у колдунов Ахрибада женские наряды были сделаны из тонких полупрозрачных тканей, а значит, не столько прятали, сколько открывали. Эффект получился даже более впечатляющим, чем если бы обе оставались обнажены. Последствием этого эффекта являлось сильное желание оба платья немедленно сорвать.

— Я почти полностью уничтожил марионеток, — сказал Ксинг. — о рыболодях позаботится моя подруга. Теперь мне надо найти колдуна, но я не чувствую его ци. Так что я отправляюсь на поиски, а вы, наверное, отдохните. Вам обоим здорово досталось.

— Меня просто переполняет энергия! — сказала Сюэ Линцзянь.

— Я тоже никогда не чувствовала себя такой сильной! — кивнула Пэйпэй Майронг.

Они переглянулись между собой, Сюэ движением глаз указала на Ксинга, а Пэйпэй кивнула.

— Мы отправимся с тобой! — высказала общее решение Сюэ.

— Тогда нам нужно поторопиться! — нехотя согласился Ксинг. — Искать, похоже, придётся долго.

— Не беспокойся, — ответила Пэйпэй, — кажется мы знаем, куда идти.

Ксинг бежал с двумя феями, перепрыгивая руины, целые дома, пробегая по крышам и улицам. Девушки двигались красиво и экономно, Ксинг бы предпочёл бежать сзади, чтобы любоваться зрелищем, но на это, увы, не было времени.

Они забежали в гавань, где до сих пор оставались очаги сопротивления, уничтожили двух небольших марионеток и целое полчище тритонов.

— Зэнжон! Старая ты морская крыса! — радостно закричал Ксинг, увидав знакомую ци. — Я думал, ты до сих пор пиратствуешь!

— Узнаю этот голос! — заорал капитан Зэнжон. — Малыш Ксинг, ты ли это? Ты, похоже, вырос и отхватил себе двух очень фигу... Фея Пэйпэй Маронг, Фея Сюэ Линцзянь! Простите, простите старого дурака!

— Не гадь на палубу, Зэнжон! — усмехнулся Ксинг. — Мы тут чтобы помочь!

Ксинг прыгнул вперёд, разваливая цепом ещё одну марионетку и поднимая в воздух рыболодей.

— Цветочная Буря! — воскликнула Пэйпэй.

— Бич Десяти Тысяч Шипов! — раздался возглас Сюэ.

Ксинг с завистью проводил взглядом изломанную линию, располовинившую часть рыболодей, и рой фиолетовых лепестков, наделавших отверстий в ещё одной части. Сам он лишь мысленно сжал хватку, раздавив оставшихся тритонов, превращая их в кровавый фарш.

— Ксинг, — бесстрашно закричал Зэнжон, — рыбные блюда — это хорошо, но мы в Могао больше всего любим твои фунцзяньские булки!

— Договорились, старый пират! — расхохотался Ксинг. — Если останешься в живых, сделаю тебе лично! За счёт заведения!

— Я тоже не прочь их отведать, — призывно моргнула глазами Пэйпэй.

— А я согласна на любые твои блюда, — робко улыбнулась Сюэ.

Ксинг не был глупцом, да и ци не лгала, он прекрасно понимал, на что обе намекают. Он бы сам с удовольствием надкусил каждую булку или персик, которые две прекрасные феи хотели бы ему предложить. Но с ним была Альмирах, а он не хотел поступать бесчестно.

Они помчались дальше, перепрыгнули через здание, пробежали по длинной ограде

какого-то поместья, как Ксинг приказал остановиться. Он подошёл к феям, положил по ладони каждой из них на грудь. Странная буря эмоций промелькнула в ци обоих — сначала лёгкий гнев сменился удивлением, а потом — жадным ожиданием. Увы, это было не то, чего они желали, и чего бы хотел сам Ксинг.

— Вы использовали техники, — пояснил он, не удержавшись, чуть-чуть сжимая ладони, — и потратили ци. Проверьте!

— Меня переполняет энергия! — воскликнула Пэйпэй.

— Меня тоже, — подтвердила Сюэ. — Ксинг, а скажи, тебе действительно нужно это было делать? Ну, я имею в виду нас тискать!

— Телесный контакт для передачи ци? Максимально близкий к сердечному дантьяню, который ни одна из вас не культивирует? Уменьшение потерь при передаче и быстрое восполнение? — засыпал их вопросами Ксинг. В ци девушек мелькнули стыд и смущение из-за того, что они засомневались в чистоте его намерений. — Не-а, вовсе не обязательно. Я мог вам передать ци и на расстоянии, не пытаясь ощутить мягкость и упругость этих великолепных полушарий!

Два маленьких кулачка чувствительно ударили ему в грудь, но теперь ци девушек показывала, что они чем-то очень довольны.

Они навестили городские казармы, где до сих пор шла ожесточённая битва, посетили горящий рынок, где Ксинг ухватил за головы рыболодей, с механической размеренностью втыкавших копья в тела горожан, и раздавил их, словно гнилые яблоки. Встретили в разрозненных сражениях нескольких адептов ци и даже двух мастеров, собрали их в маленький отряд и направили на воссоединение с гарнизоном.

И всё это время Ксинг выискивал ци Шарифа, но никак не мог его найти. Было два варианта: либо Шариф не участвует в сражении, положившись на миньонов, либо же научился скрывать свой сихир гораздо лучше, чем раньше.

Осталась лишь одна достаточно крупная группа рыболодей, если, конечно, не брать во внимание армию Альмирах, теперь насчитывающую не одну дюжину тысяч тритонов. Располагалась группа за горным мысом, на вершине которого стояла башня маяка, и где, как смутно припоминал Ксинг, ни разу там не бывавший, находились особо богатые кварталы, включая главное поместье рода Симынь.

— Туда, — указал он в сторону горы. — Чувствую много тварей, двух марионеток и ци уровня мастера. Пойдёмте, я там никогда не был, так что выслушаю любые советы.

Девушки переглянулись.

— Мы и сами хотели отвести тебя именно туда. Там находится дворец фуйина! — сказала Сюэ.

— Ты же едва не женился на наследнице дома Симынь, — удивилась Пэйпэй, проявив странную осведомлённость в его личных делах. — Не удивляйся, после твоего ухода об этом судачил весь Могао. Я думала...

— Я вёл дела с кланом Симынь только в порту и в их лавке! — отмахнулся Ксинг.

— А некоторые особо жаркие переговоры — в черепашьем панцире! — хитро сказала Пэйпэй, и девушки звонко рассмеялись.

Переговариваясь, они забежали на гору, и, выглядывая из-за деревьев, осмотрели бухту. Тут действительно было красиво: зелёные парки, высокие пагоды и башенки, ухоженные поместья и широкие мощёные разноцветным камнем площади. И на одной из площадей Ксинг увидел то, при виде чего его сердце забилось от радости и предвкушения.

Среди большого отряда рыболодей и двоих огромных марионеток на коленях стоял широкоплечий мужчина. Двое тритонов заломили ему руки за спину, удерживая в коленопреклонённой позе. Ци мужчины была сильна, но, похоже, он не мог ею воспользоваться — его руки и ноги покрывали горящие цепочки знакомых символов, тайного языка колдунов Ахрибада.

Перед ним в воздухе парила фигурка, казавшаяся отсюда маленькой, но которую Ксинг прекрасно рассмотрел своим усиленным зрением. Как бы мало ни прошло времени, но Шариф его даром не терял. Его огромная шапка с пером стала ещё больше, в ней ярко сиял кристалл, гораздо крупнее предыдущего. Плечи его стали ещё шире из-за покрывающей тело алой брони, казалось, сделанной из цельного куска переливающегося рубина. Жезл тоже изменился, теперь он выглядел, скорее, как посох — навершие раздваивалось, превращаясь в двух раздувших капюшоны пустынных змей, удерживающих в раскрытых пастьях огромный драгоценный камень, похожий на алмаз. То ли броня, то ли одно из колец, усеивающих его пальцы, то ли какой-то другой артефакт делали его ци совершенно незаметной, слабо отличимой от энергии обычного человека.

— Мы должны подобраться поближе, — сказал Ксинг. — И сделать это скрытно.

— Но зачем? — удивилась Сюэ. — Мы можем напасть вместе. Сегодня мы не раз справлялись и с большими силами.

— Дело в колдуне, — пояснил Ксинг. — Я встречался с ним дважды. И оба раза он припасал очень неприятные сюрпризы. Ну а сейчас и подавно.

— Но как мы подберёмся? — спросила Пэйпэй. — Как только мы начнём спускаться по склону, как окажемся словно на ладони.

— Есть способ! — ухмыльнулся Ксинг. Он ухватил обеих фей за талии и притянул к себе. Сосредоточился, направляя ци, окутывая всех троих плотным коконом и растворяя в земле и растениях.

— Ты владеешь элементами Земли и Древа? — изумилась Пэйпэй.

— Я хорошо владею очень много чем, — оскалился Ксинг, крепче прижимая к себе их упругие тела.

— И ты хочешь сказать, что вот в этом, — Сюэ толкнула его ладонью в бок, — необходимости тоже нет?

— Кто знает? — расхохотался Ксинг, жалея, что сейчас на нём одежда из кожи саламандры, не позволяющая в полной мере ощутить прижимающиеся к нему выпуклости. — Может необходимости вас тискать, наслаждаясь вашими великолепными телами, и нет, а может, чем меньше цель, тем лучше маскировка. Держитесь крепче и постарайтесь вести себя тихо!

Он опустил руки ниже, подхватив девушек под другие выпуклости, и побежал вперёд. Феи вцепились ему в плечи и шею руками, их дыхание стало быстрым и сбивчивым.

Приблизившись к сборищу рыболодей, Ксинг замедлился. Осторожно, просчитывая каждый шаг, он пронёс девушек мимо тритонов и остановился неподалёку от Шарифа. Не только чтобы спланировать атаку, но и просто услышать содержание беседы колдуна с фуйином.

— Ты не понимаешь, — вещал Шариф со странным акцентом, и Ксинг осознал, что впервые слышит, как тот говорит на имперском. — Могао уже пасть! Пасть тот момент, как я установил барьер! Теперь сюда попасть никто! Ни ваша Император, ни ваша воина!

— Лучшие грандмастера Империи разрушат твой барьер! — упрямо мотнул головой

Фуйин, и рыболюди снова заломили ему руки. — Император пришлёт кого-то сильного, перед кем твои рыбы — словно песчинка перед ураганом! И пока я дышу, пока во мне теплится жизнь, я останусь верен своей присяге!

— Жайл, очшьень жайл, — мотнул головой Шариф. — Йа ценить хороший чиновники. Видеш, у мой очьень много тритон, мой войск. И очьень много хранитель. А кто мой немного — так только надёжная человек, которая управлять городом.

— Я... — начал Фуйин, но колдун лениво провёл рукой, и рыболюди вывернули ему руки, прерывая ответ.

— Йа знать. Ты хотеть сказать, умереть не сдаться. Но подумать, как мне удавайся захватить твоя нет, не город? Вся полостров! Как сделай раньше, чем пришла много солдат, воин и генерал?

Фуйин молча смотрел исподлобья и прожигал колдуна взглядом.

— Ты хороша! Сразу понять! Правильно! Я не успевай ставить мусавар сам! Не мочь создавай аалам мастур скоро-скоро! Это требуй много время, сихир и усилиев! Глупый варвар собирайся толпа атакуй граница! Сильный армия Император собирайся толпа скорей бить варвар! Вернуться много нужна время! Я могу успевай и так, но опасно, могу не успевай! Нужна помощник! Солдат Могао ослабляй, мусавар заранее копай! Я успевай, даже когда мерзкий имперский варвара червь бежать на помощь бегом-бегом! Но моё войско прийти, аалам мастур сразу появиться, ваш хранилищ с талисман и зелья уничтожать! Даже два самый сильный красивый женщин воин лишился сихир и помирать!

Девушки, услышав об этом, заёрзали у Ксинга на руках, что оказалось очень приятно, и изо всех сил вцепились ему в плечи, что оказалось приятно гораздо меньше. Если бы не приказ молчать, они бы сейчас шипели рассерженными кошками.

— Предатель! — крикнул Фуйин. — Нас предали!

— Ну почему же сразу предатель? — раздался новый голос, при звуке которого девушки, казалось обезумели и попытались вырваться из железной хватки Ксинга. — Я бы сказал — дальновидный человек, понимающий силу неизбежных обстоятельств, который просто хочет получить место, подходящее для его талантов.

Из-за спин рыболюдей вышел мужчина в дорогих одеждах, чью ци Ксинг засёк давно, но посчитал его одним из пленников.

— Ли Вэй! — воскликнул Фуйин.

Ксинг присмотрелся к предателю. Ничего ни во внешнем облике, ни в ци не выдавало в нём негодяя. Приятное и даже красивое лицо с ухоженными усами и аккуратной бородкой, глаза, в уголках которых от частых улыбок отложились морщинки, высокий рост и широкие плечи. Увидев такого посетителя в «Панцире», Ксинг запросто предложил бы ему хорошую выпивку.

— Ли из рода Вэй, чиновник четвёртого ранга, инспектор дорог и водоснабжения, — подтвердил предатель. — Мне даже не приходилось скрываться, стоило показать вам, господин Фэнчжэн, бумагу с моей личной печатью. Выделенные вами работники не задавали вопросов, считая, что помогают в обустройстве полуострова. И они были правы, обустроить новые владения повелителя Аль-Мазруи они действительно помогли.

— Тебе это так не сойдёт, предатель! — крикнул Фуйин, попытавшись циркулировать ци. Вспыхнули колдовские знаки и его тело затряслось в конвульсиях.

Ксинг перевёл взгляд на Шарифа. На лице того играла кривая улыбка, похоже, он всю наслаждался представлением.

— Ты ещё не понял, ничтожное насекомое, что уже сошло? — оскалился Ли Вэй. — Я не собираюсь оспаривать приказы повелителя, если он считает, что в твоей жалкой жизни есть какая-то ценность, то мне остаётся лишь повиноваться. Повелитель, я ещё раз хочу вам сообщить, что прекрасно справлюсь с обязанностями фуйина и сам. Так что в его жизни нет ни малейшей ценности!

— Йя подумай твои слова, слуга! — важно кивнул Шариф. — И охчень жаль, што не всьёе обладают твоя прозорливый и ум! А то время мой воин должен закончить, мы тоже закончий! Идти брать полуостров упасть сладкий инжир моя нога!

— Ещё ничего не закончено! — вскрикнул фуйин, несмотря на боль в заломленных руках. — Феи Пэйпэй Майронг и Сюэ Линцзянь очень сильны, одни из сильнейших мастеров Империи! И они никогда...

— Теперь они кормят тритонов! — засмеялся Ли Вэй. — Простите, повелитель, что я вас перебил.

— Нишьёво, — благосклонно кивнул Шариф. — Мочь продолжать!

— О, как они прекрасны и грациозны, — сквозь смех продолжил предатель, — как горды и надменны! Ты знаешь, Вань Фэнчжен, на ком я не так давно женился. Род Симынь моих надежд не оправдал, да и моя драгоценная жена в постели холодна, словно один из этих рыболодей. Но даже так, породнившись с Симынь, я получил очень много возможностей. И знаешь каких?

Фуйин не доставил ему удовольствия, задавая вопрос, но Ли Вэя это ничуть не расстроило.

— У рода Симынь имеется отличный запас алхимических зелий. И некоторые из них — чрезвычайно сильны, пусть и непредсказуемы. Увы, они так и не рассказали о создавшем их алхимике, я знаю лишь, что это не мастер Шаолун. И некоторые из эликсиров — настоящие сокровища, использовать которые с толком у Симынь не хватило воображения. Ты говоришь «феи»? Сильнейшие мастера? Что ж, возможно, будь они грандмастерами, действие этого эликсира им бы одолеть удалось, пусть я в этом и сомневаюсь. Сильный и незаметный яд, не имеющий ни цвета, ни запаха ни вкуса. Его действие столь мягко и неощутимо, что мастер не чувствует ничего, пока не становится слишком поздно. Ты сказал «сильнейшие мастера»? А мой эликсир говорит — «слабейшие адепты»!

Девушки вновь задёрнулись, пытаясь вырваться, и Ксинг бесцеремонно ущипнул их за округлости, призывая к осторожности. Они одарили его странными взглядами но всё-таки затихли. Фуйин не мог успокоиться, он рвался из хватки рыболодей так, что на предплечьях, в которые вонзались когти перепончатых лап, выступила кровь.

— Поверь, я сожалею ничуть не меньше твоего! — засмеялся Ли Вэй, наслаждаясь зрелищем. — Мне очень хотелось бы, чтобы всё прошло по-другому! Такая бессмысленная трата женской красоты! Конечно, они бы сопротивлялись, но это именно то, что я больше всего люблю! Моя милая маленькая Сифэн тоже строит из себя недотрогу, но именно так и получается её расшевелить. Повелитель, если эти две сучки всё ещё живы...

— Не возражай, забирать! — ответил Шариф. — Моя всё равно!

Ксинг увидел, что рыболоды странно зашевелились, переступая с ноги на ногу. Он улыбнулся — как раз вовремя. В широкой бухте богатого района в воде замелькало множество чешуйчатых хвостов, среди которых Ксинг увидел знакомый красный гребень и столь родную сильную ци.

— Теперь можно! — шепнул он по очереди девушкам, почти нечаянно коснувшись

губами их изящных ушек. — За рыб не беспокойтесь, теперь они на нашей стороне.

Пэйпэй и Сюэ кивнули и искривили свои красивые полные губы в очень злых и очень многообещающих усмешках.

Он прекрасно понимал, что легко не будет. что у Шарифа имелось немало грязных трюков, так что решил закончить всё как можно скорее. Вести долгие беседы, рассказывая о своих достижениях и способностях можно и с трупом — ведь только мёртвое тело не может устроить любителю почесать языком какой-нибудь неприятный сюрприз.

Поэтому Ксинг взвился в воздух и обрушил на Шарифа целую серию атак цепом. Раздался громкий звон рушащихся защит, напоминающий ему их первую схватку.

Шариф проявил похвальную бдительность: получив первые удары, он резко взмыл вверх и направил на Ксинга свой посох. Ксинг побежал вбок, прячась за спиной у одной из марионеток. На этот раз не было ни молний, ни огня. Лёгкое колебание сихир подсказало направление атаки, и только Ксинг отпрыгнул в сторону, как пространство раскололо множество чёрных зазубренных проломов. Марионетка, возле которой стоял Ксинг и несколько рыболодей упали на землю разрезанными кусками.

— Ты! — закричал Шариф. — Снова ты! Живучий, словно мерзкая сколопендра, выискивающая между камней малейшую щель!

Ксинг метнулся ко второй марионетке и новый удар пространственного искажения пришёлся той на ногу. Она медленно и величественно завалилась на спину, придавив одного тритона. Из рук марионетки вырвалась целая вереница огненных шаров и ушла вверх, взрываясь в воздухе.

Ксинг снова подпрыгнул, метнулся в сторону, оттолкнувшись от воздушной площадки, и совершил новый прыжок. Настигнув Шарифа, Ксинг одной рукой отвёл посох, а другой — сокрушил кольца на пальцах колдуна. К полному удивлению Ксинга, запястье Шарифа не сломалось, теперь оно стало крепче любого камня.

Ксинг вновь отпрыгнул, ушёл от новой атаки и зло уставился на Шарифа.

— Что, ничтожная мошка, не работают старые трюки? — захохотал Шариф. — Один раз тебе удалось застать меня врасплох, второй раз ты прятался за спиной моего драгоценного учителя. Как я и думал, сам по себе ты ничего не представляешь!

Ксинг озадаченно мотнул головой, но тут же пришло понимание: видать, бездействие Ксинга в башне Ахрибада Шариф посчитал слабостью. И если так подумать, всё, что колдун видел — это лишь первое сражение, а затем только обезвреживание артефакта, и значит, ни о силе Ксинга, ни о его возможностях не подозревал.

— Зато Шадиа надрала тебе твою плешивую бороду! — закричал Ксинг. — Так что тебе пришлось бежать из Ахрибада, опасаясь её гнева!

Ксинг беспокоился за свою возлюбленную, допускал, что с ней могло случиться что-то скверное, поэтому и решил спровоцировать колдуна на откровенность, хитростью вызнав столь важные сведения.

— Признаю, — сказал Шариф, не прекращая постоянные атаки, — что учитель стала немного сильнее. Но недостаточно, чтобы я не раздавил её, словно букашку, имейся у меня такое желание. Я и сам не возжелал. Сам оставил её в этом ничтожном Ахрибаде влачить жалкое существование. Никому не нужен блестящий кусок стекла, когда перед ним лежит огромный алмаз!

Ксинг не стал сдерживать смех. Колдун сам сообщил, что Шадиа жива и здорова.

— Ты находишь мои слова смешными, червь?

Ксинг подбежал к лежащей марионетке, вырвал у неё сердце, и ответил:

— Ничего более смешного я не слышал в жизни! Ты так говоришь, будто Могао уже у тебя в руках. Будто ты уже победил.

На этот раз с посоха сорвались чёрные поглощающие свет молнии, от которых Ксинг тоже предпочёл убежать. Куски камня, живых существ и деревьев, на которые они попадали, просто исчезали, превращаясь в идеально ровные круглые дыры.

— А я и так победил! — расхохотался Шариф. — Даже если ты снова сбежишь, скрывшись в какой-то дыре, Могао уже пал. Даже сильнейшим воинам Империи нет хода в аалам мастур, а значит, армию моих тритонов не остановить никому!

— Никому, кроме их матери! — выкрикнул Ксинг. — Которая обладает над ними намного большей властью!

Шариф оглянулся, увидел вереницы рыболодей, покидающих площадь и бегущих к воде. Его лицо исказилось от гнева.

— Что же, придётся закончить давно начатое дело! — сказал Шариф. — По моему недосмотру она осталась жить, но это ненадолго. Отсюда нет выхода.

Ксинг взлетел в воздух и снова ударил Шарифа цепом — колдуна следовало чем-то занять. Он проверил ци Сюэ, Пэйпэй, фуйина и предателя. Все четверо уже отошли достаточно далеко и наблюдали за схваткой с безопасного расстояния.

— По сравнению со мной, ты жалкая букашка перед Лахиб Шадид! Но теперь тебе предстоит ощутить мой гнев!

Из посоха вырвался новый ливень заклятий — молнии, искажения пространства и какие-то ядовито-зелёные шары, которые, взрываясь, оставляли в земле огромные ямы.

Ксинг вновь взлетел в воздух, вновь попытался разрушить кольца — на этот раз на другой руке Шарифа.

— Хочешь вновь сломать аалам мастур? — расхохотался Шариф. — В тот раз я был неосмотрителен, но больше такой ошибки не повторю. Ключевой мусавар теперь не со мной. Он спрятан в надёжном месте, и ты не найдёшь его даже за тысячу лет! Но не беспокойся, тебе не придётся искать так долго, ведь проживёшь ты не больше минуты!

Ксинг сплёл элементы Огня, Молнии, Земли и Металла, обрушивая на Шарифа каменные шипы, метая копыя рыболодей и огненные шары. Но на того ничего не действовало — рубиновая броня лишь вспыхивала ярче, отражая все атаки.

— Твой мусавар неплох, — снисходительно улыбнулся Шариф. — Но мусавары полезны лишь до определённого предела. Главное — это знания чародея и его талант! А такими заклятьями как у меня, тебе никогда не овладеть!

Ксинг удивлённо уставился на Шарифа. Слова показались очень знакомыми, что-то подобное Дариуш говорил Бао Сяо перед тем, как лишиться головы. Ну а значит, и самому Ксингу тоже следовало бы действовать по такому же сценарию.

Ксинг вытянул вверх руку и выпустил, наконец, сдерживаемую до сих пор ци. Поток чистой энергии ударил в безоблачное небо, растёкся по невидимому барьеру и надавил, ломая и искажая. Раздался мерзкий звук, словно тысяча дюжин человек скребли ногтями по слюдяным пластинам. Где-то далеко за горизонтом раздался взрыв, и в воздух взметнулось высокое грибовидное облако, видимое даже тут, из-за горы. Небо пошло светящимися трещинами и полыхнуло, а когда вспышка погасла, на нём появилось солнце, и бежали безмятежные облачка.

Ци Ксинга притянула парящего Шарифа, сковала его по рукам и ногами и опустила на землю. Не выдержав напряжения, рубиновая броня треснула и погасла.

— Ибаад Ила Аль-Уфук Аль-Баид! — закричал Шариф.

Круша и разрывая своей ци структуру заклинания, Ксинг осуждающе покачал головой. Неужели Шариф полагал, что один и тот же трюк удастся провернуть в третий раз? Он же сам только что сказал, что такое не работает!

— Мне и не нужны заклинания, как у тебя! — ответил Ксинг. — Мой цеп и так неплох!

Древесина пурпурного дуба засветилась от переполнявшей её ци. Ксинг взмахнул цепом и просто, без затей, разнёс Шарифу голову.

Что больше всего поражало Ксинга в жителях Могао — так это их невозмутимость. Через город прошла армия вторжения, изрыгающие огонь огромные монструозные марионетки и неуязвимые злые колдуны, но стоило всему закончиться, не прошло и полдня, как все принялись чинить дома, вытаскивать из воды обгоревшие остовы кораблей, убирать тела и открывать магазины. Наполовину сожжённый центральный рынок тоже заработал — вместо сгоревших лотков и будок ушлые торговцы уже ставили разноцветные палатки, и Ксинг мог поклясться, что в числе продаваемого товара он видел перепончатые когтистые лапы и гребни тритонов.

Самому ему тоже нашлось немало работы, пусть никто ничего и не просил. Ксинг носился по городу, исцелял раненых, разбираал завалы, восстанавливал стены и дома, а также сжигал трупы рыболодей. Наконец, когда день начал клониться к вечеру, Ксинг вышел в сопровождении Пэйпэй и Сюэ на берег, чтобы навестить Альмирах.

— Ты как? — спросил он, спрыгнув воду и подплывая к русалке.

— У меня всё хорошо, — ответила девушка. — Я собрала много тритонов, всех, кто остался жив.

— И что теперь с ними будешь делать? Это ведь настоящая армия!

Альмирах улыбнулась зубастой пастью.

— Пусть об этом думает мой отец. Наверное, поплыву домой.

— За помощь в обороне города, фуйин пожаловал мне...

— Помощь? — зашипела Альмирах. — Ты всё сделал сам! Если бы не ты, планы Шарифа увенчались бы успехом!

— Как скажешь, — усмехнулся Ксинг. — Фуйин пожаловал мне хороший особняк с большой территорией прямо на берегу моря.

— Он хочет тебя привязать к Могао, чтобы ты навсегда стал защитником города!

— А я ни капли и не против. Особенно если в этом особняке будет жить одна русалка.

Волна ци Альмирах принесла радость и удовлетворение.

— К сожалению, не сейчас. Мне понадобится немало времени — пара лет, но, скорее, все пять. Тритоны — ещё мальки, родились совсем недавно, Шариф вырастил их слишком быстро, они ещё ничего не понимают. Они даже не умеют толком говорить! Понадобится много времени и усилий, чтобы сделать из них нормальных морских подданных. И когда я стану свободна — вернусь.

— Мне пойти с тобой? — спросил Ксинг. — Я могу помочь.

— Прости, милый, но лучше не надо. Пять лет — это недолгое расставание, мы вскоре увидимся снова.

— Если тебя опять захотят выдать замуж...

— ...тогда отцу придётся осознать, что его дочка не только стала сильнее, но и имеет самую могучую армию на все четыре океана. За меня не беспокойся. К тому же, у тебя тут остались незавершённые дела!

— Дела? — не понял Ксинг. — Я тоже почти закончил. Найму слуг, чтобы приглядывали за особняком, а дальше смогу делать, что пожелаю. Моя цель...

— Да нет же, дурачок! Два очень важных и очень неотложных дела! — Альмирах несколько раз очень выразительно перевела взгляд с Ксинга на Пэйпэй и Сюэ, сделала пару ритмичных движений хвостом и облизнула зубастый рот ярко-красным языком.

— Развратная русалка! — рассмеялся Ксинг. — Не знаю, почему я не верил морякам, рассказывающим про ваш бесстыдный нрав!

— До встречи с тобой я была избалованной домашней девочкой, ещё не познавшей... Ох!

— Не беспокойся, он уже мёртв, — Ксинг погладил её по шершавой голове и почесал за гребнем, — и больше никогда в твою жизнь не вернётся.

— Знаешь, я ему даже благодарна. Если бы не он, я бы никогда не встретила тебя. А это стоит любых страданий.

— Мы можем вместе плюнуть ему на могилу. Из благодарности. Я тоже счастлив, что когда-то попал на тот остров.

Альмирах закинула ему на шею свои перепончатые лапы, и Ксинг прижал её в ответ. Он поцеловал твёрдые губы и сказал:

— Это очень похоже на прощание!

— На недолгое расставание, — поправила его Альмирах. — И пока меня не будет, найди свою Мэй! Я очень хочу с ней познакомиться!

Она ещё раз поцеловала Ксинга, вновь указала глазами на Пэйпэй и Сюэ, выскользнула из объятий и нырнула в воду. В воде замелькал её чешуйчатый хвост. Бухта словно вскипела, в воде плеснулись тысячи и тысячи дюжин рыбьих хвостов, направляясь прочь в море. Ксинг с тоской проводил Альмирах взглядом. Она была права, даже пять лет для культиваторов ци — совсем не срок.

Тихо и незаметно, словно вор, крался Ксинг по ночному городу. Яркий свет взошедших лун создавал глубокие тени, так что можно было бы даже не особо таиться. Но Ксинг всё равно скрывал своё присутствие и прятал ци. Он подошёл к одному из особняков, взобрался по стене к окну второго этажа и, используя элемент Земли, просочился сквозь каменную стену.

Комнату освещали несколько тусклых огней ци, скрытых внутри бумажных фонарей. Ксинг встал во весь рост и осмотрелся. Ширмы из бамбука и расписанной рисовой бумаги, пузатый лакированный шкаф, гравюры на стенах и большая широкая кровать, на которой кто-то лежал, укрывшись тонким одеялом.

Ксинг отпустил маскировку и проявил своё присутствие. Раздался женский вскрик, на кровати вскочила стройная фигурка, одетая лишь нижнее бельё, и, ничуть не смущаясь своего неподобающего вида, встала в боевую стойку.

— Кто здесь? Отзовись!

Ксинг не видел Сифэн уже несколько лет, так что молча стоял, предавшись созерцанию. За эти годы она изменилась очень мало, разве что чуть больше округлились грудь и бёдра, окутывая девушку ореолом зрелости.

— Я же обещал, что вернусь! — засмеялся он. — А настоящие герои всегда держат обещания. Не ожидал узнать, что дом Симынь...

— Ксинг! — закричала Сифэн и начала бить его в грудь кулаками. — Это ты! Ты во всём виноват! Это всё из-за тебя! Скажи, я уродлива? У меня скверный нрав? Или глупа, как бочка сельди?

Ксинг удивлённо уставился на Сифэн. Он был готов ко всему, но явно не к этой внезапной перемене темы.

— Ну может лишь слегка взбалмошна, — наконец, признал он. — Но, скорее, в очаровательном смысле.

— Тогда что не так с тобой? Если бы ты не ушёл, если бы остался со мной, мне бы не пришлось страдать с этим ублюдком! Ты бы получил всё! Власть, славу, деньги! И меня!

— Тебя я и так получил, — улыбнулся Ксинг её вспышке эмоций.

Он и сам не мог понять, что здесь делает. Проведать свою первую женщину? Посмотреть на жену предателя? Отомстить за что-то, за что он не понимал и сам? Выполнить, в конце концов, старое никому не нужное обещание, которое он сделал лишь для того, чтобы оставить последнее слово за собой?

— Ты! — накинулась Сифэн на него с кулаками. — Ты во всем виноват!

Ксинг перехватил запястья и вновь внимательно осмотрел её фигуру. Что бы он ни собирался получить, но вспышка эмоций этой разъярённой тигрицы вызывала лишь одно чувство. Он привлёк её к себе.

— Говоришь, брак с Ли Вэем вышел не слишком удачным?

— Эй, что ты делаешь? Отпусти!

— Пока что твой муж находится в темнице, но очень скоро будет казнён!

— Ну и что? Меня не волнует жизнь этого мерзавца!

— Зато меня волнует! Ведь когда его казнят, ты станешь вдовой!

— И я жду этого с нетерпением! Это из-за него я столько страдала! И из-за тебя!

— Ты кое о чём забываешь, — ухмыльнулся Ксинг. — У тебя есть возможность, пока он жив, заставить его страдать в ответ!

Сифэн замерла и уставилась на Ксинга подозрительными глазами.

— То есть ты хочешь...

— Я никогда не делил ложе с замужней женщиной, — признался он. — Но если ты против...

— Я тебя всё равно ненавижу, подонок! — ответила Сифэн, вырвав руки из его хватки.

Ксинг пожал плечами. Он стремился стать героем, а герои не насилуют жён злодеев. Каковой бы ни была вина Сифэн в прошлом, она её полностью искупила. Он повернулся и, не прощаясь, двинулся прочь.

— Эй, ты куда пошёл! — взвизгнула Сифэн, её ци выдавала искренне возмущение.

Ксинг неторопливо повернулся и удивлённо округлил глаза. Сифэн справилась с завязками баофу и стягивала его через голову, открывая лунному свету большую красивую грудь.

— Я ненавижу тебя! — повторила Сифэн. — Но его ненавижу ещё больше! И ты мне должен кое-что пообещать!

— И что же? — спросил Ксинг, хватая её за талию и привлекая к себе.

— Завтра, как примерная жена, я пойду в темницу проведать мужа. А ты составишь мне компанию!

От такого примера женского коварства Ксинг расхохотался и толкнул Сифэн на кровать.

Иногда кто-то говорит, что каждый раз нужно пробовать что-то новое, иногда — что проверенные методы самые надёжные. Ксинг любил новизну, но ничего не имел и против надёжных проверенных средств. Он проведал Сифэн ещё раз и навестил с ней в темнице её мужа, где, пользуясь своим авторитетом спасителя города, попросил стражу погулять на улице. После этого бывшая наследница дома Симынь показала своему супругу, сколь сильными могут быть женские обиды. Ксинг ничуть не возражал — ведь это тоже было новым опытом, а покрасневшее от ярости лицо предателя, изрыгающего проклятия и ругательства, очень забавляло. Сифэн упивалась мстостью, но новизна ситуации её тоже порядком завела. Так что они старательно продемонстрировали Ли Вэю всё содержимое любимых трактатов, не пропустив ни единого места и ни одной позы.

А потом Ксинг оккупировал кухню своего нового особняка и, попросив поваров и прислугу временно удалиться, занялся готовкой. И приготовил он старые, проверенные временем, надёжные и всё так же великолепные фуцзяньские булки.

На этот раз он не стал красться, словно вор, а в открытую подошёл к нужному дому и запросто постучал в ворота. В отличие от прошлого раза, дорогу ему не заступали каменные истуканы, а лишь вышла симпатичная служанка, которая тут же узнала Ксинга и позвала хозяев. Увидав возвышающийся во дворе черепаший скелет, искусно закреплённый на распорках, Ксинг помахал ему рукой, словно старому знакомому.

Ксинг не знал, почему Пэйпэй и Сюэ живут в одном доме, и почему ночью их ци всегда ощущалась рядом, пусть в трактате «Восемнадцать сливовых лепестков» на такое давалось достаточно намёков. Но сейчас их совместное проживание играло ему на руку.

— Кто к нам пришёл? — воскликнула Сюэ, увидав Ксинга. В её ци промелькнула искренняя радость.

— Наш спаситель и герой! — поддакнула Пэйпэй, тоже выходя во двор. — И что привело такого важного человека в нашу скромную обитель?

Ксинг оглядел жадным взглядом обеих девушек и одарил их самой злодейской улыбкой.

— Булки! — ответил он. — Нежные, округлые, аппетитные булочки!

Служанка смерила его осуждающим взглядом, но обе феи захихикали.

— А между прочим, я совершенно серьёзен! — сказал Ксинг и сдёрнул покрывало с подноса, который он держал в руках.

— Фуцзяньские булки! — хором воскликнули девушки.

Служанка с полным непониманием переводила взгляд с Ксинга на своих хозяек, пребывая в полной растерянности.

— Заходи, о великий герой! — сказала Пэйпэй. — Мы прикажем подать чаю.

— Чаю? — ухмыльнулся Ксинг. — Вам следовало бы знать, что к таким булкам лучше всего подходит вовсе не чай.

— Да? И что же именно подходит лучше всего? — поинтересовалась Сюэ.

— Персики! Сочные, большие, восхитительные, упругие персики! — ответил Ксинг.

— И сколько же персиков нужно сорвать? — затрепетала ресницами Пэйпэй. — Ты уверен, что у нас их хватит?

— У вас есть четыре, и этого достаточно!

Ксинг сунул поднос в руки оторопелой служанке и, подхватив хозяек дома за талии,

повёл внутрь.

А когда служанка действительно подала чай, фуцзяньские булки давно утратили свой хруст.

— Именем Императора, да святится его имя в веках и лунах! — раздался снаружи громкий усиленный ци голос. — Ксинг Дуо, выйди и склонись, чтобы выслушать его волю!

Ксинг недовольно мотнул головой, выбрался из-под переплетения женских тел, на мгновение задержался, чтобы полюбоваться картиной. Пэйпэй и Сюэ, потеряв Ксинга, ничуть не растерялись: сонно потянувшись, они заключили друг друга в объятия и принялись спать дальше.

Ксинг не стал искать городские одежды, а просто натянул на себя костюм из кожи саламандры. Прогнал через тело ци, сгоняя остатки сна, и вышел на улицу. Перед воротами его поместья прямо на брусчатке был разложен роскошный красный ковёр, на котором гордо стоял богато одетый чиновник. Вокруг ковра выстроились несколько столичных гвардейцев, а позади четверо носильщиков держали резной лакированный паланкин.

Ксинг почувствовал в медальоне, прикрепленном к свитку, знакомую по прошлой жизни яркую искру ци. Поэтому, не раздумывая, встал на колени, смиренно положив ладони на бёдра.

Первым его побуждением было, конечно же, сбежать. Бежать прочь, прямо по воде, а потом выхватить цеп и полететь как можно дальше. Ему было не до конца понятно, что же такого он натворил, но у него за душой имелось немало грешков. Впрочем, вряд ли Императору была интересна связь с женой предателя, либо же лишение чести дочери благородного рода. А насчёт рода Гао... Ксинг был уверен, что не оставил никаких следов.

— В первый день месяца Змеи года Деревянной Овцы... — начал зачитывать чиновник.

Если бы Ксинг не стоял на коленях, низко склонив голову, все бы смогли увидеть, как по мере чтения указа его брови ползут вверх. За прошедшие два с половиной месяца Император получил рапорты от фуйина, от бинчена, командующего городским гарнизоном и, наверняка, от доверенных мастеров ци, среди которых точно были Сюэ и Пэйпэй.

— ...и в связи с вышеизложенным, великий Владыка Подлунного Царства, Безупречный Правитель Тысячи Земель и Городов, Повелитель Дюжины Ветров, Сын Небесного Дракона его великолепие Император оглашает простолюдину Ксингу Дуо свою волю: незамедлительно отправиться в Нефритовый Дворец и лично предстать перед святейшим взором!

— Этот ничтожный слуга услышал и повинуется, — ответил Ксинг. — Слава великому Сыну Неба!

— Слава Императору! — хором вскрикнули гвардейцы, ударяя себя кулаком в грудь.

— Слава Сыну Небесного Дракона! — сказал чиновник. — Наш кортеж отправляется завтра на рассвете.

— Император сказал — незамедлительно! — напомнил Ксинг, которому ничуть не улыбалось целый месяц тащиться за гвардейцами и носильщиками паланкина.

Он метнулся в дом, быстро поцеловал Пэйпэй и Сюэ, выскочил на улицу и, выхватив цеп, взмыл в небо, сопровождаемый изумлёнными взглядами гвардейцев и чиновника.

Глава 25, в которой герой неожиданно для себя вспоминает деревенское прошлое

— Ух ты! — восторженно заявил Ксинг, задирая голову. С высоты Столица выглядела великолепно, но отсюда, снизу, она казалась ещё более величественной и грандиозной — со всеми яркими черепичными крышами, мощёной разноцветным камнем мостовой, высокими многоэтажными пагодами и могучими стенами, которые, казалось, достигают самих небес.

Чтобы не переполошить гвардию, он не стал подлетать на «Солнечном Жаворонке» и приземляться прямо в Нефритовом Дворце. На землю он опустился в часе неспешной ходьбы от города и добрался, как и полагалось, на своих двоих. Теперь он выглядел как настоящий путник — с кожаными одеждами, припорошенными дорожной пылью и приоткрытым ртом деревенщины, впервые попавшей в город.

— Что, паренек, поди не видал такого никогда? — добродушно обронил пожилой стражник, заметив его глупый вид.

— Ага! Вот смотрю и думаю, значит. Если эти дома такие высокие, так почему не падают?

— Это тебе не меня спрашивать, — расхохотался стражник. — Спроси у разных учёных из Академии. А я сам сколько тут живу, до сих пор не могу привыкнуть.

— Я знаю! Я догадался! — сказал Ксинг, вызвав у стражника удивлённый взгляд.

— Ну? — спросил тот.

— Милостью Императора! — тоном, словно растолковывает ребёнку очевидные вещи, ответил Ксинг.

— Это точно! — захохотал стражник. — Слава Императору!

— Слава Сыну Неба! — тут же ответил Ксинг.

— А ты куда спешишь, малец? — спросил стражник.

— Так во дворец! — не стал отпираться Ксинг.

— И с чего ты взял, что тебя туда пустят?

— Ну, меня пригласили! — пояснил он.

Стражник смерил Ксинга с ног до головы, почесал шлем и, легонько стукнув по мостовой копьём, спросил:

— А скажи-ка, малыш, каково твоё имя?

— Ксинг Дуо! — выпятил грудь Ксинг.

— Дуо? — расширил глаза стражник и внезапно расхохотался. — Что ж, я мог бы догадаться и сам! Уж больно ты здоров, прямо как медведь! Настоящий Дуо!

Ксинг удивился такому приёму, но махнул рукой — видать, о его появлении предупредили всю стражу, ну а дедуля просто чудил.

Выслушав наставления, как добраться до дворца, Ксинг благодарно кивнул, получил от стражника одобрителный хлопок по плечу и направился прочь.

Каждый подданный Империи имел право обратиться к Императору. Разумеется, не к нему лично — никто не смог бы решиться на такое святотатство, но прийти во дворец и изложить свою просьбу одному из многочисленных чиновников — запросто. Глупцов, кто бы злоупотреблял этой привилегией, было мало — во дворец приходили лишь самые отчаявшиеся, ведь если просьбу признавали мелочной или незначительной, просителя ждало наказание. Так что каменные плиты, ведущие в величественную громаду дворца почти

пустовали — то тут то там сновали одинокие фигуры в одеждах чиновников, да недвижимыми изваяниями застыли воины имперской стражи, в любой момент готовые сорваться с места и покарать нарушителей.

На входе во дворец, в самом почётном и важном месте, выстроились бойцы Нефритовой Гвардии Императора — элита из элит, воины ранга мастера. И ци одного из них показалась Ксингу очень знакомой.

— Бокин, старый ты болотный головастик! — воскликнул Ксинг. — Ты ли это? Вот уж кого не ожидал здесь встретить!

Бокин остался на месте, даже не пошевелившись, лишь движения глаз показывали, что он видит Ксинга и не является искусной статуей, наравне с огромными нефритовыми тиграми возле входа.

— Кто тут устраивает беспорядки? — послышался глубокий зычный голос. Из ворот дворца вышел пожилой гвардеец в особо богатых доспехах и с роскошными усами.

— Наверное, я! — помахал рукой Ксинг. — Встретил старого знакомого!

— И как же тебя зовут? — спросил гвардеец.

— Ксинг Дуо!

— Мы ждали вас, господин Дуо, только через месяц. Но я мог бы догадаться и сам, что вы придёте раньше. Гвардеец Юйфэн Дуо, вольно! Тебе запрещается покидать место службы, но разрешено говорить. Пять дюжин вздохов, не больше — это всё, что я могу позволить.

— Юйфэн? — удивился Ксинг. — Ах да, я же ушёл раньше, чем ты получил взрослое имя. Ну а что, неплохо!

— Ксинг, ты не поверишь! Мы все говорили, что это всё ты, но никто нам не верил! Они кивали головами и соглашались, мол, «правильно делаете, что не раскрываете секреты столь великого человека!»

— Бокин, то есть Юйфэн, ты о чём?

— Что ты больше не Фенг, ты теперь Ксинг! И что мы тебя дразнили генералом, потому что у тебя было не всё в порядке с башкой!

Ксинг понял, что Юйфэн сейчас потратит всё драгоценное время на подобный бессвязный бред, так что быстро направил разговор в нормальное русло.

— Лучше расскажи, как там наши, как Дуоцзя?

— Мы все старались! Тренировались, как ты нам и сказал! И как видишь, меня взяли в Нефритовую Гвардию! Потому что я тоже стал сильным!

— Мама и папа? Братья? Сёстры?

— Всё отлично! Айминь вышла за мастера Йи! Когда я пошёл на службу, у них уже было двое детей! И у матери твоей ещё один сын! И братья твои женились! Ещё бы не жениться, кто не хочет отдать дочь за таких богатеев! Из других деревень тоже приходили, готовы были терпеть даже бамбуковую палку, но не тут-то было! А, погоди, ты же об этом знаешь, ты тогда ещё не ушёл! Ну так вот женились, детей нарожали! Давно дома не был, может их детишки уже и ци освоили! Эх, получу дозволение, домой хочу съездить! Девки Дуоцзя самые красивые! Тут во дворце тоже бывают ничего, но наши...

— Гвардеец Юйфэн Дуо, ваше время вышло, вы снова на службе! — строго сказал командир.

Юйфэн вытянулся и снова замер неподвижной статуей. Ксинг хлопнул его по плечу и последовал за командиром.

Они шли по бесконечным коридорам, мощёнными полированными камнем, шли через галереи и садики с плодовыми деревьями и фонтанами, а затем остановились возле покоев с резными красными с золотом дверями.

— Хоть вы и прибыли раньше, господин Ксинг Дуо, — сказал командир, — но у нас почти всё готово. Разумеется, понадобится время, так что пока можете отдохнуть с дороги. Я распорядюсь, чтобы слуги наполнили ванну. Зайду за вами через два или три средних цикла.

Ксинг зашел в роскошную комнату, скинул ботинки и, не раздеваясь, вольготно растянулся на кровати. Он ничуть не устал и никуда не торопился, и что бы ни приготовила ему столица, он был готов. Пусть и в Ахрибаде, и в Могао он обустроивал свой быт, но только тут, во дворце, внезапно почувствовал себя так, словно вернулся в ту самую старую жизнь, когда он был Ханем Нао и ещё не встретил подлого учителя.

В комнату постучали, вошли две служанки и, получив разрешение, принялись готовить ванную. Во дворце имелась затейливая система труб, по которым поступала горячая и холодная вода, но Ксинг не стал ждать, пока наберётся ванна, а создал элемент Воды, вытянув влагу из воздуха и нагрел её элементом Огня. Разогнав прочь хихикающих служанок, он разделся и забрался в ванну. На полочке стояло множество травяных отваров и пенных средств для ванной, но Ксинг их использовать не стал, лишь достал из браслета несколько эликсиров собственного приготовления и вылил в горячую воду. И оставшееся время просто наслаждался спокойной культивацией в горячей воде, пропуская сквозь себя водную ци и лекарственную силу эликсиров.

Когда раздался стук в дверь, Ксинг уже был готов. Решив не переодеваться в дворцовые одежды, он надел свой костюм из саламандры, предварительно очистив его от пыли с помощью ци. Забирал Ксинга не командир гвардейцев, а какой-то неизвестный чиновник, что, немного поразмыслив, Ксинг нашёл естественным и самим собой разумеющимся. Чиновник вывел его в один из внутренних двориков и указал на паланкин. Ксингу не нравился такой способ передвижения, но он не стал противиться и забрался внутрь. Чиновник сел напротив. Восемь дюжих носильщиков, имеющих ци адепта, водрузили паланкин на плечи помчались вперёд быстрым слаженным бегом, как-то умудряясь это делать без малейшей качки. Ксинг поглядывал сквозь резьбу окон — но ничего интересного не видел. Вокруг паланкина мелькали пятна незнакомой ци: как простых людей, так и адептов, и одного мастера; сквозь щели в резьбе виднелись стены зданий, аллеи и парки. Ксингу было не о чем разговаривать с чиновником, ведь на прямой вопрос, куда они едут, тот не отвечал, отделяясь лишь общими фразами, мол, Ксинг увидит и так. Ксингу очень хотелось достать из-за спины цеп или выскочить наружу, чтобы выломать подходящую бамбуковую палку, но воспитывать чиновников прямо во дворце Императора было бы не самой удачной идеей.

Наконец, путь закончился, паланкин остановился у какого-то громадного здания, Ксинг видел только высокую белую стену. За стеной чувствовалась ци множества, дюжин и дюжин тысяч людей, не владеющих внутренней энергией, кроме, разве что, горстки адептов и пары мастеров.

— Желаю удачи! — сказал чиновник и указал на проход в стене, коридор, напоминающий Ксингу входы в шахты Ахрибада. Он пожал плечами и направился внутрь. Проход был длинным и прямым, не имел ни окон ни ответвлений, он заканчивался тяжёлой окованной железом металлической дверью, неожиданно напоминающей двери в главной башне Ахрибада. Ксинг потянул за кольцо и ступил внутрь.

Ци тысячь людей, которую он чувствовал мгновением ранее, исчезла, словно отрезанная невидимым барьером. Но сознание Ксинга затопило сияние трёх ярчайших пятен энергии, самых сильных, которые он когда-то встречал в жизни. Он вышел и осмотрелся по сторонам. Яркие лучи послеполуденного солнца освещали огромную арену, покрытую белоснежным песком. Вокруг на трибунах, отгороженных от арены мощными защитными талисманами, сидело множество людей, причём, в некоторых секторах преобладали одеяния знати, а в остальных — одежда простых горожан.

— Ксинг Дуо! — провозгласил громкий, торжественный голос. — Сейчас ты будешь измерен, взвешен и оценён за свои деяния!

Он не на шутку встревожился. Пусть Ксинг не припоминал за собой особых грешков, но такая арена слишком уж напоминала ловушку, а ци трёх сильнейших практиков несла в себе слишком сильные жажду крови и желание убивать. Может его самого приняли за пособника Шарифа, решившего провернуть какой-то коварный многоступенчатый план? Или может увидели, что армия рыболодей находится в его распоряжении, а значит следует устранить проблему, чтобы нападение на Могао не повторилось? Ну а может за времена его отсутствия Империя вступила в войну с морским царём, или же хунхуны снова взбунтовались, а раз Ксинг является их «ханом», то есть самым сильным воином, то его направили на показательную казнь?

Ксинг не собирался идти против Императора, но и покоряться разным жалким чиновникам, типа подонка Фу, тоже не имел ни малейшего желания. Поэтому он решил биться, даже если это окажется его последним боем.

Ксинг окинул противников пристальным взглядом — трое мужчин в богатых одеяниях, чьи длинные бороды, усы и брови выглядели очень странно на гладких, без морщин юношеских лицах. Яркое пятно привлекло его внимание, и глаза Ксинга едва не вылезли на лоб. За спинами этих мастеров, растекаясь по трибуне, находилось огромное алое полотнище с яркой белой надписью. И эта надпись была ему хорошо знакома. Старое изречение, написанное им в прошлой жизни:

«Если ты достоин, то ты достоин, и этого достаточно!»

Непрошенные слёзы навернулись на его глаза. Он знал! Знал, что когда-нибудь в будущем люди оценят его мудрость! Стоило пройти несколько большим циклам, как кто-то нашёл свитки Ханя на развалинах поместья Нао и воздал им должное!

Теперь Ксинг понял: как бы ни атаковали эти люди, их он убивать не будет! Ведь как можно причинить смерть тем, кто так тонко ценит смысл хорошего изречения?

Трое мастеров сорвались с места, накинувшись на Ксинга. У одного в руках был длинный клинок, у второго — гуань дао, ну а кулаки третьего окутались ярким сиянием.

Они были сильны и быстры, в другой раз Ксинг наслаждался бы поединком. Но ситуация была слишком серьёзной, так что он кинулся вперёд, отбил цепом гуань дао, создал на пути мастера с мечом каменную стену, а в кулачного мастера послал молнию. Как и следовало ожидать, все трое оказались слишком хороши, чтобы всерьёз пострадать. Мелькнул меч, разрезав стену на тысячи кусочков, с кулаков сорвались полупрозрачные тигриные морды и проглотили молнию, а гуань дао мгновенно восстановил равновесие и атаковал снова.

Ксинг взлетел в воздух и, наступая на воздушную площадку, прыгнул ещё выше. Из-под арены выстрелили зазубренные шипы, но мастера подпрыгнули и легко приземлились на острия.

— Длань Разгневанного Бога! — закричал кулачный мастер.

— Тысячекратный Вихрь Клинков! — крикнул мастер с мечом.

— Пронзающее Копьё Справедливости! — выкрикнул мастер с гуань дао.

Огромная ладонь с молниеносной скоростью устремилась на Ксинга, в воздухе появились полупрозрачные силуэты множества мечей, а также огромное светящееся остриё, похожее на шип. Ксинг едва не зарыдал от отчаяния. Пусть они и не представляли для него ни малейшей опасности, но это были техники! Настоящие техники с восхитительными и величественными названиями, достойными лучших кристаллов!

— Болезненные Тумаки Горной Деревни! — закричал он и кинулся вперёд, разбивая цепом ладонь, отбиваясь от клинков и ускользнув от копья.

Он подскочил к мастерам и начал незатейливо лупить их цепом:

— Техника Обмолота Риса! Техника Вязания Соломы! Техника Наказания Непослушного Ребёнка!

Мастера окутались разноцветными ореолами, использовав защитные техники и даже талисманы. Но Ксинг просто добавил в цеп чуть больше ци.

Пришлось немного попотеть — каждый из мастеров оказался намного крепче Шарифа. Ксинг был уверен, успеют ли они в Могао, то запросто справились бы с вторжением. Ведь они — не Ксинг, который знал только базовые способы культивации из обычной имперской библиотеки, поэтому больше полагался на кулаки.

Но упорный труд, как Ксинг продемонстрировал беззвучно ревущей толпе, тоже имел значение. И если достаточно сильно ударить, можно победить любого мастера.

Первым сдалась защита мастера с гуань дао. Оружие вылетело из его руки, отлетело прочь и вонзилось в песок. Ксинг ударил цепом по боку, отправляя его на землю, а потому нанёс удар по предплечью, ломая руку. Вторым он побил кулачного мастера, отправив его валяться рядом с товарищем. Ну и напоследок упал на песок, усыпанный обломками шипов, мастер меча.

Ксинг почесал затылок — не слишком ли сильно он бил, и не перестарался ли? Но все трое остались живы, так что беспокоиться было не о чем.

На арену из-за барьера выпрыгнули ещё девять человек — и ци каждого из них сияла ничуть не слабее его недавних противников.

Поэтому Ксинг решил отнестись к сражению максимально серьёзно: он перестал сдерживать свою силу, до предела ускорил циркуляцию ци и двинулся, словно молния, между противниками, нанося каждому по одному тщательно отмеренному удару — достаточному, чтобы пробить защиты, но не настолько сильному, чтобы разорвать противника напополам. Не прошло и дюжины сердцебиений, как всё закончилось. Ксинг обуздал свою ци и огляделся по сторонам, готовясь к новой схватке.

Но схватки не последовало. На изукрашенный помост одной из трибун вышла одинокая фигура мужчины в богатых расшитых голубыми драконами одеждах. У него была сильная ци, пусть и слабее любого из встреченных на арене мастеров. Но это означало лишь одно — он умел скрывать ци даже лучше самого Ксинга! Ксинг сразу понял, кто это — поэтому тут же опустил на колени.

— Что скажут почтенные мастера? — спросил Император.

Ксинг легонько повернул голову, не понимая, что происходит.

— Достоин! — крикнул мастер с гуань дао, поднимаясь на ноги и баюкая сломанную руку.

— Достоин! — подтвердил кулачный мастер, удерживая повреждённый бок.

— Достоин! — присоединился мастер мечей, не имея сил встать с земли.

Один за другим мастера высказывали своё мнение, подтверждая, что Ксинг достоин.

— Ты достоин, и этого достаточно! — сказал Император и, развернувшись, скрылся в глубинах помоста.

Вперёд на помост вышел богато одетый чиновник и провозгласил зычным голосом:

— Оценочный поединок закончен, и Сын Неба высказал свою волю. Ксинг Дуо признан достойным называться грандмастером ци, об этом будет объявлено по всей Империи! Также великий Владыка Подлунного Царства, Безупречный Правитель Тысячи Земель и Городов Повелитель Дюжины Ветров, Сын Небесного Дракона взвесил поступки Ксинга Дуо и его вклад в оборону провинции Дулуьхай и нашёл их похвальными. Засим ему дарована личная аудиенция перед ликом Императора, где Ксинг Дуо получит причитающуюся награду. И состоится аудиенция ровно через месяц от сего дня. До тех пор Ксинг Дуо остаётся гостем Императора и занимает гостевые покои Нефритового Дворца. Трепещи, Ксинг Дуо! Впервые в истории Империи сия честь оказана простолюдину!

Ксинг искренне улыбнулся. Если честь оказана впервые, то даже мерзавец-учитель, тоже бывший простолюдином, её не удостаивался. Это значило пусть небольшую, но очень важную победу Ксинга! Первую из множества блистательных побед!

Дождавшись, когда чиновник удалится, Ксинг встал, развернулся и подошёл к мастерам. Пусть они пострадали и в поединке, но от его цепа, а значит, кому, как не Ксингу, их предстояло лечить?

Несмотря на то, что Ксинг их едва не изувечил, что избил, почти не сдерживаясь, цепом, мастера не держали на него зла. А уж тем более, когда он прошёлся по раненым и, используя ци сердечного даньтяня, не только исцелил им раны, но и убрал одному из них застарелое повреждение колена (в которое когда-то в молодости, как рассказал мастер, попала стрела) — так и вообще стал чуть ли не родным внуком.

Несмотря на моложавый вид, мастера оказались стариками, самому молодому из которых (и лишь недавно ставшему грандмастером) исполнилось девять дюжин лет, а самый старый не помнил свой возраст и сам.

А затем все отправились назад, не используя никакие техники быстрого движения, а идя неспешно, заложив руки за спину. Ксингу, привыкшему не терять ни мгновения, было очень трудно поддерживать такой темп, ему хотелось сорваться с места и побежать. Он решил, что пусть это станет очередной тренировкой — тренировкой терпения. По дороге с арены во дворец, мастера осыпали Ксинга вопросами.

— Мастер Ксинг, для меня было честью сразиться с вами! — сказал кулачный мастер.

— Ну что вы, мастер Чжао, — поклонился в ответ Ксинг. — Это вы оказали мне честь поединком!

— Ваша школа очень необычна, — задумчиво сказал Чжао. — У кого из достопочтенных мастеров вы учились?

— Э-э-э, — стушевался Ксинг.

— Если не желаете говорить, то это ваше полное право!

— Да нет же, мастер Чжао! — попытался объяснить Ксинг. — Я не знаю его имени. Он велел называть его просто «учителем».

— Ну разумеется! — улыбнулся Чжао. — Не думайте, что это что-то необычное. Скрытый эксперт, отшельник, удалившийся от мирских соблазнов, чтобы медитировать

вдали от суетного мира и посвятить свою жизнь совершенствованию боевого искусства и техник ци!

Ксинг скривился, вспомнив «отшельника», который не только постоянно лапал матушку Лихуа, так ещё и удалялся от мирских соблазнов, сжирая все блюда, которые матушка пыталась передать Ханю, чтобы спасти того от голодной смерти.

— Мастер Чжао упускает очень важный и довольно очевидный момент, — вмешался в разговор мастер Шицзян, самый старший из грандмастеров. — А именно полное имя мастера Ксинга.

— Разве, — удивился Чжао. Он на мгновение задумался, а затем его лицо озарила улыбка. — Дуо! Ну конечно же! Я должен был догадаться и сам. Ну тогда неудивительно, что ученик столь великого человека стал той самой молодой порослью, которая, окрепнув и пустившись в рост, затмила нас, стариков!

Ксинг скривился. Он не мог понять, причём здесь Дуоцзя и каким образом Чжао и Шицзян догадались, что его учил негодяй-учитель, но то, что этого подонка называли «великим» очень бесило. Он злился не на мастеров, а на себя — сравнение с мерзавцем ещё раз показало, какой длинный путь ему ещё предстоит пройти.

Когда-то Хань Нао мечтал оказаться в Нефритовом Дворце, побывать среди аристократии, познакомиться с наследниками других домов, встретить важнейших чиновников Империи и мастеров ци. Генерал Гуанг Нао, считая сына позором семьи, в столицу его не брал, «чтобы не ронять репутацию рода Нао ещё ниже». Хань очень злился на отца и считал, что когда-нибудь настанет день, когда ему выпадет возможность блистать среди высшего общества.

И теперь словно какой-то злой демон исполнил его желание, но в совершенно извращённом, вывернутом наизнанку виде.

Ксинг действительно попал во дворец. Он беседовал с наследниками, многие из которых были его старше, с чиновниками и мастерами. Он лакомился блюдами дворцовой кухни, найдя их очень неплохими, но ничуть не лучше собственноручно приготовленных или блюд мастера Бохая. В своём костюме из кожи саламандры он выделялся, словно дикий волк из разноцветной собачьей своры, но переодеться в шелка так и не потрудился, несмотря на увещевания слуг. Похоже, грандмастеру ци прощались и не такие вольности, так что остальные лишь бросали странные взгляды, но никто ничего не сказал.

Единственное, что доставляло удовольствие — это общение с мастерами и грандмастерами ци. Увы, Ксинг ещё раз убедился, что в Империи многое приходит в упадок, и эта участь не избежала даже боевые искусства. Ксинг услышал несколько описаний техник, а также результатов их действия, выяснилось, что они тратят непомерно много ци, принося лишь скромный результат. Ксинг было расстроился, но потом воспрял духом — как бы ни открыты были мастера, но никто не стал бы делиться настоящей секретной техникой с почти что полным незнакомцем! Ещё мастера говорили, что ци можно пробудить только после первой дюжины лет — но в этом тоже не было ни малейшего смысла, ведь сам Ксинг пробудил свою ци в семь. Поэтому он лишь согласно кивал, соглашаясь, и не лез в чужие дела.

На этих праздниках Ксинг чувствовал себя чужим. Он помнил рассказы отца о «молодых надеждах Империи», по сравнению с которыми Хань Нао являлся полным позором рода и причиной бесконечного стыда. Но, пообщавшись со многими наследниками,

нашёл их речи скучными и пустыми, а уровень культивации многих едва дотягивал до адепта. Чиновники же любили разговаривать о совершенно неинтересных Ксингу вещах, таких как налогообложение, ирригация, строительство дорог, судебные тяжбы — всё, от чего он старался держаться подальше. Так что он с нетерпением ждал, когда окончится этот бесконечный месяц до аудиенции Императора, чтобы, наконец, покинуть дворец и либо вернуться в Могао, либо закончить разбирать свитки в пространственном браслете, создать марионетку-рулевого и слетать в Ахрибад, чтобы навестить Шадию. Он несколько раз пытался обнаружить следы Мэй, расспрашивая чиновников и молодёжь, но ничего не добился, лишь один из расфуфыренных наследников рассмеялся, сказав загадочное «она ненастоящая».

Впрочем, нашёлся ещё один фактор, который сделал пребывание среди высшего общества почти что приемлемым. И этим фактором оказались женщины. Ни одна из них, конечно, не могла сравниться не только ни с Мэй, Шадией или Альмирах, но и не дотягивала до Пэйпэй, Сюэ и даже Сифэн. Но заслуживающие внимания красотки всё равно встречались, так что на одну такую Ксинг время от времени бросал жадные взгляды. Тонкое облегающее платье, высокий разрез до середины бедра, большая грудь и красивое лицо с изящными чертами — с такой бы Ксинг с удовольствием обсудил содержание некоторых любимых трактатов!

Он прикрыл глаза, отстраняясь от окружающего шума, от снующих тут и там неинтересных людей, обсуждающих свои неинтересные сплетни. Задумался о том, сколько всего предстоит совершить и как далеко пройти, чтобы найти Мэй, отыскать учителя, сразиться с ним и, наконец-то, выяснить, были ли последние годы Ксинга водопадом, или он до сих пор остался всё той же глупой рыбёшкой, плещущейся в уютном тёплом пруду.

— Мастер Ксинг? — раздался рядом приятный женский голос. Ксинг понял кто это, он сразу узнал ци той красавицы, которая ему приглянулась ранее. Он открыл глаза и улыбнулся.

— Весь двор о вас только и говорит, — прошептала девушка. — И понятно почему. Я видела ваш бой, это было так... так...

— Мастера оказали мне честь, сдерживая свои удары, — сказал Ксинг. — Были столь любезны, что позволили мне выиграть!

— Но вы были столь свирепы, столь быстры! Я почти не могла уследить за вашей схваткой! Мастер Ксинг, по двору о вас ходят странные слухи. Можете ли вы подтвердить или опровергнуть?

— А что за слухи? — удивился Ксинг. — Спрашивайте, я готов ответить на любые вопросы столь очаровательной девушки. Очень обстоятельно и подробно.

— Мастер Ксинг, — томно прошептала девушка, придвигаясь к Ксингу, демонстрируя богатое содержимое выреза своего шёлкового платья, — все говорят, что вы — не из аристократии, что вы выросли, как какой-то дикарь, в деревне!

— И это истинная правда, — рассмеялся Ксинг. — Я действительно вырос в деревне, в углу неба на краю океана, среди гор и болот.

— И вы занимались всякими крестьянскими шутками? — спросила девушка громким заговорщицким шёпотом.

— Какими именно?

— Ну, к примеру, доили эту, как её, корову?

Ксинг ещё раз бросил взгляд в вырез её платья и облизнул губы.

— Я прекрасно умею доить корову! — улыбнулся он девушке. — И если вас интересует эта тема, то готов не только рассказать, как это делается, но и показать. Вот только с демонстрацией существует маленькая проблема.

— И какая же? — спросила девушка, почти навалившись на него всем телом.

— В коровьем вымени четыре соска. И, боюсь, демонстрация выйдет неполной.

— О, на этот счет, мастер, не волнуйтесь — с томным придыханием протянула красotka, «вымя» которой уже было готово выпрыгнуть из платья, — сейчас подойдёт моя подруга, вместе как раз будет четыре.

Обе красотки оказались очень любознательными, их интересовало всё, что касалось жизни в деревне. Так что помимо дойки коров, Ксинг показал им расчистку русла ручья, уборку в хлеву, как надо мять тесто или лакомиться вкусными фруктами из сада. Помимо коров, в деревне имелось немало пушистых друзей: славных игривых овечек, быстрых задорных козочек и важных нахохлившихся курочек. Ксинг показал девушкам, как надо чистить длинную красную морковь, перед тем как её съесть, как высасывать влагу из срезанного бамбука, когда одолеет жажда, и что надо делать с дуплом диких пчёл, полным сладкого мёда. И девушки с радостью предавались простым деревенским радостям.

Ксингу пришлось немало постараться, подавляя собственную ци, ведь иначе тело воспринимало выпитые вина как слабые яды, мгновенно обезвреживая винный дух. Но в итоге он своего добился и всё-таки сумел опьянеть.

Имея под боком двух столь прилежных учениц, он больше не тяготился ожиданием, а проводил время очень плодотворно.

Оставшееся до приёма время пролетело в одно мгновение. И не успел Ксинг опомниться, как в его покои раздался стук.

Он выбрался из переплетения двух женских тел и, прикрывшись одной лишь простынёй, отправился открывать двери.

— Мастер Ксинг, мы прибыли, чтобы помочь подготовиться к приёму! — сказал пожилой слуга.

Подчинённые ему служанки несли несли какие-то отрезки ткани, кисточки, щёточки и гребни. Одна из служанок катила большое ростовое зеркало на затейливых колёсиках. Ксинг пригласил их внутрь.

Вновь запустив подавленную циркуляцию ци, Ксинг почувствовал, как уходит похмелье, как текущая в крови выпивка распадается, теряя свою силу. Как очищается сознание, возвращая ясность мысли.

Ксинг ощутил, словно вернулась частичка прошлой жизни, когда к нему подходили верные слуги и омывали тело, а затем одевали в наряды из роскошных тканей. Когда расчёсывали ему волосы, припудривали щёки и подкрашивали глаза. Но за эти годы он настолько привык всё делать сам, что, стоя с раскинутыми руками перед зеркалом, не испытывал ничего, кроме раздражения. Ему хотелось срочно сбежать, смыть пудру и тушь, сорвать эти тряпки, а вместо них надеть верный кожаный костюм, не рвущийся ни от стрел, ни от колдовских заклинаний, ни от техник ци.

Чтобы хоть как-то отвлечься и не мешать слугам делать свою работу, Ксинг сосредоточился на отражении в зеркале. И настроение сразу улучшилось.

Его лицо укрывал красивый ровный загар, ничуть не напоминающий эти бледные покрытые пудрой лица придворных. Вместо глупых нелепых причёсок, его голову венчала

копна волос, стриженных чуть ниже плеч, что придавало его облику суровости и неудержимости. Вместо тонких, словно тростинки, рук и ног придворных и выпуклых от чрезмерных излишеств животов, в зеркале виднелась сильная мужественная фигура с крепкими мускулами и широкими плечами. Но всё это великолепие меркло перед его лицом с красиво очерченными скулами, твёрдым подбородком, ясным лбом и прямым носом. С какой стороны ни глянь, но именно лицо Ксинга говорило каждому встречному, что этот красивый юноша не какой-нибудь чиновник, придворный или школяр, а воин и настоящий герой! Конечно, для завершения героического облика требовались не шёлковые одеяния, а верный кожаный костюм и цеп за спиной, но на приём к Императору не ходят с оружием и в боевых доспехах!

Ксинг вспомнил внешний вид учителя и не смог сдержать смеха. Он уже неоднократно замечал, насколько превзошёл мерзавца внешностью, но именно сейчас разница была максимально очевидной. Да и как можно сравнивать ту сведённую в злобных гримасах физиономию с ясным безмятежным ликом Ксинга? Как можно сравнивать те мерзкие грязные шкуры, с бесценным костюмом из кожи огненной саламандры? Как можно поставить кривую сучковатую палку, которой он дрался, рядом с цепом — шедевром лучшего ученика Гонга Бунтао, сделанным из древесины Пурпурного Дуба и Звёздной Стали?

Тем временем слуги заочинили наряжать Ксинга, низко поклонились и удалились. Все, кроме пожилого слуги.

— Пойдёмте, мастер Ксинг, — сказал слуга. — Я проведу вас к залу для аудиенций.

Ксинга было трудно удивить роскошью. В прошлой жизни он являлся младшим наследником великого рода, в этой — не только немало путешествовал, покинув родную деревню, но и ограбил бесчисленное количество башен колдунов Ахрибада, а уж те-то прекрасно знали толк в излишествах и богатстве.

Но всё равно, приёмный зал Императора впечатлял.

Множество огромных окон с резными переплётами. Полированный пол из полудрагоценных камней, алые лакированные колонны из ценных пород дерева. Драгоценные вазы и гравюры, а также роскошный золотой трон посередине зала.

Помимо Императора, величественно восседавшего на троне, в зале стояли две дюжины Нефритовых Гвардейцев, высокопоставленный чиновник и, почему-то, мастер Шицзян.

Ксинг прошёл вперёд, ближе к трону и опустился на колени. Император встал и спустился с высокого помоста. Чиновник и мастер Шицзян опустились на одно колено, стоять остались лишь гвардейцы.

— Подними голову, Ксинг Дуо, — сказал Император.

Ксинг немедленно подчинился, жадно всматриваясь в лицо Сына Неба, пытаясь запечатлеть в памяти каждую величественную черту.

— Мы довольны тобой, Ксинг Дуо, — сказал Император. — Тобой и твоей службой на пользу нашей Империи.

— Служу Императору разумом и сердцем! — немедленно отозвался Ксинг.

— Мы получили рапорт от фуйина Могао, чиновников и мастеров ци. Предатель Ли Вэй был подвергнут дознанию, так что тоже рассказал важные подробности. Твоё вмешательство помогло предотвратить серьёзный кризис, с которыми Империя не сталкивалась более трёх сотен лет. Ты проявил не только мужество и решительность, не только искусство владения

ци, достойное грандмастера, но и политическую прозорливость, найдя могущественного союзника. И вот личность данного союзника пока что овеяна покровом тайны. Не хочешь ли что-то сказать?

— О великий Сын Неба, её имя — Альмирах, она — дочь морского царя, возлюбленная и будущая супруга вашего недостойного слуги. И она обладает даром контролировать морских воинов, которых презренный Шариф подчинил своей воле с помощью чернейшего колдовства!

Ксинг не мог и не собирался лгать ни в едином слове, но долгие объяснения были неуместны, а значит, ему придётся написать подробный рапорт сразу после приёма.

— Вот как? Ну значит с наградой мы не ошиблись. Было бы политически неправильно, чтобы столь важные связи поддерживал простолюдин, пусть и из той самой деревни мастеров. Встань на одно колено, Ксинг Дуо, ведь с этого момента тебе даровано наследное дворянство четвёртого ранга и право основать свой род. Также в своей милости мы оказываем доверие и позволяем тебе, Ксинг Дуо, являться пред наши очи вооружённым. Есть ли у вас определённое оружие, на которое ты хотел бы испросить дозволения?

— Только цеп, о великий Сын Неба, — склонил голову Ксинг, подняв колено.

— Да будет так! Как грандмастер Империи ты имеешь право милостиво просить аудиенции, но, в связи с твоими заслугами, аудиенция будет предоставлена в кратчайший срок. Есть ли у нашего верного подданного особые пожелания? Богатство? Правительственный пост? Женщины? Земли?

— О, великий Сын Неба, — сказал Ксинг, — даже если бы у вашего недостойного подданного не было всего, что ему нужно, он не осмелился бы просить.

— Это похвальная скромность, мы довольны тобой, Ксинг Дуо. Поэтому в качестве дополнительной милости, ты получаешь право на одну просьбу. И коль эта просьба лежит в пределах наших сил, мы её удовлетворим. Но будь осторожен, Ксинг Дуо, дворянин четвёртого ранга, неуместные прошения могут вызвать наш гнев.

Ксинг молчал, признавая справедливость слов Императора.

— Ну что же, Ксинг Дуо, дворянин четвёртого ранга и грандмастер ци, вытяни руки и прими не награду, но лишь свидетельство признания твоих умений.

Он беспрекословно повиновался, и в его руки легла тёплая гладкая на ощупь нефритовая табличка, внутри которой мягко светилась искра ци самого Императора.

— Будь верен Империи, Ксинг Дуо. Не опозорь оказанное тебе доверие. Служи с честью.

Император развернулся, и его ци стала удаляться. Когда она скрылась в соседних покоях, Ксинг поднял голову.

— Аудиенция закончена! — провозгласил чиновник.

Вот только Ксинг его не слушал. Он неверящим взглядом вчитывался в золотые надписи, украшающие колонны зала для аудиенций. Где, среди мудрых изречений военачальников прошлого, высказываний предыдущих Императоров имелась ещё одна очень знакомая надпись, принадлежащая кисти Ханя Нао:

«Слабый лелеет обиды, сильный — меняет себя и мир»

— Заходите, мастер Ксинг, — радушно поприветствовал его мастер Шицзян. — Не изволите ли чаю?

— С удовольствием, — ответил Ксинг, протягивая поднос. — Я тоже пришёл не с

пустыми руками.

— Фузцяньские булки! — радостно воскликнул мастер Шицзян. — Редкость даже здесь, при дворе. Присаживайтесь.

— Мастер Шицзян, а вы можете обращаться ко мне на «ты»? — попросил Ксинг, усаживаясь за изящный чайный столик. — Мне всего две дюжины и я не был ни дворянином, ни грандмастером, так что такое обращение мне непривычно.

— До сих пор не мог к этому привыкнуть, — улыбнулся Шицзян. — Стать грандмастером в столь юном возрасте — огромная редкость даже для нашей богатой талантами Империи.

Ксинг сжал зубы. Он прекрасно понял, на кого мастер намекает. Если бы обстоятельства сложились по-другому и подлый Шариф устроил нападение чуть пораньше, то Ксинг стал бы грандмастером в двадцать три, на год опередив мерзавца-учителя, став лучше его и в этой части!

— Мастер Шицзян, — сказал Ксинг, когда они неторопливо выпили чаю, закусили хрустящей булкой и с удовольствием выдохнули по длинному языку огня, — простите за неуместную назойливость и за вопиющее невежество. Я много странствовал как по Империи, так и за её пределами. И теперь не могу понять, почему все знают о моей деревне?

Шицзян взял ещё одну булку, неторопливо ею захрустел, выпустил изо рта язык огня и запил чаем.

— Мы, мастера ци, всегда ценим верность просьбам учителя, но чему он не научил жителей вашей деревни, так это складно врать.

— Врать? — удивился Ксинг.

— Сначала рапорту сборщика налогов четвёртого ранга никто значения не придал. Тот сообщал что в деревне Дуозця, которую можно найти только на самой подробной карте Империи, начали культивировать ци. В этом нет ничего особо необычного — волей досточтимого предка нашего Императора культивация ци не только дозволена всем, включая простолюдинов, но и рукописи с методами культивации можно получить в любой имперской библиотеке. Необычным показалось другое — культивировала вся деревня. Разумеется, никто не поверил таким небылицам. Справедливо сочтя рапорт ложным, сборщика налогов наказали тремя ударами палки по пяткам. Вот только...

— Только что? — с нетерпением заёрзал на стуле Ксинг.

— Вторым тревогу забил пятый чиновник над монетой. Подати, идущие из одной-единственной деревни стали увеличиваться, причём, с каждым годом всё больше и больше, превратившись из скудного практически сухого ручейка в полноводную горную речку. На ложный рапорт это уже списать не получалось, так что в деревню направилась инспекция. И знаешь, Ксинг, что она там обнаружила?

— Догадываюсь, — усмехнулся Ксинг.

— Ну конечно же догадываешься! Кому это и знать, как не тебе? — расхохотался Шицзян. — Сборщика податей восстановили в должности и прибавили жалование. Оказалось, что он написал чистую правду. Вся деревня культивировала! И делала это с помощью невиданных до сих пор изошрённых методик. Как ты знаешь, возможности адепта ци намного выше обычного человека. И представь, что будет, если эту ци он начнёт использовать в крестьянском труде! Кузнец может нагревать горн безо всяких дров, угля, либо же огненного камня, его изделия станут намного лучше и качественней. Крестьянин — носить огромные тяжести, при этом не только не получая хворей, но, наоборот, становясь

лишь здоровее. Гончар может лепить из обычной глины такие горшки, которые не уступают даже столичному фарфору. Скорняк — запросто выделывать любые шкуры! Да, культивация раньше была привилегией знати, ведь только они могут позволить себе выделить на неё время. Вот только новый метод, который практиковали в Дуоцзя, позволял культивировать не вместо, а во время работы! Каждый крестьянин Дуоцзя обладал силой, и ещё какой! Многие мальчишки искали приключений, так что узнав, что смогут стать воинами Императора, мгновенно согласились. В составе той инспекции я был лично, так что моей осведомлённости не удивляйся. Видел бы ты эту деревню! Хотя чего это я, ты-то как раз и видел! Каменные дома с черепичными крышами, большие запасы еды, позволяющие пережить любую зиму, там даже сами производят бумагу!

— Вы правы, мастер Шицзян, я всё это знаю, — Ксинг попытался вернуть разговор к нужной теме. — Но всё равно не пойму что тут такого чудесного? И почему вы решили, что жители деревни лгут?

— Разумеется, ты не понимаешь, — рассмеялся Шицзян, — ведь для тебя это простая обыденность. Для любого чиновника Империи превращение глухой вымирающей деревушки в процветающий городок — сродни схождению Двенадцати Богов. Что касается лжи... Разумеется, мы расспросили всех жителей о той великой личности, которая принесла им всё это богатство! И знаешь, что они ответили? Что это, а-ха-ха, маленький ребёнок, не получивший даже взрослого имени!

Ксинг уставился на грандмастера:

— Но ведь это истинная правда! Я сам...

— Оставь Ксинг! Смысла скрывать уже нет. Или ты думаешь, что в качестве инспекции отправились столичные протиратели халатов? Конечно же, мы провели мягкий опрос — заметь, не допрос, ведь допрашивать верных подданных Императора, используя пытки и дознавательные талисманы — это варварство и кощунство, неуютное воле Сына Неба. Мы даже пробовали исходить из того, что в твоей деревне говорят правду! В этом случае нам пришлось бы сузить все теории до одной-единственной. Полагаю, ты догадываешься какой.

— Реинкарнация... — прошептал Ксинг.

— Правильно! Реинкарнация! Генерал Фенг мог быть одним из героев прошлого, возродившимся в этой деревушке и продолжившим свои героические деяния. Прежде чем эту теорию отбросить, мы над ней здорово посмеялись. Ксинг, не обижайся, твоя деревня очень миленькая, но для того, чтобы возродиться в ней, а не стать одним из своих потомков или, если род всё-таки не уцелел, родиться в семье учёного, чиновника или воина — он должен был совершить что-то ужасное, заслуживающее от богов или предков столь сурового наказания. Но допустим, допустим. Допустим генерал Фенг решил искупить свои злодеяния и сделал это очень успешно. Техники и методы культивации не возникают из ниоткуда и не исчезают в пустоте. Каждый метод основывается на каком-то предыдущем и каждый оставляет круги на воде. И методики, по которым тренировались крестьяне, были одновременно очень новаторскими, и, в то же время, в их основах лежали многие базовые техники, которые ты сам можешь найти, посетив любую библиотеку. И некоторые из этих техник тоже не стары! Но даже так, мы можем предположить, что генерал Фенг культивировал в уединении, получил немало озарений, придумал множество великолепных и невиданных доселе вещей, потом совершил ужасающее злодеяние, вызвавшее гнев богов, после чего получил наказание и столь жалкое перерождение. Пусть слишком много натяжек и совпадений, но всё равно возможно.

Мастер Шицзян сделал паузу, чтобы глотнуть чаю.

— Но тут вступает в силу ещё один фактор. Возраст генерала Фенга! Не настоящий возраст, конечно же, а та глупость, о которой нам рассказывали крестьяне. Они сказали, что генерал убил речное чудовище в семь или восемь лет. Это значит, что уже в это время он должен был не просто культивировать ци, но и достичь как минимум ранга адепта! Ксинг, я понимаю, ты очень молод, предпочитаешь действие скучному чтению пыльных свитков. Но тебе следует изучить и теорию. До двенадцати лет пробудить ци невозможно! Думаешь этого не пытались сделать? Думаешь нашёлся бы благородный род, который не хотел бы, чтобы его наследник стал культивировать намного раньше сверстников, чтобы первым обрести силу? Думаешь, для такого не использовались любые методы и любые эликсиры? Существует невидимый барьер, преодолеть который пока что никому не удалось! Если бы жители твоей деревни сказали, что генералу было, скажем, пятнадцать лет или хотя бы четырнадцать — тогда действительно имелся бы некоторый повод для раздумий. Разумеется, мы не поверили в сказки о восьмилетнем практике ци, обследовали деревню и обнаружили всю правду! Пойдём!

Шицзян встал и стремительной походкой направился прочь из своих покоев. Ксинг поспешно последовал за ним. Они преодолели несколько лестниц, прошли через галереи и коридоры и вскоре очутились возле больших богато украшенных дверей, которые охраняли двое Нефритовых Гвардейцев.

Шицзян распахнул двери и зашёл внутрь. Ксинг осмотрелся по сторонам и удивлённо распахнул глаза. В зале, ярко освещённом множеством светильников ци находилось множество загадочных и старинных предметов. Мечи, доспехи, флаги, обломки каких-то машин, свитки и книги.

— Дворцовое хранилище реликвий! — пояснил мастер Шицзян. — К примеру, вот Облачный Меч второго Императора, вот — парадный доспех Яшмового Генерала, вот тут — штандарт Неукротимого Дракона...

Ксинг являлся великим почитателем знаменитого полководца и уже было кинулся смотреть на штандарт, как новые слова мастера Шицзяна полностью завладели его вниманием.

— А вот и знаменитая рукопись твоего уважаемого наставника.

Сама мысль, что мерзкая писанина негодяя-учителя оказалась здесь, во дворце Императора, наполнила сердце отчаянием. Ксинг словно зачарованный подошёл к мастеру Шицзяну и опустил взгляд на широкий постамент, на котором лежала грубая книга из жёлтоватых разрозненных листов бумаги. Глаза Ксинга расширились, и он потерял дар речи.

— Теперь ты понимаешь, сколь глупо было скрывать имя учителя? — усмехнулся Шицзян. — Но я прекрасно понимаю и тебя, и остальных жителей Дуозця. Если бы стои великий человек о чём-то попросил меня, я бы тоже говорил, что камни мягкие, вода сухая, а яркое пламя феникса морозит, словно зимняя буря.

Ксинг ничего не ответил, а лишь раз за разом перечитывал одну и ту же надпись: «Простые тренировки для каждого и на каждый день». Сверху обложки размашистыми и острыми, словно удары клинка штрихами было написано одно-единственное короткое имя: «Фенг».

— Признаться, найти такое сокровище в отдалённой деревне — истинная удача, ниспосланная самими Двенадцатью Богами! Мы не знаем, в какой исторический период столь великий человек был генералом, не уверены даже, что это его настоящее имя. Но такие

глубокие познания в культивации ци, такие яркие озарения, такой гладкий слог и столь глубокие полные мудрости высказывания указывают, что он прожил на свете не меньше десятка больших циклов. Даже я, читая эту книгу, чувствовал себя несмышлёным ребёнком, который бессмысленно потратил сотню лет, культивируя неправильно. А посмотри на эти иероглифы! Сколь велико его искусство, сколь полны силы и решительности эти движения кисти! Даже последний глупец не поверит, что это рука ребёнка!

Ксинг молчал. Его мир перевернулся, он чувствовал, что какая-то невидимая сила рвётся из его сердца, но никак не мог ухватить это ощущение.

— Селяне показали нам скелеты демонических зверей, убитых генералом Фенгом. Даже наконечник копья, который он сковал. И скажу я тебе, убить Рогатого Демонического Степного Волка с его неуязвимой для оружия и техник шкурой — непосильная задача даже для мастера. Ну а такой подводной твари я не видел последнюю сотню лет. И копьё! Казалось бы, обычное железо, но сделано столь искусно, что смогло выдержать даже не просто могучую ци генерала, а — вот, видишь эти следы на металле? — Молнию: сдвоенный элемент, которыми способны овладеть не все мастера даже после дюжин и дюжин лет безуспешных попыток. Ещё я видел надпись на входе в деревню, чувствовал в дереве остатки ци! На столь тонкую работу неспособны даже столичные краснодеревщики!

Чувство какой-то непонятной мысли, которую он вот-вот должен ухватить, стало невыносимым. Ксинг тихо прохрипел:

— Надписи!

— Ах да, надписи! Рукопись полна глубочайшей мудрости, причём касающейся не только культивации и боевых искусств. Прочитав эту рукопись, мы смогли немного приподнять завесу над тайной загадочной личности генерала Фенга. Высказывания его столь глубоки, что нам понадобилось немало времени, чтобы распознать их истинный смысл. После того, как Сын Неба прочитал эту рукопись, он отдал распоряжение считать её одной из Шести Дюжин Небесных Сокровищ, теперь её копии находятся в каждой достаточно крупной имперской библиотеке. Многие образцы этой мудрости Император распорядился вывесить во дворце. Моё любимое: «Жизнь — это бесконечное сражение, и человек должен каждый день побеждать самого себя», оно лучше всего характеризует сложный и многогранный характер генерала, его стремление к самосовершенствованию и к преодолению пределов.

Ксинг застыл на месте. Мысли, роящиеся водоворотом, словно разом взорвались в голове.

— Я... я... я должен срочно идти! — прохрипел он. — Я не знаю... Не знаю почему... Но должен...

— У тебя случилось озарение, — пояснил Шицзын. — Цени и лелей это чувство, не пытайся ему сопротивляться или подавлять. Это одно из самых ценных событий в жизни мастера ци, и его нельзя упустить. Иди, Ксинг, ты должен быть там, куда зовёт твоё сердце. Ни о чём не беспокойся, я обо всём позабочусь.

Ксинг успел лишь коротко кивнуть, как сорвался с места и побежал. Он не помнил, как добежал до покоев, как сорвал с себя дворцовые одеяния, как надел костюм из кожи саламандры, натянул ботинки и подхватил цеп. Он выбежал из дворца и помчался улицами Столицы, иногда взмывая в воздух и перепрыгивая здания.

У него действительно случилось озарение, он осознал одну-единственную, но очень важную вещь. Учителя он превзошёл! Возможно, не в силе, но сила теперь не имела ни

малейшего значения. О деяниях Ксинга слагали легенды, цитаты висели в Нефритовом Дворце и являлись национальным достоянием, книга, написанная им в детстве, заняла почётное место в каждой имперской библиотеке. Демоны, грызшие его сердце почти полторы дюжины лет, оказались мелкими безобидными пылинками, которых сдул порыв весеннего ветра.

— Мне и не нужно становиться таким, как ты, — громко сказал Ксинг невидимому негодяю-учителю, процитировав любимого героя. — Я и так хорош!

Ксинг не стал лететь на цепи или доставать из браслета «Жаворонок». Он просто бежал, как бежал когда-то, покинув родную деревню. Бежал по мощёным центральным дорогам, сворачивал на узкие лесные тропки, перепрыгивал небольшие горы и ущелья. Он чувствовал на своей душе ни с чем не сравнимое чувство свободы, ведь теперь его не тяготили никакие обязательства и не гнала недостижимая цель. Впервые за много лет ему было наплевать кто он — икринка, живущая в болоте, яркая юркая рыбёшка или же почтенный карп, увидавший водопад, увенчанный драконьими вратами. Теперь он мог просто жить, наслаждаясь каждым днём, каждым лучиком солнца и каждой капелькой культивируемой ци.

Теперь он больше не злился ни на родителей, ни на учителя, ни на духов предков. Да, он всё ещё тосковал по Мэй, но ясность мыслей, дарованная озарением, подсказывала, что эта светлая тоска останется с ним на всю оставшуюся жизнь, ничуть не мешая любить остальных своих женщин. И прежде чем отправиться к Шади в Ахрибад, а потом в Могао на встречу с Альмирах, где немного погостить у весёлых Сюэ и Пэйпэй или проведать страдающую вдову Сифэн, ему хотелось только одного: посетить руины дома Нао, навестить могилы родителей и проститься со своим прошлым, окончательно свернув свиток предыдущей жизни.

Ци бурлила в его теле, яркое состояние озарения придавало сил, ему не требовалось ни отдыха, ни сна. Он бежал со скоростью, недостижимой ни зверю, ни человеку, вокруг мелькали дороги, горы, города и деревни, но чутьё вело его, словно стрелка того самого непонятного «компаса», напрямик в родной дом.

Он не знал, сколько так бежал, но для него это не имело значения. Ему не требовалось ни есть и не пить — ведь силы поддерживала яркая ци, бурлящая в его теле. Любая одежда и обувь давно бы развалились, не выдержав нагрузки, вот только кожа саламандры вновь показала себя с наилучшей стороны.

Пейзажи изменились, и Ксинг, заметив знакомые ориентиры замедлил скорость, а потом и вовсе перешёл на шаг. За прошедшие большие циклы тут ничего особо не изменилось: всё так же вились дороги, всё так же расстилались леса и горы, всё так же текли речки. Ксинг шёл, вдыхая такой родной воздух, любясь мелькающими то тут то там духами природы, и чувствовал, как у него щиплет в глазах. Увидев вдалеке знакомый пригорок, за которым дорога должна поворачивать к поместью Нао, Ксинг остановился. Он готовился к этому моменту, жаждал его во время этой сумасшедшей гонки, а теперь просто боялся сделать следующий шаг.

Даже зная, что некому его встретить, он поправил цеп и дарованную императором табличку грандмастера, убрал с одежды и тела пыль. Его усиленные чувства играли злые шутки, он словно чувствовал вдалеке отблески ци отца и матери, воинов и прислуги. Ему хотелось проститься с призраками прошлого, а не встретить их вновь, так что Ксинг снова сделал то, чего не делал многие и многие годы — отключил восприятие ци, заставляя Цилия погасить свой Взор.

Ощущая странную робость и нежелание сделать последний шаг, Ксинг выругал себя, обозвал трусом и решительно направился вперёд. Он не знал, что увидит — проклятое населённое призраками место, древние руины, или же довольных членов другой семьи, либо занявшей пустующее поместье, либо же построившей на его месте что-то новое.

Преодолев пригорок, Ксинг остановился и замер. Ему показалось, что простые человеческие глаза сыграли с ним злую шутку.

Вдалеке за пригорком виднелись абсолютно целые дома и строения, именно такие, какими он их помнил по своей прошлой жизни. Главное поместье, помещения для слуг, сады и пруды, тренировочная площадка на которой до сих пор занимались воины, конюшни и склады, и даже святилище предков. О том, что случайный путник попал на территорию рода Нао предупреждали одиноко стоящие ворота с загнутой черепичной крышей.

На негнущихся ногах Ксинг подошёл к воротам. Блеснуло белое пятно, и Ксинг увидел полузасохшее деревцо, на ветке которого висел свиток драгоценного каньдуньского шёлка, где, писанная алыми чернилами, добытыми вручную из особых мидий, обитающих только на дне океана, горела каллиграфическая надпись:

«Настоящий мужчина должен высадить столько деревьев, чтобы хватило на дом, полный сыновей, и ещё осталось»

Новая волна озарения залила его разум. Наконец-то разрешилась ещё одна загадка, мучившая его все эти годы. Теперь он точно знал, как зовут ненавистного учителя, человека, чей образ терзал его все это время, того, кем он намеревался стать, а затем и превзойти.

Он понял, что окончательно превзойти учителя у него не получится никогда. Ведь учителя, простого парня из дальней деревушки Дуоцзя, на которую наконец-то перестали сморкаться боги, звали Ксинг Дуо. Но в то же время цитата величайшего мыслителя и героя Подлунной Империи генерала Фенга гласила: «Жизнь — это бесконечное сражение, и человек должен каждый день побеждать самого себя».

Раздался стук копыт и Ксинг, наконец, перестал подавлять своё восприятие. По дороге из поместья стремительно приближалась кавалькада всадников, ци одного из них была такой сильной, такой знакомой и такой родной. В глазах защипало, и Ксинг смахнул непрошенные слёзы. Он знал, что будет дальше, пусть и не ведал деталей, но легче от этого не становилось.

Всадники приблизились, заметили его и замедлились, затем окончательно остановились. Ксинг ощущал их внимание и в то же время делал вид, что продолжает изучать свиток, висевший на деревце.

При новом взгляде на свиток его посетило ещё одно внезапное осознание — в этой жизни ему удалось то, что не удалось в прошлой. В горах хунхунов он посадил столько деревьев, что хватило бы не только на дом, но и на целое огромное поместье! Сыновья у него тоже имелись. И даже если брать только тех, которые родились среди бадави, то это уже немало. Ну а если учесть пасынков, в рождении которых участвовало не семя, но его ци — то вместить их всех не смог бы и Нефритовый Дворец!

Ряды всадников разошлись, и вперед выдвинулась родная Ксингу ци, но он продолжал смотреть на свиток, «не замечая» происходящего за спиной, как «не замечал» когда-то жестов и поступков торговца Цзина и его дочери.

В ци отца отразились волнение, изумление и узнавание, затем он спешил и зашагал к Ксингу. Отец, всегда решительный и смелый, теперь словно бы немного робел внутри, но в то же время его ци отражала готовность к действию. Не слишком поздно и не слишком рано,

Ксинг отвел взгляд от свитка и развернулся навстречу тому, кого хотел бы обнять изо всех сил и перед кем упасть на колени, покаяться в собственной глупости и попросить прощения за всю ту боль, что причинил в обеих своих жизнях. Пауза, пока Ксинг «не замечал» всадников, помогла ему укрепиться духом и высушить слезы, и сейчас лицо его было абсолютно спокойно, словно он и правда просто случайно проезжал мимо.

— Мастер Ксинг Дуо? — сказал рослый широкоплечий мужчина с аккуратной бородкой, облаченный в дорогой доспех.

— Да, это я. А вы, полагаю, прославленный генерал Гуанг Нао? — в свою очередь спросил Ксинг. — Я удивлён, что вы меня узнали.

Отец отправлялся на войну с хунхунами, но Ксинг знал, что никакой войны не будет. Ксинг уже однажды победил этих варваров, и если нужно, отец напомнит им, что значат воины Императора!

— Как я мог не узнать самого молодого грандмастера ци? — улыбнулся генерал. — Я, как-никак, генерал Империи, нам сообщают о любых изменениях баланса сил. Я получил свиток с вашим портретом и краткой биографией, даже просмотрел кристалл с вашим оценочным боем. Отмечу, что он вышел гораздо более впечатляющим, чем все глупые кристаллы моего сына вместе взятые.

Ксинг улыбнулся. Не только воспоминаниям о кристаллах, которые в итоге действительно оказались полной глупостью, он просто был счастлив видеть отца. В обеих жизнях у него было только двое настоящих родителей — Гуанг и Лихуа Нао, и теперь он в полной мере осознал, как же ему их не доставало. Сердце Ксинга забилося от нового озарения. Если живы родители, то значит жива и Мэй, с которой ему ещё только предстояло познакомиться.

При словах «моего сына» ци отца преисполнилась решимости и готовности действовать.

— Грандмастер Ксинг Дуо! — торжественно сказал генерал Гуанг. — То, что я встретил вас, это настоящий знак небес! Вы — ровесник моего сына, но столького достигли! И сейчас, прошу вас, выслушайте просьбу этого недостойного родителя!

Он опустился перед Ксингом на колени и низко опустил голову, практически коснулся ею земли. Воины мгновенно спешили и последовали примеру своего предводителя. У Ксинга сжалось сердце, так ему хотелось подскочить и поднять отца, но он продолжил стоять, пытаясь укрепить себя мыслью, что это лишь ещё одно испытание твёрдости духа.

— У меня есть ленивый и непутёвый сын Хань. Я люблю его, люблю больше жизни, моё сердце болит, когда я вижу, во что он превратился. Меня не волнуют ни позор, ни насмешки. Умоляю вас, помогите! Я знаю, что вы из Дуоцзя, а значит, вы учились у генерала Фенга и знакомы с его методами, значит, вы можете...

— Встаньте, генерал Гуанг! — сказал Ксинг сквозь слёзы, едва сдерживаясь, чтобы самому не упасть на колени перед отцом. — Негоже столь славному полководцу становиться на колени перед кем-либо кроме Императора, да святится его имя в веках и лунах. Не надо больше слов! Я помогу вам и сделаю из вашего сына настоящего воина!

— Я готов заплатить, мастер Ксинг, заплатить чем угодно! — сказал генерал, оставаясь на коленях.

Голову он все же вскинул, и в глазах Гуанга Нао тоже стояли слезы, пополам с надеждой.

— Я не нуждаюсь ни в деньгах ни в услугах, — сказал Ксинг, наклоняясь и помогая отцу

подняться с земли. — Но с радостью помогу с решением проблемы человеку, которого я так безмерно уважаю.

Генерал поднялся и, словно не веря в происходящее, не отрывал взгляда от Ксинга. Тот злодейски ухмыльнулся.

— Говорите, ваш сын ленив и непутёв? Любит смотреть глупые кристаллы? Ничего, это всего лишь временные трудности!

Ксинг стоял на балкончике поместья Нао, обнимал девушку своей мечты и смотрел на бушующую непогоду за окном. Чёрные облака закрывали луны, с неба били оглушительные молнии, обрушиваясь на святилище предков, в небе летали призраки, а во все стороны прыскали перепуганные духи природы. Потустороннее зеленоватое сияние разливалось по земле, а вокруг резкими порывами завывал ветер.

Сейчас он испытывал, не сожаление, а мягкую светлую печаль. Маленькая болотная икринка не заметила, как сначала стала рыбёшкой, выбралась из тёплого пруда и теперь отправлялась покорять свой бесконечный водопад.

Обучая младшую копию самого себя, Ксинг не чувствовал ни малейшей злости или ненависти. Хань Нао казался ему милым бестолковым братишкой, которого следовало наставить на правильный путь со всей силой родственной любви и со всей крепостью бамбуковой палки.

Ксингу пришлось проявить немалую силу воли, чтобы не кинуться за Ханем вслед, не попытаться его остановить. И удержало его вовсе не беспокойство о нарушении законов мироздания, которое, несомненно, возникло бы при вмешательстве в течение времени, а лишь понимание, что он не имеет никакого права лишать младшую копию себя захватывающего полного приключений путешествия, шанса на становление героем. Ведь головастик, зовущийся Ханем Нао, заслужил возможность стать карпом и совершить прыжок через драконьи врата!

Неосознанный страх Ксинга, что Мэй окажется не такой, как он представлял её в своих мечтах, оказался напрасным. Как оказалось, будучи Ханем Нао, он узнал её недостаточно хорошо, ведь смотрел только на сногшибательную внешность, не замечая при этом решительность, отвагу, яркий любознательный ум и весёлый игривый нрав. И теперь, прижимая к себе её гибкое тело, Ксинг чувствовал, словно в этом безумном мире всё встало, наконец, на свои места, что-то сдвинулось и потекло в порядке, завещанном Двенадцатью Богами.

— Это всё? — спросила Мэй. — Он, то есть ты...

— Да, я умер, — улыбнулся Ксинг. — Чтобы снова возродиться и, наконец, найти тебя.

— Меня и ещё двух женщин! — двинула Мэй ему в бок кулачком.

— Тебе они понравятся, — улыбнулся Ксинг. — Если честно, они обе во многом на тебя похожи, пусть одной из них три с лишним сотни лет, а вторая — чешуйчатая русалка с гребнем и острыми зубами.

— До сих пор не верится, какой же глупой я была, — сказала Мэй, разглядывая запястье, на котором покоился изящный браслет, напоминающий, в отличие от его собственного, произведение ювелирного искусства, — как убеждала тебя, что никаких пространственных колец не существует.

— Их и не существовало, — напомнил Ксинг, — до тех пор, пока я не придумал, как их можно сделать. Так что ты была права.

— Нет, не права. Или не всегда права, — звонко засмеялась Мэй. — Ты забыл, что по времени кольцо ты создал гораздо раньше нашего последнего спора об этом.

— До сих пор не могу привыкнуть ко всем этим временным...

— ...трудностям, — подсказала Мэй. — Если бы кто-то, пусть даже прославленный

грандмастер Ксинг Дуо, рассказал мне об этом раньше, я бы тоже ни за что не поверила.

Безумство ци и природы, так похожее на Небесное Воздаяние, которого, как теперь знал Ксинг, в реальности не существует, начало сходить на нет. Утих ветер, ударила последняя молния, а призраки, успокоившись, вернулись в семейное святилище. Ксинг окинул поместье своим духовным восприятием и убедился, что слуги, родители и гости, в чьей ци мелькал страх, постепенно приходят в себя.

— Пойдём, — сказал Ксинг, — мы должны поторопиться. Мама в положении, и последнее, что ей сейчас надо — так это известия о смерти её любимого сына.

Он направился прочь, но Мэй удержала его за руку. Ксинг остановился и одарил её вопросительным взглядом. Лицо девушки оставалось серьёзным, но ци выдавала безудержное веселье.

— Ты должен знать, о могущественный Ксинг Дуо, что я недостойна тебя!

Ксинг громко расхохотался, наклонился и крепко поцеловал её в губы.

— В моих глазах ты достойна, — ответил он фразой своего любимого героя, — и этого достаточно!

Несмотря на позднюю ночь, Гуанг Нао и его жена Лихуа были полностью одеты. На боку генерала висел созданный Ксингом меч, а поверх богатых одежд накинут верный доспех.

Узнав, что грандмастер Ксинг Дуо хочет обратиться к ним с официальной просьбой, генерал предложил направиться в Малую Яшмовую Приёмную — по странному совпадению, ту самую комнату, где произошла первая встреча Ксинга и Ханя.

— Что привело вас в столь поздний и страшный час, мастер Ксинг и Мэй Линь? — зычным голосом спросил генерал.

Ксинг опустил перед ним и госпожой Лихуа на колени, а рядом преклонила колени Мэй. Госпожа Лихуа удивлённо вскрикнула — она, являясь представительницей высшей знати, прекрасно понимала, что фигура уровня Ксинга не преклоняет оба колена ни перед кем.

— Грандмастеру не подобает стоять на коленях даже перед Императором! — сказал генерал Гуанг.

— Вот только сыну никогда не зазорно стать на колени перед родителями, — ответил Ксинг. — Генерал Гуанг, отец. Матушка Лихуа. Я и Мэй Линь любим друг друга и просим вас благословить наш брак.

— И что же заставляет столь прославленного мастера называть нас родителями? — спросила госпожа Лихуа. — Почему он считает что мы, скромные члены рода Нао, достойны дать ему благословение?

— Потому что... — в горле Ксинга застрял комок, он ждал этого момента и очень боялся. Боялся причинить муки той, кого так сильно любил — своей драгоценной матери. — Потому что я — Хань Нао, ваш сын.

Госпожа Лихуа посмотрела на него очень странным взглядом. В её ци не было ни злости, ни недоверия, только странное томление, словно застарелая тоска.

— Я всегда хотела, чтобы мой Хань когда-то стал таким как вы, — наконец, медленно сказала она. — Я чувствовала между вами родство, словно вы — родные братья. Но... Но прошу вас, мастер Ксинг, не играть чувствами любящей матери.

Генерал Гуанг напряжённо молчал. Его ци выражала одновременно и недоверие, и

яркую, затаённую надежду. Ему очень хотелось, чтобы слова одного из самых могущественных людей Империи не оказались глупой неуместной шуткой.

— Я, Ксинг Дуо! Я Хань Нао! Клянусь перед ликом богов, славными ликами предков моего рода, что сегодня я ушёл из жизни, чтобы отправиться в дальний путь. Отец! Прости что я был таким беспокойным сыном! Спасибо тебе и матери за вашу любовь!

Как и когда-то раньше в комнате раздалось завывание ледяного ветра. Как и когда-то раньше застыло ледяными сосульками пламя свечей и замёрзли светильники ци. Как и раньше, посреди комнаты возник тёмный провал, из которого с громким воем появились извивающиеся змеиные и драконьи тела духов предков.

Все источники света погасли, но из-за разлившегося по комнате мертвенного сияния, стало светло, словно днём.

Генерал Гуанг и госпожа Лихуа склонились в низких поклонах. Ксинг поднял голову и посмотрел в глаза самому большому и яркому призраку, тому самому, которого он когда-то увидел первым, подав в глаза ци.

— Спасибо, — искренне сказал Ксинг. — Спасибо, что вразумили своего глупого потомка. Спасибо, что позволили прожить новую, полную смысла жизнь. Спасибо за то, что вели меня своей мудростью все эти годы. И спасибо за то, что позволили встретиться с вами снова. Я Ксинг Дуо, урождённый Хань Нао, перед ликом богов и предков клянусь хранить и оберегать славный род Нао, защищать его от всех врагов, внешних или внутренних, при жизни и после смерти. Простите меня за то, кем я был раньше, и благословите того, кем я стал сейчас!

И достопочтенный предок, генерал Лянг, основатель рода Нао, известный как Неукротимый Дракон, положил на голову Ксинга свою когтистую лапу, принимая полученную клятву.

Больше книг на сайте - Knigoed.net